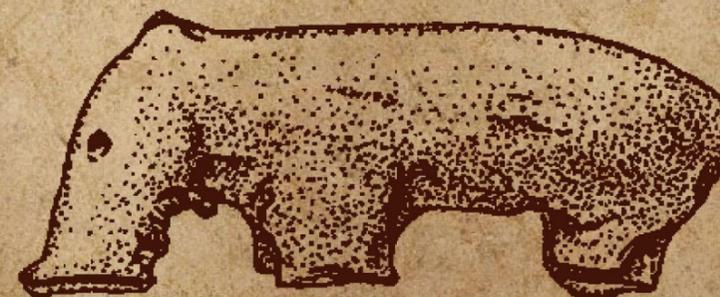

LIV РАЗСК

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР
НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

КРАСНОЯРСК 2014

LIV Региональная
(X Всероссийская с международным участием)
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КРАСНОЯРСК 2014

ISBN 978-5-7638-2877-1

9 785763 828771

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

LIV Региональная
(X Всероссийская с международным участием)
археолого-этнографическая конференция студентов, аспирантов
и молодых ученых, посвященная 130-летию открытия Афонтовой горы
и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры

(Красноярск, 25–28 марта 2014 года)

Тезисы докладов

Красноярск
СФУ
2014

УДК 902(08)
ББК 63.4я4
С568

Проведение конференции и публикация материалов конференции осуществлены при финансовой поддержке проекта РГНФ № 14-31-01502 «Проведение LIV Региональной (X Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии”».

Рецензенты:

д-р ист. наук Л. Ю. Китова; д-р ист. наук В. С. Мыглан

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук П. В. Мандрыка (отв. ред.); канд. ист. наук Е. В. Акимова; М. С. Баташев; К. В. Бирюлева; канд. ист. наук А. С. Вдовин; Ю. А. Гревцов; канд. ист. наук А. Л. Заика; канд. ист. наук Л. А. Кутилова; канд. ист. наук Н. П. Макаров; Л. А. Пупаева; П. О. Сенотрусова; И. В. Стасюк; Ю. А. Титова; канд. ист. наук С. М. Фокин; канд. ист. наук В. М. Харевич; А. В. Южакова

С568 **Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии** : тез. докл. LIV Региональной (X Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 130-летию открытия Афонтовой горы и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры, Красноярск, 25–28 марта 2014 г. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – 336 с.

ISBN 978-5-7638-2877-1

Представлены результаты новейших исследований в области археологии, этнографии антропологии, музееведения, охраны историко-культурного наследия и смежных дисциплин, выполненных студентами, аспирантами и молодыми учеными.

Предназначено всем интересующимся историей и смежными историческими дисциплинами.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 902(08)
ББК 63.4я4

На эмблеме конференции изображена глиняная фигурка медведя(?),
которая прикреплялась к краю сосуда.
Находка из поселения Проспихинская Шивера-I (Нижнее Приангарье) V–X вв. н. э.,
работы АЭ СФУ 2009 г.

ISBN 978-5-7638-2877-1

© Сибирский федеральный университет, 2014

Предисловие

Археолого-этнографическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (РАЭСК-LIV) посвящена двум важным событиям в археологии не только Сибири, но и всей Евразии – 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры.

Афонтова гора как палеолитический памятник известна каждому археологу нашей страны. В школьном учебнике по истории Древнего мира представлялась фотография каменных орудий первобытного человека из Афонтовой горы и указывалось, что в это время человеком была приручена собака. Мало кто знал, что доказательства последнего ученые получили тоже из раскопок на Афонтовой горе, где в разные годы было обнаружено несколько черепов от этого «одомашненного волка».

Открытие палеолитических слоев на Афонтовой горе в 1884 г. было не случайным. С конца 1870-х гг. «ревностный археолог» – директор учительской семинарии Иван Тимофеевич Савенков – проводит краеведческие экскурсии по окрестностям Красноярска и собирает во многих местах археологические изделия. В 1883 г. в глубокой промоине у с. Ладейского (в правобережной части современного г. Красноярска) он находит вместе с костью первобытного быка каменное орудие палеолитического облика с «грубой оббивкой, языковидных очертаний...», схожих с типами орудий сент-ашель и мустье». Эта находка вселила уверенность в И. Т. Савенкова в возможность открытия палеолита на Енисее. Летом следующего 1884 г. он при первом же посещении карьеров кирпичного завода на Афонтовой горе по всему ее склону собирает на разных высотах каменные орудия, осколки и обломки костей животных. Сборы с разных местонахождений на горе продолжались и в последующие годы (до 1893 г.). Однако только посещение этих мест приглашенными авторитетными исследователями Сибири: горным инженером И. А. Лопатиным, ученым, общественным деятелем и публицистом Н. М. Ядринцевым, геологом И. Д. Черским – окончательно утвердило предположения И. Т. Савенкова о четвертичном возрасте лессов, а значит, и о палеолитическом возрасте находок. В 1892 г. И. Т. Савенков докладывает свои выводы о возрасте находок из Афонтовой горы на Международном антропологическом конгрессе в Москве и находит поддержку своих взглядов со стороны французского археолога барона Ж. де Бая.

По возвращении из длительных варшавской и минусинской «командировок» в Красноярск в 1914 г. И. Т. Савенков составляет обширную программу исследования Афонтовой горы и летом начинает проводить организованные им методически совершенные раскопки. Однако 1 сентября того же года он скончался, не успев до конца воплотить в жизнь задуманное. Похоронили Ивана Тимофеевича на Троицком городском кладбище на Покровской горе.

За всю историю изучения Афонтовой горы как археологического объекта на ней работали многие исследователи. В 1912 г. сборы орудий и фауны проводит А. Н. Соболев, тогда же фауну начинает изучать еще молодой гимназист В. И. Громов. В 1919 г. проводят разведочные работы на памятнике Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский. В 1920 г. к ним присоединяется австрийский археолог Г. Мергарт, принятый в это время на службу в музей. Позже, с 1923 по 1925 г., Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и В. И. Громов развернули на широкой площади раскопки под дачей Юдина (Афонтова гора II) и на

участке раскопа И. Т. Савенкова у нефтесклада (Афонтова гора III). К своим работам они привлекали юных красноярцев, на раскопах проводили экскурсии для школьников города. В 1924 г. эти раскопки посетил ведущий археолог страны В. А. Городцов и высоко оценил результаты работы. В 1930 г. на Афонтовой горе свои последние исследования проводит Н. К. Ауэрбах. Затем разведочные работы осуществляет Г. П. Сосновский, а в 1933 г. В. И. Громов открывает новый участок Афонтовой горы II. В 1937 г. он организовал экскурсию участников XVII Международного геологического конгресса по разрезам Афонтовой горы и во время экскурсии французским делегатом Фромажье из культурного слоя была извлечена часть черепа человека. В 1940 г. последние разведочные работы на Афонтовой горе проводит и Г. П. Сосновский. Позднее в Красноярский краевой краеведческий музей с Афонтовой горы поступают отдельные находки эпохи неолита, в том числе и материалы из неолитических погребений, которые опубликованы А. П. Окладниковым и Н. П. Макаровым.

После работ Г. П. Сосновского раскопки палеолитических слоев на Афонтовой горе были прекращены до начала 1990-х гг. Только небольшие зачистки на отдельных разрезах делал С. Н. Астахов, обобщая материалы для своего диссертационного исследования. В 1992, 1995, 1996 гг., а с 2001 г. ежегодно планомерные раскопки здесь проводит Е. В. Артемьев. К 100-летию открытия палеолита на Енисее в 1984 г. в Красноярске была проведена большая конференция, участники которой установили мемориальную доску в память о первооткрывателе палеолита на Афонтовой горе – И. Т. Савенкове.

Материалы из Афонтовой горы и их интерпретация занимают достойное место при анализе взглядов на палеолит Сибири, который дан в обобщающих работах Г. П. Сосновского, Г. Мергарта, В. Е. Ларичева, С. Н. Астахова, З. А. Абрамовой, С. М. Цейтлина, С. А. Васильева и других исследователей. Не случайно материалы исследований Афонтовой горы послужили эталоном для выделения афонтовской археологической культуры позднего палеолита Сибири.

Нынешний 2014 г. знаменателен 100-летним юбилеем первых археологических раскопок Андроновского могильника, положивших начало изучению и выделению андроновской культуры. Андроновские памятники известны сегодня по всей степной и отчасти лесостепной полосе Приуралья и Казахстана, в Западной Сибири и предгорьях Алтая, а также в северной части Минусинской котловины. Открытие первых из них произошло на самой восточной окраине расселения андроновских племен, поэтому она и носит название по одному из них, расположенному возле сибирской деревни Андроновой в Назаровской котловине. Открытие последнего связано со спасательными работами на строительной площадке железной дороги Ачинск – Минусинск.

Открытие первого памятника этой культуры относится к 1913 г., когда помощник консерватора красноярского музея Александр Петрович Ермолаев раскопал несколько могил на левом берегу Енисея у с. Батени в местности Ярки. В 1914 г. Аркадий Яковлевич Тугаринов и Сергей Михайлович Сергеев организовали разведочные работы в зоне строительства железной дороги Ачинск – Минусинск. Именно в это время А. Я. Тугаринов проводит раскопки разрушенного железной дорогой могильника у д. Андроновой на левом берегу р. Серезж. Через 12 лет результаты работ были представлены им в статье «Андроновские могилы» и опубликованы в журнале «Сибирская живая старина», издававшемся в Иркутске (1926). Благодаря спасательным работам удалось раскопать три ограды и собрать вещи еще из двух, разрушенных при строительстве железнодорожного моста.

Впервые на оригинальность этих находок указал Г. Мергарт, а культурную самостоятельность их установил С. А. Теплоухов (озвучив это в 1921–1922 гг. на коллегии Красноярского музея, а в 1922 г. впервые опубликовав), раскопав еще несколько погребений

на могильниках Енисея и сопоставив материалы (главным образом керамику) из Андроновского могильника с другими, в частности с материалами из размываемого Енисеем могильника у с. Новоселова, с которого успели собрать несколько сосудов С. М. Сергеев и И. А. Пикулевич. Вслед за С. А. Теплоуховым крупные раскопки возле улуса Орак производит в 1925–1928 гг. Г. П. Сосновский, изучивший 47 могил, окруженных оградой. В 1930–1931 гг. отдельные могилы андроновцев были изучены С. В. Киселевым и В. П. Левашевой. Исследования культуры проводились и археологом К. В. Сальниковым, который в 1948 г. предложил первую классификацию ее памятников. С. В. Киселев обобщил сведения об енисейских памятниках этой археологической культуры в специальном разделе своей монографии, изданной в 1949 г. и переизданной в 1951 г. Значительно более крупные работы на памятниках, относящихся к андроновской культуре, были проведены в 1950–1970-е гг. А. И. Мартыновым, Н. Л. Членовой, М. Г. Елькиным, Н. В. Нащокиным, М. П. Грязновым, Н. В. Леонтьевым, Г. А. Максименковым. Последним была подготовлена обобщающая монография об андроновской культуре на Енисее (1978), которая до сих пор не потеряла своей актуальности. Обобщению андроновских древностей в разных районах Западной Сибири посвятили свои аналитические работы В. И. Матющенко (1973), М. Ф. Косарев (1981) и В. И. Молодин (1985, 2008). В 1980-е гг. раскопки на памятниках андроновской культуры на территории Западной Сибири и Минусинской котловины проводили А. И. Мартынов, С. Б. Гультов, В. В. Бобров, А. М. Кулемзин, В. А. Зах, Ю. И. Михайлов, И. В. Ковтун и другие ученые. На Алтае изучением памятников этой культуры занимались М. П. Грязнов, С. М. Сергеев, В. А. Могильников, Ю. Ф. Кирюшин, В. Б. Бородаев, А. П. Уманский, А. Б. Шамшин, А. Л. Кунгуров, А. А. Тишкин, С. М. Ситников, С. П. Грушин и другие исследователи.

В настоящем издании представлены тезисы докладов участников конференции, отражающие результаты исследований молодых ученых: археологов, этнографов, палеоантропологов, историков. Следует отметить также большую работу их научных руководителей и наставников при подготовке к печати данного сборника. От имени редакционной коллегии желаю им здоровья, долгих лет творческой жизни и хороших учеников, а участникам конференции – успешной творческой работы, бурных обсуждений и дискуссий. Пусть ваша работа приближает к истине, которую ищите.

Ответственный редактор П. В. Мандрыка

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.2:005.35

И. С. Барышев

Курганский государственный университет

Корпоративная культура археологических экспедиций

Под корпоративной культурой мы будем понимать один из способов осуществления организационной деятельности посредством использования языка, фольклора, традиций и других средств передачи основных ценностей, убеждений, идеологии, которые направляют деятельность организации в нужное русло (Morgan, 1986)¹. В данном случае будем говорить об археологической экспедиции именно как об организации, построенной на элементах корпоративной культуры, как о целостном самобытном организме, существующем по своим принципам и имеющем уникальный жизненный цикл. Мы рассмотрим традиции и обычаи в археологических экспедициях, повседневный быт и устройство функционирования их жизнедеятельности. Следует заметить, что корпоративная культура у археологов начинает проявляться, когда начинается новый полевой сезон и, по сути, существует только в неких временных рамках, в поле, в остальное время как бы консервируется. Связано это с тем, что полевые работы, как правило, проводятся только в весенне-осенний период.

Корпоративная культура выполняет следующие функции:

- определяет границы организации;
- направляет поведение участников организации;
- повышает уровень вовлеченности в достижение корпоративных целей.

Корпоративная культура может сознательно создаваться ее ведущими членами или она формируется произвольно с течением времени под влиянием различных внутренних и внешних факторов. В корпоративной культуре можно выделить следующие элементы: артефакты, провозглашаемые ценности и базовые представления [Шейн, 2002, с. 35 – 43]. Они, по сути, характеризуют глубину исследования.

Артефакты – это видимые организационные структуры и процессы. Их можно увидеть, услышать, пощупать. Как следствие, объекты этого уровня легко можно описать. К артефактам относятся форма одежды, речевые обороты, символика, обряды и ритуалы организации. В археологических экспедициях к артефактам можно причислить такие повседневные традиции как построение, вечерний костер, посвящение в археологи и т. д.

¹ Определение организационной (корпоративной) культуры [Электронный ресурс] // HR-портал. Сообщество PR-менеджеров [офф. сайт]. – URL: <http://www.hr-portal.ru/pages/okk/ook.php>

Стиль одежды разнообразен, но есть и общие элементы (так, многие предпочитают милитари). Сюда же можно отнести всевозможные знаки выражения личной индивидуальности, как нашивки, амулеты, прически, татуировки и т. д.

Под провозглашаемыми ценностями понимаются высказывания и действия членов организации, которые отражают общие ценности и убеждения. Провозглашаемые ценности задаются руководством как часть стратегии или по каким-либо другим причинам. Участникам экспедиции известно об этих ценностях, и они сами делают выбор, принимать эти ценности, сделать вид и адаптироваться к ситуации, или отвергнуть. Если руководство в своем стремлении утвердить определенные ценности достаточно упорно, если появляются артефакты, отражающие их значимость для организации, тогда ценности проходят проверку.

Базовые представления – это основа культуры организации, которую ее члены могут не осознавать и считать непреложной. Именно эта основа определяет поведение людей в организации, принятие тех или иных решений. Они кажутся членам группы настолько очевидными, что варьирование поведения в рамках данной культурной единицы сводится к минимуму. Базовые представления закрепляются культовыми элементами, которые неявно отражаются в артефактах и поведении участников. Самые основные и значимые ценности и представления археологов хорошо фиксируются в фольклоре [Любчанская, 2008, с. 88]. Идеалом и целью корпоративной культуры, залогом её успешности и эффективности является полное соответствие провозглашаемых ценностей базовым представлениям. Когда они совпадают, можно с уверенностью утверждать о наличии положительного результата.

Важно отметить, что в большинстве экспедиций прослеживается четкая иерархия, разделение на старших и младших, на уже опытных полевиков, и тех, кто первый раз приехал в поле. Как правило, это выражается в том, что к младшим применяется более строгая дисциплина, существует ряд ограничений и запретов, возлагаются некоторые обязанности, такие как заготовка дров и хождение за водой, а также возлагается дежурство по лагерю и приготовление пищи на всю экспедицию. Старшие, в свою очередь, обладают некоторыми привилегиями, но в то же время несут на себе весь груз ответственности и основных обязанностей по лагерю.

Обычно на раскоп они выходят первыми и возвращаются одними из последних. Основная и самая главная работа ложится именно на их плечи: разбивка раскопа, камеральная работа, отчетность. К младшим принято относиться покровительственно, отсюда исходит то, как в различных экспедициях именуют новичков: перваши, перваки, «мясо», песикоты. В некоторых экспедициях принято подвергать новичков различным испытаниям. Но это вряд ли можно рассматривать как проявление дедовщины: таким образом испытуемых проверяют на силу, характер и пригодность к полевой жизни. Уже само пребывание в поле можно рассматривать как постоянную инициацию, и не только для младших, но и для многих «стариков».

Но самое главное испытание обычно всегда происходит в конце смены. По окончании полевой практики для всех студентов-первокурсников устраивается традиционное для многих экспедиций действо – посвящение в археологи. У всех оно проходит по-разному. Это может быть небольшая полоса препятствий или какие-то задания на смекалку и т.д. Все это обычно сопровождается театрализованным представлением, общим для всех выходным и праздником. Посвятившись, новичок становится полноценным членом археологического братства, своим, и переходит на следующую ступеньку иерархической лестницы.

Своеобразным артефактом у старших является просидеть у костра всю ночь, сопровождая все это бурным весельем и громкими песнями, а на утро всего после пары

часов сна уже в первых рядах быть на раскопе. Этим самым как бы демонстрируется выносливость и стойкость, неподверженность внешним факторам и агрессивной окружающей среде. Тем самым старшие показывают и подчеркивают свой статус в коллективе, подтверждая, что достойны находиться в данном обществе, в первых его рядах, что они «бывалые археологи». Опыт всегда приветствуется и поощряется. В Урало-Поволжье даже сложился особый институт «сахемства». Термин был заимствован у индейцев, у которых сахемы – вожди племени. Сахемами в археологических экспедициях называют опытных полевиков, занимающихся археологией не первый год. На них вышестоящим руководством возлагаются большая ответственность и различные обязанности по лагерю, они должны уметь вести дела экспедиции, разбивать раскоп, руководить первокурсниками и т. д., и в случае отсутствия начальства заменить и его.

Провозглашаемые ценности в археологической экспедиции очевидны. Главные цели, которые ставит перед собой руководитель экспедиции: успеть в сроки исследовать объект, обработать материал. Он рассчитывает на удачные находки, хорошую погоду, лояльное отношение местных жителей, здоровую атмосферу в лагере. Как администратор начальник экспедиции заинтересован в успешном выполнении всех поставленных перед экспедицией задач в положенные сроки и без потерь. Как руководителю и человеку ему также крайне важно сохранять человеческие ресурсы, находящиеся в его распоряжении. Он рассчитывает на них в последующей работе, в последующих экспедициях, поэтому поддерживать корпоративную культуру и задавать ей тон является одной из его первоочередных задач. Базовые представления участников экспедиции в первую очередь ориентированы на личностно-психологический комфорт, если участник чувствует здесь себя легко, непринужденно, «своим», он будет возвращаться сюда снова и снова.

В заключение сделаем некоторые выводы. Особенностью корпоративной культуры является закрепленное в сознании участников чувство безопасности от принадлежности к экспедиции или ее системе ценностей. Когда участник разделяет общую культуру экспедиции, ее приоритеты и ценности, у него возрастает личная ответственность за результат. Если каждый член рабочего коллектива работает с таким настроем, следовательно, улучшается общая картина, повышается эффективность труда. Новички быстрее вникают в рабочий процесс и адекватнее воспринимают мероприятия, происходящие в коллективе. Таким образом, главная задача, которую ставит перед собой корпоративная культура, – заинтересовать участников экспедиции в выполнении поставленных задач, путем создания дружественной и благоприятной атмосферы в коллективе.

*Научные руководители: И. К. Новиков,
канд. ист. наук Д. Н. Маслюженко.*

Список литературы

Определение организационной (корпоративной) культуры [Электронный ресурс] // HR-портал. Сообщество PR-менеджеров [официальный сайт]. – URL: <http://www.hr-portal.ru/pages/okk/ook.php> (дата посещения 17.01.14).

Любчанская Т. В. Корпоративная субкультура как способ консолидации и самоидентификации археологического сообщества // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 23. – С. 88 – 96.

Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002. – 336 с.

Археология и «историческая семантика»

Реконструкции духовного мира древних обществ давно стали предметом научного интереса исследователей-археологов. Археологические источники играют важную роль в подобных реконструкциях, хотя в методологическом плане возникает ряд существенных вопросов о справедливости такого рода реконструкций, когда из материального предмета стараются извлечь духовную составляющую или, в обратной последовательности, когда из мифологии вычленяется идея, которой ищется аналогия в предметах материального мира. Из-за отсутствия строго выстроенной методологии каждый исследователь, как правило, самостоятельно разрабатывает методологию и методы для своего исследования.

При таких разработках большую значимость имеет характер археологического источника, от которого зависит специфика каждого конкретного подхода к реконструкции духовного мира древних обществ. К настоящему времени имеется значительное количество специальных методологий на базе археологического материала, но нет универсальной методологии, позволяющей реконструировать духовный мир древних обществ, используя потенциал археологического материала. Возможно, в принципе нет универсальной схемы для реконструкций, так как каждый источник и в отдельности каждая задача несут с собой необходимость внесения дополнительных специфических элементов в условия реконструкции. Сравнительно недавно И. В. Калинина представила еще один методологический подход.

«Историческая семантика» – название подхода, который сосредоточен на смыслах человеческой жизнедеятельности, которые находят отражение в предметах и явлениях культуры [Калинина, 2011, с. 4]. Автор пытается выделить специфическую область культурологического знания и отделить его от семиотики. В связи с этим возникли противоречия, поскольку семиотика и семантика соотносятся как общее и частное. Как известно, семиотику составляют три области знания: семантика (отношение знаков к обозначаемому), прагматика (отношение знака к воспринимаемому) и синтактика (отношения внутри знаковых систем). По мнению автора, «в исторической семантике мировоззренческие универсалии увязываются с практической, а не с символической деятельностью. Изучению подлежат архаические смыслы вещей, а не архаическая символика – значения вещей как символов. Соответственно, областью научного интереса является образная система (семантика) культуры, а не знаковые коды (семиотика) культуры» [Калинина, 2011, с. 4]. Автор акцентирует внимание на том, что рассмотрение мировоззрения в связи с практической, а не символической деятельностью является отличительной чертой подхода. Но подобного рода заключения высказывались и ранее в работах российских археологов [Дэвлет, Дэвлет, 2005; Окладников, 1980].

С точки зрения семиотики как методологии знаковых систем совершенно не важно, какая это деятельность: «практическая» или «символическая». К тому же в традиционной культуре, которую исследует автор, проводить границу между этими двумя типами деятельности неправильно.

Автор неверно сводит семиотику к сугубо «знаковым кодам». «В семиотике выделение знакового аспекта культуры, исследование «жизни знаков внутри общества» подразумевает абстрагирование, рассмотрение культуры вне людей, ее наследующих и воспроизводящих» [Калинина, 2011, с. 17].

«Абстрагирование, рассмотрение культуры вне людей» возможно только в рамках синтактики. Сам по себе символ как знак в семиотике может рассматриваться только в культурном контексте. В этом заключается главная особенность этого типа знаков – их невозможно рассматривать «вне людей».

Автор утверждает, что с точки зрения семиотики «закономерности архаического мышления характеризуются формальной сеткой бинарных оппозиций» [Калинина, 2011, с. 17]. Семиотика сводится к формально-структуралистским положениям К. Леви-Стросса, опиравшегося на учение основоположника семиотики Соссюра [Соссюр, 2004], о котором вообще не упоминается, ровно так же, как и о Ч. Пирсе [Пирс, 2001], у которого, например, бинарные оппозиции не актуальны.

Таким образом, не совсем ясно предметное поле исторической семантики; оно ничем не отличается от семиотики, которая сама по себе является методологическим подходом. Выделенный автором предмет исследования исторической семантики – «целостное изучение артефактов архаической культуры в единстве их материальных и духовных аспектов» – ничем не отличается от предмета культурной антропологии, доистории или археологии [Калинина, 2011, с. 10; Малиновский, 2004; Рэдклифф-Браун, 2001].

Автор заявляет, что «с практической деятельностью, очевидно, связано и мифологическое мышление, которое с этой точки зрения не рассматривалось. Конструктивные особенности архаического мышления выводились на основании изучения вербальных текстов исходя из логики современного научного мышления. Но мифы не читались – они изображались, разыгрывались в действиях. В мифологическом мышлении образы взаимосвязаны по действию, другими словами – функционально» [Калинина, 2011, с. 19]. В культурологии есть хорошо разработанное понятие, в частности обозначающее единство мифологического сознания и практики – это синкретизм.

На базе исторической семантики И. В. Калининой предлагается новый семанто-технологический подход, ориентированный на развитие методов получения сведений о древних навыках труда в контексте архаического мировоззрения [Калинина, 2009, с. 9]. Подход этот сводится к «изучению технологий во взаимосвязи с мировоззренческими смыслами. В этом направлении исследований понять факт другой культуры – это значит понять, как видел, понимал вещь (технологию ее изготовления и назначение) создатель вещи; как понимал обряд тот, кто его совершал» [Калинина, 2011, с. 18]. При таком подходе возможно изучение соотношения традиций и мировоззрения, которое проявляется в поведении (технологии). Технология изготовления может выступать как ритуал при изготовлении предмета, при этом предмет не обязательно имеет сакральное предназначение. В таком случае были ли предметы, помещенные в погребение, и в самом деле ритуальными и отличались ли от предметов обихода? Используя методологию И. В. Калининой, можно предположить, что какого-то специального изготовления не существовало. Но такой подход не снимает вопроса о конкретности предназначения предмета, т. е. не ясно, подлежала ли задействованная в захоронении посуда предварительному использованию при жизни погребенного или она была изготовлена специально к событию.

«Историческая семантика» вобрала в себя целый комплекс теоретических положений, которые ранее разрабатывались по отдельности и продолжают самостоятельно существовать в настоящее время, поэтому список исследователей, чьи теоретические разработки легли в основу «исторической семантики», может быть существенно расширен. Несмотря на то, что данный подход заявлен как новый, результаты, которые могут быть получены в рамках «исторической семантики», являются суммой результатов ранее известных теоретических концепций.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А. П. Бородовский.

Список литературы

- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: мир наскального искусства России. – М.: Алетея, 2005. – 472 с.
- Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. – СПб.: СПбГУ, 2009. – 272 с.
- Калинина И. В. Историческая семантика в культурологии (предмет и методы исследования): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб, 2011. – 36 с.
- Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Сомон (гора Тэбш). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 271 с.
- Пирс Ч. С. Принципы философии. – СПб.: [Б.и.], 2001. – 542 с.
- Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – 304 с.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

УДК 94(571.51)

А. В. Василевская

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева*

Иннокентий Васильевич Тюшняков – неизвестный исследователь Енисейского края

*Мы находимся здесь,
чтобы внести свой вклад в этот мир.
А иначе, зачем мы здесь?
Стив Джобс*

Красноярский краеведческий музей в 2014 г. отмечает свое 125-летие, что обусловило наш интерес к его истории. Как известно, музей обладает одной из крупнейших в Сибири этнографических коллекций. Однако не всем известно, что одним из заведующих отделом этнографии Красноярского музея был Иннокентий Васильевич Тюшняков (1894–1921) – зоолог, этнограф, географ, музейевед. В этом году исполняется 120 лет со дня его рождения.

Родился Иннокентий Васильевич Тюшняков в 1894 г. в Красноярске, в семье приходского священника. Здесь же Иннокентий Васильевич окончил Красноярскую мужскую гимназию, после чего поступил на юридический факультет в Московский университет [Адлер, 1921, с. 139]. Но его всегда привлекали естественно-научные дисциплины, и поэтому в сентябре 1913 г. он поступил в Казанский университет на кафедру географии, этнографии и антропологии. Учителем и наставником Иннокентия Васильевича стал известный этнограф, географ и музейевед Бруно Фридрихович Адлер [Бусыгин, Зорин, 2002, с. 53 – 75; Гуманитарный словарь, 2002]. Главным увлечением И. В. Тюшнякова уже со второго курса становится зоология.

В 1915 г. при поддержке Общества естествоиспытателей И. В. Тюшняков совместно со студентом Н. И. Воробьевым отправился в экспедицию в низовья Енисея, где они изучали планктон реки [Адлер, 1921, с. 139]. В письме 18 ноября 1915 г. Б. Ф. Адлер пишет

А. Я. Тугаринову о предстоящей в 1916 г. поездке студентов Казанского университета на Дудинку (среди них был И. В. Тюшников): «...работать будут по зоологии, этнографии с антропологией... физической географии» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 68. Л. 57]. В 1916 г. Иннокентий Васильевич был направлен тем же обществом естествоиспытателей в Тугруханский край с географо-этнографической целью; объектами его изучения стали тундровые озёра, а также быт, традиции и обычаи енисейцев.

В 1917 г. Иннокентий Васильевич прибывает в Красноярск, откуда он отправляется в Манский район и посвящает себя изучению писаниц на реке Мане [Адлер, 1921, с. 140]. Позже он публикует в «Казанском музейном вестнике» статью «К охране памятников природы» [Тюшников, 1920]. Это единственная известная нам опубликованная статья этого молодого исследователя.

После окончания университета, в 1918 г., Иннокентий Васильевич был оставлен при кафедре географии, этнографии и антропологии. Осенью этого года он приезжает в Красноярск к семье. Из-за политических событий этого года, а точнее восстания чехословацкого корпуса, он не смог вернуться в Казань. В Красноярске он становится преподавателем в гимназии, а также плодотворно сотрудничает с Красноярским подотделом Русского географического общества, где занимал должность правителя дел с 1919 г. по 1920 г. [Русское географическое общество ... , 2001, с. 112]. Особое место в его деятельности во время пребывания в Красноярске занимает работа в музее, где он заведовал отделом этнографии.

Весной 1919 г. И. В. Тюшняков совместно с Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским и другими сотрудниками музея начинает широкомасштабные разведочные работы в окрестностях Красноярска. Ими было проведено около 40 экскурсий и осуществлен сбор материалов на многослойных стоянках Ладейки, Базаихи, Перевозинской, Усть-Собакино, Монастырской, осмотрена пещера у скалы Такмак [Русское географическое общество ..., 2001, с. 77].

Во время пребывания в Красноярске И. В. Тюшняков выступает с несколькими докладами в различных общественных организациях. Так, 30 марта 1919 г. Иннокентий Васильевич выступил на заседании КОРГО, посвященном 30-летию Красноярского музея с сообщением «Современные условия жизни. Очередные задачи музея» [ГАКК. Ф. 217. Д. 77. Л. 8]. 8 ноября 1919 г. на торжественном собрании совместно с Союзом областников-сибиряков, Красноярским домом юношества, посвященном памяти Н. М. Ядринцева, И. В. Тюшников выступил с докладом «Путешествия и научные труды Н. М. Ядринцева» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 73. Л. 28].

Летом 1920 г. И. В. Тюшняков ненадолго возвращается в Казань, где был избран профессором краеведения в Витнароб, получил лекции на рабочем факультете. А опыт, полученный в Красноярском музее, позволил ему занять место хранителя естественно-исторического отдела Казанского музея. В 1921 г. на общем собрании в КОРГО Иннокентий Васильевич сделал доклад «Памяти С. Д. Майнагашева» [Русское географическое общество ... , 2001, с. 42]. В этом же, 1921 г., по возвращении в Казань он становится членом коллегии по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы, секретарём научного отдела [Адлер, 1921, с. 140].

В 1921 г. Иннокентий Васильевич в Казани в Обществе археологии и этнографии прочёл доклад о Н. М. Ядринцеве, от научного отдела – о П. А. Кропоткине как о географе [Адлер, 1921, с. 141].

В планах у Иннокентия Васильевича была поездка в Петербург для занятий в Географическом институте.

17 марта 1921 г. Иннокентий Васильевич погиб, задохнувшись в фотографическом кабинете Казанского университета [Адлер, 1921, с. 139].

В КОРГО в 1921 г. на общем собрании Н. И. Воробьев сделал доклад «Памяти И. В. Тюшнякова» [Русское географическое общество ... , 2001, с. 42].

Преждевременная смерть И. В. Тюшнякова в 1921 г. прервала его научную деятельность, он многого не успел сделать. Но его научные исследования не потеряли актуальности и сегодня. Мы надеемся, что работы этого учёного станут известны в скором времени широкой общественности.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. С. Вдовин.

Список литературы

Адлер Б. Ф. И. В. Тюшняков // Казанский музейный вестник. – 1921. – № 1-2. – С. 139 – 141.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография в Казанском университете. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 220 с.

Русское географическое общество в Красноярске (1901 – 1937) / А. С. Вдовин [и др.]. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 120 с.

Гуманитарный словарь, 2002 [Электронный ресурс] // Яндекс словари [офиц. сайт]. – URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Гуманитарный%20словарь/Адлер%20Бруно%20Фридрихович/> (дата обращения: 21.01.2014).

Тюшняков И. В. К охране памятников природы // Казанский музейный вестник. – 1920. – № 7–8. – С. 11 – 12.

УДК 903.25

А. В. Глушкова

Вятский государственный гуманитарный университет

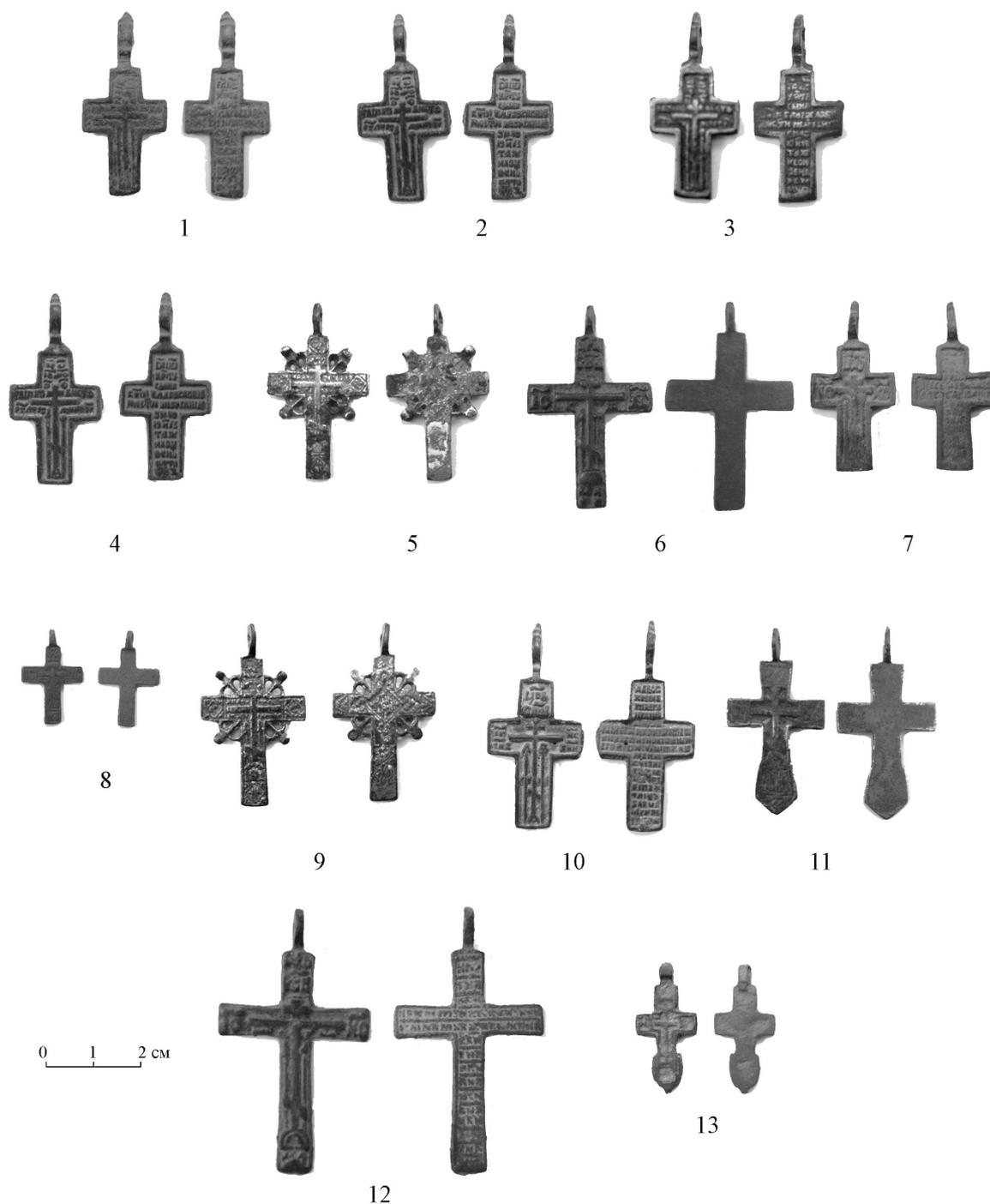
К вопросу о методике морфологического описания крестов-тельников

На протяжении многих веков крест был и остается главным символом христианства. Этим объясняется невероятное разнообразие форм и декора крестов. Кресты различались по типам и назначению [Гнутова, Зотова, 2000, с. 20].

Нательные кресты отличает небольшой размер, простота и незатейливость иконографии. Кресты-тельники являются ценным историческим источником. Они важны для изучения истории древних производств, в частности цветной металлургии, ювелирного ремесла и других [Столярова, 1993, с. 98].

Необходимо отметить, что в литературе существует группа публикаций, посвященных изучению и исследованию крестов-тельников. Предпринимаются попытки создать каталог, включающий основные типы крестов.

О необходимости детального изучения нательных крестов пишет В. М. Молодин, выделяя при этом два возможных подхода к изучению крестов-тельников. Первый можно назвать искусствоведческим, так как он направлен на изучение иконографии креста. Второй подход можно определить как исторический. При таком подходе «тельники» изучаются в рамках исследуемых историко-культурных комплексов. Примеры подобного рода исследования можно обнаружить в практике

*Рис. Кресты-тельники из коллекции лаборатории археологических исследований ВятГУ
(номер фрагмента рисунка соответствует номеру креста в таблице)*

русской археологии. При историческом подходе важное место занимает типологический анализ тельников [Молодин, 2007, с. 17]. Длительное и широкое распространение данного метода выявило его недостатки и обусловило появление системного подхода.

В данной работе мы предлагаем свой стандартизированный образец описания крестов-тельников. Каждая вещь рассматривается как система, состоящая из нескольких подсистем, таких как морфология (т. е. внешний вид предмета), техника изготовления вещи и материал, из которого она изготовлена. В то же время намечаемые под-

Таблица. Основные морфологические признаки на крестах-тельниках ЛАИ ВятГГУ

Конструкция	Группа	Номер креста												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
КТ	I	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТЛ	1А	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ДКЭ	ω	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-
	υ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
	Ромбы	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
	Отсутствуют	+	+	+	+	-	+	+	+	-	+	+	+	-
Гол.	а	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
	с	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-
	d	-	-	-	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-
	е	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
	Утрачена	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ОС	ι	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	-
	Отсутствуют	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+
ГА	σ	-	+	+	+	-	+	-	+	+	+	-	+	-
	χ	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-
	Утрачена	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
	Отсутствует	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Примечание. КТ – конструктивный тип креста; I – простой четырехконечный крест; ТЛ – тип лопасти; 1А – прямоугольные лопасти; ДКЭ – дополнительные конструктивные элементы; ω – малый круг (круг-венеч); υ – якорь; Гол. – голгофа; а – ступенчатая; с – круглая; d – полукруглая; е – треугольная; ОС – орудия страстей; ι – присутствуют; ГА – глава Адама; σ – глава Адама; χ – глава Адама с костями; «+» – наличие признака; «-» – отсутствие признака

системы также являются системами. «Морфология» состоит из нескольких подсистем: «конструкция», «метрика», «декор». Конструктивно-морфологический подход к исследованию вещи был разработан Ю. Л. Щаповой. Классификация предметов по данной методике образует матричный тип классификации, способный описывать все многообразие сочетаний элементов, а значит, и все морфологическое многообразие вещей определенного класса [Пежемский, 2003, с. 336].

На примере коллекции медных крестов-тельников (см. рисунок) из лаборатории археологических исследований мы рассмотрели крест как систему, состоящую из подсистем «конструкция», «метрика», «декор».

Конструктивный подход позволяет максимально объективно описывать памятники и строить для них типологические ряды (см. таблицу).

По форме крестов представлены только простые четырехконечные кресты. По типам лопастей выделили кресты с прямоугольными лопастями. По дополнительным конструктивным элементам (ДКЭ) кресты можно разделить на группы. Нами обнаружены повторяющиеся орнаменты и сюжеты, а также единичные элементы. Одна группа крестов не имеет ДКЭ. Другая – имеет элемент «малый круг», который проходит через се-

редины ветвей. Третья группа – кресты с ветвями растений. Также выделяется группа с геометрическими элементами (ромбами).

Символическое изображение Голгофы выступает и как важный сакральный символ, и как яркий конструктивный элемент [Пежемский, 2003, с. 340]. В нашей коллекции представлены ступенчатые, круглые, полукруглые и треугольные кресты. Присутствуют кресты с утратой Голгофы. Голгофские кресты часто сопровождаются рядом дополнительных элементов [Пежемский, 2003, с. 341]. Прежде всего это орудие страстей – важный символический элемент, присутствующий на голгофских изображениях не всегда. Только 3 креста не имеют ОС. Другой «голгофский» элемент – глава Адама (8 единиц) или глава с костями (2 единицы), присутствуют кресты с утратой ГА.

Д. В. Пежемский предложил способ кодировки той морфологической информации, которая представлена в каждом конкретном памятнике.

Метрика креста. Измерения являются одним из самых распространенных методов фиксации информации. При этом измерительные методики – один из главных факторов объективизации исследовательской деятельности. Конкретный набор измерительных признаков, которые должны быть измерены, зависит от классов и типов изучаемых крестов [Пежемский, 2005, с. 646]. Тем не менее имеются базовые характеристики, присущие любому кресту. Именно их и необходимо исследовать в первую очередь.

Декор. В настоящее время существует представление о декоре, размещенном на вещах, как о чем-то нерасчлененном, чаще всего он рассматривается в целом. В рамках системного подхода декор рассматривается как самостоятельная подсистема, так как он может быть легко «сброшен», и тогда вещь предстанет в виде «чистой» конструкции. К «чистым» конструкциям крестов зачастую примыкают дополнительные конструктивные элементы. Не секрет, что ДКЭ крестов тесно связаны с сюжетами из Священного Писания (Голгофа, орудия страстей) или с их интерпретацией Священным преданием (побеги виноградной лозы, якорь, глава Адама) [Пежемский, 2005, с. 655]. Поэтому необходимо разобраться в том, где проходит граница между дополнительным конструктивным элементом и декором.

Кроме традиционного набора дополнительных конструктивных элементов на огромном числе крестов имеются декоративные элементы, активно «вмешивающиеся» в конструкцию креста. Это могут быть лучи, «виньетки» в области средокрестия; «засечки», медальоны, сегменты на лопастях; гирьки, «бусины», лепестки на углах и краях лопастей [Пежемский, 2005, с. 656]. Все эти декоративные элементы усложняют конструкцию крестов.

Если не различать этих важнейших видов декора, то классификация ставрографических объектов и построение типологий крестов будет оставаться крайне трудоемкой или вовсе невыполнимой задачей.

Научный руководитель – А. О. Кайсин.

Список литературы

Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. – М.: Интербук-бизнес, 2000. – 136 с.: ил.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.: ил.

Пежемский Д. В. Пути объективизации ставрографических исследований // Ставрограф. сборник. Кн. II: Крест в православии. – М.: Изд-во Московской патриархии, Изд-во «Древлехранилище», 2003. – С. 333 – 343.

Пежемский Д. В. Пути объективизации ставрографических исследований. Ч. II // Ставрограф. сб. Кн. III: Крест как личная святыня. – М.: Изд-во Московской патриархии, Изд-во «Древлехранилище», 2005. – С. 645 – 656.

Столярова Е. К. Медные кресты-тельники XI–XVI веков из собрания музея им. Андрея Рублева // Русское медное литье: сб. ст. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – 192 с.: ил.

УДК 902,,634/637”(282.256.34)

Д. А. Гурулев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Подходы к изучению смешанных комплексов неолита – бронзового века в археологии Северного Приангарья

История изучения памятников Северного Приангарья имеет более чем 130-летнюю историю. Исследователями, работавшими в этом регионе, неоднократно отмечалась сложность выделения «чистых» культурно-хронологических комплексов голоценового времени в виду смешанности разновозрастных культурных остатков. Данная ситуация связана с различными причинами антропогенного (техногенные нарушения вмещающих отложений) и природного характера (слабая стратифицированность покровных отложений террас Ангарской долины) и присуща большей части известных памятников в Северном Приангарье. Изучение полученных археологических материалов предполагает либо их сводный анализ, либо поиск единых методов для выделения отдельных культурно-хронологических комплексов.

Наиболее широко практикуемым методом является метод корреляций и аналогий с материалами многослойных стратифицированных стоянок и погребальных комплексов сопредельных регионов. Базовое значение в этом отношении имеет периодизационная схема неолита – бронзового века, разработанная А. П. Окладниковым в 1930-е гг. на материалах погребальных комплексов Прибайкалья [Окладников, 1950]. Предложенная шкала стала классической и не потеряла своей актуальности по сей день. Тем не менее возможности ее использования ограничены. Сам автор указывал на то, что, несмотря на общность материальной культуры неолита всего Приангарья, для «низовьев» Ангары «начинают выясняться некоторые своеобразные (племенные?) черты неолитических и тем более позднейших памятников» [Окладников, 1939, с. 186]. На невозможность распространения схемы на всю неолитическую провинцию Приангарья в последующем указывали и другие исследователи [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 138]. Стоит признать справедливым положение о том, что погребальные комплексы не отражают всей динамики культурно-исторических процессов, являясь выражением лишь изменчивости погребальных традиций [Базалийский, 2012, с. 45].

Большую роль для датирования материалов Северного Приангарья сыграли стратифицированные многослойные поселения сопредельных регионов – Канско-Рыбинской котловины (Казачка), Среднего Енисея (Пещера Еленева), Якутии (Белькачи I) и Прибайкалья (Улан-Хада, Горелый лес, Саган-Заба II и др.). Метод корреляций и аналогий с материалами стратифицированных стоянок, так же, как и с погребальными комплексами, широко применяется абсолютным большинством исследователей. Однако стоит

заметить, что сам метод предполагает использование только выборочных, наиболее показательных категорий инвентаря, чем ограничивает круг рассматриваемых источников и лишает возможности для установления локальной специфики культурных процессов.

Ситуация стратиграфической смешанности разновременных культурных остатков в рамках одного памятника создает необходимость использования материалов различных местонахождений для построения сводной региональной периодизационной шкалы. В предложенной Н. И. Дроздовым периодизации неолита Северного Приангарья, для которой были задействованы материалы серии стоянок, отдельные этапы неолита охарактеризованы с использованием комплекса различных методов (стратиграфические наблюдения, сопоставления с материалами сопредельных территорий, радиоуглеродное датирование) [Дроздов, 1981].

В рамках проблематики работы со смешанными комплексами важным представляется наблюдение за топографической локализацией (территориальным распределением) мест стоянок носителей усть-бельской и посольской керамической традиции на юге Средней Сибири; отмечено, что на местонахождениях р. Белой (Южное Приангарье) сосуды усть-бельского типа преобладают в устье, а посольского – выше по течению. В северном Приангарье эта ситуация наблюдается в Като-Ёдарминском районе – усть-бельский тип значительно преобладает в устье р. Ёдармы, а посольский – на расположенных рядом островах [Бердников, 2013, с. 219]. Подтверждение этой концепции на серии стояночных комплексов в перспективе даст основание для возможности корреляции разнородных групп инвентаря с определенными керамическими традициями.

В связи с последним этапом работ (2007 – 2012 гг.) в зоне затопления Богучанской ГЭС существенно (количественно и качественно) возрос корпус источников по неолиту – бронзовому веку Северного Приангарья. Для построения культурно-хронологической шкалы важны материалы закрытых и условно закрытых планиграфических структур и сопряженных с ними находок. В первую очередь – материалы различных по облику и составу находок углубленных конструкций, интерпретируемые авторами раскопок как остатки жилищных и иных построек (Хедугин Ручей, Деревня Пашино, Ручей Конный и др.) (Результаты полевых исследований опубликованы в ежегоднике Института археологии и этнографии СО РАН «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий», выпуски за 2009 – 2012 гг.). Также был изучен ряд стояночных комплексов, характеризующихся дробной стратиграфической колонкой голоценовых отложений (Усть-Ёдарма II, Усть-Кеуль I, Большая Пеленда и др.) (Там же). Использование закрытых, условно закрытых объектов и стратифицированных многослойных стоянок как материала для построения культурно-хронологической шкалы стало возможно только на современном этапе ввиду многократного увеличения этой категории объектов и имеет большую научную значимость для археологии Северной Ангары.

На современном этапе археологического изучения Северного Приангарья открывается возможность разработки внутрорегиональной культурно-хронологической шкалы неолита – бронзового века, способной максимально полно отразить динамику и специфику культурных процессов в этом регионе. Следующим закономерным этапом изучения, после построения локальной периодизационной схемы, должно быть ее углубление и уточнение, для чего необходимо привлечение как можно более широкого круга источников, т. е. материалов нестратифицированных памятников. Важным, как представляется автору, становится также развитие самих методов изучения археологических материалов, в частности каменных индустрий, зачастую выступающих сопутствующей категорией источников рядом с керамическими изделиями.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова.

Список литературы

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43 – 101.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. ИГУ. – 2013. – № 1. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – С. 203 – 229.

Дроздов Н. И. Каменный век Северного Приангарья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 21 с.

Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) // Вестн. древней истории. – 1939. – № 4. – С. 181 – 186.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с.

УДК 94(235.222)

М. В. Гусельникова

Алтайский государственный университет

Сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея Т. А. Полухин

Тимофей Афанасьевич Полухин родился 30 августа 1917 г. в селе Большая Шелковка, ныне Рубцовского района Алтайского края [Леонова, 2000, с. 238]. С 1937 по 1942 г. он обучался в Новосибирском институте сельского хозяйства по специальности агроном-полевод. По окончании вуза Т. А. Полухин месяц проработал старшим агрономом пригородной машинно-тракторной станции Барнаула. В июне 1942 г. Тимофей Афанасьевич добровольцем ушел на фронт, первоначально служил рядовым, затем сержантом, а с 1944 г. – офицером-политработником. После окончания Великой Отечественной войны он был оставлен в рядах Советской Армии в должности заместителя командира батальона по политчасти. В 1954 г. Тимофей Афанасьевич заочно окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. В связи с сокращением Вооруженных сил СССР в 1959 г. Т. А. Полухин был уволен в запас и вскоре поступил на работу в Алтайский краевой краеведческий музей в Барнауле.

С 1960 г. сотрудники Алтайского краевого краеведческого музея занимались многолетней кропотливой работой по формированию новых экспозиций отделов природы, истории досоветского и советского периодов [Анисимова, 1974, с. 4]. Для осуществления данной деятельности велись экспедиционные и архивные изыскания, занятия в музейном фонде. С 1960 по 1977 г. Тимофей Афанасьевич Полухин заведовал отделом истории досоветского периода Алтайского краевого краеведческого музея. Его коллегами являлись Т. И. Анисимова (директор музея), Н. А. Камбалов, Э. М. Медникова, Н. Е. Скупов, Н. Я. Савельев, Т. А. Хрулева.

В музее Т. А. Полухин вел значительную исследовательскую работу по проблемам дореволюционной истории края. Со временем он полностью переработал экспозицию

отдела, представив в ней материалы от периода первобытнообщинного строя и заканчивая событиями февральской революции 1917 г. В 1966 г. посетителям музея была предложена экспозиция «Наука и культура Алтая в XIX веке». На двух больших стендах демонстрировались книги, документы, фотографии, отражавшие деятельность сотрудников Общества любителей исследования Алтая, Общества попечения о народном образовании, архитекторов, художников, писателей, изобретателей, работавших в Алтайском горном округе. Кроме того, в четырех витринах были размещены: модель построенной в 1809 г. П. К. Фроловым чугунно-рельсовой дороги; сохранившееся колесо от вагонетки и рельсы; элементы резных карнизов деревянных домов; предметы художественного литья и другие экспонаты. На протяжении ряда последующих лет Т. А. Полухин занимался исследовательской и собирательской деятельностью по разработке и оформлению экспозиции «Алтай в эпоху империализма». В 1971 г. состоялось ее торжественное открытие.

Результатами краеведческих изысканий, изучения архивных материалов стали многочисленные публикации Тимофея Афанасьевича Полухина. За годы работы в музее им были опубликованы более 100 статей в периодической печати, издания «По историческим местам Барнаула» (1969, 1972), «Барнаул» (1969, 1972) в соавторстве с Н. А. Камбаловым и Н. Е. Скуповым. В 1983 г. осуществилась публикация книги «Памятники истории и культуры Барнаула», ранее подготовленной Т. А. Полухиным, Н. Я. Савельевым, Н. А. Камбаловым. В течение ряда лет Тимофей Афанасьевич Полухин являлся председателем Барнаульского городского совета общества охраны памятников истории и культуры [Леонова, Полухин, 2000, с. 238].

Активно участвуя в развитии Алтайского краевого краеведческого музея, Тимофей Афанасьевич уделял большое внимание комплектованию его фондов. С этой целью он совершил ряд этнографических экспедиций по Алтаю.

Ежегодно Т. А. Полухин выезжал в районы края с передвижными выставками Алтайского краевого краеведческого музея. Впервые это было осуществлено в 1961 г. в населенных пунктах Шелаболихинского района: Шелаболиха, Новообинцево, Кучук, Омутская, Киприно, Крутишка. Целью мероприятия являлось ознакомление сельских жителей с «...экспонатами передвижного музея, характеризующими богатую историю края, его неисчислимые природные богатства, бурное развитие промышленности и сельского хозяйства...» [Полухин, 1961, с. 2]. Музейная выставка состояла из девяти стендов с фотографиями, дающих общее представление об экспозициях Алтайского краевого краеведческого музея и примерно сотни экспонатов: археологических предметов, старинного оружия, чучел птиц, зверей и т. д. Вниманию посетителей предлагались лекции по истории Алтая. На передвижной выставке музея побывало около двух тысяч жителей Шелаболихинского района. На мероприятии в с. Новообинцево присутствовал М. Исаков. Во время Гражданской войны он смастерил для красного партизанского отряда пушку, которая впоследствии стала музейным экспонатом. При участии местных краеведов, Т. А. Полухиным был собран значительный материал по истории сел Шелаболихинского района.

Благодаря деятельности сотрудников в 1967 г. в фондах музея насчитывалось 46 тысяч экспонатов [Кобяков, 1967, с. 4], а к 1974 г. – около 60 тысяч [Анисимова, 1974, с. 4].

Как один из ведущих историков края, Т. А. Полухин оказывал значительную методическую помощь в работе десятков музеев, организованных на общественных началах в различных районах Алтайского края.

Тимофей Афанасьевич вел активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, читал лекции по краеведению молодым воинам и допризывникам, в залах музея выступал перед молодежью с воспоминаниями о Великой Отечественной войне, боевом пути 56-й гвардейской стрелковой дивизии.

За трудовую деятельность и активную общественную работу Т. А. Полухин неоднократно награждался почетными грамотами: крайкома КПСС, крайисполкома, крайсовпрофа, Министерства культуры СССР, краевого Совета общества охраны памятников истории и культуры.

Тимофей Афанасьевич Полухин скончался в 1978 г.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Т. В. Тишкина.

Список литературы

Анисимова Т. Все об Алтае. Алтайскому краевому музею – 150 лет // Алтайская правда. – 1974. – 16 янв. – С. 4.

Кобяков Д. Встает история сама... Заметки о Барнаульском краеведческом музее // Алтайская правда. – 1967. – 7 сент. – С. 4.

Леонова Л. Н., Полухин Т. А. Барнаул: энцикл. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – С. 238.

Полухин Т. В село приехал музей // Алтайская правда. – 1961. – 29 авг. – С. 2.

УДК 902.21

И. А. Зотов

Омский государственный педагогический университет

О некоторых вопросах изучения археологических микрорайонов

Вопросы взаиморасположения археологических объектов и пространственных связей между ними традиционно вызывают интерес ученых. За рубежом данная проблематика исследовалась в рамках так называемой «пространственной археологии», выделившейся в самостоятельный раздел археологической науки в середине XX в. Представители этого направления пытались оценивать размещение археологических памятников на местности и объектов на них с позиции рационализма, полагая, что ключевым фактором, определявшим поселенческую стратегию и модели освоения пространства, является стремление снизить затраты энергии на обеспечение жизнедеятельности. При этом предпринимались попытки рассчитать оптимальные маршруты для осуществления связей между разными коллективами с учетом их хозяйственных особенностей. Затем создаваемые таким образом «идеальные» модели соотносились с уже выявленными археологическими памятниками, чтобы проследить возможные закономерности и уточнить картину заселения данной территории [Колесников, 1992, с. 31].

В отечественной, и в частности западносибирской, археологии интерес к пространственному анализу возрастает на рубеже 1980-х – 1990-х гг. В это время начинается разработка концепции археологических микрорайонов (далее – АМР), большой вклад в которую внес В. И. Матющенко. С начала 1990-х гг. возглавляемый им коллектив проводил исследования Нижнетарского АМР в Муромцевском районе Омской области. Параллельно уточнялось само понятие «археологический микрорайон», определялись его признаки, возможности и перспективы исследования [Археологические микрорайоны..., 2011, с. 7 – 8].

В результате за последние два десятилетия термин «археологический микрорайон» прочно вошел в археологическую литературу. При этом неоднократно делался акцент

на эффективность исследования пространственного взаиморасположения археологических объектов внутри АМР [Татауров, 2004, с. 80; Традиционно-бытовая..., 2008, с. 102]. Отмечалось, что археологические памятники заполняют определенную экологическую нишу и образуют АМР, отделенный от других природными объектами. Выявление одновременных комплексов внутри АМР, по мнению В. И. Матющенко, указывает на то, что их оставила одна группа населения [Нижнетарский..., 2001, с. 45 – 47].

Однако не всё в этих выводах выглядит бесспорным. Частое обращение специалистов к данной проблематике тем не менее не привело к созданию четкой формулировки самого термина «археологический микрорайон», равно как и критериев определения его пространственных параметров. Выделяемые в литературе АМР не всегда имеют выраженные ландшафтные границы. Синхронные памятники могут быть связаны и с разнокультурными коллективами, обитавшими по соседству. Зачастую термин «археологический микрорайон» подразумевает лишь географическую привязку группы памятников к определенной территории, не затрагивая их культурно-хронологического соотношения, военно-административных или хозяйственных связей. Если АМР – это комплекс одновременных или разновременных памятников, размещенных на небольшой или на достаточно большой территории и образующий с ней единство в природно-экономическом значении [Нижнетарский..., 2001, с. 21], то как быть с такими обширными зонами, как тундра, южная тайга или степь, внутри которых практически одинаковые природно-ландшафтные особенности, обуславливающие сходство хозяйственного уклада населения? Можно ли выделять памятники каждой из них в один АМР?

Сказанное заставляет с большей осторожностью рассматривать концепцию АМР как базу для изучения пространственных структур, что само по себе ставит вопрос о возможности применения этого понятия как инструмента исследования. В приведенной выше формулировке АМР [Нижнетарский..., 2001, с. 21] используются слабо сочетаемые друг с другом или взаимоисключающие признаки, что делает ее уязвимой для критики.

Следует добавить, что, ставя во главе угла природно-географическую составляющую АМР, легко прийти к трактовке процесса освоения пространства в древности с позиций географического детерминизма, чему в последние десятилетия способствует активное и в целом, безусловно, оправданное использование в археологических исследованиях естественнонаучных методов. Однако известно, что, в отличие от представителей других биологических видов, человечество оказывалось способным вырабатывать самые разнообразные модели социокультурной адаптации, снижавшей его зависимость от окружающей природной среды и ландшафтного зонирования.

Использование методов пространственного анализа в рамках АМР осложняется неоднородностью изучаемого пространства и трудностями синхронизации выявленных на нем объектов в пределах жизни одного-двух поколений [Колесников, 1992, с. 32; Данченко, 2007, с. 98]. Большинство используемых методов датирования в современной археологии не способны помочь в этом (исключение составляет метод масс-спектрометрического анализа, позволяющий определять даты в пределах десятилетия). Однако без установления одновременности существования городищ, поселений, производственных площадок или святилищ невозможно судить об их взаимосвязи и принадлежности к одной социально-пространственной структуре. Разнообразие осваиваемого пространства вынуждала древнее население всякий раз по-новому «вписывать» элементы подобных структур в окружающий ландшафт, что заставляет усомниться в существовании каких-либо жестких моделей поселенческой стратегии.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е. М. Данченко.

Список литературы

Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований / С. Ф. Татауров [и др.]. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 196 с.

Данченко Е. М. К изучению археологических микрорайонов // Экология древних и традиционных обществ: докл. конф. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – С. 96 – 99.

Колесников М. А. Пространственный анализ в современной археологии // Социально-пространственные структуры в стадильной характеристике культурно-исторического процесса: тез. докл. межрегион. конф. – М.: ИА РАН, 1992. – С. 30 – 32.

Нижнетарский археологический микрорайон / П. В. Большаник [и др.]. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.

Татауров С. Ф. Некоторые вопросы изучения археологических микрорайонов // Археологические районы Северной Евразии: материалы науч. конф. – Омск: ОмГУ, 2004. – С. 80 – 82.

Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии / А. И. Казанник [и др.]. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – 214 с.

УДК 378.096(571.17)(09)

Э. Р. Исмайлова

Кемеровский государственный университет

Архивные материалы о становлении и развитии кафедры археологии КемГУ в 1970–1980 гг.

Архивные материалы имеют большое значение для всестороннего изучения истории кафедры археологии КемГУ и позволяют определить круг проблем, которые решались в период ее становления, а также трудностей, которые пришлось преодолеть коллективу ученых. Они дают возможность установить, каким образом решались поставленные научные и образовательные задачи, сколько усилий и труда было вложено в развитие нового центра. Основная масса документов, связанных с работой кафедры археологии КемГУ, находится на хранении в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО) и представляет собой планы, отчеты и протоколы заседаний кафедры, отложившиеся с 1977 г.

История кафедры археологии КемГУ уже освещалась в статьях [Китова, 1995; Бобров, Мартынов, Китова, 2002], тем не менее в рамках данной публикации хотелось бы обратить основное внимание на некоторые уточняющие или неизвестные аспекты в становлении и развитии кемеровского научного центра археологии.

Так, устная традиция, передаваемая основателем научной школы А. И. Мартыновым, гласит, что кафедра была открыта в октябре 1975 г. Однако архивные материалы позволили уточнить, что 21 мая 1975 г. в соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР № 256 в Кемеровском государственном университете была создана кафедра археологии [ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 19. Л. 162 – 163, 166]. В то время кафедры в высших учебных заведениях открывались только по приказам министра и при наличии различных правительственных согласований и поддержек. Это была третья кафедра археологии на территории РСФСР,

пятая – в СССР и единственная в Сибири. Огромную поддержку А. И. Мартынову при ее создании оказал директор относительно молодого, но достаточно сильного научного центра ИИФФ СО АН СССР академик А. П. Окладников. Позднее некоторые ученые в столь бурном развитии новых научных археологических подразделений в Сибири и на Дальнем Востоке будут усматривать исключительно корыстные цели их основателей [Формозов, 2006, с. 254], однако мы считаем данные оценки не справедливыми и субъективными.

Благодаря архивным данным была уточнена дата открытия аспирантуры по специальности «Археология». Она была открыта не в 1979 г., как указывалось ранее [Бобров, Мартынов, Китова, 2002, с. 29], а в 1977 г. Первыми аспирантами кафедры были Коротав Александр Михайлович (очная форма обучения) и Соболев Виктор Иванович (заочная форма обучения). Научным руководителем аспирантов стал профессор А. И. Мартынов [ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 273. Л. 1].

Конкретизирована дата появления на кафедре ленинградского археолога Бориса Николаевича Пяткина. Это был не 1978 г., как считалось прежде [Китова, 2012, с. 29], а 1976 г. С этого года он начинает работать младшим научным сотрудником в хоздоговорной группе научно-исследовательского сектора КемГУ, в апреле 1977 г. выступает на заседании кафедры с докладом о наскальных изображениях Минусинской котловины [ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 213. Л. 8]. Вклад этого исследователя в создание школы петроглифистов в Кемерово остался недооцененным. С 1976 г. кафедра археологии КемГУ организует экспедиции в долину Среднего Енисея с целью монографического изучения наскальных рисунков Шалаболино, позднее Оглахты, затем Бычихи, Суханихи и других памятников. Возглавлял петроглифический отряд Южно-Сибирской археологической экспедиции Б. Н. Пяткин. Под его руководством получали навыки работы с петроглифами в 1970–1980-х гг. – О. С. Советова, в 1980–1990-х гг. – Е. А. Миклашевич, а также многие студенты-археологи исторического факультета КемГУ.

С 1967 г. коллективом кемеровских археологов издается сборник «Известия лаборатории археологических исследований», согласно отчетам кафедры археологии в 1976 г. сборник был переименован в «Известия кафедры археологии», а с 1977 г. он выходит под названием «Археология Южной Сибири» [ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 386. Л. 11].

С 1980–1981 учебного года была организована работа научного семинара кафедры, на который выносилось обсуждение докладов по темам научных исследований преподавателей и аспирантов. Была установлена периодичность заседаний научного семинара 1-2 раза месяц, которая согласно воспоминаниям участников и протоколам соблюдалась [ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 854. Л. 17]. Более того, в соответствии с планом работы кафедры на 1983–84 учебный год, периодичность заседаний научного семинара увеличилась. Заседания семинара стали проходить еженедельно по понедельникам в 14 часов [ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 1083. Л. 10]. Это связано с увеличением количества хоздоговорных тем и числа научных сотрудников, которые разрабатывали различные проблемы археологии. На семинаре обсуждались отчеты об археологических исследованиях, научные доклады, статьи, монографии, внешние отзывы на диссертации. Присутствие всех преподавателей, сотрудников, работавших по хоздоговорным темам, аспирантов было обязательным.

Огромное значение имеют и протоколы заседаний кафедры с точки зрения изучения истории становления и развития научных направлений и идей кемеровской археологической школы, поскольку в данных документах содержатся тексты отчетов аспирантов о проделанной в течение года работе, обсуждения и замечания по диссертациям, отдельным статьям, докладам сотрудников кафедры. Преподаватели, сотрудники и аспиранты кафедры принимали активное участие в подобных заседаниях; обсуждения научных проблем всегда вызвали неподдельный интерес и перерастали в дискуссии.

Документы, находящиеся на хранении в ГАКО, также могут составить обширную источниковую базу для восстановления истории педагогической составляющей работы кафедры археологии КемГУ, особенно по курсам специализации. Кафедрой, с целью повышения уровня образования и привлечения к научным исследованиям инициативных студентов, в 1970–1980-е гг. приглашались для чтения лекций и проведения бесед ведущие отечественные и зарубежные ученые. Так, в 1977–1978 учебном году это были академик А. П. Окладников, доцент кафедры этнографии ЛГУ Д. Г. Савинов, старший научный сотрудник ИИФФ СО АН СССР В. И. Молодин, доцент НГУ М. Н. Рижский, профессор МГУ Т. Н. Алексеева, профессор Мирослав Кшица из ЧССР [ГАКО. Оп. 2. Д. 215. Л. 3, 7], в 1978–1979 учебном году лекции читал заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ профессор В. И. Кузищин и 2 лекции на летней практике прочитаны М. Кшицей [ГАКО. Оп. 2. Д. 386. Л. 3], в 1980–1981 учебном году продолжили чтение лекций А. П. Окладников, В. И. Кузищин, В. И. Молодин и М. Кшица, а также профессор Г. Е. Марков и канд. ист. наук В. В. Свинин, в мае 1981 г. читала лекции профессор Калифорнийского университета М. Гимбутас, а в 1982 г. – весь второй семестр студенты специализации «Археология» слушали лекции профессора из США У. Обри, а также с отдельными лекциями выступали М. Н. Рижский и А. Н. Марьяшев [ГАКО. Оп. 2. Д. 729. Л. 3, 26]. Кроме того, в декабре 1979 г. на кафедре была проведена встреча студентов специализации с болгарскими учеными Д. Герговой-Домарадской и И. Понайотовым [ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 561. Л. 12]. Преподаватели кафедры также приглашались коллегами для проведения занятий, в том числе и за рубежом. Так, профессор А. И. Мартынов в первом семестре 1980 г. проводил учебную работу в Иллинойском университете США по командировке Минвуза СССР [ГАКО. Оп. 2. Д. 729. Л. 2].

Таким образом, материалы ГАКО дают возможность восстановить многие забытые страницы истории кафедры археологии КемГУ, проанализировать различные аспекты ее научно-исследовательской и педагогической деятельности. Надеемся, что дальнейшая работа с архивными документами позволит полностью воссоздать историю кемеровского археологического центра.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Л. Ю. Китова.

Список литературы и источников

Бобров В. В., Мартынов А. И., Китова Л. Ю. 25 лет кафедре археологии Кемеровского государственного университета // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 2002. – С. 24 – 33.

Китова Л. Ю. 20 лет кафедре археологии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – 15 с.

Китова Л. Ю. Анатолий Иванович Мартынов – создатель кемеровской археологической школы // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Вып. 26. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 23 – 30.

Отчет о работе кафедры археологии за 1977 г. // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 215. 7 л.

Отчет о работе кафедры археологии за 1980-81 учебный год // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 729. 26 л.

Отчет о работе кафедры за 1978–79 учебный год // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 386. 12 л.

План работы кафедры археологии за 1981–82 учебный год // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 854. 31 л.

План работы кафедры археологии за 1983–84 учебный год // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 1083. 12 л.

Протоколы заседаний кафедры археологии. 1977 г. // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 213. 17 л.

Протоколы заседаний кафедры археологии. 1979–80 гг. // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 561. 24 л.

Списки аспирантов с указанием их научных руководителей. 1977 г. // ГАКО. Р-353. Оп. 2. Д. 273. 1 л.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. – М.: Знак, 2006. – 344 с.

УДК 903.05(235.222)

И. С. Караченцев, Д. В. Струков

Горно-Алтайский государственный университет

Сведения о памятниках древней металлургии Чуйско-Курайского металлургического района по данным геологов

Первые сведения о памятниках древней металлургии на Алтае были получены из сообщений рудознатцев и геологов. На сегодняшний день ситуация практически не изменилась: большая часть известных памятников древнерудного производства была обнаружена геологами.

Одним из крупнейших производственных регионов был Чуйско-Курайский металлургический район, который был выделен Н. М. Зиняковым [Зиняков, 1988, с. 31].

Историю геологического изучения Чуйско-Курайского металлургического района можно разделить на три этапа: 1) с середины XIX в. до начала XX в.; 2) с 1925 г. до начала 1960-х гг.; 3) с середины 1960-х гг. до настоящего времени.

Первый этап характеризуется сбором информации в ходе работы исследователей-путешественников. К их числу можно причислить П. А. Чихачёва, работавшего в районе в 1842 г., В. В. Сапожникова, работавшего в 1905 г. [ТФГИ по СФО. № 361. Кн. 2. С. 31].

Второй этап геологического изучения Алтая начинается с изысканий В. П. Нехорошева в 1925 г. [ТФГИ по СФО. № 361. Кн. 2. С. 31]. Позже здесь работали М. И. Горностаев (в 1930–1931 гг.), А. С. Митропольский (в 1932–1935 гг.), Н. С. Коржнев и В. Г. Павлов (в 1948 г.) и А. И. Родыгин (в 1951 г.) [ТФГИ по СФО. № 361. Кн. 2. С. 24]. В 1952 г. Горно-Алтайская геофизическая экспедиция произвела осмотр рудопроявлений железа по рекам Аксай, Уландрык. А в логу, названном Рудным логом, Ю. В. Никифоровым найдено железорудное месторождение [ТФГИ по СФО. № 1254, С. 40 – 43]. Результативными были исследования Берёзовской экспедиции под руководством К. Ю. Матусеева и Ю. Л. Тупицина в 1955 г., в ходе которой были выявлены рудопроявления ряда редких металлов.

Третий этап исследований Алтая начался в середине 1960-х гг. Он характеризуется наиболее планомерным и разносторонним геологическим изучением описываемого района. В этот период с 1964 по 1967 г. вся площадь была охвачена геологической съемкой под руководством Б. Б. Лишкевича [ТФГИ по СФО. № 361. Кн. 2. С. 23]. В течение 1973–1975 гг. Сайлюгемским отрядом Аргутской партии во главе с В. Н. Атюхом проведены общие поиски в бассейне рек Бугузун – Богуты. В 1976–1977 гг. Аргутской партией под руководством И. С. Зырянова и Д. В. Бедарева проводилась оценка участка Кара-Оюк с помощью шурфов. В 1977–1979 гг. Б. Г. Семенцовым и Л. М. Божуха велись поисковые работы на участке Кору-Озёк [ТФГИ по СФО. № 361. Кн. 2. С. 23].

Описание древних выработок месторождения Рудный лог представлены в отчетах геологов. К. Ф. Капустин их описывает так: «В настоящее время они представляют собой округлые, диаметром 2–4 метра плоские углубления. В том и другом случае они имеют площадное распространение и значительная часть их выходит за пределы оконтуренного по шурфам рудного тела» [ТФГИ по СФО. № 2296. С. 30]. Из Информационной записки Б. Г. Семенцова следует, что наиболее доступные месторождения сопровождалось древними выработками. «Наиболее доступные проявления железа расположены на северных склонах Сайлюгемского хребта в долинах рек Б. Шибеты, Бураты. Наиболее масштабные карьеры по добыче железных руд расположены на месторождении железа «Рудный лог»: представлены карьерами размерами 5 на 5 м и глубиной до 3,5 м, расположенными в полосе шириной 50 м и протяженностью до 400 м. Предполагается, что железные руды, добывавшиеся на месторождении железа «Рудный лог», подвергались плавке в так называемой «бугузунской» металлургической печи, поскольку на месторождении отсутствуют лесные массивы. А в долине р. Бугузун таковые имелись в значительном количестве. Кроме того, обломки руды, находящиеся около «бугузунской» металлургической печи, представлены исключительно гематитом, имеющим значительные черты сходства с гематитом месторождения «Рудный лог» [Семенцов, 2013, с. 3 – 5].

Отчет В. М. Минеева, в отличие от предыдущих, содержит большое количество данных, среди которых присутствует цитата из отчета Н. Н. Горностаева, который, по всей видимости, первый дал описание древним выработкам. «По сообщению Н. Н. Горностаева, вдоль Чуйского тракта, к юго-востоку от п. Курай и до самой Монгольской границы, встречаются многочисленные следы древних плавок железной руды в виде куч шлака и остатка плавильных печей. Широкое распространение следов плавок руды свидетельствует о том, что эта часть Алтая являлась крупным центром древней металлургии» [ТФГИ по СФО. № 1254. С. 40]. «Вблизи коренного выхода гематитовой руды и в 800 м вверх по логу от р. Шибеты встречаются следы древних эксплуатационных горных выработок. Размер рудных глыб достигает 1,5 × 2 × 1 м» [ТФГИ по СФО. № 1254. С. 95]. «Судя по многочисленным следам древних работ и кучам шлака, район этот был одним из крупных центров металлургии прошлого. Здесь известны и каменные угли (Курайское месторождение), но они не разведаны» [ТФГИ по СФО. № 1254. С. 108].

Неподалеку от рудопроявления «Рудный лог» расположено рудопроявление Аксайской полосы железных руд. На нем также имеются древние выработки, описанные в отчете таким образом: «Четвертый детальный участок. Участок открыт по заявке чабана колхоза им. Ворошилова Кош-Агачского района ... на участке имеются горные выработки типа канав, в отвалах которых имеются многочисленные обломки руды и оруднелых пород. В одной из старых выработок имеется коренной выход гематитовой руды» [ТФГИ по СФО. № 1254. С. 93].

Железорудные месторождения и рудопроявления в Горном Алтае многочисленны, однако распространены неравномерно. На большей части территории Республики Алтай рудные месторождения отсутствуют. Известные в настоящее время месторождения локализируются в трех районах: юго-восточном, западном и северо-восточном. Чуйско-Курайский металлургический район расположен именно в юго-восточной части Горного Алтая [Зиняков, 1988, с. 201].

Основным местом сосредоточения железорудных месторождений Чуйско-Курайского металлургического района является Чуйский участок, так как именно там, исходя из сведений Информационной записки, присутствуют «наиболее доступные проявления железа...» [Семенцов, 2013, с. 3]. Однако наибольшая концентрация остатков древних

плавильных печей и шлаков из них находится на Курайском участке района, о чем свидетельствует карта, приведенная Н. М. Зиняковым [Зиняков, 1988, с. 210]. Это обусловливается наличием лесных массивов на данном участке района, как и в случае с печами на р. Бугузун. Также, по данным геологов, на Курайском участке неизвестны рудопроявления железа.

Таким образом, полевые исследования геологов могут и должны стать важным источником по поиску памятников древнего горнорудного производства.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. В. Эбель.

Список литературы

Говердовский В. А. Поисковые работы на площади Юстыдского рудного узла: Отчет. – Новокузнецк, 1987 // ТФГИ по СФО. – № 361. – Кн. 2. – 145 с.

Зиняков Н. М. История черной металлургии и кузнечного ремесла Древнего Алтая. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 275 с.

Капустин К. Ф. Отчет по результатам поисковых работ на площади листа М-45-XXIV. – М., 1958 // ТФГИ по СФО. № 2296. – 195 с.

Минеев В. М. Отчет Горно-Алтайской геофизической экспедиции о проведенных работах на Алтае в 1952 году. – Майма, 1954 // ТФГИ по СФО. – № 1254. – 109 с.

Семенцов Б. Г. Информационная записка о выходах руд металлов на территории Онгудайского и Кош-Агачского районов Республики Алтай. От 14.06.2013 №118.2013 // ОДП ГАГУ. – 5 с.

УДК 392

Т. С. Киссер

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Систематика народов в трудах И. Г. Георги

До сих пор в отечественной и зарубежной науке недостаточно обращалось внимания на основания и методы этнологической систематизации И. Г. Георги, и автор предпринимает попытку хотя бы отчасти заполнить эту лагуну. Вклад Георги в становление российской этнографии можно назвать фундаментальным. Он был участником большой «Физической экспедиции», где заменил И. Фалька. Кроме того, он предпринял самостоятельное путешествие и побывал в Томске, Иркутске, Нерчинске и Чите [Köhler, 2012, s. 187].

Георги – ученик К. Линнея, влияние которого наложило отпечаток на его методы и стиль работы. Систематичность, точность и научность – основные принципы Георги. Стоит остановиться на двух работах, которые знаменуют рождение этнографической науки в России, – «Заметках путешествия по Российской Империи» (1775) и «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» (1776–1780). В «Заметках», не опубликованных на русском языке, с точки зрения этнографии наиболее интересен первый том, где описываются эвенки, вогулы (манси), башкиры, мордва, чуваша [Köhler, 2012, s. 189]. «Описание» представляет собой систематический «этнографический свод» и дает

общую картину национального состава Российской империи. В то время никакая другая страна мира не располагала подобного рода научным обзором – показателем уровня этнографического знания. В «Описании» впервые была предложена систематика народов, населяющих Россию. В ней Георги основывается на концептуально разных схемах / методиках, которые представляет во введении к своему труду. Он делит народы на 5 групп: 1-я – руссы, 2-я – славяне или сарматы, 3-я – татары со своими племенами, 4-я – народы, так же издревле населяющие Россию, 5-я – пришельцы и поселенцы [Георги, 1799, с. V].

Первая схема, по которой Георги систематизирует народы, – историческая. В своем раскладе он преимущественно опирается на данные летописей и своды летописных сведений, составленные в первой половине XVIII в. Г. З. Байером, Г. Ф. Миллером и В. Н. Татищевым. Опираясь на их сочинения и следуя летописной традиции, Георги выделил 1-ю группу под общим титулом «руссы». К ней он, согласно летописи, относит «народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарва, ливы, – говорят на своих языках, они – от колена Иафета и живут в северных странах» [Повесть..., 1950, с. 5]. К 3 и 4-й группам отнесены народы, находившиеся во владениях хазар и являвшиеся их данниками; в их числе печенеги, половцы, болгары. Как видно, в этой «исторической» части систематики Георги рассматривает, наряду с другими, уже исчезнувшие народы (мерю, мурому, печенегов, половцев). Подобный исторический ракурс актуален до сих пор, поскольку, как отмечают современные исследователи, во времена формирования Руси и ее этнической карты культурная граница действительно проходила по водоразделу рек балтийского (северного) стока, контролировавшегося норманнами-скандинавами, и рек понтийского (южного) стока, находившихся под контролем степных кочевников – хазар, а позднее монголов [Головнёв, 2004, с. 480 – 482].

Вторая схема, используемая Георги, – языковая, связанная с идеей родства языков. В XVIII в. в академических кругах активно обсуждались проблемы происхождения языков, разрабатывались вопросы природы и сущности языка. Идея родства языков связана с происхождением от общего праязыка; при этом родство языков определялось по совпадению или сходству их грамматического строя [Щедровицкий, 2004, с. 74 – 75]. Примечательно, что Георги учился в Уппсальском университете вместе с будущим шведским профессором Улофом Рудбеком младшим (оба были учениками Линнея), который был одним из первых исследователей финно-угорских языков и установил связь между финским и венгерским языками [Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 55 – 57]. Нет сомнений в том, что Георги со студенчества был знаком с этими разработками и концепциями, которые мог применить к систематике 1-й группы народов, включающую финно-угров. Вторую группу Георги выделяет по признаку принадлежности к славянской языковой общности, оставив в стороне тот факт, что в ранней истории славянские племена распределялись между варяжским севером и хазарским югом. Подобно Татищеву, он связывает славян с «сарматским коленом». Третья и четвертая группы составлены с учетом принадлежности народов к тюрко-монгольскому кругу, 5-я – к индоевропейской языковой семье.

Третья схема в раскладке народов у Георги связана с реальной этногеографией, а точнее с опытом академических путешествий / экспедиций, проводивших исследования народов России, в том числе Урала и Сибири. Георги использовал материалы и наработки путешественников, отмечая, что заимствовал их у Г. Миллера, П. Палласа, И. Гмелина, С. Гмелина, И. Фалька. Нельзя не отметить вклад в использовавшуюся Георги базу данных «доакадемических» экспедиций (1720–1728) Д. Мессершмидта и его помощника (с 1722 г.) Ф. Страленберга. Они совершили путешествие от Петербурга до Тобольска, по Тоболу, Исети, Нейве, Туре и Пышме. Мессершмидт впервые описал остяков (кетов, селькупов и хантов). Судя по их языку, расовому типу и обычаям он

считал их родственными финнам. Встречал он во время путешествия и тунгусов (эвенков), подробно описал их быт и составил небольшой словарь тунгусского языка. На р. Анга проживали буряты, и Мессершмидт сделал описание их жилищ, одежды, привел несколько употребительных слов. В Зауралье он собрал материалы по этнографии и языку вогулов (манси) [Напольских, 2001, с. 19 – 20]. Ф. Страленбергу принадлежит идея объединения финно-угорских народов в одну «гуннскую» группу, и его подход считается первым опубликованным опытом систематики, достаточно близким к современному определению состава финно-угорской (уральской) языковой семьи [Хайду, 1985, с. 345]. Плеяду академиков-путешественников открывает Г. Миллер – руководитель второй Камчатской экспедиции, собравший уникальный материал по истории и этнографии Сибири, а также создавший специальную программу изучения сибирских народов. Во время экспедиции Миллер составил словари языков почти всех аборигенных народов Сибири, например, «Лексикон самоедский по 13 диалектам» [Элерт, 1999, с. 65]. П. Паллас составил многоязычный «Сравнительный словарь всех языков и наречий». В нем были обозначены подходы к проблеме происхождения человеческого языка («праязыка») и создания единой системы генеалогической классификации «всех языков и наречий» [Рутенко, 2011, с. 357]. На материалы словарей Георги опирался при решении этногенетических проблем.

Таким образом, ко времени работы над «Описанием» Георги имел солидную теоретическую (созданную предшественниками и коллегами по академическим экспедициям) и практическую (собственные путешествия и наблюдения) базу для этнографической систематики. Вместе с тем многообразие использованных им схем дает представление о сложности создания сводного труда, впервые в народоведении выполненного Георги.

Научный руководитель – д-р ист. наук, член-корр. А. В. Головнёв

Список литературы

Köhler M. Russische Ethnographie und imperiale Politik im 18. –Jahrhundert. – Göttingen. – 2012. – 298 s.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб., 1799. – Ч. I. – 76 с.

Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. – Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. – С. 476 – 485.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта: дневник. записи, декабрь 1726 г. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.

Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

Повесть временных лет. – М. – Л., 1950. – Ч. 1. Текст и перевод. – 406 с.

Рутенко Ю. С. Тагальский язык в «Сравнительном словаре всех языков инаречий» П. С. Палласа // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 357 – 363.

Хайду П. Уральские языки и народы / пер. Е. А. Хелимского. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.

Щедровицкий Г. П. Генетические отношения и исторические связи в контексте «сравнительно-исторической» концепции // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. – М., 1974. – С. 74 – 75.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Первое описание археологической коллекции Красноярского музея

Красноярский музей был основан в 1889 г., и с самого начала существования музея начала формироваться его археологическая коллекция. Первые коллекции были пожертвованы археологами-любителями. По заданию музея они проводили исследования, занимаясь в свободное от работы время археологией, краеведением и этнографией. За 20 лет существования музея были проведены раскопки не только в окрестностях Красноярска, но и во многих отдаленных районах края [Макаров, 1989, с. 131].

Хотя число коллекций сильно выросло, они не были систематизированы, и только в 1911 г. А. П. Ермолаев, помощник консерватора Красноярского музея, начинает проводить интенсивную внутреннюю работу в музее. Он приступил к систематической обработке и описанию археологических коллекций, в частности, древней керамики, склеив сосуды и смонтировав фрагменты на картонных листах, после чего весь материал сфотографировал и составил подробное его описание. Альбом фотографий был послан Императорской археологической комиссии, которая выразила свое удовлетворение за приведение его «в столь отчетливый и систематический вид». Работа эта продолжилась и в первой половине 1912 г. [Двадцатипятилетие Красноярского городского музея, 1915, с. 50].

В 1911 г. среди болот в тайге, на небольшом островке, близ деревни Ишимка был найден комплекс древних предметов, получивший название «Ишимский клад». Естественно, что такое событие, как находка клада, не могло остаться без внимания со стороны Красноярского музея. После того как в 1911 г. в музей поступает сообщение о находке клада у деревни Ишимка Ачинского уезда, А. П. Ермолаев еще до выезда на место находки отправляет письмо ачинскому уездному исправнику с целью получения наиболее полной информации о кладе: «1. Все ли предметы были найдены в одном месте, если порознь, то, что именно и где? Не отдельно ли найдены медные предметы от железных? 2. В месте своего нахождения предметы как лежали? (кучкой или разбросаны, или были во что либо сложены). 3. Где именно найдены предметы: в каком расстоянии от ближайшего селения, реки, озера (назвать их); не носит ли данное место какого-либо названия (какое именно), что из себя представляет местность: поле? луг? степь? лес (какой)? берег реки? овраг? сопки? и т. д. (чем подробнее будет сделано описание тем лучше). Как найдены предметы: на поверхности земли? в камнях или зарытыми в землю? (если в земле, то как глубоко? какой грунт (глина, песок, чернозем, твердый, рыхлый) нет ли крупных камней? обломков или целых костей человека и животных? Нет ли углей и обожженных костей и камней от кострища? Не были ли тут же находимы предметы из дерева, кости, кожи, глины, камня? Не было ли черепков горшков? 4. Кто именно нашел: звание, имя, отчество, фамилия. При каких условиях была сделана находка (полевые работы, рытье канавы, колодца и т. д.). 5. Насколько часты в данной местности находки старинных («чудских») предметов из меди, железа, а также кости и камня («громовые стрелы»). Не имеется ли у кого из местных жителей чего-нибудь найденного, если да, то что именно и у кого (имя, фамилия, адрес)» [Русское географическое общество, 2001, с. 67 – 68].

Стоит отметить, что письмо не было оставлено без внимания, и на все обозначенные вопросы были предоставлены ответы. Пристав, которому было поручено выяснение всех подробностей, представил отчет о собранных сведениях. В отчете содержалась информация о том, кем были найдены предметы, где и в каком виде [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 52. Л. 56].

В этом же году А. П. Ермолаев сам выезжает на место находки и привозит в музей клад бронзовых и железных изделий. Среди находок – железные топоры, мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, бронзовые зеркала, бляхи, а также изображения человека, животных и птиц, отнесенные к шаманским принадлежностям. В основном все это было собрано жителями деревни, самим же А. П. Ермолаевым «было найдено несколько мелких обломков бронзовых бляшек, пластинки из сплющенного серебра, кусочки обожженного дерева и угли; в шагах 50-ти, в другом конце поля, на его поверхности собраны выпавшие орнаментированные черепки горшков» [Ермолаев, 1914, с. 2].

Всю коллекцию можно разделить на три главные категории: 1) оружие, 2) украшения и 3) предметы культа. Датируют предметы I тыс. до н. э. Среди предметов культа встречаются амулеты-украшения, выполненные в зверином стиле. Среди них есть вещи южного происхождения, типичные для тагарской и таштыкской культуры, но большинство характерно для лесной полосы Сибири и Приуралья.

Материалы Ишимской коллекции были опубликованы отдельным изданием в 1914 г. Примечательно, что музей на этот момент не имел описаний своих коллекций, и данные о количестве и составе последних находили место лишь в кратких ежегодных отчетах. Между тем рост музея и его отделов ясно показывал необходимость издания описания коллекций. Так, было принято решение издавать «Описания коллекций Красноярского музея» отдельными выпусками, публикуя материалы по мере их обработки. Описание предметов из Ишимской коллекции стало первым выпуском археологического отдела, наравне с выпущенной в то же время книгой описаний палеонтологических коллекций [Ермолаев, 1914, с. 1].

В письме В. А. Городцову, объясняя выбор именно Ишимской коллекции для печати, А. П. Ермолаев отметил недостаток средств. Кроме того, он поделился планами на будущее, сообщив, что работа по описанию коллекций археологического отдела будет продолжена и следующий выпуск будет посвящен археологии Ангарского края и будет по объему значительно больше [ЦГИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 447. Л. 2 об].

Однако начавшаяся Первая мировая война и революция не позволили реализовать продолжение выпуска коллекций археологического отдела. Только в 1929 г. другой археолог Красноярского музея, ученик В. А. Городцова – В. Г. Карцов опубликовал сводную работу «Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический».

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. С. Вдовин.

Список литературы

- Двадцатипятилетие Красноярского городского музея. – Красноярск, 1915. – 168 с.
Ермолаев А. П. Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1914. – Вып. I. – 28 с.
Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск, 1989. – С. 131 – 189.
Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937) / А. С. Вдовин, Н. П. Гуляева, Н. П. Макаров [и др.]. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 120 с.

Взгляды Дж. Марингера на развитие каменного века Внутренней и Внешней Монголии

Дж. Марингеру принадлежит наибольшая роль в изучении археологического наследия китайско-шведской экспедиции С. Хедина и центральноазиатской экспедиции Р. Ч. Эндрюса. Эти две экспедиции обнаружили похожий и богатый материал. Однако имеющиеся особенности позволили Дж. Марингеру выдвинуть предположение о существовании различий между культурами каменного века Внутренней и Внешней Монголии. Целью настоящей работы является анализ взглядов Дж. Марингера на генезис, сходство и различие археологических культур каменного века Монголии как важного этапа развития представлений о каменном веке Монголии в начале XX в.

В 1922–1923 гг. члены американской Центральноазиатской экспедиции под руководством Р. Ч. Эндрюса обнаружили орудия из кремнистых пород и керамику в удаленных друг от друга частях Гоби. Эти находки впервые показали, что Внутренняя Монголия была населена людьми в каменном веке. Последующие исследования экспедиции привели к открытию во Внешней Монголии около 180 памятников каменного века, из которых были собраны примерно 200 тыс. артефактов. Из них около 50 тыс. образцов были отобраны для последующего изучения. Аналогичная кампания была проведена во Внутренней Монголии китайско-шведской экспедицией (1927–1935) под руководством С. Хедина. Общее количество артефактов и фрагментов керамики, привезенных в Стокгольм, по оценке Дж. Марингера, не менее 50 тыс.

Коллекции каменных артефактов, относимых к палеолиту Внутренней Монголии, включают в себя боковые скребки, чопперы мустьерского типа, скребки, а также резцы ориньякского типа. Что же касается происхождения палеолита, то здесь ясности нет. Автором рассматривается палеолит Ордоса, северный китайский палеолит Чжоукоудяня, Маньчжурии или палеолитические культуры Южной Сибири. Дж. Марингер считает, что образцы из Алтан Булака очень напоминают таковые из междуречья Селенги и р. Чикой в Забайкалье. Исследователь приходит к выводу о том, что монгольские палеолитические культуры связаны с палеолитической культурной областью Южной Сибири, и это было первое появление человека в Монголии [Maringer, 1963, p. 80]. Эти охотничьи коллективы заполнили всю Монголию вплоть до Ордоса – ордосская культура была связана с одновременной культурой областью от Енисея до Байкала.

Для доказательства существования монгольской мезолитической культуры Дж. Марингер опирается на открытия экспедиции Р. Ч. Эндрюса в Шабарак-Усу в Центральной Гоби [Maringer, 1963, p. 78]. Здесь в слоистых эоловых отложениях формации Шабарак было найдено два культурных слоя. Найденный материал включал микролитические ядрища конической и цилиндрической формы, пластины, сверла, концевые скребки и характерный мезолитический культурный элемент – бусины-диски из скорлупы яиц страуса. Следы мезолитической шабаракской культуры зафиксированы Дж. Марингером во Внутренней Монголии на Ихен-Куне и в Гурнае. На Ихен-Куне им предполагается полное отсутствие керамики [Maringer, 1963, p. 78]. Сравнение материалов из Внутренней Монголии и Внешней Монголии выявило некоторые различия. Значительно большее количество бусин из скорлупы показывает, что мезолитическое население Внешней Монголии было более многочисленным. Большее количество наконечников стрел и

копий приводит Дж. Марингера к выводу о том, что во Внешней Монголии охота была более важным занятием.

Неолитическая культура выросла из мезолитической, но распространялась шире [Maringer, 1963, p. 78]. Индустрия, основанная на микролитах, в неолите принимала более крупные формы. К этому добавляются неолитические артефакты – каменные топоры, ножи, наконечники стрел и копий, зернотерка, шлифовальные камни и керамика. Топоры из Внутренней Монголии изготовлены в технике оббивки, сочетают оббивку и полировку вблизи рабочего края, полностью отполированные. Для Дж. Марингера важно, что подобные изделия есть уже в раннем неолите России [Maringer, 1950, p. 186]. Кроме фрагментов керамики с плетеным орнаментом найдены фрагменты с гравировкой, резным орнаментом, налепными валиками, а также окрашенная северокитайская керамика.

Свидетельства существования неолита указывают на более поздний контакт с неолитической культурой или повторное занятие места человеком эпохи неолита. Микролитический инвентарь, отсутствие топоров, появление лепной и окрашенной керамики позволяют предположить, что на территорию обитания изначально мезолитического населения проникли носители поздненеолитической культуры из Северного Китая.

Дж. Марингер отмечает некоторые региональные различия, зависящие от топографических условий. Находки из Гурная показывают, что переход от мезолита к позднему неолиту происходил без резких изменений в культуре. В Бели-мяо количество небольших наконечников стрел указывает на занятие охотой, в то время как вдоль рек и на побережье Сохо-нора процветало рыболовство. В Ух-токхое охотники неолита даже занимались ремеслом.

В конце неолита во Внутренней Монголии Марингер различает четыре крупных территориальных группы находок, которые соответствуют четырем взаимовлияющим культурным фациям. За исключением фации Черной Гоби, остальные указывают на проникновение северокитайской культуры – расписная керамика, топоры, находки которых часто происходили из степи и пустыни. Таким образом, важна не только полоса контакта вдоль границы, но и контакты далеко вглубь Монголии. Предполагается развитие здесь торговли, набеги из Монголии в богатые земледельческие области Китая.

Но даже в позднем неолите Внутренней Монголии отсутствуют такие земледельческие орудия, как каменные лопаты, мотыги с ручкой и грузики для палки-копалки. Зернотёрки использовались для измельчения зерен дикорастущих растений. Дж. Марингер предполагает, что обитатели каменного века Монголии вели сезонный подвижный образ жизни, занимаясь скотоводством (?). Что касается пограничной зоны Китая с Монголией, возможно, там процветало земледелие. Однако это не относится к самой Монголии.

Все типы артефактов мезолитической и неолитической культур и ландшафта Внутренней Монголии находят параллели в неолите Южной Сибири. Например, среди элементов исаковской культуры на Байкале есть наконечники стрел, обычные во Внутренней Монголии. С другой стороны, существует четкая культурная граница между Монголией и областью Желтой Земли на юге, где практиковалось земледелие.

На основе изучения монгольских коллекций Дж. Марингер выдвинул предположение о том, что каменный век Монголии был во многом связан с соседними северо-западными территориями. Это предположение кажется ему более убедительным, чем сравнение с совершенно иной индустрией каменного века на юге и юго-востоке.

Таким образом, основываясь на изучении работ Дж. Марингера [Maringer, 1950; 1951; 1963], можно сделать следующие выводы:

– находки китайско-шведской и центральноазиатской экспедиций «открыли» для археологической науки каменный век Монголии;

– носители монгольской палеолитической культуры пришли из палеолитической культурной области Южной Сибири; культуры мезолита и неолита также указывают на связь с северными территориями;

– этапы перехода от мезолита до позднего неолита не прослеживаются;

– в конце неолита во Внутренней Монголии можно различить четыре крупных территориальных группы – фации: степная, Алашань, Эдзин-гол, Гурнай [Maringer, 1950, p. 184].

Научный руководитель – канд. ист. наук Т. И. Нохрина.

Список литературы

Maringer J. Contribution to the prehistory of Mongolia: a study of the prehistoric collections from Inner Mongolia. – Thule, Stockholm, 1950. – 216 p.

Maringer J. Some Refined Tool-Shapes of the Mongolian Stone Age // *Artibus Asiae*. – 1951. – Vol. 14. – № 1/2. – P. 72 – 76.

Maringer J. Mongolia before the Mongols // *Arctic Anthropology*. – 1963. – Vol. 1. – № 2. – P. 75 – 85.

УДК 902.2(235.222)

К. В. Побегуц

Алтайский государственный университет

История открытия и исследования археологического района Тыткескень (левобережье нижнего течения р. Катунь)

Первый археологический памятник – курганная группа Тыткескень 6 – впервые была зафиксирована в 1983 г. в ходе работ М. Т. Абдулганеева по поиску и картографированию памятников, попадающих в зону разрушения и затопления Катунской ГЭС. Первоначально М. Т. Абдулганеев дал для могильников правого и левого берега одно наименование – «Тыткескень-1». «Тыткескень-2» было названо многослойное поселение, в момент открытия принятое за стоянку эпохи мезолита [Абдулганеев, 1985, с. 189; Абдулганеев, Кирюшин, Неверов, 1992, с. 26 – 29, 100 – 102].

В 1984 г. начались плановые регулярные исследования памятников приустьевой зоны р. Тыткескень, прежде всего раскопки многослойного памятника Тыткескень-2. В 1984–1986 годах раскопки поселения проводил А. Л. Кунгуров [Кунгуров, Кунгурова, 1986, с. 184]. В процессе этих работ в осыпях левобережья, подвергшегося в тот период времени достаточно сильному разрушению, А. Л. Кунгуров зафиксировал отдельные находки каменных орудий и керамики. В период 1984–1987 гг. А. Л. Кунгуровым и Н. Ю. Кунгуровой открыты памятники, получившие наименования Тыткескень-3, 4 и 5 [Кирюшин, Кунгуров, 1991, с. 67 – 69]. Расположенное на правом борту долины Тыткескень в 300 м выше по его течению от Тыткескень-2 многослойное поселение Тыткескень-3, исследовалось на протяжении 1988–1991 гг. Оно стало базовым объектом для выделения и характеристики позднего этапа усть-семиинской мезолитической культуры и характеристики различных отделов камен-

ного, бронзового и железного веков [Кунгуров, 1994, с. 43 – 58; Семибратов, 1991, с. 65 – 66; Семибратов, 1994, с. 97 – 111].

После раскопок в 1988 г. курганной группы на правом берегу стало ясно, что правобережный и левобережный погребальные комплексы являются различными. Поэтому последнему присвоено имя Тыткескень-6 (VI) [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992, с. 125].

В период с 1988 по 1993 гг. силами нескольких экспедиции АГУ под руководством Ю. Ф. Кирюшина на памятнике было исследовано более 60 курганов скифского времени (пазырыкская культура V–III вв. до н. э.). Основу некрополя составляла цепочка курганов раннего железного века, вытянутая с юга на север по краю террасы левого берега Катуня. Отдельную планиграфическую группу представляли собой погребальные сооружения раннескифского периода, располагающиеся в южной части долины Катуня рядом со скальным выходом, севернее полевой дороги, идущей вверх по течению р. Тыткескень. Диаметр каменных насыпей курганов варьировался от 3,2 до 9,5 м, глубина ям – от 1,3 до 3 м. Во всех могилах прослеживаются остатки деревянных погребальных сооружений. Умершие лежали на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на восток или восток – юго-восток. Инвентарь включал керамические сосуды, каменную «курильницу», бронзовые кинжалы, ножи, зеркало. Наибольший интерес представляют бронзовый кинжал из кургана № 4 и бронзовое зеркало из кургана № 2. Рукоять кинжала художественно оформлена в виде двух голов грифов, а рукоять зеркала – изображением лежащего верблюда. Этот некрополь для Горного Алтая остается по-прежнему самым крупным по числу изученных курганов рядового населения скифской эпохи, некоторые материалы которого изданы в монографии [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 6 – 19].

При исследовании южной группы погребальных объектов археологического комплекса в насыпях курганов стали фиксироваться поселенческие находки, попавшие туда при сооружении надмогильных конструкций. Найденные артефакты (керамика, каменные изделия) имели более ранний возраст, чем курганные захоронения. Для выявления культурного слоя в 1990 г. в южной части памятника, примыкающей к долине р. Тыткескень был заложен рекогносцировочный раскоп, продемонстрировавший наличие культурных слоев эпохи бронзы, энеолита (большемысская культура) и неолитического времени [Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 111 – 123; Кирюшин, Кунгуров 1991, с. 67 – 69].

Кроме указанных находок в процессе исследования курганов в 1989 г. под полами пазырыкских надмогильных сооружений обнаружена частично разрушенная каменная выкладка и захоронение подростка в яме. Положение умершего (вытянуто на спине с поднятыми вверх коленями), находки (костяные трубочки-пронизки, каменное шлифованное тесло), а также окрашенность скелета охрой позволили предварительно отнести погребение к энеолитической эпохе. В публикации 1995 г. этот объект, получивший № 61, был отнесен к комплексу большемысской культуры [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 108 – 114]. Однако дальнейшие антропологические исследования позволили достаточно уверенно датировать могилу афанасьевским временем.

В ходе работ 1989 г. при исследовании площади могильника сплошным раскопом изучены семь курганов-выкладок булан-кобинской культуры периода поздней древности (II–IV вв. н. э.). Объекты были вытянуты цепочкой, ориентированной по линии юг – север, умершие, похороненные вытянуты на спине в каменных ящиках, ориентированы головой на запад. Найденны костяные и железные наконечники стрел, роговые накладки на лук, костяные трубочки, железные элементы поясов, пряжки, ножи, керамические пряслица и бусины [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992, с. 125 – 130, 222 – 226].

Тюркские погребения комплекса (три кургана (№ 1, 5, 10), расположенные к востоку от погребальных сооружений, содержали достаточно богатые погребения воинов с конем или снаряжением лошади (курган № 1). Найдены удила, стремяна из железа, роговые и железные псалии, предметы вооружения и снаряжения, детали фурнитуры боевых поясов, роговые накладки на лук. Датировка определена исследователями таким образом: курган № 5 – начало образования Первого Тюркского каганата (около 552 г. н. э.); курган № 10 – время пребывания на Алтае Чабыш-Кагана (630 – 650 гг. н.э.); курган № 1 – начало возникновения Второго Восточно-Тюркского каганата (около 682 г. н. э.).

В работах на поселенческих и погребальных комплексах в долине и устьевой зоне р. Тыткескень принимало участие достаточно большое количество специалистов, аспирантов, студентов, школьников и любителей истории и археологии из многих городов Сибири. Следует отметить археологов Ю. Ф. Кирюшина, К. Ю. Кирюшина, А. Л. Кунгурова, Н. Ю. Кунгурову, А. А. Тишкина, Ю. Т. Мамадакова, Н. Ф. Степанову, С. В. Неверова, В. П. Семибратова, В. В. Горбунова, М. Т. Абдулганеева; антрополога А. Р. Кима; геологов Г. Я. Барышникова, А. М. Малолетко; историков В. В. Владимирова, С. В. Цыба, О. Ф. Кунгурову; художника М. Г. Мингулова. Раскопки посещали А. П. Деревянко, В. Т. Петрин, С. В. Николаев, А. Б. Долинский (США) и многие другие.

За период работ 1983–2006 гг. в долине Тыткескенья было открыто более 20 памятников археологии, при этом исследователи неоднократно отмечали факт необходимости более тщательного изучения района. Специального обследования районов верхнего течения Тыткескенья не проводилось – все объекты были открыты во время проведения стационарных работ практически случайно: во время познавательных экскурсий, при проведении хозяйственных работ, осмотре пещер и т. п. Вероятнее всего, археологических памятников различных эпох в дальнейшем здесь будет открыто многократно больше.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. Л. Кунгуров.

Список литературы

Абдулганеев М. Т. Работы в Горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 189.

Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В. Аварийные раскопки на средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1992. – Вып. 3. – С. 26 – 29, 100 – 102.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Находки ранней бронзы на Средней Катунь // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1991. – Вып. 2. – С. 67 – 69.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Многослойное поселение Тыткескень 6 на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 111 – 123.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Археология НТП-I. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – 150 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1992. – С. 125 – 130, 222 – 226.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.

Кунгуров А. Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 43 – 58.

Кунгуров А. Л., Кунгурова Н. Ю. Работы в предгорьях Алтая // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 184.

Семибратов В. П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескень 3 // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. – Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. – С. 65 – 66.

Семибратов В. П. Финально-мезолитический комплекс поселения Тыткескень 3 // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 97 – 111.

УДК 502.131

О. В. Спиненко

Алтайский государственный университет

Хозяйственное освоение окрестностей озера Колыванского в древности¹

Озеро Колыванское находится на территории Рудного Алтая. С глубоких времен этот район считается своеобразной контактной зоной различных племен. В окрестностях озера насчитывается около 12 памятников археологии разного периода. Цель данной работы заключается в выявлении закономерностей хозяйственного освоения окрестностей озера в древности. Для достижения этого решались следующие задачи: характеристика географического положения озера, археологических памятников от палеолита до средневековья, выявление ресурсов, использовавшихся в разные исторические периоды.

Озеро Колыванское расположено в зоне тектонического разлома близ северо-западных отрогов Колыванского хребта на высоте 336 м от уровня моря. Цоколь сложен пермскими интрузивными образованиями (гранитоиды, кварцевые диориты, диориты, граниты и плагиограниты). На северо-восточном борту озера имеются выходы горного хрусталя. Четвертичные отложения представлены делювиально-элювиальными суглинками, щебнем, глыбами. На бортах долины, занятой озером, изобилуют денудационные гранитные останцы с причудливым эоловым выветриванием. В целом местность вокруг озера Колыванского гористая, чередующаяся с равнинной (к западу и северо-западу от озера) [Кунгуров, 2002, с. 74].

Особенности климата Рудного Алтая обусловлены его рельефом. Континентальный климат предгорных степей с жарким коротким летом и холодной малоснежной зимой чуть смягчается в предгорьях и горных районах (Колыванское озеро, URL: <http://www.akunb.altlib.ru/2011-08-23-13-20-43/2011-08-23-13-22-22/288.html>).

Хозяйственное освоение окрестностей озера Колыванского началось в эпоху палеолита, когда древние люди освоили территорию Рудного Алтая. В это время регион заселили родовые группы кочевых охотников. По тем находкам, которые имеются, можно обозначить мустьерский комплекс и материалы позднего палеолита. К этим периодам относятся две стоянки древнего человека: Колыванское-II [Алехин, Кунгуров, Шевская, 2013, с. 90] и Саввушка-V [Алехин, Кирюшин, 1996, с. 19].

На памятниках были найдены каменные орудия и отходы камнеобрабатывающего производства. Также помимо каменных изделий выявлены обломки костей, что свиде-

¹ Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ № 2013-220-04-2245, тема «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

тельствует об охоте на носорога, бизона, пещерного льва, мамонта, тура и дикую лошадь. Из этого следует, что основными ресурсами в эпоху палеолита были каменное сырье, использовавшееся в орудийной деятельности, и крупные животные, обитавшие в окрестностях озера и служившие объектами охоты.

В окрестностях озера насчитывается три неолитических памятника: Слюдянка, Усть-Колыванка-I, Саввушка-V. Характерной особенностью каменной индустрии неолита Рудного Алтая является микролитическая техника изготовления каменных вкладышевых орудий и изготовление крупных нешлифованных орудий. Орудия – скребки, скобели, долота, тесла, сверла, резцы, развертки, ножевидные пластины, стерженьки составных рыболовных крючков. Наконечники стрел и дротиков изготавливались из различных пород камня: яшмы, халцедона, горного хрусталя, кремнистых пород, галек. Также широко применялись костяные орудия. По сравнению с предыдущими эпохами в неолите техника обработки камня, кож, дерева и кости стала более совершенной [Алехин, Кунгуров, Шевская, 2013, с. 7]. Эпоха неолита характеризуется появлением орнаментированной посуды. Значительную роль в хозяйстве, наряду с охотой, стало играть рыболовство.

Таким образом, происходит увеличение пород камня, используемых в качестве сырья для изготовления орудий, наращивается применение минеральных материалов (глина) в гончарном производстве. Объектами рыболовства являлись серебряный карась, щука, окунь, ерш, плотва, линь, озерный голец, лещ.

В конце 4 тыс. до н. э. на территории Рудного Алтая получил распространение горнорудное дело и производство цветных металлов. Именно на развитии месторождений руд цветных металлов, производстве и поставке изделий в соседние регионы специализировалось население в течение трех тысячелетий. В окрестностях озера самым ранним поселением металлургов на данный момент является Колыванское-1 раннего бронзового века. Оно находится на северо-восточном берегу озера Колыванского. Основную часть площади памятника занимает культурный слой эпохи ранней бронзы (XXII–XIX вв. до н. э.).

К настоящему времени вскрыто около 2 300 кв. м площади этого памятника. Зафиксированы многочисленные следы металлургического производства: медные шлаки, сплески, заготовки орудий, литейный брак, медная руда, каменные рудодробильные песты, обломки каменных и керамических литейных формочек, тиглей. Медная руда добывалась на выработках, ближайšie из которых находились в 25–30 км от поселения. Население занималось скотоводством, о чем свидетельствуют костные остатки. Преобладавал крупный рогатый скот, в том числе тягловые крупные длиннорогие быки. Костные остатки диких животных говорят об охоте на кулана, аргали, косулю, сибирского горного козла, соболя, лисы, барсука, зайца, волка, медведя и дикую утку. О рыболовстве свидетельствуют найденные каменные и керамические грузила, о ткачестве и прядении – пряслица и трепала [Алехин, Кунгуров, Шевская, 2013, с. 88].

К среднему – позднему бронзовому веку относится поселение Усть-Колыванка-II. Памятник находится в пойме р. Усть-Колыванки, на её правом берегу, в 0,3 км к северо-западу от впадения в неё реки Слюдянки, в 1 км к северо-востоку от северного берега озера Колыванского. Памятник находится на небольшой возвышенности между зарослями кустарника, маркирующими русло реки Усть-Колыванки, и болотом. В некоторых местах на памятнике фиксируются небольшие слабозаметные западины, которые могут являться остатками котлованов жилищ.

В качестве ресурсов, используемых в этот период, выступали объекты охоты и рыболовства, каменное сырье и сырье для металлургии. Охотились преимущественно на мясных животных (кулан, сибирский горный козел, косуля, аргали, кабан, лось и олень), также на пушного зверя (соболь, заяц, барсук, медведь, волк, рысь и бобр). Каменное сырье – это яшма, кремнистые песчаники, граниты, габбро-диабазы, порфиры, алевро-

литы и сланцы. Сырьевая база металлургии включала месторождения окисленных полиметаллических свинцово-цинково-медных руд (малахит и азурит), сульфидные руды (халькопирит, ковеллин и халькозин), медные руды, медно-свинцово-цинковые руды, а также медно-цинковые и медно-свинцовые руды.

В раннем железном веке Рудный Алтай по-прежнему являлся крупной горно-металлургической областью, источником цветных металлов как для местного населения, так и для соседних регионов. Немногочисленные археологические памятники Рудного Алтая второй половины VIII – первой половины VI в. до н. э. представлены в основном могильниками.

В окрестностях оз. Колыванское зафиксированы многочисленные курганы кочевников раннего железного века. К этому периоду относятся немногочисленные материалы с поселения Колыванское-I [Грушин, Алехин, Шайхутдинов, 2011]. Вероятно, основным ресурсом для населения этого времени являлись обширные пастбища. Памятников средневековья в окрестностях озера пока не выявлено, однако относительно ресурсов можно высказать предположение, что для этого периода, как и для раннего железного века, основными ресурсами выступали пастбища и промысловые (охотничье-рыболовные) угодья. Таким образом, хозяйственное освоение окрестностей озера началось в среднем палеолите и продолжалось до раннего железного века.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. П. Грушин.

Список литературы

Алехин Ю. П., Кирюшин Ю. Ф. Памятники археологии. Змеиногорский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 12 – 21.

Алехин Ю. П., Кунгуров А. Л., Шевская О. В. Достояние земли Змеиногорской (археологическое и историческое наследие) – Барнаул: Изд-во «Пять плюс», 2013. – 184 с.

Грушин С. П., Алехин Ю. П., Шайхутдинов В. М. Продолжение работ на поселении Колыванское-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – Вып. 7. – С. 59 – 63.

Колыванское озеро [Электронный ресурс] // Экология. Справочно-информационный центр АКУНБ [Офиц. сайт]. – URL: <http://www.akunb.altlib.ru/2011-08-23-13-20-43/2011-08-23-13-22-22/288.html> (дата обращения: 04.01.2014 г.).

Кунгуров А. Л. Каменный век Рудного Алтая. Палеолитические памятники. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Ч. 1. – 176 с.

УДК 902

К. А. Тишкина

Алтайский государственный университет

Использование материалов М. В. Швецовой в трудах современных исследователей

Мария Васильевна Швецова (Лаврова) родилась в 1856 г. в Орловской губернии в семье священника [Долидович, 2010, с. 41]. В 1875–1877 гг. Мария Васильевна училась

на женских курсах Медико-хирургической академии в Петербурге. Вместе с народницей М. Н. Ошаниной она организовала небольшой политический кружок. Весной 1878 г. за активную антиправительственную деятельность была выслана на жительство в г. Нолинск. Через некоторое время была переведена в г. Ишим, а затем в г. Тюкалинск, где познакомилась с политическим ссыльным С. П. Швецовым и вышла за него замуж. В июне 1888 г. Швецовы получили право свободного проживания на территории Сибири. Сначала семья жила в г. Барнауле, а с 1896 г. – в г. Омске.

В 1897 г. Сергей Порфирьевич Швецов получил предложение Главного Управления Алтайского округа произвести на территории Горного Алтая статистико-экономическое обследование так называемых «калмыцких стойбищ» – мест проживания инородцев. Вместе с ним в поездку на Алтай отправилась и Мария Васильевна. Она помогала супругу в сборе информации и параллельно осуществляла собственные этнографические наблюдения за жизнью местного населения. В центре внимания исследовательницы была духовная культура алтайских инородцев.

Летом 1898 г. на средства Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества М. В. Швецова предприняла поездку на Алтай с целью изучения поселений «поляков» – русских старообрядцев, переселившихся в Польшу и во второй половине XVIII в. высланных на территорию Алтайского округа.

Итоги этнографических исследований М. В. Швецовой были опубликованы в «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества»: «Алтайские калмыки» (1898); «Из поездки в Риддерский край» (1898); «Поляки Змеиногорского округа» (1899). Научная значимость ее исследований заключалась в детальном рассмотрении духовной жизни народов Алтая через фольклорный материал. Статью «Алтайские калмыки» сопровождал иллюстративный материал.

Изыскания М. В. Швецовой представляют интерес для науки, о чем свидетельствуют ссылки на ее труды в работах современных исследователей. Так, Н. А. Миненко, обращаясь к изучению хозяйственной жизни и мировоззрения алтайских «поляков», использовала собранные и опубликованные М. В. Швецовой устные сведения «поляков» о прибытии на Алтай, а также ее суждения о взаимоотношении жителей внутри польских селений [Миненко, 1983, с. 206].

Исследовательница В. А. Липинская [Липицкая, 1987; 1996] в своих научных работах обращалась к истории заселения русскими современной территории Алтайского края, районов Горного Алтая и Восточноказахстанской области. Главное внимание в своих работах она обратила на бытовую сторону жизни переселенцев: строительство домов; особенности одежды; устройство праздников; взаимоотношения в семье. Интерпретация работы М. В. Швецовой «Поляки Змеиногорского округа» и включение своих этнографических материалов позволили В. А. Липинской осуществить реконструкцию внутреннего и внешнего убранств жилищ, фасонов одежды, свадебных обрядов староверов.

В работах исследователя Н. А. Томилова [Томилова 1981; 1993; Захарова, Томилова, 2007] особое внимание уделялось обзорам состояния этнографических коллекций, составленных М. В. Швецовой во время экспедиций на Алтай. Собранные ею образцы тканей, половиков, предметов быта и т. д. в настоящее время хранятся в фондах Омского историко-краеведческого музея [Культура..., 1994, с. 85 – 107].

В 2005–2009 гг. по инициативе сотрудников Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова было выпущено трехтомное издание «Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века». Оно содержит описание значительного количества источников, освещающих историю, хозяйственную жизнь, быт населения региона, особенности природы Алтая. Во второй том указанного издания был включен текст статьи М. В. Швецовой «Поляки Змеиногорского округа» вместе с

приложением «Песни и причитания» и комментариями автора [Швецова, 2007, с. 425]. Переиздание данной статьи, являвшейся библиографической редкостью, сделало ее доступной не только для исследователей, но и для широкого круга читателей.

Труды М. В. Швецовой, изданные более ста лет назад, продолжают быть востребованными для современного научного сообщества. Это говорит о том, что темы исследования, затронутые Марией Васильевной, остаются актуальными и в настоящее время.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю. М. Гончаров.

Список литературы

Долидович О. М. Научная деятельность женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Женщины в истории России XVIII–XXI веков. Восьмые Щаповские чтения: материалы Всерос. науч. конф., Иркутск, 1 октября 2010 г. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 37 – 49.

Захарова И. В., Томилов, Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. – Омск: Изд. дом «Наука», 2007. – 400 с.

Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / отв. ред.: А. А. Лебедева, Н. А. Томилов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – 153 с.

Липинская В. А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). – М.: Наука, 1987. – 224 с.

Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

Миненко Н. А. Ссылные крестьяне «поляки» на Алтае в XVIII–XIX вв. // Политические ссылки в Сибири (XVIII–XX вв.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – С. 198 – 214.

Томилов Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях // Советская этнография. – 1981. – № 5. – С. 84 – 95.

Томилов Н. А. Предметы хозяйства русских в этнографическом фонде Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – С. 7 – 12.

Швецова М. В. Поляки «Змеиногорского округа» // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в. – Барнаул: Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, 2007. – Т. 2. – С. 425 – 494.

УДК 902.01,,634/637”(571.51)

А. Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН

Комплексы эпохи неолита – бронзы Усть-Кутарейского археологического микрорайона: к постановке проблемы

В ходе широкомасштабных археологических работ, связанных с возобновлением строительства Богучанской ГЭС на территории Северного Приангарья, был накоплен значительный объем фактического материала, который требует обобщения и согласо-

ния с культурно-хронологической схемой региона. Одни из наиболее интересных материалов были получены при изучении хорошо стратифицированных памятников неолита и бронзового века в Усть-Кутарейском археологическом микрорайоне (памятники на левом берегу р. Ангара в среднем ее течении, относящиеся к правому притоку р. Кутарей). Однако до проведения анализа конкретных археологических комплексов необходимо установить круг основных проблем, связанных с изучением археологических памятников неолита и бронзового века на территории Северного Приангарья в целом.

К Северному Приангарью относится бассейн р. Ангара в ее нижнем и среднем течении (включающем субширотный отрезок), с боковыми притоками (реки Кежма, Кова, Кода, Кутарей, Парта, Пашина, Чадобец, Мура, Иркинеева, Каменка и др.), а также часть Среднесибирского плоскогорья, Енисейского кряжа, Канско-Тасеевской впадины; Северное Приангарье примыкает к Западно-Сибирской равнине. Такое положение провинции определяет сложность и разнообразие ее рельефа [Зенин, 2009, с. 7].

Памятники в зоне затопления водохранилища БогЭС, как и все Северное Приангарье, в археологическом и историческом плане исследуются с начала XVIII в. За этот период были получены материалы, которые характеризуют культуру населения Приангарья от палеолита до этнографической современности. Историю изучения памятников Северного Приангарья «по интенсивности исследований» сотрудники ИАЭТ СО РАН, занимавшиеся фондовыми и полевыми изысканиями в Кежемском районе Красноярского края и Усть-Илимском районе Иркутской области, разделили на три этапа [Там же, с. 9].

На первом этапе (начало XVIII – конец XIX в.) был создан историко-археологический фундамент для дальнейших исследований, обеспечено понимание географической ситуации региона. На втором этапе (начало – середина XX в.) были заложены масштабные и конкретные культурно-хронологические построения, ставшие основой для последующей интерпретации. Основная часть археологических памятников была открыта на третьем этапе, который связан с началом строительства каскада гидроэлектростанций на Ангаре в 1950-е гг.

С конца 1960-х гг. проводятся регулярные разведочные и раскопочные исследования памятников Северного Приангарья. Основные усилия к этому прикладывают сотрудники университетских и академических учреждений, а также органов охраны памятников Иркутска, Красноярска, Новосибирска. Именно в рамках данных работ открыто большинство археологических объектов Усть-Кутарейского микрорайона: в 1974 г. – Устье реки Кутарей (работы Кежемского отряда СААЭ КГПИ под руководством Н. И. Дроздова); в 1975 г. – Ручей Поварный, Сенькин Камень и Гора Кутарей (работы В. И. Привалихина). Впоследствии исследование памятников проводилось в 2008–2011 гг. Институтом археологии и этнографии СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления БогЭС.

Одним из наиболее дискуссионных в историографии остается вопрос о хронологии и периодизации неолита и бронзового века Северного Приангарья. Начиная с 1950-х гг. эта тема широко представлена в работах А. П. Окладникова, М. М. Герасимова, Б. Э. Петри, Л. П. Хлобыстина, Н. А. Савельева и Г. И. Медведева, В. В. Свирина, О. И. Горюновой [Гришин, 2000, с. 8–36]. Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, Н. И. Дроздов выделяют ранний, средний и поздний неолит Приангарья, связывая развитие ранней стадии с мезолитическими традициями [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 136–140]. Ю. С. Гришин, обобщая результаты абсолютного датирования, приводит следующие датировки предложенных А. П. Окладниковым [Окладников, 1950] этапов:

- китойский – V–IV тыс. до н. э.;
- исаковский – 2-я половина IV тыс. до н. э.;

- серовский – конец IV–III тыс. до н. э.;
- глазковский – 2-я половина III – 2-я половина II тыс. до н. э.

Среди представленных радиоуглеродных дат отсутствуют данные по немногочисленным хиньским погребениям, которые в настоящее время условно относятся большинством исследователей к периоду финального мезолита [Гришин, 2000, с. 50]. С учетом последних разработок И. В. Асеевым представлена обобщающая предыдущие результаты хронологическая схема неолитических культур региона:

- поздний палеолит (мезолит) – VIII тыс. до н. э.;
- ранний неолит – 1-я половина VII тыс. до н. э.;
- китойская культура – 2-я половина VII – начало II тыс. до н. э.;
- исаковская культура – начало VI – 1-я половина V тыс. до н. э.;
- серовская культура – 2-я половина V – II тыс. до н. э. [Асеев, 2003, с. 13].

Культурно-хронологическая интерпретация памятников Северного Приангарья зачастую затруднительна из-за смешения в одном слое материалов неолита и бронзового века. В данном случае культурным и датирующим маркером может служить керамика. Новые разработки в данной проблематике представлены Н. П. Макаровым [Макаров, 2013].

Так, при исследовании памятников Усть-Кутарейского микрорайона (устье реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, гора Кутарей) было обнаружено более 30 тыс. артефактов. Проведение рекогносцировочных работ позволило выявить наиболее перспективные участки с четкой стратиграфией, где были проведены раскопки сплошной площадью. Наиболее перспективным в контексте рассмотренных проблем представляется изучение материалов памятника Устье реки Кутарей.

Массовые археологические комплексы из слоев 3 и 4 включают в основном каменную индустрию (технологически индустрия неолитическая не отличается от индустрии бронзового века) и керамику (сопоставимую с материалами Прибайкалья, Нижней Ангары, четко фиксируется группа посольской керамики) [Савин, 2011, с. 113]. Отчетливые стратиграфические напластования и взаимосвязанные с ними керамические комплексы памятников Усть-Кутарейского микрорайона дают возможность датировать сопутствующие материалы, а в дальнейшем позволят внести существенный вклад в построение единой хроностратиграфической шкалы археологических памятников среднего течения реки Ангары. Таким образом, детальный анализ изделий данных памятников позволит рассмотреть материалы микрорайона в контексте представленных проблем.

Научный руководитель – д-р ист. наук М. В. Шуньков.

Список литературы

Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 223 с.

Генералов А. Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1979. – 21 с.

Гришин Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Старый сад, 2000. – 128 с.

Зенин А. Н. Отчет об археологических разведках на территории Кежемского района Красноярского края (в зоне затопления Богучанской ГЭС) в 2008 году. – Новосибирск, 2009. – Т. 1. – 205 с.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: Изд-во КККМ, 2013. – С. 130 – 175.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. Ч. I, II // МИА. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – № 18. – 412 с.

Савин А. Н. Отчет об археологических раскопках стоянки Устье реки Кутарей в 2010 г. (Кежемский район Красноярского края): в 6 т. // Авторская рукопись. – Т. I. – 175 л.

УДК 902.02

Д. О. Ялин, О. С. Кузнецова

Забайкальский государственный университет

Инструктивно-обучающий семинар в полевом лагере археологической экспедиции

Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности предложен современный национальный воспитательный идеал – «это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [Данилюк, 2009, с. 11]. Вопрос о становлении патриотического сознания, формирование комплекса личностных компетенций современного российского гражданина сегодня очень актуален.

Педагогическая археология является междисциплинарной отраслью знания, направленной на взаимодействие методов решения педагогических задач и прикладного характера археологии [Бровко, 2004, с. 5].

В настоящее время педагогическая археология является одним из наиболее эффективных направлений краеведческой работы со школьниками и студентами. Привлечение обучающихся к участию в археологических исследованиях способствует не только ознакомлению с методикой ведения археологических работ и историко-культурным наследием нашей страны, но и формированию верных ценностных ориентиров и нравственных норм, накоплению духовного опыта. Уникальность детской археологии состоит и в том, что обучающиеся изучают историю наглядно, а это непосредственно способствует развитию интереса к данному предмету. Сама по себе археология является дисциплиной, наиболее способствующей эффективному взаимодействию школьного и вузовского образования, организации совместной деятельности школьников и студентов в полевых условиях.

В духовно-нравственном развитии личности, в патриотическом воспитании особое место занимает знание истории своей страны, своей малой Родины (Мезенцев А. Л., URL: <http://www.rezerv.narod.ru/interes.html>). Именно поэтому в полевом лагере экспедиции необходима организация не только научно-познавательных, но и досугово-развлекательных и спортивно-оздоровительных мероприятий.

В 2013 г. в полевом лагере «Искатель» Верхнеамурской археологической экспедиции с учётом основных положений Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России был организован инструктивно-обучающий семинар.

Он предусматривал реализацию комплекса мероприятий, направленных на развитие интеллектуального и творческого потенциала, повышение профессионального уровня студентов 2–3-х курсов направления «Педагогическое образование», профиль «Историческое образование» исторического факультета Забайкальского государственного университета. В работе семинара также приняли участие учащиеся 8–10-х классов общеобразовательных учреждений г. Борзя, пгт. Шерловая – 1, ГОУ «Центр образования для детей-инвалидов Забайкальского края».

Семинар включал следующие формы работы:

1. Научно-практический блок: лекции, мастер-классы, деловые игры, дискуссионные площадки;
2. Досуговый блок: творческие конкурсы, адаптационный тренинг.

Основными задачами мероприятия являлись:

- развитие профессиональной компетентности студентов – будущих педагогов, историков, археологов;
- создание условий для профессионального общения участников полевого лагеря «Искатель», направленных на понимание и решение практических задач через их методологическое осмысление;
- взаимодействие школьников и студентов, создание «первичных» органов молодежного самоуправления.

Главным направлением работы семинара, наряду с непосредственным участием «жителей» полевого лагеря в археологических исследованиях, являлось создание условий для развития у школьников и студентов, принимающих участие в работе полевого лагеря, способности к постоянному профессиональному совершенствованию, умения выбирать необходимое направление и формы деятельности для личностного и профессионального роста, а также привлечение активных студентов к общественной жизни факультета, университета, города и края. Наиболее значимые мероприятия, проведенные в рамках семинара, нашли отражение в программе (см. таблицу).

Работа семинара осуществлялась в течение 3 дней. В работе семинара приняли участие профессорско-преподавательский состав Верхнеамурской археологической экс-

Таблица. Программа инструктивно-обучающего семинара для участников полевого лагеря «Искатель» (Верхнеамурская археологическая экспедиция – руководитель Е. В. Ковычев)

№	Название мероприятия	Вид мероприятия
1	«Социальное проектирование»	Мастер-класс
2	Игра по станциям «Твой путь»	Адаптационный тренинг
3	«Аукцион ценностей»	Тренинг
4	Конкурс пародий «Большая разница»	Творческий конкурс
5	Презентация деятельности Первичной профсоюзной организации студентов ЗабГУ	Площадка-презентация
6	«Государственная молодежная политика – как ресурс развития территорий»	Мастер-класс
7	Ток-шоу «Есть мнение!»	Дискуссионная площадка
8	Конкурс профессиональной ориентации «Историк – это звучит гордо!»	Творческий конкурс
9	«Истоки профессионального мастерства»	Мастер-класс

педии, специалисты управления государственной службы и кадровой политики администрации губернатора Забайкальского края, первичной профсоюзной организации студентов Забайкальского государственного университета.

Каждое мероприятие, организованное в рамках работы семинара, способствовало творческой самореализации молодежи в полевых условиях, развитию у школьников и студентов интереса к археологическим исследованиям, созданию условий для формирования системы ценностных ориентиров. Во взаимодействии школьников и студентов особое внимание было уделено студенческому самоуправлению, что способствовало развитию у студентов их педагогического потенциала.

Психолого-педагогические методики, направленные на сплочение коллектива, способствовали плодотворному взаимодействию студентов и школьников различных учебных заведений. Важной составляющей культурно-досуговой деятельности являлся режим дня, включающий помимо прочего ежедневные организационные линейки, зарядку и рефлексию. В настоящее время нами ведётся разработка программы культурно-досуговой и научно-практической деятельности в полевом лагере «Искатель» в 2014 г.

Актуальность «детской» археологии непосредственно связана с сокращением финансирования полевых исследований и организацией научно-практических и культурно-досуговых мероприятий для молодежи в полевых условиях. Дальнейшая разработка и реализация задач педагогической археологии непосредственно будет способствовать популяризации археологических исследований, решению определенных педагогических задач, а в перспективе – достижению современного национального воспитательного идеала, предложенного Концепцией.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е. В. Ковычев.

Список литературы

Бровко Д. В. Феномен педагогической археологии // Уссурийский краеведческий вестник. – 2004. – № 3. – С. 5 – 9.

Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – 23 с.

Мезенцев А. Л. Археология и формирование интереса к истории у школьников [Электронный ресурс] // Клуб юных археологов «Резерв» [офиц. сайт]. – URL: <http://www.rezerv.narod.ru/interes.html> (дата обращения: 10.01.2013).

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

УДК 903.02.„634”’(571.55)

П. А. Балыбердина
*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

Неолитический комплекс керамики поселения Красное Плотбище

В 1969 г., в связи со строительством Нижнекамской ГЭС Пермским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции во главе с В. П. Денисовым был проведен ряд разведок, в ходе которых были уточнены данные об известных памятниках и открыты новые [Бадер, 1972, с. 23 – 26].

Наиболее изученным памятником этого района является поселение Красное Плотбище, расположенное в 4 км к северо-западу от д. Чернушки Чайковского района Пермской области, непосредственно вблизи маленького кордона Красное Плотбище.

В этом месте боровая терраса, возвышающаяся над Камой от 6 до 12 м, двумя уступами выходит к берегу реки.

Первоначальное обследование памятника было проведено В. А. Могильниковым в 1954 г.

В 1969 г. при повторном обследовании стоянки Пермским отрядом Нижнекамской АЭ было установлено, что прибрежная часть стоянки ежегодно разрушается. В связи с этим в течение всех последующих лет большая роль отводилась раскопкам вдоль берегового обнажения, с целью предохранения памятника от разрушения.

При обследовании поселения на площади около 10 тыс. м² было выявлено более 40 жилищных впадин, большинство из которых располагается на месте древних жилищ. В том же 1969 г. был заложен раскоп I вдоль берегового обнажения и раскоп II на одну из трех впадин, расположенных в центральной части памятника. В 1971 г. раскопки на поселении Красное Плотбище были продолжены на I и II раскопах. В 1972 г. был заложен раскоп III на четырех нечетко выраженных впадинах. В 1973 г. был продолжен раскоп I вдоль берега в северо-западном направлении, а в 1974 г. вскрыт участок между юго-восточной частью раскопа I и раскопом III. В результате этих работ был получен большой вещественный материал и изучено одно трехкамерное жилище (раскоп II), одно двухкамерное (раскоп III) и одно однокамерное (раскоп I, 1973 г.).

Памятник многослойный, однако основная масса материала относится к периоду неолита и ранней бронзы. Керамика неолитического типа дошла до нас в виде небольших фрагментов. Судя по имеющимся шейкам, стенкам и придонным частям сосуда имели полуяйцевидную форму с чуть наклонной внутрь шейкой. Большая часть венчиков на 1–2 мм тоньше стенок. Толщина стенок колеблется от 6 до 13 мм.

Лепка сосудов производилась способом кольцевого налёпа. Об этом свидетельствуют частые находки фрагментов с приостренными краями, как бы распавшихся по месту стыка двух лент. Обжиг сосудов костровой. Цвет внутренней и внешней поверхностей желтовато-коричневый, у некоторых сосудов красноватый.

Все сосуды изготовлены из хорошо промешанного теста, в которое для отощения добавляли шамот или дресву.

Обработка поверхности всех сосудов как внутри, так и снаружи проводилась мягким предметом очень тщательно. Все фрагменты покрыты орнаментом. Орнамент на сосудах располагался обычно горизонтальными зонами, но встречается и более свободное построение композиции, где орнамент располагается не только горизонтально, но и по диагонали.

Все орнаментальные узоры были выполнены тремя техническими приемами: гребенчатым штампом, глубокими ямочными наколами и прочерчиванием. Резко преобладает орнаментация зубчатым штампом. Ямочный орнамент встречается лишь в сочетании с зубчатым. На некоторых сосудах встречаются конические отверстия – сверлины, которые часто встречаются на сосудах неолитических стоянок Среднего Прикамья (Боровое озеро-I, Кряжская и др.).

Зубчатый штамп, отпечатками которого украшены все сосуды, можно по форме разделить на два типа: прямой (гребенка) и овальный (гусеничка). Последний обычно применялся для заполнения бордюрной зоны и для разделения зон, выполненных гребенчатым штампом. На поселении обнаружен лишь один сосуд, полностью орнаментированный узором, выполненным овальным зубчатым штампом [Денисов, 1960, рис. 10 – 4, 5; рис. 12 – 4, 7]. Гребенчатый штамп имеет различную длину – от 2,5 до 4 см. Преобладает длинный узкий гребенчатый штамп с количеством зубцов 12–16.

Сочетание оттисков: косо- и прямопоставленных зубчатых штампов, шагающей гребенки, создают своеобразный узор на керамике поселения. Комбинации этих элементов придают сосудам нарядность, своеобразие, выразительность, отражают эстетические вкусы человека того времени. Более сложные узоры, представляющие собой геометрические фигуры, встречаются редко.

Вопросами периодизации, хронологии и взаимодействия культур неолита Прикамья после основных работ О. Н. Бадера [Бадер, 1973, с. 99 – 106; Бадер, 1978, с. 72 – 74] в настоящее время занимаются А. А. Выборнов [Выборнов 1992, 2008], Е. Л. Лычагина [Лычагина, 2006, с. 11 – 24], А. Ф. Мельничук и др. [Новые позднемезолитические ..., 2001, с. 142 – 162].

Хронология камской культуры опирается на радиоуглеродные даты, полученные по органике в черепках [Новые данные ..., 2008, с. 36 – 45]. Нижняя граница фиксируется последней четвертью V тыс. до н. э., а верхняя – третьей четвертью IV тыс. до н. э. Что касается материалов с накольчатой посудой, то их нижний предел – третья четверть V тыс. до н. э., а верхний рубеж – первая четверть IV тыс. до н. э.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. Ф. Мельничук.

Список литературы

Бадер О. Н. Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции в 1968 и 1969 гг. // Отчеты НКАЭ. – М., 1972. – Вып. 1. – С. 7 – 26.

Бадер О. Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. – 1973. – № 172. – С. 99 – 106.

Бадер О. Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. – 1978. – Вып. 153. – С. 72 – 74.

Выборнов А. А. Неолит Прикамья. – Самара: Изд-во СГПУ, 1992. – 148 с.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. – 490 с.

Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья / А. А. Выборнов [и др.] // Вестн. музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2008. – Вып. 2. – С. 36 – 45.

Денисов В. П. Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки ПГУ. – Пермь, 1960. – Т. XII. – Вып. I. – С. 34 – 71.

Лычагина Е. Л. Проблемы периодизации и хронологии неолита Пермского Предуралья // Вестн. музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2006. – Вып. 1. – С. 11 – 24.

Новые позднемезолитические и ранне-неолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье / А. Ф. Мельничук [и др.] // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники: ПГУ, 2001. – С. 142 – 162.

УДК 903.2.,632”(571.513)

А. В. Барков

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Нуклеусы палеолитической стоянки Малая Сья

Одним из опорных памятников верхнего палеолита региона Чулымо-Енисейского междуречья является Малая Сья. Памятник Малая Сья расположен в восточных предгорьях Кузнецкого Алатау, на левом берегу реки Белый Июс и был открыт в 1974 году. Изучалось местонахождение на протяжении ряда лет Н. Д. Оводовым (1974–1975), В. Е. Ларичевым (1975–1989, 1992), Ю. П. Холюшкиным (1992, 2001), Д. Н. Дроздовым (2004), Л. В. Лбовой, В. М. Харевичем, А. В. Барковым и др. (2013). Несмотря на большой объем проводимых полевых работ, археологическая коллекция памятника опубликована фрагментарно, в публикациях дана лишь самая общая характеристика каменной индустрии. Исходя из этого имеется необходимость в более детальном анализе и публикации данных о каменной индустрии памятника, в том числе и по отдельным ее компонентам, таким как типологический состав нуклеусов.

В. Е. Ларичев и Ю. П. Холюшкин, внесшие основной вклад в исследование памятника, выделяют следующие основные черты, характеризующие типологический состав нуклеусов и характер первичного расщепления:

- наличие нуклеусов леваллуазского типа, которые характеризуются наличием скошенной к контрфронт ударной площадки;
- использование подпризматических, конических, дисковидных и крупных и мелких торцовых нуклеусов;
- доминирование одно- и двухплощадочных монофронтальных нуклеусов;
- наличие микронуклеусов;
- пластинчатая направленность первичного расщепления [Ларичев, Холюшкин, 1992; Холюшкин, 2009].

Кроме В. Е. Ларичева и Ю. П. Холюшкина, с археологическими материалами памятника работал Санкт-Петербургский археолог Н. Ф. Лисицын [Лисицын, 2000]. Анализ

нуклевидных форм проводился им на основе коллекции Н. Д. Оводова и по имеющимся в публикациях рисункам археологического материала. Сам автор отмечает, что в таком анализе будет присутствовать эффект выборки [Там же, с. 28]. Исследователь следующим образом охарактеризовал типологический состав ядрищ:

- основная часть нуклеусов представлена одно- и двухплощадочными монофронтальными формами встречного и параллельного принципа расщепления;
- отмечается многочисленная группа кубовидных по форме нуклеусов на гальках с негативами продольных и поперечных снятий, которые менялись местам в процессе расщепления;
- присутствует немногочисленная группа тщательно оформленных дисковидных ядрищ;
- присутствуют крупные и мелкие торцовые нуклеусы, причем мелкие торцовые нуклеусы, как и мелкие подпризматические формы, выполнены на обломках более крупных ядрищ.

В целом, по мнению Н. Ф. Лисицына, первичное расщепление на памятнике Малая Сья направлено на получение пластин и свидетельствует о зарождении техники торцового нуклеуса [Там же, с. 29–30].

В коллекции 1974–2013 гг., обработанной нами, насчитывается 356 нуклевидных форм, которые представлены нуклеусами (99 экз.) и нуклевидными обломками (251 экз.).

Сырьем для нуклеусов служило преимущественно местное галечное сырье (59 %). Нуклеусы, выполненные на обломках (7 %) и сколах (6 %) немногочисленны, в ряде случаев тип первоначального субстрата определить не удалось (29 %).

В коллекции преобладают монофронтальные одноплощадочные (26 экз. – 26 %) и двухплощадочные (23 экз. – 23 %) нуклеусы с параллельным или встречным принципами расщепления. Двухфронтальные нуклеусы со встречным скалыванием по противоположащим плоскостям не так многочисленны и представлены двухплощадочными (9 экз. – 9 %), трехплощадочной (1 экз. – 1 %) и четырехплощадочной (1 экз. – 1 %) формами. Ударные площадки нуклеусов преимущественно прямые (53 %), реже скошенные (47 %) и подготовлены в основном серией укороченных снятий со стороны фронта (58 %). Площадки, оформленные одним сколом (24 %), и естественные площадки (18 %) редки.

Ортогональные нуклеусы представлены однофронтальными (7 экз. – 7 %) и двухфронтальными (19 экз. – 19 %) вариантами. Ударные площадки скошенные (59 %) и прямые (41 %), количество ударных площадок варьируется от двух до четырех.

Торцовые нуклеусы представлены одноплощадочными монофронтальными экземплярами небольших размеров (4–6 см. высотой) и в ряде случаев имеют заостренную подработку дистальной части (7 экз. – 7 %). В коллекции имеются и истощенные монофронтальные нуклеусы, на дистальном торце которых серией отщеповых снятий оформлялась ударная площадка и организовывалось торцовое расщепление (3 экз. – 3 %).

Фиксируется небольшая серия радиальных однофронтальных (2 экз. – 2 %) и двухфронтальных (1 экз. – 1 %) нуклеусов, редукция которых была прекращена по причине истощения полезного объема.

Анализ фронтальной поверхности ядрищ и негативов снятий показывает явную пластинчатую направленность первичного расщепления: на нуклеусах фиксируются негативы пластинчатых снятий (77 %) либо пластинчатых и отщеповых снятий (23 %).

В целом нуклеусы в коллекции демонстрируют высокую степень утилизации. Большинство ядрищ истощены и представлены на финальной стадии утилизации (61 %). Нуклеусы, представляющие серийную стадию редукции (32 %), оставлены из-за образовавшихся заломов на фронте или выявившихся в процессе расщепления дефектов сырья.

Ядрища на начальной стадии расщепления немногочисленны (7 %) и оставлены по причине выявившихся дефектов сырья.

Таким образом, анализ археологического материала и публикаций по данной тематике позволяет сделать следующие выводы:

1. В коллекции каменной индустрии памятника Малая Сыя преобладают нуклеусы моно- и бифронтальные со встречным и параллельным скалыванием. Менее распространены нуклеусы ортогонального типа, моно- и бифронтальные, с различным (от двух до четырех) количеством ударных площадок. Устойчивую серию представляют немногочисленные торцовые нуклеусы, что можно вслед за Н. Ф. Лисицыным связывать с зарождением этой техники [Лисицын, 2000, с. 29].

2. Типология нуклеусов демонстрирует пластинчатую направленность первичного расщепления, что подтверждается анализом орудейного набора и индустрии сколов.

3. Среди нуклеусов не выделено леваллуазских форм, что позволяет согласиться с мнением Н. Ф. Лисицына о том, что «леваллуазскими» В. Е. Ларичев именовал галечные нуклеусы со скошенными ударными площадками [Лисицын, 2000, с. 29].

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова.

Список литературы

Ларичев В. Е., Холюшкин Ю. П. Палеолитическая стоянка Малая Сыя // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск, 1992. – С. 109 – 122.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 232 с.

Холюшкин Ю. П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo sapiens в Северной Азии) // Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137 – 145.

УДК 903.4

А. С. Блинов, Е. А. Филатов

Забайкальский государственный университет

Новый этап исследований на многослойном поселении Усть-Менза-5¹

Древнее поселение Усть-Менза-5 входит в Усть-Мензинский комплекс археологических памятников. Располагается в Красночикоysком районе Забайкальского края в Усть-Мензинском урочище, при впадении р. Менза в р. Чикой. Открыто Чикойской археологической экспедицией ЧГПИ в 1985 г. Поселение связано с IV террасой высотой 20–22 м над уровнем реки. В результате раскопок 1985–1986 гг. на площади 110 м² установлено, что поселение является многослойным. В делюви-

¹ Работа выполнена в рамках гранта Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.2636.2011.

альной части разреза выявлено четыре культурных слоя, в аллювиальной – восемь культурных слоев. Наиболее представительным был культурный слой 4. Он располагался ниже каргинского педокомплекса, на контакте с мурухтинским (зырянским) аллювием. В слое найдено порядка 50 артефактов, в том числе нуклеусы, чопперы, скребла и др. С учетом стратиграфической позиции и характера материала этот слой отнесен к концу эпохи мустье [Усть-Менза, 2011, с. 304]. В пределах того же раскопа на глубине 0,35–0,5 м от современной поверхности расчищена каменная кладка размерами 2,4×1,7 м. Ниже кладки на 1,05 м находился скелет, густо засыпанный красной охрой. Скелет располагался на спине, головой на восток, руки согнуты в локтевых суставах, кисть левой руки прикрывала среднюю часть таза. Ноги повернуты влево, перпендикулярно позвоночнику. По мнению Н. Н. Мамоновой, скелет принадлежал женщине среднего возраста с явными монголоидными чертами. Погребальный инвентарь полностью отсутствовал. Возраст погребения около 7 тыс. л. н. (6940±160, ГИН-5000). Это погребение относится к числу древнейших, найденных в Забайкалье.

В 2013 г. на поселении поставлен новый раскоп площадью 32 м². Самым представительным в нем оказался культурный слой 2. Он связан с каштановой супесью, залегающей под дерново-почвенным слоем. В нем изучена каменная кладка округлой формы, выполненная из глыб и валунов. Панцирь кладки выпуклый. Центр кладки приподнят над краями на 20–30 см. В кладку входит двадцать один камень, в том числе три валуна, длиной 34–37 см, при ширине 15–20 см. Остальные камни – это гнейсовые глыбы, растрескавшиеся на части. Внешний контур составляют восемь камней, ориентированных длинными осями по периметру кладки. В этот контур входит и наиболее приметный камень, стоящий на широком торце и обращенный узким гребнем вверх. Он выше других крайних камней на 15–20 см. Возможно, он являлся своего рода приметным маячком. Эта кладка похожа на ту, что перекрывала описанное погребение из первого раскопа. Однако под данной кладкой погребения не оказалось. Не было здесь и каких-либо других находок. Не исключается, что она может характеризоваться как кенотаф. Возраст кладки в полной мере не определен. По стратиграфической позиции слоя, с которым кладка связана, она может быть отнесена к атлантическому или суббореальному времени.

За пределами кладки в северо-восточной части раскопа найдено 692 артефакта, из них 571 предмет составляет информативный материал, включающий в себя нуклеусы, орудия, микропластинки.

Выявлена серия из семи скребков. Самый крупный скребок изготовлен из массивной пластины размерами 8,2×4,6 см. На спинке частично сохраняется первичная корка. Рабочий край полукруглый, оформленный дорсальной приостряющей ретушью. Такой же ретушью оформлены боковые края. Не исключается, что этот скребок имеет палеолитическое происхождение и использовался вторично. Шесть скребков имеют средние размеры в пределах 7,2×5,5 см. Формы скребков округлые и концевые, ретушь дорсальная. Единственным экземпляром представлен пестик из продолговатой гальки, сохраняющей естественную форму. Возможно, что его использовали для растирания охры.

Микротехника представлена торцовыми микронуклеусами и продуктами их расщепления. Микронуклеусы (3 экз.) относятся к торцовым клиновидным с четкими негативами от снятых микропластин. Найдены 31 микропластинка и 572 фрагмента микропластин, 5 микропластин имеют краевую ретушь со спинки или с брюшка.

Для изготовления крупных орудий использовались местные породы камня, такие как метопесчаник, кварцит, роговик. Напротив, мелкие инструменты, в том числе ми-

кропластинки, изготавливали из яшмы и халцедона, которые в окрестных местах отсутствуют; вероятно, что их приносили из других мест, подчас весьма отдаленных, например с верховий р. Онон.

В этом же слое найдены фрагменты керамики (96 экз.). Размеры фрагментов – 3–5 см, толщина стенок – 0,5–0,9 см. На верхней поверхности фрагментов заметны оттки тонких перекрученных нитей. Часть фрагментов (30) несет на себе следы красной охры, которую, вероятно, использовали для покраски сосудов.

Аналогичная керамика найдена в слоях эпохи ранней бронзы на других поселениях Усть-Мензинского комплекса, таких как Усть-Менза-1, 2, 3 [Семина, 1986]. Новые материалы обогащают представление о памятнике Усть-Менза-5, а также об эпохе ранней бронзы таежной зоны юго-западного Забайкалья.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. М. В. Константинов.

Список литературы

Усть-Менза / М. В. Константинов и др. // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 302 – 306.

Семина Л. В. Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 16 с.

УДК 903.2(282.256.34)

М. В. Вдовенкова

Сибирский федеральный университет

Клад неолитических предметов из поселения Проспихинская Шивера-IV

Многослойный памятник Проспихинская Шивера-IV расположен на 10–16-метровой террасе правого берега р. Ангары, в 1,1–1,2 км выше (юго-восточнее) русла р. Кода, в створе шиверы Проспихинской, ныне затопленной Богучанским водохранилищем. Во время раскопок, проводимых Проспихинским отрядом Богучанской археологической экспедиции в 2011 г., в третьем культурном слое памятника, датированном неолитом и бронзовым веком и приуроченном к суглинистой почве бурого (коричневого) цвета, залегавшей на глубине 20–40 см, было обнаружено скопление предметов. Оно находилось на периферии площади распространения культурного слоя, где плотность находок низкая. Компактное залегание предметов вместе (разброс 24×20 см) позволяет предположить их размещение либо в некоей ограничивающей емкости, например в мешке, либо в естественном углублении, ямке. При расчистке ямка не фиксировалась, так как плотность и цвет почвы в скоплении предметов и за его пределами были одинаковыми.

В состав клада входили каменные заготовки, сколы, абразивы и керамика. Значительная часть каменных изделий выполнена из халцедона. Камень уплощенно-овальной формы, обработанный крупными сколами, мог выступать преформой нуклеуса. По форме также определяются заготовка концевой скребка с высоким лезвием, три заготовки для ножей-вкладышей, среди которых один подтреугольной

формы. Заготовка тесла из роговика (?) имеет трапециевидную в плане форму с треугольным сечением, прямым краем лезвийной части и зауживающейся обушковой частью. Обработкой это изделие приготовлено, возможно, для окончательной доводки – шлифовки. Наряду с заготовками нуклеуса и орудий в кладе находились сколы без следов вторичной подработки (21 экз.). Они также могли выступать заготовками для изготовления режущих орудий и микроскребок. На одном из сколов фиксируются следы залощенности, еще на одном – утилизационная ретушь.

В состав клада также входило три точильных камня. Первый из них – прямоугольный в плане брусок с полукруглым сечением, вдоль широкой плоской боковой грани которого сделан глубокий желобок с овальным дном. С противоположной стороны также фиксируется небольшой желобок от заточки какого-то острия. Второй точильный камень представляет собой массивный абразив в форме прямоугольного широкого бруска, на широких гранях которого тоже фиксируются желобки от заточки каких-то острий: с одной стороны глубокий с V-образным дном, а с другой – мелкий с U-образным дном. Третий точильный камень в виде плитки подтреугольной формы с одним выпуклым краем, который несколько утолщен и имеет овальное сечение. Противоположный край плитки тонкий, сильно сточен. Из кусков камней (галек) с оформленными гранями выполнены два расточника, возможно, использовавшиеся для нанесения желобков на точильных камнях. Некоторые их грани сточены, на них фиксируются следы абразивной шлифовки. В состав клада входил и отбойник из круглой гальки уплощенно-овального сечения, на торцах которой по периметру фиксируются следы от ударов в виде выемок.

Среди каменных изделий в кладе лежал крупный блок (раздавленный на 11 фрагментов) третьей части небольшого круглодонного сосуда простой открытой формы. Стенки с внешней стороны покрыты отпечатками сетки-плетенки. Орнамент нанесен под венчиком, оформленным с внешнего борта валиком. Под ним прочерчена полоса шириной 0,5 см, ниже которой нанесены два горизонтальных ряда, состоящих из овальных наколов разных размеров. К нижнему ряду примыкают группы из трех аналогичных оттисков. С внешней и внутренней кромки венчик оформлен гладкими наколами, создающими мотив «елочка». Под краем сосуда орнамент дополнен рядом тонких сквозных отверстий.

Заготовки «узнаваемых» каменных орудий, входящие в состав клада, могут быть сопоставимы с готовыми орудиями. Так, каменные ножи-вкладыши треугольной формы отмечаются на многих стоянках Северного Приангарья с культурным слоем неолитического времени. Известны они и среди материалов Прибайкальских погребений серовского времени [Горюнова, 1996, с. 38, рис. 38 – 7; с. 91, рис. 83 – 20]. Тесла трапециевидных форм, сопоставимые с теслом-заготовкой из клада, также часто встречаются в культурных слоях неолитических стоянок на Ангаре. В погребениях одно аналогичное тесло было найдено в могильнике Пономарево (погребение № 10) [Окладников, 1974, с. 85] и отнесено А. П. Окладниковым к исаковскому времени [Окладников, 1950, с. 166]. В. И. Базалийский приводит датировку 4 700 ± 170 л. н. (ГИН-4797) для этого погребения и относит его и другие погребения исаковской традиции к периоду позднего неолита [Базалийский, 2012, с. 81, табл. 5; с. 86].

Точильные бруски полукруглого сечения, на которых имеются желобки с U-образным и V-образным дном, широко известны на территории Приангарья с раннего неолита [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. Как отмечает Г. М. Георгиевская, «эти орудия можно считать универсальным абразивным инструментом для обработки кости, дерева и камня» [Георгиевская, 1989, с. 112]. Различие в форме и

размерах каменных абразивов и желобков на них указывает на выполнение ими разных работ, что должно подтвердиться трасологическим анализом.

Сосуды с отпечатками от сетки-плетенки были широко распространены в неолите Восточной Сибири – от Якутии на востоке, до левобережья Енисея на западе [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. «Сетчатая» керамика, аналогичная фрагменту из клада, орнаментированная гладкими наколами, прочерченной полосой и рядом сквозных отверстий под венчиком, была найдена на стоянках Аплинский порог [Гурулев, Харченко, 2012, с. 87, рис. 1 – 2, 3] и Пашино [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, табл. LXXII – 1, 2]. И. М. Бердников предложил называть данную керамику «аплинской» и предварительно отнес ее как «особую разновидность (подтип?)» к усть-бельскому типу керамики, датировав интервал ее распространения от 6,5 до 4,1 тыс. лет назад [Бердников, 2013, с. 217, 222, рис. 3].

Так как в кладе находилась лишь треть керамического сосуда, можно предположить, что этот фрагмент керамики был ценен как материал для создания какого-нибудь предмета, например, керамического скребка.

Наличие в кладе разных вещей, относящихся к позднему неолиту, позволяет определить это время и как сбор предметов в один комплекс, и как время его схранения, укрытия. Исходя из того, что в представленном кладе собраны разнообразные предметы, включающие заготовки и материал для орудий и других изделий, а также инструменты для обработки камня, позволяет предположить характер клада как производственный набор неолитического мастера.

*Научный руководитель – канд. ист. наук, доц.
П. В. Мандрыка.*

Список литературы

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита– неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. лаборатории древних технологий: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. ИГУ. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2013. – № 1 (2). – С. 203 – 229.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.. Археологические Памятники Северного Приангарья – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152 с.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 112 с.

Гурулев Д. А., Харченко Ю. А. Опыт статистической обработки керамических комплексов Северного Приангарья (По материалам стоянки Аплинский порог) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: материалы докл. II Региональной (VIII Всерос. с междунар. участием) археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – 399 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары (От Щукино до Бурети). – Новосибирск: Наука, 1974. – 320 с.

«Атипичные» орудия палеолитического комплекса Малая Сья (Хакасия)

Палеолитическая стоянка Малая Сья расположена близ деревни Малая Сья (Ширинский район, Хакасия) на высоте 35 м над урезом реки Белый Июс на месте древнего лога. Раскопки памятника проводились в 1975–1980 гг. В. Е. Ларичевым, а сборы подъемных материалов производились раньше: в 1973 г. Ф. И. Кирилловым и В. Е. Дмитриевым и в 1974 г. Н. Д. Оводовым [Холушкин, 2009, с. 138]. В культурных отложениях стоянки обнаружено более 7 000 находок, представленных в большей части отщепами, пластинами, техническими сколами. Среди материалов, собранных в результате исследования культурного слоя Малой Сьи, особый интерес представляют 13 предметов, являющихся расколотыми гальками и гальками со следами обработки, которые и составляют набор «атипичных» орудий палеолитического комплекса. Гальки были обнаружены во втором культурном горизонте третьего геологического слоя, датированного 17,8–34,5 тыс. лет назад [Холушкин, 2009, с. 138].

Первоначально «атипичные» орудия были названы А. П. Окладниковым «отбойниками» [Окладников, Кириллов, 1980, с. 154 – 155], но данное название суживает сферу возможного применения данных орудий. В связи с этим Ю. В. Гричан предложил более приемлемое название – «терочники» [Гричан, 2006, с. 10], что позволяет более точно определить функциональное назначение «атипичного» орудия, так как «терочником» может быть и лоцило, и отбойник, и наковальня, и курант, и пест и др. Термин «терочник», можно сказать, обобщает в себе все вышеперечисленные функциональные назначения «атипичных» орудий, имеющих общие морфологические признаки: 1) овальную, округлую, цилиндрическую, конусовидную и схожие с ними формы; 2) уплощенную поверхность со следами истирания, выбивки; 3) «поковку» – преднамеренное насечение терочной поверхности в виде лунок по центру глубиной 2–4 мм с целью лучшего захвата растираемого материала; 4) вогнутую поверхность в центральной части зоны со следами истирания.

Целью нашего исследования является рассмотрение «атипичного» инвентаря палеолитического комплекса Малая Сья в рамках концепции усложненного собирательства, предложенной А. Н. Рогачевым на основании рассмотрения им группы «терочников», выявленных в культурном слое памятников Костенки-4 и Костенки-11 [Рогачев, 1973, с. 137 – 140].

Из 13 предметов «атипичной» группы палеолитического комплекса Малая Сья 11 (84,6 % от общего количества рассматриваемых орудий) являются обломками, имеющими следы сколов и разломов по большей части своей поверхности, и лишь 2 предмета являются полноценными (инв. номера М75ж2/к-6, М75к-6/с-3). Рассматриваемые гальки и обломки галек имеют различные формы: подтреугольную (3 предмета – 23 %), пятиугольную (2 предмета – 15,4 %), подовальную (4 предмета – 30,8 %), трапециевидную (3 предмета – 23 %), подпрямоугольную (1 предмет – 7,7 %). Заглаженность поверхности имеют 12 предметов из 13 (92,3 %), из них 2 имеют заглаженность на трех сторонах (М754379, М75ж-2/к-6). Вогнутость заглаженных поверхностей имеют 8 (61,5 %) предметов из 13. На 10 (77 %) предметах имеются следы, напоминающие выбивку, но абсолютно все 13 предметов со следами сколов и разломов. На обломке М754695 имеются следы глубокой «поковки» в виде лунок глубиной до 4 мм. Обломок орудия М754379 имеет царапины на трех сторонах поверхности, а обломок М75к-6/3 – на верхней и боковой сторонах.

Трасологический анализ подтвердил возможность отнесения 6 «атипичных» предметов (38 %) к группе «терочников». Один предмет (М754379) определен как наковальня. Среди коллекции подъемного материала имеется курант-лощило (по мягкому материалу). К наковальням, возможно, можно отнести и предметы с номерами М75к-6/с-3 и М75к-6\3, но трасологический анализ не дал абсолютно точного ответа о функциональном назначении этих двух орудий. Некоторые следы истирания обнаружены и на предметах М75ж-2/к-6, М754695 (на них, как было упомянуто выше, имеются следы глубокой поковки, но трасология с точностью не смогла определить функцию орудия). Обломки М754425 и М754426 являются частями одного предмета, который по внешним признакам предположительно является частью нижней терочной плиты, имеющей корытообразную форму с сильной заглаженной и вогнутой средней частью верхней поверхности и округлыми бортиками. Но трасологический анализ не выявил следов утилизации в силу деформации поверхности. Аналогичные обломки были встречены в Костенках-4, исследованием которых занимался А. Н. Рогачев [Рогачев, 1973, с. 137 – 140].

На памятниках Костёнки-4 и Костёнки-11 в слоях, относящихся к промежутку времени примерно с 42–40 по 30 тыс. лет назад, песты-тёрочки имели различную форму, определявшуюся естественной формой каменных галек, но в некоторых случаях форма определялась степенью изношенности предмета в процессе его длительного использования. На пестах-тёрочниках были видны поверхности с преднамеренным насечением («поковкой») с целью лучшего захвата растираемого материала. Орудия имеют овально-полушаровидную форму, благодаря чему их удобно захватывать рукой при употреблении в качестве тёрочника и песта. У некоторых орудий имеются 2 терочные поверхности, расположенные рядом и под небольшим углом. Грани изделий также были использованы в качестве песта, так как в результате длительного использования с целью дробления и разминания растираемого материала они приобрели округлую форму [Рогачев, 1973, с. 137 – 140].

На основании сравнительного анализа морфологических признаков «атипичного» инвентаря палеолитического комплекса Малая Сья и памятников Костенки-4 и Костенки-11 можно сделать вывод, что 6 из 13 рассмотренных орудий являются «терочниками», среди которых имеются наковальни и 1 орудие – лощило-курант по мягкому материалу. Остальные 7 предметов не являются орудиями. Лишь лощило-курант соответствует по своему функциональному назначению предметам, благодаря которым можно судить о наличии усложненного собирательства.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова.

Список литературы

Гричан Ю. В. Новые аспекты палеоэкономики в позднепалеолитических памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина гора) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 10 – 18.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.

Рогачев А. Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. – М.: Наука, 1973. – С. 127 – 143.

Холушкин Ю. П. Поселение Малая Сья – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo Sapiens в Северной Азии) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Изд-во «Город», 2009. – С. 138 – 146.

Древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая)¹

Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета (ранее Читинский государственный педагогический институт) с 1980 г. проводятся систематические исследования Усть-Мензинского археологического комплекса, который расположен в Красночикойском районе Забайкальского края при впадении р. Менза в р. Чикой (бассейн р. Селенги). Археологический комплекс Усть-Мензинского урочища представлен многослойными поселениями, культурные горизонты которых относятся к периодам от мустье до бронзы [Константинов, 1994, с. 11]. Древние поселения располагаются на террасах с I по VI. Наиболее изучены поселения, связанные с нижними террасами.

В 1992 г. была произведена дополнительная разведка. По ее итогам зафиксировано несколько новых археологических объектов, в том числе древнее поселение Усть-Менза-6, получившее рабочее название Груздевая. Оно располагалось на V террасе. В разведывательном шурфе 2×2 м выявлено пять культурных слоев, относящихся к периодам от верхнего палеолита до бронзы.

Следующий этап изучения поселения Усть-Менза-6 (Груздевая) начался в 2012 г. На отметке 32 м над меженным уровнем р. Мензы был поставлен шурф, который позволил выявить информативный материал на пяти уровнях. Дальнейшее исследование памятника было продолжено в рамках раскопа, площадь которого составила 54 м². Отложения V террасы были изучены до глубины 4 м. На поселении выделено семь культурных слоев, которые соотносятся с последовательно залегающими литологическими слоями. В культурных слоях найдено совокупно 928 артефактов.

Культурный слой 1 связан с почвенно-пахотным слоем. Он представлен единичными находками, среди которых отщепы и два фрагмента микропластинок.

В культурном слое 2, выявленном в каштановой супеси, зафиксирована небольшая серия артефактов, в числе которых скребки, проколки, пластинки и отщепы. Особый интерес представляет грунтовое погребение. Оно заложено с подошвы культурного слоя 2. Представлено полным скелетом взрослого человека в скорченном положении на боку. Скелет помещен в округлую погребальную яму размером 81×90 см. Глубина погребальной ямы 70 см. Скелет и череп пропитаны охрой. Рядом со скелетом была найдена двугранная микропластинка размерами 4×0,7 см. Под скелетом на дне ямы зафиксировано небольшое скопление угля, пробы которого взяты на C14 датирование. Предварительно погребение отнесено к периоду мезолита.

Более информативным по материалу является культурный слой 3, выявленный в палево-бурой супеси. Археологический материал представлен 710 артефактами. В северо-западной части раскопа зафиксирована рабочая площадка, на которой сосредоточена основная часть находок. Процесс расщепления камня иллюстрируется большим количеством отщепов, сколов и чешуек. Здесь же найдено 12 нуклеусов для снятия отщепов. Набор орудий представлен серией острий, оформленных на пластинках и отщепах. Они имеют размеры в пределах 1–3 см. Рабочая часть острий оформлена разнофасеточной ретушью; также фиксируется утилитарная ретушь. Материалом для одного из острий размерами 1×1 см послужил отщеп из горного хрусталя, рабочий край оформлен мельчайшей приостряющей ретушью. Три острия, которые могли служить проколками,

¹ Работа выполнена в рамках гранта Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.2636.2011.

выполнены на отщепах, сохранивших фрагменты галечной корки на дорсальных поверхностях. Рабочие края оформлены ретушью. Острия являются самым распространенным видом орудия в материалах данного слоя.

Привлекают внимание шесть выразительных нуклеусов. В их числе многофронтальный, многоплощадочный нуклеус размером 3,5×2,5 подпрямоугольной формы и три двуплощадочных, двуфронтальных нуклеуса размерами 3×3, 3,5×2,5, 3,5×3 см. Поскольку в основном использовалось плитчатое сырье, все нуклеусы имеют фрагменты плиточной корки. Используемое сырье в основе кремневое, оно было приносным, а поэтому и очень ценным. Нуклеусы срабатывались до полного истощения. Истощенные нуклеусы несут на себе следы попыток переоформления в орудия. Индустрия культурного слоя 3 в целом представляется отщеповой с серией выразительных информативных орудий, для оформления которых использовались различные виды дорсальной краевой ретуши. Микропластинчатой техники в индустрии культурного слоя 3 не фиксируется.

Культурный слой 4 выявлен в слое светло-коричневого суглинка мощностью 80–90 см. Найдено 136 артефактов. Орудийный набор представлен 12 экземплярами острий разных форм и функциональных направленностей; в их числе три острия на отщепах размерами в пределах 2 см. Отмечается фрагмент острия на пластинчатой основе с дорсальной ретушью по краю.

В основе индустрии культурного 4 слоя лежит пластинчатый принцип снятия. Пластинки представлены в основном проксимальными и медиальными фрагментами, при этом установлена возможность ремонта полных форм из фрагментов. Для большинства орудий использовалась пластинчатая заготовка длиной 5–7 см и шириной 2–3 см.

Нуклеусы, так же как и в случае с культурным слоем 3, срабатывались до полного истощения, поскольку сырье было приносным, скорее всего с верховьев р. Мензы. Присутствуют двуплощадочные, двуфронтальные нуклеусы встречного скалывания. При этом отмечается и наличие подпризматической торцовой формы нуклеусов. В качестве сырья также использовалась местная галька: нуклеусы в этом случае предназначены для снятия отщепов; практиковалась система радиальных снятий.

С культурным слоем 4 связано зольное пятно, которое фиксирует поверхность обитания. Часть артефактов располагалась в зоне пятна. По взятой из него пробе получена радиоуглеродная калиброванная дата 21090±350 (ЛУ-7206).

Археологический материал культурного слоя 4 типологически и морфологически отличается от материала культурного слоя 3, но присутствует преемственность в наличии серий острий.

Культурный слой 5 зафиксирован в черной глинистой почве мощностью 30–40 см. Археологический материал представлен остроконечником, скребковидными и скребловидными формами. Основным материалом для орудий служило местное сырье – граниты и кварциты. В кровле слоя зафиксирована неопределимая кость среднего по размерам млекопитающего.

Культурный слой 6 выделен условно, поскольку характеризуется только одной неопределимой костью. Она найдена в литологическом слое 6.

Культурный слой 7 зафиксирован на уровне черной илистой палеопочвы (литологический слой 7). Представлен конструкцией из десяти глыб, фиксирующей уровень обитания. Среди археологического материала найден массивный отбойник с забитой рабочей частью, рубящее орудие и заготовка скребковидного орудия. Выявленные костные останки принадлежат бизону (определение Н. П. Калмыкова). Стратиграфическая ситуация позволяет предполагать муруктинский возраст слоя.

Итак, в процессе исследований установлено, что древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая) – это многослойный памятник, который с большей или меньшей полнотой

иллюстрирует этапы развития материальной культуры древнего человека от среднего палеолита до бронзового века. Основные технологические приемы обработки камня соотносятся с материалами многослойных поселений Усть-Мензинского археологического комплекса. Наличие в орудийном наборе слоя 3 острей и долотовидной формы, использование в качестве основы для орудий главным образом отщеп коррелируется с Куналеем (слой 2), Мельничное 1 (слой 2).

Пластинчатый принцип снятий и орудийный набор, типичный для культурного слоя 4, позволяет соотносить его с материалами поселения Мельничная-2 (слои 2, 3), которое «демонстрирует мелкопластинчатую (без микротехники) индустрию и относится к средней поре верхнего палеолита 25–18 тыс. л. н.» [Мороз, 2002, с. 172]. Археологический материал культурных слоев 5 и 7 в сравнении с материалом из вышележащих слоев весьма архаичен, предположительно он отнесен к эпохе мустье.

Сырьевой базой поселения на уровне культурных слоев 5–7 служил местный (в основном галечный) материал, встречаются кварциты. Для культурных слоев 1–4 сырьевой базой служил приносной плитчатый материал (в основе кремнистый), местный галечник использовался редко.

Стратиграфическая позиция культурных слоев и технолого-типологический анализ материалов поселения позволяет предварительно отнести: культурный слой 1 к эпохе бронзы; культурный слой 2 – к мезолиту-неолиту; культурные слои 3–4 – к верхнему палеолиту; культурные слои 5–7 – к мустье.

Планируется дальнейшее изучение поселения Усть-Менза-6 (Груздевая) с целью выявления дополнительных материалов и подтверждения предварительных наблюдений.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. М. В. Константинов.

Список литературы

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ – Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН и ЧГПИ, 1994. – 179 с.

Мороз П. В. Особенности каменных индустрий средней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья (на примере стоянок Мельничная-2 и Мастеров Ключ) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы XLII РАЭСК, Омск, 16 – 19 апреля 2002 г. – Омск: Изд-во ОГПУ, 2002. – С. 170 – 172.

УДК 903'1:549.623.8(470.54/.56+470.58)

В. А. Горбунова

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

Использование талька древним населением Среднего Зауралья

Тальк – это гидросиликат магнезия ($Mg_3(Si_4O_{10})(OH)_2$). Показатель твердости по шкале Мооса равен единице, что позволяет характеризовать данный минерал как самый мягкий в мире. Это огнеупорная и кислотоупорная порода, устойчивая к щелочам и солям, обладающая высокими теплоизоляционными свойствами [Минералогическая энцикло-

педия, 1985, с. 324]. Другие названия талька – жировик или мыльный камень – связаны с тем, что на ощупь его поверхность кажется жирной и мылкой.

Ученые выделяют несколько разновидностей талька: стеатит, агалит и благородный тальк. Цвет минерала колеблется от белого и серого до зеленоватого, иногда даже с оттенком красного.

На Среднем Урале разрабатывается несколько месторождений талька, наиболее крупным и известным из которых является карьер в поселке Шабры, расположенном под Екатеринбургом.

Применение талька в изделиях различных типов на территории Среднего Зауралья отмечается практически во всех археологических эпохах, начиная с мезолита и вплоть до раннего железного века, при этом, наибольшее число изделий из данного минерала датируется энеолитом.

Известны изделия из талька как хозяйственного, так и культового назначения. К хозяйственным следует отнести такие изделия, как шлифовальники, ложила, литейные формы и рыболовные грузила. К культовым – скульптуры, булавы, диски, «утюжки», пряслица, украшения, а также изделия непонятного назначения.

Единичной находкой мезолитического времени является шлифовальник древков стрел с долговременного поселения Серый Камень (Горбуновский торфяник). Он представляет собой отшлифованную плитку прямоугольной формы размером 13,2 × 6 × 2,5 см с канавкой посередине [Серикив, 2000, с. 103].

Начиная с неолита тальк стал применяться в качестве примеси в тесто глиняных сосудов. В то же время появляются тальковые ложила, которые использовались для заглаживания поверхности керамических сосудов. Обычно ложила имеют одну-две выпуклых или вогнутых рабочих плоскости, в редких случаях таких поверхностей насчитывается три-четыре. Неолитом датируются тальковые ложила, обнаруженные при раскопках на Юрьинском поселении (Кокшаровский торфяник). Коллекция энеолитических ложил с Шайтанского озера I представлена 19 экземплярами. Известны ложила и на других памятниках Среднего Зауралья (Юрьино IV, Медведка, Тагильский могильник, 30-й километр).

Довольно широко тальк использовался для изготовления рыболовных грузил. Такие грузила чаще всего имели индивидуальную форму. Выявлены они на стоянках Шайтанское озеро I и II, Исток I, Прокопьевская Салда II и Мурино I, Юрьино IV и др.

В энеолите появились первые литейные формы из талька. В бронзовом и железном веках они применялись для отливки ножей, кельтов, тесел, долот, клиньев, наконечников стрел, копий, различных украшений, антропоморфных и зооморфных изображений. Серия литейных форм выявлена на Шигирском торфянике [Археологические памятники ... , 2001, рис. 35]. Единичные литейные формы известны на стоянках Горбуновского торфяника, Шайтанского и Исетского озер. Больше всего известных тальковых литейных форм относится к железному веку. Можно предположить, что это связано с развитием цветной металлургии.

Изделия из талька культового назначения вызывают у исследователей особый интерес. На территории Среднего Зауралья они получили свое распространение в неолите и широко применялись в последующие эпохи.

Особую группу изделий из талька образуют так называемые «утюжки». Из мягкой породы типа талькохлорита изготовлено 76 % этих изделий. Они различаются по форме, качеству обработки и декору. Их длина варьирует от 10 до 15 см. На предметах данного типа присутствует желобок, проходящий обычно по центру изделия и поперек его. До сих пор предназначение «утюжков» вызывает споры среди исследователей [Усачева, 2012, с. 22].

В Среднем Зауралье их находки известны на поселениях Евстюниха I, Полуденка I, Исетское Правобережное I, Разбойничий остров, Палатки I. Присутствуют они и среди случайных находок на озерах Исетское, Мелкое, Первое Карасье, Палкино. Наибольший интерес представляет культовый озерный центр Шайтанское озеро I, на котором найдено 8 «утюжков». Причем 4 энеолитических «утюжка» изготовлено из светло-серого талька, еще один, обнаруженный в составе неолитического клада, выполнен из серого талька с пятнами ожелезнения [Сериков, 2013, с. 24 – 48].

Скульптурные изделия из талька являются крайне редкими находками. Наиболее выразительными скульптурными изображениями являются фигурные молоты. Молот в виде головы лося найден на неолитической стоянке Евстюниха I (черта г. Нижний Тагил). Второй молот находится в коллекции Свердловского областного краеведческого музея. Он изготовлен в виде головы белки. Уникальной скульптурой является фигурка идола из бруска талькохлорита. Он обнаружен в центре энеолитического жилища на поселении Палатки II (окрестности г. Екатеринбург). В верхней части бруска вырезано лицо с крупным лбом, резко очерченными бровями, глубокими глазными впадинами и массивным клювовидным носом.

Расколотые тальковые булавы найдены в культовом комплексе иткульской культуры на поселении Палатки II и на многослойном памятнике Шигирский Исток III. К ним примыкают сверленные тальковые диски диаметром 8–9 см. Они также расколоты на две части. Такие диски известны на берегу Шигирского торфяника, на скальном святилище Шайтанский Шихан, в коллекции Балакинского поселения эпохи. На Палатках I известен тальковый диск диаметром 8 см, который залегал недалеко от плавильного горна.

Многочисленные тальковые пряслица в раннем железном веке были широко распространены по всей территории Среднего Зауралья. Находки пряслиц известны на поселениях, святилищах, в погребениях и металлургических комплексах. Очень часто они были орнаментированы.

Украшения составляют следующую группу изделий из талька. К ним относятся подвески и нашивки. Среди подвесок (7 экз.) с Шайтанского озера I интерес вызывает миниатюрная подвеска, по центру которой прорезан крест. Единичными экземплярами подвески из талька представлены на I Береговой Горбуновского торфяника, Чашихе II, Истоке II и др. памятниках.

На Шайтанском озере выявлен удивительный факт, наглядно подчеркивающий культовый характер использования талька. На святилище Шайтанский Шихан в щели между валунами найден погребальный комплекс эпохи энеолита в виде кальцинированных костей человека и 76 костяных подвесок. Сверху этот комплекс был засыпан 546 пластинками серебристого талька [Сериков, 2011, с. 145 – 150]. Данный факт позволяет также понять, почему на многих памятниках (прежде всего культового характера) всегда присутствуют как отдельные куски, так и целые серии кусков талька. На Шайтанском озере I их найдено свыше тысячи.

Таким образом, даже неполный анализ разнообразных изделий из талька дает возможность сделать вывод о широком использовании талька в хозяйстве и культе. Этому способствовали его мягкость, устойчивость к высоким температурам, способность легко принимать нужную форму, широкая распространенность. Со временем тальк стал восприниматься местным населением и как сакральный минерал.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю. Б. Сериков.

Список литературы

Минералогическая энциклопедия / под. ред. К. Фрея. – Л.: Недра, 1985. – 512 с.

Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2000. – 430 с.

Сериков Ю. Б. Новое энеолитическое погребение с Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург – Сургут: Изд-во «Магеллан», 2011. – Вып. 26. – С. 145 – 150.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. – 408 с.

Усачева И. В. Критический обзор гипотез функционального назначения «утюжков» // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 1. – С. 22 – 30.

Археологические памятники Шигирского торфяника / Н. М. Чаиркина [и др.]. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с.

УДК 393,634'(519)

Гынми Ким

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Некоторые особенности погребальной обрядности юга корейского полуострова в эпоху неолита

На данный момент большинство корейских археологов сходятся во мнении, что неолитическая эпоха на Корейском полуострове началась в восьмом-седьмом тысячелетии до н. э., а закончилась в начале первого тысячелетия до н. э. Неолитические погребальные памятники представляют собой важный источник по изучению материальной, духовной культуры. Отдельный интерес вызывают погребения, в которых сохранились костные останки, так как они более информативны. К сожалению, сохранность антропологического материала в погребениях на Корейском полуострове довольно плохая, в первую очередь из-за особенностей почв, характерных для данной территории. При исследованиях погребальных памятников неолита обнаружение костного материала – редкое событие.

Погребальные памятники – это грунтовые могильники, погребения в пещерах, захоронения в раковинных кучах в прибрежных районах, погребения на поселениях в жилищах. Относительно хорошей сохранностью костных останков отличаются захоронения в раковинных кучах. Большое количество карбоната кальция в раковинах моллюсков способствовало нейтрализации активных веществ в почве, вследствие чего костный материал лучше сохранялся. Самые известные памятники с захоронениями в раковинных кучах, в которых был найден антропологический материал, это – Хэджу Ёнданпхё, Наджин Чходо, Тхонён Ёндэдо, Тхонён Ёкчидо, Пусан Помбан, Пусан Тонсамдон, Ёсу Андо [Хон Суну, 1994]. В последние годы проводятся раскопки раковинной кучи в Пусан Кадокто, здесь найдено более двадцати захоронений.

Для корейского неолита характерно относительное разнообразие в посмертном обращении с умершими. Помимо типичных для того времени грунтовых погребений есть примеры, когда останки умерших помещались в керамические сосуды. На памятнике Чинджу Санчхолли кремированные костные останки были собраны в керамический сосуд и захоронены внутри жилища. В раковинной куче Помбан в г. Пусане найдено захо-

ронение ребенка в сосуде. Обнаружение кремированных останков в сосудах на памятнике Санчхолли опровергает устоявшееся мнение, что обряд кремации распространился на Корейском полуострове с проникновением буддизма в эпоху трех государств [Ким Джэхён, 2006].

Кроме того, в корейском неолите известны и другие способы погребения. На памятнике Хупхори в г. Ульджин зафиксировано вторичное погребение. Кости умершего были сконцентрированы в центре могилы, вероятно, они были собраны после предварительного выставления. В Андо в г. Ёсу обнаружено совместное захоронение останков – в погребении рядом помещены останки мужчины и женщины, что дает основания некоторым корейским ученым называть эту могилу самым ранним парным погребением на Корейском полуострове.

Для неолита юга Корейского полуострова также было характерно разнообразие в позах погребенных. Например, в раковинных кучах Ёндэдо и Ёкчидо тела умерших были размещены в могилах в вытянутой позе на спине. Что примечательно, на обоих памятниках погребенные головами ориентированы в сторону моря. В Ёндэдо обнаружено погребение взрослой женщины на животе, но лицевая часть черепа так же, как и в остальных погребениях направлена в сторону моря, что указывает на общность этого погребения с другими, хоть поза погребенной и выделяет его среди остальных [Ким Джэхён, 2008].

На активно изучаемом в последние годы памятнике Кадокто в г. Пусан захоронения со скорченным положением умершего значительно преобладают над теми, в которых умершие лежали на спине. Всего на данный момент раскопано 23 погребения с умершими со скорченным положением тела. Их можно разделить на две группы. В первой группе – ноги умерших были согнуты в коленях и перевязаны. Во второй группе – верхняя часть туловища погребенных привязывалась к ногам. Руки в основном располагались на груди, лицевая часть черепа была обращена к ступням. Очевидно, что такие манипуляции с телами производили сразу или через непродолжительное время после смерти людей. Вероятно, это были определенные ритуальные действия по отношению к телу покойного. Подобного рода погребения имеются по соседству в Японии, однако захоронения в Кадокто отличает то, что конечности умерших здесь сильнее согнуты. Дно могильных ям зачастую выстилалось битой керамикой, сверху на тела погребенных также насыпалась керамика, камни или раковины моллюсков [Ким Санхён, 2012].

Погребальный инвентарь в неолитических погребениях на юге Кореи обычно располагался либо рядом с погребённым, либо на его теле. Обычно в могилу к умершему клали керамические сосуды, каменные орудия, изделия из кости, украшения из различного сырья: зубов животных, нефрита, яшмы, обсидиана. Сопроводительный инвентарь имелся и во взрослых, и в детских захоронениях. Например, в раковинной куче в Помбане в г. Пусан в могилу к ребенку были положены изделия из кости, украшения.

Для неолита юга Корейского полуострова характерны захоронения умерших в вытянутых позах на спине с довольно разнообразным сопроводительным инвентарем. Реже встречаются погребения с умершими в скорченном положении, на животе, погребения в керамических сосудах, кремирование останков, вторичные погребения. Следует отметить, что в дальнейшем, в бронзовом веке, в раннем железном веке, те особенности погребальной обрядности, которые описаны выше, на юге Корейского полуострова существенно не менялась.

Список литературы

Ким Джэхён. Некоторые аспекты древней погребальной обрядности в районе г. Пусана и провинции Южная Кёнсан // Сокданнончхон. – Пусан: Тонадэхаккё, 2006. – С. 299 – 344. (на кор. яз.).

Ким Джэхён. Погребальная обрядность по данным антропологического материала // Че 51 хвэ чонгукёксахактэхвэ когохакпу пальпхёджарёчип (Сборник материалов 51-й всекорейской конференции историков, раздел археологии). – Сеул: Хангуккогахакхвэ, 2008. – С. 123 – 136. (на кор. яз.).

Ким Санхён. Отчет о раскопках памятника Кадокто г. Пусана // Хангукый когохак тхонгвон 19 хо (Корейская археология, Т. 19). – Сеул: Чурюсон, 2012. – С. 108 – 117 (на кор. яз.).

Хон Суну. Тенденции и результаты исследований антропологического материала в археологии // Хангуксангосахакпо. – 1994. – № 17 – С. 497 – 519. (на кор. яз.).

УДК 903.1(235.222)

М. Б. Козликин*, А. А. Меркурьева**

**Институт археологии и этнографии СО РАН*

***Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Особенности каменного сырья верхнего течения реки Ануй на Алтае (по данным экспериментального расщепления)¹

Важную роль в формировании облика той или иной каменной индустрии играют сырьевые ресурсы, на которых она базируется. Стандартная процедура обработки археологического материала обычно сводится к технико-типологическому анализу комплекса. Реже исследователи учитывают петрофизические свойства каменного сырья, оказывающие непосредственное влияние на технологию первичного расщепления и вторичную обработку. Однако, основываясь только на петрографическом анализе археологической коллекции, охарактеризовать в полной мере потребительские качества той или иной породы камня затруднительно. Поэтому наряду с вышеперечисленными методами важно использовать результаты экспериментального расщепления, которое позволяет объяснить многие особенности конкретной индустрии. В данной статье представлены некоторые результаты первого опыта такого рода работы, проделанной во время полевых сезонов 2012 – 2013 гг. на базе научно-исследовательского стационара «Денисова пещера».

Район исследования охватывает бассейн верхнего течения р. Ануй в низкогорно-среднегорной зоне Северо-Западного Алтая. На небольшом участке ануйской долины сконцентрировано несколько опорных многослойных палеолитических объектов – Денисова пещера, стоянки открытого типа Усть-каракол-1, Ануй-1–3. Каменные индустрии этих памятников базируются на галечном сырье р. Ануй и ее крупных притоков. Интенсивное тектоническое дробление пород отразилось на качестве обломочного материала, определив форму обломков, их явную и скрытую трещиноватость, неоднородность, что

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12002-офи-м-2013).

напрямую отразилось на потребительских свойствах каменного материала и облике каменных индустрий. Основную часть ануйского галечника составляют осадочные породы (алевролиты, песчаники, гравелиты), распространены вулканические породы (афировые и порфиоровые эффузивы), значительно реже встречаются роговики, яшмоиды и другие породы [Природная..., 2003, с. 37 – 46]. В аналогичных пропорциях петрографические различия распределены в археологических коллекциях. По степени изотропности наиболее высококачественным сырьем в галечном материале являются яшмоиды, эффузивы, алевролиты и песчаники.

Эксперимент начался с отбора сырья. Крупные гальки и валуны подходящей формы собирались в речном русле и на сухих косах. Наиболее удобными для расщепления и распространенными в галечнике оказались слабо окатанные отдельности брусковидной формы из песчаника, алевролита и эффузивов. Затруднительным оказался подбор хорошего отбойника. Инструмент быстро приходил в негодность, вероятно, причина тому – жесткость сырья и изначальная трещиноватость галек-отбойников. Самыми долговечными оказались инструменты из крупнозернистого песчаника и гранита. Из аналогичного сырья выполнено большинство отбойников в археологических материалах, изделия также сильно изношены, зачастую фрагментированы. Экспериментальная утилизация нуклеусов была направлена на получение пластин и отщепов в системе плоскостного параллельного и объемного расщепления. Выяснилось, что довести до конца заданную стратегию утилизации ядрища проблематично. Вновь открывающиеся внутренние трещины, слоистость сырья приводили к частой переориентации нуклеуса. Видимо по этой причине палеолитические индустрии содержат низкий процент типологически выраженных нуклеусов, преобладают же нуклевидные обломки и бессистемные ядрища.

Статистический анализ продуктов расщепления показал, что доля целевых заготовок (отщепов и пластин) составляет около 1/6 от дебитаж полностью расщепленной отдельности сырья. Остальная часть дебитаж представлена обломками, осколками, чешуйками. Важно отметить, что после расщепления отдельности любого вида сырья остается большое количество каменной крошки размером менее 5 мм, что является надежным маркером первичной обработки каменного материала *in situ*. В индустриях ануйских стоянок, несмотря на промывку всего изучаемого грунта и тщательную переборку фракции, удельный вес микродебитаж очень низкий, в особенности в комплексах Денисовой пещеры, что свидетельствует о первичном расщеплении за пределами памятника (как и высокий процент целевых заготовок – до половины индустрии).

Признаки, характеризующие различные техники скола, достаточно полно рассмотрены в широком круге отечественной и зарубежной литературы [Павленок, Павленок, 2013]. Продукты расщепления различных пород ануйского галечника в целом демонстрируют четкие признаки раскалывания посредством прямого удара жестким минеральным отбойником. Однако количественное соотношение тех или иных признаков для ануйского сырья еще предстоит просчитать.

Помимо расщепления при помощи жесткого минерального отбойника проводились эксперименты с роговыми отбойниками (лось и благородный олень). Регулярно получать небольшие пластинчатые заготовки и отщепы удавалось только с ядрищ из алевролита и тонкозернистого песчаника, другие опробованные породы оказались слишком жесткими для мягкого отбойника. Большинство сколов имеют характерные признаки расщепления органическим отбойником – узкую остаточную ударную площадку, плоский бугорок и так называемую губку на вентральной стороне. Однако некоторые сколы имеют яркие признаки жесткого отбойника. В позднепалеолитической индустрии Денисовой пещеры встречаются пластины из роговиков и тонкозернистых алевролитов

с признаками применения органического отбойника. Распространены микропластины, полученные из аналогичного сырья, вероятно отжимной техникой.

Ануйские археологические комплексы содержат большое количество фрагментированных сколов, в большей мере это характерно для Денисовой пещеры (около половины сколов-заготовок). Экспериментальное расщепление показало, что в большинстве случаев сколы фрагментируются еще в процессе первичного расщепления. Преобладает продольная фрагментация, при которой слом развивается от точки удара, проходит через центр ударного бугорка и далее распространяется по всей длине скола. Вероятно, такой эффект объясняется низкой пластичностью сырья. В момент приложения силы возникает дополнительная скалывающая, часть которой распространяется в блоке сырья, часть – в отделяемом объеме, разделяя его на две половины. Поперечная фрагментация на нуклеусе определяется ровной поверхностью сломов, окрашенных окислами железа, поступавшими в трещины с водой. Уверенно определяются признаки преднамеренной фрагментации, однако, в археологических материалах ее доля не велика (менее 1 %).

В заключение следует отметить, что представленная тематика не исчерпана. Не решены проблемы, связанные с отжимными техниками расщепления, различными приемами вторичной обработки с использованием каменного сырья р. Ануй. Однако и на данном этапе проделанная работа демонстрирует целесообразность и продуктивность изучения конкретных каменных индустрий при помощи экспериментального расщепления с использованием аутентичных сырьевых ресурсов.

Научный руководитель – д-р ист. наук М. В. Шуньков.

Список литературы

Павленок Г. Д., Павленок К. К. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 28 – 37.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

УДК 902(160.23)

А. С. Кравцова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Палеоиндейский период тропической Америки: основные характеристики и палеоклиматические реконструкции¹

Тропический пояс американского континента включает в себя территории таких ключевых культурно-географических регионов, как Мезоамерика, Центральная Америка и Северные Анды, которые, в свою очередь, охватывают территории от Мексики до Эквадора. Первоначальное заселение тропического пояса Американского континента

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-01-00001 «Древние культуры Колумбии и Эквадора».

относится к так называемому палеоиндейскому периоду. Самые надежные свидетельства получены по археологическим памятникам на территории Панамского перешейка и датируются временем приблизительно 11 тыс. лет назад [Ranere, Cooke, 1991, p. 237].

На представленной карте (см. рисунок) обозначены границы рассматриваемой территории и археологические памятники, имеющие датировки от 15,4 до 11,4 тыс. лет назад [Piperno, 2007, p. 196]. Черным цветом выделена горная область, имеющая отметку в 1500 м над уровнем моря и выше; серым цветом вокруг побережий обозначены территории, затопленные к настоящему времени в связи с повышением уровня мирового океана на рубеже плейстоцена и голоцена. Как следует из представленной реконструкции, большая часть территории тропической Америки была занята влажными лесами, представляющими собой комбинацию высокогорных и низменных элементов. Согласно исследованиям, уровень осадков был ниже современного, однако вполне достаточным для поддержания биома [Piperno, Bush, Colinvauх, 1990, p. 111].

К настоящему времени открытые и изученные памятники палеоиндейского периода тропической Америки не предоставляют достаточное количество и качество информации для реконструкции характера и путей первоначального заселения территории. Большая часть исследованных археологических памятников относится к мастерским и охотничьим стоянкам открытого или пещерного типа, однако подавляющее большинство местонахождений по-прежнему представлено единичными находками с поверхностных сборов. Предполагается, что в процессе миграции древнее население периодически выжигало территорию тропических лесов – слои угля прослеживаются в частности в озерных отложениях. В последующие периоды эта практика стала активно использоваться в сельскохозяйственных целях [Hoopes, 2012, p. 244].

Среди артефактов преобладают наконечники типа кловис и фиштейл, найденные вместе с остеологическими останками плейстоценовых животных, таких как мамонт и мастодонт, впрочем, исследователи пока не делают уверенных выводов о существовании охоты на них. Предполагается, что население тропической Америки в палеоиндейский период было относительно небольшим и обладало высокой степенью мобильности, поселения существовали непродолжительное время и носили сезонный характер [Hoopes, 2012, p. 252]. Общества охотников-собирателей полностью зависели от особенностей природной среды и ландшафта, определявших стратегии их расселения и хозяйственной деятельности. Так, например, на рубеже плейстоцена и голоцена (около 11 тыс. лет назад) в связи с климатическими изменениями исчезает ряд плейстоценовых животных, в том числе – мамонт, что вынуждает человека подстраиваться к новым условиям. Необходимость сезонных миграций за данным источником пропитания отпадает, таким образом, создаются предпосылки для перехода к оседлому образу жизни. В частности, на побережьях с наступлением голоценового оптимума появляется фактически круглогодичный доступ к изобилию морских пищевых ресурсов, что обуславливает рост числа приморских памятников в последующий архаический период.

Классический сценарий заселения Американского континента подразумевает миграции древнего населения из Северной Америки в Южную, посредством перехода через Центральноамериканский перешеек [Cooke, 2005]. Соседство этой области с так называемыми зонами высоких цивилизаций – Мезоамерикой и Центральными Андами – определило отношение к рассматриваемой области, как к «переходной» или «промежуточной» (Intermediate area). В позднейшие периоды доколумбовой истории население Центральной Америки испытывало сильное культурное влияние со стороны своих высокоразвитых соседей, что, впрочем, не применимо к периоду первоначального заселения. Таким образом, дальнейшее изучение древнейших периодов доколумбовой истории тропического пояса Америки позволит не только получить ценную информацию

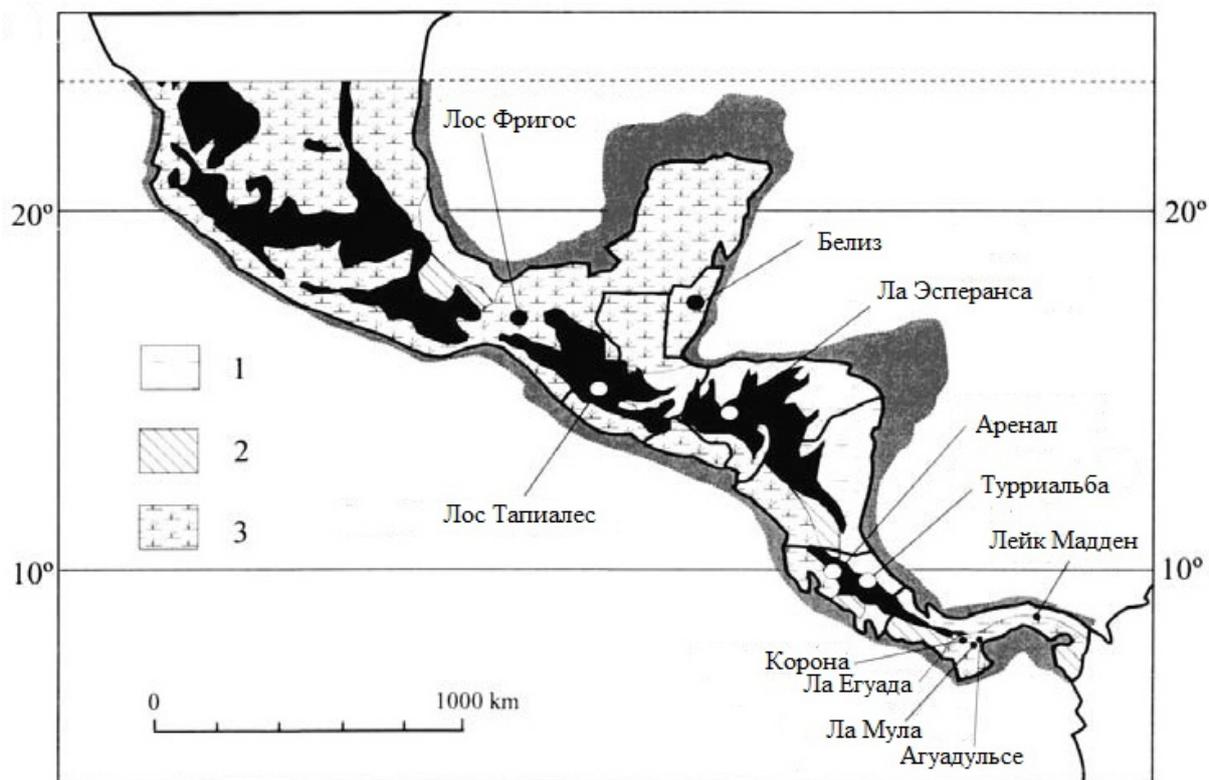

Рис. Тропический пояс североамериканского континента с указанием природных зон и археологических памятников, датированных временем около 15,4–11,4 тыс. лет назад [по: Piperno, 2007, p. 196, fig. 7.1]: 1 – влажные тропические леса с повышенным уровнем осадков; 2 – лес с более засушливой растительностью по сравнению с настоящим временем. Присутствуют высокогорные и саванные элементы, неоднородная растительность; 3 – влажные тропические леса с невысокими кустарниками, колючими растениями и элементами саванны. Пониженный уровень осадков восполнялся обилием рек и ручьев

о палеоклимате и специфику адаптации человека к природным условиям и пищевым ресурсам, но и позволит составить более полное представление о путях и характере миграций древнейшего населения.

Научный руководитель – д-р ист. наук, доц. А. В. Табаров.

Список литературы

Cooke R. Prehistory of Native Americans on the Central American Land Bridge: Colonization, Dispersal, and Divergence // Journal of Archaeological Research. – 2005. – Vol. 13 (2). – P. 130 – 187.

Hoopes W. H. Imagining Human Alteration of Ancient Landscapes in Central and South America // The Ethics of Anthropology and Amerindian Research. – 2012. – P. 235 – 267.

Piperno D. R. Prehistoric Human Occupation and Impacts on Neotropical Forest Landscapes During the Late Pleistocene and Early / Middle Holocene // Tropical Rainforest Responses to Climatic Change. Springer Praxis Books. – 2007. – P. 193 – 218.

Piperno D. R., Bush M. B., Colinvaux P. A. Paleoenvironments and Human Occupation in Late-Glacial Panama // Quaternary Research. – 1990. – Vol. 33. – P. 108 – 116.

Ranere A. J., Cooke R. Paleoindian Occupation in the Central American Tropics // Clovis: Origins and Adaptations. – Corvallis: Center for the Study of the First Americans, Department of Anthropology, Oregon State University, 1991. – P. 237 – 253.

**Рыболовный инвентарь из раннеголоценовых отложений
на многослойном памятнике Остров Лиственничный
в Северном Приангарье**

Орудия рыболовного промысла регулярно фиксировались на археологических объектах Северного Приангарья разной хронологии, начиная с первых шагов изучения первобытной истории региона. Материалы Богучанской экспедиции существенно дополнили фонд источников, позволив детализировать различные аспекты рыболовного промысла, начиная с ранних периодов голоцена. Одно из ведущих мест в рассматриваемой проблематике принадлежит многослойному местонахождению Остров Лиственничный. Обнаруженный на объекте представительный состав ихтиофауны и набор специализированного инструментария демонстрируют развитое рыболовство 9–8 тыс. лет назад, проявляющееся в разных способах лова и определенной сезонности. Цель данной работы – ввести в научный оборот новые данные по древнему рыболовству Северного Приангарья.

До сих пор специальных исследований по древнему рыболовству Северного Приангарья практически нет. На территории Байкальской Сибири первые специальные исследования в этом направлении предприняты А. П. Окладниковым в работе, посвященной каменным рыбкам-приманкам [Окладников, 1936]. В дальнейшем различными аспектами изучения древнего рыболовства в регионе были посвящены работы А. П. Окладникова, Г. И. Медведева, С. И. Эверстова [Окладников, 1950; Медведев, 1978; Эверстов, 1988]. На сегодняшний день эта отрасль хозяйствования наиболее полно раскрыта на материалах стояночных комплексов побережья Байкала [Новиков, Горюнова, 2005].

Местонахождение Остров Лиственничный расположен на одноименном острове, лежащем на половине расстояния от устьев рек Каты и Ёдармы по ангарским меркам небольшой – 1 200 000 м². Поверхность пологая, со слабо заметными в микрорельефе возвышенностями. В структурно-геоморфологическом отношении остров тяготеет к Ёдарминской площади опускания. Абсолютные высотные отметки поверхности острова 188 – 191 м.

Выявлено 7 культуросодержащих горизонтов (далее – ксг), третий и пятый из которых являются основными, характеризующими местонахождение. Третий горизонт зафиксирован в низах почвенных образований голоценового оптимума (7339 ±100 лет, СОАН-8909; 7488 ±90 лет, СОАН-8910) пятый залегает в менее гумусированных подстилающих отложениях (8832 ±120 лет, СОАН-8646; 8734 ±135 лет, СОАН-8647; 8765 ±135 лет, СОАН-8911).

Для рассмотрения рыболовного промысла на местонахождении привлечены материалы спасательных работ 2011–2012 гг. В том числе: гарпуны, детали составных крючков, костяные рыбки-приманки, остеологические остатки ихтиофауны.

Наконечники бородчатых или простых гарпунов составляют большую часть рыболовного инвентаря. Совокупная коллекция наконечников гарпунов из 3 ксг и 5 ксг составила 22 экз., включая целые и фрагментированные изделия, в том числе 4 в 3 ксг и 18 в 5 ксг.

Наконечники гарпунов достаточно сильно отличаются по размерам и оформлению насада. Наконечники из пятого горизонта имеют длину от 12 до 26 см. По насадам выделяется 5 разновидностей. Различия являются, вероятно, косвенным указанием на

дифференцированное использование таких изделий в зависимости от вида и размеров добываемой рыбы [Роговской, Кузнецов, 2013]. Отдельно рассматривая насады, можно прийти к выводу, что они более подходят для плотного крепления к древку. У большинства наконечников плоский насад, за исключением одного небольшого изделия. Длина насада у сохранившихся целых наконечников занимает более одной трети (иногда около половины) всей длины изделия.

Среди многочисленного костяного инвентаря, связанного с рыбной ловлей, особое место занимают скульптурные изображения рыб из кости. Они представлены двумя экземплярами, из 3 и 5 культуросодержащего горизонтов. По классификации А. П. Окладникова стилистически относятся к «сигообразным» [Окладников, 1936; Студизкая, 1976], исходя из таких признаков, как специфически заостренная морда, тщательно выделанный плавник на одном из экземпляров, вытянутая форма туловища. Эти изделия с большей долей вероятности относятся к рыболовству, нежели к предметам культово-религиозной направленности. На этот вывод наталкивает ряд факторов. Во-первых, планиграфическая ситуация на стоянке, где присутствует представительная коллекция ихтиофауны, а среди костяного инвентаря обнаруживаются такие орудия лова, как сложносоставные крючки и гарпуны, то есть сопутствующий инвентарь для рыбной ловли с помощью рыбок-приманок. Во-вторых, размер и технологическое исполнение костяных рыбок: реалистичная трактовка формы и внешнего вида артефактов.

В рыболовном инструментарии фигурируют также 9 элементов составных крючков. Все предметы изготовлены из костей и зубов животных. В 3 ксг стоянки отмечено 7 элементов составных крючков, составные крючки из 5 ксг представлены двумя элементами. Рассматривая варианты крепления острия к цевью, можно говорить, как минимум, о трех вариантах крепления. В 5 ксг речь идет о плотном прилегании в фронтальной позиции нижнего конца острия к уплощенной стороне стерженька, имеющего для этого специальную форму. Оба элемента зафиксированы в планиграфической близости. Имеющиеся стерженьки из 3 ксг фрагментированы. Отсутствуют сегменты, к которым крепились острие. Для острий, изготовленных из уплощенных по всей длине медвежьих клыков и дополнительно в основании, наиболее логичным представляется крепление в продольном пазе или расщепе деревянного стерженька. Не исключен вариант и бокового крепления.

На сегодня материалы стоянки являются в Северном Приангарье одним из наиболее ранних свидетельств сформировавшегося рыболовного промысла с представительным набором рыболовного инструментария. Модели древнего рыболовства определяются двумя видами: крючковой снастью и поколом с использованием рыбки-приманки. Косвенных (и тем более прямых) свидетельств лова сетями, к числу которых некоторые исследователи относят грузила на стоянке не обнаружены. Разнообразные по форме и размерам крючки и гарпуны, рыбки-приманки указывают на достаточно сложную организацию лова, ориентированную на различную по виду и габаритам добычу.

Научный руководитель – канд. ист. наук Е. О. Роговской.

Список литературы

Медведев Г. И. Некоторые замечания об эволюции форм наконечников гарпунов в мезолите, неолите и энеолите Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1978. – Вып. 4. – С. 114 – 120.

Новиков А. Г., Горюнова О. И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 125 – 134.

Окладников А. П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // СА. – 1936. – Т. 1. – С. 215 – 244.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с.

Роговской Е. О., Кузнецов А. М. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный в Северном Приангарье // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 102 – 115.

Студзицкая С. В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – Вып. 21. – С. 74 – 89.

Эверстов С. И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988. – 144 с.

УДК 903.1(571.51)

Н. А. Медведева

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Экспериментально-трасологическое исследование каменного сырья Енисейского края

Памятники эпохи позднего палеолита Приенисейской Сибири исследуются с конца XIX в. Материалы коллекций практически полностью опубликованы в работах З. А. Абрамовой, Н. Ф. Лисицына [Абрамова, 1979, Палеолит Енисея, 1991; Лисицын, 2000]. В настоящее время активно разрабатываются проблемные аспекты в изучении памятников палеолита Е. В. Акимовой [Палеолит Енисея. Лиственка, 2005; Позднепалеолитическая стоянка ... , 2009; Стасюк, Акимова, 2008; Харевич, 2010].

Основной пласт научных публикаций включает в себя классификацию каменных изделий по типологическому методу. Исследование изделий из камня археологических памятников Приенисейской Сибири с помощью функционального анализа было проведено В. Е. Щелинским в 60-х–70-х гг. XX в. по коллекции памятника Кокорево I (остроконечные орудия кокоревской культуры) [Щелинский, Абрамова, 1973; Щелинский, 1974]. В совместной статье В. Е. Щелинского и З. А. Абрамовой приведены результаты изучения следов утилизации на орудиях: «отмеченные признаки свойственны изношенным скребкам для обработки нежестких материалов (шкуры животных)» [Щелинский, Абрамова, 1973, с. 4]. Зафиксированы истирание рабочего края, закругление кромки лезвия и четкие линейные следы (тонкие царапины) на заполированных частях кромки – свидетельства того, что орудие использовалось в качестве скребка для обработки шкур животных [Щелинский, Абрамова, 1973, с. 4 – 10]. Это «небольшая» часть всего имеющегося археологического материала коллекций палеолитических культур Приенисейской Сибири, и в частности кокоревской.

Важным фактором при работе с каменными изделиями являются петрографические свойства горных пород, использованных для изготовления каменных орудий. Так, особенностью исследуемого сырья является износоустойчивость, что заметно влияет на специфику образования следов в ходе их утилизации. В основном это гальки кремнистых сланцев зеленовато-желтого, серо-зеленого и темно-серого цвета, алевралиты и песчаники, харак-

теризующиеся мелкозернистостью, относительной однородностью с выраженной слоистостью текстуры и средней твердостью по шкале Мооса (соответствует 5–5,5). Поэтому при выделении функциональных характеристик каменных изделий необходимо учитывать особенности образования следов утилизации. Для этого создается коллекция трасологических эталонов из горных пород с соответствующими свойствами.

В течение полевого сезона 2013 г. на базе археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В. П. Астафьева (г. Красноярск) была организована экспериментальная площадка по изучению каменных орудий палеолита. В ходе работы были поставлены эксперименты по изучению отдельных технологических аспектов на основе местного сырья. Изучались эффективность использования каменных орудий и особенности следообразования. Фиксированное время в среднем составляет 8–9 часов работы одного образца, некоторые орудия использовались и в течение большего времени – около 13 часов.

В экспериментах использовалось несколько типов каменных орудий. Работа проводилась с твердыми материалами: рог, кость и дерево (свежее и сухое). Также была сделана попытка работать с выделанной кожей: прокалывание отверстий и резка на полоски.

При работе с твердыми материалами (рог, кость, дерево):

- проводилось скобление как возвратными движениями (концевые скребки), так и поступательными (скобели – пластины с тонким рабочим краем);

- прорезались пазы возвратными движениями (остроконечниками с конвергентно обработанными краями и орудиями с резцовыми сколами);

- пропиливались пазы на поверхности предметов возвратно-поступательными движениями (пластинами без ретуши и пластинами с предварительно нанесенной ретушью);

- производилось проворачивание отверстий (орудиями с конвергентно обработанными ребрами заостренного конца).

Также ряд орудий закреплялся в специально подготовленные рукояти для увеличения усилия нажима, что существенно влияло на интенсивность износа рабочего края.

При обработке материалов в камеральных условиях отмечаются следы, характерные для возвратного скобления, пиления, проворачивания отверстий. Без специального увеличения фиксируется ретушь утилизации, деформация и заглаженность рабочего края. В результате экспериментально-трасологического исследования проведенного с помощью бинокулярной лупы Nikon 149110, на материалах фиксируются макроследы: заглаженность рабочей поверхности и прилегающих к ней боковых ребер, ретушь утилизации (выбоины и микрофасетки), в некоторых случаях наличие отчетливых заполировок. Полученные результаты позволяют зафиксировать наличие следов утилизации на орудиях коллекции трасологических эталонов. Установить различие следов, полученных при обработке рога, кости или дерева, при использовании бинокулярной лупы удастся не во всех случаях. Поэтому дальнейший этап исследований связан с применением металлографического микроскопа, имеющего большее увеличение. Это даст возможность зафиксировать ряд различий полученных следов износа, что необходимо для дальнейшей работы с материалами археологических коллекций.

В 2008 г. отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева проводились работы в Куртакском археологическом районе (Новосёловский район Красноярского края). Во время исследования участка береговой отмели Красноярского водохранилища в заливе р. Куртак был выявлен культурный горизонт палеолитического памятника Сажены [Позднепалеолитическая стоянка..., 2009, с. 175 – 177]. В настоящее время материалы археологической коллекции этого местонахождения были осмотрены при использовании бинокулярной лупы. Это позволило зафиксировать наличие следов утилизации на концевых скребках. Также были осмотрены орудия с жальцем (провертки), отщепы с ретушью, пластины и пластинчатые сколы. Однако

осмотр под бинокулярной лупой в этом случае не дает возможности сделать обоснованных выводов о наличии следов утилизации на перечисленных типах предметов.

Перечисленные выше вопросы приводят к необходимости применения металлографического микроскопа и использования коллекции трасологических эталонов в качестве сравнительного материала при изучении археологических орудий из енисейского сырья.

Автор выражает благодарность кандидату исторических наук В. М. Харевичу за предоставленные эталонные орудия и студентам КГПУ им. В.П. Астафьева за помощь в проведении экспериментов.

Научный руководитель – канд. ист. наук Л. В. Зоткина.

Список литературы

Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 232 с.

Палеолит Енисея / З. А. Абрамова [и др.]. – Л.: Наука, 1991. – 160 с.

Палеолит Енисея. Лиственка / Е. В. Акимова [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 182 с.

Позднепалеолитическая стоянка Сажены в зоне Красноярского водохранилища / Е. В. Акимова [и др.] // Вузовская научная археология и этнография Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 175 – 181.

Стасюк И. В., Акимова Е. В. Ранние комплексы позднего палеолита Дербинского археологического района (Средняя Сибирь, Красноярское водохранилище) // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 161 – 166.

Харевич В. М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 25 с.

Щелинский В. Е. Производственные функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1974. – 20 с.

Щелинский В. Е., Абрамова З. А. Типология и функции остроконечных орудий палеолитической стоянки Кокорево I на Енисее // КСИА. – 1973. – Вып. 136. – С. 3 – 10.

УДК 903.2

А. Е. Мешкова

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

Изделия неутилитарного характера с отверстиями крупного диаметра

Наиболее ранние находки предметов с отверстиями на территории Урала относятся к верхнему палеолиту. Однако изделия с отверстиями крупного диаметра появляются не ранее неолита. Интерес вызывают не только способы изготовления отверстий и необычность самих изделий, но и их сакральное назначение.

Изделия с отверстиями большого диаметра (1,5 см и больше) на территории Урала встречаются достаточно редко. К ним относятся фигурные молоты, булавы, крупные диски, индивидуальные изделия.

Методом встречного сверления было изготовлено отверстие в фигурном молоте с неолитической стоянки Евстюниха I (окрестности г. Нижний Тагил). Длина этого навершия всего 8 см, толщина – 4,2 см. По центру изделия проходит отверстие в форме усеченного конуса. В верхней части оно имеет диаметр 1,4 см, в нижней – 1,8 см [Россадович, Сериков, Старков, 1976, с. 189].

Таким же способом просверлен фигурный молот в виде головы бобра с Кокшаровского холма (Свердловская обл.). Диаметр отверстия внизу – 2,5 см, вверху – 1,9 см. Точка соединения конусов, из которых состоит отверстие, находится ближе к верхней части молота, в 1,1 см от края. Толщина булавы в месте сверления – 3,7 см. После завершения сверления отверстие было развернуто, т. е. был удален поясок-утолщение в месте соединения двух конусов. Теперь навершие могли хорошо закрепить на рукоятке [Сериков, 1975, с. 160].

Ничем не отличается способ изготовления отверстия и у фигурного молота в виде головы белки (случайная находка, окрестности г. Нижняя Тура). Отверстие длиной около 10 см изготовлено в технике встречного сверления и представляет собой два усеченных конуса: в месте соединения сверлин диаметр отверстия равен 1,4 см, основание нижнего конуса – 2,5 см, верхнего – 2 см. Высота изделия – 10,7 см [Ченченкова, 2004, с. 256 – 257].

Сверление каменных булав происходило по-разному. На дне Шигирского озера была найдена овальная булава из гранодиорита с отверстием диаметром 1,9 см. Прodelано оно каменным сверлом большого диаметра методом встречного сверления. Входной диаметр отверстия доходит до 3,5 см. Таким же способом просверлены две расколотые каменные булавы с Усть-Вагильского холма (р. Тавда). А вот булава из бурого железняка с Махтыльского холма (р. Сосьва) просверлена полый костью. Отверстие имеет цилиндрическую форму диаметром 2,4 см.

Уникальной находкой, обнаруженной в одном из курганов бронзового века (Челябинская обл.), является навершие булавы диаметром около 6 см в виде хрустального шара. Шар отшлифован, но не отполирован. При направленном освещении он аккумулирует свет и сверкает. В центре шара прodelано сквозное коническое отверстие диаметром в широкой части 1,9 см, в узкой – 1,1 см. Минералоги подчеркивают, что изготовление подобного шара требовало наличия больших прозрачных кристаллов хрусталя, которые встречаются довольно редко, а также большого умения и затрат труда [Юшкин, 2005, с. 76].

В краеведческом музее г. Екатеринбурга хранятся три подпятника для добывания огня (все – случайные находки). Один из них изготовлен из горного хрусталя в форме шара с незаконченным высверленным углублением. Большой диаметр шара – 5,5 см, малый – 3 см, высота – 4,2 см. Диаметр глухой сверлины – 2 см, глубина сверления – 0,5 см [Панина, 2004, с. 256].

Одностороннее сверление иногда применялось при изготовлении крупных дисков. Один из них найден в неолитическом комплексе поселения Шувакиш I (окрестности г. Екатеринбург). Данный диск имеет неправильную округлую форму диаметром 6–6,4 см и толщиной до 1,4 см. В центре диска прodelано отверстие диаметром 1,5 см [Чаиркина, 1998, с. 93].

Отверстия на остальных дисках прodelаны встречным сверлением. Среди них выделяется крупный сверленный диск со сложным орнаментом, найденный на поселении эпохи бронзы Палатки II (окраина г. Екатеринбург). Изделие имеет овальную форму

размером 12×9,5×1,8 см. В центре диска просверлено отверстие. Внешний диаметр у него доходит до 3,2 см, внутренний – до 2,4 см.

Уникальный диск с гравировками обнаружен у п. Антоновский близ г. Нижний Тагил. Изделие толщиной 1,5 см имеет овальную форму, диаметр длинной оси – 14 см, короткой – 11,8 см. Диск изготовлен из мягкой породы типа хлоритизированного сланца. Все поверхности – лицевая, обратная и ребро – тщательно отшлифованы и орнаментированы. На лицевой стороне находятся гравированные антропоморфные фигуры. В центре изделия проделано круглое отверстие диаметром 3,5–3,7 см. Это единственное на Урале отверстие, изготовленное путем двустороннего пикетажа [Сериков, 2002, с. 31 – 33].

Единично в группе сверленных изделий представлены каменные молоток (с. Мурзинка) и кирка (стоянка Калмацкий брод – Свердловская обл.). Отверстия у них проделаны каменным сверлом с двух сторон.

Изготовление отверстий происходило разными способами. У фигурных молотов длина отверстий составляет от 4 до 10 см. Для их изготовления использовались полые сверла. Эксперименты с полым сверлением в Ангарской экспедиции С. А. Семенова показали большую трудоемкость этого способа. На изготовление отверстия диаметром 2,4 см и глубиной 3,4 см в гальке вулканической породы было затрачено 10 часов работы [Семенов, 1968, с. 62 – 65]. Отверстия в булавах проделывались двумя способами: каменным сверлом и полым сверлом из кости. Во всех случаях применялось встречное сверление. Практически все диски просверлены каменными сверлами методом встречного сверления. Этому способствовали небольшая толщина дисков (от 1,5 до 3,5 см) и мягкое минеральное сырье, из которого они изготовлены (сланец, тальк). Из этого круга выбивается диск из Антоновского. Отверстие диаметром 3,5–3,7 см изготовлено путем двустороннего пикетирования и последующим заглаживанием его стенок. Выбор такого необычного способа изготовления отверстия можно объяснить отсутствием сверл необходимого диаметра.

Функционально все изделия этой группы условно можно отнести к навершиям – все они насаживались на рукоятки и являлись статусными предметами. Практически все рассмотренные выше изделия строго индивидуальны в исполнении. Определенная часть этих наверший изготовлена из твердых пород камня при помощи затратных технологий (пикетажа и сверления). По всей видимости, трудоемкость в изготовлении подобных предметов являлась одним из условий повышения их статусного уровня. Некоторые изделия выполнены из редких и эффектных видов минерального сырья. Все это позволяет эту группу изделий отнести к предметам престижных технологий, главной задачей которых является демонстрация престижа, статуса, богатства и власти [Лбова, Табарев, 2009, с. 110 – 114].

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю. Б. Сериков.

Список литературы

Лбова Л. В., Табарев А. В. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы. – Новосибирск: НГУ, 2009. – 142 с.

Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА. – 1976. – № 4. – С. 185 – 190.

Панина С. Н. Культурные предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 255 – 256.

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.

Сериков Ю. Б. Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука, 1975. – С. 158 – 163.

Сериков Ю. Б. Каменное навершие с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – 2002. – Вып. 5. – С. 31 – 34.

Чаиркина Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 81 – 104.

Ченченкова О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.

Юшкин Н. П. Кварцевые шары в материальной культуре человека // Археоминералогия и ранняя история минералогии. – Сыктывкар: Геопринт, 2005. – С. 74 – 77.

УДК 902.6(571.54)

Г. Д. Павленок

Институт археологии и этнографии СО РАН

К вопросу о периодизационной атрибуции стоянки Усть-Кяхта-3 (слой 2)¹

Для территории Забайкалья разработано несколько культурно-периодизационных схем развития каменных индустрий финального плейстоцена – раннего голоцена. Выделяются следующие периоды: ранняя пора верхнего палеолита (РВП), средняя пора верхнего палеолита (СВП), поздний этап верхнего палеолита и мезолит, представленные локальными археологическими культурами. Для оценки динамики развития каменных индустрий на рубеже геологических эпох необходимо дать обобщенную характеристику среднего и позднего этапов верхнего палеолита и мезолитического периода.

Общепризнана проблема выделения СВП по причине малого количества и слабой репрезентативности памятников с датами в интервале 25–18 тыс. лет назад. Кроме того, существуют разночтения и ситуация отнесения одних и тех же памятников разными исследователями к различным периодам. Традиционно к СВП относятся местонахождения Читкан (слой 2), Мельничное (слой 1), Саный мыс (горизонты 6, 7), Куналей (слой 2), Мастеров Ключ и др. [Константинов, 1995, с. 25; Мещерин, 2010, с. 5 – 12]. Этот этап характеризуется сохранением плоскостной и ортогональной техник при доминировании призматического способа утилизации ядрищ и стабильном наличии торцовых и торцовых клиновидных нуклеусов для микропластин; исчезновением в индустриях крупных пластинчатых и остроконечных заготовок, характерных для РВП. В орудийном наборе отмечается процесс «измельчания» изделий, наличие различных модификаций резцов и скребков, присутствие костяных орудий.

Индустрии позднего этапа верхнего палеолита заключены во временные рамки около 18 – 10–12 тыс. лет назад (стоянки Студеное-1, 2; Усть-Менза-1, 2, 3, 4; Косая Шивера (горизонт 14); Алтан (слои 16–19) и др.) и в сравнении с СВП выглядят, как более развитые [Константинов, 1995, с. 27]. Первичное расщепление производится в рамках

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ № 12-06-33041-мол-а-вед, № 13-06-12002-офи-м.

призматической техники при наличии элементов плоскостной и ортогональной, однако преобладает техника расщепления торцовых и торцовых клиновидных нуклеусов. В орудийном наборе увеличивается доля изделий средних, малых и микроразмеров, что, по-видимому, предполагает более широкое применение рукояток. Более разнообразными становятся орудия из кости, в том числе основы для вкладышевых инструментов. В то же время сохраняются элементы, известные в раннее время: скребла из отщепов, различные варианты проколов и долотовидных орудий.

Существуют две основные точки зрения на проблему выделения мезолитического периода на территории Забайкалья. Так, В. И. Ташак, основываясь на материалах памятников Усть-Кяхта-17, Усть-Кяхта-12, Били, отказывается от выделения позднего этапа ВП и предлагает относить комплексы с финального плейстоцена (начиная с 18–15 тыс. лет назад) до раннего голоцена (10–8 тыс. лет назад) к мезолиту [Ташак, 2005, с. 115 – 124]. Иная схема принадлежит М. В. Константинову, который выделяет финальный палеолит и мезолит, предлагая принять границы последнего с рубежа плейстоценовой и голоценовой эпох (ок. 10 800 лет назад) до начала позднего голоцена (ок. 6 500 лет назад), по материалам памятников Студеное-1 (слои 10–13/2), Усть-Менза-1 (слои 9–20), Конюхово (горизонт 3), Студеное-2 (слой 2) и Подлопатки (слой 1), Ошурково [Константинов, 1995, с. 32 – 34]. В этих индустриях первичное расщепление основывается на технике подготовки и утилизации торцовых и торцовых клиновидных нуклеусов с сохранением отдельных элементов плоскостных форм ядрищ. Инструментарий представлен в основном микроформами при сохранении некоторых макроформ. Он имеет прямые аналогии с предшествующим финальнопалеолитическим периодом: употребление микропластин (необработанных в большей своей массе) в качестве вкладышей, округлых и концевых скребков, угловых резцов, остроконечников, долотовидных орудий, трансверсальных и угловых резцов. Костяная индустрия представлена основами вкладышевых орудий, рыболовными крючками, иглами.

Двуслойная стоянка Усть-Кяхта-3, исследованная в 1976 и 1978 гг. А. П. Окладниковым, была определена автором раскопок как один из первых памятников эпохи мезолита на данной территории [Окладников, 1979, с. 16]. Анализ индустрии слоя 2 проводился с целью выявления ее технико-типологических характеристик, для чего были обработаны значимые категории артефактов коллекции: 17 нуклеидных изделий, 916 сколов и 42 орудия.

Первичное расщепление характеризуется наличием продольного однонаправленного расщепления в рамках как плоскостного, так и объемного способов утилизации нуклеусов. Кроме того, в коллекции представлены достаточно архаичные по своему облику плоскостные нуклеусы с центростремительными снятиями. Ярким элементом индустрии выступают торцовые клиновидные нуклеусы для микропластин и их заготовки. Зона расщепления на нуклеусах подготовлена тщательным, чаще двусторонним оформлением киле-гребневого ребра, латеральная изогнутость фронта задана мелкими отщеповыми снятиями, чаще с киля и гребня. Необходимый угол чаще латерально-скошенной ударной площадки оформлялся и поддерживался в дальнейшем путем снятия мелких фасеток с фронта или по периметру; зачастую использовался прием снятия «таблеток» при образовании заломов на площадке.

В индустрии сколов преобладают удлиненные заготовки (2/3 части от коллекции сколов), из которых больше половины составляют пластины; пластинки и микропластины представлены в равных долях. Сколы всех пропорций демонстрируют доминирование продольной огранки, преобладание гладких ударных площадок для отщепов и пластин, линейных и точечных – для пластинок и микропластин. Кроме того, наблюдается практически постоянное использование приемов подработки кромки ударной площадки нуклеуса путем прямого или гораздо реже – обратного редуцирования.

Заготовками для орудий чаще служили пластинчатые сколы. Типологически выраженные изделия немногочисленны: долотовидное, шиповидное, концевой скребок (комбинированный с боковым многофасеточным резцом), продольно-поперечное скребло, проколка на пластине, два остроконечника на пластинах и три резца. Сколы с функциональной ретушью составляют наиболее многочисленную группу, в которой выделяется категория ножей с естественным обушком и обушком-гранью. Костяная индустрия слоя представлена обломком костяной основы вкладышевого ножа с двумя продольными пазами.

Проведенный анализ индустрии наиболее древнего слоя 2 (с радиоуглеродной датой по углю $12\ 595 \pm 150$ лет назад (СО АН – 1553) двуслойной стоянки Усть-Кяхта-3 продемонстрировал наличие категорий изделий, типичных для индустрий как финального палеолита, так и мезолита региона. Можно заключить, что в ситуации отсутствия качественных (при наличии количественных) изменений в облике индустрий региона на протяжении продолжительного хронологического отрезка, маркирующих начало нового периода каменного века, более взвешенным решением на данном этапе исследования представляется отнесение материалов слоя 2 к периоду финального верхнего палеолита.

Научный руководитель – д-р ист. наук М. В. Шуньков.

Список литературы

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1995. – 43 с.

Мещерин М. Н. Средняя пора верхнего палеолита в Забайкальской схеме периодизации (состояние изучения) // РА. – 2010. – № 3. – С. 5 – 12.

Окладников А. П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта 1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. – Новосибирск, 1979 (рукопись).

Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.

УДК 903.27(282.256.34)

Л. А. Пупаева

Сибирский федеральный университет

Каменные изображения рыб с поселения Скородумный Бык на Ангаре

Каменные изображения рыб находят на территории Восточной Сибири уже более двухсот лет. Они распространены преимущественно в Прибайкалье, на территориях верхнего течения р. Лены, по всей р. Ангаре, среднем течении р. Енисей. Некоторые изображения происходят из Южной Сибири, долины р. Селенги, Барабинской степи и Эвенкии [Окладников, 1950, с. 242 – 244; Андреев, 1970, с. 168 – 172]. Многие исследователи пытались определить датировку, культурную принадлежность и назначение таких предметов (Д. Г. Мессершмидт, Д. Н. Анучин, М. П. Овчинников, Г. Мергарт, О. Менгин, А. П. Окладников, С. В. Студзицкая, Н. И. Дроздов, В. И. Привалихин и др.). Поскольку на настоящий момент эти вопросы остаются дискуссионными, нахождение каждого нового изображения рыб вызывает определенный научный интерес.

Поселение Скородумный Бык расположено на одноименном скальном выступе на левом берегу р. Ангары напротив с. Рыбного. Оно было открыто в 2010 г. С. М. Фокиным, и в ходе работ 2010 и 2013 гг. отрядом археологической экспедиции СФУ под его руководством найдено четыре каменных изображения рыб, два из которых трудноузнаваемы из-за фрагментарности и два хорошо сохранились. Целью работы является определение датировки, культурной принадлежности и, по возможности, назначения этих предметов.

Одно каменное изображение рыбы (рисунок, поз. 1) было найдено на нарушенном участке культурного слоя бронзового века, в нестратифицированных условиях. Другое изображение (рисунок, поз. 2) залегало в нижней части второго культурного слоя в толще бурого песка. Рядом с ним на одной глубине был зафиксирован каменный нож неолитического времени. Из этого же уровня слоя происходят каменные отщепы, сколы и керамика: фрагмент венчика сосуда серовского облика (с наклонными насечками с внутренней стороны по скошенному краю) и фрагмент стенки сосуда с отпечатками на внешней поверхности оттисков от сетки-плетенки.

В отмеченных изображениях узнаются рыбы из рода *Salmo*: сиговые и хариусовые, которые водятся в р. Ангаре. Поверхности изделий полностью зашлифованы. У первого изображения рыбы из подъемного материала прорезанными линиями обозначены рот и жаберные крышки, ямкой – глаза. В изделии просверлены биконические отверстия: на спине, в хвосте и на брюхе – в районе размещения хвостового и жаберного плавников. Второе изображение рыбы «янусовидное», отличается от первого большими размерами, более выпуклой и широкой формой спины. У каждого изображения головы показан только рот в виде прорезанной канавки.

«Янусовидное» изображение рыбы, выполненное в камне, находит многочисленные аналогии, которые найдены на неолитических памятниках всей долины р. Ангары. Некоторые исследователи такие изображения датируют IV–III тысячелетием до н. э., другие – началом III тысячелетия до н. э., третьи – концом III – началом II тысячелетия до н. э. [Привалихин, 2011, с. 152; Окладников, 1950, с. 139; Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 206 – 207]. В. И. Базалийский отмечает «двухголовое» изображение рыбы в инвентаре одного погребения серовской погребальной традиции позднего неолита, которая была распространена в интервале 3,2–2,5 тыс. лет до н. э. [Базалийский, 2012, с. 96 – 97].

Каменное изображение «одноголовой» рыбы находит аналогии в памятниках глазковской культуры раннего бронзового века Прибайкалья [Окладников, 1955, с. 87, рис. 28]. Комплексы этого времени на многослойном поселении Улан-Хада на основании радиоуглеродных дат относятся к 2,0 (2,2) – 1,6 тыс. лет до н. э. [Горюнова, 2012, с. 19].

Существуют разные точки зрения о назначении каменных изображений рыб. А. П. Окладников приводит примеры, в которых такие предметы небольших размеров могли использоваться в качестве приманок. При одном способе такие «рыбки» применялись морскими рыбаками как современный воблер с грузом: к жаберным отверстиям крепились крючки, а к хвостовому – лесса. Другой способ использовали якуты, эвенки, самоеды, алголкины. Они изготавливали «рыбки» из кости или дерева, лессу присоединяли к отверстию в спине, а к отверстиям в брюшке привязывались красные тряпочки, полоски рыбьей кожи или поводки с крючками. В таком случае к муляжу приманивалась живая рыба, которую кололи острогами или ловили черпаками [Окладников, 1950, с. 250 – 257].

Вместе с этим А.П. Окладников [Там же, с. 332] не исключает, что рыбки-приманки «... в процессе употребления окружались колдовским ритуалом и религиозными представлениями». Двухголовых «янусовидных» рыб он относит к области культа, указывая на их большие размеры – до 30–35 см в длину. Исследователем приводятся этнографические примеры, где изображения двух тайменей, спянных хвостами, использовали в своих обрядах якутские шаманы, а двухголовая и двуххвостая рыба считалась у камчадалов духом

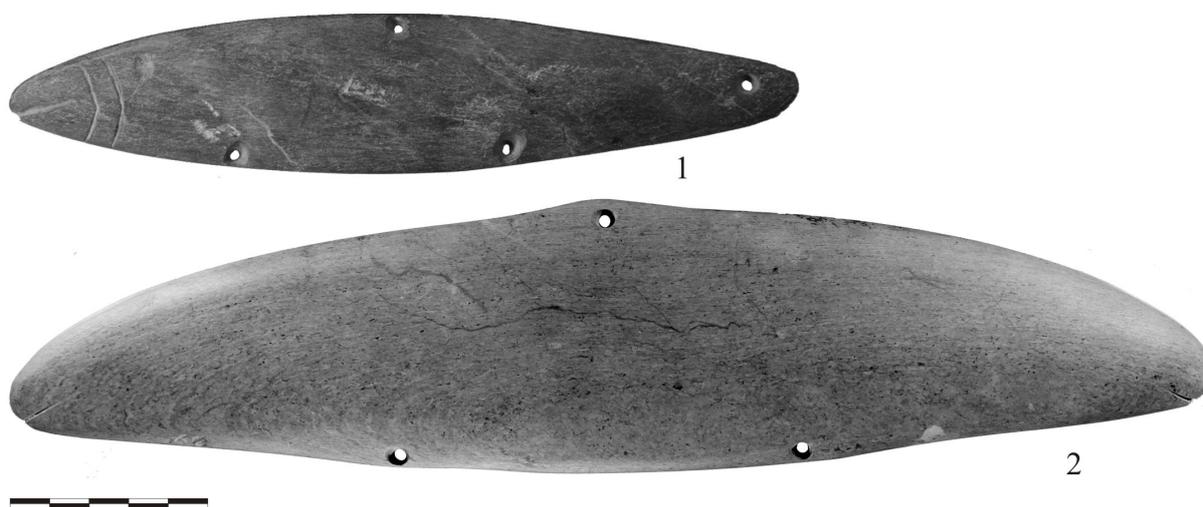

Рис. Каменные изображения рыб из поселения Скородумный Бык

озера [Там же, с. 332 – 336]. В подтверждение о культовом назначении некоторых изображений рыб можно отнестись к случаям, когда на плоскости двух каменных «янусовидных» изображений были вырезаны контуры рыбы и зооморфной фигуры [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 206, рис. 4; Привалихин, 2011, с. 152, рис. 4.1]. Г. С. Вртанесян считает изображения рыб, выполненные в мелкой пластике, календарными символами, а двухголовых связывает с образом Януса – «божества входа и выхода», которое очерчивает период времени, когда определенный вид рыб активен в годовом цикле [Вртанесян, 2013, с. 113].

Однако есть основания предположить, что древним населением использовались в качестве приманок не только небольшие рыбки размерами 10 – 20 см, но и большие, массивные, длиной и до 40 см. Хищные рыбы, водящиеся в р. Ангаре, такие как щука, налим и таймень, достигают в размерах до 170 см (обычно до 100 см). Средняя относительная длина жертв щуки меняется в пределах 27,4–38,2 % см от размеров хищницы, а в отдельных случаях относительный размер может достигать до 58,7–62,3 % от ее собственной длины [Купчинская, Купчинский, Купчинский, 1995, с. 79]. Теоретически и практически щука длиной 1 м может нападать на рыбу, размером до 40 см. Исходя из этого можно предположить, что найденные каменные изображения рыбы длиной 30 см и более могли использоваться в качестве приманок для ловли крупной хищной рыбы и не только щуки. Значительный размер, а соответственно, и большой вес приманок, возможно, был необходим для сохранения устойчивого положения их на глубине, в условиях разного характера течения реки. Предположительно для придания приманке привлекательного для хищника «блестящего» вида могли на каменные изображения надевать, к примеру, натуральную рыбью кожу.

В подтверждение утилитарного назначения рассматриваемых изделий можно привести тот факт, что изображения рыб, в том числе и «янусовидные», были обнаружены в погребениях вместе с рыболовным инвентарем – гарпунами и составными и цельнорезными крючками из кости [Базалийский, 2012, с. 90 – 93]. Еще одним косвенным доказательством этого служит обнаружение их в кладах с рабочим инструментом: рубящими орудиями, абразивами и гарпунами [Привалихин, 2011, с. 151; Адамов, Данилов, Турова, 2011, с. 350 – 351].

Таким образом, каменные изображения рыб с поселения Скородумный Бык могли использоваться в качестве приманок и относиться к разным периодам заселения территории памятника – к позднему неолиту и раннему бронзовому веку, что подтверждается другим материалом из культурного слоя.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. П. В. Мандрыка.

Список литературы

Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 350 – 353.

Андреев Г. И. Каменные изображения из Туры // СА. – 1970. – № 4. – С. 168 – 172.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 42 – 101.

Вртанесян Г. С. Календарная символика глазковской культуры Сибири // Вестник ТГУ. История.– 2013. – № 3 (23). – С. 112 – 115.

Горюнова О. И. История исследования и значение первого в России многослойного геоархеологического объекта Улан-Хада на Байкале // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 10 – 21.

Дроздов Н. И., Макулов В. И., Ермолаев А. В. Археологическая карта нижнего течения реки Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – С. 190 – 212.

Купчинская Е. С., Купчинский Б. С., Купчинский А. Б. Питание и рост щуки (*Esox Lucius L.*) в Иркутском водохранилище // Природные ресурсы, экология и социальная среда Прибайкалья: сб. науч. тр. – Иркутск, 1995. – С. 78 – 84.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I, II. – 412 с. (МИА. № 18).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. III (глазковское время). – 375 с. (МИА. № 43).

Привалихин В. И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушин – 1, пункта «А» // Второй век подвижничества: сб. науч. ст. – Красноярск: КККМ, 2011. – С. 150 – 160.

УДК 902.01

Д. В. Смычагина

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Возможности и проблемы применения планиграфического анализа при работе с малоинформативными источниками (на примере материалов стоянки Малая Сыя)

По мере совершенствования методики ведения археологических раскопок увеличивается объем информации, получаемой в ходе исследования памятника. Для наиболее продуктивной обработки данных создаются различные приемы их анализа. Это, однако,

не означает, что новые методики невозможно применить для изучения материалов, полученных в ходе исследований предшествующего времени (например, в 1960-х – 1970-х гг.). Такие раскопки давали более скудные данные, поэтому современные методики необходимо приспособить для их обработки или использовать в усеченном масштабе. Тем не менее результаты таких исследований могут оказаться полезными для решения спорных вопросов изучения этих памятников, а также в качестве источника дополнительной информации о них.

Методика планиграфического анализа основана на разработках отечественных ученых (Г. А. Бонч-Осмоловского, М. Я. Рудинского), «классических» исследованиях А. Леруа-Гурана и М. Брезийона [Леонова, 1977, с. 3; Платонова, 2010, с. 169 – 177]. Теоретическая разработка методики и ее практическое применение на современной стадии развития науки рассматривались в работах Н. Б. Леоновой [Леонова, 1977, с. 3 – 20; Кеворкова, Леонова, 1981, с. 43 – 64; Леонова, Несмеянов, 1991, с. 219 – 245].

Верхнепалеолитическая стоянка Малая Сья (республика Хакасия, Ширинский район) находится на левом берегу реки Белый Июс, с южной стороны от одноименного поселка. С 1973 г. на памятнике проводились сборы подъемного материала, в 1975–1980 гг. В. Е. Ларичевым проводились масштабные раскопки, в результате которых получен основной объем археологического материала. Для уточнения стратиграфической позиции археологического комплекса (или комплексов) и его датировок в 1992, 2000, 2001 гг. Ю. П. Холюшкиным, в 2013 г. Л. В. Лбовой на памятнике были сделаны зачистки, заложены шурфы [Позднепалеолитическое местонахождение..., 2013, с. 104 – 108]. Сложная стратиграфическая ситуация на памятнике и неоднозначность датировок вызвали научную дискуссию о возрасте стоянки Малая Сья. Одним из основных стал вопрос о тафономических условиях формирования культурного слоя стоянки.

Слои, содержащие культурные отложения, нарушены солифлюкционными процессами и крупными мерзлотными клиньями. По этой причине раскоп 1975 г. был заложен севернее одного из таких клиньев, протянувшегося в направлении с северо-востока на юго-запад. Стратиграфический разрез по линии север-юг показывает, что угол наклона поверхности на данном участке памятника равен 8,4 градуса к северу. Линия разреза восток-запад не имеет четко выраженного уклона.

Раскоп 1975 г. имел площадь около 127 м². Автор раскопок В. Е. Ларичев выделял два культурных горизонта на основании интерпретации их как кровли и заполнения жилищ. Однако находки фиксировались на планах тремя слоями, что, видимо, связано с особенностями стратиграфии памятника. Первый слой на плане раскопа 1975 г. представлял собой нижнюю часть слоя В (палевый серовато бурый тяжелый делювиальный суглинок). Второй культурный слой на планах приурочен к слою Г геолого-стратиграфического разреза (темно-желтый и темно-серый делювиальный суглинок, толщина слоя 0,1–0,5 м). Эти два слоя объединялись автором раскопок в один культурный горизонт.

Второй культурный горизонт отмечен на планах как слой 3. В него были объединены два верхних подгоризонта слоя Д: Д1 – тяжелый буровато-серый слабо-слоистый суглинок толщиной до 0,25 м, Д2 – тяжелый белесый песчанистый суглинок толщиной 0,1–0,2 м. При этом в отчете указывается на отсутствие между выделенными слоями стерильной прослойки [Ларичев, 1977, с. 8 – 11].

Учитывая тот факт, что верхняя часть горизонта 1 резко выделяется малым количеством находок, а процент орудий в ней сравнительно велик (9,11 % при 4,56 % в нижней части культурного горизонта), а также то, что авторами раскопок объединены слои 1 и 2 в единый культурный горизонт 1, целесообразно будет рассмотреть их как единое образование.

Слой 1 и 2 (культурный горизонт 1): каменные артефакты представлены 1676 экземплярами, в среднем на 1 кв. метр приходится 13,2 экз. Наиболее крупные скопления про-

дуктов первичного расщепления (всего 1583 экз.) фиксируются в кв. А7, А7-8, Ж8-9, В4, Б7, 314, Е9, т.е. в северо-восточной, центральной и южной частях раскопа. Орудия составляют 5,5 % находок (93 экз.) и сосредоточены в южной и юго-западной частях раскопа (скопления в кв. И12, Д12). В слое 1 (верхняя часть) в юго-восточной части раскопа зафиксированы 7 пятен, в основном вытянутой формы, подписанных на плане как очаги. В слое 2 продукты первичного расщепления обрамляют эти «очаги»¹ по периметру, образуя внутри пустые места (в пяти случаях из семи). То же можно сказать и о расположении находок в слое 3, где на периферии двух из таких «очагов» зафиксированы пятна охры. В слое 2 (нижняя часть) зафиксировано большое количество углей, располагавшихся мелкими и крупными группами, в основном в северной части раскопа, несколько мелких групп углей зафиксировано и в южной его части. Однако ни одна из них не совпадает с пятнами «очагов» слоя 1.

Слой 3 (культурный горизонт 2): в среднем на один квадратный метр приходится 23,5 экземпляра (всего – 2985 экз.). Первичное расщепление представлено 2796 артефактами. Наиболее крупные скопления выделяются в кв. К12, И13, 311, Е11, Е7, Ж10, И39, т.е. в южной, центральной и юго-восточной частях раскопа. Орудия составляют 6,33 % находок (189 экз.) и концентрируются в южной части раскопа. На плане выделено, вероятно, по цвету почвы и составу инвентаря, 7 «комплексов». При сопоставлении их с аналогичными зонами горизонта 1 нами выявлены некоторые закономерности. Так самые крупные «комплексы» слоя 3 приурочены к скоплениям углей на планах слоя 2: в одном случае (кв. А8) овальный «комплекс» накладывается на вытянутое по той же оси скопление углей. В другом, скопление углей находится на расстоянии 20 см к востоку от крупного «комплекса» (кв. Ж10-310). Между другими двумя «комплексами» располагается вытянутое угольное скопление (южная часть раскопа).

Таким образом, основная часть скоплений продуктов первичного расщепления в обоих, выделенных автором раскопок культурных горизонтах в целом совпадает (южная оконечность и центральная часть раскопа), при этом в горизонте 1 имеет место концентрация таких артефактов также и в северной части раскопа.

Выделенные автором раскопок «очаги» не имеют в своих пределах угольных составляющих, не фиксировались на планах и какие-либо каменные выкладки. Однако распределение артефактов в этих зонах обоих горизонтов свидетельствует о наличии общих для этих горизонтов структур. Предположительно к очажным можно отнести «комплексы» слоя 3 планов при наложении на них данных об угольных скоплениях слоя 2.

На данном участке памятника представлен полный цикл первичного расщепления (расколотые гальки, нуклеусы, боковые сколы с них, пластины, отщепы). Продукты первичного расщепления являются наиболее типичным набором культурного материала на площади раскопа (94,45 % в горизонте 1 и 93,67 % в горизонте 2), при наличии небольшого (до 6,3 %) удельного веса орудий, а также «кострищного материала».

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Совпадение концентраций продуктов первичного расщепления и наиболее крупных комплексов обоих горизонтов позволяет предположить общность их формирования и рассматривать как единый комплекс;

2. Согласно набору культурного материала (наиболее характерны производные первичного расщепления) данный участок памятника можно определить как производственный комплекс, сформированный, скорее всего, в единых природно-исторических условиях.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова.

¹ Термин «очаг» используется автором отчета В. Е. Ларичевым для обозначения таких элементов.

Список литературы

Кеворкова Н. В., Леонова Н. Б. Методика исследования скоплений кремня // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С. 43 – 64.

Ларичев В. Е. Отчет о раскопках верхнепалеолитического поселения Малая Сья в 1976 г. – Новосибирск, 1977. – 113 с. (Рукопись).

Позднепалеолитическое местонахождение Малая Сья: итоги полевых исследований 2013 г. / Л. В. Лбова [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 104 – 108.

Леонова Н. Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1977. – 20 с.

Леонова Н. Б., Несмеянов С. А. Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоёв // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 219 – 245.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб: Нестор-История, 2010. – 316 с.

УДК 903.01

Д. С. Тупахин

Научный центр изучения Арктики

Технологическо-морфологический анализ каменного инвентаря поселения Горный Самотнел-I

Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-I, открыто в 2009 г. Памятник расположен на правом берегу р. Оби в нижнем ее течении, на административной границе современного Приуральского и Ямальского районов Ямало-Ненецкого автономного округа. В течение трех сезонов полевых работ выявлено и частично изучено раскопками крупное жилище, несколько хозяйственно-бытовых построек, а также хозяйственный объект в виде глубокой траншеи, в которой, предположительно, хранились заготовленные продукты.

Мощность культурного слоя памятника на межжилищном пространстве – 0,7 м, а заполнений ям хозяйственных построек и жилища – более 2 м. Благодаря сохранившимся столбам из лиственницы, методом дендрохронологического датирования была уточнена датировка памятника, ранее полученная в результате радиоуглеродного анализа. Обобщив результаты, можно сказать, что усредненная датировка (3050–2900 гг. до н. э.) позволяет отнести данный памятник к эпохе энеолита. Целью данной статьи является рассмотрение комплекса каменных орудий с точки зрения морфологических особенностей используемых пород камня и особенностей технологической обработки.

Комплекс каменного инвентаря, рассматриваемый в данной статье, представлен 826 единицами. К ним относятся как полноценные орудия труда, так и их заготовки, производственные отходы. Техника обработки каменного сырья и его первоначальный отбор обуславливаются «потребительскими» свойствами используемых пород камня, среди которых изотропность, способность давать раковистый излом, твердость [Деревянко,

Маркин, Васильев, 1994, с. 91]. Таким образом, первоначальная классификация материалов основывается на распределении всего разнообразия каменных артефактов по пяти условным сырьевым группам без детального минералогического анализа используемых пород. Нами были выделены пять основных классификационных групп, объединяющие сходные по своим морфологическим показателям породы камня.

Изделия из сланцевых пород. К группе сланцев были отнесены изделия из мягких пород, обладающих характерной пластинчатой структурой, имеющие черный, иногда темно-серый оттенок. В коллекции сланцы представлены большим числом тонких плит-заготовок различной формы и размера, что может быть связано с хрупкостью исходного сырья. Среди орудий из сланцев встречается большое число наконечников стрел листовидной формы, с тщательной абразивной обработкой поверхности. Насад наконечника стрел не выделен, для надежности фиксации на древке он слегка уплощен. Также среди изделий из сланцевых пород имеется большое число ножей. Технологии изготовления ножей и наконечников стрел похожи. В отличие от наконечников, орудия, интерпретируемые как ножи, имеют большие размеры, следы сработанности и заточки на режущих кромках. Несколькими экземплярами в этой группе представлены тесловидные орудия. Они изготовлены из крупных галек сланца, которым грубыми сколами придана первоначальная форма тесла. После обработки заготовки сколами рабочая кромка инструмента шлифовалась и затачивалась. Стоит предположить меньшую эффективность сланцевых тесел (по сравнению с изделиями из других пород) при использовании инструментов-посредников, что связано со слоистой текстурой породы.

К изделиям этой группы относятся, как правило, массивные орудия из крупных окатанных галек, мелких валунов [Постнов, Кулик, 2009, с. 14]. Камень природной формы подправлялся до требуемых мастеру контуров грубыми сколами. Среди орудий из мелкозернистых пород – долотовидные и тесловидные орудия, топоры, песты, ступки для растирания, грузила для сетей, наковальни в виде камней с выбитыми лунками. К данной группе также относятся изделия из крупных галек с обработанными грубыми сколами внешними фасками и отверстием в центре. Тесла и стамески изготавливались как из частей расколотой гальки, так и из целых камней, на которых оставлена часть галечной корки. Интересны различные варианты каменных сетевых грузил, на данный момент таких видов два. В первом случае грузила изготовлены из плоского валуна, у которого сколами обработаны внешние фаски. В центре такого грузила в технике абразивного сверления изготавливалось отверстие (для подвешивания к сети?). Другой вариант сетевого грузила – небольшая галька в берестяной обертке. В этом случае камень оборачивался целым куском бересты, концы которого закручивались в жгут. За получившиеся концы-жгуты грузило привязывалось к сети. Аналогии второму типу грузил имеются в материалах неолитических памятников среднего Зауралья [Чаиркина, 2005, с. 118, рис. 2 – 2; Там же, с. 157, рис. 42 – 1].

К зернистым следует отнести: изверженные, осадочные и метаморфические породы камня (габбро, диабазы, гнейсограниты, песчаники и т. п.). Они представлены в виде естественных обломков и окатанных галек, имеют плотную, массивную или зернистую структуру, отличаются твердостью и практически непригодны для расщепления [Поселение ..., 2006, с. 22]. К изделиям этой группы относятся орудия для вторичной камнеобработки, заточные оселки, абразивы различных форм. В материалах коллекции представлен крупный (110×45 см) валун неправильной формы, служивший плитой для растирания охры. Следы охры хорошо сохранились как в культурном слое, окружавшем валун, так и на самом камне, фиксировались и в оставленных терочником глубоких бороздах.

Изделия из кварцитов. Наибольшая часть этой группы представлена в виде сколов и отщепов. Также к группе кварцитов относятся принесенные гальки целых форм, ну-

клеусы со следами сколов, единичная находка тесловидного орудия. Отщепы и сколы с острыми краями вполне могли служить вкладышами составных орудий, использоваться в качестве резцов и скребков. В будущем типологию кварцевых орудий планируется расширить за счет данных трасологического анализа, важность проведения которого в отношении этих изделий приведена в работах исследователей [Погодин, 1999, с. 38]. Учитывая сложность обработки кварца и сходных с ним по морфологии пород [Тарасов, 2008, с. 146 – 147], следует отметить находку тесла, изготовленного из цельной кварцевой гальки, режущая кромка которого получена серией сколов. Данная находка свидетельствует о высоком уровне древнего мастера, сумевшего приспособить технику скола к такому сложному в обработке материалу, как кварцит.

Изделия из кремня. Орудия данной группы представлены незначительным числом (3 % от общего числа каменных артефактов) и в большинстве своем обнаруживаются в верхних горизонтах культурного слоя. Среди кремневых орудий имеются ножевидные пластины с дополнительной обработкой кромки резцовым сколом, единичными экземплярами представлены такие изделия, как бифас, обработанный сплошной чешуйчатой ретушью, наконечник стрелы подтреугольной формы. По цветовой гамме и текстуре камня ножевидных пластин можно предположить, что все они были сняты с одного нуклеуса. Также стоит отметить, что все найденные кремневые изделия сосредоточены в пределах небольшого участка раскопа.

Характеризуя комплекс каменного инвентаря в целом, следует отнести его к типу «кварцево-сланцевых индустрий» характерных для широкого ареала памятников северо-западной Сибири. Отсутствие в распоряжении древних мастеров качественного сырья, которое сочетало бы в себе такие показатели, как прямота скола и твердость материала, заставило их приспособливаться к местным, менее пригодным для производства орудий породам камня, идти на своеобразный компромисс между физическими, морфологическими показателями исходной породы. Присутствие в непосредственной близости от памятника мягких, поддающихся шлифованию пород камня и отсутствие источников кремневого сырья, дающего хороший и предсказуемый скол, предопределило преобладание абразивной техники камнеобработки над техникой скола.

Научный руководитель – канд. ист. наук Н. В. Федорова.

Список литературы

Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: ВО «Наука»; Сиб. издат. фирма, 1994. – 288 с.

Погодин А. А. Кварцевая индустрия на севере Западной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание (Челябинск, 21–24 апреля 1999 г.): тез. докл. – Челябинск: Из-во «Рифей», 1999. – 204 с.

Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Л. Л. Косинская [и др.]. – Екатеринбург – Сургут: Урал. изд-во, 2006. – 192 с.

Постнов А. В., Кулик Н. А. Геология, петрография и минералогия в археологических исследованиях: учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: НГУ : ИАЭТ СО РАН, 2009. – 102 с.

Тарасов А. Ю. Метрические критерии техники скола при анализе продуктов расщепления кварца: опыт экспериментального изучения // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 1. – С. 146 – 153.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.

Новые аспекты формовочной техники шнуровой керамики посольского типа

Летом 2013 г. археологами Иркутского государственного университета проведены раскопки стоянки им. Генералова, расположенной на правом берегу р. Чуны в Иркутской области на границе с Красноярским краем. Ближайший населенный пункт, расположенный в 7 км восточнее, – п. Октябрьский Богучанского района Красноярского края.

В ходе работ на стоянке в числе прочих находок обнаружены неолитические сосуды посольского типа. Напомним, что данная керамика была выделена Л. П. Хлобыстиным в 1970-е гг. и получила свое название по стоянке Посольская (южное побережье оз. Байкал), поскольку крупнейшая на тот момент коллекция происходила из ее раскопок [Хлобыстин, 1978, с. 96]. К керамике посольского типа относятся сосуды с профилировкой верхней части (простая форма встречается реже), имеющие приотстенное или округлое дно, на внешней поверхности которых фиксируются следы выбивки колотушкой, обмотанной шнуром. Характерными ее признаками является своеобразная форма венчика, сформированного из двух лент (крепившихся снаружи или внутри), в ряде случаев с подтреугольным в сечении валиком на внешней поверхности приустьевой части, а также расположенный под самым срезом поясок отверстий. Орнамент, занимающий, как правило, верхнюю треть сосуда представлен сочетанием горизонтальных прямолинейных мотивов из прочерченных линий и наколов, выполненных зубчатым штампом, стеклом с прямоугольным и выгнутым рабочим краем в технике отступления или прерывания. Внизу композиция завершается группами вертикально и наклонно поставленных линейных наколов или треугольников, обращенных вершиной вниз, от которых отходят короткие вертикальные линии [Бердников, 2013, с. 212 – 213].

Керамика посольского типа фиксируется при раскопках многих памятников юга Средней Сибири и Забайкалья [Макаров, 2012, с. 67 – 68]. Согласно радиоуглеродной датировке различных объектов время бытования данной керамической традиции относится к периоду 6900–4000 тыс. лет назад [Бердников, 2013, с. 213].

На посольских «шнуровых» сосудах со стоянки им. Генералова нами обнаружены следы своеобразного технологического приема, который ранее не отмечался ни в одном исследовании.

Наше внимание привлекли фрагменты тулова и венчика сосудов, которые расслоились по спаям лент. В образовавшемся горизонтальном изломе на позитиве и негативе спая довольно четко видны параллельные, плотно расположенные относительно друг друга прямые борозды. Версия об искусственной деформации стыка лент, обусловленная, как правило, длительным перерывом в формовке, не нашла подтверждения, так как идентичные друг другу следы четко читаются и на позитиве, и на негативе, что указывает на присутствие плотной основы в спае. При ближайшем рассмотрении можно диагностировать, что это отпечатки выгоревших при обжиге витых шнуров. Трасы имеют вертикальную направленность относительно оси сосуда и видны только в местах стыка лент при горизонтальном расслоении черепка, в вертикальном изломе их зафиксировать не удалось. Судя по всему, шнуры были каким-то образом скреплены, возможно, двумя-тремя поперечными нитями. В пользу этого предположения говорит наличие трасы, перпендикулярной направлению основных следов, на одном из изломов.

Отпечатки шнуров в изломе спаев пока зафиксированы только на 14 фрагментах, принадлежащих двум сосудам. Визуально наблюдается близкое сходство следов шнура в изломах и на внешней поверхности, особенно четко это фиксируется на сосуде, где использован тонкий шнур.

Интерпретация описанного нами технологического приема вызывает некоторые затруднения вследствие отсутствия прямых аналогов. Однако, учитывая изложенные факты, можно предположить, что ленты в спаях, изготовленные из шнуров, выполняли функцию арматуры. В литературе встречается описание органических армирующих добавок (шерсть, пух, помет, резаная трава, рубленая солома), добавляемых непосредственно в формовочную массу на стадии ее приготовления [Жущиховская, 2004, с. 64 – 65]. Что касается арматуры, добавляемой на этапе формовки сосуда, то, в данном случае наиболее близким аналогом является техника с использованием волоса при изготовлении неолитических сосудов на поселении Тыткескень-2 на Алтае. В процессе формовки сосудов обматывался волосом, который предотвращал деформацию пластического материала и вертикальное растрескивание и выполнял, таким образом, армирующую функцию [Кирюшин, Кирюшин, Глушков, 2012, с. 50]. Еще один интересный технологический прием с применением шнура отмечен в материалах Западной Сибири. Суть его заключается в обвязывании шнуром верхнего края сосуда, при этом утонченный спай последней ленты заворачивался наружу и приглаживался к верхней поверхности сосуда. Шнур стягивал сосуд, помогая предотвратить его оседание во время сушки, и облегчал формирование резного среза венчика [Юракова, 2011, с. 145 – 146].

В нашем случае армирующая основа добавлялась непосредственно на стадии формовки сосуда. Основной ее функцией, по всей видимости, являлось укрепление спаев лент и предотвращение нежелательной деформации во время сушки и обжига.

Зафиксированный в процессе анализа посольской керамики стоянки им. Генералова технологический прием использования арматуры из витого шнура на керамике юга Средней Сибири обнаружен впервые, хотя вряд ли он уникален. Пока преждевременно делать выводы относительно вида и технических характеристик арматуры. Для получения дополнительной информации необходимо продолжить поиски следов использования данного приема, в первую очередь на сосудах посольского типа. Дальнейшие исследования дадут ответ на вопрос, является ли он характерной особенностью формовки посольской керамики или слабым признаком, носящим эпизодический характер.

Научный руководитель – канд. ист. наук И. М. Бердников.

Список литературы

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. ИГУ. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203 – 229.

Жущиховская И. С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 312 с.

Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., Глушков И. Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 41 – 50.

Макаров Н. П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф., Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 67 – 72.

Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. – 1978. – Вып. 153. – С. 93 – 99.

Юракова А. Ю. Технологический прием использования шнура в гончарстве населения лесостепной полосы Западной Сибири // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых, 22–25 марта 2011 г. – Красноярск: КГПУ, 2011. – С. 145 – 146.

УДК 903.2(575.1)

А. В. Шалагина

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Технологический анализ тронкированно-фасетированных изделий грота Оби-Рахмат (Узбекистан)¹

Работы по изучению техники и технологии расщепления камня занимают особое место в современном палеолитоведении [Нехорошев, 1999]. Значительное внимание уделяется технологическому исследованию конкретных предметов, в первую очередь культуромаркирующих артефактов, каковыми, например, являются тронкированно-фасетированные изделия, характерные для индустрий перехода от среднего к верхнему палеолиту. В связи с этим нами был проведен технологический анализ всей коллекции (219 экз.) тронкированно-фасетированных изделий грота Оби-Рахмат (Узбекистан), которая является одной из наиболее многочисленных и информативных.

Обирахматские тронкированно-фасетированные изделия имеют следующий морфологический облик: на сколе или фрагменте скола прямоугольной или овальной формы создавалась одна, а чаще две тронкированно-фасетированные плоскости, с которых производились мелкие снятия, приуроченные либо к ребрам скола, либо направленные на уплощение проксимальной части, при этом в среднем они занимают не более 1/3 части длины изделия.

Как показал анализ, в качестве заготовок для тронкированно-фасетированных изделий использовались сколы прямоугольной, трапециевидной или овальной формы: отщепы, пластинчатые отщепы, пластины, а чаще даже фрагменты сколов, иногда и фрагменты орудий. В большинстве своем отбирались достаточно массивные, удлиненные заготовки, длина которых преобладает над шириной в 1,2–2,3 раза. Также в процессе исследования были выявлены некоторые закономерности в изменении размеров заготовок. Вверх по разрезу изделия становятся более массивными, и их длина в среднем возрастает на 10–15 мм.

В коллекции обирахматской индустрии выделяется три типологических группы тронкированно-фасетированных изделий. Учитывая типологическую вариабельность, мы разработали редуцированную схему, которая отражает основные технологические этапы их оформления.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-31-01322.

Процесс изготовления тронкированно-фасетированных изделий начинался с оформления усеченной плоскости, далее с этой плоскости производились снятия на дорсальную или вентральную поверхность. Иногда утончающих снятий с одной площадки было достаточно для достижения желаемой формы. В этом случае оформление орудий одноплощадочного типа на данном этапе завершалось нанесением краевой ретуши. На тех же изделиях, которые требовали дальнейшего оформления, создавалась вторая ударная площадка, с которой реализовывались сколы. И в завершение на этих изделиях также наносилась ретушь по одному или двум продольным краям.

С целью уточнения разработанной редуцированной схемы дополнительно был проведен анализ хронологической последовательности негативов сколов, полученных при оформлении тронкированно-фасетированных изделий. Этот метод пока не так часто применяется в палеолитоведении, в основном используется для изучения бифасиальных изделий [Voeda, 1995; Voeda, 2001; Richter, 2001]. Он включает в себя следующие этапы. Сначала определяется направление всех негативов снятий, которые фиксируются на поверхности изделия. Затем устанавливается их взаимная хронология. После чего отдельные элементы объединяются в так называемые «последовательности», то есть группы негативов сколов, обладающих схожими характеристиками и ориентированных на достижение общей цели. По итогам анализа устанавливается порядок уже объединенных «последовательностей», и выделяются производственные этапы изготовления изделий.

Например, с помощью данного метода удалось доказать, что некоторые предметы, классифицированные ранее как бифасиальные остроконечники, на самом деле являются типологически иными орудиями, а их форма – это лишь результат неоднократной подправки изделий [Kot, 2013].

В силу трудоемкости исследования на данном этапе нами было проанализировано 12 наиболее показательных двухплощадочных тронкированно-фасетированных изделий обирахматской коллекции и выявлены следующие закономерности.

В целом, редуцированная схема, основанная на типологической вариабельности обирахматских изделий, нашла свое подтверждение. Однако было отмечено ее усложнение на этапах создания усеченной плоскости и получения с нее снятий. Анализ выборки показал, что в большинстве случаев на заготовке создавалась ударная площадка, с нее получались сколы, после чего снова наносились тронкирующие фасетки, оформляющие площадку, и снимались мелкие снятия. Кроме того, на нескольких изделиях данный технологический этап завершался не снятиями с площадки, а мелкими сколами, оформляющими тронкированную плоскость. В двух случаях фиксируется последовательное чередование снятий, нанесенных на дорсальную поверхность и тронкированную плоскость. Причем нанесение тронкирующих снятий в данном случае сложно назвать оформлением ударной площадки, поскольку они никак не способствовали успешному расщеплению на дорсал.

Также подробное изучение негативов сколов на тронкированно-фасетированных изделиях выявило еще одну закономерность: каждое последующее снятие приходится не на выступающее ребро от предыдущего, а рядом, за счет чего формируется некоторая зазубренность и s-образность на конце изделия. Такой характер полученного края был зафиксирован на всех изделиях выборки, в том числе в тех случаях, когда просто создавалась ударная площадка и с нее получались снятия. Из чего можно сделать вывод, что при оформлении тронкированно-фасетированных изделий значение в первую очередь придавалось оформлению тронкированной плоскости, а не получению с нее снятий.

Анализ негативов сколов на продольных краях изделий показал, что краевая ретушь чаще наносилась на завершающем этапе оформления тронкированно-фасетированных

изделий, но на некоторых предметах взаимную хронологию этих этапов установить не удалось. Также стоит отметить, что по мере развития обирахматской индустрии количество ретушированных изделий заметно сокращается.

Таким образом, в изначально составленной нами технологической схеме обирахматские изделия рассматривались как орудия, основную рабочую функцию которых выполняют ретушированные продольные края [Колобова, Шалагина, 2013]. Однако проведенный в рамках данного исследования технологический анализ всей обирахматской коллекции и детальное изучение негативов сколов на поверхности изделий позволили нам рассматривать обирахматские тронкированно-фасетированные изделия как многофункциональные орудия, где основную рабочую функцию выполняет тронкированный край.

Научный руководитель – д-р ист. наук А. И. Кривошапкин.

Список литературы

Boeda E. Caractéristiques techniques des chaînes opératoires lithiques des niveaux micromiques de Kulna (Tchécoslovaquie) // *Paleo* – 1995. – № 1. – P. 57 – 72.

Boeda E. Détermination des unités techno-fonctionnelles des pièces bifaciales provenant de la couche acheuléenne C3 base du site de Barbas I // *Les industries à outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale*. – Liège, 2001. – P. 51 – 75.

Kot M. A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach: PhD Thesis. – Warsaw, 2013. – 731 p.

Richter J. Une analyse standardisée des chaînes opératoires sur les pièces foliacées du Paléolithique moyen tardif // *Préhistoires*. – 2001. – № 5. – P. 77 – 78.

Колобова К. А., Шалагина А. В. Тронкированно-фасетированные изделия нижних слоев индустрии грота Оби-Рахмат (Узбекистан) // *Вестник НГУ*. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. – Серия: История, Филология. – Т. 12, № 3. – С. 211 – 221.

Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 173 с.

УДК 903.2.„633”(571.61)

С. В. Шнайдер

Институт археологии и этнографии СО РАН

Технологический анализ мезолитических комплексов памятника Туткаул (Таджикистан)¹

В рамках настоящего исследования с помощью атрибутивного подхода были изучены коллекции двух мезолитических горизонтов (3, 2а) памятника Туткаул (Таджикистан), который является реперным для построения культурно-хронологических схем развития древних обществ в раннем голоцене на территории Памиро-Алая. Общая численность коллекции на сегодняшний день составляет около 4 000 экз.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-06-33041 мол_а_вед, № 13-06-12039 офи_м; РГНФ № 12-31-01322, № 14-51-00022.

С самого начала изучения памятника исследователи затруднялись дать однозначную привязку мезолитических индустрий памятника к культурно-хронологической шкале развития мезолита региона. В. А. Ранов относил данные комплексы к последовательным этапам развития вахшской культуры [Ранов, Каримова, 2005]. Г. Ф. Коробкова считала, что в мезолитических комплексах Туткаула отражено проявление двух различных традиций в литическом производстве: третий горизонт Туткаула является ранним этапом развития туткаульской культуры (куда также вошли материалы и других более поздних памятников), а индустрия горизонта 2а стала основой для выделения отдельной вахшской культуры [Коробкова, 1989]. Стоит отметить, что данные построения основывались преимущественно на характеристике орудийных наборов, а техника расщепления рассматривалась лишь в общих чертах. Соответственно, одной из задач настоящего исследования и было восполнение дефицита технологической информации.

В каменном производстве горизонта 3 были задействованы исключительно кремнистые породы. Выраженных ядрищ в комплексе выделено два экземпляра: объемный принцип расщепления представлен кареноидным нуклеусом для пластинок и микропластинок, плоскостной – конвергентным ядрищем для микропластинок.

Судя по остаточным площадкам, имеющим в коллекции сколов, производство отщепов реализовывалось в рамках продольного однонаправленного краевого скалывания. Размеры отщепов варьируют от 10 до 35 мм в длину, а по ширине от 6 до 15 мм. Учитывая миниатюрные размеры отщепов, нельзя исключать, что данные сколы были получены при оформлении ядрищ для пластинчатых заготовок, не являясь желаемыми конечными продуктами. Пластины были получены в рамках однонаправленного продольного краевого скалывания вдоль двух направляющих ребер, отмечается частое применение приема удаления карниза мелкими сколами. Морфология пластинок и микропластинок указывает на то, что для серийного производства прямопрофильных изделий (70 %) использовались вытянутые рабочие поверхности, утилизируемые с единственной площадки. Устойчивая морфология предопределялась ориентацией снятий вдоль одного или двух направляющих ребер и преимущественно краевым скалыванием с подправкой карниза. Пластинки и микропластинки с изогнутым и закрученным профилями были получены с кареноидных ядрищ.

В каменном производстве горизонта 2а были задействованы эффузивные и кремнистые породы.

Плоскостные ядрища для получения отщеповых заготовок оформлялись на гальках. Ударные площадки, преимущественно выпуклые, подготавливались серией снятий. Целевое производство заготовок с плоскостных нуклеусов реализовывалось в рамках устойчивых технологических схем (продольного, поперечного и центростремительного скалывания), нацеленных на получение снятий разной формы и размеров.

Размеры ударных площадок у отщепов варьируют; применение приемов редукции площадки было зафиксировано у 50 % сколов. Четверть отщепов в индустрии была получена в рамках «долечного» расщепления. Данные сколы характеризуются округлой в плане формой, скошенной ударной площадкой и сохранившейся галечной поверхностью более чем на 25 % дорсальной поверхности (на одной из латералей и поверхности ударной площадки или на дистальном окончании).

Для получения пластин использовалась стратегия утилизации подцилиндрических ядрищ, в качестве заготовок для которых выступали обломки эффузивной породы. С гладких ударных площадок под прямым углом на широкий фронт расщепления вдоль одного или двух направляющих ребер реализовывались снятия в субпараллельном направлении. Для большинства пластин характерно некраевое скалывание без подправки ударной площадки.

Пластинки и микропластинки получали в рамках плоскостной и торцовой стратегий расщепления. Нуклеусы изготовлены на дефицитном для этого региона кремнистом сырье. Плоскостные нуклеусы находятся на крайней стадии утилизации – они претерпели несколько стадий переоформления и сохранили несколько ударных площадок и фронтов расщепления. Финальные попытки утилизации ядрищ носили явно ситуационный характер. Торцовый принцип расщепления представлен моноплощадочными и биплощадочными нуклеусами. Как и в случае с плоскостными нуклеусами, большинство торцовых ядрищ представлено крайне утилизированными экземплярами.

Исключительно на получение микропластинок было направлено расщепление конусовидных и призматических ядрищ. В качестве их заготовок послужили желваки кремня. Ударная площадка нуклеусов была организована на плоскости естественного разлома либо подготавливалась со стороны фронта мелкими отщеповыми снятиями. Ударные площадки реанимировались с помощью отделения сколов-«таблеток». В 90 % случаев реализуемые с данных нуклеусов заготовки обладали прямым профилем. Подтреугольная форма рабочей поверхности конусовидных ядрищ задавалась латеральными снятиями, проводившимися с ударной площадки или с основания нуклеуса. Практически все ядрища представлены в крайней стадии сработанности.

Снятия пластинок и микропластинок ориентировались чаще вдоль одного направляющего ребра. Для сколов характерно краевое скалывание с подработкой карниза мелкими сколами, реже применялся прием редуцирования ударной площадки.

В итоге проведенного технологического анализа нами установлено, что каменное производство в мезолитических горизонтах памятника Туткаул имеет значимые различия. Фиксируются различия в сырьевой базе индустрий: в горизонте 3 использовалось исключительно кремнистое сырье, а в горизонте 2а – эффузивные и кремнистые породы. К тому же в индустрии последнего прослеживается избирательность сырья при изготовлении заготовок различных типов: для производства отщепов и пластин использовалось эффузивное сырье, а для пластинок и микропластинок – исключительно кремнь. Возможно, именно дифференцированным подходом к сырью можно объяснить применение различных стратегий утилизации ядрищ для получения крупных сколов (отщепы и пластины) в двух горизонтах. При производстве пластин также использовались разные техники скола: в индустрии горизонта 3 характерно использование краевого скалывания и тщательной подправки карниза, а пластины горизонта 2а в основном имеют гладкие широкие площадки, и применение приемов подправки рабочих кромок нуклеусов фиксируется значительно реже.

Технологические схемы получения пластинок и микропластинок в индустриях обоих слоев также различаются. В горизонте 3 применялось исключительно однонаправленное продольное расщепление, в то время как в горизонте 2а значительная часть сколов (около 30 %) была получена с биплощадочных ядрищ. Кроме того, горизонт 3 содержит большой процент сколов, которые, судя по их морфологическим характеристикам (изогнутый и закрученный профиль, асимметричность изделия), были получены с кареноидных ядрищ, в то время как подобные признаки для пластинок и микропластинок горизонта 2а не зафиксированы.

При сопоставлении орудийных коллекций мезолитических горизонтов стоянки Туткаул отмечается, что в обоих случаях присутствуют руководящие для мезолита региона формы: сегменты, пластинки с притупленным краем и концевые скребки. Но проведенный нами технологический анализ заставляет усомниться в однозначном выводе о генетической близости этих двух индустрий, свидетельствуя о том, что в данных комплексах представлены разные технологические традиции. Безусловно, для окончательного прояснения вопроса о родстве индустрий мезолитических горизонтов Туткаула необ-

ходимо проведение расширенного технологического анализа и других мезолитических комплексов региона, опубликованные данные по которым, как и в случае с Туткаулом, касаются, прежде всего, орудийной составляющей технокомплекса.

Научный руководитель – д-р ист. наук А. И. Кривошапкин.

Список литературы

Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 149 – 173.

Ранов В. А., Каримова Г. Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

УДК 903.6(510)

А. Ю. Бутакова

Новосибирский государственный университет

Мегалиты северо-востока Китая

Дольмены северо-востока Китая, погребальная камера которых расположена под землей, по ареалу можно разделить на два типа.

Район распространения первого типа начинается в городе Пуланьдянь. Горные районы к северу от этого города считаются центром распространения данного типа дольменов, включая районы к северо-востоку от города Вафандянь, а также район к северо-западу от города Яхэ, постепенно ареал данного типа памятников углубляется на север, в глубь горных районов материка, а именно – районы городов Дандун, Аньшань и Гайчжоу [Ван Сы Чжоу, 1998, с. 54].

Центром второго района распространения дольменов являются города Ляюань, Дунфэн, Хайхэкоу и Люхэ, включая районы городов Гунчжулин, Сыпин, Хуадянь, Цзинюй, Тунхуа, Цзиань, Сифэн, Кайюань, города Цинюань и Синьбин [Ван Сы Чжоу, 1998, с. 55].

Впервые дольмены данных типов были обнаружены экспедицией японского археолога Тории Рюдзо в 1928 г.

Ключевым отличием дольменов первого района является сравнительно большой вес крышки дольменов, что говорит об использовании данного типа захоронений для однократного захоронения. В то время как крышка дольменов второго района сравнительно тонкая, камера для захоронения глубокая, что дает право сделать вывод о предназначении данного типа дольменов для многократного захоронения более чем одного человека.

По данным радиоуглеродного анализа, возраст каменных могил, от которых предположительно произошли дольмены первого района, оценивается как 3230 ± 90 лет назад, т. е. конец эпохи Шан, начало эпохи Чжоу. Поэтому верхнюю границу появления дольменов первого района можно определить как 3000 лет назад [Ван Сы Чжоу, 1996, с. 68].

Среди останков, найденных в дольменах второго района, находят изделия, которые сходны с изделиями, найденными в уезде Дунфэн, которые, в свою очередь, относят к культуре Юйшань. По данным радиоуглеродного анализа, культуру Юйшань можно определить как 380–314 лет до н. э. Поэтому дольмены второго района можно отнести к раннему периоду Чуньцю–Чжаньго [Ван Сы Чжоу, 1996, с. 69].

Таким образом, первоначально дольмены появились в первом районе, постепенно такого типа конструкции распространялись на север, приобретая черты коллективного многократно используемого захоронения.

Научный руководитель – канд. ист. наук, проф. С. А. Комиссаров.

Список литературы

Ван Го Фань. 1985 нянь Цзилиньдунфэнсянькаогудяоча [王国范. 1985年吉林东丰县考古调查; Археологическое исследование уезда Дунфэн, Цзилинь 1985 года] // Каогу. – Пекин: Каогуцзачжише, 1988. – Вып. 7 – С. 38 – 54.

Ван Сы Чжоу. Лунь Чжунгодунбэйдицюйдашигайму [王嗣洲. 论中国东北地区大石盖墓; О дольменах северо-востока Китая] // Каогу. – Пекин: Каогуцзачжише, 1998. – Вып. 2 – С. 74 – 86.

Ван Сы Чжоу. ТаолуньЛяонинбаньдаошипэнмуяйдашигайму дэ гуаньси [王嗣洲. 讨论辽宁半岛石棚大石盖墓的关系; О связи типов дольменов Ляодунского полуострова] // Каогу. – Пекин: Каогуцзачжише, 1996. – Вып. 2. – С. 56 – 72.

УДК 903'14

И. А. Вальков

Алтайский государственный университет

Костяные орудия скорняжного производства елунинской археологической культуры (по материалам поселения Березовая Лука)¹

Елунинская археологическая культура была выделена в 1987 г. Ю. Ф. Кирюшиным. Одним из базовых памятников данной культуры, давшим большое количество материала, является поселение Березовая Лука, существовавшее в период XXII–XX вв. до н. э. [Грушин, 2013, с. 21]. Памятник находится в Алейском районе Алтайского края, недалеко от с. Безголосова [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011].

Население Березовой Луки вело скотоводческое хозяйство. Очевидно, хозяйственная направленность отразилась и на количестве предметов, относящихся к различным сферам жизни, изготовленных из костей домашних животных. Нами был исследован костяной инвентарь поселения Березовая Лука, полученный с раскопа № 3, работы на котором проводились в 2005–2008 гг. С. П. Грушиным. Материалы на данный момент не опубликованы. Большинство костяных изделий имеют следы утилитарного износа. Одной из наиболее представительных групп костяных изделий являются орудия, употреблявшиеся в скорняжном производстве.

Цель исследования – изучение костяных орудий скорняжного производства елунинской археологической культуры. На данном этапе исследования нами были поставлены следующие задачи:

- 1) типологическое выделение орудий скорняжного производства;

¹ Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ № 2013-220-04-2245, тема «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

2) планиграфический анализ памятника, построенный на основе функциональной принадлежности орудий.

Костяные орудия на поселении Березовая Лука широко использовались в хозяйстве. Этому способствовало изобилие кости при ведущей роли животноводства, костяные орудия не требовали больших трудозатрат при изготовлении, зачастую отличались пригодностью в использовании естественной формы, не требующей подработки. Костяные орудия обладали хорошими показателями прочности, эластичности, могли давать острый режущий край.

Основными типами костяных орудий елунинской культуры, полученных в результате работ на поселении Березовая Лука, применявшихся в скорняжном деле, являются проколки и остря, костяные иглы, тупики, двуручные струги, скребки. К ним было отнесено около 370 предметов и обломков (основную массу составляют обломки орудий, так как целые находки немногочисленны, а обломки зачастую невозможно состыковать). Остановимся подробнее на каждом функциональном типе.

Проколки, остря, иглы. К данной группе отнесено 52 предмета. Основным материалом, использовавшимся для изготовления игл и проколок, были обломки трубчатых костей копытных животных: крупного рогатого скота (КРС) и мелкого рогатого скота (МРС). Данные орудия имеют, как правило, один заостренный край, в основной своей массе, заглаженный и заполированный до блеска. Варьируется и форма рабочего края. Вслед за авторами монографии, посвященной материалам раскопа № 2 [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 55], можно выделить два типа рабочего края:

- орудия с острым игловидным рабочим краем;
- предметы с рабочим краем в виде приостренной лопаточки.

Данные орудия использовались, очевидно, для шитья, прокалывания кожи и шкур, однако есть мнение об использовании подобных орудий в качестве кочедыков для плетения и орнаментирования для украшения глиняной посуды.

Костяные скребки изготовлены из лопаток МРС. В данном случае рабочим выступает изогнутый край, образованный одной из лопастей лопатки. Данная категория орудий наиболее многочисленна и насчитывает около 100 предметов. В данном случае цифра также довольно близка к количеству целых орудий, а не их обломков. Большую часть находок составляют рукояточные части, которые, однако, характеризуются сильной заполировкой от руки, в том числе на стыке рукояточной части и рабочего края, который, вероятно, также подвергался воздействию шкуры. На нем даже невооруженным глазом видна заполировка, которая, по всей видимости, могла образоваться только от воздействия с мягким, неабразивным материалом. Такую заполировку зачастую называют «шкурной». Изогнутый рабочий край данных орудий, очевидно, иногда незначительно приострялся. Орудия данного типа использовались, по всей видимости, для снятия мездры на периферийных участках шкуры: на краях, лапах, хвосте, огузочной части. Для снятия мездры с основной части шкуры служили следующие два вида орудий.

Тупики представляют собой в основной массе Г-образные орудия, выполненные из тазовых костей КРС, хотя существует и вариант их изготовления из челюстей животных. Количественно к тупикам нами было отнесено 136 экз. Однако в их числе и большое количество обломков, соответственно число орудий, находившихся на площади раскопа № 3, значительно меньше названной цифры. Точные данные назвать довольно сложно. Тупики сильно заглажены и истерты, зачастую обнажена губчатая масса кости. Они использовались для мездрения и размягчения шкур.

Двуручные струги изготавливались в основном из ребер КРС. В материалах раскопа № 3 обнаружено 66 экз. орудий и обломков этого вида орудий. Струги использовались главным образом для снятия мездряного слоя шкуры. Данный вид орудий отличается

простотой формы и изготовления. Струги изготовлены из ребер с уплощенным краем (с 1-го по 7-е ребро, остальные имеют подпрямоугольное сечение) [Бородовский, 1997, с. 67]. Их рабочий край заострялся с помощью ножа путем строгания: это видно по образовавшимся уступам на рабочем крае, располагающимся перпендикулярно ему из-за того, что нож периодически стопорился и образовывал своего рода ступени. Такая обработка встречается практически на 100 % всех орудий. На некоторых стругах определенным образом изготавливалась рукоять. Все орудия имеют разной степени жирную заполировку и использовались для снятия мездры с основного участка шкуры.

Нами также был произведен планиграфический анализ, основанный на функциональной принадлежности орудий, заключающийся в распределении орудий скорняжного производства на плане раскопа № 3 поселения Березовая Лука. На участке четко выделяются две зоны распространения орудий скорняжного производства, причем обе зоны совпали с расположением жилищ № 5 и № 6. Учитывая тот факт, что на большинстве орудий наблюдаются следы утилитарного использования, можно предположить, что трудовые операции, связанные с выделкой шкур на поселении, производились непосредственно в жилище.

Таким образом, изучение костяных орудий поселения Березовая Лука и применение планиграфического анализа представляется нам как перспективное направление исследования, которое дает возможность не только изучения индустрии, но и выделения хозяйственных зон на поселении. Применение в перспективе также экспериментально-трассологического анализа орудий позволит говорить о возможности комплексного анализа костяной индустрии как памятника Березовая Лука, так и других археологических памятников.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. П. Грушин.

Список литературы

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. до н. э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2013. – 54 с.

Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. II. – 171 с.

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Т. I. – 288 с.

УДК 903.638”(571.14)

А. В. Веретенников

Кемеровский государственный университет

Комплекс раннего железного века с поселения Автодром 2

Исследования поселения Автодром 2, открытого в 1996 г., начиная с 2003 г. осуществляются ежегодно Барабинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции под руководством В. В. Боброва. Памятник расположен в северо-западных районах Бара-

бинской лесостепи (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) и, помимо наиболее массовых, неолитических, комплексов, содержит и материалы более поздних эпох – от ранней бронзы до раннего Средневековья.

В ходе работ 2006–2007 гг. в юго-западной части поселения был выявлен комплекс керамики, предположительно датированный автором раскопок периодом раннего железного века и отнесенный к новочекинской культуре [Бобров, 2007, с. 26]. Целью настоящей статьи является культурно-хронологическая атрибуция данного комплекса на основе анализа характерных типологических особенностей и контекста залегания на памятнике.

Все сосуды залегали в верхних стратиграфических слоях, чаще всего в гумусе. Фрагменты располагались компактно, зачастую в развалах. Два сосуда залегали в заполнении неолитического жилища № 44, которое было переиспользовано в более поздний период [Бобров, 2008, с. 35], обнаружение еще двух связано с западиной № 46, происхождение которой определено как естественное или, возможно, связанное с конструкцией сезонного характера [Бобров, 2007, с. 23].

Всего было найдено и отнесено к раннему железному веку 411 фрагментов сосудов, из них 25 венчиков и 386 фрагментов тулова. На основе морфологического анализа нами было выделено 5 сосудов.

При раскопках западины № 46 обнаружены фрагменты двух сосудов – № 1 и 2. Все фрагменты располагались довольно компактно на площади около 6 м², в слое серой гумусированной супеси [Бобров, 2007, с. 26].

Сосуд № 1 (4 фр. венчика, 40 – тулова). Форма сосуда, предположительно, открытая. Венчик имеет прямой профиль, со скошенной формой среза (рисунок – 2). Толщина стенок в зоне венчика 5–6 мм, тулова – 6–9 мм. Орнамент в виде нескольких разреженных горизонтальных поясов «жемчужин» сосредоточен в верхней части сосуда (рисунок – 3). Тесто сосуда плотное, цвет излома стенок темно-серый, почти черный. На некоторых участках внутренней и внешней поверхностей фиксируются неглубокие «расчесы», по всей видимости, являющиеся результатом заглаживания зубчатым инструментом.

Сосуд № 2 представлен 2 фрагментами венчика и 19 – тулова. Венчик в профиле прямой, срез его – округлой формы. Толщина стенок в зоне венчика – 5 мм, тулова – 7–8 мм. Декор в виде «жемчужин» сохранился на одном из фрагментов. Черепки на изломе имеют цвет от светло-коричневого до черного.

При раскопках жилища № 52 обнаружено 9 фрагментов венчика и 112 фрагментов тулова *сосуда № 3*, залегавших в слое гумуса [Бобров, 2008, с. 21]. Форма сосуда открытая, венчик прямой в профиле, с неглубокими округлыми вдавлениями на прямом срезе (рисунок – 4). Толщина стенок венчика 5–6 мм, тулова – 7–9 мм. Орнамент помещен в верхней части сосуда; в зоне венчика он представлен плотными горизонтальными линиями полулунных вдавлений, а на тулове дополняется бессистемно расположенными широкими округлыми наколами и пояском ямок (рисунок – 4–9). На большинстве фрагментов заметны неглубокие «расчесы». Цвет излома фрагментов от коричневого до темно-серого.

Фрагменты двух сосудов – № 4 и № 5 обнаружены в северо-восточной части верхних горизонтов заполнения жилища № 44 [Бобров, 2008, с. 30].

Сосуд № 4 (10 фрагментов венчика и 63 – тулова) – открытой формы; венчик выпуклый в профиле, имеет прямой срез (рисунок – 12, 13). Толщина стенок венчика 5–6 мм, тулова – 7–9 мм. Орнаментальную композицию составляют пояс округлых ямок (зона венчика), плотных рядов наклонных насечек и нанесенного поверх них «жемчужника» (рисунок – 12–16). Цвет излома фрагментов – равномерный темно-серый.

Сосуд № 5 представлен 152 фрагментами, венчик отсутствует. Толщина стенок – 7–9 мм. На немногочисленных фрагментах сохранился декор – горизонтальные ряды по-

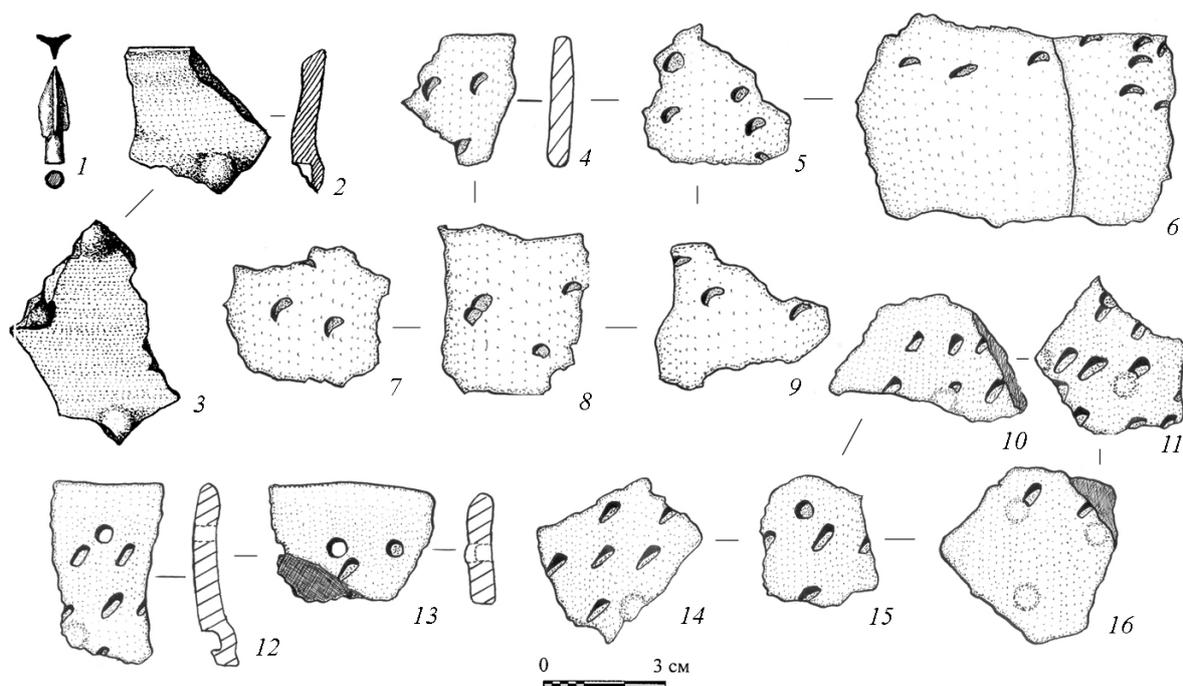

Рис. Керамический комплекс раннего железного века памятника Автодром 2

лулунных ямок и «жемчужин». Разнонаправленные «расчесы» отчетливо фиксируются преимущественно на внешней поверхности. В изломе черепки имеют цвет коричневого и черного оттенков.

Итак, помимо общих условий залегания фрагментов в слое гумуса и верхних горизонтах заполнения жилищ юго-западного участка памятника, данный керамический комплекс характеризуется и идентичным набором типолого-морфологических признаков – открытой формой сосудов, техническим декором в виде «расчесов» на внутренней и внешней поверхностях, тонкостенностью (5–9 мм). Орнамент сосредоточен в верхней половине сосудов и воспроизводит стандартизованные горизонтальные мотивы – ряды «жемчужин», ямок округлой и полулунной формы, наклонные насечки, округлые наклы.

Керамический комплекс Автодрома 2 находит широкие аналогии в материалах раннего железного века Западной Сибири. На сегодняшний день данный археологический период в Барабинской лесостепи представлен памятниками саргатской (VII в. до н. э. – I в. н. э.), большереченской (V–II вв. до н. э.) и новочекинской (V–III вв. до н. э.) культур [Полосьмак, 1987, с. 87].

Дополнительным аргументом в пользу хронологической принадлежности комплекса служит факт обнаружения в заполнении одного из жилищ (№ 47) бронзового трехлопастного наконечника стрелы с втульчатым округлым в сечении насадом (рисунок – 1). Изделия подобного типа характерны для южно-таежных культур второй половины – конца I тыс. до н. э., в частности для новочекинской [Бобров, 2007, с. 12].

Культурная атрибуция комплекса Автодрома 2 осложняется не только его малочисленностью, но и типологическими сходствами поселенческой керамики разнокультурных обществ, во многом вызванными территориальной близостью их проживания. Так, исследователями отмечалось, что саргатская и большереченская культуры в центральной части Барабы существовали чересполосно [Полосьмак, 1987, с. 101]. Тем не менее выделенные характерные черты керамики позволяют провести сравнительный анализ с барабинскими материалами по основным показателям.

Обедненный орнамент в виде «жемчужин», ямок выступает своеобразным эпохальным признаком всех культур раннего железного века Барабинской лесостепи, в том числе и для новочекинской [Полосьмак, 1987, рис. 80 – 19,21]. Другие устойчивые характеристики керамики Автодрома 2 – тонкостенность, наличие «расчесов» на всех сосудах – также являются отличительными особенностями новочекинских комплексов [Полосьмак, 1987, с. 68].

Таким образом, высказанное В. В. Бобровым в 2006 г. предположение относительно культурной принадлежности описанного комплекса имеет достаточно веские основания, подтверждаемые при детальном анализе. Факты стратиграфического залегания предметов, присутствия отмеченного керамического комплекса, его контекстуальная связь с локализованным планиграфическим участком, включающим жилищные объекты, дают основание говорить о наличии на памятнике поселения новочекинской культуры – одного из немногих известных на сегодняшний день в центральной Барабе – наряду с такими комплексами, как Омь-1 (зольник), Бергуль.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В. В. Бобров.

Список литературы и источников

Бобров В. В. Отчет о полевых исследованиях поселения Автодром 2 в Венгеровском районе Новосибирской области в 2006 г. // Архив МАЭЭ КемГУ. Кемерово, 2007.

Бобров В. В. Отчет о полевых исследованиях поселения Автодром 2 в Венгеровском районе Новосибирской области в 2007 г. // Архив МАЭЭ КемГУ. Кемерово, 2008.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Соколов П. Г. Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. Ч. I. – С. 269 – 273.

Исследования на поселении Автодром-2 в центральной Барабе / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, П. В. Герман [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 17 – 22.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

УДК 903.24 «637.7» (292.49) + 903.24|637.7|(574)

З. А. Вершинина

Челябинский государственный педагогический университет

К вопросу о реконструкции процесса прядения по материалам памятников позднебронзового века Урала и Казахстана

При изучении и реконструкции текстильного производства важным этапом является процесс прядения. Вопросы прядения по материалам памятников бронзового века отдельно исследователями практически не рассматривались. Воссоздать процесс прядения возможно, зная технологические характеристики нити (сырье и параметры нити) и орудия, задействованные в изготовлении пряжи.

Ввиду отсутствия сохранившихся тканей основным источником выступают их отпечатки на внутренней поверхности сосудов синташтинской, петровской и ала-

культурной культуры. В истории изучения отпечатков ткани исследователями высказывались разные точки зрения на исходное сырье. Так, И. Л. Черная указывает, что на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана в бронзовом веке основным текстильным сырьем становится шерсть овцы [Черная, 1985, с. 107]. Однако И. Г. Глушков и Т. Н. Глушкова, опираясь на материалы укрепленного поселения Устье I, смогли определить, что отпечатки шерстяных тканей представлены в очень небольшом количестве, значительная часть принадлежит растительным тканям [Глушков, Глушкова, 1992, с. 102]. М. В. Галиуллина по материалам укрепленного поселения Аркаим, используя метод эксперимента, сделала реконструкцию отпечатков и сравнила с артефактами. Большинство отпечатков было определено как растительные [Галиуллина, 2000, с. 103].

Обобщая выводы исследователей, можно предположить, что в изготовлении ткани в бронзовом веке использовали и шерсть, и растительное волокно.

По результатам анализа отпечатков ткани были определены основные параметры нити. Ее толщина варьировалась от 0,3 до 0,8 мм [Глушков, Глушкова, 1992, с. 99]. Толстой называется нить больше 0,5 мм, тонкой – менее 0,5 мм. Выделяются основные типы крутки: S (левая крутка веретена), Z (правая) и I (нескрученное волокно) [Орфинская, Голиков, Шишлина, 1999, с. 60, 96].

Помимо самой ткани и отпечатков ткани на сосудах об этапах предварительной обработки волокна и самого процесса прядения могут рассказать специальные орудия и инструменты, задействованные в этих процессах.

Для обработки растительного волокна использовались трепала. Трепало из коллекции поселения Кулевчи III представляло собой костяное изделие на ребре животного, с крупными зубцами, между которыми обнаружены следы работы в виде заполировки и царапин [Коробкова, Виноградов, 2004, с. 82]. Мы сделали подборку подобных предметов, ориентируясь на морфологические признаки. На территории Урала и Казахстана обнаружено 7 изделий, они известны на поселениях Кулевчи III [Виноградов, 1982], Икпень I, Икпень II, Майоровка [Ткачев, 2002, с. 77, 121], Лебяжье VI [Петрова, 2004, с. 201, 204], три изделия известны на поселении Атасу I [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 165, 167]. Также можно к этому виду орудий отнести изделия, сделанные из лопатки животного с зубцами из материалов поселения Упаис [Усманова, 2010, с. 101].

Для чесания шерсти могли использоваться гребни, состоящие из скрепленных в деревянной основе стержневидных зубьев, известных по памятникам срубной культуры [Цимиданов, 1995, с. 34]. Трасологическое и экспериментальное исследования О. С. Андреевой позволили предположить, что эти орудия могли применяться в вычесывании шерсти, и они представляют собой остатки костяных гребней [Андреева, 2010, с. 31 – 32]. Однако существует пример интерпретации данных изделий в качестве спиц [Усачук, 1997; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 204].

Обработка волокна завершалась этапом прядения. У многих народов для этого использовалось деревянное веретено и глиняное пряслице. На поселениях бронзового века не выявлены находки веретен, хотя есть их остатки в виде пряслиц.

Пряслице – это дисковидное изделие с отверстием, изготовленное из фрагмента керамики или специально слепленное. Считается, что пряслица надевались на нижний конец веретена, и служили для усиления вращательного движения. Данная категория представлена практически на всех поселениях позднего бронзового века, правда, не все керамические диски с отверстием могли использоваться в качестве таковых [Сериков, 2005, с. 97].

Анализируя размеры пряслиц на поселениях бронзового века Южного Зауралья Большая Березовая 2, Чебаркуль III [Алаева, 2011], можно отметить, что размеры и вес

пряслиц достаточно разнообразны. Это может свидетельствовать о толщине пряденой нити. По диаметру отверстий на пряслицах мы можем предполагать и диаметр веретена от 0,5–0,9 см. На многих пряслицах отверстие скошено. Возможно, это связано с предотвращением движения пряслица на веретене во время прядения. Результаты трасологического исследования отверстия пряслиц диагностируют следы сверления самого отверстия и отсутствие следов вращения пряслица.

В дальнейшем автор предполагает провести ряд экспериментальных работ с применением трасологического метода исследования для уточнения функционального назначения выявленных категорий предметов, а также попытаться реконструировать весь процесс прядения.

Научный руководитель – И. П. Алаева.

Список литературы и источников

Алаева И. П. Отчет об археологических исследованиях поселения Чебаркуль III в Чебаркульском районе Челябинской области летом 2011–2013. // Архив ЛАИ ЧГПУ, № 99. – Челябинск, 2013.

Андреева О. С. Костяные проколки и шилья среднего и позднего бронзового века в Южном Зауралье // Материалы XLII Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых. – Кострома, 2010. – С. 29 – 33.

Галиуллина М. В. К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. – Челябинск: Центр Аркаим, 2000. – С. 93 – 103.

Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). – Тобольск: ТГПИ, 1992. – 130 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 247 с.

Коробкова Г. Ф., Виноградов, Н. Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. – Челябинск: [Б.и], 2004. – № 2. – С. 57 – 87.

Орфинская О. В., Голиков В. П., Шишлина Н. И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей: труды ГИМ. – М.: ГИМ, 1999. – Вып. 109. – С. 217 – 223.

Петрова Л. Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестн. ЧГПУ. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – Вып. 2. – С. 181 – 206.

Сериков Ю. Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 93 – 101.

Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГИ, 2002. – 289 с.

Усачук А. Н. К вопросу о гребнях и орудиях прядения в материалах срубной культуры // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. – С. 21 – 22.

Усачук А. Н., Литвиненко Р. А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. – М.: Изд-во ГИМ, 1999. – С. 204 – 216.

Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. – Лисаковск – Караганда: Изд-во ТаИС, 2010. – 176 с.

Цимиданов В. В. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Харьковский историко-археологический ежегодник: древности. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1995. – С. 34 – 39.

Чернай И. Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского Междуречья: межвуз. сб. – Челябинск: Изд. Башкир. ун-та (подготовил Челябинск. ун-т), 1985. – С. 95 – 110.

УДК 903(234.853)

Е. В. Вильданова
*Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета*

К вопросу о существовании катафрактариев у ранних кочевников Южного Урала

В эпоху эллинизма происходят изменения в составе и структуре военной силы различных государств и народов. В военной системе значительно возрастает роль тяжело-вооруженных всадников или катафрактариев.

Впервые термин *ta kataphrakta* упоминается в двух папирусах из Египта второй половины III в. до н. э. при описании панцирей солдат Птолемея. Термин «катафрактарий» произошел от слова «катафракт» – греческого наименования всаднического доспеха. В дальнейшем этим термином стали называть восточную тяжеловооруженную конницу, где воин и конь облачены в доспехи [Ольбрихт, 2010, с. 66]. В III в. н. э. катафрактариями называли только лишь римскую тяжелую конницу, воины были облачены в чешуйчатые панцири или кольчугу, в бою использовали копье и щит.

Панцирные всадники упоминаются среди войск селевкидских правителей, у персов, парфян, армян, мидян, албанов в составе римской кавалерии и у сарматов. В качестве основных характеристик катафрактвов выделяются: тяжелый доспех для всадника, панцирная защита коня и употребление длинной пики как главного оружия.

Описание вооружения савромато-сарматов имеется в трудах некоторых античных авторов. Впервые описание защитного вооружения было дано Теофрастом Эресским во II в. до н. э. В своей работе «О водах» он пишет: «Таранд водится в Скифии или Сарматии. Кожа толщиной в палец и очень крепка, потому ее высушивают и делают панцири» [Эресский, 1949, с. 243].

Повествуя о конных отрядах роксолан, Тацит косвенно упоминает использование ими в бою длинной пики, длинного меча и отмечает наличие тяжелых панцирных доспехов у воинов, которые изготовлялись из пригнанных друг к другу железных пластин или твердой кожи [Тацит, 1993, с. 41].

Стоит заметить, что Тацит не подчеркивает особенностей катафрактариев у сарматской конницы, кроме того, что панцири носят лишь вожди и знать. Тацит также не приводит каких-либо сравнений с конницей других народов.

Римский государственный деятель Флавий Арриан в своем тактическом трактате противопоставляет алано-сарматских контофоров-пикейщиков акроболистам-дротикометателям. Согласно Арриану, атака с контосами наготове характеризует имен-

но эти два народа – аланов и сарматов. Арриан на первый план выносит использование сарматами и аланами не катафракты, а контоса. Поэтому конницу сарматов I–II вв., если выбирать термин, лучше называть не катафрактариями, которые были известны у разных народов задолго до появления алано-сарматской тактики, а контофорами, вслед за Аррианом [Арриан, 2010, с. 150].

Позднее, уже во II в. н. э. географ Павсаний упоминает технологию изготовления сарматских панцирей, которые хорошо выдерживают удары мечами и копьями в рукопашном бою [Павсаний, 2002, с. 21].

Впервые точку зрения существования катафрактариев у сарматов выдвинул и обосновал В. Д. Блаватский. Опираясь только лишь на сведения античных авторов и изобразительные источники, исследователь отнес возникновение данного вида войск к I в. н. э. В. Д. Блаватский также отметил, что катафрактарии как вид войска были заимствованы, скорее всего не от парфян [Блаватский, 1954, с. 114].

Характеризуя снаряжение сарматских катафрактариев исследователь включает сюда следующие категории вооружения: шлем склепанный из железных пластин, панцирь, состоящий из железных и костяных чешуек, нашитых на кожу, и пику в качестве наступательного оружия, по предположениям достигающую длины 4,5 метра [Блаватский, 1954, с. 116–118].

Важными источниками для реконструкции внешнего облика сарматских воинов служат изобразительные источники – такие, как широко известные рельефы на колонне Траяна, рельеф Трифона (Танаис), пантикапейские фрески. Однако, по мнению исследователей представленные на них конские панцири явно условны и стилизованны; надеть на коня такой доспех и заставить животное продуктивно двигаться в нем совершенно невозможно [Симоненко, 2009, с. 247].

Важным аспектом в вопросе о сарматских катафрактариях является проблема генезиса тяжеловооруженной конницы. А. М. Хазанов, в основном беря за основу выводы В. Д. Блаватского, полагал, что для успешной борьбы с греческой и римской пехотой сарматам требовалась дальнейшая реформа кавалерии, создание конницы катафрактариев. По представлениям А. М. Хазанова реформа была проведена довольно быстро, в основном в I в. до н. э. – I в. н. э., а к концу I в. н. э. они уже имелись у всех или у большинства сарматских племен [Хазанов, 1971]. Данные выводы исследователь обосновывал погребениями в Поволжье и Золотым Кубанским кладбищем, где защитные доспехи зафиксированы в 34 погребениях, а шлем представлен единственным экземпляром.

К настоящему времени археологические находки демонстрируют лишь то, что у сарматов действительно была тяжеловооруженная конница, но численность ее была крайне малой ввиду того, что соответствующее вооружение было доступно лишь верхушке сарматского общества. К тому же большая часть вооружения, в частности шлемы, представлены импортными формами, а находки наконечников копий в погребениях по-прежнему малочисленны. Согласно археологическим находкам основную массу сарматского войска по-прежнему составляли легковооруженные воины.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. В. Сиротин.

Список литературы

Перевалов С. М. Древнейшие источники по истории Восточной Европы. Тактические трактаты Флавия Арриана. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 388 с.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Академия наук СССР, 1954. – 160 с.

Ольбрихт М. Я. К вопросу о происхождении конницы катафрактариев в Иране и Средней Азии // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. материалов междунар. науч. конф. – Алматы: Изд-во LEM, 2010. – 400 с.

Павсаний. Описание Эллады. – М.: АСТ-Ладомир, 2002. – Т. 1. – 496 с.

Тацит Публий Корнелий. Сочинения: в 2 т. – СПб.: Наука, 1993. – Т. 2. – 736 с.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 328 с.

Страбон. География. – М.: Ладомир, 1994. – 837 с.

Теофраст Эресский. Писатели эпохи Августов // ВДИ. – 1949. – № 3. – С. 243.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 173 с.

УДК 903'15:903.5(234.853)

А. Х. Гильмитдинова

Южно-Уральский государственный университет

Женские погребения ранних кочевников Южного Урала (вторая половина VI – II в. до н. э.)

О племени сарматов сохранилось множество сведений античных авторов, благодаря которым в науке сформировался образ женщины эпохи ранних кочевников. Геродот и Псевдо-Гиппократ отмечали необычное социальное положение женщин в сарматском обществе и обращали внимание на их воинственный нрав, на то, что они ездили верхом, охотились, ходили на войну, носили мужскую одежду [Геродот, IV; Псевдо-Гиппократ, 1992, с. 70]. Со временем идея о высокой роли женщины и ее участии в военной и религиозной жизни, об относительном равенстве с мужчинами утвердилась как общепризнанная [Стрижак, 2006, с. 91]. Степи Южного Урала не были населены теми племенами кочевников, о которых писал Геродот и Псевдо-Гиппократ, хотя, возможно, были родственными.

Половозрастные группы древнего общества были наделены разными функциями, поэтому имели ряд различий в нормах поведения, привилегиях, престиже, диете, одежде и украшениях [Трайде, 1986, с. 119]. Для реконструкции статуса женщины ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – II в. до н. э. необходимо прежде всего исследовать набор погребального инвентаря.

К настоящему времени нами обобщены данные по 86 женским погребениям из могильников Переволочан, Пятимары I, Мечетсай, Тара-Бутак, Близнецы, Увак, Покровка 1, 2, 7, 8 и 3 Ново-Мусинского кургана. К савроматскому периоду относятся 16 погребений (вторая половина VI – V в. до н. э.), а к раннесарматскому или прохоровскому (конец V – II в. до н. э.) – 70.

Женские захоронения савроматского периода были впускными и совершены в простых грунтовых ямах прямоугольной формы. Захоронения располагались в северном, северо-западном, восточном и южном секторах кургана. Ориентация могильных ям, как правило, широтная. Погребенные были ориентированы головой на запад, реже на юг и юго-запад.

Исследование инвентаря женских погребений савроматского периода позволило разделить его на несколько категорий: предметы быта, туалета, оружие, конская сбруя,

культовые вещи, украшения (а также детали одежды) и посуда. Оружие и конская сбруя встречаются чрезвычайно редко. Предметы вооружения (один наконечник стрелы, бронзовая литая «булава», обломки копья) обнаружены только в одном парном с мужчиной погребении [Смирнов, 1975, с. 29–30]. Конская сбруя, представленная удилами с железными и бронзовыми псалиями и железными бляшками от конской узды [Пшеничнюк, 1995, с. 64, 77], найдена в двух погребениях. Личные украшения были обнаружены в девяти захоронениях, представлены большим количеством каменных и стеклянных бус, бисера, бронзовых и железных браслетов. Обильное рассредоточение бисера в районах шеи, запястий и щиколоток может интерпретироваться как расшивка костюма [Курганы левобережного Илека, 1994, с. 33–35]. Посуда встречена в 13 погребениях и представлена в основном плоскодонными глиняными лепными горшками. Предметы быта – пряслица и железные ножи – были обнаружены в половине захоронений. В 11 захоронениях были обнаружены гальки, разбитые в древности каменные плиты, зеркала, остатки кожаных мешочков с минеральными красками, раковины *grifea*, каменные жертвенники, кусочки реальгара и мела могут быть определены как предметы туалета или сакральные вещи. Таким образом, основным инвентарем женских захоронений савроматского периода являются украшения, посуда и предметы культа/туалета. Заупокойная пища была найдена в половине погребений. Наряду с костями барана были обнаружены кости лошади и верблюда.

Семьдесят женских погребений раннесарматского времени были в основном впускными. Формы могильных ям – прямоугольными, овальными, трапециевидными. Самый распространенный тип могильной ямы – подбой. Доминирует южная ориентировка погребенных. Инвентарь в основном представлен наборами вооружения, украшениями, посудой, предметами культа. Предметы вооружения встречены в 12 погребениях и представлены колчанами со стрелами, наконечниками стрел и железным кинжалом [Курганы левобережного Илека, 1993, с. 29]. Личные украшения: каменные и стеклянные бусы, бисер, подвески, височные кольца, браслеты на запястья, серьги, гривны, были встречены в 46 погребениях. Украшения и детали костюма сохранились в 12 погребениях. Посуду (лепные плоскодонные и круглодонные сосуды) обнаружили в 40 захоронениях. Предметы быта представлены пряслицами и железными ножами. Предметы культа или туалета обнаружены в 33 погребениях. К этой категории вещей относятся преднамеренно разбитые или деформированные зеркала [Смирнов, 1975, с. 75 – 78], куски мела, реальгара, обломки песчаниковых плиток, раковины *grifea*, птичьи трубчатые кости и кости ног, песчаниковая ступка, глиняные курильницы, каменные жертвенники. Единичные наконечники стрел в женских захоронениях скорее всего тоже являлись не оружием, а амулетами [Багаутдинов, Мышкин, 2013, с. 47]. В 43 захоронениях были найдены кости мелкого рогатого скота.

Сопровождающий инвентарь из женских погребений ранних кочевников Южного Урала раннесарматского времени позволяет разделить их на две группы: захоронения с нетипичным для женщин набором инвентаря (наконечники стрел, кинжал) – 18 % и со стандартным женским инвентарем (украшения, предметы туалета/культа) – 82 %.

Таким образом, в результате анализа женских погребений ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – II в. до н. э. были сделаны следующие выводы:

1. Женские захоронения савроматского периода были совершены без предметов вооружения.
2. Из всех изученных раннесарматских женских погребений 18 % содержали предметы вооружения.

Возможно, этот факт является свидетельством возрастания военной активности в обществе ранних кочевников конца V – II в. до н. э., в которую могли быть втянуты женщины.

Однако недостаточность выборки не позволяет делать категоричные выводы, но позволяет сохранить эту идею как рабочую гипотезу, требующую дальнейшей проверки.

*Научные руководители: д-р ист. наук, проф. А. Д. Тауров,
д-р ист. наук, проф. Н. А. Берсенева.*

Список литературы

- Геродот. История. – М.: НИЦ «Ладомир», 2002. – 752 с.
- Курганы левобережного Илека / отв. ред. Л. Т. Яблонский. – М.: ИА РАН, 1993. – Вып. 1. – 128 с.
- Курганы левобережного Илека / отв. ред. Л. Т. Яблонский. – М.: ИА РАН, 1994. – Вып. 2. – 178 с.
- Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб.: Фарн, 1992. – 185 с.
- Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа: Гилем, 1995. – С. 62 – 96.
- Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 175 с.
- Стрижак М. С. К вопросу о женских погребениях Приуралья и Поволжья VI–IV веков до н. э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – С. 90 – 92.
- Трайде Б. Организация половозрастная // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1986.
- Багаутдинов Р. С., Мышкин В. Н. Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н. э. // Вестник СамГУ. – 2013. – № 2. – С. 44 – 48.

УДК 903.2(395)

Н. Н. Головченко

Новосибирский государственный университет

Гривны в материальной культуре населения скифского времени Верхнего Приобья

В эпоху раннего железного века среди носителей культур скифского мира широкое распространение имели гривны, представляющие собой одну из его универсалий. Не является исключением в этом отношении и регион Верхнего Приобья.

Гривны были обнаружены в 13 погребениях скифского времени на территории Верхнего Приобья на памятниках Ближние Елбаны [Грязнов, 1956, с. 95], Рогозиха-1 [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 107], Новотроицкое-1, 2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 44, 48, 51, 84], Ордынское-1 [Завитухина, 1968, с. 30], Кирилловка-III [Могильников, Телегин, 1992, с. 108, 114], Камень-II [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 129].

Типологический анализ скифских гривен предпринимался неоднократно [Петренко, 1978; Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Воробьева, 2011]. Концепция их стратификации одна, что позволяет нам воспользоваться работами коллег и при-

менить их типологические схемы для анализа находок с верхней Оби. Гривны подразделяются на отделы, выделенные по форме сечения обруча: круглого или подпрямоугольного в сечении дрота. Типообразующим признаком выступает количество дротов в украшении: односоставные (цельные) или двухсоставные. В качестве подтипов выделяются гривны «в полтора оборота» и изделия с несомкнутыми концами. Вариативными признаками считаются способы оформления концов изделий (чаще всего деревянных украшений). При этом необходимо отметить, что гривны из дерева в погребальных памятниках Верхнего Приобья не обнаружены, так как в силу климатических условий органика в большинстве случаев не сохраняется.

Гривны 1-го типа из круглого в сечении дрота двухсоставные с несомкнутыми краями были обнаружены в ходе исследования некрополей Новотроицкое-1 и Камень-II [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 44, 48; Могильников, Куйбышев, 1982, с. 129].

Дальнейшая динамика развития нагрудных украшений выразилась в появлении конструктивно более разнообразных типов. Дать им точную хронологическую привязку пока не представляется возможным, так как репрезентативные данные естественнонаучного датирования были получены только для одного памятника скифского времени на территории Верхнего Приобья [Бородовский, 2009].

Гривны 2-го типа из круглого в сечении дрота цельные «в полтора оборота» выявлены в женских погребениях на памятнике Рогозиха-1 [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 107]. Идентичные изделия были обнаружены еще в двух погребениях на памятнике Кирилловка-III [Могильников, Телегин, 1992]. В. А. Могильников рассматривал их как фактор кочевого (среднеазиатского и приаральского) влияния на скифскую культуру Верхнего Приобья [Могильников, Телегин, 1992, с. 108, 114]. Аналогичная находка была сделана А. П. Бородовским на Нижней Катунь (могильник Чултуков лог-1) [Бородовский, Бородовская, 2013].

Гривна 3-го типа из круглого в сечении дрота, цельная, с несомкнутыми краями была обнаружена на некрополе Новотроицкое-1 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 125 – 4]. Аналогичная находка была сделана в кургане Аржан [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2006].

Гривны 4-го типа из круглого в сечении дрота двухсоставные «в полтора оборота» были обнаружены на некрополях Новотроицкое-1 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 51] и Ордынское-1 [Завитухина, 1968, с. 30]. Аналогичная описанному выше гривна обнаружена в погребении кулайской культуры [Троицкая, 1979, табл. XXV – 19], что свидетельствует о культурном взаимовлиянии кулайцев и населения Верхнего Приобья. Сами гривны в материальной культуре обеих групп населения, вероятно, занимали одно место.

Одна гривна 5-го типа из прямоугольного в сечении дрота, цельная с несомкнутыми краями выявлена на памятнике Новотроицкое-2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 84].

Гривна 6-го типа из прямоугольного в сечении дрота двухсоставная с несомкнутыми краями обнаружена в Новотроицком-2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009].

Широкие аналогии всем типам гривен отмечены на памятниках и изваяниях с Северного Кавказа и Причерноморья [Петренко, 1978; Ольховский, Евдокимов, 1994].

Концы цельных и двухсоставных гривен с округлыми в сечении дротами иногда оформлялись в виде голов хищных зверей [Могильников, 1997, с. 76–77; Шамшин, Демин, Навротский, 1992], которые являлись либо своеобразным аватаром «стража» границы ярусов костюма, либо племенным символом. Аналогичная ситуация зафиксирована на памятниках пазырыкской культуры [Руденко, 1953, рис. 88, 89] в кургане Иссык [Акишев, 1978] и некрополе Тиллятепе [Сарианиди, 1989]. На многих гривнах окончания отсутствуют, но, судя по характерной уплощенности концов дрота, на них могли находиться деревянные навершия, которые до нас не дошли.

Таким образом, в среде населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века традиция ношения гривен была окончательно сформирована. Несмотря на малочисленность находок, представлены почти все типы гривен. Они были распространены среди разных половозрастных групп, что в свою очередь свидетельствует о том, что гривну могли носить лица высокого социально-экономического статуса. При этом она несла свойственную себе символическую нагрузку – маркер ярусов костюма (верхнего и среднего, головного убранства и наплечной одежды).

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А. П. Бородовский.

Список литературы

- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 129 с.
- Бородовский А. П. Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железного века): учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 90 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.
- Воробьева С. Л. Гривны кара-абызского населения эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2 (15). – С. 108 – 115.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА – 1956. – № 48. – 163 с.
- Завитухина М. П. Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1968. – Вып. 10. – С. 28 – 34.
- Могильников В. А., Куйбышев, А. В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. – 1982. – № 2. – С. 113 – 135.
- Могильников В. А., Телегин А. Н. Кирилловка-III – могильник эпохи железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 107 – 120.
- Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. – М.: Изд-во Пушкин. науч. центр РАН, 1997. – 195 с.
- Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. – М.: Изд-во МТО Метео, 1994. – 184 с.
- Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. – М., 1978. – Вып. Д4–5. – 125 с.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1953. – 354 с.
- Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 128 с.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1994. – 184 с.
- Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – 204 с.
- Шамшин А. Б., Демин М. А., Навротский П. И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 60 – 68.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 329 с.

Čugunov, K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Arzan. Ein Fürstgrab der Skythenzeit in der sibirischen Steppe. – München: Schirmer/Mosel, 2006. – 144 s.

УДК 903'14(292.5)

О. С. Данилова

Алтайская государственная педагогическая академия

**Роль коня в повседневной жизни номадов
степной Евразии I тыс. до н. э.
(в сообщениях античных авторов и по археологическим данным)**

Общеизвестно, что лошадь всегда играла важную роль в жизни евразийских номадов. В полной мере это относится и к сообществам носителей культур скифо-сибирского мира. Однако насколько полно этот феномен нашел отражение в письменных и археологических источниках, еще только предстоит установить. Решению этой проблемы и посвящена настоящая работа. Источниковедческую базу нашего исследования составили труды Геродота, Страбона, Гиппократов, а также материалы погребальных комплексов пазырыкской культуры.

Судя по сообщениям античных авторов, скифы использовали лошадь в первую очередь для верховой езды. Так, Геродот пишет о том, что скифские женщины «вместе с мужьями и даже без них ... верхом выезжают на охоту, выступают в поход» [Геродот, 1972, с. 116]. Красноречивым указанием на аналогичное использование лошади населением Алтая в скифо-сакское время являются находки удила и псалия в пазырыкских курганах [Руденко, 1952, с. 122].

Геродот сообщает об использовании причерноморскими скифами лошади в качестве тяглового животного: «...их жилища – в кибитках...» [Геродот, 1972, с. 46]. Страбон, в свою очередь, указывает: «...что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут» [Страбон, 2012, с. 256], то есть лошади перевозили «жилища» кочевников. Теперь обратимся к данным археологии. По мнению П. К. Дашковского, погребальная камера могил с «классическими» пазырыкскими чертами являлась прототипом повозки или кибитки (Дашковский П. К., URL: <http://www.new.hist.asu.ru/skif/pub/dash/dash5.html>). Поэтому погребение коня в сочетании с характерной внутримогильной конструкцией свидетельствует о реализации пазырыками идеи погребальной повозки для перемещения в далекий загробный мир умерших, что характерно для индоевропейской мифологии. Таким образом, мы видим, что погребальная камера, возможно, являлась подобием кибитки или повозки, которую перевозили лошади. У Геродота есть упоминание об использовании специальных повозок в погребальной практике скифов: «Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям» [Геродот, 1972, с. 73]. Есть все основания полагать, что найденная в пятом Пазырыкском кургане деревянная повозка могла использоваться именно в таких целях [Руденко, 1952, с. 258].

Лошадь не только служила кочевникам важным средством передвижения, но и являлась для них важным источником различных продуктов питания. Так, Геродот, описывая образ жизни и занятия скифов, сообщает о процессе приготовления кобыльего молока: «Добывают же молоко скифы так: берут костяные трубки вроде свирелей и вставляют их

во влагалища кобылиц, а затем вдувают ртом туда воздух. При этом один дует, а другой выдаивает кобылиц. После доения молоко выливают в полые деревянные чаны» [Геродот, 1972, с. 27]. По свидетельству другого греческого ученого Псевдо-Гиппократ, жившего ок. 460 – ок. 377 гг. до н. э., скифы «едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку» (иппака – сыр из кобыльего молока). Подобно Геродоту он описывает приготовление продуктов из кобыльего молока: «IV, 20... Это (влияние жара на больной организм) похоже на то, что скифы делают из кобыльего молока: влив молоко в деревянные сосуды, они встряхивают их...» [Гиппократ, 1971, с. 27]. Другой греческий ученый Страбон приводит слова древних авторов: «Есть так называемые «обитатели кибиток» и «кочевники», занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса...» [Страбон, 2012, с. 294]. Более поздний историк Николай Дамаский в своем труде «Свод странных обычаев» указывает: «Млекоеды, скифский народ <...> питаются только кобыльим молоком, из которого, делая сыры, едят и пьют, и поэтому с ними весьма трудно бороться, так как они повсюду имеют с собой пищу» [Дамаский, 1990, с. 141]. Таким образом, древние авторы единодушны в том, что продукты, приготовленные из кобыльего молока, занимают важное место в рационе причерноморских номадов.

Вполне вероятно, что и горно-алтайские современники скифов доили своих кобылиц, а из их молока готовили кумыс [Руденко, 1960, с. 173]. Во всяком случае можно с большой долей уверенности предположить, что найденные в погребальных камерах большие и малые высокогорлые глиняные кувшины были наполнены именно кумысом. Если же допустить, что в этих кувшинах находился чегень или другой подобный напиток из молока рогатого скота, то в промёрзших курганах на дне сосудов обязательно бы сохранились частицы творога [Руденко, 1952, с. 254]. Как минимум в двух пазырыкских курганах (№ 2 и № 5) был найден сыр [Руденко, 1952, с. 255]. К сожалению, выяснить, из какого молока был приготовлен этот сыр, не удалось.

Мясо, особенно конина, было основной пищей причерноморских номадов. Геродот пишет, что скифы «питаются домашними животными», особенно мясом коней. Гиппократ же, в свою очередь указывает, что скифы едят вареное мясо. Итак, что мы имеем в археологии. При раскопках пазырыкских курганов было найдено большое количество конских крестцов, позвонков и других фрагментов конского скелета. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что носители пазырыкской культуры действительно питались кониной [Руденко, 1960, с. 240].

Пройдя все перипетии жизни вместе с конем, кочевник и после своей смерти не расставался с четвероногим другом. Так, Геродот, описывая погребение вождя племен причерноморских скифов, упоминает о важной роли коня в этом обряде: «В остальном обширном пространстве могилы погребают коней ... самых красивых коней» [Геродот, 1972, с. 107]. Обратившись к алтайским реалиям, узнаем, что более 35 % могил рядовых пазырыкцев содержали сопроводительные захоронения лошадей (Дашковский П. К. URL: <http://www.new.hist.asu.ru/skif/pub/dash/dash5.html>). Что же касается «царских» курганов, то здесь присутствие конских погребений фиксируется в ста процентах случаев. При этом упряжь лошадей была красочно и изящно оформлена, все блистало золотом. У передних лошадей имелись специальные головные украшения с эффектными навершиями [Руденко, 1952, с. 247].

Материалы пазырыкских курганов содержат косвенное подтверждение сообщению Геродота о том, что в могилы скифов клали самых лучших лошадей. В пользу этого говорят, например, некоторые конструктивные особенности погребальной камеры: та ее часть, которая отводилась для коней, как правило, имеет сверху перекрытие, своего рода «навес» над лошадьми. Кроме этого, при раскопках третьего пазырыкского кургана выяснилось, что лошади лежали не на голой земле, а на подстилке из стеблей курильского

чая. Эти факты позволяют предположить, что при жизни боевые кони, в отличие от прочих, обеспечивались навесом, а возможно, даже и подстилкой. Далее на роговых башмаках «небоевых» коней были прослежены характерные «кольца», свидетельствующие о пережитых головках, в то время как копыта боевых лошадей такой картины не дают. Кроме этого следует отметить, что лучших коней пазырыкцы ценили и по возможности сберегали до старости, что было достижимо лишь при индивидуальном отношении к лошади и заботливом уходе за ней [Витт, 1952, с. 165].

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники и археологические данные красноречиво свидетельствуют о широком, всестороннем использовании лошади в жизни кочевников степной Евразии в скифо-сакское время. Не будет преувеличением сказать, что такой уникальный феномен, как кочевое сообщество Евразии, без лошади был бы невозможен.

Научный руководитель – А. Н. Телегин.

Список литературы

- Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. – Вып. XVI. – С. 163 – 205.
- Геродот. История: в 9 кн. / пер. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Книга античности и Возрождения о временах года и здоровье / сост. и коммент. Ю. Ф. Шульца. – М.: Книга, 1971. – С. 26 – 37.
- Дамасский Н. Свод странных обычаев // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / пер. с древнегреч. В. В. Латышева; сост. В. Ф. Петракова, В. В. Черноус. – Ростов на Дону, 1990. – С. 141 – 142.
- Дашковский П. К. Погребальный обряд Пазырыкской культуры Горного Алтая: дипломная работа [Электронный ресурс] // Алтайский региональный исторический портал [официальный сайт]. URL: <http://new.hist.asu.ru/skif/pub/dash/dash1.html> (дата обращения ноябрь 2013).
- Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 320 с.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Страбон. География: в 17 кн. / пер. с древнегреч. Ф. Мищенко, отв. ред. Е. Кузнец. Кн. 1–11. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. – 752 с.

УДК 392.24(571.63)

Е. Н. Залётова

Дальневосточный федеральный университет

Строительные жертвы в культурах неолита и палеометалла Приморья¹

Обычай принесения строительной жертвы при закладке или во время возведения построек (отдельные жилища, города, крепости, мосты и т. д.) известен по всему миру и встречается у разных народов вне зависимости от уровня их развития.

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд» ДВФУ.

Цель этого обряда состоит в том, чтобы обезопасить постройку от разрушения, а жильцов (в случае, если жертва приносится перед строительством дома) от смерти. Так, у славян бытовало представление о том, что дом всегда строится «на чью-нибудь голову», и если не принести жертву, то ей станет хозяин дома.

В разное время и у разных народов в жертву могли быть принесены люди, животные (или только избранные кости животных, например, череп) или символически замещающие жертву фигурки. Также в подобных обрядах могла использоваться кровь или съестные припасы [Формозов, 1984, с. 240].

Исследователи высказывают разные мнения о происхождении жертвоприношений при строительстве: воспроизведение в строительстве дома сотворение мира из тела первой жертвы [Элиаде, 1994], откуп от духов деревьев, срубленных ради строительства, или от духов земли за ее повреждение при строительстве, создание из духа жертвы духа хранителя дома [Зеленин, 2004].

Строительные жертвы не только явление далёкой древности. Известно множество средневековых легенд о человеческих жертвоприношениях при строительстве городских стен (легенда о Коромысловой башне Нижегородского Кремля, о стенах Магдебурга), мостов, крепостей («Легенда о Сурамской крепости», о замке Либенштайн) и даже церквей («Легенда о мастере Маноле»). Чаще всего в таких легендах в жертву приносятся дети, но существует отдельный мотив принесения в жертву первого, кто придёт наутро к месту строительства, – это обычно оказывается жена кого-то из строителей, но иногда и случайный прохожий [Зеленин, 2004].

Вполне возможно, что эти легенды действительно основаны на реальных случаях принесения строительных жертв в эпоху Средневековья. Подтверждения тому, что жертвоприношения практиковались, иногда находятся неожиданно: так, при разборке звонницы Колокольной башни Изборской крепости в 1876 г. в одном из столпов был обнаружен замурованный в кладку человеческий скелет [Лагунин, 2013, с. 160].

Если перенестись из Европы в Азию, строительные жертвы мы обнаружим и там. Так, в Японии до XVI–XVII вв. существовал обряд человеческого жертвоприношения «хитобасира» («живой столб», буквально человек-столб): жертву заживо замуровывали в опору будущего строения – моста или замка. Как и на западе, считалось, что жертва защитит постройку от разрушения, стихийных бедствий, поможет ей устоять при нападении врага [Kato, 1971, p. 47].

Надо заметить, что обычай принесения строительной жертвы дожил и до наших дней, правда, уже в бескровной форме. Под углы строящегося дома подкладывают монетки, шерсть, муку. Случается, что закладные монеты находят даже в городских квартирах при ремонте.

Археологические раскопки на территории Приморского края явили ряд свидетельств принесения строительных жертв людьми, населявшими эту землю в разные эпохи.

Самое раннее свидетельство данной традиции получено в 2004 г. при раскопках А. Н. Поповым жилища рудановской культуры (6 тыс. лет назад) в Сергеевке I. В центре большого жилища, возле очага, в ямке одного из двух центральных опорных столбов найдена керамическая фигурка девочки без головы [Попов, Батаршев, 2006]. Ещё одна такая фигурка найдена у южного края жилища [Бродянский, 2007, с. 32–34].

Другое свидетельство о строительных жертвах даёт лидовская культура, а именно данные раскопок 2005 г. на памятнике Ветка II (Ольгинский район Приморского края). Здесь были найдены 3 фигурки кабана и расколота зооморфная галька, формой напоминающая голову животного (возможно, медведя). Две фигурки кабанов были найдены на полу, а третья фигурка и галька – в столбовых ямках [Бродянский, 2007, с. 50–54].

В древнейшем слое зайсановской неолитической культуры в Майхэ III в столбовой ямке найдены керамическая женская фигурка и клык кабана [Окладников, Бродянский, Майхэ, 2013, с. 45, 49].

При раскопках Синего Гая в 1969–1973 гг. была найдена целая серия погребений животных возле жилищ верхнего слоя (синегайской культуры бронзового века) и под полом. Здесь найдено погребение изюбра у жилища № 4 (обставлено камнями, передние ноги изюбра вытянуты, обращены на восток, задние – подогнуты, голова со спиленными рогами также обращена на восток). Присутствует погребальный инвентарь: керамическая фигурка оленухи, сверлёный клык кабана и остатки трёх сосудов у крестца, пест у задних ног, шиферный наконечник стрелы между рёбер, справа у рёбер косточки козули. Также были обнаружены два погребения поросят 7–8 месяцев (возле жилища № 6 поросёнок лежал на спине, в районе груди найдены неорнаментированные панцирные пластины, а возле задних ног – костяная игла). Рядом со вторым поросёнком, под полом жилища № 7, лежали костяное шило, пряслице, шиферный наконечник стрелы, костяной хвостовик стрелы, панцирная пластина, бусина и рыбий позвонок.

Под большинством жилищ найдены черепа или челюсти свиней, в жилище № 26 – челюсть свиньи и череп енота, в жилище № 29 – челюсть свиньи и череп козули. Как правило, эти захоронения сопровождаются погребальным инвентарём: сосудами, орудиями труда, оружием, игрушками, из чего можно сделать вывод, что речь идёт не о случайных костях, а о жертвоприношениях [Бродянский, 2013, с. 18–19].

Таким образом, существуют археологические данные о совершении строительных жертвоприношений людьми ряда культур, населявших Приморский край: двух неолитических (рудановской и зайсановской) и почти во всех культурах палеометалла: синегайской, янковской, лидовской, анучинской и польцевской.

В жертву приносились животные или фигурки животных и людей – каменные и керамические.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Д. Л. Бродянский.

Список литературы

Kato Genchi. A Study of Shinto: The Religion of the Japanese Nation. – New York: Barnes & Noble, 1971. – 250 p.

Бродянский Д. Л. Мифы, интеллект древних в ископаемом искусстве Приморья. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2007. – 144 с.

Бродянский Д. Л. Синий Гай. Поселения неолита и бронзового века в Приморье. – Владивосток: Издат. дом ДВФУ, 2013. – 207 с.

Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Избр. тр. Ст. по духовной культуре 1934 – 1954. – М.: Индрик, 2004. – С. 145 – 175.

Лагунин И. И. Изборская крепость XIV – XV вв. – концептуальные предложения по функциональному зонированию, музеефикации, приспособлению и благоустройству // Псков. – 2013. – №38. – С. 153 – 177.

Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Майхэ (Олений). Памятники мезолита и неолита в Приморье. – Владивосток: Издат. дом ДВФУ, 2013. – 190 с.

Попов А. Н., Батаршев С. В. Ритуальный комплекс Сергеевка I (руднинская культура) // Пятые Гродеков. чтения. – Хабаровск: ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2006. – С. 95 – 98.

Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. – 1984. – №4. – С. 238 – 241.

Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

**Общая пропорциональность сосудов
андроновской (федоровской) культуры
(на примере памятников Старый Тартас-4 и Тартас-1)**

Носителям каждой культуры были присущи традиции изготовления сосудов определенной формы, отличающиеся необычайной устойчивостью (субстратные) [Бобринский, 1986].

А. А. Бобринским был разработан метод изучения общей пропорциональности форм сосудов. Он основывается на том, что у каждого профессионального гончара складывается жесткий стереотип воспроизведения именно той формы, которую он привык делать, следовательно, изготовление новой формы представляет собой процесс внесения изменений в традиционную систему распределения физических усилий. В первую очередь изменения происходят в навыках воспроизведения общей пропорциональности сосудов, данные о которой позволяют выделить «привычные» формы и формы «подражания» [Бобринский, 1986, с. 137 – 157; 1988, с. 5 – 21; 1991, с. 3 – 35; Цетлин, 2012, с. 160 – 164]. Однако, несмотря на то, что общая схема работы с формой сосудов А. А. Бобринского опубликована, этот метод до сих пор не используется.

Процесс вычисления общей пропорциональности сосуда заключается в приведении высоты сосудов коллекции к 20 см, пропорционально изменяются и остальные параметры; вычитывании площади плоского изображения сосуда (сумма площадей составляющих его геометрических фигур, в случае с андроновской керамикой, это трапеции) и объема (сумма объемов усеченного конуса), вычисленные по внешнему контуру. Данные об общей пропорциональности представляются на графике, где на оси X откладывается объем сосудов, а на оси Y $-S/V*10$. По общей пропорциональности все сосуды делятся на пять категорий: низкие, средние-низкие, средние, высокие-средние и высокие формы. На графике «привычные» формы соответствуют низким, средним и высоким зонам, а формы «подражания» – высоким-средним и средним-низким зонам [Цетлин, 2012, с. 160 – 164].

Данная работа посвящена сравнению комплексов андроновской (федоровской) керамики памятников Старый Тартас-4 (СтТ-4) и Тартас-1 (Т-1) по общей пропорциональности форм сосудов. Курганный могильник СтТ-4 является полностью исследованным, керамическая коллекция опубликована [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002]. В коллекции насчитывается 51 сосуд. Керамика из погребений этого памятника относится к «классическому» андроновско-федоровскому типу [Там же, с. 48; Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294; Иванова, 2013, с. 54]. На памятнике Т-1 основная масса погребений относится к андроновской культуре, также здесь выявлены захоронения смешанного типа – андроновско-кротовские¹ [Исследование могильника..., 2004, с. 358; Вариативность погребального обряда..., 2013, с. 260]. Керамическая коллекция на данный момент составляет 271 сосуд.

Исследование керамики дало следующие результаты. Керамические коллекции очень похожи, при этом точки сосудов с горловиной на графике совпадают. Вариативность, отсутствие стандарта отмечается для сосудов без горловины обоих памятников (рисунок). Основная масса изделий относится к формам средних пропорций. Это означает, что они являются «привычными», традиционными (Т-1 – 209 (77 %); СтТ-4 – 37 (72 %)). В зоны высоких-средних и средних-низких пропорций, т. е. к формам-«подражаниям», попадают на Т-1 – 62 (23 %), на СтТ-4 – 14 (28 %) изделий.

¹ Автор выражает благодарность акад. В. И. Молодину за разрешение работать с неопубликованными материалами.

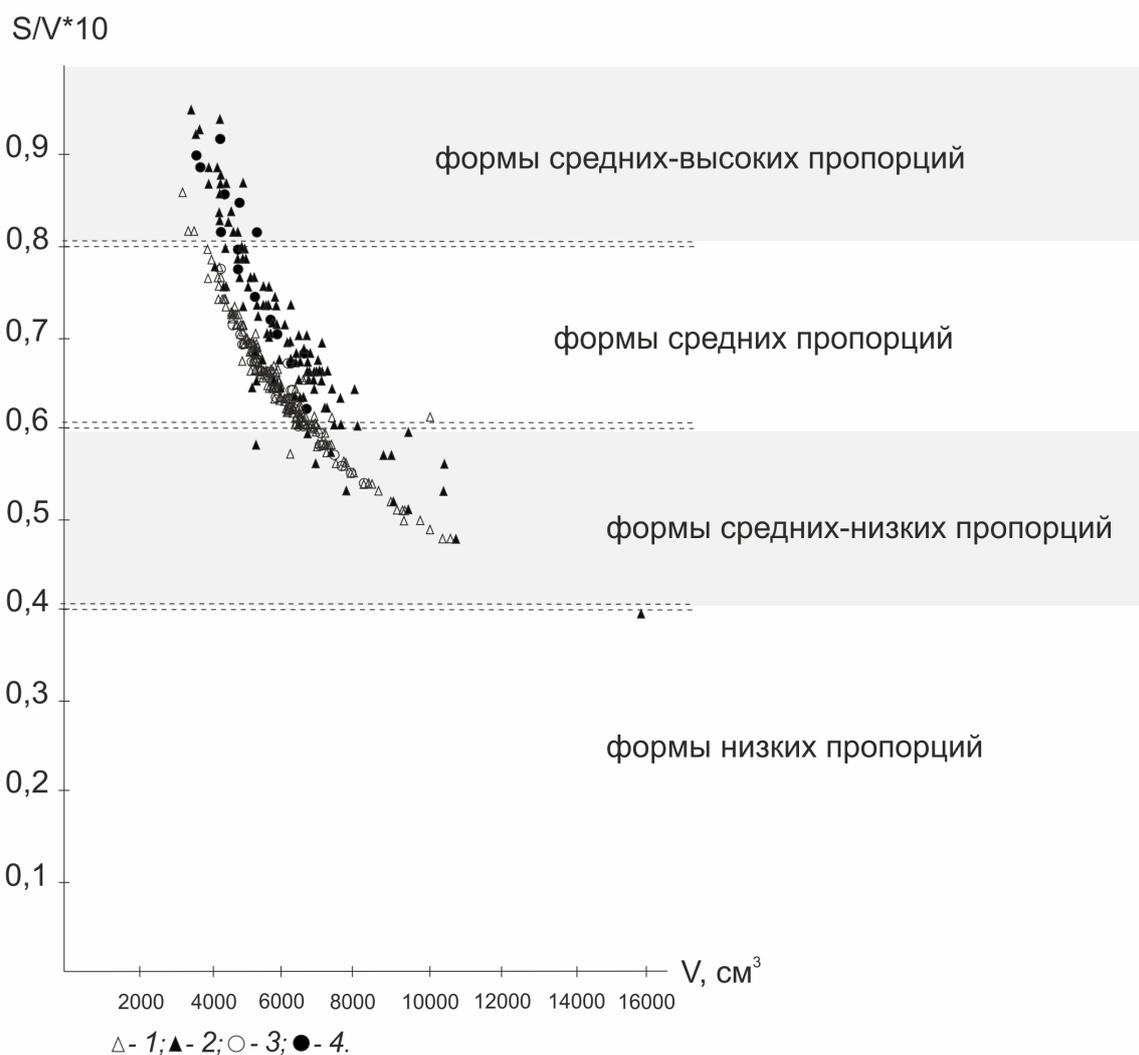

Рис. График общей пропорциональности форм сосудов по А. А. Бобринскому [Цетлин, 2012, с. 162].

- 1 – сосуды с горловиной памятника Тартас-1;
- 2 – сосуды без горловины памятника Тартас-1;
- 3 – сосуды с горловиной памятника Старый Тартас-4;
- 4 – сосуды без горловины памятника Старый Тартас-4

В процентном соотношении коллекция СтТ-4 показывает больше отклонений от привычной формы, однако необходимо учитывать размер коллекций. Тем не менее очевидно, что процесс изменения навыков воспроизведения форм начал происходить еще в более ранний период. Трансформация формообразования затронула оба памятника, что свидетельствует о глубине и длительности перестройки привычного воспроизведения форм андроновской (федоровской) керамики на данной территории.

Научный руководитель – канд. ист. наук Л. Н. Мыльникова.

Список литературы

Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1986. – С. 137 – 157.

Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1988. – С. 5 – 21.

Бобринский А. А. Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1991. – С. 3 – 35.

Иванова Д. П. Морфологический анализ сосудов андроновской культуры памятника Старый Тартас-4 (Барабинская лесостепь) // Материалы 51-й международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. – С. 54 – 55.

Молодин В. И., Новиков А. В., Гришин А. Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 294 – 299.

Молодин В. И., Новиков А. В., Жемерикин Р. В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 48 – 62.

Исследование могильника бронзового века Тартас-1 / В. И. Молодин, Г. Парцингер, и др. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. Ч. 1. – С. 358 – 364.

Вариативность погребального обряда андроновской (фёдоровской) культуры на памятнике Тартас-1 / В. И. Молодин, Н. С. Ефремова, Л. С. Кобелева, и др. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 260 – 264.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

УДК 903.53(571.513)

О. С. Комина

Кемеровский государственный университет

**Проблемы изучения раннего этапа тагарской культуры
в Ачинско-Мариинской лесостепи
(по материалам новых исследований
Большепичугинского могильника)**

Ареал тагарской культуры охватывает несколько изолированных физико-географических районов: Минусинская (ХМК), Назаровская, Чулымо-Енисейская, Сыда-Ербинская котловины, Мариинско-Ачинская (АМЛ) и Красноярская лесостепи. По современному территориально-административному делению это территория Республики Хакасия, Кемеровской области и Красноярского края. Однако северный район тагарской культуры имеет ряд существенных отличий от «классического» степного варианта тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины, что послужило основанием для выделения в 70-е гг. XX в. отдельной лесостепной тагарской археологической культуры, существовавшей в VI–I в. до н. э. [Мартынов, 1979, с. 5].

А. И. Мартыновым были выработаны критерии для ее системного описания, согласно которым погребальные сооружения лесостепного района делятся на ряд последовательно сменяющихся хронологических этапов, включающих: большепичугинский (VI–V вв. до н. э.), тисульский (V–IV вв. до н. э.), назаровский (III в. до н. э.) [Мартынов, 1979, с. 74 – 81]. Шестаковский этап, иногда называемый шестаковской культурой, выходит за рамки тагарского культурогенеза [Мартынов, 1979, с. 74].

Ранний период лесостепной тагарской культуры в Мариинско-Ачинской лесостепи, характеризующийся ее становлением, исследован в основном по результатам раскопок могильников Большепичугино и Ягуня. Для этого этапа характерны небольшие земляные курганы с высотой до 0,5 м и диаметром 12–16 м, содержащие прямоугольную могильную яму в некоторых случаях со срубом и бревенчатым перекрытием. В могилах совершали одиночные или парные захоронения по обряду труположения на спине. Сопроводительный инвентарь содержит один-два сосуда баночной формы (плоски) без орнамента с горизонтальными желобками в верхней части, поставленные у головы погребенного, и кости барана (лопатка и кости ноги), положенные в ногах. Количество бронзовых изделий незначительно и имеет архаичный характер. Оружие представлено топорами, кельтами, чеканами с граненым обушком, дугообразнообушковыми ножами, двухлопастными втульчатými наконечниками стрел, полноразмерными кинжалами [Мартынов, 1979, с. 74 – 75; Бобров, 2011, с. 13].

Вопрос о генезисе северного ареала тагарской культуры дискуссионен. В сложении лесостепной тагарской археологической культуры выделяют местные (автохтонные) традиции, существовавшие у локальных племен, и пришлые элементы, привнесенные миграционной волной с других территорий. В качестве местного субстрата А. И. Мартынов указывает значительное влияние традиций карасукского, ирменского и андроновского культурно-исторических пластов [Мартынов, 1979, с. 69 – 74]. Общим для предшествующих культур данной территории является отсутствие грандиозных дополнительных некрологических структур (ДНС) – каменных оград, сопоставимых по размерам и сложности конструкции с соседним степным районом ХМК. Как результат миграционных процессов не ранее VI в. до н. э. происходит проникновение части тагарского населения за пределы Минусинской котловины с юга на северо-запад, т. е. в районы Красноярска и АМЛ [Теплоухов, 1929, с. 48; 1932, с. 406; Киселев, 1951, с. 287; Бобров, 2011, с. 13]. Распространение тагарских традиций приводит к появлению первых курганов на территории АМЛ, однако, учитывая местные географические особенности, они утрачивают характерные для ХМК черты в виде высокой каменной ограды и менгиров по краям, вместо которых сакральное пространство кургана отделяется только стенкой из дерна [Мартынов, 1979, с. 15]. Таким образом, в АМЛ происходит формирование тагарской лесостепной культуры, имеющей ярко выраженную региональную специфику.

К раннему этапу тагарской культуры лесостепи относится Большепичугинский могильник, состоящий из 26 курганов, расположенных на территории АМЛ к востоку от реки Урюп (Тисульский район Кемеровской области). Исследование данного археологического памятника происходило на протяжении трех полевых сезонов – с 1956 по 1958 гг., в ходе которых экспедицией Кемеровского областного краеведческого музея было раскопано 14 курганов. Большая часть из них датирована раннетагарским временем и содержала характерные для тагарской культуры одиночные и парные захоронения с сопроводительным инвентарем в грунтовых ямах. В результате раскопок 8 и 10 курганов Большепичугинского могильника были обнаружены каменные плитки, лежащие бессистемно плашмя на расстоянии 1 м. от края могилы. А. И. Мартынов классифицировал их как стенки ограды [Мартынов, 1967, с. 20, 23]. Позднее П. В. Германом было изложено мнение, что эти конструкции представляют не ограду, а компонент перекрытия

могилы, на что указывает их близкое расположение к погребению и наличие камней в заполнении самой ямы [Раскопки тагарского кургана..., 2013, с. 142].

Дальнейшее исследование Большепичугинского могильника происходило в ходе полевого сезона 2013 г. Кузбасской археологической экспедицией ИЭЧ СО РАН был раскопан один курган с коллективным захоронением в срубке с бревенчатым перекрытием. По сохранившимся останкам установлено, что они принадлежали мужчине 30–40 лет, женщине 40–50 лет, мужчине 17–25 лет и ребенку. Инвентарь погребения представлен четырьмя полусферическими круглыми бляшками с отверстиями, двумя каменными бусинами, пятью костяными наконечниками стрел черешкового и втульчатого типа, а также семью керамическими плоскодонными сосудами баночной формы раннетагарского времени. Важной особенностью кургана является ограда, выявленная на уровне древней дневной поверхности, из небольших плит песчаника, поставленных непрерывным рядом на ребро в неглубокие траншеи. Главным отличительным признаком данной ДНС является ее относительно хорошая сохранность, позволяющая определить форму и изначальные размеры ограды как 9,5 м (запад-юго-запад – восток-северо-восток) × 11,5 м (юг-юго-восток – север-северо-запад). По всем компонентам погребальной практики и инвентарю курган датирован VI в. до н. э. [Раскопки тагарского кургана..., 2013, с. 139–145].

Уникальность каменной ограды Большепичугинского кургана обусловлена тем, что она принципиально отличается от исследованных ранее, и в Мариинской лесостепи данный вид ДНС зафиксирован впервые. По своей конструкции она сопоставима с оградями тагарских курганов Назаровской котловины – могильники Кошколь, Обьюл, Ашпыл, Березовый ручей и Изыкчуль [Бобров, 2011, с. 20; Раскопки тагарского кургана..., 2013, с. 142].

В ходе разведок в Тисульском районе были так же обнаружены группы курганов с большими каменными плитами в полах насыпи, распространенные от с. Большой Барандат на востоке до пгт. Тисуль на западе, что охватывает большую часть ареала тагарских курганов в Мариинской лесостепи [Раскопки тагарского кургана..., 2013, с. 142]. Их дальнейшее изучение, возможно, позволит выделить на данной территории отдельную группу раннетагарских курганов, отражающих специфику инфильтрации населения из Минусинской котловины в Мариинскую лесостепь.

*Научный консультант – канд. ист. наук П. В. Герман.
Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. Н. Мухарева.*

Список литературы

Бобров В. В. Тагарская культура в северной лесостепи // Terra Scythica. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 11 – 22.

Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Мартынов А. И. К вопросу о происхождении тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Изд-во КемГПИ, 1967. – Вып. 6. – С. 15 – 38.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 207 с.

Раскопки тагарского кургана в Мариинской лесостепи / П. В. Герман [и др.] // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2013. – Вып. 5. – С. 139 – 145.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л.: Изд-во Гос. Русского музея, 1929. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 41 – 62.

Теплоухов С. А. Металлический период // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск: Сиб. краевое изд-во, 1932. – Т. III. – С. 400 – 415.

Традиции домостроительства в бронзовом веке Западной Сибири

На всем протяжении своего существования человек пытался оградить себя от опасностей окружающего его мира, стремился окружить свое личное пространство комфортом, уютом, спокойствием. Несомненно, этим пространством для человека является жилище. Жилище – своего рода бытовой и социологический заказ, реализуемый через домостроительную технику и направленный на вычленение из природной среды общественной единицы с обеспечением в условиях данной среды и данных технических возможностей максимума удобств при осуществлении ее основных функций – жизнедеятельности, производственных процессов и т. п. [Массон, 1976, с. 110]

Основная задача нашей работы – анализ домостроительных традиций бронзового века на основе имеющихся доступных материалов с территории Курганской (ташковская культура), Новосибирской (корчажская, самусьская культуры), Омской (красноозерская, кротовская культуры), Тюменской (включая Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО) (андреевская, барцевская, барсовская, коптяковская, пахомовская, ташковская, лозвинская, атлымская, сартыньинская культуры), Томской (степановская, еловская культуры) областей. Исходя из существующих на сегодняшний день региональных периодизаций бронзового века, мы сочли возможным использовать наиболее дробную из них, которая предполагает выделение периодов раннего, развитого, позднего бронзового века и переходного времени от бронзового века к железному. Всего рассмотрено 28 поселенческих комплексов и 99 жилищ. К периоду ранней бронзы отнесено 10 поселений и 58 жилищ, к развитой бронзе, соответственно, 1 поселение и 4 жилища, к периоду поздней бронзы – 14 поселений и 34 жилища, к переходному времени – 3 поселения, 3 жилища.

При анализе исследуемых источников мы выделили основные признаки, с помощью которых можно охарактеризовать архитектурные особенности, характерные для жилищ эпохи бронзы Западной Сибири.

Важным признаком является *положение жилища относительно уровня земли*, так как от этого зависит характер постройки. В рассмотренных работах авторы не всегда определяли к какому типу относятся раскопанные ими жилища, иногда отсутствовала информация о глубине котлована. В этой ситуации необходимо определить точные метрические характеристики, определяющие тип жилища. Мы предлагаем следующие критерии. Для отнесения жилища к типу землянки глубина котлована должна составлять не менее 1 метра. Полуземлянка должна характеризоваться котлованом, глубиной не менее 30 см, соответственно максимальная глубина котлованов наземных жилищ не может превышать 29 см.

Исходя из полученных данных (табл. 1), можно сделать вывод о преобладании в эпоху бронзы жилищ наземного типа. Землянка, характерная для эпохи неолита, в бронзовом веке практически перестает существовать. Следует уточнить, что преобладание наземных жилищ в раннем бронзовом веке объясняется большей долей ташковских жилых сооружений среди жилищ этого времени. Все ташковские жилища однотипны и представляют собой прямоугольные наземные сооружения со срубной конструкцией стен.

Следующим важным признаком является *форма основания котлована*. Форма котлована – определяющий фактор в формировании внутренней планировки

жилища. По данному критерию жилища подразделяются на две группы: четырехугольные (в том числе квадратные) и овальные. Последняя группа представлена единственным сооружением (поселение Екатериновка I). Среди построек с прямоугольным котлованом значительную долю составляют жилища с квадратной формой основания (табл. 2).

Третьим важным признаком при классификации жилых построек является *конструкция сооружения*. Ключевым параметром здесь выступает характер опорной конструкции стен жилища. В соответствии с этим критерием выделяются два типа: каркасное сооружение и сруб.

Если каркасная конструкция характерна для всех типов жилищ независимо от времени их существования, то срубы присущи только ташковской культуре раннего бронзового века (табл. 3).

Классифицирующий потенциал кровли как одного из важных элементов дома минимален. Связано это с тем, что конструктивные элементы крыши практически не сохранились в археологическом материале. В лучшем случае определяются лишь использованные строительные материалы (дерево, береста, растительные прокладки, почвенная засыпка). Не удастся проследить зависимость между типами жилищ и их топографией. Большая часть поселков располагались по берегам рек и озер, преимущественно на мысовых выступках надпойменных террас.

С трудом поддается реконструкции интерьер большинства жилищ. Определенно можно говорить лишь о преобладании однокамерных сооружений. Многокамерные

Таблица 1. Соотношение типов жилищ с периодами бронзового века

Тип жилища	Хронология			
	Ранний бронзовый век	Развитый бронзовый век	Поздний бронзовый век	Переходный период
Землянка	2	–	1	–
Полуземлянка	4	–	17	2
Наземное жилище	29	4	30	1

Таблица 2. Соотношение формы котлована жилищ с периодами бронзового века

Форма котлована	Хронология			
	Ранний бронзовый век	Развитый бронзовый век	Поздний бронзовый век	Переходный период
Прямоугольная (не квадратная)	33	4	27	1
квадратная	14	–	4	2
овальная	1	–	–	–

Таблица 3. Соотношение конструкции сооружения жилищ с периодами бронзового века

Конструкция сооружения	Хронология			
	Ранний бронзовый век	Развитый бронзовый век	Поздний бронзовый век	Переходный период
Каркасная конструкция	19	4	44	3
Сруб	29	–	–	–

(двух-, трехкамерные) постройки единичны и известны только для периода поздней бронзы (поселения Танай 4 на оз. Танай, Оськино Болото на р. Исеть).

Дом эпохи бронзы сочетал в себе функции жилого и производственного помещения. В некоторых из них (Танай 4, Саранин II, Малгет периода поздней бронзы, Тух-Сигат VII, Тух-Эмтор, Тух-Эмтор I, Тух-Эмтор IV, Оськино Болото) отмечены следы металлообработки в виде мощных прокалов, сплесков металла и фрагментов литейных форм. В то время как металлообработка характерна только для жилищ развитой и поздней бронзы, другие домашние ремесла (обработка камня, гончарство) присутствуют в постройках всех периодов бронзового века.

Используя выделенные нами критерии и статистический анализ рассматриваемых объектов, мы можем сделать следующие выводы:

1. Землянка, достаточно характерная для предшествующего неолитического периода, на протяжении всего бронзового века встречается исключительно редко. В раннем бронзовом веке характерен полууглубленный тип жилища и лишь в ташковской культуре преобладали наземные постройки. В позднем бронзовом веке отмечается преобладание наземных жилищ на всей территории Западной Сибири.

2. Для большинства жилищ бронзового века характерны каркасная конструкция стен и прямоугольная форма основания. Сруб применялся только носителями ташковских строительных традиций, а овальный котлован отмечен на единственном поселении.

3. Тип жилой постройки не зависел от ее топографии и не определялся производственными процессами.

4. В наибольшей степени специфика комплекса домостроительных традиций отмечена для ташковской культуры раннего бронзового века.

*Научный руководитель – канд. ист. наук, доц.
Е. А. Васильев.*

Список литературы

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 110 с.

УДК 903.02.„638”(571.51)

*Д. Г. Кудряшов
Дальневосточный федеральный университет*

Предварительные результаты исследования керамического материала эпохи железного века памятника Красная Сопка II¹

Геологический объект «Красная Сопка» расположен в 3–3,2 км северо-восточнее п. Кировский (Приморский край), на левом берегу реки Уссури, имеет крутые, малопрístupные склоны. Поверхность местонахождения покрыта травами, кустарником и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания Министерства образования и науки РФ «Процессы межкультурной коммуникации в АТР: междисциплинарный подход».

деревьями, присутствуют следы антропогенного воздействия. В средней части сопки отмечается резкое сужение ее ширины, что визуально делит сопку на северную и южную оконечности.

Археологический памятник Красная Сопка II занимает северную оконечность сопки, открыт в 80-е гг. XX в. А. М. Кузнецовым. В 2007 г. объект исследовался шурфовкой экспедицией Дальневосточного государственного университета. С 2008 г. экспедицией ДВФУ под руководством А. А. Крупянка на памятнике проводятся стационарные археологические исследования [Крупянка, 2012, с. 5]. Для памятника характерна следующая стратиграфическая ситуация: дерн – гумусированный темно-коричневый суглинок, пронизанный корнями трав, мощностью до 16 см; серо-рыжий суглинок, мощностью до 74 см; рыжий суглинок мощностью до 32 см; коричневый суглинок мощностью до 80 см; темно-серый суглинок, мощностью до 46 см; материковая поверхность представлена светло-желтым плотным суглинком с дресвой (продукты разрушения коры выветривания). Керамический материал представлен фрагментами лепной и станковой посуды, а также фрагментами изделий. Большая часть керамики мелко фрагментирована. В результате анализа материала весь массив можно разделить на две группы.

Первую группу составляют артефакты эпохи Средневековья, соотносимые с финальным этапом существования государства Бохай (698–926). Толщина стенок сосудов варьируется от 2–3 до 10–15 мм. Окраска излома в большинстве случаев однородна. Венчики встречаются единицеобразные, слегка отогнутые наружу под углом 90°. Большинство венчиков орнаментировано налепным валиком. Основные мотивы орнаментации стенок: прочерчивание горизонтальных линий (от 1 до 4), прочерчивание диагональных линий, составляющих орнамент в виде сетки с ромбической формой ячеек, оттиски арко- и волнообразных штампов. Артефакты, входящие в первую группу, составляют 97 % от общей массы находок.

Вторую группу составляют артефакты эпохи железного века, атрибутируемые польцевской культурной общностью. Ближайшим известным памятником польцевской культурной общности является Глазовка-городище. Для памятника Глазовка-городище получены три даты: СОАН-3949: 2310 ±40 л. н., калиброванная – 508–210 гг. до н. э.; СОАН-3950: 2070 ±50 л. н., калиброванная – 344 г. до н. э. – 52 г. н. э.; СОАН-3951: 2190 ±50 л. н., калиброванная – 386–118 гг. до н. э.; что позволяет в целом датировать памятник 6 в. до н. э. – 1 в. н. э., однако пересечение всех трех дат укладывается в интервале 4–3 вв. до н. э. [Коломиец, 2001, с. 95].

Среди артефактов второй группы археологически целых сосудов не обнаружено, но следует отметить присутствие в коллекции фрагментов блюдовидно отогнутых венчиков, принадлежащих двум различным сосудам; фрагментов горловины с прочерченными линиями; фрагментов венчиков, орнаментированных налепным рассеченным валиком; части сосуда со слегка отогнутым венчиком с налепным рассеченным валиком, с горловиной, орнаментированной ногтевыми вдавлениями.

В керамике второй группы для орнаментации стенок сосудов используются ногтевой орнамент, орнамент, состоящий из рядов пальцевых вдавлений, оттиски лопатки-штампа с ромбической сеткой. Фиксируется использование как минимум трех штампов-лопаточек с ячейками различных параметров – 6×5 мм, 6×7 мм, 10×7 мм. В первом случае глубина оттиска не превышает 0,5 мм, края «заглажены», встречается наложение ячеек друг на друга. В остальных случаях наложение отсутствует, границы ячеек четко выражены. Зона распространения оттисков ограничена налепным волнистым валиком. Толщина стенок сосудов составляет 5–6 мм. В формовочной массе используется слюда и дресва размером до 1 мм. На ряде фрагментов фиксируется использование метода спирального налета при изготовлении сосуда.

В коллекции материала имеются фрагменты придонной части со следами выбивки штампом-лопаточкой с прямоугольной сеткой. Размер ячеек 3×6 мм, глубина оттиска 1–1,5 мм, встречается наложение ячеек друг на друга. В формовочной массе используется слюда + дресва размером до 2 мм.

Среди керамики второй группы особое внимание привлекают фрагменты венечной части сосудов, орнаментированные наклепными «шишечками» и фрагменты венечной части с вертикальными налепами. Из-за недостаточной изученности памятника к вопросу культурной атрибуции этих фрагментов стоит подходить весьма осторожно, так как можно соотнести их и с кроуновской, и с ольгинской (польцевской) археологической культурой.

В дальнейшем планируется изучение памятника с целью выявления комплексов эпохи железного века.

Список литературы

Коломиец С. А. Период развитого железа в Приморье (в контексте польцевской культурной общности): дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 1973. – 227 с.

Крупянка А. А. Археологические исследования на памятниках Красная Сопка II (Кировский район) и Суворово III (Кавалеровский район) Приморского края в 2010–2011. – Владивосток, 2012. – 217 с. (Личный архив автора раскопок).

УДК 903.23.637(571.15)

Д. С. Леонтьева

Алтайский государственный университет

Особенности орнаментации андроновской поселенческой керамики лесостепного и степного Алтая¹

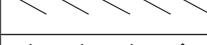
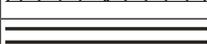
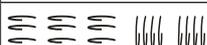
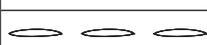
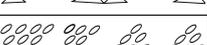
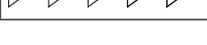
Разнообразие бордюрных композиций – характерный признак керамических комплексов андроновской культурно-исторической общности. Выбор орнамента зависел как от территории расселения, так и от функционального назначения изготавливаемой посуды. Проблема орнаментации андроновской поселенческой керамики Алтая является весьма актуальной. В существующих публикациях описание поселенческой керамики сводится к ее перечислению, визуальному разделению на группы: по форме, орнаменту и технике его нанесения [Кирюшин, Лузин, 1990, с. 42; Лузин, 1990, с. 46].

Задача данного исследования – выявление бордюрных композиций бытовой андроновской посуды. Методологической основой наших исследований стали труды В. Ф. Генинга [Генинг, 1973], И. В. Рудковского [Рудковский, 2010] и Н. А. и А. А. Ткачевых [Ткачева, Ткачев, 2008].

Была использована иерархическая схема структурных уровней. Первый уровень – композиция, ограниченная пределами орнаментированной вещи. Второй уровень – бор-

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Алтайского государственного университета, тема «Использование естественнонаучных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности» и гранта Правительства РФ № 2013-220-04-2245, тема «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Таблица. Бордюрные композиции андроновской поселенческой керамики степного и лесостепного Алтая

№	Бордюр	горшок	банка	стенка	всего	№	Бордюр	горшок	банка	стенка	всего
1		2,1%	7,3%	6,2%	15,6%	21		0,05%	-	0,15%	0,2%
2		0,1%	1,5%	2,3%	3,9%	22		0,05%	-	0,05%	0,1%
3		0,5%	6,4%	5,2%	12,1%	23		0,07%	-	0,03%	0,1%
4		0,1%	1,3%	0,5%	1,9%	24		0,03%	-	0,07	0,1%
5		2,2%	0,2%	2,2%	4,6%	25		-	-	0,3%	0,3%
6		0,1%	0,2%	0,6%	0,9%	26		0,05%	-	0,05%	0,1%
7		0,2%	5%	40,5%	45,7%	27		-	-	0,1%	0,1%
8		0,3%	0,1%	2%	2,4%	28		-	-	0,3%	0,3%
9		0,2%	-	0,4%	0,6%	29		-	-	0,1%	0,1%
10		-	-	0,5%	0,5%	30		-	-	0,1%	0,1%
11		-	-	0,1%	0,1%	31		-	-	0,1%	0,1%
12		0,3%	0,1%	1,1%	1,5%	32		0,05%	-	0,15%	0,2%
13		0,5%	2,2%	2,8%	5,5%	33		-	-	0,1%	0,1%
14		-	0,2%	0,1%	0,3%	34		0,05%	-	0,05%	0,1%
15		-	-	0,9%	0,9%	35		-	-	0,1%	0,1%
16		-	0,1%	0,2%	0,3%	36		0,1%	-	-	0,1%
17		-	0,05%	0,05%	0,1%	37		-	-	0,1%	0,1%
18		-	-	0,1%	0,1%	38		-	-	0,1%	0,1%
19		-	-	0,4%	0,4%	39		-	-	0,1%	0,1%
20		0,1%	-	-	0,1%						

дюрная композиция (бордюр). Обычно она занимает горизонтальную полосу какой-то из зон сосуда и состоит из одной простой или сложной повторяемой фигуры. Третий уровень – отдельная исходная фигура бордюра [Рудковский, 2010, с. 213]. Наибольшей информативностью обладают бордюры. Поэтому они были взяты за основу построения типологии.

Для работы были выбраны поселения степного и лесостепного Алтая с репрезентативными андроновскими керамическими сериями: это Фирсово-XV [Лузин, 1990, с. 46],

Большой Лог-I [Кирюшин, Лузин, 1990, с. 42] и Переезд [Удодов, 1991, с. 74]. Было обработано 2 406 андроновских орнаментированных фрагментов: Фирсово-XV – 1 010 экз., Большой Лог-I – 684 экз., Переезд – 712 экз. В декорировании одного сосуда часто использовалось несколько разных бордюров, поэтому на 2 406 экз., было учтено 3 118 единиц бордюрных композиций. Данная совокупность была взята нами за 100 %.

В ходе обработки было выявлено 39 бордюров (см. таблицу). Три бордюра (№ 1, 3, 5, 7) можно считать основными: они составляют 73,4 % от всех учтенных. К ним относятся вертикальная «елочка» (№ 7 – 45,7 %), горизонтальные ряды ямочных вдавлений (№ 3 – 12,1 %) и каннелюры (№ 1 – 15,6 %).

Также распространенными мотивами были горизонтальные: «елочка» (№ 2 – 3,9 %); линии (№ 13 – 5,5 %), которые часто выступали своеобразным разделителем между другими орнаментальными элементами, т.е. выполняли вспомогательную роль в композиции; полосы «косых» штрихованных треугольников (№ 5 – 4,6 %).

Бордюры с геометрическим элементом редко украшали поселенческую посуду. К ним относятся треугольники и меандры (№ 15, 18, 25, 27, 32, 37, 38), «змейки» (№ 11), «уточки» (№ 29), «F- и В-образные» фигуры (№ 21, 27), количество которых в целом невелико (6,2 %). Треугольники могли быть: равнобедренными (№ 12, 20, 22, 23) или прямоугольными, ориентированные вершинами вверх (№ 23) или вершинами друг к другу (№ 9, 26). Возможны сложные фигуры в виде пирамид, где элементами выступали треугольники (№ 16, 21, 28, 38). Одним из редких бордюров являлась «качалка» (№ 10 – 0,5 %). Данный элемент обычно декорировал придонную часть сосуда.

При работе с диагностируемыми фрагментами венчиков были определены основные формы сосудов: это горшки (100 экз. – 20,3 %) и банки (393 экз. – 79,7 %). Выявлены различия в декоре сосудов разных форм.

Банки украшали одним либо несколькими бордюрами: горизонтальной или вертикальной «елочкой», каннелюрами, ямочными вдавлениями (№ 1, 3, 4, 7, 13). Декорировалась верхняя часть сосуда на одну либо две трети высоты стенки. Горшки орнаментировали в геометрическом стиле: треугольники, фестоны, меандры (№ 5, 8, 15, 20–24, 26, 32, 34, 36). Бордюры наносили под венчиком, на шейку и часть тулова.

Таким образом, в ходе исследования андроновских керамических серий с памятников Фирсово-XIV, Большой Лог-I, Переезд были получены следующие выводы. На посуде выявлено 39 бордюрных композиций, что свидетельствует об их значительном разнообразии. В рассмотренной коллекции преобладают три бордюра: вертикальная «елочка», ямочные вдавления и каннелюры. Выбор орнаментальной композиции зависел от формы сосудов. Для банок было характерно простое композиционное построение. Горшковидная посуда отличалась богатой и разнообразной орнаментальной композицией. Такая закономерность орнамента и формы сосуда характерна и для керамики из погребальных комплексов [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 32].

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. П. Грушин.

Список литературы

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики // СА. – М.: Наука, 1973. – Вып. 1. – С. 114 – 136.

Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 42 – 56.

Лузин С. Ю. Разведочные работы на поселении Фирсово-15 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. – С. 46 – 49.

Рудковский И. В. Комбинаторика бордюрных симметрий в андроновских орнаментальных комплексах // Известия АГУ. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – Вып. 4. – С. 213 – 222.

Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.

Удодов В. С. О некоторых особенностях керамического комплекса Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 74 – 76.

Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 132 с.

УДК 903.23,,637”(470.54/56+470.58)

П. С. Медведева

Челябинский государственный педагогический университет

Отпечатки ткани на сосудах бронзового века Южного Зауралья

Керамика с отпечатками ткани является массовой категорией находок на памятниках синташтинской, петровской и алакульской культур Южного Зауралья. Широкое распространение этой категории источника обусловлено технологией производства керамических сосудов, которая заключалась в изготовлении керамики на сосуде-основе с использованием влажной текстильной прокладки [Виноградов, Мухина, 1985]. При исключительной редкости находок древних тканей текстильные отпечатки являются крайне важным, но специфическим материалом при изучении древнего текстильного производства.

Впервые к изучению отпечатков на внутренней стороне сосудов обратился И. Л. Черная. Материалы петровских поселений Кулевчи III (было исследовано 67 экземпляров), Петровка II (12 экземпляров), Новоникольское I, могильника Кенес (1 экземпляр) позволили реконструировать устройства для выработки древнего текстиля, который автор назвал полуткацким [Черная, 1985, с. 94, 99]. Исследование было продолжено И. Г. Глушковым и Т. Г. Глушковой, результатом которого стало появление монографии, посвященной текстильной керамике бронзового века Западной Сибири. В частности, в работе использованы совокупные материалы памятников Петровка II, Аркаим, Устье I. Авторами была предложена методика анализа текстильных отпечатков, изготовление каждой категории которых было смоделировано [Глушков, Глушкова, 1992]. Синташтинские (3 экземпляра), петровские (6 экземпляров) и андроновские (9 экземпляров) материалы фигурировали также в коллективной работе О. В. Орфинской, В. П. Голикова, Н. И. Шишлиной [Орфинская, Голиков, Шишлина, 1999], посвященной реконструкции типов ткацких устройств на основе технологического анализа древних тканей бронзового века.

Итак, благодаря усилиям вышеназванных авторов, была разработана методика, которая позволяет определить технологические характеристики ткани по ее отпечаткам на сосудах (тип нити, крутка, толщина нити, плотность, структура текстильных переплетений и др.), а также реконструировать приспособления для ее изготовления. По результатам этих работ было установлено, что населению бронзового века была известна технология ткацкого производства, позволяющая изготавливать ткани полотняного перепле-

тения с различной толщиной и плотностью нитей. Такая ткань могла быть изготовлена на вертикальных или горизонтальных ткацких устройствах с ручным перебором нитей, одним или двумя ткацкими зевами.

Несмотря на значительные результаты, в исследовании отпечатков тканей на сосудах бронзового века в Южном Зауралье нельзя поставить точку. Прежде всего, в работах И. Л. Черная и И. Г. и Т. Н. Глушковых содержатся обобщенные характеристики развития текстильного производства на основе совокупной выборки петровских памятников. Методика О. В. Орфинской и др. отличается подробнейшей публикацией источников, однако выборка отпечатков относительно невелика. Исходя из этого, можно поставить вопрос об изучении отдельного памятника для выявления культурной специфики текстильного производства. Таким образом, целью данной работы является исследование технологических характеристик ткани, используемой в изготовлении сосудов бронзового века, на примере материалов могильника Кривое Озеро в Южном Зауралье.

Методика работы включала следующие этапы:

– визуальный осмотр внутренней поверхностей сосудов на предмет отпечатков ткани и их описание;

– снятие позитивов с отпечатков ткани. В ходе этого этапа были опробованы разные пластичные материалы: сургуч, скульптурный пластилин и мелкодисперсная глина. Как показали опыты, сургуч наименее точно передает структуру отпечатка, к тому же при его плавке выделяются вредные пары. Скульптурный пластилин не держит форму и легко подвержен повреждениям. Таким образом, было установлено, что наиболее эффективным материалом является мелкодисперсная глина, несмотря на то, что она при высыхании дает усадку около 7 %. Преодоление данного недостатка возможно при фотографировании отпечатка непосредственно после его снятия.

– макрофотографирование и компьютерную обработку фотоизображений отпечатков и оттисков текстиля;

– микроскопия при увеличениях 4–16х (микроскоп МБС-2);

– анализ позитивов и составление базы данных по следующим параметрам: крутка нити, толщина нити, расстояние между нитями, число нитей на см², структура текстильного переплетения.

Курганный могильник Кривое Озеро находится в Челябинской области и включает в себя погребения синташтинской и петровской культур [Виноградов, 2003]. В ходе работы было изучено 155 сосудов, из них 124 – целые формы, 31 – фрагменты. Синташтинская группа керамики представлена 76 сосудами, петровская керамика – 65 сосудами. Культурную принадлежность ряда фрагментированных сосудов (14 экземпляров) установить не удалось.

Отпечатки текстиля присутствуют на 58 сосудах, что составляет 37 % от всей коллекции могильника Кривое Озеро. 24 из 72 синташтинских сосудов имеют отпечатки текстиля (33 % от общего количества синташтинских сосудов). 24 из 52 петровских сосудов имеют отпечатки текстиля (46 % от общего количества петровских сосудов). Остальные 10 образцов представлены отпечатками на фрагментах сосудов (1 – синташтинская культура, 7 – петровская культура, 2 – культурную принадлежность установить проблематично).

Согласно результатам технологического анализа, все отпечатки текстиля синташтинской и петровской культур имеют несколько вариантов полотняного переплетения: редкое полотняное переплетение (ткани, имеющая плотность по основе и утку больше, чем 11×8 и толщину нитей меньше или равную 0,5 мм), мешковину (ткани, имеющие по основе и утку плотность на см² меньше 11×8 и толщину нити больше 0,6 мм), репс (ткань с плотностью нитей больше чем 11×8). В ряде случаев была прослежена крутка нити типа Z (правая).

Ткань, отпечатавшаяся на 5 из 24 синташтинских сосудов, была повреждена: она подвергалась механическому воздействию, в ходе которого нити утка разошлись, образовав прорехи. Вероятно, для керамического производства использовалась ткань, уже не имеющая какой-либо ценности. Следует отметить, что петровские сосуды таких образцов не имеют.

Таким образом, ввиду практически полного отсутствия реальных тканей бронзового века в Южном Зауралье, можно признать их отпечатки на сосудах достаточно информативным источником по изучению древнего текстильного производства. Специфика этой категории источников заключается в том, что исследователям доступны лишь ткани, которые использовались в керамическом производстве, зачастую низкого качества или поврежденные. Перспективы исследования лежат в сравнительном изучении отпечатков отдельных памятников синташтинской, петровской и алакульской культур Южного Зауралья.

*Научные руководители: д-р ист. наук, проф. Н. Б. Виноградов;
И. П. Алаева.*

Список литературы

Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. – 362 с.

Виноградов Н. Б., Мухина М. А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: межвуз. сб. – Куйбышев: КуйбГУ, 1985. – С. 79 – 84.

Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). – Тобольск: ТГПИ, 1992. – 130 с.

Орфинская О. В., Голиков В. П., Шишлина Н. И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей: труды государственного исторического музея. – М.: ГИМ, 1999. – Вып. 109. – С. 58 – 184.

Чернай И. Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита – бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб. – Челябинск: Изд. Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1985. – С. 93 – 110.

УДК 903.2,,638.3”(315)

Кюджин Пак

Новосибирский государственный университет

Культура раннего железного века фэнлинь на северо-востоке Китая и племена уцзи¹

В китайской историографии принято делить племена северо-востока Китая на три большие группы – дунху, вэймо, сушэни. Племена уцзи, впервые упоминающиеся в «Вэй шу», и китайскими, и корейскими исследователями признаются потомками сушэней и локализуются на равнине Саньцзян (междуречье Амура, Уссури, Сунгари). Выстраива-

¹ Работа выполнена в рамках интеграционного совместного проекта СО РАН и ДВО РАН № 39.

ется следующая генеалогическая цепочка тунгусо-маньчжур: сушэни, илоу, уцзи, мохэ, затем государство Цзинь чжурчжэней и далее империя Цин маньчжуров. Учитывая, что племена сушэней граничили с племенами вэймо, которые были одним из слагаемых корейского этноса, между ними, вероятно, были довольно близкие контакты.

В настоящее время существует научная проблема соотнесения племен уцзи с конкретными археологическими культурами, выделенными на территории северо-востока Китая. На данный момент на территории равнины Саньцзян выделяют следующие археологические культуры: польце – ваньяньхэ, гуньтулин, фэнлинь, тунжэнь. Некоторые ученые предполагают, что культура тунжэнь соотносится с племенами хэйшуй-мохэ. Вышеупомянутые культуры укладываются в следующие хронологические рамки: польце – ваньяньхэ, гуньтулин в промежуток между II в. до н. э. и II в. н. э.; фэнлинь – II в. до н. э. и IV в. н. э.; тунжэнь – IV–VII вв. н. э. Памятники культуры фэнлинь и гуньтулин открыты в бассейне р. Цисинхэ. Памятники польце – ваньяньхэ, а затем и культуры тунжэнь встречаются в равнинных местах среднего Приамурья и в нижнем течении р. Сунгари.

Некоторые исследователи соотносят культуру фэнлинь с племенами уцзи. Опорный памятник этой культуры – городище Фэнлинь, раскопки на котором проводились в 1998 г. На исследованных памятниках культуры фэнлинь нередко отмечается такая стратиграфическая ситуация, когда слой этой культуры подстилается горизонтами культуры гуньтулин. Памятники культуры фэнлинь концентрируются в бассейне р. Цисинхэ, на востоке ареал их распространения достигает р. Уссури, на юге ограничен уездами Хуанань и Баоцин провинция Хэйлуцзян, на западе – горами Чжангуанцайлин, на севере – р. Сунгари [Памятники культуры ... , 2004].

Типичные памятники культуры фэнлинь, как и культуры гуньтулин, – городища. Но в отличие от гуньтулин на городищах фэнлинь имелись караульные башни, защитные укрытия на стенах. Также у этих городищ в целях более надежной обороны либо отсутствовали ворота, либо сооружались только одни. Котлованы жилищ в плане подквадратные с округлыми углами. Для того времени был характерен процесс увеличения площади жилищ. Средняя площадь жилища колебалась в пределах 50 м². Большие жилища достигали несколько большей площади. В углах котлована и в его центре имелись ямки для столбов несущей конструкции. Отопительное сооружение располагалось в центре жилища несколько выше уровня пола, вероятно, на нем же и готовили пищу. Некоторые жилища, их немного и встречаются они только на городище Фэнлинь, обогревались с помощью теплотехнической конструкции типа обогреваемого пола, каналы которого шли вдоль стенок и в плане напоминают букву «Г».

Керамика культуры фэнлинь в основном изготовлена из теста с большим содержанием песка. Её черепок чаще всего темно-коричневого, серовато-коричневого цвета, реже встречается краснощеная и черного цвета. По большей части керамика не орнаментирована. Отдельные сосуды орнаментированы волнистым или геометрическим узором, который, по всей видимости, наносился палочкой. Дно сосудов плоское, хотя имеются сосуды с выступами-ножками. Типы сосудов – баночные, вазообразные, чашеобразные с вытянутой придонной частью, сосуды для приготовления пищи на пару с дырками на дне. Отличительной особенностью керамики фэнлинь считается наличие сосудов с рогаобразными ручками [Тянь Хэ, 2004].

Датирование культуры фэнлинь II – V вв. н. э. согласуется с данными радиоуглеродного анализа угля из городища Фэнлинь: 1735 ± 89 лет назад [Чжан Гоцян, Хо Дунфэн, Хуа Ян, 2006].

Культура фэнлинь вобрала в себя многое из культур, которые ее окружали. Она пришла на смену культуре гуньтулин. Если не брать во внимание некоторые особенности конструкций фортификационных сооружений по сути насельники фэнлинь продолжа-

ли использовать городища культуры гуньтулин. Аналогична технология строительства жилищ. То же можно сказать и про керамику. Мастера фэнлинь продолжали использовать те же рецептуры и типы керамики.

Главное, что отличает материальную культуру комплексов фэнлинь от культуры гуньтулин, – это обогреваемый пол в жилищах, чашевидные сосуды с вытянутой придонной частью, сосуды для приготовления пищи на пару с большим количеством отверстий на дне. Все это, как предполагают исследователи, было заимствовано из кроуновской культуры [Ли Джонсу, 2011].

Племена уцзи впервые упоминаются в исторических источниках как раз тогда, когда существовала культура фэнлинь (II–V вв. н. э.). Согласно записи в «Вэй шу» во времена правления императора Сяовэнь-ди династии Северная Вэй в 475 г. ко двору прибыло посольство уцзи, это первое упоминание об уцзи в китайских летописях. Последнее связано уже с династией Северная Ци, когда уцзи пришли с данью в 572 г.

Некоторые исследователи предполагают, что уцзи локализовались на территории уезда Фууй (провинция Цзилинь), в районе г. Харбин, в бассейне р. Лалиньхэ, в уезде Илань (провинция Хэйлуцзян). Но все эти предположения основываются на приведенном в «Вэй шу» описании пути из земель уцзи ко двору Северной Вэй. В действительности же на данной территории в указанный период времени не находится следов пребывания уцзи. Единственная культура, которая хронологически и территориально совпадает со временем существования племен уцзи, – это фэнлинь, поэтому можно предположить, что именно уцзи оставили памятники культуры фэнлинь. Конечно, это пока лишь предположение, для проверки которого еще недостаточно материала.

*Научные руководители: д-р ист. наук, акад. В. И. Молодин,
канд. ист. наук С. В. Алкин.*

Список литературы

Ли Джонсу. Культуры раннего железного века на территории равнины Саньцзян (Самганпхёнвонджиёк чхогичольгимунхвабай тхыкчингва саёнджиштан пунсок) // Когу-рёбальхээнгу. – 2011. – № 41. – С. 19 – 22 (на кит. яз.).

Памятники культуры фэнлинь в уезде Юи в пров. Хэйлуцзян (Хэйлуцзян юисянь фэнлинь гучэнчжи фацуй) // Каогу. – 2004. – № 12. – С. 17. (на кит. яз.).

Тянь Хэ. Фэнлинь вэньхуа цянъси (Изучение культуры фэнлинь) // Бэйфанвэньбу. – 2004. – № 1. – С. 24 – 29 (на кит. яз.).

Чжан Гоцян, Хо Дунфэн, Хуа Ян. Фэнлинь вэньхуа чуи (К вопросу о культуре фэнлинь) // Бэйфанвэньбу. – 2006. – № 2. – С. 14 – 19 (на кит. яз.).

УДК 903.23(470.54/.56+470.58)

М. С. Петров

Курганский государственный университет

Новые андроновские памятники в Южном Зауралье

Поселение Новониколаевка I находится в Варнинском районе Челябинской области на левом (северном) берегу реки Карталы-Аят. Поселение расположено на первой над-

пойменной террасе, на высоте 1–2,5 м от уреза воды и на удалении 10–15 м, северная часть памятника распаивается. Площадь памятника установлена предварительно и составляет не менее 8100 м². На поверхности поселения прослеживаются восемь впадин овальной формы, размерами 8–10×10–15 м. Впадины располагаются равномерно на протяжении более 0,4 км. Зафиксированные на поверхности впадины развернуты длинными сторонами перпендикулярно руслу реки. В связи с подъемом уровня воды южная часть поселения и большинство жилищ были обводнены. Исходя из опыта изучения жилищ бронзового века Зауралья и Притоболья, основные производственные площадки находятся на межжилищном пространстве и перед выходом, обычно обращенном в сторону водоема. Андроновские поселения в Южном Зауралье, как правило, имеют регулярную застройку, дома ориентированы одинаково и расположены параллельно друг другу [Кузьмина, 1994, с. 70].

Работы по изучению поселения Новониколаевка I проводились в течение полевого сезона 2013 г. За этот период раскопками были охвачены участки на северной периферии поселения при практически полном затоплении основных исследуемых площадок. Благодаря раскопкам исследовано 192 м² площади. Из-за разрушения культурного слоя в связи с интенсивным антропогенным воздействием (глубинная распашка) очертания сооружений были выявлены лишь на материковом (светло-желтом) слое: зафиксировано 32 столбовых ямки, а также очертания ранее не выявленного жилища. Столбовые ямки и часть жилища формируют единый единовременный комплекс, что характеризует поселение как однослойное. Это достаточно редкое явление для Южного Зауралья.

Большая часть столбовых ямок фиксировалась к востоку от жилищной впадины. Планиграфически ямки диаметром 20–40 см заглублены в материк на 10–50 см. Они располагались в четыре ряда, ориентированные по линии север-юг, формируя основу каркасно-столбовой конструкции либо загон для скота.

Подобные хозяйственные сооружения известны и по другим памятникам. Так, на поселении Язево I были обнаружены следы сооружений, которые могли служить хлевом [Потёмкина, 1985, с. 317].

В связи с обводнением грунта исследование вновь выявленного жилища не представлялось возможным на момент проведения раскопок, как и фиксация его южной границы. Очертания жилищной впадины прослеживаются в западной части раскопа на глубине 55 см. Заполнение состоит из темно-серой супеси (увлажненной). В северо-западном углу жилища было зафиксировано скопление находок (площадью более 2 м²), представляющее собой беспорядочный набор фрагментов керамики и остеологического материала. За пределами очертания жилища с северной стороны зафиксировано пять столбовых ямок.

Было принято решение о консервации жилищной впадины ввиду невозможности её изучения в течение одного полевого сезона.

Всего на территории раскопа было обнаружено более 1,3 тыс. находок. Каменные орудия представлены двумя пестами, двумя наковальнями и абразивами. Бронзовые изделия единичны – это однолезвийный нож, обломок серпа и скрепка для сосуда. Особый интерес представляет нож, сделанный из обломка бронзового серпа. Также на поселении были обнаружены четыре изделия из кости: два клыка-амулета, просверленных в основании корня, с прилегающими бороздками – следами крепления, костяное шило и костяное пряслице.

Большая часть находок представлена фрагментами керамических сосудов, характерных для бронзового века. Всего по венчикам и профилированным фрагментам было выделено 242 сосуда, из них 208 орнаментированы в технике гребенчатого и гладкого штампа, 56 сосудов орнаментированы в прореченной технике. Основные орнаменталь-

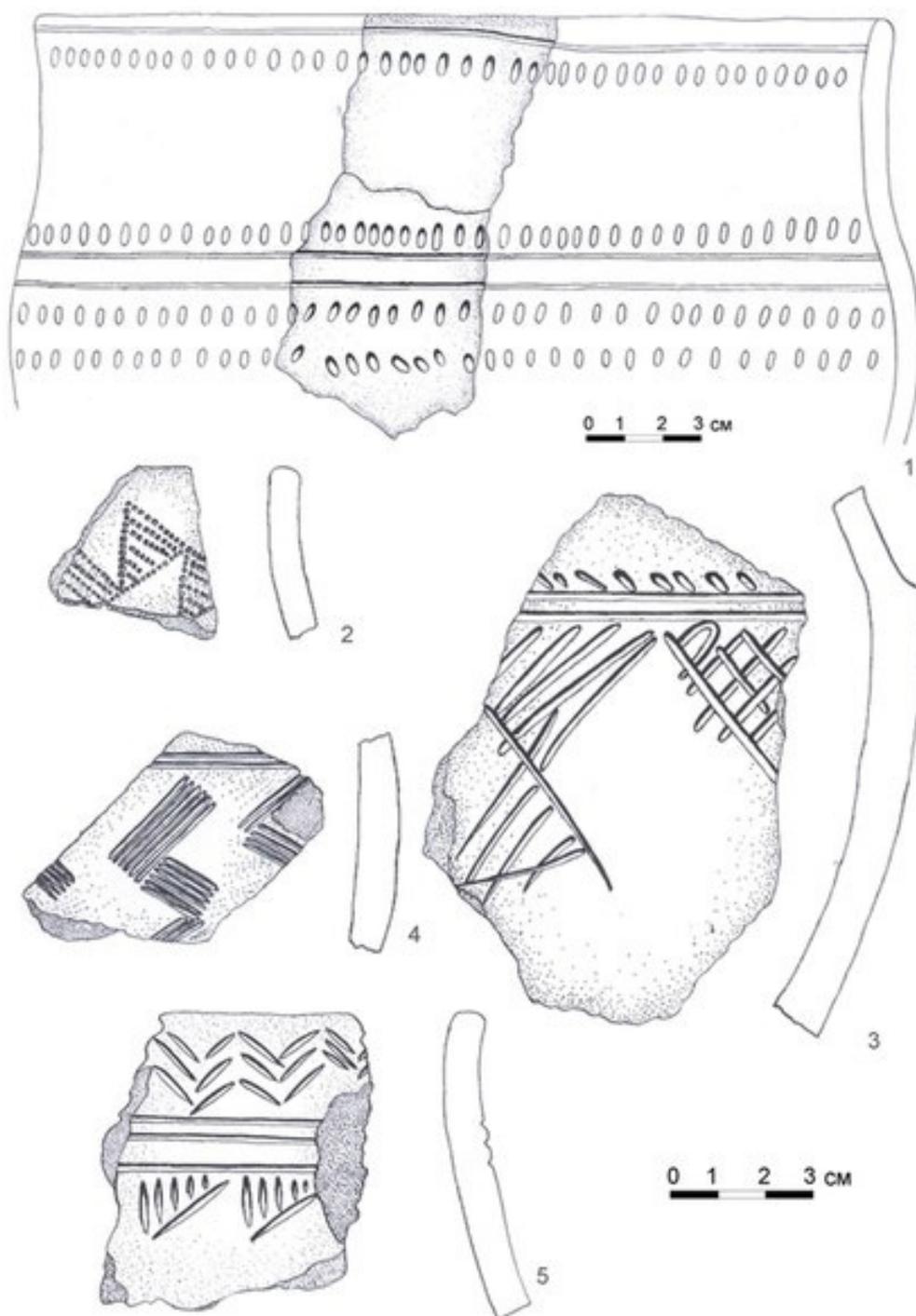

Рис. Керамика поселения Новониколаевка I: 1, 2 – керамика фёдоровского облика;
3–5 – керамика алакульского облика

ные мотивы представлены горизонтальными линиями, треугольниками и зигзагами. Большинство сосудов имеют характерную горшечно-баночную профилировку. По классификации, предложенной Потёмкиной [Потёмкина, 1985, с. 259 – 274], данная керамика может быть отнесена к позднему периоду существования алакульской культуры (рисунок – 3–5) XIV–XIII вв. до н. э. В пользу этого свидетельствует и присутствие среди керамического материала небольшого количества фёдоровской керамики (рисунок – 1, 2).

На многих других поселенческих комплексах данного периода, например на поселении Язево I, фёдоровская керамика находилась в одном слое с алакульской [Потёмкина,

1985, с. 269 – 270]. Керамика со следами влияния алакульской гончарной традиции также была обнаружена на фёдоровском поселении Черёмуховый куст в нижнем Притоболье [Зах, Илюшина, 2010, с. 49].

Такая ситуация характерна не только для поселений, но и для погребальных комплексов. Посуда алакульско-фёдоровского облика была выявлена и при исследовании могильника Урефты I [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 105 – 106]. Алакульская керамика также была встречена и при исследовании фёдоровской группы погребений могильника Лисаковский [Усманова, 2005, с. 139].

Таким образом, данный памятник отражает процесс взаимодействия фёдоровской и алакульской культур в Южном Зауралье.

Научный руководитель – И. К. Новиков.

Список литературы

Зах В. А., Илюшина В. В. Посуда Фёдоровской культуры нижнего Притоболья (по материалам поселения Черёмуховый куст) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2. – С. 42 – 50.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? – М.: МГП «Каина» ВИНТИ РАН, 1994. – 462 с.

Потёмкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I. – Алматы: Taimasprinthouse, 2005. – 232 с.

УДК 903.23(72)

И. А. Плац

Кемеровский государственный университет

К проблеме так называемых глиняных шаров

Раскопки памятников эпохи бронзы Западной Сибири неоднократно давали серию артефактов в виде изделий из глины геометрической формы (в основном шарообразной). В свете новых находок подобного типа на памятнике поздней бронзы Ложка-6 вновь поднимается проблема их интерпретации. Задачи данной работы: охарактеризовать памятник Ложка-6 и коллекцию найденных глиняных изделий; дать обзор аналогичных находок на других памятниках; рассмотреть теории функционального назначения глиняных изделий геометрической формы.

Памятник Ложка-6 расположен в Центральной Барабе (Венгеровский район Новосибирской области) на надпойменной террасе озера Большая Ложка. Памятник открыт в 2008 г. В. В. Бобровым и исследуется Кузбасской археологической экспедицией. Во время полевых сезонов 2010–2013 гг. на поселении раскопано 229 м². В результате исследовано внежилищное пространство с хозяйственными ямами и столбовыми конструкциями, в

2013 г. вскрыта часть жилищного котлована. Памятник Ложка-6 отнесён к пахомовской культуре [Бобров, Моор, 2011, с. 139 – 142].

Особенностью памятника Ложка-6 является большое количество найденных фрагментов обожженной глины (6 557 экз.). Реконструкция этих фрагментов показывает, что первоначально они представляли собой предметы геометрической формы, в основном шары. Фрагменты обожженной глины располагались по всему раскопу, но наибольшее их количество найдено в заполнении ямы № 60 (1 772 экз.) и ямы № 68 (1 398 экз.).

Ямы № 60 и № 68 располагались во внежилищном пространстве на расстоянии 2 м друг от друга. Яма № 60 имела округлую форму в плане и котлообразную в профиле. Размеры – 53×50 см, глубина ямы в материке – 46 см. Заполнение – гумусированная супесь. Кроме фрагментов обожженной глины в заполнении находились 36 фрагментов сосудов и 138 обломков костей животных. Яма № 68 имела округлую форму в плане и корытообразную в профиле. Размеры – 87×83 см, глубина относительно материка – 22 см. Заполнение – гумусированная супесь. В этих ямах найдены наиболее крупные обломки изделий из глины, такие как куб и диск с насечками, цилиндр, шары. Несколько шаров удалось реконструировать полностью. Некоторые из них сплющены, приближаясь по форме к эллипсоидам. Диаметр шаров варьируется от 4,9 см до 7,5 см [Исследования неолита ..., 2013, с. 124 – 132].

Аналогичные предметы встречаются на других памятниках эпохи бронзы Барабинской лесостепи. Глиняные шары, найденные на поселениях кротовской культуры, миниатюрны, а на культовых местах они, наоборот, большего диаметра. Глиняные кубы, диски, цилиндры и пирамидки обнаружены только на культовом месте, поэтому делаются предположения об их культовом назначении [Молодин, 1985, с. 70 – 72]. На ирменских поселениях Барабы обнаружено свыше трёх тысяч обломков и около 20 целых глиняных шаров. В жилище поселения Каргат-6 семь шаров лежали цепочкой в углу жилища. На этом же памятнике обнаружены глиняные диски [Молодин, 1985, с. 129]. На поселении эпохи поздней бронзы Новочекино-3 в Барабинской лесостепи найдены 508 фрагментов обожженной глины. Реконструкция фрагментов показала, что первоначально они представляли собой глиняные шары. Шары ирменской и сузгунской культур интерпретируются в качестве грузил для рыболовных сетей либо как грузы для перевесов, применяемых для ловли водоплавающих птиц [Молодин, 1985, с. 150].

Глиняные шары являлись массовыми находками при раскопках городища Чича (переходное время от бронзы к железу). Встречались два вида шаров – овальные и округлые. Размеры овальных изделий находятся в пределах 9×11 см, округлых – 10–12 см. Варианты обнаружения: в жилищах (в яме или вне ямы), во рвах, зольниках. Глиняные шары Чичи интерпретируются как источник тепла в отопительных конструкциях. Кроме того, не отменялись и вышеописанные теории, а также делалось предположение, что шары могли использоваться в качестве метательного оружия [Марченко, 2009, с. 231 – 244].

На поселениях сабастиновской культуры (эпоха поздней бронзы) Степного Поднепровья встречаются шары диаметром от 2 до 7 см, часть изделий имела продолговато-округлую форму, некоторые предметы напоминали шапку гриба (высота 4 см, диаметр основания 8 см). Варианты обнаружения: в зольниках и у очагов. Исследователи, опираясь на то, где эти предметы были найдены, связали их с земледельческим культом огня, либо домашнего очага [Шарафутдинова, 1982, с. 104 – 105].

Во время раскопок поселения неолита – энеолита Чатал-Хююк найдены глиняные шары диаметром от 1 до 9 см. Встречались шары разных видов: большинство из них правильной формы, также находили яйцеобразные и сплюснутые. Некоторые шары орнаментированы вдавлениями или насечками. Варианты обнаружения: в заполнении

жилищ, в кучах мусора, в ямах, в заполнении могил, в кирпичной кладке. Кроме уже упомянутых теорий исследователи Чатал-Хююка выдвинули предположение, что шары могли использоваться во время приготовления пищи (Suponcic, 1998; URL: http://www.catalhoyuk.com/archive_reports/1998/ar98_16.html).

Ещё более далёкая аналогия – глиняные шары, найденные на поселении Эскалера-аль-Сьело (полуостров Юкатан, 800–950 гг. н. э.), относящиеся к культуре майя. Археологи обнаружили 77 целых шаров и 912 фрагментов размерами 2,5 – 5 см в диаметре. Предположительно, майя использовали шары для приготовления либо разогрева пищи, так как на шарах обнаружены ее микроскопические кусочки (Simms, 2013; URL: http://www.academia.edu/2519396/A_Prehispanic_Maya_Pit_Oven_Microanalysis_of_Fired_Clay_Balls_from_the_Puuc_Region_Yucatan_Mexico).

На наш взгляд, целесообразно выдвинуть ещё две теории назначения глиняных изделий геометрической формы. Во-первых, в качестве игральные принадлежности. Так, в манкале, одной из древнейших игр, распространённых на территории Азии и Африки, используются шары, сделанные из подручных материалов. Игра проводится на доске с лунками, но при отсутствии доски лунки выкапывались прямо в земле. Во-вторых, можно развить теорию о шарах как о метательном оружии и предположить, что шары использовались в качестве снарядов для пращи. Снаряды для пращи часто делались из глины и имели как раз форму эллипсоида диаметром до 7,5 см. Праща использовалась по всему миру с каменного века [Скобелев, 2001, с. 76 – 96]. В таком случае ямы с шарами можно интерпретировать как своеобразный склад для боеприпасов.

Но на текущий момент точно ответить на вопрос о функциональном назначении глиняных изделий геометрической формы не представляется возможным. К тому же маловероятно, что везде данные предметы использовались одинаково.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В. В. Бобров.

Список литературы

Simms S. A. Prehispanic Maya Pit Oven? Microanalysis of Fired Clay Balls from the Puuc Region, Yucatán, Mexico [Электронный ресурс] // Academia.edu [Официальный сайт]. URL: http://www.academia.edu/2519396/A_Prehispanic_Maya_Pit_Oven_Microanalysis_of_Fired_Clay_Balls_from_the_Puuc_Region_Yucatan_Mexico (дата обращения 29.12.13).

Suponcic S. Clay Ball Archive Report 1998 [Электронный ресурс] // Çatalhöyük Research Project. [Официальный сайт]. – URL: http://www.catalhoyuk.com/archive_reports/1998/ar98_16.html (Дата обращения 29.12.13)

Бобров В. В., Моор Н. Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 139 – 142.

Исследования неолита и бронзы в Барабинской лесостепи в 2013 году / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Н. Н. Моор // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2013. – Вып. 5. – С. 124 – 132.

Марченко Ж. В. Глиняные шары // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – Гл. 15. – С. 231 – 244.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1985. – 126 с.

Скобелев Д. А. Праща: снаряды и способы метания в Античности // Para bellum: Дайджест. Военно-исторический журнал. – 2001. – С. 75 – 96.

Шарафутдинова И. Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев: Наукова думка, 1982. – 160 с.

Современные проблемы в изучении пьяноборской культуры на территории Западного Приуралья в раннем железном веке

Изучение археологических памятников раннего железного века в Западном Приуралье имеет долгую историю. Первые находки древностей рубежа эр стали доступны для археологов с конца XIX в. [Агеев, 1992, с. 3]. В 1901 г. А. А. Спицын впервые ввел в научный оборот термин «пьяноборская культура» для постананьинских памятников [Спицын, 1901, с. 7, 50]. В 1930–50 гг. история изучения памятников раннего железного века связана с именами А. В. Шмидта [Шмидт, 1929], М. Г. Худякова [Худяков, 1933], А. П. Смирнова [Смирнов, 1949], Р. Б. Ахмерова [Ахмеров, 1959]. С 1954 г. работает Удмуртская археологическая экспедиция под руководством В. Ф. Генинга, которая проводила планомерное изучение памятников эпохи раннего железного века и раннего Средневековья [Генинг, 1958; 1962]. В 1960–80 гг. начались широкомасштабные охранно-спасательные археологические работы в зоне строительства Нижнекамской ГЭС [Зубов, 2009, с. 255].

В 1992 г. Б. Б. Агеевым впервые был обобщен материал всех пьяноборских могильников. Он отмечал, что «до сих пор нет единого мнения по ряду основных проблем пьяноборской культуры. Остаются спорными вопросы хронологии, территории распространения локальных вариантов культуры и уровня социально-экономического развития ее носителей» [Агеев, 1992, с. 3].

Последующие два десятилетия ознаменовались некоторым спадом в изучении пьяноборской культуры. Общая ситуация в российской науке и в археологии в частности не способствует расширению источниковой базы. За эти годы автору известны раскопки пьяноборских памятников только трех исследователей (Д. Г. Бугров, С. Э. Зубов, Е. М. Черных).

Таким образом, несмотря на более чем вековую историю изучения и наличие обобщающих работ по пьяноборской культуре [Генинг, 1970; Агеев, 1992; Голдина, 1999; Зубов, 2009], проблемы, обозначаемые авторами этих работ, далеки от своего полного решения.

Проблемы хронологизации памятников любой археологической культуры являются первостепенными. В 1933 г. М. Г. Худяков датировал пьяноборскую культуру II в. до н. э. – V в. н. э. Его периодизация в целом была поддержана А. П. Смирновым, с той лишь разницей, что начало первого этапа им датировано III в. до н.э. [Агеев, 1992, с. 4].

В. Ф. Генинг датировал пьяноборскую культуру III в. до н. э. – II в. н. э., объединив памятники III–V вв. в выделенную им новую мазунинскую археологическую культуру. Такая датировка археологической культуры долгое время оставалась доминирующей. В 1970 г. В. Ф. Генинг пьяноборскую культуру, при сохранении всех ее характеристик, переименовал в чегандинскую на основе исследованного им комплекса городища Чеганда I и могильника Чеганда II [Генинг, 1970, с. 8 – 9]. В дальнейшем автор предложил объединить близкие постананьинские культуры под термином «пьяноборская этнокультурная область» [Генинг, 1988, с. 29].

Новые материалы, полученные в ходе исследований 1970–80 гг., позволили Б. Б. Агееву уточнить нижнюю дату пьяноборской культуры и ограничить ее концом II в. до н. э. [Агеев, 1992], что, собственно, не вызвало возражений у В. Ф. Генинга, допуская вероятность «омоложения» культуры на столетие [Генинг, 1988, с. 39].

Ситуация принципиально осложнилась после появления концепции развития культур постананьинского времени, разработанной Р. Д. Голдиной. Она датирует пьяноборскую эпоху III в. до н. э. – V в. н. э. и включает самостоятельные культуры (чегандинская, кара-абызская, худяковская) в бассейнах рек Средней Камы, Вятки, Белой в пьяноборскую общность. При этом мазунинская культура, выделенная в свое время В. Ф. Генингом [Генинг, 1967] и детально изученная Т. И. Останиной [Останина, 1997], рассматривается Р. Д. Голдиной как этап (мазунинский) пьяноборской (чегандинской) культуры [Голдина, 1999, с. 225 – 226].

Таким образом, мы имеем терминологическую путаницу в названии культуры, разнообразие в этапах ее развития, усложненные локальными различиями в материальной культуре. И все это на фоне размытых хронологических схем, применение которых ко всему массиву пьяноборских древностей со всей очевидностью показывает их незавершенный характер.

Помимо этого существует проблема происхождения пьяноборской культуры, которая далека от окончательного разрешения. Существуют две концепции формирования этой культуры. По первой из них, пьяноборское население сложилось на базе ананьинских племен Нижнего Прикамья [Генинг, 1970, с. 173; Генинг, 1988, с. 44]. По другой версии, на раннем этапе в формировании пьяноборской культуры приняли участие раннекара-абызское население Средней Белой и отчасти потомки позднеананьинских племен Нижнего Прикамья [Иванов, 1985, с. 95 – 96; Агеев, 1992, с. 104 – 106]. Однако эти точки зрения являются в определенной мере гипотетическими и далеки от четкой проработки. Некоторые подходы к решению этой проблемы были сформулированы в работе, которая ждет своего издания [Зубов, Саттаров, в печати].

Существует еще ряд локальных проблем и спорных моментов. Исследуя военное дело и вооружение племен пьяноборской и мазунинской культур В. А. Иванов отмечал, что система размещения городищ этого населения выстроена таким образом, чтобы обезопасить себя от набегов сарматов с юга [Иванов, 1984]. Некоторые данные не позволяют столь категорично рассматривать взаимоотношения кочевого и оседлого мира, поскольку мы видим, что в приграничных с сарматами районах пьяноборских укрепленных поселений (городищ) практически нет [Генинг, 1988, рис. 1].

В плане определения хозяйственно-культурного типа вызывает сомнения декларативное утверждение практически всех исследователей о существовании земледелия у населения пьяноборской культуры. Имеющиеся результаты последних исследований пьяноборских городищ Икско-Бельского междуречья позволяют лишь в самых общих чертах определить хозяйство пьяноборского населения. При доминировании развитого животноводства подсобную роль играли охота, рыболовство и, возможно, собирательство. О земледелии говорить, на наш взгляд, пока преждевременно.

Таким образом, проблемы, обозначенные В. Ф. Генингом пятьдесят лет тому назад [Генинг, 1962] и уточненные Б. Б. Агеевым почти четверть века назад, до сих пор далеки от своего разрешения и остаются актуальными по сегодняшний день.

*Научный руководитель – канд. ист. наук, доц.
С. Э. Зубов.*

Список литературы

- Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. – Уфа: БНЦ, 1992. – 140 с.
Ахмеров Р. Б. Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени // СА. – 1959. – №1. – С. 156 – 167.
Генинг В. Ф. Археологическая карта Удмуртии. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 192 с.

Генинг В. Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культур // ВАУ. – Свердловск: УрГУ, 1962. – Вып. 4. – С. 5 – 52.

Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. – Ижевск-Свердловск: УрГУ, 1967. – Вып. 7. – С. 7 – 84.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура III в. до н. э. – II в. н. э. // ВАУ. – Свердловск; Ижевск: УрГУ, 1970. – Вып. 10. – 224 с.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). – М.: Наука, 1988. – 240 с., ил.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. – 464 с.

Зубов С. Э. Пьяноборская культура (II в. до н. э. – перв. пол. III в. н. э.) // История Башкирского народа. – М.: Наука, 2009. – Т. I. – С. 255 – 267.

Зубов С. Э., Саттаров, Р. Р. Глиняная пластика пьяноборских городищ (к проблеме формирования пьяноборской культуры на р. Белой). – В печати.

Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). – М.: Наука, 1984. – 88 с.

Иванов В. А. О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1985. – С. 85 – 99.

Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. – 327 с.

Смирнов А. П. Могильники пьяноборской культуры // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 22 – 32.

Спицын А. А. Древности бассейна рек Оки и Камы // МАР. – СПб.: Типография «Т-ва художественной печати», 1901. – № 25. – 120 с.

Худяков М. Г. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. – Л.: Печатный Двор, 1933. – Вып. 2. – С. 15 – 18.

Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедицией АН СССР // Хозяйство Башкирии. – Уфа, 1929. – № 8–9.

УДК 903.02

Д. В. Селин

Новосибирский государственный университет

Керамика восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1: статистическое исследование

Одной из проблемных археологических культур для эпохи поздней бронзы является пахомовская. Памятники данной общности распространены от Тоболо-Иртышского междуречья до Барабинской лесостепи и включают в себя поселения, могильники и культовые комплексы [Корочкова, 2010, с. 9 – 56; Генофонд мтДНК ..., 2012, с. 63]. Исследователями отмечалась культурная неоднородность пахомовских комплексов [Там же, 2012, с. 67]. Остаются нерешенными вопросы генезиса культуры, хронологических рамок, последствий контактов с аборигенным населением. По материалам раскопок мо-

гильника Старый Сад высказывалось предположение о существовании на территории Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы самостоятельной культурной группы [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95]. В дальнейшем было предложено выделять особый восточный вариант пахомовской культуры, характерный для Барабы [Генофонд мтДНК ..., 2012, с. 63].

На многослойном памятнике Тартас-1 было исследовано 4 культовых объекта, которые включают ряд ям, связанных с обрядовой деятельностью, прокалы, следы бронзолитейной деятельности и, возможно, ряд вторичных захоронений, своеобразных по погребальному обряду и инвентарю [Ритуальные комплексы ..., 2012, с. 234]. При этом не исключено, что они составляют единый обширный культовый комплекс [Культовые комплексы ..., 2013, с. 265]. Рассматриваемые объекты резко отличаются от поселенческих структур находками костей человека в культурном слое, бронзовых наконечников копий, отсутствием очагов, хозяйственных ям, наличием слоев рыбьей чешуи. Однако объекты памятника Тартас-1 несомненно имеют специфику и по сравнению с пахомовскими сакральными объектами Тоболо-Иртышского междуречья, где выделяют:

1. Зольники, которые являются захоронениями большого числа, индивидов, перекрытых слоем золы [Корочкова, 2010, с. 13];
2. Погребения на могильниках или в культурном слое поселений;
3. Надмогильные сооружения [Матвеева, Костомаров, 2009, с. 18 – 20].

На культовых комплексах памятника Тартас-1 найдена представительная коллекция керамики пахомовского типа. Она интересна как в свете изучения культурных процессов, происходивших с населением восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи, так и в свете изучения культовых объектов как особых мест для совершения сакральных, а не профанных действий.

Коллекция насчитывает около 200 фрагментов от не менее чем 46 сосудов (выделены по венчикам). Подавляющее большинство фрагментов декорировано простыми монотонными узорами, на шести зафиксированы геометрические мотивы. Материал сильно фрагментирован, реконструировано 3 сосуда, поэтому судить о пропорциях и формах посуды затруднительно.

Исследование керамики проводилось по сокращенной программе статистической обработки, разработанной В. Ф. Генингом [Генинг, 1973, с. 126]. Помимо этого, нами была отдельно проанализирована керамика, относящаяся к культовым объектам № 1 и № 2 [Ритуальные комплексы ..., 2012, с. 233], как комплексов с наиболее представительными керамическими коллекциями для их последующего сравнения.

Для комплекса № 1 самой распространенной техникой нанесения орнамента является гребенчатый штамп (77 %), которым наносились практически все фиксируемые элементы орнамента. Доля оттисков гладкого штампа составляет 20 %. Самыми распространенными орнаментальными мотивами являются наклонные (41 %) и прямые (19 %) ряды оттисков штампа. Также довольно значительную долю занимают узоры в виде «елочки» (19 %) и ряды каплевидных оттисков (19 %), которые выполнялись гладким орнаментиром. Помимо этого, на горловинах сосудов встречаются ямки (3 %), выполненные круглым штампом, и ряды желобков (3 %), также характерные для пахомовской керамики Тоболо-Иртышского междуречья [Корочкова, 2010, с. 58].

Комплекс № 2 отличается от № 1 как по объему керамической коллекции, так и по разнообразию техник орнаментации и элементов орнамента. Наиболее распространенной техникой является гребенчатый штамп (54 %), а доля оттисков гладкого орнамента составляет до 34 %. Помимо этого, на керамике фиксируются следы использования оттисков струйчатого штампа (11 %), не характерного для комплекса № 1.

Самым распространенным элементом орнамента является «елочка» (29 %). Помимо этого, значительную часть композиции занимают ряды наклонных (20 %) и прямых (8 %) отпечатков штампа. Доля рядов каплевидных вдавлений составляет 11 %, которые так же, как и в комплексе № 1, выполнены оттисками гладкого штампа. Также фиксируются ямки (8 %), выполненные круглым штампом, и ряды желобков (8 %) на горловинах сосудов. Следует отметить наличие рядов треугольных оттисков штампа (7 %) и меандров (4 %).

Таким образом, данные статистического анализа позволяют сделать вывод об отличиях двух представленных керамических комплексов. Это выражается в различном процентном соотношении использованных элементов и техник орнамента при декорировании посуды.

Несмотря на малую выборку и отсутствие полных форм, что затрудняет однозначную интерпретацию полученных данных, следует отметить корректность полученных результатов, которые указывают на различия двух исследованных объектов, несмотря на их однокультурность.

Ближайшие аналогии данных керамических комплексов находят в материалах коллекций пахомовской культуры Тоболо-Иртышья. Это, в первую очередь, памятники Ново-Шадрино VII и Пахомовская Пристань I, для керамики которых характерны все вышеперечисленные признаки. Однако доля изделий, украшенных в андроновидной геометрической манере, в них намного больше [Корочкова, 2010, с. 56 – 60].

Культовым комплексам восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-I можно видеть аналогии на памятнике сузгунской культуры Алексеевка-XXI, где были обнаружены прокалы, не являющиеся очагами, кости птиц и чешуя рыб, лежащие в несколько слоев, а также фрагменты костей человека, найденные не в погребении, а непосредственно в культурном слое объекта [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997, с. 175].

Научный руководитель – канд. ист. наук Л. Н. Мыльникова.

Список литературы

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114 – 137.

Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры / В. И. Молодин [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №4 (52). – С. 62 – 70.

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроновидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралюриздат, 2010. – 103 с.

Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-I / В. И. Молодин [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265 – 269.

Матвеева Н. П., Костомаров В. М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 15 – 25.

Молодин В. И., Нескоров А. В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Моргулановские чтения. 1990: материалы конф. – М.: ИА АН Республики Казахстан, 1992. – Ч. 1. – С. 95 – 97.

Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-I (Обь-Иртышская лесостепь) / В. И. Молодин [и др.] // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231 – 235.

Татаурова Л. В., Полеводов А. В. Труфанов А. Я. Алексеевка-XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОГУ, 1997. – С. 162 – 198.

УДК 903.02

Е. В. Трусова

Кемеровский государственный университет

Керамические комплексы поселения Устье Кожуха-1 (предварительный анализ)

Поселение Устье Кожуха-1 находится на северо-восточных склонах Кузнецкого Алатау, на правом берегу р. Кожух при её впадении в р. Кию. Поселение расположено на террасе, сложенной валунно-галечным пойменным аллювием на ровном участке берега, возвышающемся над уровнем воды на 3–4 м и примыкающем к подножию коренной террасы Кии.

Памятник открыт в 2008 г. сотрудниками ИЭЧ СО РАН. В 2009 г. П. В. Германом были проведены небольшие разведочные работы [Герман, Савельева, 2010, с. 132]. В 2010–2012 гг. поселение исследовалось совместным отрядом ИЭЧ СО РАН – КемГУ (руководители: И. В. Ковтун, С. В. Баштанник, А. В. Фрибус, В. Н. Жаронкин). К настоящему времени исследовано более 350 кв. м площади памятника.

В силу сложной геоморфологической ситуации на памятнике отсутствует четкая стратиграфия. По всей видимости, терраса периодически подвергалась воздействию наводнений, связанных с резким подъемом уровня реки и мощных ледоходов. Следов каких-либо конструкций также не обнаружено.

В течение двух полевых сезонов на поселении обнаружено более 2000 артефактов. Находки представлены в основном изделиями из камня: скребки, абразивы, песты, грузило, разнотипные наконечники стрел, ножи, а также обломки и заготовки каменных орудий. Присутствуют отходы каменной индустрии: многочисленные отщепы, пластинчатые отщепы, мелкие чешуйки. Найдены свидетельства знакомства с металлургией – шлак и медные сплески. Практически отсутствуют орудия из кости и остеологический материал.

Основная масса находок представлена керамикой. Поэтому анализ керамического комплекса способен помочь в интерпретации культурной принадлежности и хронологии поселения Устье Кожуха-1. Анализ орнаментальных композиций и техники нанесения орнамента позволяет выделить несколько групп.

1-я группа представлена фрагментами, орнаментированными в технике движущейся гребенки, включает в себя развал сосуда (37 фрагментов). Сосуд тонкостенный, реконструируемый диаметр по венчику – 30 см. Венчик прямой, под ним ряд овальных ямочных вдавлений, образующих на внутренней стороне «жемчужины». По венчику нанесены косые насечки. Под венчиком проходит полоса слабо пропечатанной «шагающей» шестизубой гребенки. От нее опускаются вертикальные «колонны» шести-, семизубой

«проташенной» гребенки. Орнаментальная композиция сводится к последовательному чередованию «колонн» и неорнаментированных зон. Орнаментальная схема и технические особенности нанесения орнамента находят аналогии в керамическом комплексе поселения Самусь IV, а также могут быть сопоставлены с керамикой степановского типа [Глушков 1990, с. 68; Самусьское время ... , 2011, с. 105].

2-я группа представлена фрагментами, орнаментированными в гребенчато-ямочной технике. Присутствуют фрагменты керамики, принадлежащие к одним и тем же сосудам. Простота орнаментальной композиции и отсутствие геометрических элементов позволяют относить такую керамику к раннему и развитому этапам существования гребенчато-ямочной керамики в Западной Сибири, что соответствует эпохе развитой бронзы [Васильев, 1978, с. 3 – 12]. С гребенчато-ямочной керамикой сближаются фрагменты, орнаментированные оттисками гладкого штампа, который образует те же орнаментальные мотивы – горизонтальная «ёлочка», горизонтальные полосы наклонного оттиска этого штампа, разделённые рядами ямок.

3-я группа включает керамику, орнаментированную в накольчатой технике. Представлены фрагменты стенок, придонные части, венчики. Судя по всему, подобная керамика разновременна. Отдельные аналогии можно проследить от эпохи ранней бронзы до переходного периода от бронзового к раннему железному веку [Бобров, 1999, с. 32 – 43, рис. 3].

4-я группа представлена гребенчатой керамикой с геометрическим орнаментом. Фрагменты происходят как минимум от 2 сосудов. Основной мотив – заштрихованные треугольники вершинами вверх (либо обращенные вершинами друг к другу). Под краем венчика располагаются ямки или наколы лопаточкой. По комплексу признаков подобная керамика может быть отнесена к кругу андроновидных культур.

5-я группа выделена условно и представлена фрагментами венчика с геометрическим орнаментом, выполненным в прочерченной технике. Композиция дополняется тремя каннелюрами и зигзагообразной полосой под ними. Поверх нижнего каннелюра нанесены ямочные вдавления. Аналогии имеются в керамике самусьской культуры.

6-я группа представлена тремя фрагментами. Единственным орнаментальным мотивом является линия ямок под венчиком. Аналогии подобной керамике имеются в керамических комплексах культур раннего железного века лесостепной зоны Западной Сибири.

Проведенный предварительный анализ керамического комплекса показывает, что на поселении Устье Кожуха-1 представлены различные культурно-хронологические пласты от эпохи ранней бронзы до раннего железного века. При этом большая часть материала представлена разнотипной ямочно-гребенчатой керамикой, относящейся к эпохе бронзы. Особый интерес вызывают находки сосудов, имеющих аналогии в керамике группы Б поселения Самусь IV и сопоставимой с ней степановской традицией. На сегодняшний день материалы самусьского круга известны на территории Кузнецкой котловины, но они крайне немногочисленны. В частности это погребение на оз. Утинка в бассейне р. Кии [Бобров, Волков, Герман, 2010, с. 178 – 183]. Не менее важны и находки андроновидной керамики, сделанные в несвойственной для андроновидных культур экологической нише – горно-таежных районах Кузнецкого Алатау.

Научный руководитель – канд. ист. наук А. В. Фрибус.

Список литературы

Бобров В. В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 32 – 43.

Бобров В. В., Волков П. В., Герман П. В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4. – С. 178 – 183.

Васильев Е. А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 3 – 12.

Герман П. В., Савельева А. С. Новые материалы эпохи бронзы северных предгорий Кузнецкого Алатау // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археологических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 131 – 133.

Глушков И. Г. Технологическая гончарная традиция как индикатор этнокультурных процессов (на примере керамических комплексов доандроновской бронзы) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 68 – 75.

Самусьское время Устья Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-альмагалитовый» путь / И. В. Ковтун [и др.] // Историко-культурное наследие Кузбасса. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 104 – 113.

УДК 903.05

С. В. Фёдоров, С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов
Иркутский государственный университет

Погребение со стоянки имени Генералова на реке Чуне

Объект археологического наследия (ОАН) «Стоянка им. Генералова» был открыт в 2009 г. при проведении археологического обследования территории под строительство магистрального нефтепровода Кучеткан – Тайшет [Архив СООКН. № 1336/н.].

Объект расположен в северо-западной части Тайшетского района Иркутской области возле административной границы с Красноярским краем на правом берегу р. Чуны в 2,8 км вверх по течению от устья ручья Сосновка.

В 2013 г. в связи с началом строительства нефтепровода через р. Чуну были проведены спасательные раскопочные работы.

Археологический материал включен в верхнюю часть толщи голоценового возраста. Выделено 4 культурных горизонта: 1 – ранний железный век – средневековье; 2 – поздний неолит – бронзовый век; 3 – неолит; 4 – ранний неолит.

В раскопе 1 было выявлено погребение. Могильная яма овальной формы хорошо выделялась на фоне окружающих отложений своим ярким красным цветом. Она проявилась на глубине 0,10–0,15 м на уровне второго культурного горизонта. Надмогильные и внутремогильные конструкции не зафиксированы.

Длина могильной ямы составляет 1,68 м; ширина по центру – 0,57 м. Ориентирована яма по линии восток–северо-восток – запад–юго-запад параллельно р. Чуне, Аз=70°. Заполнение могильной ямы интенсивно окрашено охрой. Наиболее высокая интенсивность окраски прослеживается в средней части заполнения могильной ямы. Кровля заполнения ямы и ее донная часть прокрашены слабее.

Глубина могильной ямы – 0,50–0,60 м. В заполнении могильной ямы на глубине 0,25 м найден скребок на крупном сколе мелкозернистого кварцита и проксимальный фрагмент призматической пластины из того же субстрата. Выпуклый дорсальный фас скребка покрыт ретушью. Рабочий край полукруглой в дистальном окончании и пологий

по маргиналам, фиксируется практически по всему периметру изделия, за исключением талона. Лезвие оформлено субпараллельной ретушью. Размеры изделия 6,6×1,2×4,3 см.

Остатки погребенного и сопровождающий погребальный инвентарь проявились на глубине 0,30–0,50 м. Кости скелета почти не сохранились. Присутствуют только отдельные фрагменты затылочной части черепа, мелкие кости посткраниального скелета (скорее всего, кисти рук) и кальцинированные следы от костей. Вероятно, умерший был положен в горизонтальном положении, головой ориентирован на северо-восток. В районе местоположения черепа видны кальцинированные следы костного материала. Здесь же зафиксированы четыре зуба плохой сохранности.

За головой погребенного зафиксирован целый керамический сосуд, перевернутый вверх дном, декорированный отступающей лопаточкой. Сосуд простой, открытой формы. Высота – 14 см, диаметр – 16 см. Тесто плотное, с невысоким содержанием песка и дресвы. Толщина стенок – 0,3–0,4 см. Венчик приостренный, симметричный, орнаментирован по краям двумя продольными линиями отступающей лопатки. Сосуд декорирован полностью, включая дно. Орнамент представляет собой сложную композицию, составленную из линейных мотивов. В зоне венчика – три горизонтальные линии отступающей лопатки. Первая и вторая линии (сверху вниз) разделены горизонтальным рядом отдельно поставленных оттисков фигурного стека. Ниже располагается две зоны, заполненные парными короткими диагональными линиями отступающей лопатки. Зоны разделены двумя горизонтальными линиями отступающей лопатки. Придонная часть и дно декорированы девятью аналогичными горизонтальными линиями. Сосуд был полностью заполнен интенсивно окрашенным охрой песком.

В районе черепа в 2,5 см юго-западнее от зубов находился медиальный фрагмент призматической пластины из мелкозернистого кварцита.

В центральной части ямы в районе предполагаемой грудной клетки располагалось тесло, а в районе поясничных позвонков – нож. Тесло выполнено на тонкой аргиллитовой плитке. Трапезиевидное в плане, прямоугольное в сечении, с выпуклым рабочим краем и острым специально неоформленным обушком. Одна боковая грань обработана отвесной ретушью, вторая специально не обрабатывалась, покрыта коркой субстрата. Лезвие подготовлено краевой ретушью с фаса и арьерфаса. Размеры изделия 8,7×0,8 см. Ширина лезвия 3,8 см, обуха – 2 см.

Двухлезвийный нож шлифован с двух сторон. Одно лезвие выпуклое с зашлифованными отдельными негативами и несет следы залощенности, второе – вогнутое, с более крутой степенью заточки. Длина ножа 6 см, толщина – 0,4 см.

В 6 см на юго-запад по отношению к ножу находилась маленькая кубовидная галечка без следов обработки.

В северо-западном секторе могильной ямы ближе к северной стенке в районе предполагаемой верхней части бедренной кости находилось два наконечника стрел листовидной формы, расположенных в одну линию друг за другом. Они уложены параллельно бортам могильной ямы и, видимо, телу погребенного.

Первый наконечник стрелы вытянутой листовидной формы. Насад вытянутый, симметрично сужается к прямой базе. Фасы слегка выпуклые, оформлены диагональной параллельной ретушью. Длина – 5,6 см, толщина – 0,3 см.

Второй наконечник из кварцита листовидной формы более коротких пропорций, чем первый. Насад аналогичный – постепенное сужение, заканчивающееся прямой базой. Длина – 3,2 см, толщина – 0,3 см.

Особенностью культурных комплексов этого объекта является то, что культурные остатки включены в отложения, которые определяются как дерново-подзолистая почва. Эти почвы обладают кислой и сильнокислой реакцией (рН 3,3–5,5). Такие геохимические

условия не способствуют сохранению любого костного материала, поскольку в них происходит полное разрушение коллагена. Поэтому в культурных горизонтах, как и в погребении на площади раскопа 1, практически полностью отсутствует костный материал и изделия из кости.

Сосуд из погребения является уникальной находкой, так как подобные сосуды в захоронениях юга Средней Сибири пока не известны. Типологически он близок керамике усть-бельского типа. Сходство проявляется в форме, технике декорирования (отступающая лопатка) и композиции орнамента (сложное сочетание зон из линейных мотивов). Однако есть отличие, которое заключается в отсутствии горизонтального ряда ямок в зоне венчика.

Каменный инвентарь имеет некоторые аналогии в памятниках серовской культуры Прибайкалья и в погребениях позднего неолита Северного Приангарья. Например, шлифованный нож очень близок с изделием из погребения № 2 Серовского могильника [Окладников, 1950, с. 194]. Тесло также схоже с подобными изделиями серовского времени. Листовидная форма наконечников стрел нехарактерна для позднего неолита – раннего бронзового века Прибайкалья. Такие наконечники встречаются наравне с подтреугольными формами в погребениях и на местонахождениях Северного Приангарья. В то же время речная ориентировка является характерной для погребений исаковской, серовской и глазковской культур.

К сожалению, практически полное отсутствие остеологических остатков лишает нас возможности установить такой важный элемент погребального обряда, как положение умершего в могильной яме, что затрудняет определение его культурной принадлежности.

В целом учитывая неоднозначный характер элементов погребального обряда, сопроводительный материал, данные стратиграфии, а также географическое положение, можно датировать данное захоронение концом неолита – началом бронзового века (конец III – начало II тыс. до н. э).

Научные руководители: Д. Н. Лохов, А. А. Тютрин.

Список источников и литературы

Дзюбас С. А. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологическое обследование территории прохождения объекта «Система магистральных нефтепроводов Юрубчено-Тохомское месторождение (ЮТМ) – Тайшет. Магистральный нефтепровод Кучеткан-Тайшет» в границах Тайшетского района Иркутской области» // Архив СООКН. Иркутск, 2009. № 1336/н. Ч. 1. 323 л.; Ч. 2. 360 л.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 18. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 325.1.,653''

О. С. Абакумова

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

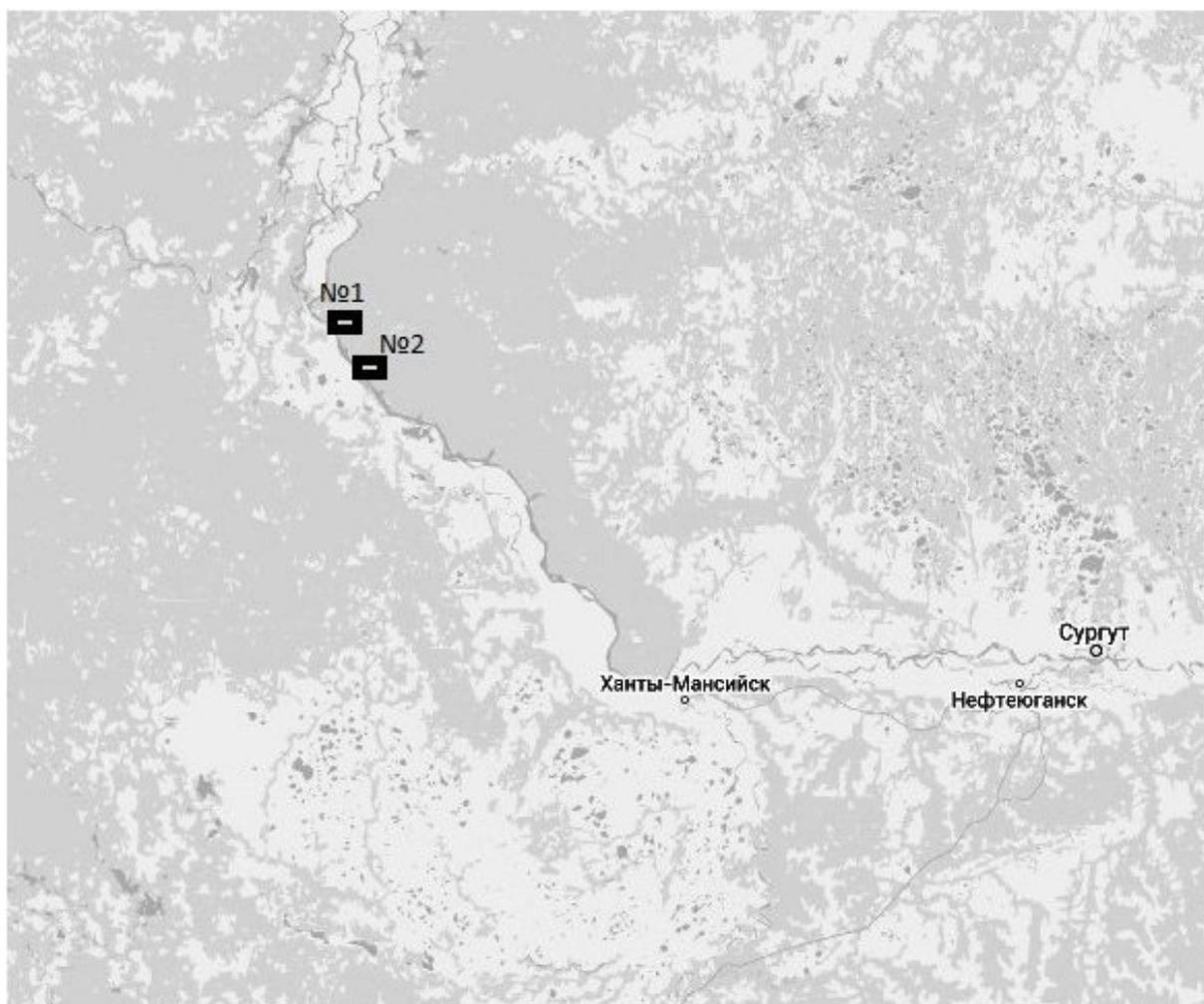
К вопросу миграции приуральского населения в Нижнее Приобье в средние века

История изучения остяко-вогульских (или угорских) княжеств севера Западной Сибири насчитывает не одно десятилетие. Этот феномен привлекает внимание не только историков, но и этнографов и археологов. Однако до сих пор не ослабевают дискуссии относительно этнической принадлежности средневековых городищ XV–XVI вв. таежного Приобья, которые должны быть связаны с этими раннегосударственными образованиями. В настоящее время по обозначенной проблеме оформилось три основных взгляда.

Первая концепция изложена в монографии С. В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.» [Бахрушин, 1935]. Он показал специфику княжеств, особенности их взаимоотношений, а также связей с Московским государством. По мнению историка, раннегосударственные образования принадлежат западно-сибирским абorigенам – остякам и вогулам. Его точка зрения просуществовала безальтернативно до конца XX в.

В 1980-х гг. XX в. обозначился второй подход, изложенный в трудах екатеринбургских археологов С. Г. Пархимовича [Пархимович, 1991] и В. М. Морозова. Его можно определить как миграционный. По мнению специалистов, материалы археологических раскопок, полученные с нижнеобских городищ Перегребное I и Шеркалы I (см. рисунок), свидетельствуют, что оба памятника оставлены приуральцами – предками коми. Основаниями для подобного вывода послужили выявленные особенности архитектуры (печи-каменки, срубные наземные жилища), вещи приуральского облика, а также керамическая посуда необычного для Западной Сибири облика. Она была атрибутирована как вымская, то есть принадлежащая эпонимной археологической культуре, существовавшей в X–XIV вв. н. э. на территории Приуралья [Морозов, Пархимович, 1985, с. 91].

Для аргументации выводов они привлекли данные лингвистики, ссылаясь на работы К. Редее и В. Штайница. Венгерский исследователь выявил более 350 заимствований в лексиконе хантов и манси из языка коми. Немецкий лингвист выделяет коми топонимы в Нижнем Приобье. Они имеют окончания на *-кар*, *-ва*, *-дин*, и их появление на Оби объяснено деятельностью проводников коми при продвижении русских в Западную Сибирь в XV–XVII вв. Эта работа была продолжена Е. И. Овчинниковой, выявившей около 60 топонимов с формантами *-вож*, *-ель*, *-горт*, *-кар*, *-мыльк*, *-ва*, *-ты*. Она отметила, что

*Рис. Карта ХМАО-Югра:
№ 1 – городище Перегребное I; № 2 – городище Шеркалы I*

они не составляют единого плотного ареала, а вкраплены в топонимику аборигенного населения. Появление пермских топонимов на территории Западной Сибири объяснено ею тем, что коми проникли туда раньше русских [Морозов, Пархимович, 1997, с. 22].

Наконец, третья точка зрения на этническую принадлежность средневековых памятников Нижней Оби (городища Перегребное I, Шеркалы I) высказана Е. А. Курлаевым [Курлаев, 1997]. Исследователь полагает, что они оставлены народом, упоминаемым в русских летописях под названием «югра». Под этим термином он рассматривает особую группу приуральского населения, нанесшего поражение дружине воеводы Ядрея в 1193 г. По его мнению, в последующее время это население переселяется за Урал. Причина тому – давление со стороны русских государств (Новгород Великий и Московское княжество) и начавшаяся христианизация приуральского населения. Восточноевропейские мигранты из числа «югры» оседают в Нижнем Приобье, где в 1364 г. их застают новгородские ратники.

Мы склонны разделять мнение С. В. Бахрушина и связываем городища Шеркалы I и Перегребное I с группами таежных угров – остяками и вогулами. Печи-каменки и наземные срубные жилища, которые были найдены на этих городищах, имеют хорошие параллели на другом нижнеобском городище Эмдер, оставленном одной из групп южных хантов. Эти объекты обнаружены в восьмом-девятом строительных горизонтах Эмдера, образование которых относится к XV–XVI вв. [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 35 – 48]. Попадание вещей приуральского облика в Сибирь может быть объяснено обменными

(торговыми?) отношениями после включения региона в систему мировой пушной торговли. Что касается комитопонимов в Нижнем Приобье, то они действительно могут быть объяснены проникновением приуральского населения, которое тем не менее не смогло изменить кардинальным образом этническую карту. Как показывают исследования Г. Ф. Миллера, приуральским названиям всегда сопутствуют определения из языка хантов и манси [Северо-Западная Сибирь ..., 2006].

Резюмируя изложенное, можно сказать, что проблема приуральских миграций в Западную Сибирь пока не решена и требует проведения дальнейших исследований, включая раскопки позднесредневековых памятников.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. Ф. Кокшаров.

Список литературы

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. – 90 с.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с.

Курлаев Е. А. Летописная «Югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Урал. ист. вестн. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – №4. – С. 102 – 117.

Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тысячелетия н. э.) // Западная Сибирь в древности и Средневековье: сб. науч. тр. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1985. – С. 89 – 99.

Морозов В. М., Пархимович С. Г. Миграция древних коми в Нижнее Приобье // Изв. Урал. гос. ун-та. – 1997. – № 7. – С. 44 – 56.

Пархимович С. Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 145 – 156.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2006. – 416 с.

УДК 903.59

О. В. Андреев

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Согнутое рубящее оружие в погребальных памятниках енисейских кыргызов

С середины IX в. до конца X в., в период, получивший в литературе название «эпоха Великодержавия», в погребальной обрядности енисейских кыргызов фиксируются новые элементы, связанные с ритуальной порчей длинноклинкового рубяще-режущего оружия. Большинство из относящихся к этому времени и обнаруженных в результате археологических раскопок палашей и сабель помещались в могилу с преднамеренно согнутыми лезвиями клинков. Существуют разные объяснения этому относительно непродолжительно бытовавшему (150–200 лет) ритуалу: начиная от стремления обезопасить

живущих от оружия умершего или обеспечения «умирания» клинка вместе с хозяином до сугубо практической задачи – сделать громоздкий клинок более удобным для помещения в небольшие по размеру могильные ямы.

Исследование этого семантически насыщенного ритуала связано с системным, комплексным подходом, включающим в себя, наряду с изучением других источников, анализ характера повреждения и контекста находок оружия. В настоящее время известно 17 палашей и сабель, имеющих характерный изгиб клинка, свидетельствующий о преднамеренной и целенаправленной порче оружия.

Одна из первых документально зафиксированных археологических находок была сделана Г. П. Сосновским в 1929 г. В ходе раскопок на могильнике Черновая в кургане 12 была найдена сабля (определение по И. Л. Кызласову), согнутая вдвое. До этого в литературе встречалось мнение, что рубящее оружие редко помещали в могилу воинов. Чаще клали пустые ножны, поэтому в курганах встречаются их металлические детали: обивки низа или петли-пробой для крепления портупей [Кызласов, 1980, с. 145].

Следующие по времени находки были сделаны на могильнике Тора-Тал-Арты в 1954 г. в ходе работы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. В кургане СХ-59-4 было найдено три палаша (по Л. Г. Нечаевой – мечи), два из которых имели характерное повреждение клинка: они были согнуты вдвое [Нечаева, 1966, рис. 2]. По мнению Ю. С. Худякова, полотно деформировано в целях обрядовой порчи оружия. Оба палаша по его классификации относятся к группе II, т. е. к плоским, с обоюдоострым острием. Первый из них отнесен к типу 1 по наличию крестообразного перекрестья. Длина сохранившегося клина – 70 см. Второй отнесен к типу 2, т. е. с ладьевидным перекрестьем. Длина клинка – примерно 70 см.

Еще один согнутый вдвое палаш найден в кургане СХ-59-17 [Нечаева, 1966, с. 134]. Часть клинка обломана вместе с рукоятью, поэтому отнесение его к типу 4 во многом условно [Худяков, 1980, с. 36].

Поврежденный палаш с крайне необычной формой изгиба был обнаружен Р. В. Николаевым в 1961 г. в кургане 9 средневекового могильника близ железнодорожной станции Минусинск. Как отметил автор исследования, основание рукояти «согнуто кольцом», вероятно, под воздействием пламени [Николаев, 1972, с. 201]. Помимо этого на лезвии клинка, недалеко от рукояти, прослеживаются следы небольшого изгиба.

В ходе раскопок в Центральной Туве в 1965 г. в кургане 3 на могильнике Эйлиг-Хем III была обнаружена кыргызская сабля, которую можно отнести к группе I, тип 4 (по Ю. С. Худякову). Длина клинка – 80 см, полотно лезвия согнуто вдвое [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 23].

В 1970 г. в кыргызском кургане на могильнике Демир-Суг I (Тува) был найден поврежденный палаш. Его лезвие оказалось трижды согнутым и во многом благодаря этому на нем сохранились две обоймы ножен в виде пластинчатых колец. По классификации Ю. С. Худякова палаш отнесен к группе II, типу 3, т. е. плоский с обоюдоострым острием и фигурной гардой [Худяков, 1980, с. 37].

Согнутой пополам кыргызский палаш обнаружен в 1974 г. на памятнике Самохвал I в кургане 1 Л. Р. Кызласовым. Клинок прямой, однолезвийный длиной 80 см [Кызласов, 1980, с. 145].

Еще один палаш, из разряда случайных находок, найден на территории Минусинской котловины и отнесен Ю. С. Худяковым к группе I, типу 3. Он однолезвийный, без перекрестья, длина клинка – 80 см. Его отличительной особенностью является то, что он согнут в четырех местах («гармошкой») и, очевидно, был выпрямлен после обнаружения [Худяков, 1980, с. 39].

На территории Шушенского района Красноярского края в ходе раскопок кыргызских памятников новосибирскими археологами было обнаружено два палаша. Один из них –

в погребении по обряду трупосожжения на стороне в кургане могильника Соян-сеё, исследованном в 1987 г. Ю. С. Худяковым у станции Саянская. Длина клинка – примерно 78 см, с обоюдоострой заточкой острия. Клинок свернут в кольцо и согнут в двух местах [Худяков, 1990, с. 16].

Второй палаш был найден на средневековом могильнике Коя 2 у д. Нижняя Коя. Общая длина палаша – 89 см, клинок согнут втрое, на нем сохранились обоймы ножен с кольцами для портупейного ремня [Скобелев, 2006, с. 150 – 176].

В последние годы резко увеличилось число находок длинноклинкового рубяще-режущего оружия, относящихся к разряду случайных, и лишь немногие из них попадают в поле зрения исследователей. Несмотря на то, что предметы из частных коллекций и артефакты рынка подпольного антиквариата не могут рассматриваться в качестве полноценных археологических источников, они также имеют важное значение для статистики количественных и качественных характеристик данного вида вооружения.

В 2010 г. в научный оборот была введена одна из таких частных коллекций длинноклинкового оружия ближнего боя из числа случайных находок с юга Приенисейского края. Она включает в себя восемь экземпляров рубящего оружия, отнесенных к саблям и палашам.

На большинстве клинков заметны следы двух-трех поперечных изгибов, однако классифицировать их форму не представляется возможным. Видимо, они были расправлены уже после извлечения из грунта. Чаще всего на местах изгибов прослеживается разрушение окарины, образовавшейся на лезвиях под воздействием высокой температуры [Скобелев, Рюмшин, 2010, с. 144 – 156].

Знакомство с материалами, отражающими связанный с погребальным обрядом ритуал преднамеренной порчи оружия, указывающего на высокий социальный статус его обладателя в рамках воинской субкультуры енисейских кыргызов, неизбежно приводит к вопросу о содержании этого ритуала. С какой целью он проводился, против кого или на защиту кого направлен, с какими религиозно-мифологическими представлениями связан? Археологические источники, даже такие яркие, как находки в погребальных комплексах преднамеренно согнутого клинкового оружия, не содержат в себе прямого ответа на эти вопросы. Искать их нужно, очевидно, в разных источниках, и в первую очередь в фольклорных и этнографических.

В то же время археологический контекст находок и наблюдения за особенностями деформации оружия позволяют сформировать круг вопросов, направленных на рассмотрение практической стороны этого ритуала, а именно: когда, кем и каким образом были согнуты клинки? На наш взгляд, эти вопросы определяют направление и алгоритм исследования, а ответы на них дают возможность для адекватной реконструкции семантически сложного элемента погребального обряда. Не менее важен и анализ всего комплекса сопроводительного инвентаря из погребений с согнутым оружием [Нечаева, 1966, с. 109]. Находки вместе с рубящим оружием поврежденного конского снаряжения существенно расширяют интерпретационное пространство и дают возможность для разработки социокультурных моделей, отражающих воинскую субкультуру номад конца I тыс. н. э.

Научный руководитель – канд. ист. наук О. А. Митько.

Список литературы

Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – М.: Фонд-Пресс, 1998. – 84 с.

Кызласов И. Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 135 – 164.

Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКАЭЭ. – М.–Л.: Наука, 1966. – Т. II. – С. 108 – 142.

Николаев Р. В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. – 1972. – № 2. – С. 198 – 205.

Скобелев С. Г. Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). – С. 150 – 176.

Скобелев С. Г., Рюмшин М. А. Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем средневековье // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 144 – 154.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю. С. Кыргызский курган Соян-сеё // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990. – С. 103 – 114.

УДК 903.43

Д. А. Бычков

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Экспериментальные исследования конструкции сигнальных кострищ городища Усть-Черная Шилкинской системы городищ

Во время разведочных работ, проводимых Шилкинско-Благовещенским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН в 2012 году близ Усть-Чёрнинского городища, в шурфах на западном и юго-восточном склоне были обнаружены две неопределенные костровые конструкции [Ахметов, Алкин, 2012, с. 160 – 163]. Конструкции представляли собой четыре обугленных бревна, вкопанные в грунт под углом друг другу. Радиоуглеродная датировка конструкции из шурфа на юго-восточном склоне показала дату 1310 ± 70 л. н. (СОАН-8744)¹. В 2013 году были произведены расчеты вероятной видимости светового сигнала и сигнальной конструкции. Результатами стали определение расстояния для эффективной передачи светового сигнала в 8 км ночью и в 20 км днем, определение длины жердей в 130 см [Суворова, Вебер, 2013, с. 261 – 263].

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью более глубоких исследований в связи с верификацией гипотезы о существовании системы визуальной коммуникации между городищами Шилкинской системы. Кроме того, это исследование должно способствовать поиску аналогичных следов на других археологических памятниках.

Цель – определение конструкции сигнального кострища по следам его горения на почве. Метод – эксперимент, соотнесенный с планиграфическим и сравнительным анализом.

¹ Определение канд. геол.-мин. наук Л. А. Орловой, ИГиМ СО РАН.

Эксперименты были разделены на две серии: в ходе первой необходимо было установить конструкцию сигнального кострища, в ходе второй – проверить функциональные возможности полученной конструкции по передаче световых сигналов.

Первая серия экспериментов заключалась в зажжении серии различных вариантов сигнального кострища и в сравнении полученной планиграфии их прокалов с планиграфией найденных костровых конструкций. В прокаленном грунте выделяются отдельные цветовые зоны, расположение и форма которых указывают на определенную костровую конструкцию. Эту закономерность выделил П. В. Волков в ходе проведенных им экспериментов [Волков, 2013, с. 161 – 171]. Сравнение прокалов разных экспериментальных кострищ поможет установить наиболее соответствующее оригинальному кострищу. Данная методика использования планиграфического анализа разработана П. В. Волковым [Волков, 2007].

Вторая серия заключалась в проверке способности данной конструкции передавать светодымовые сигналы. Была уточнена вероятность установления визуального контакта с территорией Чудейское городище (дистанция 2,5 км).

Исходя из объема и температуры горения топливного заряда в костровой конструкции [Шаронов, 1947, с. 26] была вычислена зависимость дистанции, на которой возможна фиксация светового сигнала невооруженным глазом, от погодных условий, количественно отражённых как коэффициент экстинкции.

Результатом стало определение конструкции сигнального кострища как пирамиды с ребрами из четырех жердей (диаметром около 10 см и длиной 130 см). В центре пирамиды находился костер типа «колодец», который являлся основным механизмом подачи сигнала. Полученный план прокала экспериментального кострища данного типа наиболее точно соответствует пространственным параметрам костров, найденных в разведывательных шурфах 2012 года (см. рисунок). Соответствие заключается в схожести форм и расположении интенсивно-светлой и интенсивно-красной зон обоих прокалов. Это также указывает на конструктивные особенности костра: расположение поленьев в кладке, области концентрации топливного

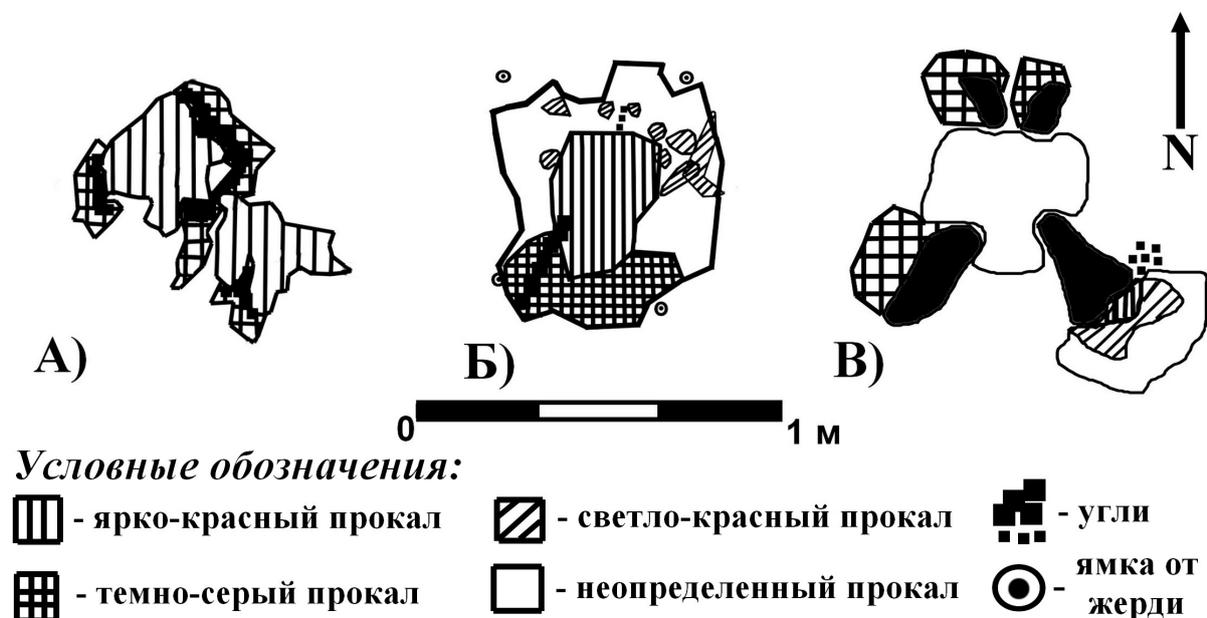

Рис. Сравнение планиграфии прокалов:

А – план костровой конструкции и прокала из шурфа на западном склоне;

Б – план прокала экспериментальной костровой конструкции;

В – план костровой конструкции и прокала из шурфа на юго-восточном склоне

заряда, области с повышенной термической обработкой и даже на направление ветра во время горения. Эффективность данной конструкции была доказана экспериментом второй серии – дымовой столб от кострища на городище Усть-Черная фиксировался наблюдателем на Чудейском городище, на дистанции 2,5 км. В дальнейшем будут рассчитаны коэффициенты экстинкции для определенных погодных условий, что позволит более точно планировать эксперименты по коммуникации.

Проведенные исследования показывают на практике эффективность опытов в совокупности с планиграфическим анализом. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего исследования проблемы существования визуальной коммуникации между городищами Шилкинской системы. Задача экспериментальной археологии заключается не только в верификации гипотез, но и в создании ориентиров, способствующих проведению более эффективные полевые исследования в археологии.

Научный руководитель – д-р ист. наук, доц. П. В. Волков.

Список литературы

Ахметов В. В., Алкин С. В. Разведочные работы в районе Усть-Чёрнинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 160 – 163.

Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 413 с.

Волков П. В. Экспериментальная археология в планиграфических исследованиях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 82 с.

Суворова А. Н., Вебер Е. И. Расчет реконструкций сигнального костра городища Усть-Чёрная Шилкинской системы городищ // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докладов LIII Регион. (IX Всерос. с международн. участием) археол.-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 24–30 марта 2013 г. – Владивосток: Издат. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – С. 261 – 263.

Шаронов В. В. Измерение и расчёт видимости далёких предметов. – М.–Л.: Гос. изд-во тех.-теорет. лит., 1947. – 284 с.

УДК 903.59

А. В. Веренская
*Национальный исследовательский Иркутский
государственный технический университет*

«Престижные вещи» в прибайкальских погребениях конца I тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э.

Погребение как источник археологической информации представляет для исследователей особый интерес. Все вещи, найденные около человеческих останков, как правило, попали в захоронение не случайно и несут дополнительную, подчас весьма

существенную, информационную (утилитарную, семантическую, сакральную, ценностную) нагрузку. Как и в обыденной жизни человека, предметы, находящиеся в захоронении, зачастую имеют различное назначение. Среди них встречаются и те, которые можно отнести к категории «престижных вещей». Под этим словосочетанием понимается наличие таких предметов, которые представляли ценность для определенной группы людей и, как правило, не были широко распространены в районе их проживания. Само понятие «престижность» включает в себя несколько компонентов: это стоимость (ценность) вещи, её модность (популярность), выражающаяся в подражании авторитетам (в своей или инородной среде), а также статусность, определяющаяся представлениями в местной среде о вещах, маркирующих положение человека в обществе (социальная, возрастная, половая и др. иерархии).

Находясь на периферии кочевого мира, Прибайкалье испытывало на себе влияние более могущественных южных соседей, следствием чего стало заимствование целого ряда предметов материальной культуры, в том числе украшений и деталей одежды, которые можно охарактеризовать как престижные вещи. В конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. Байкальский регион попал как под политическое, так и под культурное влияние народа хунну, в искусстве которого значительное место занимали предметы, выполненные в зверином стиле. Ему свойственны орнаментальность, декоративность, устойчивая схематичность и специфические черты изображения. Объектами изображения служат животные, птицы, мифологические существа. На территории Прибайкалья такие предметы обнаружены в бассейнах рек Лены и Ангары, на северо-западном побережье озера Байкал, в Приольхонье, в долине р. Селенги. Типологические корреляции с хуннскими бронзами, по мнению многих исследователей, указывают на культурные контакты обитателей Прибайкалья елгинского времени (III в. до н. э. – IV в. н. э.) с населением хуннской кочевой империи [Харинский, 2004]. К числу наиболее устойчивых культурных заимствований можно отнести детали костюма, мотивы художественного оформления (признаки звериного стиля). Нахождение в погребении вещей, соотносимых с культурой хунну, трактуется как признак высокого социального статуса погребенного [Харинский, 2004; Коростелёв, 2009]. Предметы, соотносимые с культурой хунну, – это в подавляющем большинстве бронзовые (в некоторые случаях покрытые позолотой) орнаментированные пластины, пряжки, бляшки и пуговицы.

Подобные предметы обнаружены при раскопках памятников Цаган-Хушун (5, 18 комплексы), Байкальское VII (2 комплекс), комплекса № 4 на о-ве Осинский и Куркутского комплекса (могила № 4). Пряжки из памятников Цаган-Хушун, Байкальское VII и о-ва Осинского прямоугольной формы, ажурные с решётчатым орнаментом и украшены стилизованными головками грифонов и змей. В комплексе № 18 памятника Цаган-Хушун Пв обнаружена пряжка в виде головы быка или буйвола. Данная категория изделий – поясные пряжки-застёжки являются частью комплекса украшений пояса, традиционно имеющего важное значение в культуре. Пояс подчёркивал возрастное отличие, возмужалость, семейное положение, социальный статус, пояс «защищал» своего владельца [Добжанский, 1990]. Типологически хуннские поясные пряжки, очевидно, были предметами престижного импорта [Харинский, 2004]. В этом качестве они должны указывать на высокий социальный статус погребённых. Высокое качество отливки, по крайней мере некоторых из них, косвенно указывает на их привозное происхождение. Стоит отметить уникальные вещи, не имеющие аналогий на территории распространения «звериного стиля». Это бронзовые пуговицы в виде головы птицы из могильника Байкальское XXVII (Северный Байкал) и бляшка в виде шести голов животных из Приольхонья, памятник Олзонтей VI [Туркин, 2003; Коростелёв, 2009].

Традиционно к вещам престижного статуса относятся предметы, изготовленные с использованием драгоценных металлов. Одно из подобных изделий обнаружено в погребениях № 13 и 35 могильника Черенхын I в Приольхонье, датируемым третьей четвертью I тыс. н. э. [Дашибалов, 2011]. Среди двадцати погребений Черенхына I с практически сходным инвентарем (бронзовые серьги, бусины из стекла и сердолика, железные пряжки, шилья, наконечники стрел, ножи, сосуды и пр.) можно выделить погребение № 13, в котором обнаружена половинка колта из золотой фольги (лежавшей под нижней челюстью, плохо сохранившегося черепа). Еще один колт из серебряной фольги и с большим, чем в остальных погребениях, количеством бусин обнаружен в захоронении № 35. В обоих погребениях находились взрослые люди.

На протяжении I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. огромное культурное, политическое и экономическое влияние на народы Северной и Центральной Азии оказывал Китай. Бронзовые зеркала, обнаруженные в прибайкальских захоронениях первой половины II тыс. н. э., чаще всего являлись копиями китайских или были сделаны под явным влиянием китайских образцов. Их наличие, с одной стороны, подчеркивало значимость и высокую ценность оригинальных китайских зеркал, а с другой стороны – статус человека, владевшего им. В Байкальском регионе самым распространённым типом зеркал является, т. н. D-1, т. е. «зеркало с цветами и травами». [Николаев, Масумото, Кустов, 2008]. Такие зеркала были найдены в погребении Хунгай III-1 в Приольхонье [Харинский, 2001], погребении 1 могильника Тапхар в Западном Забайкалье [Хамзина, 1970], ещё одно зеркало обнаружено Б. Э. Петри [Петри, 1928, рис. 42]. Бронзовые зеркала «с ручками» найдены на западном побережье Байкала в составе сопроводительного инвентаря средневековых захоронений Шида V-2, Хужиртуй III-2, Тооронсин-Ялга I-1 [Горюнова, Пудовкина, 1997; Харинский, 2001; 2008].

Таким образом, в погребальном инвентаре прибайкальских захоронений конца I тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э. встречаются предметы, которые можно отнести к группе «престижных вещей». Критериями, выделяющими их среди других артефактов, являются редкость встречаемости, ценность и редкость материала, из которого они изготовлены, художественная значимость этих предметов. Также можно говорить о «модности» некоторых из них среди населения Прибайкалья в разные исторические периоды. Наличие подобного предмета является признаком самоутверждения их обладателя и повышения его статуса среди остальных членов сообщества.

*Научный руководитель – д-р ист. наук, проф.
А. В. Харинский.*

Список литературы

Горюнова О. И., Пудовкина Е. А. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1995. – С. 154 – 174.

Дашибалов Б. Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – 174 с.

Добжанский, В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: НГУ, 1990. – 164 с.

Коростелев А. М. Хронология и типология изделий, выполненных в зверином стиле, с территории Прибайкалья // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.) – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 177 – 183.

Николаев В. С., Масумото Т., Кустов М. С. Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 175 – 183.

Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. – Иркутск, 1928. – 73 с.

Туркин Г. В. Плиточные могилы пади Олзонтей // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – Вып. 1. – С. 74 – 112.

Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 140 с.

Харинский А. В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. – 238 с.

Харинский А. В. Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 108 – 114.

Харинский А. В. Захоронения в колодах как показатель процесса монголизации Южного Предбайкалья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западносиб. археол.-этнограф. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 214 – 219.

УДК 902.2

В. А. Веселовская, М. С. Кишкурно

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Охранные раскопки городища Ивановское-5 в 2013 г. и проблема его культурной принадлежности

Городище Ивановское-5 расположено у села Чингис (Ордынский район Новосибирской области). Открыто в 1970 г. Т. Н. Троицкой [Ануфриев, 2008, с. 93]. Размеры городища 36×17 м, оно кружено полукруглым рвом и валом и состоит из разрушающихся землянок глубиной до 0,4 м. В 1981 г. памятник был обследован Е. А. Сидоровым, снят план, а в 1983 г. на памятник был составлен паспорт. В 1990 г. данный памятник включен в перечень памятников археологии Новосибирской области, подлежащих государственной охране как памятник местного значения.

Городище расположено на краю надпойменной террасы высотой 11 м, которая в настоящее время размывается водами Обского водохранилища. Значительная часть западин по сравнению с планом 1981 г. обрушилась. Современное состояние памятника аварийное, в связи с чем в 2013 г. проводились его охранно-спасательные раскопки.

На территории, огражденной рвом, на краю обрыва расположены в один ряд 4 полуосыпавшиеся западины – остатки жилищ, 5-е жилище находится за ними в восточном углу городища. За пределами огражденной части памятника выявлены 3 западины. Насыщенность слоя находками очень небольшая. За полевой сезон 2013 г. в культурном слое городища, состоящем из серовато-желтого суглинка, было найдено

257 фрагментов керамики, 71 фрагмент костей животных и 2 каменных орудия, а также разломанный на 2 части железный нож. Толщина слоя 40–60 см. Территория памятника была разбита на 19 квадратов размерами 5×5 м; 6 квадратов, расположенных на краю обрыва, имели меньшую площадь, чем остальные; причиной этому послужило разрушение культурного слоя береговой абразией. Все находки систематизированы по квадратам и хранятся в Научно-производственном центре по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области.

Культурная принадлежность памятника пока с точностью не определена. Поэтому существует проблема возможного отнесения городища Ивановское-5 либо к верхнеобской культуре, либо к кулайской. Керамика, найденная в культурном слое городища, орнаментирована наклонными ямочными насечками округлой, овальной, подтреугольной и подквадратной формы, выполненными в 1–6 горизонтальных рядов, а также «жемчужинами» на внутренней стороне фрагментов. В основном украшена верхняя треть сосудов. Имеются фрагменты, представленные округлыми, приостренными или срезанными внутрь венчиками. Среди 257 фрагментов керамики памятника Ивановское-5 имеются два, орнаментированных горизонтальной «уточкой», что характерно для кулайской культуры. Пять предметов из коллекции городища Ивановское-5 имеет аналогии с керамикой Окунево-9, орнаментированной преимущественно в одной накольчатой технике (крупные овальные, округлые или подтреугольные вдавления) [Татаурова, Толпенко, 1999, с. 178].

Большинство фрагментов керамики городища Ивановское-5 (более 250 экз.) имеют аналогии с материалами городища Сошниково-1, отнесенного к сошниковскому этапу одинцовской культуры (вторая половина IV–первая половина V в.). В орнаментальной композиции сосудов этого памятника использовалось не более двух орнаментальных элементов, один из которых – ямки округлой, овальной, подтреугольной формы, другой – удлиненные овальные вдавления. В случае орнаментации среза венчика на него наносился тот же орнаментальный элемент, что и на тулово. Орнаментальная композиция включает ряд мотивов, наиболее распространенный из которых горизонтальный. Количество орнаментальных строк в композиции варьировало от одного до шести [Молодин, 1978, с. 101].

Таким образом, на основе сравнительного анализа орнаментации керамики городища Ивановского-5, с городищами Окунево-9 и Сошниково-1 можно сделать вывод о большей схожести орнамента керамики городища Ивановское-5 с керамикой городища Сошниково-1. В связи с этим существует вероятность принадлежности памятника Ивановское-5 к сошниковскому этапу одинцовской культуры.

*Научный руководитель – д-р ист. наук, доц.
Л. В. Лбова.*

Список литературы и источников

Ануфриев Д. Е. Отчет об обследовании, инвентаризации и мониторинге объектов археологического наследия в Ордынском, Коченёвском, Колыванском, Мошковском и Венгеровском районах Новосибирской области в 2008 году. Т. I // Архив НПЦ. – Новосибирск, 2008. – 153 с.

Молодин В. И. Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 207 с.

Татаурова Л. В., Толпенко И. В. Саргатская и кулайская культуры: проблемы взаимодействия // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – С. 176 – 180.

Погребения дарасунской культуры могильника Балаганная-1

В VI–IX вв. в степных и лесостепных районах Восточного Забайкалья кочевали тюркоязычные племена байырку (байегу) и токуз-татар. Об этом свидетельствуют китайские хроники и материалы археологических раскопок [Ковычев, 2004, с. 67 – 68]. Кочевники оставили после себя большую группу памятников, объединенных сегодня в дарасунскую археологическую культуру. Она была выделена в начале 1980-х гг. Е. В. Ковычевым после исследований могильников Воробьиная падь, Лукция и Илимка.

К числу таких памятников относятся также два погребения из разновременного могильника в пади Балаганная (№ 4 и 5), раскопанные Верхнеамурской археологической экспедицией в 1982 г. на правом берегу р. Шилки, напротив с. Кибасово [Ковычев, 1983, с. 2 – 7]. Они отличаются друг от друга особенностями погребального обряда и инвентаря, что, несомненно, важно для объемной интерпретации данной культуры.

Погребение № 4. Каменная выкладка прямоугольной формы сложена из небольших камней гнейса в центральной части и крупных плит по краям погребения. Большинство плит лежат плашмя, впритык друг к другу, однако некоторые из камней в центральной части стоят полувертикально, создавая округлую по форме «оградку». Выкладка вытянута по оси ЮЗ – СВ и имеет размер 315×405 см. В центральной части выкладки, ближе к СВ-углу, выявлено небольшое пространство без камней.

В профиле выкладка двухслойная, камни, стоящие полувертикально, уходят в землю на глубину до 55 см. В центральной части мелкие камни постепенно переходят в забутовку могильной ямы, которая имеет вытянуто-овальную форму размерами 160×80 см и ориентацию по линии СВ – ЮЗ.

Костяк человека, плохой сохранности, был обнаружен на глубине 75 см. Он лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на СВ. Длина его в скорченном положении – 155 см. Череп повернут лицевой частью влево; под головой сохранилась каменная плитка-«подушка».

С правой стороны от черепа обнаружена береста – остатки берестяного туеска, стоявшего вертикально и обложенного со стороны туловища небольшими камнями. Туесок был изготовлен из двух широких полос бересты, составленных в два слоя: внутренний и внешний. Внутренний слой бересты располагался вертикально, внешний – горизонтально. На краях бересты были заметны попарно расположенные отверстия: следы сшивания его бортов. Такие же отверстия имелись у днища и служили для скрепления дна с туловом. Рядом с туеском обнаружены железные наконечники стрел (16 шт.), в том числе 2 двурогих срезня с толстыми и полыми внутри костяными втулками, расширенными к основанию. Один наконечник имел широкое лезвие (тип срезня); остальные наконечники отличались утолщенными долотовидными лезвиями с вогнутыми сторонами и подрезанными с противоположных сторон «жальцами». Все наконечники лежали остриями вверх. Под ними частично сохранились фрагменты бересты от колчана, а на черешках наконечников – тонкие полоски бересты от обмотки, до 2 см ширины. Ниже наконечников располагалась тонкая костяная пластинка – обкладка лука. В районе колен сохранились фрагменты железа, а у локтя правой руки обнаружена жертвенная лопатка барана, поверх которой лежал железный черешковый однолезвийный нож.

Погребение № 5. Располагалось в 10 м к СВ от погребения № 4. Каменная выкладка состояла из двух частей, причем в верхней (СЗ) части заметно выделялась округлая каменная кладка, а снизу к ней примыкала разреженная россыпь квадратной формы. Общие размеры выкладки 470×370 см. По сравнению с нижней частью верхняя часть выкладки была сложена камнями более плотно. При этом по периметру круга располагались крупные камни, а в центральной части – мелкие.

Мощность каменной кладки в центральной части около 40 см, по краям – 20–30 см. В забутовке могильной ямы обнаружены фрагменты тонкостенного плоскодонного глиняного горшка и мелкие кости животных, часть из которых была обожжена. В заполнении могилы встречались кусочки древесного угля.

Могильная яма имела овальную форму и была ориентирована по линии В – З. Размеры ее 145×85 см. Костяк был обнаружен на глубине 75–80 см. В отличие от погребения № 4 умерший был похоронен на левом боку, в скорченном положении, головой на В – СВ. Кости плохой сохранности, череп раздроблен. Колени погребенного подтянуты к груди так, что пятки располагались в районе таза. Руки перекрещены на груди, а позвоночник изогнут в верхней части. Длина костяка в скорченном положении – 120 см. В районе таза были найдены небольшие фрагменты железа (возможно ножа). Других находок не обнаружено.

О принадлежности данных погребений к дарасунской культуре (VI–IX вв.) можно судить по ряду характерных черт: выкладки овальной формы, скорченное трупоположение, ориентация погребенных головой на С или СВ. Кроме того, в погребении № 4 сохранились другие атрибуты, присущие памятникам этой культуры: каменная плитка-«подушка» под головой умершего и жертвенная лопатка барана с железным ножом сверху [Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 64 – 65]. Типичны для погребений дарасунской культуры и железные наконечники стрел [Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 168, рис. 79].

Специального антропологического изучения костяков не проводилось, но судя по характерным особенностям строения тазовых костей умерших, а также по находкам в погребении № 4 предметов вооружения и отсутствию таковых в погребении № 5, можно полагать, что мы имеем дело с мужским и женским захоронениями. При этом, учитывая количество инвентаря в могилах и различия в форме трупоположения (на левом или правом боку), позволительно говорить не только о возможной социальной дифференциации местного общества, но может быть и о различиях этнического порядка. Мы обращаем на это внимание потому, что в других могильниках дарасунской культуры женщины, как и мужчины, были похоронены одинаково: на правом боку. Решение данного вопроса, таким образом, выходит на уровень проблем этнокультурной истории края в указанную эпоху.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е. В. Ковычев.

Список литературы и источников

Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 176 с.

Ковычев Е. В. Научный отчет о полевых исследованиях в Шилкинском районе Читинской области в 1982 году // Архив лаборатории археологии ЗабГУ. – Чита, 1983. – 70 с.

Ковычев Е. В. Далекое прошлое Поононья // История и география Оловянинского района. – Чита: Изд-во «Поиск», 2004. – С. 4 – 96.

Подвески в виде протом животных в погребальных памятниках енисейских кыргызов

Культура енисейских кыргызов хронологически следует за таштыкской культурой и занимает в начальный период своего существования практически тот же ареал. Различными исследователями выделяется целый ряд близких черт, прежде всего в области погребальной обрядности, но при этом свидетельства прямой и непосредственной культурной преемственности между предметными комплексами не столь очевидны. Более того, в кыргызских памятниках типа чаатас фиксируется лишь слабое проявление когда-то ярко выраженной и разносторонней таштыкской традиции изготовления вотивных предметов, сопровождавших тела умерших.

Одним из таких проявлений «затухающей» традиции являются бронзовые подвески в виде протом животных. Они относятся к наиболее оригинальной категории погребального инвентаря, но при этом не только не стали предметом комплексного системного анализа, но в отношении их даже не разработана однозначная, общепотребимая терминология [Иващенко, 2012, с. 37].

С. А. Теплоухов, отмечая связь чаатасов с таштыкскими склепами, первым обратил внимания на наличие бронзовых изображений парных протом животных в таштыкских и кыргызских погребениях, описав находку, как «вырезанная медная пластинка с головками медведя и лошади» [Теплоухов, 1929, с. 54]. Подобные предметы, по его мнению, «тесным образом связывают описанные могилы с могилами, заключающими в себе бюстовые маски» (т. е. могилы типа чаатас и таштыкские склепы).

Л. А. Евтюхова в числе схожих черт погребальных обрядов таштыкской культуры и культуры енисейских кыргызов также выделила «отдельные находки в кыргызских могилах пластинчатых накладок-привесок с вырезанными головками животных (лошади или лося)». Она включила в свою сводку четыре памятника, содержащих бронзовые подвески в виде парных протом животных: каменный курган близ с. Батени; Уйбатский чаатаса (две находки, раскопки М. М. Герасимова и С. В. Киселева); в кургане № 1 могильника у с. Тесь («обломок бронзовой пластинки, вырезанной с одной стороны в виде головки животного») [Евтюхова, 1948, с. 11].

С. В. Киселев не дал развернутую характеристику таштыкским подвескам в кыргызских памятниках отметив лишь, что бронзовые пластинки, отлитые или вырезанные в виде плоского «силуэтного» изображения пары головой животных, обращенных в противоположные стороны, являются одной из самых характерных и распространенных находок в таштыкских погребальных склепах. Дав краткий обзор известных на тот период времени находок, он подчеркнул важность того, что «аналогичные пластинки в виде парных головой коньков неоднократно встречены и в кыргызских курганах VII–VIII вв.» [Киселев, 1951, с. 566]. К сожалению, в тот период в публикациях исследователей встречаются досадные разночтения. Так, С. В. Киселев отмечал, что находка подвески в виде протомы животного найдена в кыргызском кургане Уйбатского чаатаса [Киселев, 1951, табл. LIV, 2], а в работе Л. А. Евтюховой она отмечена как происходящая из таштыкской могилы этого же памятника [Евтюхова, 1948, с. 6, рис. 1].

Л. Р. Кызласов, выделивший камешковский переходный этап от таштыкской эпохи к древнехакасскому времени, в числе его характерных особенностей отметил

отсутствие погребальных масок, ритуала сожжения погребальных камер и употребление «бронзовых пластинчатых амулетов с парными конскими головками». В то же время, характеризуя эту распространенную для таштыкских склепов категорию погребального инвентаря, он подчеркнул, что «они все чаще начинают встречаться и в погребениях VI–X вв.» [Кызласов, 1960, с. 151].

В работе Л. Р. Кызласов отмечено пять экземпляров бронзовых подвесок в виде протом животных в кыргызских комплексах. Наиболее ранняя – находка С. А. Теплоухова в 1928 г. С. А. Теплоухов писал, что она была обнаружена на могильнике Гришкин Лог I, который был открыт им в 1925 г. и на котором он исследовал два кургана [Теплоухов, 1929, с. 54]. Однако Л. Р. Кызласов связывает ее с Уйбатским чаатасом. С этого же памятника происходят «бронзовая бляшка с изображением двух конских голов» (раскопки Герасимова, 1936 г.) и одна из двух пластинок «в виде парных головок коньков», обнаруженных С. В. Киселевым (раскопки 1931 г.). Вторая находка С. В. Киселева происходит из средневекового кургана у с. Тесь, исследованного в 1938 г. На Сырском чаатасе Л. Р. Кызласовым в 1955 г. была обнаружена «бронзовая пластинка с вырезанной головкой животного» [Кызласов, 1960, с. 156].

В неопубликованных материалах исследований средневековых археологических памятников в зоне затопления Красноярского водохранилища содержатся сведения о найденных бронзовых подвесках в виде протом животных. Наибольшее количество было зафиксировано в курганах Перевозинского чаатаса. Причем все находки были обнаружены в основных (центральных) погребениях курганов.

В кургане № 1 три обломка бронзовой пластины находились рядом с керамическими сосудами. К сожалению, из текста отчета не ясно, были ли эти «обломки» от одной подвески или же от разных. В кургане № 2 протома выглядела как «бронзовая пластинчатая подвеска грушевидной формы». В кургане № 3 – пластинка в виде голов коней и всадника между ними». В кургане № 6 «в кучке жженных костей погребения № 1 найдена фигурка коня, сделанная из бронзового листа. На спине лошади имеется отверстие для пришивания». В кургане № 68 «под жжеными костями оказалась коньковая подвеска». В кургане № 85 «бронзовая фигурка коня» лежала около разбитого сосуда [Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3535].

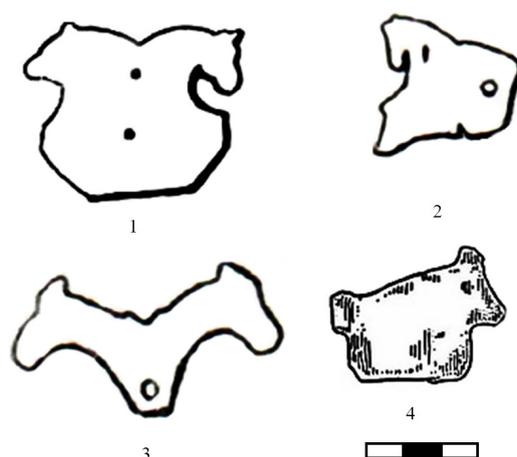

Рис. Подвески в виде бронзовых парных протом животных из кыргызских памятников эпохи чаатас: 1 – могильник Гришкин Лог (Уйбатский чаатас ?) [по: Теплоухов, 1929, табл. II, 26]; 2 – могильник у с. Тесь, курган I [по: Киселев, 1951, табл. LII, 16]; 3 – Уйбатский I чаатас [по: Киселев, 1951, табл. LIV, 2]; 4 – Сырский чаатас [по: Кызласов, 1955, рис. 40, 1] (1–3 – без масштаба)

На чаатасе Гришкин лог II в погребении кургана № 1 среди кальцинированных костей вместе с керамическими сосудами и четырьмя позолоченными бляхами был найден бронзовый «амулет в виде фигурки животного (быка?)». В каменном ящике могилы № 52, приуроченной к кургану № 6, среди кальцинированных костей находилась «бронзовая тонкая пластинка, напоминающая двухголовое животное с головами, обращенными в разные стороны» [Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2201; Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2358].

Таким образом, к настоящему времени в чаатасах подвесок в виде парных протом животных обнаружено в количестве не менее 14 экземпляров. К сожалению, большинство из этих находок не опубликовано, а изображений известно всего четыре (рисунок).

Отмечая такие общие детали, как обряд трупосожжения, конструктивные особенности погребальных сооружений и отдельные предметы сопроводительного инвентаря, исследователи относят таштыкскую культуру на позднем этапе ее развития к раннекыргызской [Савинов, 1984, с. 41]. Поэтому существование бронзовых подвесок в виде протом животных в памятниках кыргызской эпохи не выглядит случайным.

Подвески не имеют утилитарного назначения. Их изготавливали для умерших, связывая с ними определенные представления о смерти и посмертном существовании. Очевидно, что наличие в кыргызских памятниках изображений парных протом животных свидетельствует о длительном сохранении у населения Минусинской котловины традиционной системы символов и образов.

*Научный руководитель – канд. ист. наук
О. А. Митько.*

Список литературы и источников

Зяблин Л. П. Отчет о раскопках чаатаса в Гришкином Логу в 1960 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2201. С. 1 – 27.

Зяблин Л. П. Отчет о раскопках чаатаса в Гришкином Логу около села Сарагаш Богградского района ХАО, проведенных отрядом Красноярской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2358. С. 2 – 18.

Зяблин Л. П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3535. С. 2 – 37.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. – 109 с.

Ивашенко А. В. Бронзовые подвески в памятниках таштыкской культуры: от образа к понятию // Материалы 50-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Археология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2012. – С. 37 – 38.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.

Кызласов Л. Р. Сырский чаатас // СА. – 1955. – Вып. XXIV. – С. 197 – 256.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М.: МГУ, 1960. – 198 с.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: ЛГУ, 1984. – 174 с.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV. Вып. 2 – С. 41 – 62.

Караханидские монеты на территории Синьцзяна

В 960 г. ислам провозглашается государственной религией Караханидов. Спустя полвека караханидское правительство вводит в обращение собственные монеты. Материалом для их чеканки служила медь. Записи на монетах выполнялись на арабском языке. Основной спецификой этих монет являлось следующее: на лицевой части указывался символ веры (калима): «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет сотоварища Ему» или «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха»; на оборотной стороне монет было записано имя хана, например, «Раба Божий Масуд ибн Наср» или «сын Насра Масуд».

Также на караханидских монетах редко указывается дата и место; ввиду этого все выпускные данные определяются по имени хана, при котором они были выпущены. На лицевой части некоторых монет даются круговые легенды; эти записи, как правило, являются панегириками, где иногда содержатся данные о времени и месте выпуска монет.

Регион к югу от Тариимской впадины является основным местом, где были обнаружены клады караханидских монет. Самое большое количество монет содержится в Атушском кладе, который был обнаружен в марте 1980 г. в уезде Атуш недалеко от деревни Суньтакэ. Всего монет 18 000 шт., общая их масса составляет 130 кг.

Китайские исследователи эти атушские монеты делят на 4 типа.

Тип 1. Девяносто пять процентов от всего клада составляют монеты Мухаммеда Арслан хана, на лицевой части которых указан символ веры (калима): «Нет Бога, кроме Аллаха, един Он, нет у Него сотоварища. Мухаммед – посланник Аллаха». На оборотной стороне записано теофорное имя хана – «Мухаммед Арсланхан». О. Прицак и Е. А. Давидович отмечают, что всего в династии Караханидов было 11 ханов, которые носили имя Мухаммед, но данный тип монет был отчеканен при Мухаммеде ибн Йусуфе, который правил в Кашгаре с 1156/57 – 1157/58 гг. Соответственно, можно предположить, что местом выпуска данных монет может являться Кашгар. Основной спецификой монет типа 1 является то, что их форма больше приближена к овалу, чем к кругу. Диаметр составляет 23 мм, средняя масса 6 гр, материалом чеканки является медь. Надписи на лицевой части расположены ровно посередине, на одних монетах имеются кольца, образованные точками, а на других – кольца из сплошной линии. На оборотной стороне слово «Арсланхан» записано строчкой выше слова «Мухаммед».

Тип 2. Монеты Масуда. На лицевой части записан символ веры, и в отличие от первого типа тут же имеется круговая надпись. Круговую надпись можно вычитать только на одной монете под номером 1980 АТ-1. Китайский исследователь Цзян Цисян считает, что слово в кольце можно перевести как «Кашгар», что возможно указывает на место чеканки монеты [Цзян Цисян, 1990, с. 57]. На оборотной стороне присутствует надпись в три строки. Из-за плохой сохранности монет существуют две версии расшифровки этих записей: 1) первая строка – слово «сын», вторая строка не расшифрована, третья строка – имя «Наср»; 2) первая строка не расшифрована, вторая – имя «Масуд», третья – имя «Наср». Часто исследователи, придерживаясь второй версии перевода, данный тип монет называют монетами «Масуда». Они имеют округлую форму, диаметр составляет примерно 27–29 мм, вес – 4,5–5,2 г, датируются началом XI в.

Тип 3. Монеты Тафган хана. Надписи на лицевой части монет данного типа аналогичны записям второго типа. На оборотной стороне указано имя «Сулейман Кадир

Тафгач хан» (на некоторых монетах просто «Сулейман»). Всего 18 шт., также имеется множество обломков от монет. Особенностью монет данного типа является то, что на обеих их частях имеется двойное круговое кольцо: внешнее кольцо образовано из точек, а внутреннее кольцо – сплошной линией. Внутри кольца присутствует надпись в пять рядов. Место чеканки на монетах не указано, но выпущены они были при хане Сулейман ибн Йусуфе, который правил под именем Сулейман Кадир Тафгач хан [Цзян Цисян, 1990, с. 88]. Примерная датировка – конец X – начало XI в.

Тип 4. К этому типу относятся монеты неопределенного происхождения. На одних из них имеются только узоры, на других – только надписи, не поддающиеся расшифровке.

Мы перечислили распространенные типы караханидских монет. Самая ранняя датировка – это конец X – начало XI в. (монеты Сулеймана Кадир Тафгач хана). Официальный указ о выпуске монет в Кашгаре был объявлен в 1010 г. [Давидович, 1968, с. 68]. Монеты Сулеймана начали выпускаться еще до 1032 г. Вполне возможно, что как раз во время его правления в Кашгаре был издан официальный указ. Но все же широкое распространение в регионе получает другой тип монет, а именно монеты Мухаммеда Арсланхана. В каждом из обнаруженных кладов, в определенном регионе присутствует данный тип. Все типы, согласно датировкам по именам ханов, были выпущены на территории Синьцзяна, в основном в Кашгаре.

Самая главная особенность караханидских монет Синьцзяна – это отсутствие выпускных данных. Здесь можно выделить два варианта. В первом варианте вообще отсутствуют какие-либо круговые легенды, а во втором – вместо надписи с выпускными сведениями в легендах прописывается дата и место чеканки.

*Научный руководитель – канд. ист. наук, проф.
С. А. Комиссаров.*

Список литературы

Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки. – 1968. – № 1. – С. 67 – 76.

Цзян Цисян. Синьцзян Калаханьчао Цяньби [蒋其祥. 新疆黑拉汗朝钱币. Караханидские монеты Синьцзяна.] – Синьцзян: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1990. – 251 с.

УДК 903.2,,653”(292.511)

Е. И. Ларионова

Курганский государственный университет

Типология золотоордынских зеркал с территории юга Западной Сибири

Золотоордынский период в истории и археологии лесостепной части Западной Сибири остается малоизученным, поэтому любые новые материалы этой эпохи представляют значительный интерес. В последнее время коллекция находок этого времени пополнилась такой интересной категорией артефактов, как зеркала. В данной работе использовано 8 зеркал, относящихся к XII–XIV (XV) вв., когда южные лесостепи входили в состав улуса Шибана и его наследников.

При проведении исследовательской работы автором была составлена типология зеркал с использованием коллекций Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и археологической лаборатории Курганского государственного университета. В ходе работы был выделен ряд классификационных ступеней: отделы формируются по орнаментальным мотивам как характерной черте, определяющей происхождение зеркала или его прототипа; типы зеркал выделяются по форме: диаметр изделия, тип держателя (ручка, ушко-петля).

Отдел А: С арабской надписью почерком «насах» вокруг центральной орнаментальной розетки

Тип 1. Круглое литое с округлой в сечении ручкой, украшенной поперечными насечками диаметром 8 см, на обороте имеет высокий бортик, украшенный орнаментом в виде витого шнура. В центральной части орнаментального поля, состоящего из ромбов с «шишечками» на пересечении, располагается имитация петельки. Вокруг центральной линии идет полоса имитации арабской надписи, отделенной от бортика линией точечного орнамента. Было найдено осенью 2003 г. в кладе у с. Раскатиха Притобольного района Курганской области. Имеются аналоги такого зеркала из Афганистана и Северной Сирии в коллекциях американских музеев, где их датируют XII–XIII вв. [Маслюженко, Ханов, 2012, с. 76]. Датировать данное зеркало можно второй половиной XIII–XIV вв.

Отдел Б: С орнаментом в виде многолепестковой розетки

Тип 1. Круглое, диаметром 8 см. Края зеркала достаточно неровные, но заглаженные и заполированные. На обороте имеется низкий валикообразный бортик, в центре которого расположено ушко-петля, вокруг – нечеткая двенадцатилепестковая розетка. Было найдено осенью 2003 г. в кладе у с. Раскатиха Притобольного района Курганской области. Зеркала с многолепестковыми розетками относятся к типу Д, их по находкам в золотоордынских городах датируют второй половиной XIII–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 81]. По мнению Л. Ф. Недашковского, подобные зеркала были распространены у кочевников и могут быть наследием зеркал половецкого типа [Недашковский, 2000, с. 76 – 79].

Отдел В: С изображением фигур двух бессмертных

Тип 1. Его реконструируемый диаметр 8,3 см при толщине 1,5 мм, высота бортика 0,4 см, толщина бортика 0,6 см. У этого зеркала предполагалось наличие ручки, но в процессе использования она была сломана, и внизу зеркала было пробито отверстие для дальнейшего использования. Внутреннее поле заполнено геометрическим орнаментом в виде ромбов. Изображение сильно затерто. По центру изображены друг против друга два бессмертных в позе сидя, один из которых либо играет на музыкальном инструменте, либо держит цаплю, а второй держит в руках коралл. Под ними на облаке расположена фигура травоядного парнокопытного. Место находки – Шадринский район Курганской области. Аналог данного зеркала можно обнаружить в монографии Э. В. Шавкунова «Тайны древних зеркал» как зеркало «с единорогом и небожителями». Датировать данное зеркало можно XIII–XIV вв.

Отдел Г: С изображением трех рыб

Тип 1. Бронзовое зеркало было диаметром 8 см, толщиной 1,5 мм с высотой бортика 3 мм. На оборотной стороне в центре располагается ушко толщиной 0,5 см. Ушко является центром стилизованного изображения цветка лотоса, затем на расстоянии около 0,7 см от ушка расположен меандроидный узор, за которым находится полностью орнаментированное поле в виде линий, символизирующих воду. На этом поле изображены три рыбы осетровой породы, «плывущие» друг за другом. Заметны следы брака при отливке. Было обнаружено на поселении Песьяное-1 в Петуховском районе Курганской области. Прямых аналогий нет, однако зеркала с изображением двух рыб хорошо известны

по находкам в Волго-Камье, в районе нижнего течения р. Хопр, в Минусинской котловине и на Дальнем Востоке. Изображения рыб осетровых пород известны в кочевническом погребении золотоордынского времени на северо-востоке Казахстана и в Отраре в слое XIII–XIV вв. [Руденко, 2012, с. 187].

Отдел Д: С изображением божества Большой Медведицы

Тип 1. Круглое, диаметром 9,3 см, с узким и ровным бортиком, предполагается наличие ручки. Орнаментальное поле занято изображением стоящего божества созвездия Большой Медведицы, за ним под персиковым деревом изображен слуга с зонтом. Слева от изображения божества стилизованные облака, летящий аист и черепаха. По краю орнаментальной композиции идет лента из вьющихся растений. Место находки – городище Искер. Аналогичное зеркало было описано в монографии Е. И. Лубо-Лесниченко «Привозные зеркала Минусинской котловины» (URL: <http://kronk.spb.ru/library/lubo-lesnichenko-ei-1975-2.htm>). Датировать это зеркало можно XIII – серединой XIV в.

Отдел Е: С изображением стилизованных цветов лотоса

Тип 1. Круглое, с узким гладким бортиком, с ушком-петлей в центре. Ушко является центром стилизованного изображения лотоса, которое окаймлено ободком. Орнаментальное поле зеркала заполнено стилизованным изображением цветов лотоса. По краю орнаментального поля проходит ободок, за которым следует безорнаментальный пояс. Место находки – городище Искер. Подобные зеркала были обнаружены на территории Минусинской котловины, датируются периодом Сун (IX–XIII вв.). Исследователи датируют городище Искер, на котором было найдено данное зеркало, XV–XVI вв. [Зыков, 2012, с. 151]. Время производства и распространения данного зеркала можно обозначить концом XIII–XV вв.

Отдел Ж: С изображениями танцующих гусей и четырех ваз

Тип 1. Круглое, бортик высокий и узкий. Орнаментальное поле оборотной стороны зеркала заполнено растительным орнаментом, на котором изображаются фигуры птиц и вазы. Вазы ориентированы по сторонам света и обращены своими основаниями к центру зеркала. Танцующие гуси изображаются в парах. Место находки – городище Искер. Датировка зеркала относится к XIII–XV вв.

Отдел З: С изображением «Ал-Бораков»

Тип 1. Фрагмент зеркала с сохранившимся ушком-петлей в центре. На орнаментальном поле изображена фигура сфинкса в геральдической позе, голова сфинкса изображена с «прической» – локонами. По краю зеркала идет надпись на арабском языке, отделенная от орнаментального поля валиком. Так как это фрагмент зеркала, нельзя полностью реконструировать изображение и текст. Скорее всего, это достаточно распространенный сюжет с изображением двух сфинксов, располагающихся на орнаментальном поле спинами друг к другу. Было найдено на городище Искер. Аналогии с данным зеркалом описывает в своей работе К. Л. Руденко, аналогичные зеркала он относил к отделу III. Зеркала с «Ал-Бораками» имеют широкие аналогии с найденными в степях Евразии и средневековых городах Поволжья, в Подонье, Средней Азии, в Минусинской котловине, на Северном Кавказе и в Юго-Западной Азии. Датировать зеркало можно XIII–XV вв.

Таким образом, типология зеркал данного региона позволяет отметить, что металлические зеркала являются важным показателем, характеризующим расширение товарного производства и в целом торговли Золотой Орды. На территории юга Западной Сибири некоторые зеркала представлены копиями, стилизованными под импортные оригиналы. Об этом свидетельствует техника изготовления зеркал путем отливки оттиска с оригинала или изготовления формы по памяти. С помощью типологии можно проследить не только направления торговли Золотой Орды, но и заимствование и перенесение художественных образов в культуру золотоордынского общества. Интерпретация сюжетов

металлических зеркал позволяет изучить мировоззрение, а также религиозную и культурную картину мира человека того периода. При проведении параллелей с другими типологиями можно также понять, что зеркала, найденные в данном регионе, являлись очень дорогим видом товаров и передавались по наследству. Это может подтвердить поздняя датировка зеркал, обнаруженных на исследуемой территории.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Д. Н. Маслюженко.

Список литературы

Зыков А. П. Археологические исследования городища Искер // Урал. истор. вестн. – 2012. – № 3 (36). – С. 145 – 152.

Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири [Электронный ресурс] // URL: <http://kronk.spb.ru/library/lubo-lesnichenko-ei-1975-2.htm> (дата обращения: 10.01.2014).

Маслюженко Д. Н, Ханов С. А. Позднесредневековый «клад» с территории Лесостепного Притоболья. Состав и интерпретация // VI Емельяновские чтения: материалы Всерос. науч. конф. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. – С. 76 – 79.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 224 с.

Руденко К. А. Некоторые вопросы семантики золотоордынских древностей Булгарского улуса Золотой Орды // Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. – С. 178 – 203.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 272 с.

УДК 903.08.653”(282.256.34)

Е. А. Лисина

Сибирский федеральный университет

Браслеты средневекового населения Северного Приангарья

Таежная зона Северного Приангарья является на данный момент одним из исследованных в археологическом отношении районов. В бассейне нижнего течения Ангары проводились масштабные полевые исследования разновременных памятников в рамках спасательных работ, в том числе и в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС. Данные работы позволили получить большой объем материала, который нуждается в обработке и анализе [Сенотрусова, 2013, с. 3].

Одним из памятников, расположенных на территории Северного Приангарья, является ансамбль Шивера Проспихино (куда входят могильник Проспихинская Шивера-IV и стоянка Проспихинская Шивера-II). В ходе его изучения были получены многочисленные материалы, позволяющие рассмотреть вопросы датировки средневековых комплексов, культурных особенностей ангарского населения, а также его взаимодействие с сопредельными территориями.

Целью данной работы является анализ браслетов, найденных при раскопках могильника Проспихинская Шивера-IV и стоянки Проспихинская Шивера-II. В четырех по-

гребениях (№№ 65, 6, 12, 14) некрополя Проспихинская Шивера-IV, выполненных по обряду трупосожжения на стороне, в каждой яме вместе с обломками кальцинированных костей человека и предметами быта и вооружения были найдены металлические пластинчатые браслеты. Еще два браслета были зафиксированы в погребении № 1 на стоянке Проспихинская Шивера-II.

Обнаруженные в ходе полевых исследований браслеты относятся к пластинчатому типу. По материалу, из которого они изготовлены, их можно разделить на две группы: бронзовые и железные.

Три бронзовых браслета близки по оформлению. Браслет из погребения № 65 был сломан и отремонтирован еще в древности. Он представлен двумя половинками, которые скреплялись между собой двумя железными клепками. Обод декорирован двумя вдавленными линиями. На концах браслета изображена композиция из полукругов с лучами. Среди инвентаря погребения № 6 отмечены два бронзовых браслета, один целый, деформированный, второй обломан. Судя по ширине и орнаменту, изделия идентичны. Обруч украшен двумя продольными линиями, концы – четырьмя и пятью дугами с лучами из тонких валиков (возможно, изображение морды зверя).

Железных браслетов всего 2 экземпляра. Первый найден в погребении № 12, он с разомкнутыми не сходящимися концами, орнаментирован четырьмя продольными тонкими валиками. На браслете просматриваются следы окалины, по всей видимости, он побывал в погребальном костре. Второй залегал в погребении № 14, концы браслета оформлены так же как и у предыдущего изделия. Один из концов приостренный, второй – трапециевидный. Браслет украшен двумя продольными желобками и неглубокими насечками по краям, на нем присутствуют следы окалины.

В погребении по обряду трупосожжения на стоянке Проспихинская Шивера-II найдены два пластинчатых браслета различных по материалу и оформлению. Один из железа, сильно деформированный (разогнутый) обруч в трех местах имеет расширения. Плоскость без орнамента, но фиксируется одно продольное ребро. Второй браслет из бронзы, с завернутыми концами. По обручу браслета кружковой чеканкой нанесен растительный спиралевидный орнамент (волютообразный), заключенный между прорезанными продольными линиями.

Наиболее вероятными районами, откуда поступили украшения, является север и юг Западной Сибири [Семенова, 2001, табл. 53; Сенотрусова, Мандрыка, 2013, с. 198] и в меньшей степени Хакасско-Минусинская котловина [Сенотрусова, 2013, с. 20]. Пластинчатые браслеты представлены в славянских материалах, в частности у кривичей псковских, при этом браслеты немногочисленны и датируются X–XI вв. [Седов, 1982, с. 51].

Представленные браслеты из погребений № 6, 12, 14 Проспихинской Шиверы-IV, а также бронзовый браслет из погребения на стоянке Проспихинская Шивера-II имеют аналогии среди изделий Волжской Болгарии [Город... , 1996, с. 179], которая вела активную торговлю с уграми и другими соседними народами, при этом разнообразные бронзовые изделия выступали одной из основных категорий экспорта. География распространения болгарских украшений, как и других изделий болгар, доходит до Приобья и Северного Предуралья [Белавин, 2000, с. 105]. При изучении памятников ансамбля Шивера Проспихино были обнаружены и другие изделия, имеющие аналогии в Волжской Болгарии, а именно бронзовые накладки сердцевидной формы (27 экз.) и 4 наконечника ремней с растительным и геометрическим орнаментами. Данный факт может говорить о некоей тенденции распространения изделий из Волжской Болгарии на территории Северного Приангарья.

Перечисленные браслеты были изготовлены из бронзы, за исключением двух, обнаруженных в погребении № 14 и № 12. По всей вероятности, они изготовлялись в подражание бронзовым, что говорит об определенной местной традиции средневековой

культуры на территории Северного Приангарья [Сенотрусова, 2013, с. 18]. Железные пластинчатые браслеты являются крайне редкими находками на территории Сибири. Браслет, декорированный цепочкой зигзагов, найден в составе клада предметов вооружения на Надымском городке. Автор работ отмечает, что находка датируется не ранее конца XVI в. и является мужским украшением [Кардаш, 2009, с. 143]. Вопрос о конкретной технологии изготовления этих украшений на данный момент не может быть решен однозначно, поскольку орудий для их изготовления обнаружено не было.

Таким образом, можно говорить о том, что ангарские племена развитого и позднего Средневековья обладали широкими культурными контактами, которые приводили к поступлению большого количества вещей, особенно украшений, из других районов Сибири. Бронзовые браслеты могли быть изготовлены в Волжской Болгарии и попасть на территорию Северного Приангарья в качестве предметов импорта из таежных районов Западной Сибири (возможно, Нижнего Приобья) не ранее XI в. Железные же браслеты, по всей вероятности, могли быть изготовлены по бронзовым репликам, что связано с местными традициями.

*Научный консультант – канд. ист. наук, доц. П. В. Мандрыка.
Научный руководитель – П. О. Сенотрусова.*

Список литературы

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.

Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – 300 с.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М: Наука, 1982. – 326 с.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург, Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. – 360 с.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Монгольский компонент в культуре средневекового населения Северного Приангарья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. конф. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 426 – 432.

Сенотрусова П. О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья периода развитого средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013. – 26 с.

УДК 903.5.653''(571.54/.55)

О. А. Макарова

Забайкальский государственный университет

Ритуальное захоронение XII–XIV вв. из Восточного Забайкалья

Раннемонгольская культура представлена на территории Восточного Забайкалья различными археологическими памятниками, среди которых особенно выделяются жи-

лищные и погребальные комплексы. Они располагаются в бассейнах рек Онона и Аргуни (Эргунэ-Кун). Кроме того, на территории края раскопаны жертвенно-поминальные сооружения и кенотафы. В 1985 г. сотрудники Верхнеамурской археологической экспедиции исследовали одно такое уникальное погребение – кенотаф.

Погребение располагалось на мысовидном уступе левого берега р. Онон, напротив с. Чиндант Ононского района, в составе могильника Чиндант-I. Сверху имело каменную кладку овальной формы, вытянутую по линии В – З, размерами 210×150 см. Кладка сложена из мелких и средних плит сланца, уложенных плашмя в 1–2 слоя. На глубине 25–30 см от поверхности были выявлены контуры могильной ямы почти круглой формы диаметром 120 см.

На глубине 40 см, в мощном углистом слое, заполнявшем почти всю поверхность могильной ямы, был обнаружен погребальный инвентарь. У северо-западного края ямы лежал берестяной колчан длиной 45 см, цилиндрической формы, слегка уплощенный с боков, зауженный сверху (10 см) и с расширением в нижней части (13 см). По центру фронтальной части тулова шел разрез с отверстиями от шва. Колчан был ориентирован по линии СВ – ЮЗ. В нижней части колчана находились четыре плоских наконечника стрел из железа, по типу черешковые – все миниатюрных размеров. Они лежали остриями вниз, что указывало на способ их ношения в колчане. К северо-востоку от колчана стояла вертикально установленная кость ноги барана с суставом. Параллельно колчану, ближе к центру ямы, располагался железный однолезвийный нож, по типу черешковый, с остатками деревянной гнили от ручки. Вместе с ножом лежало небольшое железное кресало скобовидной формы, с кусочком кремешка-огнива в центре. Выше рукоятки ножа были найдены два позвонка и лопатка молодого барана.

Центральную часть погребения занимал небольшой округлый щит из кожи, натянутой на деревянный каркас. Деревянная основа щита, на которую была натянута кожа, состояла из тонких ивовых прутьев, перекрещенных между собою в виде решетки. Наиболее отчетливо эта конструкция просматривалась в центральной части щита, законсервированного железистым порошком – ржавчиной, образовавшейся в результате окисления железного умбона. Умбон имел полусферическую форму, с двумя петельками по краям, за которые он притягивался к проволочному кольцу, обтягивавшему кожу и прутья решетки с внутренней стороны щита. В южной половине могильной ямы были обнаружены небольшие железные удила, относящиеся к типу кольчатых. К северу от них находился большой кусок обгоревшего дерева.

Датировка погребения и его этнокультурная принадлежность устанавливаются благодаря наличию в погребении ряда характерных предметов. Колчан аналогичной формы и найденные в нем наконечники стрел широко представлены в памятниках раннемонгольского времени в Поононье и соседних районах. Формы наконечников стрел зафиксированы, в частности, при исследовании других монгольских погребений, входивших в состав могильника Чиндант-I. Там же находят себе аналогии железные удила и кресало [Асеев, 1984, с. 49 – 56]. Такие же удила представлены в могильниках Ундугун, Илимка-2 и Новотроицкое. Они двусоставные, с равными грызлами и кольчатыми псалиями, но более крупных размеров. Эти удила относятся к позднему времени и характерны преимущественно для XII–XIV вв.

Что касается кенотафов, то они представлены, например, в могильнике ундугунской культуры Бутуй-I. Здесь, в двух погребениях, вместо умерших были помещены в могильные ямы короткие листовенничные бревна длиной 100 и 110 см. Бревна были ошкурены с боков топором, а затем сильно обожжены, отчего поверхность их была неровной и бугристой. Их сопровождали определенные категории инвентаря, указывавшего на традиционные виды хозяйства (удила, стремена и др.) [Ковычев, 2013, с. 45]. Важно от-

метить, что в нашем случае в погребение вместо умершего был также помещен большой кусок обгоревшего дерева, что говорит о сходстве погребального обряда. Зато в раннемонгольских кенотафах могильников Малая Кулинда и Благодатное погребальный инвентарь отсутствовал полностью и лишь в заполнении могильных ям встречались кусочки древесного угля и мелкие фрагменты костей животных [Ковычев, 2004, с. 182].

Еще одной особенностью погребального обряда является помещение жертвенной кости задней ноги барана («сулдэ») в верхней головной части погребения. По представлениям монголов, в ней содержалась жизненная сила «сулдэ» и она являлась, по-видимому, абстрагированным понятием духовной силы самого человека. Кроме того, кость барана, содержащая «сулдэ», играла определенную роль в посмертном существовании человека и, скорее всего, была проводником его души в потусторонний мир.

Все вещи преимущественно мелких размеров, и их можно рассматривать как знаки – символы, указывающие на пол умершего и его возраст, т. е. можно предположить, что это детский кенотаф мальчика. С другой стороны, большое количество погребального инвентаря, найденного в кенотафе, характеризует имущественное и социальное положение того, кому данное «погребение» предназначалось. Нет сомнений в том, что здесь мы имеем дело с той частью религиозных представлений монголов, которые связаны с верой в раздельное существование человеческого тела и души, – когда сородичи умершего, не имевшие возможности похоронить его на родовом кладбище, сооружали для упокоения его «души» символическое погребение-кенотаф. В нашем случае необычным является лишь то, что мы столкнулись с почитанием не просто мальчика, а мальчишка-воина, чья смерть, очевидно, произошла далеко от родных мест. Пока это единственный кенотаф такого типа на территории Восточного Забайкалья.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е. В. Ковычев.

Список литературы

Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск, 1984. – 201 с.

Ковычев Е. В. Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – Вып. 2. – С. 181 – 196.

Ковычев Е. В., Номоконов А. А. Средневековый могильник Бутуй-1 // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Чита: ЗабГУ, 2013. – Т. II. – С. 45 – 49.

УДК 903.5

Е. В. Макиевский

Курганский государственный университет

Исследования средневекового могильника Усть-Терсюк-3 в Нижнем Приисетье

В 2012 г. экспедицией Курганского государственного университета под руководством И. К. Новикова и Д. Н. Маслюженко был исследован курганный могильник Усть-Терсюк-3, расположенный в Шатровском районе Курганской области в нижнем течении р. Исети.

Памятник выявлен в 2010 г. на основании сообщений местных краеведов о его разрушении в ходе хозяйственных работ и в результате деятельности «черных археологов».

Курганная группа Усть-Терсюк-3 расположена на восточной стороне мыса, образованном старицами р. Исети, на высоте 6 м от уреза воды. Всего было выявлено 60 курганных насыпей, которые можно разделить на две группы. Первая группа расположена по всей площади могильника и характеризуется довольно крупными насыпями и значительным расстоянием между курганами, идущими по одной линии вдоль края террасы. Вторая группа курганов компактно располагается в северо-восточной части могильника и характеризуется курганами маленького размера, наличием ровика у всех курганов, незначительным расстоянием между насыпями. Большинство курганов в центре имеют следы грабительских вскопов, в том числе современных. В юго-западной части памятника зафиксированы семь жилищных впадин каменного века.

Было исследовано три кургана: № 47, 55 и 60.

Курган № 55. Расположен в юго-западной части могильника. Был разрезан дорогой и противопожарным рвом, кроме того, на нём зафиксирована «свежая» грабительская яма. Высота – 0,4 м, диаметр – 11 м. В заполнении кургана обнаружен уголь, прокал (возможно, от сгоревшего леса). В северной части кургана зафиксирована подпрямоугольная могильная яма размерами 2,5×1 м, глубиной 0,15 м, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. С южной стороны от погребения зафиксирована ниша 0,7×0,5 м (возможно, остатки от средневекового грабительского вкопа).

В северо-восточной части погребения были обнаружены останки человеческого черепа, рядом с которым найдена кольчатая серьга с шариком на стержне, три наконечника стрел. В «нише» были обнаружены фрагменты ещё одного черепа, остатки кольчуги, железные крючки, железный концевой наконечник ремня килевидной формы и фрагменты ткани, три металлические пластинки, отдельные фрагменты костей человека и животного, три наконечника стрел. В юго-западной части погребения зафиксирован втульчатый конусовидный наконечник копья и половина кольчатых удил. В центральной части погребения найден череп лошади, отдельные фрагменты человеческих костей, небольшой молоточек с загнутым концом, оселок и накладки.

Курган № 47. Расположен в центральной части могильника. Высота кургана – 0,3 м, диаметр – 5 м. Вокруг был сооружен ров, оплыв рва – до 0,5 м. В центре следы грабительского вкопа.

При снятии насыпи в заполнении кургана были обнаружены фрагменты керамики, каменные орудия, а также фрагменты тигля (?) с остатками патинированного металла.

В центральной части кургана на глубине 15 см от поверхности были обнаружены обугленные фрагменты накатника и останки костей лошади, обломанный железный наконечник стрелы, сильно коррозированный железный нож. В юго-восточной части, во рву, было обнаружено скопление фрагментов костей лошади, а также развал сосуда.

Курган № 60. Расположен в северо-западной части могильника. Высота кургана – 0,2 м, диаметр – 8 м. Во время снятия насыпи в заполнении кургана были обнаружены фрагменты керамики, каменные орудия.

На севере и западе от центра обнаружены обожженные части накатника, на востоке – два прокала. В северной части кургана найден развал сосуда. Костяка не обнаружено.

Керамический комплекс по профилировке и орнаментации разделен на три группы: к первой группе отнесена керамика неолита, ко второй – средневековья, к третьей – неорнаментированные фрагменты. К керамике второй группы отнесены 17 сосудов, керамика имеет коричневый, коричнево-серый, коричнево-красный оттенок. Все сосуды заглажены, на внутренней стороне имеются следы затирки. В составе имеются примеси песка, талька, шамота. Орнамент покрывает венчик, шейку и верхнюю часть тулова.

По форме и орнаментации сосуды условно разделяются на две подгруппы. К первой из них отнесены семь сосудов кургана № 55 и два сосуда кургана № 47, орнаментированных: тройной горизонтальной линией, выполненной оттиском гребенчатого штампа; гребенчатым штампом, расположенным по венчику; наклонно поставленным гребенчатым штампом; сквозными отверстиями; поясом ямочных вдавлений, расположенных по шейке сосудов; шнуровым оттиском, расположенным по венчику, шейке и верхней части тулова. Этот орнамент делает данные сосуды схожими с сосудами юдинской культуры (X–XII в.) [Викторова, 2008, с. 111 – 122].

Ко второй подгруппе отнесены пять сосудов кургана № 55, четыре сосуда кургана № 47, один сосуд кургана № 60, в орнаментации которых имеются нарезки по венчику; ямочные вдавления и «жемчужины»; оттиск гладкого штампа, образующий «елочку». Это позволяет отнести часть сосудов к бакальской культуре (IV–XIII вв.), возможно, в ее поздней тюркизированной форме, так называемой керамике тюркского типа [Рафикова, 2011, с. 11].

Аналоги инвентаря выявляются только для артефактов из кургана № 55. Тип се-режек широко известен по памятникам кочевников X–XII вв. Аналогичные ременные наконечники появляются не ранее второй четверти XI в., являются частью конского снаряжения и продолжают бытовать в сросткинской культуре и у кыргызов до конца XII в. (Горбунова Т. Г., URL:<http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/11.html>). Удила представляют собой большое железное кольцо, закрепленное в конце стержня, и широко бытовали в степной зоне, в том числе в сросткинской культуре, в начале II тысячелетия [Сулейманов, Илюшин, 2005, с. 164], хотя в силу своей типичности продолжают встречаться и в последующее время. Железные наконечники стрел широко встречаются в степной зоне Евразии и на прилегающих территориях в X–XIV вв., широко распространены в XI–XIII вв. [Худяков, 1991, с. 118; Федоров-Давыдов, 1966, с. 28]. Молоток с чеканом, отходящим под углом, и квадратным проушным отверстием схож с находкой с Билярского городища и датируется X–XII вв. [Халиков, 1985, с. 75 – 80]. Аналоги обнаружены в Пылаевском грунтовом могильнике этого же времени [Кутаков, Старков, 1997, с. 145]. Оселок по форме, размерам и отсутствию отверстия для подвешивания схож с точилами XII–XIV вв. [Иванов, Кригер, 1988, с. 15].

Разрушение костяка в кургане № 55, сильная фрагментированность керамической коллекции и кольчужного доспеха, ниша от грабительского вкопа рядом с погребением, выкид материкового песка над захоронением, отсутствие человеческих останков в курганах № 47 и № 60 позволяют предположить о ритуальном разрушении захоронений. Нарушение целостности костяка, порча инвентаря встречаются в могильнике юдинской культуры Вак-Кур [Турова, 2009, с. 24].

Особый интерес представляют металлические пластинки белого цвета, которые могли быть накладками на доспех или лицо покойного. В последнем случае аналоги встречаются на юдинских памятниках – Пылаевском грунтовом могильнике и могильнике Вак-Кур [Кутаков, Старков, 1997, с. 130–147; Турова, 2009, с. 24].

Таким образом, по вещевому инвентарю памятник датируется в пределах XI–XII вв., хотя значительные различия в погребальной обрядности ставят вопрос о неоднородности погребений или об определенных различиях в хронологии курганов. Наличие в захоронении кургана № 55 кольчужного доспеха позволяет предполагать, что это захоронение представителя воинской элиты. В то же время курганное сооружение, не характерное для юдинской культуры, свидетельствует о привнесении степных традиций в лесостепную и предтаежную зону.

Список литературы

Викторова В. Д. Древние угры в лесах Зауралья. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2008. – 208 с.

Горбунова Т. Г. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) [Электронный ресурс]// Древности Алтая [Офиц. сайт]. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/11.html> (дата обращения 13.01.2014).

Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 103 с.

Кутаков Ю. М., Старков, А. В. Пылаевский грунтовый могильник. (Предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – 1997. – Вып. 1. – С. 130 – 147.

Рафикова Т. Н. Бакальская культура лесостепного и подтаёжного Тоболо-Ишимья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2011. – 19 с.

Сулейменов М. Г., Илюшин А. М. Конское снаряжение в раннем и развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 162 – 167.

Турова Н. П. Особенности погребально-поминальной обрядности могильника юдинской культуры Вак-Кур // Диалог культур и цивилизаций: материалы X Всерос. науч. конф. молодых историков. – Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2009. – С. 24.

Халиков А. Х. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М.: Изд-во «Наука», 1985. – С.75 – 80.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 190 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 276 с.

УДК 903.01

А. В. Маркс

Новосибирский государственный педагогический университет

Исследование каменных оборонительных сооружений Центрального Алтая

Изучение каменных стен Саяно-Алтая в последнее время является одним из актуальных направлений современных полевых археологических исследований. Для каждого региона этой горной страны уже можно говорить как об определенной специфике, так и универсалиях при интерпретации этих конструкций, включая их оборонительное использование.

В Горном Алтае выявлением и изучением каменных стен занимается целый ряд исследователей, результаты которых нашли свое отражение в отдельных статьях [Соёнов, Трифанова, Вдовина, 2003], а также монографических публикациях [Бородовский, Бородовская, 2009; Соёнов, Трифанова, 2010] и охранных изданиях [Археологические памятники..., 2012].

Новый импульс для исследований таких каменных конструкций был дан масштабными разведочными работами по археологическому обследованию трассы проектируе-

мого магистрального газопровода «Алтай» в 2011–2012 гг. По этому маршруту новые факты выявления каменных стен (Кор Кобы Бажи 3, Аниях) были зафиксированы в Центральном Алтае на территории Онгудайского района Республики Алтай.

С геологической точки зрения этот участок проектируемого газопровода «Алтай» находится в пределах перигляциальной зоны Горного Алтая, которая включает долины р. Катунь и р. Чуи. Здесь чередуются участки, проходящие по скальным и активным осыпневым склонам, с участками, проходящими по площадкам средних и высоких террас. От перевала Чикет-Аман трасса спускается в долину реки Катунь по долине реки Большой Ильгумень (левобережный приток Катунь). Здесь расположен наиболее перспективный участок для выявления археологических памятников. Он представляет собой полосу от устья р. Купчегень (правый приток р. Большой Ильгумень) в районе поселка Купчегень до устья р. Карасу (левобережный приток Катунь). Интерес для археологических исследований представляют широкие долины малых рек, расположенные ниже поселка Купчегень по правому борту р. Большой Ильгумень и левому борту р. Катунь выше от впадения в нее р. Большой Ильгумень, а также место впадения в Катунь р. Карасу. В районе устья р. Карасу трасса газопровода пересекает Катунь и уходит на ее правый берег, который является труднодоступным. На правом берегу Катунь трасса проходит по поверхности средних террас вплоть до устья р. Сальджар и далее до нового пересечения трассой газопровода русла р. Катунь.

Именно на этой территории в ходе археологических исследований удалось выявить две ранее не известные каменные стены, расположенные в средней части небольших горных долин, по которым протекают пересыхающие ручьи Аниях и Кор-Кобы.

Каменная стена в урочище Аниях расположена на северном склоне одноименного лога по линии СВ – ЮЗ. Северным краем это сооружение упирается в подножье горного склона, а южным – в русло ручья Аниях, частично перекрывая горную долину. Длина этой конструкции составляет 70 м, ширина – около 3 м, высота – до 0,3 м.

Еще одна конструкция (Кор Кобы Бажи 3) в логе Кор-Кобы имеет протяженность до 90 м, ширину 6 м, высоту до 1–0,5 м. Сооружение полностью перекрывает наиболее узкий участок горной долины.

Сравнивая эти каменные стены, следует подчеркнуть, что они имеют как черты явного сходства, так и различия. Во-первых, эти каменные конструкции расположены на так называемом предустьевом участке горной долины на расстоянии нескольких километров (от 2 до 2,7 км) от русла магистральной реки (Катунь). Следует подчеркнуть, что именно на этих территориях, как правило, располагаются разновременные поселенческие комплексы [Бородовский, 1991; Егоров, 2001]. Однако шурфовка у каменной стены в логе Кор-Кобы, примыкающей к петроглифическому местонахождению, не позволила выявить насыщенного культурного слоя. Отдельные фрагменты баночного керамического сосуда эпохи раннего железа с овальными наколами по венчику были обнаружены только в заполнении грунта между скальными блоками с рисунками, непосредственно примыкающими к стене. Такую находку можно связывать с ритуальной деятельностью у более ранних петроглифов до сооружения каменной конструкции, перегораживающей лог.

Во-вторых, если каменная конструкция лога Кор-Кобы пересекала русло пересохшего ручья, то в соседнем логе Аниях русло аналогичного ручья, примыкало к нему.

Для сравнения вновь выявленных каменных сооружений на противоположном левом берегу р. Катунь была обследована еще одна ранее известная конструкция в долине р. Малый Яломан. Это каменное сооружение не перегораживало долину поперек, а было возведено на высоком мысу, вплотную примыкающем к руслу реки. Более того, сами каменные сооружения повторяли очертания мыса, что позволяло проводить определенные

аналогии с расположенным по близости масштабным Яломанским городищем. Также можно говорить, что часть каменных конструкций этих археологических памятников были сооружены в сходной манере – «клетей». Однако для участка каменной стены из долины Малого Яломана, аналогичной юго-западной экспозиции, так же как сооруженный в логах Аниаха и Кор-Кобы, можно поставить вопрос о сейсмическом воздействии. Прежде всего, следует отметить, что каменные стены выступают одним из самых надежных археологических маркеров палеосейсмичности. Неоднократный осмотр указанного участка Мало-Яломанской стены канд. геол.-мин. наук Е. В. Деевым, позволил выдвинуть ему предположение, что вследствие воздействия сейсмоактивности произошло сдвиговое смещение стены и разброс камней, не связанный с особенностями исходной конструкции.

Для каменной стены в логу Кор-Кобы такое предположение также уместно, поскольку линия стены не прямая, а зигзагообразная, что тоже может быть связано с сейсмоактивностью.

Таким образом, можно говорить о достаточно разнообразных вариантах расположения каменных стен относительно постоянных и сезонных гидрологических источников в малых горных долинах Центрального Алтая. Широкое типологическое разнообразие таких конструкций в пределах достаточно ограниченных горных районов может быть связано с целым рядом факторов: во-первых, с их различным функциональным назначением; во-вторых, с особенностями исходного рельефа участка для их сооружения.

Наряду с этим присутствие признаков сейсмоактивности открывает новые перспективы для относительной датировки таких сооружений, поскольку наиболее существенные землетрясения на территории Горного Алтая происходят с интервалом от 300 до 500 лет [Неотектоника и палеосейсмичность ..., 2012]. Одно из первых таких землетрясений магнитудой 10–11 баллов было зафиксировано в русских письменных источниках еще в 1781 г. Учет этого фактора позволит расширить аргументацию по хронологической атрибуции каменных стен Горного Алтая, которые интерпретируются некоторыми исследователями как полевые фортификационные сооружения.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А. П. Бородовский.

Список литературы

Археологические памятники и объекты Усть-Канского района / В. А. Кочеев [и др.]. – Горно-Алтайск, 2012. – 116 с.

Бородовский А. П. Многослойный поселенческий комплекс Муны 1 на нижней Катунь // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтай. ун-та, 2001. – № 7. – С. 56 – 67.

Бородовский А. П. Предварительные итоги исследования одного из многослойных поселений горного Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: тез. докл. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ин-та, 1991. – С. 61 – 65.

Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологическое наследие горной долины Нижней Катунь: учеб.-метод. пособие. – Новосибирск, 2009. – 120 с.

Неотектоника и палеосейсмичность долины нижней Катунь (Горный Алтай). / Е. В. Деев [и др.] // Геология и геофизика. – 2012. – Т. 53. – № 9. – С. 1154 – 1168.

Соёнов В. И., Трифанова С. В. Полевые каменные фортификационные сооружения Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтай. гос. ун-та, 2010. – 104 с.

Соёнов В. И., Трифанова С. В., Вдовина Т. А. Изучение каменных крепостей в Горном Алтае в полевой сезон 2002 года // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтай. ун-та, 2003. – № 11. – С. 156 – 160.

Роговые изделия из пещеры Туристов (р. Чусовая)

Рог как материал для изготовления орудий труда был известен с древнейших времен. Изделия из рога на Урале встречаются ещё в начале верхнего палеолита, но наибольшее распространение они получили с появлением металлических рубящих и режущих орудий в железном веке и Средневековье.

Изделия из рога известны во всех исследованных пещерах р. Чусовой, но наибольшее их число выявлено в пещере Туристов. Она находится в первой скале камня Дыроватого (Пригородный р-н Свердловской обл.). В 1932, 1933 и 1937 гг. она была полностью исследована ленинградским археологом Н. А. Прокошевым. Неопубликованная коллекция находок из его раскопок хранится в Государственном Эрмитаже. Экспедицией НТГСПА в течение 11 лет исследовался смыв из пещеры и отвал Н. А. Прокошева, которые образовали под пещерой своеобразный конус выноса мощностью до 12 м. В результате этих работ была получена большая коллекция находок – 11,5 тыс. экз. В пещере зафиксированы материалы всех археологических эпох от верхнего палеолита до Средневековья. Причем эпохи палеолита – раннего железного века представлены единичными находками или незначительными сериями. А комплексы позднего железного века и Средневековья составляют 85,5 % [Сери́ков, 2009, с. 39 – 67]. Материалы раскопок 2008–2010 гг. до сих пор не введены в научный оборот.

В материалах Н. А. Прокошева изделия из рога немногочисленны. Единичным в коллекции является втульчатый наконечник, сделанный из рога лося или оленя. Он представляет собой полый конус длиной около 5 см. Подобные наконечники известны в родановской культуре Прикамья. Нож из рога лося, по мнению Н. А. Прокошева, использовался для снятия шкур. Аналогии им он видит в костяных и деревянных ножах, до сих пор применяющихся в крестьянском быту. Интересной находкой является отрубленный рог косули: следов обработки на нем нет, хотя следы от использования присутствуют на сгибе рога. Автор раскопок предполагает, что он мог использоваться как некий крюк. Также в коллекции присутствуют различные куски рога с обработкой [Прокошев, 1941, с. 81 – 85]. Оригинальными изделиями из рога являются так называемые «пробки». По внешнему виду они очень похожи на пробки от бутылок с вином. В коллекции Н. А. Прокошева такая пробка одна, а в коллекции НТГСПА – 3 экз. Предположительно они использовались в качестве затычек для сосудов из кожи или бересты.

Промывка конуса выноса позволила получить приличную коллекцию роговых изделий. Среди них имеются наконечники стрел, острия, мотыги, рукоятки, скульптурные изображения. Наконечники стрел представлены 6 экз. Два из них относятся к наконечникам с боковыми шипами. Они имеют треугольной формы перо в одном случае ромбического, в другом – трапециевидного сечения и длинный уплощенный на две грани насад. Длина одного наконечника – 6,6 см, второго – 5,2 см. Третий наконечник имеет вытянутую иволистную форму длиной 5,8 см. Четвертый наконечник длиной 8 см раслоился вдоль. Его перо листовидной формы разделено на две части своеобразной ступенькой. Боевая часть пера уплощена строганием, утолщенная – переходит в срезанный на две грани насад. На границе пера и насада с одного края вырезана округлая выемка диаметром 0,2 см. Последние два наконечника являются вотивными. Веретенообразный наконечник округлого сечения длиной 2,6 см можно отнести к игловидным укорочен-

ных пропорций. Второй вотивный наконечник имеет длину 3,1 см. Насад (часть его отломана) овального сечения переходит в трехгранное перо.

Два острия довольно стандартны по форме, размерам и технике изготовления. Собой они представляют отломанные концы колющих орудий, по-видимому, кинжалов. Длина сохранившихся острий – 5,9 и 4,4 см, ширина в месте слома – соответственно 1,9 и 1,7 см, толщина обоих – 0,5 см. Треугольной формы концы изделий обработаны обстругиванием металлическим ножом.

Довольно разнообразен комплекс мотыг. Одна из них представлена массивной заготовкой. Для мотыги использована нижняя часть лосиного рога от штанги до перехода в лопату, причем лезвием служило основание лопаты рога. Общая длина мотыги – 22,3 см. Ширина грубо обработанного рабочего лезвия – до 13 см. Оно имеет трапецевидную форму. Диаметр штанги рога – до 5,5 см. В качестве мотыги также использовался отрубленный отросток рога лося длиной 12,5 см и диаметром до 3 см. Кончик рога, который служил в качестве рабочей части, заметно заглажен и закруглен. Очень оригинально выполнена последняя в коллекции мотыга. У нее рабочей частью служил отросток рога длиной 10,5 см и диаметром до 2,5 см. Для крепления рукояти из лопаты рога была вырезана муфта длиной до 8,5 см, которая имела две щечки-боковины толщиной 0,4 см. Одна щечка сломана. Учитывая следы и явно маленький для мотыги вес, можно предположить, что данное изделие использовалось для определенных ударных действий. Возможно, в качестве боевого чекана.

Остальные изделия строго индивидуальны. Псалий слегка изогнутой формы имеет длину 14,5 см. В средней части изделия имеются два отверстия. Аналогии ему известны на западном склоне Урала в комплексах раннего железного века [Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 29 – б].

Тупик для волососгонки выполнен в виде изогнутой лопаты длиной 16,9 см. Ширина рабочей части достигает до 6,3 см. Поверхность рукоятки тщательно обработана строганием. Рабочая кромка изделия закруглена и заглажена, на ней присутствуют четкие линейные следы скребкового характера.

Одно скульптурное изображение изготовлено в виде фигурной Г-образной рукояти длиной 6,4 см. Сечение рукояти овальное, нижняя часть уплощена на две грани. На верхнем конце вырезана головка лосихи. Морда лосихи частично разрушена. Хорошо сохранилось рельефно выделенное ухо. В нижней части изделия присутствует вырезанное металлическим орудием овальное отверстие. От него вниз отходит паз длиной 0,8 см и диаметром 0,4 см. Весьма вероятно, что данное «навершие» являлось рукояткой составного ковшика, к которому крепилось при помощи отверстия и паза.

Также к скульптурам можно отнести еще одно изделие из рога. Оно вырезано в виде профильного изображения головы медведя. У нее выделен заостренный нос, вырезанные сверху зубцы обозначают уши. На плоскости находится гравировка из трех параллельных линий. Возможно, обломок изделия являлся фигурной рукоятью ножа или кинжала.

Из новых находок можно отметить посредник, в качестве которого использовался отросток рога лося длиной 11 см. С трех сторон он был надрезан железным ножом, а затем отломан. Сломанная часть обстругана ножом. На кончике орудия присутствует небольшой контрскол от несильного удара или нажатия.

В коллекции помимо целых изделий присутствуют свыше десятка разнообразных заготовок. Среди них вырезанные роговые пластины, куски рога со следами рубки и строгания, отрубленные отростки рога без следов обработки. Интересной находкой являются два парных рожка длиной 20,5 см.

Таким образом, на основании материалов пещеры Туристов можно сделать вывод, что рог в жизни среднеуральского населения эпохи позднего железа и Средневековья

являлся вспомогательным материалом. Доля роговых изделий (вместе с заготовками) в комплексе изделий из кости не превышает 6 %.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю. Б. Сериков.

Список литературы и источников

Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). – Ижевск: ИПК «Звезда», 2006. – 220 с.

Прокошев Н. А. Пещерные археологические памятники Урала // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. 2. Д. 94. 184 л.

Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – 368 с.

УДК 903.08,,653”

К. В. Моряхина

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

Браслеты Усьвинской группы памятников юго-восточного варианта ломовато-родановской общности¹

Средневековые памятники, расположенные в бассейне р. Чусовой и ее притоков, принято объединять в юго-восточный вариант ломоватово-родановской общности. Данные памятники компактно расположены и несколько обособлены от остальных средневековых памятников Пермского Предуралья. По мнению исследователей, особенность этой группы памятников проявляется как в погребальной обрядности, так и в поселенческой материальной культуре [Островский, 2003, с. 121 – 122; Юркова, 2012, с. 351].

Юго-восточный вариант ломоватово-родановской общности исследователи подразделяют на девять территориальных групп. Одной из них является Усьвенская группа памятников. В нее входят такие памятники, как Саламатовское I, II городища, селище и могильник Телячий Брод, Антыбарский могильник, городище Лисьи Норы. Данные памятники имеют довольно широкую датировку – VIII–XIII вв. Исследователи отмечают, что данная группа памятников является одной из наиболее изученной по сравнению с другими. Однако исследований, посвященных комплексному изучению украшений данной группы памятников, в частности браслетов, не проходило.

Браслеты на данных памятниках были встречены в четырнадцати экземплярах.

Тип 1 – круглопроволочные (дротовые), в сечении круглые или овальные (2 экз.; рисунок – б).

Подтип ж – с приостренными концами.

Браслеты такого типа появляются еще в ломоватовское время. Они встречаются на могильниках Щукинском [Голдина, 1985, с. 37], Степаново плотбище, Огурдинском,

¹ Материал подготовлен при поддержке проекта 050-М Программы стратегического развития ПГПУ.

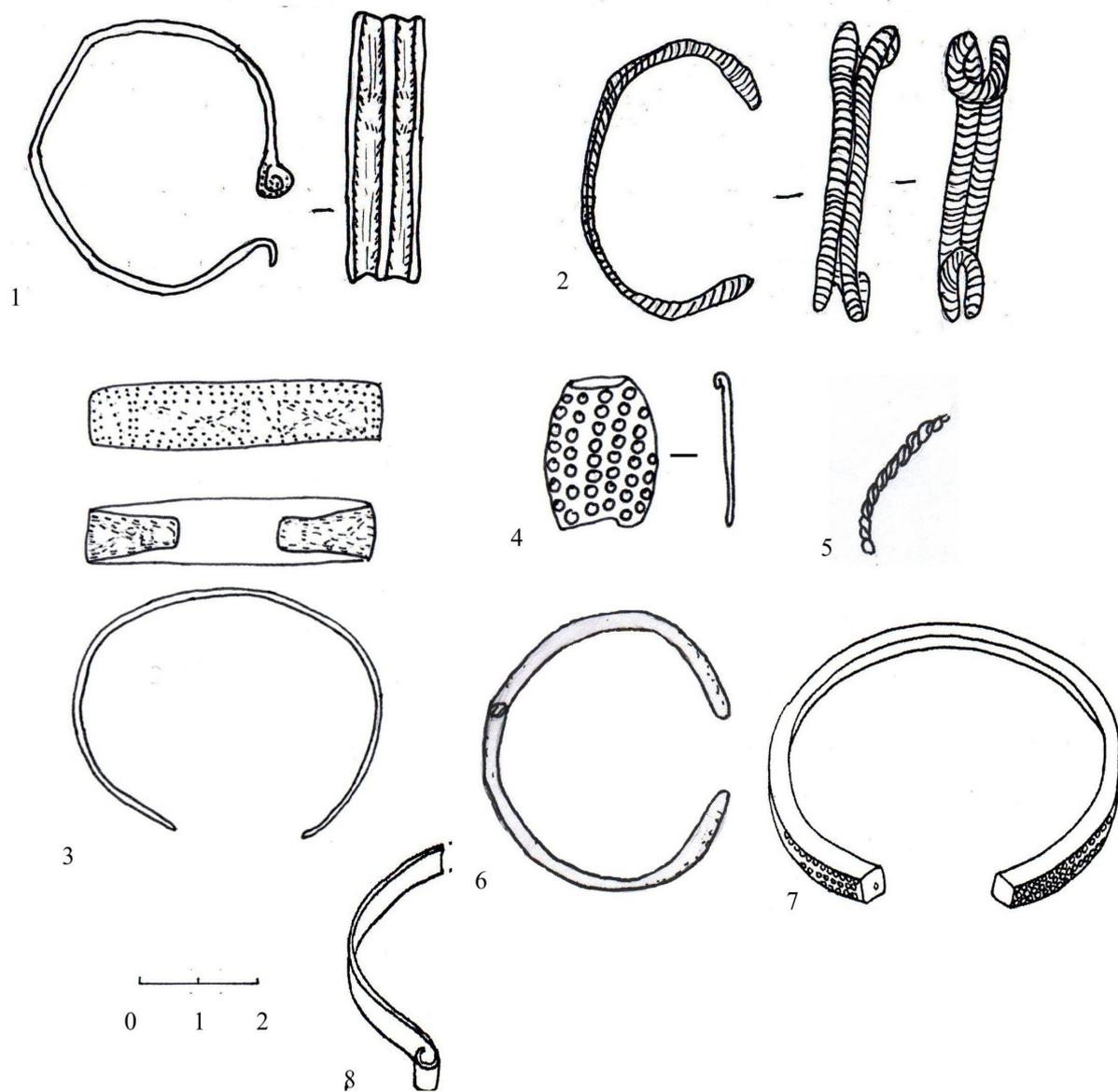

Рис. Браслеты Усвинской группы памятников юго-восточного варианта ломовато-родановской общности: 1–4, 7–8 – Саламатовское городище; 5 – Антыбарский могильник; 6 – могильник Телячий Брод

Рождественском. Они известны на болгарских памятниках IX–XI вв., в курганах Южного Урала IX–X вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 371], в Новгороде в слоях середины X – начала XIV в. [Седова, 1981, с. 94].

Браслеты такого типа распространены на многих территориях и имеют широкую датировку – VII–XIV вв.

Тип 2 – граненые (1 экз.; рисунок – 7).

Подтип *а* – четырехгранные с кружковым орнаментом.

Орнамент расположен в три ряда на концах браслета. Четырехгранные браслеты с кружковым орнаментом получили распространение в IX–XI вв., в это же время они встречаются в поломских, раннебулгарских могильниках, в курганах Южного Урала [Крыласова, 2011, с. 88 – 89].

Тип 3 – пластинчатые (9 экз.).

Подтип *б* – с расширенными концами и циркульным орнаментом (2 экз.; рисунок – 4).

Браслеты с циркульным орнаментом встречаются на Рождественском, на Агафоновском II в материалах XI в., в материалах Мрясимовских курганов Южного Урала XI–XII вв., на Чажтыгском могильнике конца XI–XII вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 370], на Купросском городище [Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012, с. 39].

Подтип *г* – с простым узором в виде продольных, поперечных или зигзагообразных линий, выполненных пуансоном (1 экз.; рисунок – 3).

Аналогичные браслеты были найдены на Плесенском могильнике, которые датируются VII–X вв. [Голдина, 1985, с. 37]. При этом данная техника широко распространена на территории Древней Руси, Пермского и Удмуртского Предуралья.

Подтип *к* – с тремя продольными валиками и закрученными в спираль концами (5 экз.; рисунок – 1).

Подобные браслеты известны на территории земли вятичей на памятниках XI–XIII вв. [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 244].

Подтип *л* – с закрученными в спираль концами (1 экз.; рисунок – 8).

Пластинчатые браслеты с закрученными концами известны у славян (вятичей, кривичей, новгородцев), у муромы с X в., в Царицынских курганах XII в., в могильниках XII–XIII вв. Ветлужско-Вятского междуречья [Крыласова, 2011, с. 89].

Тип 4 – витые (2 экз.).

Подтип *а* – изготовлены из двух перевитых, округлых в сечении проволок без дополнений (1 экз.; рисунок – 5).

Плетеные браслеты встречаются на Бояновском могильнике [Голдина, 1985, с. 37], в Новгороде в слоях XII – середины XIII в. [Седова, 1981, с. 97].

Подтип *в* – выполнены из проволоки, завернутой в спираль (1 экз.; рисунок – 2).

Подобные браслеты встречаются на Агафоновском могильнике VII–IX вв. [Голдина, 1985, с. 37] в Новгороде в слоях конца XI – середины XIII в. [Седова, 1981, с. 100].

Браслеты, встречающиеся на памятниках Усьвинской группы юго-восточного варианта ломоватово-родановской культуры, характерны и в целом для одновременных памятников Пермского Предуралья. Браслеты, как и сами памятники Усьвинской группы, имеют широкую датировку – VIII–XIII вв., но большинство браслетов поздние и датируются X–XIII вв. Также можно выделить импортные изделия – браслеты, характерные для территории Новгорода, Волжской Болгарии.

Научный руководитель – канд. ист. наук Ю. А. Подосенова.

Список литературы

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.

Белавин А. М., Оборин В. А., Сарапулов А. Н. Городище Купрос: итоги полевых исследований // Тр. Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Историческое и культурное наследие с. Купрос. – Пермь: ПГПУ, 2012. – Вып. IX. – С. 4 – 80.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 260 с.

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.

Крыласова Н. Б. Украшения Саламатовского I городища // Тр. Камской археол.-этнограф. экспедиции. – Пермь: ПГПУ, 2011. – Вып. VII. – С. 87 0 – 97.

Островский С. Л. Археологические памятники юго-восточного локального варианта ломоватово-родановской общности. История и проблемы комплексного изучения // Тр. Камской археол.-этнограф. экспедиции. – 2003. – Вып. 3. – С. 118 – 122.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

Юркова Е. В. Комплекс керамической посуды городища Саламатово I // Тр. Камской археол.-этнограф. экспедиции. – Пермь: ПГПУ, 2012. – Вып. VIII. – С. 351 – 359.

УДК 902.035

А. А. Номоконов

Забайкальский государственный университет

Каменоломни монгольского времени в пади Могойтуй (юго-восточное Забайкалье)¹

В полевом сезоне 2013 г. Верхнеамурской археологической экспедицией были зафиксированы остатки от двух каменоломен, расположенных в пади Могойтуй, которая находится на стыке Александрово-Заводского и Борзинского районов Забайкальского края. Каменоломни получили наименование Могойтуй-I и Могойтуй-II. Памятники располагаются в 500 м друг от друга, разделяясь отрогом горы. В 15,5 км к юго-западу от каменоломен располагается памятник монгольского времени – Кондуйский дворцовый комплекс. Этот монументальный памятник и являлся основным потребителем гранита из указанных каменоломен.

Каменоломню Могойтуй-I обнаружил забайкальский краевед А. К. Кузнецов, который производил исследования Кондуйского городка и его окрестностей еще в конце XIX в. [Кузнецов, 1925]. Исследователь указал, что место вытесывания «камней с кругами» и каменных изваяний находится в 6–7 верстах от Кондуйского городка в пади Могойтуй, где им было обнаружено несколько квадратных блоков с начерченными кругами и три камня, вытесанных в виде брусьев [Кузнецов, 1925, с. 36]. Несмотря на подробное описание места расположения каменоломни, А. К. Кузнецов все же неверно указал расположение объекта на своем плане, поместив памятник на правый борт пади Могойтуй [Кузнецов, 1925, с. 16 – 17], хотя он расположен на ее левом борту, что, в свою очередь, затруднило поиски данного места.

Каменоломни располагались на западных склонах гор и их подножий. Гранитные глыбы извлекались из мест выхода породы на поверхность, затем на ровных площадках подвергались обработке. По степени обработанности материал каменоломен можно разделить на несколько типов: размеченные гранитные глыбы, сколы от глыб, блоки, имеющие форму прямоугольного параллелепипеда, и подобные же блоки, имеющие разметку для дальнейшей обработки. Количественное соотношение обработанных камней на каменоломнях Могойтуй-I и Могойтуй-II следующее: первый тип – 9 и 5 глыб; второй тип – 29 и 43 сколов; третий тип – 5 и 3 блоков и четвертый тип – 3 и 5 блоков соответственно.

Глыбы и блоки размечались двумя способами: либо одной линией, либо двумя параллельными линиями, пространство между которыми нередко выбиралось до 1,0 см в глубину. Чаще всего одной линией намечались прямоугольники и окружности, а двумя линиями – прямые, которые разрезали на две части глыбу или блок. Гранит раскалывали

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.2636.2011.

при помощи техники перфорирования. На каменоломнях зафиксировано два различных способа применения данной техники. Первый, самый распространенный способ включал в себя выдалбливание длинных пазов, которые чередовались небольшими шипами (от 1 до 4 на всю линию скола), имеющими форму равнобедренной трапеции (в среднем основания были равны 14 и 22 см, боковые стороны – 10 см). Ширина пазов варьировала в пределах от 4,0 до 8,0 см, длина – от 26 до 50 см, глубина – до 10 см. Пазы были или трапециевидной формы (как в поперечном, так и в продольном сечениях), или трапециевидной в продольном сечении, но прямоугольной – в поперечном.

Второй способ включал в себя выдалбливание примерно равных по размерам небольших пазов (от 2,0×10 до 5,0×15 см, при глубине до 10 см), прямоугольной формы в поперечном сечении и трапециевидной формы в продольном. Подобный способ отделения каменных блоков был зафиксирован нами на каменоломне Икэ-Булак-III, материал которой, по нашему мнению, также использовался для строительства Кондуйского дворца [Номоконов, 2013, с. 126].

Заготовка опорной базы, которая должна была быть основой деревянной колоны, поддерживающей кровлю здания Кондуйского дворца [Киселев, 1958, с. 118], была обнаружена нами на каменоломне Могойтуй-I. Несмотря на то, что база была не доделана до конца, мы можем полностью проследить процесс изготовления подобных баз из гранитных глыб. Заготовка имеет форму прямоугольного параллелепипеда. При этом верхняя и нижняя плоскости ее квадратной формы (95×95 см). Она была взята примерно из средней части глыбы, так как с четырех (боковых) сторон наблюдаются следы откалывания блока от глыбы. Рядом с описываемой заготовкой располагаются еще три блока прямоугольно-параллелепipedной формы. У двух из них верхние и нижние плоскости квадратные, а у третьего – вытянуто-прямоугольные. В непосредственной близости от данных блоков находятся сколы от глыбы в количестве пяти штук.

После того как заготовку отделили от глыбы, на ее верхней плоскости выбили тонкую линию в форме окружности диаметром 88 см. Отступив от верхней плоскости 10 см, древний мастер пробил тонкую линию по всему периметру блока (по боковым плоскостям) так, чтобы получилась плоскость, параллельная верхней. Далее должен был пойти процесс выбивки, в результате которой верхняя плоскость блока опускалась на 10 см ниже, а над ней возвышалась цилиндрическая база. Но по каким-то причинам изготовление базы остановилось на начальном этапе (всего было вытесано 20 см по окружности).

Количественное соотношение сколов от глыб (всего 72 экземпляра на обеих каменоломнях) позволяет нам сделать вывод, что место добычи гранита, предназначенного для использования на Кондуйском дворце, находилось не только в пади Могойтуй (в настоящее время известно, что помимо гранитных баз были также каменные изваяния голов драконов, которых насчитывалось 96 штук). На сегодняшний день известна и другая каменоломня – в пади Икэ-Булак. Не исключено, что могут обнаружиться и другие места, где добывали гранит, предназначенный для возведения сооружений, связанных со средневековыми монголами, проживавшими в Юго-Восточном Забайкалье в первой половине II тыс. н. э.

Список литературы

- Киселев С. В. Древние города Забайкалья // СА. – 1958. – № 4. – С. 107 – 119.
Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. – Владивосток: Кн. дело, 1925. – 63 с.
Номоконов А. А. Археологический комплекс Икэ-Булак // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 3 (29) – Ч. I. – С. 125 – 127.

Захоронение ребенка из средневекового могильника Петищи-I

На левом берегу р. Шилки, в 1 км ниже местечка Балаганное, расположенного в Шилкинском районе Забайкальского края, находился разновременный могильник Петищи-I. Наибольший интерес вызывает погребение № 5, которое было исследовано в 1982 г. Е. В. Ковычевым.

Погребение находилось на западном склоне невысокой, уплощенной сопки, переходящей в глубокий скалистый овраг. Такое расположение погребения на местности обозначило его невыразительную форму в виде полуовала или полукольца по краю оврага, а также его незначительную глубину. Каменная выкладка была разрежена и состояла из камней средних размеров, уложенных в один-два слоя. Часть надмогильной конструкции, вероятно, оплыла в овраг.

Могильная яма была врезана прямо в скальный материк. Она имела вытянуто-овальную форму размером 60×160 см, вытянутую по линии СЗ – ЮВ, с азимутом 225°. Края могильной ямы со стороны оврага были обложены мелкими камнями по периметру. По всей поверхности могильной ямы встречались кусочки древесного угля, а в её северо-западной части среди камней были найдены два наконечника стрел и бусина из лазурита.

Данное погребение принадлежало ребёнку 5–6 лет (длина костяка равнялась 115 см). Умерший лежал на спине головой на СЗ (азимут 225°) на глубине 40–45 см от современной дневной поверхности. Кости плохой сохранности, некоторые из них сдвинуты с первоначального положения. По имеющимся костям можно было установить, что умерший был расположен на спине в вытянутом положении со сведенными вместе ногами.

Судя по всему, погребенный располагался на берестяной подстилке, фрагменты которой были обнаружены под ним. В изголовье покойного с левой стороны была зафиксирована баранья лопатка и грудина, а в ногах, также с левой стороны от покойного, – берцовая кость барана и часть грудины.

С правой стороны у черепа располагались костяная обкладка лука с лопаточкообразным расширением на одном из концов, железный замочек с вставленным внутрь ключиком. Замочек имел продолговатую форму и прямую скобу в верхней части. Здесь же лежали две бусины и небольшой продолговатый брусочек из железа (похожий на зубильце). Под черепом костяка была найдена ещё одна бусина, разломанная наполовину, а с левой стороны от черепа располагались железные кольчатые удила с неравными половинками. Подобные удила были распространены на территории Центрально-Азиатского региона в первой половине II тыс. н. э. Чуть выше черепа был найден железный наконечник стрелы типа срезня. Справа у бедренной кости был обнаружен ещё один наконечник – широколопастной, со свистунком. Он лежал острием вниз. Здесь же был найден небольшой железный молоточек, железный напильник, однолезвийный нож (острием вверх), фрагменты железных пластинок. Остатки железного предмета были найдены также у левой руки в районе локтя. В районе правого колена погребенного было зафиксировано калачевидное кресало, а возле ступней – кремь. Калачевидные кресала были широко распространены в кочевом обществе с первой половины II тыс. н. э.

На правой берцовой кости умершего располагалось железное стремя арочной формы. Стремя имеет округлую дужку, широкое прямое основание-подножку и широкую уплощенную петлю. С правой стороны у таза лежали шесть бараньих астрагалов для игры. Один такой же астрагал располагался между коленными суставами. С левой стороны у

ног погребенного, где были найдены кости жертвенных животных, зафиксировано большое количество древесных угольков и золы. В районе грудного отдела позвоночника под костяком 9 перпендикулярно ему) располагалась железная пластина.

Анализируя погребальный обряд и сопроводительный инвентарь, мы можем датировать данное захоронение монгольским временем, т. е. XII–XIV вв. В тот период времени в погребальном обряде распространяются такие черты, как однослойные надмогильные выкладки, северная ориентировка умершего (с отклонением к западу или востоку), наличие в погребениях жертвенных костей барана. В XII–XIV вв. широко распространены двусоставные кольчатые удила, стремена арочной формы с прямоугольной петлей в душке, калачевидные кресала и т. п. В нескольких километрах выше по течению р. Шилки располагался могильник Илимка-V, который относится к ундугунской культуре. Близость данного могильника, а также схожесть погребального обряда с погребениями ундугунской культуры дают нам право отнести описанное погребение к ундугунской культуре, в которую, по мнению исследователей, входили как тунгусоязычные племена, так и племена, относящиеся к лесным монголам [Ковычев, Номоконов, 2012, с. 374; Ковычев, Номоконов, 2013а, с. 100; Ковычев, Номоконов, 2013б, с. 49].

Научный руководитель – А. А. Номоконов.

Список литературы

Ковычев Е. В., Номоконов А. А. Могильники «лесных монголов» у с. Новотроицк // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5 – 9 сентября 2012 г). – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012 – С. 368 – 374.

Ковычев Е. В., Номоконов А. А. Могильник Ундугун: итоги археологического изучения // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Иркутск: ИрГТУ, 2013а. – Т. 1. – С. 95 – 100.

Ковычев Е. В., Номоконов А. А. Средневековый могильник Бутуй-I // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. – Чита, 2013б. – Т. 2. – С. 45 – 49.

УДК 902.01

П. А. Пашенцев

Сахалинский государственный университет

Археологические источники, относящиеся к культуре тобинитай в южной части острова Уруп: итоги предварительного изучения¹

В полевой сезон 2013 г. отрядом Сахалинской лаборатории археологии и этнографии СахГУ и ИАЭТ СО РАН проводилась археологическая разведка в южной части острова Уруп, на полуострове Ван-дер-Линд. Остров Уруп с юга ограничива-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства экономического развития Правительства Сахалинской области.

ет пролив Фриза, отделяющий его от острова Итуруп. Ширина пролива составляет около 40 км. Географически остров Уруп относится к центральной группе островов Курильского архипелага. В ходе археологической разведки обследовано 11 археологических объектов (поселения и хозяйственные стоянки) эпох позднего неолита, палеометалла, Средневековья. Все объекты локализуются в достаточно узкой прибрежной полосе. Они приурочены к небольшим ручьям, впадающим в Охотское море с западной стороны острова, в Тихий океан – с восточной. Подобная локализация памятников объясняется ориентацией древних социумов на потребление морских биоресурсов. Литоральная зона вокруг острова изобилует рифами и небольшими скальными островками, на которых и сегодня наблюдаются многочисленные лежки морских млекопитающих (каланы, сивучи, нерпы).

Археологические источники, относящиеся к культурной традиции *тобинитай* выявлены как на охотоморском, так и океанском побережьях острова. К ним относятся материалы, выявленные на поселении Осьма-1 и стоянке Васин-1. Оба памятника обнаружены В. О. Шубиным в начале 2000-х гг., при их обследовании в 2013 г. собраны коллекции археологического материала. Оба памятника расположены на довольно обширных для острова Уруп горизонтальных площадках нижних и средневысотных террас, расположенных в приустьевой части небольших пресноводных ручьев. Площадки, на которых расположены памятники, укрыты от ветра, удобны для длительного проживания и ведения хозяйственной деятельности. На поселении Осьма-1 жилищные западины, видимые на дневной поверхности, имеют в плане форму, близкую к квадрату. В одной из них, поврежденной современной военной траншеей, обнаружены фрагменты тулова керамического сосуда. Керамическое тесто, из которого изготовлен сосуд, имеет минеральную (песок) и, судя по более светлым угловатым включениям, шамотную примеси. Толщина стенки – 8–9 мм. Внешняя и внутренняя поверхности тщательно обработаны. С внешней стороны фрагменты покрыты ангобоподобным составом, по-видимому, слоем жидкой глины, смывавшимся при очистке фрагментов. Судя по профилю одного из сосудов, изделие имело шейку, сильно отогнутый венчик. Сосуд декорирован прямо- и кривопрочерченными линиями, образующими рисунок, отдаленно напоминающий пиктографические знаки. Орнамент нанесен с внешней стороны изделия под изгибом шейки.

Сходен с описанным выше изделием сосуд, обнаруженный на поврежденном участке стоянки Васин-1. Изделие имеет вазообразный профиль, широкое открытое устье с намеченной шейкой и выраженным плечиком. Сосуд плоскодонный, край доньшка окантован выступом-закраиной. Ширина устья больше высоты сосуда. Кромка венчика округлая в сечении. Стенки сосуда лощеные до матового блеска. Декор размечен широкой орнаментальной полосой на плечике изделия. Ширина орнаментальной полосы составляет 25 % высоты сосуда. Орнамент прочерченный. Верхний ярус композиции образован двумя параллельными сплошными линиями с косыми короткими насечками между ними. Ниже идет узор из косых пересекающихся линий в виде сетки.

Типологически керамика с поселения Осьма-1 и стоянки Васин-1 соответствует керамической традиции *тобинитай*. Культура *тобинитай* считается смешением культур *сацумон* и *охотской* на северо-востоке о. Хоккайдо и Курильских островах [Yamaura, 1983, p. 179; Керамика культуры сацумон..., 1990, с. 7]. Северной границей культуры *тобинитай* на Курильских островах ранее считался остров Итуруп. Культура *тобинитай* соответствует поздним этапам культуры *сацумон* и возникает на северо-востоке о. Хоккайдо в X в. н. э. [Kumaki, 2013]. В связи с последним обстоятельством сомнение вызывает AMS дата, полученная по образцу нагара, взятого со стенки керамического

изделия со стоянки Васин-1 – 1415 ±45 ВР (МТС-16751). На наш взгляд, она удревнена за счет «резервуарного эффекта», возникающего вследствие различного накопления С14 в организмах, обитающих на суше и в море. Учитывая хозяйственную ориентацию социумов, проживающих на Курильских островах, на потребление именно морских организмов, данное предположение весьма вероятно. Среднее значение разницы в накоплении С14 для Южных Курил составляет 364 года [A tale of two seas..., 2007, p. 462; Calibrated 14C ages..., 2010, p. 536]. Введя эту поправку, получаем более реалистичную дату – 1051 ±45 ВР. Калиброванный календарный возраст, таким образом, соответствует X – первой половине XI в. Дата согласуется с хронологией ранее изученных на Южных Курилах комплексов культуры *тобинитай*; кроме того, морфологические особенности и орнаментальные мотивы на керамических изделиях, обнаруженных в южной части Урупа, соответствуют позднему и финальному этапам культур *сацумон-тобинитай* (X–XIII вв.).

Научный руководитель – д-р ист. наук, доц. А. А. Василевский.

Список литературы

A tale of two seas: Reservoir age correction values (R, DR) for the Sakhalin Island (Sea of Japan and Okhotsk Sea) / Y. V. Kuzmin [et al] // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. – 2007. – В. 259. – P. 460 – 462.

Calibrated 14C ages of jomon sites, NE Japan, and their significance / K. Omoto, K. Takeishi, S. Nishida, J. Fukui // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52. No. 2–3. – P. 534 – 548.

Kumaki T. Satsumon Culture in the eastern part of Hokkaido and the impact of it on the Okhotsk Culture (доклад на конференции «Presentation on the Sakhalin International Workshop: “Study on adaptive strategy and interactive scenarios of the human communities in the island world of the prehistoric Northeast Asia», Yuzhno-Sakhalinsk, 2013).

Yamaura K. The Last Stage of the Okhotsk Culture and the Satsumon Culture // Bulletin of the Department of Archaeology. – 1983. – No. 2. – P. 157–179.

Прокофьев М. М., Дерюгин В. А., Горбунов С. В. Керамика культуры сацумон и ее находки на Сахалине и Курильских островах. – Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1990. – 93 с.

УДК 903.32

М. А. Стоякин
Университет Корё

О характере оборонительных валов в Яньбяне¹

В Китае с 2006 г. осуществляется проект по сохранению и восстановлению древних длинных стен, в первую очередь Великой китайской стены. Но наряду с таким важным мероприятием, как защита от разрушения самой главной культурной достопримечательности в Китае, в идеологическом плане происходит подмена

¹ Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 39.

исторических и культурных понятий, когда все оборонительные валы в Китае пытаются объединить в термин «валы (длинные стены) исторических эпох». Под таким странным названием скрываются особенности национальной политики в отношении малочисленных народов КНР, а именно попытки китайских исследователей объединить все длинные валы, расположенные на территории Китая, в одну общеханьскую систему независимо от ее культурной и этнической основы [Ли Чонсу, 2012, с. 200]. Такими валами на северо-востоке Китая стали когурёский длинный вал Лаобяньганту, система бохайских валов «вал Муданьцзян» и древний вал в районе Яньбянь.

Древний «длинный вал» в Яньбяне расположен в Яньбянь-корейском автономном округе в уездах Хэлун, Луныцзин и Яньци. Протяженность этого фортификационного сооружения составляет приблизительно 150 км. На западе он начинается в отрогах гор в деревне Дуньшань уездного города Хэлун. Вал протянулся на северо-восток в виде дуги и заканчивается в местности Мопаньшань в 15 км от г. Яньци. В основном он сооружен из грунта, но местами выявлена каменная кладка. В целом его конструкция каменно-земляная. На сохранившихся участках высота вала достигает 3 м. На возвышенных участках имеется несколько десятков сигнальных башен. Считается, что вал мог служить для охраны транспортных путей.

Сооружение подобной конструкции обнаружено восточнее, в уезде Хунчунь. Общая протяжённость этого вала, протянувшегося с запада на восток, составляет примерно 25 км. Иногда он раздваивается. На равнинных участках он насыпан из земли, поэтому его конструкция хорошо прослеживается только на горных участках, где в отдельных местах использовалась и каменная кладка. Ширина вала в основании составляет 8 м, высота – 1–1,5 м. У подножья вала проходит ров. Его ширина – 6–7 м, глубина – 1–2 м. На валу обнаружены остатки 8 сигнальных или наблюдательных башен [Ли Чонсу, 2012, с. 211 – 212].

Кроме валов в Яньбяне обнаружено немало горных городищ, сооруженных на крутых склонах. Эти различающиеся по функции конструкции дополняли друг друга. Длинные стены можно отнести к оборонительной системе, но основное их применение и назначение – это предупреждение об опасности через систему сигнальных башен [Лим Чхангён, 2012, с. 160 – 164].

В письменных источниках отсутствуют упоминания о строительстве этого вала. Суммируя имеющиеся в литературе сведения, можно выделить следующие несколько гипотез о времени его возведения и использования. Во-первых, когурёсцы могли построить этот вал для защиты от *илоу* и *уцзи*. Весомым аргументом датировки вала считается проведенный радиоуглеродный анализ материала, полученного из разреза в месте обнаружения одной из сигнальных башен в районе Яньци. Полученные даты – 331–481 гг. – позволяют предполагать, что памятник относится к когурёскому времени [Лим Чхангён, 2012, с. 166]. Не отрицая полученный результат, можно предположить, что к этому времени могло относиться только сооружение башни. Сам вал мог быть пристроен в более позднее время. К тому же, судя по планиграфии защитных конструкций вала (башни), он, вероятно, должен был быть сооружен против противника, расположенного к югу, что не совпадает с северным направлением возможного нападения противника в эпоху Когурё [Ли Сонджэ, 2012, с. 173 – 176].

Во-вторых, это могла быть оборонительная система, предназначенная для защиты Средней и Восточной столиц Бохая от *хэйшуй мохэ*. С внутренней стороны вала, т. е. с южного направления расположено много равнинных бохайских городищ. К северу от вала преобладает гористая местность. Вал в Яньбяне окружал необходимый участок, но он не может являться маркером пограничной линии [Лим Чхангён, 2012, с. 165].

Севернее г. Яньцзи, на горной вершине расположена сигнальная башня. Ее диаметр составляет 11 м, высота – до 2 м. Вокруг башни сооружен кольцевой ров диаметром 22 м. На склоне к югу от сигнальной башни обнаружено большое скопление бохайской керамики, указывающее на бохайское время существования вала. В 1,5 км северо-западнее обнаружены остатки сигнальной башни, сложенной из камня и земли [Лим Чхангён, 2012, с. 155, 165 – 166].

Выглядит неубедительно отрицание Сю Сюэи бохайской принадлежности вала. Он относит его к Восточному Ся, считая, что ориентировка вала указывает на северо-западное направление атаки монголов. Кроме того, вал окружает и горное городище Чэнцзышань, где располагалась столица Восточного Ся. Использование сигнальных башен, каменно-земляная конструкция этих двух памятников могут свидетельствовать о синхронном времени сооружения [Лим Чхангён, 2012, с. 167].

Наконец, этот вал мог быть сооружен *чжурчжэнями* для защиты от вторжения со стороны юга, от корейского государства Корё, когда корёский военачальник Юн Кван напал на *чжурчжэней* в 1107 г. и поставил девять крепостей [Ли Чонсу, 2012, с. 212 – 213]. Однако о расположении этих крепостей нет устоявшегося мнения, поэтому эта гипотеза также требует дополнительных доказательств.

Очевидно, что расхождение между исследователями в датировке вала опирается часто на конструкцию вала, и особенно башни, т. е. не ясно их назначение: либо это были сигнальные башни, либо фронтальные оборонительные башни. Если верно первое предположение, то их южное расположение указывает на северное направление военной угрозы (легче охранять). И, наоборот, в другом случае такие башни имели функцию защиты от наступающего с севера врага.

Такие характеристики вала, как земляная конструкция на большей части его протяжения, наличие и южное направление расположения башен и рва – все это может указывать на поздний характер вала, а именно на период Цзинь (XII–XIII вв.). В горах же благодаря наличию подходящего строительного материала отдельные участки конструкции возводились с использованием камня. С помощью сигнальных башен производилось оповещение о возникновении опасности. Интересно, что по конструкции и использованному строительному материалу сооружения в Яньбянь аналогичны валам в районе Муданьцзянь. Поэтому мы считаем, что описанные фортификационные сооружения в Яньбянь могли использоваться и в более раннее бохайское время. Поскольку археологические исследования вала не проводились, необходимо проведение дополнительных исследований. Однако совершенно очевидно, что по особенностям конструкции и месту расположения эти валы не были связаны с ханьской культурой. Это следует учитывать при анализе современной китайской историографии, в которой сильны мотивы идеологического характера.

Научный руководитель – канд. ист. наук С. В. Алкин.

Список литературы

Ли Сонджэ. Начальное исследование методов управления крепостями в Когурё и Бохае: к пониманию расположения городищ на территории Яньбяня // Когурё Пархэ ёнгу (Изучение Когурё и Бохая). – 2009. – Т. 34. – С. 159 – 188 (на кор. яз.).

Ли Чонсу. «Проект по сохранению длинных стен» в Китае; существующее положение длинных валов Когурё и Бохая и рассмотрение контрпланов «Проекта» // Когурё Пархэ ёнгу (Изучение Когурё и Бохая). – 2012. – Т. 44. – С. 199 – 221 (на кор. яз.).

Лим Чхангён. Характер и существующее положение длинных стен в Яньбяне // Тонбукаёкса нончхон (Сборник по истории Северо-Восточной Азии). – 2012. – С. 135 – 181 (на кор. яз.).

Погребения XII–XIV вв. могильников Улан-Хада – I и III в Восточном Забайкалье

Территория Восточного Забайкалья имеет непосредственное отношение к формированию монгольской культурно-политической общности. В ее составе особенно выделяется район Поононья, в котором находится большое количество памятников, напрямую связанных с именем Чингисхана и с событиями того времени: «Чаша Чингисхана», падь Делюн-Болдог, остров Икарал, гора Большой Батор, мыс Гыдэргун и др. Отсюда и давний интерес к этим памятникам со стороны этнографов, археологов и других исследователей.

В 1979 г. сотрудниками Верхнеамурской археологической экспедиции была исследована группа разновременных погребальных комплексов, расположенных на г. Улан-Хада, в окрестностях пос. Ясногорск Оловянинского района. В их составе оказались и четыре погребения раннемонгольской культуры, которые были обнаружены в могильниках Улан-Хада – I и III и предварительно датированы Е. В. Ковычевым XII–XIV вв. (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7823. Л. 23–28).

Могильник Улан-Хада – I

Расположен на юго-западном склоне сопки, выходящем в пойму р. Онон и частично р. Турги. В могильнике насчитывается более двадцати погребений разного типа – плиточных могил и курганов железного века. Одно из курганных погребений было раскопано на краю оврага в 1965 г. Р. Н. Ступниковым – учителем Оловянинской школы № 235. От погребения сохранилась лишь верхняя часть вместе с черепом. Это позволило определить положение погребенного и его ориентацию: на спине, головой на север.

Погребение № 6 располагалось на краю оврага, в небольшом ложке, выходящем в долину Онона. Каменная кладка вытянутой овальной формы, размером 320×190 см, вытянута по линии С-В – Ю-З. Камни выкладки – средние и крупные плиты, лежащие плашмя. Наиболее крупные плиты располагались в нижней Ю-З части кладки, удерживая ее от оплывания по склону. Кладка в профиле однослойная. Могильная яма выявилась на глубине 40 см, размером 175×50 см (на глубине 70–75 см); глубина от дневной поверхности – 110 см. В заполнении встречались древесные угольки. На дне могильной ямы был обнаружен костяк человека. Погребенный лежал на спине, головой на север, с уклоном 5° к востоку, со слегка согнутыми в коленях ногами. Правая рука была согнута в локте и положена кистью на таз, левая лежала вытянуто. Длина костяка – 170 см. Других находок нет.

Могильник Улан-Хада – III

Расположен на крутом и обрывистом склоне горы Улан-Хада, рядом с небольшим распадком, врезающимся в сопку со стороны р. Турги. Могилы располагаются с правой стороны распадка, почти у самой вершины сопки, опускаясь по плато до края обрыва.

Погребение № 9 имело каменную кладку овальной формы, вытянутую по линии С–Ю, размером 220×130 см. Кладка плоская, сложена по кругу средними и крупными плитами сланца, с накладкой друг на друга, с пустотой в южной части (90×30/40 см). На глубине 30 см от поверхности была выявлена узкая могильная яма размером 120×40 см, рубленая в скальный материк и ориентированная по линии С – Ю. В заполнении могильной ямы шла крупнозернистая щебенка со сланцем.

В могильной яме на глубине 60 см был обнаружен костяк ребенка 5–7 лет, похороненного на спине, в вытянутом положении головой на север. Длина костяка – 100 см. Кости плохой сохранности, череп повернут вправо, руки слегка согнуты в локтях. Слева от черепа стояла вертикально установленная берцовая кость барана. У локтя правой руки были найдены коррозированные кусочки железа, возможно, от ножа. Сверху костяк был перекрыт слоем бересты, остатки которой сохранились по всей площади могильной ямы. Края бересты были подогнуты под костяк сбоку. Под костями ребенка также были обнаружены куски бересты. Очевидно, первоначально ребенок был завернут в бересту полностью или же упрятан в специально сшитый для погребения берестяной мешок-короб.

Погребение № 10 курганного типа, сверху имело кольцообразную каменную выкладку вытянутой овальной формы размерами 430×200 см. Камни – крупные и средние плиты сланца, окантовывали погребение по краю. В профиле кладка однослойная. Могильная яма имела почти прямоугольную форму размером 200×70 см. На глубине 85 см была обнаружена деревянная колода с тонкой сгнившей от времени крышкой. Колода была изготовлена из соснового бревна, распиленного вдоль. Размеры ее наружной части – 200×52 см; размеры внутренней части – 170×40 см с легким сужением внизу. Ориентирована она по линии С–Ю с отклонением 10° к востоку. Колода имела вогнутые борта и плоское днище. Глубина ее в изголовье 35 см, в ногах 25 см. Внутренние стенки колоды носили следы обожжения огнем. Можно предполагать, что колода первоначально подверглась грубой обработке топором или теслом, а затем была обожжена.

В колоде был обнаружен костяк человека, лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на север с отклонением в 10° к востоку. Руки вытянуты вдоль туловища, череп повернут лицевой частью на запад. Длина скелета – 160 см. На костях скелета обнаружены остатки сгнившей кожи от одежды. Других предметов в погребении не найдено, за исключением жертвенной кости ноги барана, располагавшейся в головной части погребения, в С-З углу, за пределами колоды.

Погребение № 15 – каменная кладка подчетыреугольной формы размером 360×260 см, вытянута по линии С-В – Ю-З. Камни крупные и средние, уложены в один ряд. Заполнение ямы – мелкозернистый песок, с небольшими включениями мелкого щебня. Могильная яма размером 200×70 см, в ней на глубине 95 см выявились контуры деревянной рамы без дна размером 170×60/40 см. Рама была перекрыта сверху двумя тонкими досками, остатки которых сохранились в верхней и нижней части. Конструкция была составлена из двух продольных и двух поперечных досок, состыкованных друг с другом и опущенных прямо на землю нижними концами. Ширина досок – 2 см, высота – 25–30 см. В раме лежал костяк человека длиной 160 см, на спине, в вытянутом положении, головой на С-В. Руки его были слегка согнуты в локтях, лицо обращено на С-З. Справа от таза, найдены кусочки железа, возможно, от пряжки, с внешней стороны левой ноги (у голени) – железный нож с деревянной рукоятью в перегнивших ножнах, а с обеих сторон черепа – две бронзовые проволочные серьги в виде знака вопроса со стеклянными бусинками матового цвета в нижней части. Под черепом погребенного сохранились кусочки тонкой шелковой ткани без рисунка.

Оценивая результаты исследований на могильниках, мы не можем не обратить внимание на разнородность раскопанных погребений и их местонахождение – на периферии могильных комплексов. Это свидетельствует о том, что древние монголы с почтением относились к памятникам своих предшественников. И сегодня буряты и монголы считают своими предками носителей культуры плиточных могил, а также население, оставившее хуннские погребальные комплексы.

Однако небольшое количество крайне невыразительного погребального инвентаря, а часто и полное отсутствие его в могилах свидетельствуют в пользу низкого

социального и экономического положения погребенных. Такие «бедные» погребения нередко встречаются в составе других могильников Поононья (ср. могильники Ясногорск-IV, Благодатный, Кусочи, Оловянная и др.) [Ковычев, 2013, с. 50 – 54]. Конкретными же датирующими элементами для данных погребений являются: северная ориентация погребенных, характерные для монгольского времени формы однослойных каменных выкладок, положение костяков в могилах и наличие деревянной рамы или колоды.

Научный консультант – канд. ист. наук Е. В. Ковычев.

Список литературы и источников

Ковычев Е. В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1979 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7823. 113 л.

Ковычев Е. В., Ухинов З. Ч. Древнемонгольский могильник Благодатный в Восточном Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. – Чита: ЗабГУ, 2013. – Т. II. – С. 50–54.

УДК 904,08/09”

А. В. Щербакова

Кемеровский государственный университет

Проблема культурной принадлежности средневековых памятников Кузнецкой котловины на рубеже IX–X вв. в концепциях исследователей

Средневековая археология Кузнецкой котловины давно привлекает внимание исследователей. Анализ известной литературы свидетельствует о наличии значительного количества разногласий в трактовке археологами культурной принадлежности и хронологии отдельных памятников.

Большинство исследователей придерживаются единых взглядов на развитие культур Кузнецкой котловины в Средневековье. С V–VI вв. н. э. здесь жили представители верхнеобской археологической культуры (АК), так называемое местное или же самодийское население, затем на рубеже IX–X вв. с южных районов приходят кочевники кимаки-кыпчаки, и в результате смешения местного и пришлого населения образуется сросткинская археологическая культура, которая существовала до XIII в. [Могильников, 1981, с. 45; Савинов, 1984, с. 90].

Памятники переходного периода (IX–X вв.) являются самыми трудными для определения их культурной принадлежности. По мнению некоторых исследователей, это уже не совсем верхнеобская археологическая культура, но еще не в полной мере сросткинская [Васютин, 2003, с. 15].

Для сравнения возьмем несколько средневековых курганных могильников Кузнецкой котловины.

Курганный могильник Ваганово датирован IX–X вв. [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 4]. В монографии, посвященной этому памятнику, дается четкая аргументация

принадлежности памятника к верхнеобской культуре, не отрицая наличия кочевнического компонента.

Курганный могильник Танай VIII датирован XI–XII вв. и отнесен к сrostкинской культуре [Савинов, Бобров, 2011, с. 64 – 65]. Авторы статьи говорят о наличии здесь кочевнического компонента со значительным доминированием местных элементов. Анализ археологического материала позволил авторам утверждать, что эти две культуры какое-то время мирно сосуществовали.

Противоречивая ситуация сложилась вокруг могильников Сапогово, Саратовка, Торопово. А. С. Васютин датирует эти памятники IX–X вв. и относит их к верхнеобской культуре по доминантному признаку [Васютин, 2001, с. 223 – 226.; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 48]. Совершенно иную позицию в хронологии этих памятников занимает А. М. Илюшин. Сапогово он датирует второй половиной VIII – первой половиной IX в. и отождествляет его с культурой тюргешей, которые находились в тесной связи с местным угро-самодийским населением [Илюшин, 1993, с. 36, 49]. Торопово А. М. Илюшин датирует XIII–XIV вв. и относит памятник к предмонгольскому времени. Кроме того, автор считает, что курганы, входящие в могильник, относятся к разным этническим группам [Илюшин, 1999, с. 68]. Курганы могильника Саратовка датируются индивидуально в пределах V–XIII вв. и отождествляются с самодийским племенем «бома» [Илюшин, 1999, с. 67]. Однако Д. Г. Савинов приводит весомые аргументы о невозможности идентификации этнонима бома со средневековым населением Кузнецкой котловины [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 22].

Не менее противоречивая ситуация сложилась вокруг могильников Шанда и Беково. Материалы по этим памятникам обобщил и ввел в научный оборот в своей монографии А. М. Илюшин. Эти два памятника он объединил в комплекс курганных могильников средневековых кочевников долины реки Бачат. Весь этот комплекс А. М. Илюшин датирует X–XI вв. и относит его к предкам бачатских телеутов, предлагая тем самым этнокультурную интерпретацию развития населения кочевников долины реки Бачат и в целом населения Кузнецкой котловины, полностью отрицая понятие «сrostкинская археологическая культура» [Илюшин, 1993, с. 34 – 35].

Курганные могильники Ур-Бедари и Озерки А. С. Васютин датирует IX–X вв., при этом Ур-Бедари относит к сrostкинской археологической культуре, а Озерки имеют признаки верхнеобской и сrostкинской культур [Васютин, 2001, с. 223 – 226].

В основе разногласий между исследователями лежит отсутствие общего подхода в изучении и интерпретации археологических памятников. Такие исследователи, как А. С. Васютин, Д. Г. Савинов, В. В. Бобров, в своих научных работах, посвященных рассматриваемым памятникам, главным идентификатором культурной принадлежности считают погребальный инвентарь и погребальный обряд в целом. Однако погребальный инвентарь и погребальный обряд изученных памятников нередко содержит признаки и сrostкинской, и верхнеобской культур. Как свидетельствуют археологические материалы, упомянутые культуры в Кузнецкой котловине тесно связаны друг с другом, и поэтому исследователи указывают на их сосуществование в период IX–X вв. В свою очередь А. М. Илюшин отождествляет археологические памятники с определенными этнонимами, не акцентируя внимания на их принадлежность к определенной археологической культуре.

Таким образом, проведенные исследования показывают, что наиболее важной задачей средневековой археологии Кузнецкой котловины является выработка общей методологии археологических исследований, позволяющей избегать неоднозначной интерпретации археологических памятников.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Н. М. Зиняков.

Список литературы

Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С. Вагановский курганный некрополь IX в. н. э. в Присалаирье. – Кемерово: ИНТ, 2010. – 276 с.

Васютин А. С. Сросткинская археологическая культура: исторические мифы и археологические факты // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 13 – 19.

Васютин А. С. Сросткинские типы изделий в Верхнеобской гарнитуре (к вопросу о культурных взаимосвязях на Верхней Оби в конце I тыс.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – Вып. 12. – С. 223 – 226.

Илюшин А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 116 с.

Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 160 с.

Илюшин А. М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого Средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово I). – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.

Могильников В. А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1981. – Гл. 2. – С. 45 – 46.

Савинов Д. Г., Бобров В. В. Погребение раннесредневекового могильника Танай VIII // Историко-культурное наследие Кузбасса. – Кемерово, 2011. – С. 52 – 59.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 174 с.

АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

УДК 39:902(519)

Г. Г. Алексеев

Дальневосточный федеральный университет

Памятники корейской этноархеологии на территории полуострова Краббе (Хасанский район, Приморский край)

В середине XIX – начале XX в. на русский Дальний Восток переселились выходцы из северных провинций Кореи. До 1938 г. минимум 80 % гражданского населения Хасанского района составляли корейцы. На территории района насчитывалось более 300 населенных пунктов. До 1972 г. на территории района преобладала корейская топонимика. Письменные источники и официальные хроники дают лишь частичное представление о численности населения и территории проживания корейцев в Приморье в конце XIX – начале XX в. В данной ситуации археологические источники могут представить интересующую нас информацию, дать представление о хозяйственной модели корейских переселенцев, модели их расселения, устройстве их быта [Никитина, 2013, с. 337].

Изучение материальной культуры корейских поселенцев на территории российского Приморья отражено в работах как очевидцев происходящих событий (конец XIX – начало XX в.: Ф. Ф. Буссе, В. К. Арсеньев, В. И. Кирилов и др.), так и исследователей советского и современного периодов (Б. Д. Пак, А. Т. Кузин, А. И. Петров, Е. Н. Чернолуцкая, В. Н. Караман, Я. А. Барбенко, Р. Ш. Джарылгасинова, Ли Кван-гю и др.) [Авилова, 2001, с. 111].

Началом переселения корейцев в Россию считаются 60-е гг. XIX в. Различные взгляды на дату начала этого процесса обусловлены использованием различных источников, которые приводят разные даты. Такие разночтения можно обнаружить в трудах: Н. А. Насекина, В. Д. Песоцкого, Е. Т. Смирнова, полковника Ольденбурга [Авилова, 2011, с. 115]. Так, в 1863 г. 13 корейских семей, поселившихся на р. Тизин-хе (Тызен-хэ), основали первое на русской территории нелегальное корейское село под одноименным названием. В 1864 г. было получено разрешение военного губернатора Приморской области контр-адмирала П. В. Казакевича на переселение корейских семей на постоянное жительство в Россию с перспективой принятия в дальнейшем русского подданства и получения земельного надела, т.е. на легальное переселение. Корейцы тайно от своих властей переходили пограничную реку Туманган (ныне р. Туманная). Стихийные бедствия, голод, нищета и полное бесправие способствовали началу активного переселения корейцев в Россию. Особенно поток переселенцев возрос после аннексии Кореи Японией в 1910 г., переселение шло: «...открыто, легально с молчаливого согласия русских чинов-

ников и военных чиновников и военных властей, нуждавшихся в тот период в дешевой рабочей силе для освоения края» [Авилова, 2011, с. 115].

Первоначально с 1869 по 1873 г. корейцы заселяли смежные с их исторической родной приграничные районы, поселения располагались в основном на Посъетском участке, и по берегу моря до залива Посъет. Здесь были основаны такие поселения, как Тизинхэ, Янчихэ, Сидими, Адими, Чапигоу, Краббе и др. Заселены они были, прежде всего, корейцами, которые в языковом и культурном отношении старались не смешиваться с русскими крестьянами. Русская военная администрация Южно-Уссурийского края нашла в лице корейских переселенцев чрезвычайно ценных государственных крестьян, которые обладали достаточным опытом возделывания земли в сыром муссонном климате среди сопок и по морскому побережью. Тем более, что корейцы приходили со своим рабочим скотом и необходимым набором сельскохозяйственных орудий. Они давали возможность на месте решать проблемы продовольственно-фуражного снабжения армейских и флотских частей. И одновременно с обеспечением российских войск мясом и крупами, сеном и овсом корейцы исправно участвовали в строительстве и содержании дорог, предоставлении гужевого транспорта для казённых нужд, то есть исполняли, как тогда было принято, дорожную и подводную повинность.

Одним из мест активного расселения корейцев был полуостров Краббе, который, на наш взгляд, особенно перспективен и привлекателен в плане развития этноархеологических исследований.

Первым зафиксировал наличие на полуострове Краббе археологических объектов сотрудник ТИПРО А. И. Разин (1925–1926). Последующие экспедиции: в 1976 г. Ж. В. Андреевой, в 1991 г. Ю. Г. Никитина и Ю. Е. Вострецова – провели здесь археологические исследования и подтвердили высокую насыщенность территории полуострова археологическими памятниками, различного хронологического диапазона [Батаршев, Крупянко, Попов, 2007, с. 413 – 416]. В настоящее время здесь насчитывается около 50 археологических объектов, относящихся к разным историческим периодам. До сих пор к нераскрытым загадкам полуострова можно отнести каменные кладки на горе Дегера, каменные землянки (предположительно древние буддистские храмы), ритуальные каменные магические знаки на вершинах сопок.

На территории полуострова Краббе можно обнаружить объекты, которые можно идентифицировать как ритуальные, хозяйственно-бытовые постройки и предметы быта, связанные с корейскими поселенцами: 1) насыпные платформы-фундаменты и остатки каменных стен, валообразные сооружения; 2) остатки огороднической деятельности очищенные от камней и деревьев под огороды, площадки с каменными оградками, мелиоративные борозды-влагоотводы; 3) погребальные комплексы в виде грунтовых могил, перекрытых невысокими земляными курганами; 4) каменные абы – места отправления религиозного культа; 5) керамическая черепица; 6) чугунные изделия (котлы, части плугов, дверные накладки, сельскохозяйственный и строительный инвентарь и т.д.) (чугунное производство находилось на юге района и использовало местное сырье); 7) каменные мельничные жернова, иногда декорированные резьбой, и каменоломни для их изготовления; 8) фрагменты фарфоровой, фаянсовой и глиняной посуды корейского и китайского производства.

История корейских поселений на юге Приморья обрывается в 40-е гг., когда была проведена массовая депортация корейцев из Хасанского района. Места старых поселений в большинстве своем не сохранились, хотя в прибрежной зоне зафиксированы остатки старой китайской и корейской кухонной утвари. В бухтах полуострова можно увидеть остатки неплохо сохранившихся корейских ферм, культовых и погребенных комплексов.

Таким образом, на наш взгляд, местонахождения, связанные с корейской историей на юге Приморья – прекрасный полигон для этноархеологических изысканий.

Научный руководитель – канд. ист. наук, проф. А. А. Крупянко.

Список литературы

Авилова И. К. Участие корейцев в хозяйственной колонизации юга Дальнего Востока во 2-й половине XIX – начале XX в. (некоторые аспекты проблемы) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке России. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001. – С. 111 – 142.

Батаршев С. А., Крупянко А. А., Попов А. Н. Этноархеологические памятники Хасанского района (Приморье): Проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: материалы докл. междунар. науч. конф. – Иркутск: ИрТГУ, 2007. – С. 413 – 416.

Никитина Л. А. Корейские поселения в Приморском крае в конце XIX – начале XX в. (Роль археологических источников в изучении вопроса) // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докл. 53 РАЭСК, Владивосток, 24–30 марта 2013 г. – Владивосток: Изд. дом ДВФУ, 2013. – С. 336–338.

УДК 256:930

А. А. Вишнякова

Омский государственный педагогический университет

Сибирский шаманизм и экстатические состояния: к историографии вопроса

В настоящее время в нашей стране и за рубежом возрастает интерес к исследованию различных аспектов шаманизма специалистами самых разных областей, включая археологов, этнографов, религиоведов, психиатров, психологов и т. п. Отмечается возрождение различных шаманских практик, причём не только у представителей традиционных культур, но и у населения крупных мегаполисов. В последнее время в поле зрения учёных всё чаще попадают вопросы, связанные с ролью экстатических состояний в шаманских ритуалах. Целью предлагаемого сообщения является обзор различных точек зрения на эту проблему, которые высказывались в научной литературе с начала XX в. до настоящего времени.

На протяжении этого периода одним из наиболее дискуссионных оставался вопрос о психическом здоровье исполнителей шаманских обрядов. На этот счёт существуют различные оценки, которые можно объединить в несколько подходов.

Один из них заключается в том, что шаманизм строится исключительно на культе сумасшествия, т. е. шаман – это человек с психическими отклонениями разного происхождения, которые сыграли решающую роль как в его профессиональном выборе, так и в последующей ритуальной практике. Эту точку зрения разделяли такие дореволюционные авторы, как В. Г. Богораз, К. М. Рычков, П. Е. Кулаков, Р. Маак, Л. Я. Штернберг. Например, В. Г. Богораз в одной из работ отмечал, что, изучая шаманство, мы, прежде всего, наталкиваемся на целые категории мужчин и женщин, больных нервной возбудимостью, порой сумасшедших [Бого-

раз, 1909, с. 6]. К. М. Рычков писал, что «шаманство есть психопатологическое явление. Шаманы нервно-импульсивные лица, с крайне нервной болезненно возбудимой организацией» [Рычков, 1914]. Стоит сказать, что подобные суждения строились как на непосредственных полевых наблюдениях, так и на сообщениях этнографов и путешественников, наблюдавших шаманов ранее. При этом так называемая «шаманская болезнь» рассматривалась в основном как проявление различных психических расстройств.

В советский период сторонниками подобного подхода были такие учёные, как Д. К. Зеленин, Г. В. Ксенофонтов, С. А. Токарев. Так, Д. К. Зеленин указывал, что появление шаманства связано с нервнобольными людьми, которым в Сибири придавалось особое значение: такой человек был близок к другому миру и его можно было «отправить» в качестве посланца, дабы заручиться поддержкой божеств [Зеленин, 1936, с. 361, 363]. Однако, рассматривая труды советских ученых первой половины XX в., необходимо учитывать идеологический фактор: в это время в СССР на государственном уровне пропагандировались антирелигиозные идеи, атеистическое влияние распространялось на все сферы общества, не говоря уже о науке. Поэтому дискредитация не только шаманства, но и религии в целом в научных работах того времени была обычным явлением.

Несколько иной точки зрения придерживался известный психиатр С. Н. Давиденков, который считал, что развитие социокультурной сферы и улучшение качества жизни человека привело к снижению роли естественного отбора, в результате чего шло ослабление нервной системы людей, прогрессировали неврозы и истерии. В свою очередь это играло большую роль в распространении шаманских обрядов, поскольку у их исполнителей и участников появилась возможность впадать в более глубокие трансовые состояния [Давиденков, 1947].

Иная точка зрения на рассматриваемую проблему заключается в том, что шаман в принципе психически здоров, а некоторые психофизические особенности являются для него нормой, поскольку обусловлены спецификой шаманской практики. Одним из первых, кто пришёл к такому выводу, был С. М. Широкогоров, который считал, что шаман должен быть здоров, иначе состояние экстаза и всё камлание превратятся в нервный припадок. Помимо этого, шаманство обеспечивает санитарно-предохранительную роль в психической жизни народа [Широкогоров, 1919, с. 60, 62]. Этой же точки зрения позднее придерживались такие учёные, как Л. П. Потапов, Г. Н. Грачева, М. Элиаде, В. Н. Басилов, К. Леви-Стросс и др. Например, Л. П. Потапов считал, что особое поведение шамана является столь же устойчивым и каноничным, как шаманская лексика [Потапов, 1991, с. 5]. По мнению Г. Н. Грачевой, шаманом становится тот, кто близок к потустороннему миру, – человек, отличающийся от других, а шаманский сеанс имеет благотворный психотерапевтический эффект для присутствующих на нём, являясь своего рода сеансом групповой психотерапии [Грачева, 1983, с. 132 – 133, 140]. В. Н. Басилов полагал, что патологические состояния психики, которые характерны для шамана, могут быть также следствием самовнушения, поэтому в результате камлания шаман получает «облегчение» [Басилов, 1984, с. 146]. М. Элиаде писал, что шаманство не является психическим заболеванием, несмотря на внешнее сходство; в Сибири его основной функцией является целительство, в т. ч. и душевное [Элиаде, 2000, с. 7, 121]. К. Леви-Стросс также подчёркивает роль шамана как психоаналитика. С. В. Вайнштейн и Н. П. Москаленко считают, что для шамана необходимы определённые психофизиологические особенности личности: возможность входить в состояние глубокого экстаза, способность к галлюцинациям и т. п., т. е. набор определённых изменений в структуре мозга. Шаманские камлания являются одной из основных функций шамана в Сибири, поскольку представляют собой определенную технику психотерапии, которая оказывает благотворное влияние не только на пациентов, но и на самого камлающего [Вайнштейн, Москаленко, 1995, с. 68, 69].

Если проследить трансформацию взглядов на психологические аспекты сибирского шаманизма и экстатические состояния, то можно отметить следующее. Первоначально исследователи рассматривали проблему через призму так называемого культа сумасшествия. Позднее, при более глубоком изучении данного вопроса, учёные сходились во мнении, что шаман, конечно, «человек не от мира сего», но психически он вполне здоров, и его «особое» душевное состояние по большей части объясняется спецификой его ремесла, для которого требуются определённые психофизиологические качества. Это стало очевидным при более глубоком изучении изменённых состояний сознания, к которым относятся и экстатические, столь характерные для шаманских камланий. Многие специалисты сходятся во мнении, что в сибирском шаманизме одной из основных функций является именно терапевтическая, которая важна не только для коллектива, где живёт шаман, но и для него самого.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е. М. Данченко.

Список литературы

- Басилов В. Н. Избранники духов. – М.: Политиздат, 1984. – 208 с.
- Богораз В. Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии. – М.: Тип. Моск. ун-та, 1910. – 36 с.
- Вайнштейн И. С., Москаленко Н. П. Проблемы тувинского шаманства: генезис, избранничество, эффективность лечебных камланий, современный ренессанс // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию профессора Л. П. Потапова. – М.: ИЭА РАН, 1995. – С. 62 – 75.
- Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – 174 с.
- Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. – Л.: ГИДУВ, 1947. – 382 с.
- Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 436 с.
- Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Рычков К. М. О религиозных воззрениях и шаманизме сибирских инородцев // Записки Зап.-Сиб. отд-ния РГО. – 1914. – Т. II. – № ½.
- Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. – 1919. – Вып. 1. – С. 47 – 108.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев: София, 2000. – 480 с.

УДК 2-4(=512.2)

С. С. Гаврилов

Амурский государственный университет

Перспективы существования традиционных верований и религиозных практик тунгусов в трактовке С. М. Широкогорова

Научное наследие С. М. Широкогорова представляет собой значительный этап в развитии этнологии и этнографии. Сферой профессиональных интересов ученого были народы Восточной Сибири и Дальнего Востока. С. М. Широкогоров долгие годы занимался

этнографическим исследованием тунгусов, изучением языка и диалектов, сбором антропометрического материала данного этноса. В результате полевых экспедиций Сергей Михайлович Широкогоров накопил, интерпретировал и представил научной общественности значительный материал, характеризующий, в том числе традиционные верования и религиозные практики тунгусов. Им был сделан ряд предположений относительно будущего тунгусов и, в частности, их традиционных верований и религиозных практик.

Сергей Михайлович одним из первых отметил особенность шаманизма адаптироваться к любой религии, «приспосабливаясь к ней и пополняя системы духов новыми знаниями» [Широкогоров, 1919, с. 104]. Так, проникновение в среду шаманистов приемов борьбы с духами, медицинских знаний китайцев неизбежно, по мнению ученого, должно было привести к значительному сокращению области шаманства. С. М. Широкогоров наблюдал и то, что маньчжурские эвенки по отношению к большинству духов стали использовать «личное обращение и жертвоприношение, заменяющее обращение через посредство шаманов» [Широкогоров, 1919, с. 104 – 105], больше свойственные для монотеистических религиозных традиций. При этом неоднократное достижение благоприятного результата приводило к тому, что постепенно эвенки отходят от традиционных обрядов и шаманских практик и возвращаются к их использованию только в крайних, наиболее критических ситуациях. Наиболее вероятно, что подобные процессы трансформации шаманских верований происходили в силу распространения среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока христианских верований.

С. М. Широкогоров приходит к выводу, что существует «возможность исчезновения шаманизма у тунгусо-маньчжурских народов, а, может быть, и их самих. Очевидно одно: даже если тунгусы выживут, то шаманизм их будет уже не таким, каким я наблюдал его. Нужно будет изучать новый комплекс в новой этнической среде, от начала до конца, элемент за элементом» [Shirokogoroff, 1935, p. 402].

Насколько взгляды С. М. Широкогорова актуальны сейчас, можно судить по данным современных исследователей, свидетельствующих о том, что в настоящее время среди эвенков Приамурья и Южной Якутии достаточно широк слой людей, разделяющих шаманские верования. Однако в начале XXI в. шаманов в эвенкийских посёлках почти не осталось. Встречаются люди, в той или иной мере соответствующие, по мнению окружающих, эвенкийским представлениям о шамане, но по разным причинам эти возможные кандидаты не становятся «избранниками духов» [Эвенки Приамурья, 2012, с. 255].

Ещё крепкие корни эвенкийской культуры сохраняются далеко в тайге, например в эвенкийском селе Бомнак Амурской области. Однако здесь давно не было шамана. Они перевелись тут ещё в советское время. Как отмечает коллектив ученых под руководством А. П. Забияко, несмотря на отсутствие практикующих шаманов и долго остававшийся в силе запрет на шаманизм, вера жителей Бомнака в шаманскую силу осталась жива. Живы рассказы о том, как страшно было общаться с шаманом, как он видел всё на расстоянии и предсказывал будущее. Эти истории передают из поколения в поколение сами эвенки, с которыми происходили эти события или о которых они слышали от родственников. В 2010 г. Бомнак по приглашению жителей посетила бурятская шаманка С. И. Воронина. Многие жители, в большей степени представители молодого поколения, стали больше интересоваться родной культурой и собственными корнями.

В шаманизме эвенков Приамурья и Южной Якутии складывается довольно непростая ситуация. Большинство эвенков этого края выступают в той или иной мере носителями шаманских верований: эвенки признают шаманство как особый религиозный институт, верят в способности шаманов, при необходимости обращаются или готовы обратиться к шаману за помощью. Между тем численность шаманов минимальна, явная

линия преемственности не выражена. Понятно, что в случае возникновения критических обстоятельств вера в шаманов и потребность в шаманских обрядах выдвинут из среды эвенков или из среды живущих с ними бок о бок русских, якутов, бурятов инициативных людей, готовых возложить на себя шаманские обязанности [Эвенки Приамурья ... , 2012, с. 261].

Шаманизм как одну из неотъемлемых составляющих этнокультурных традиций тунгусских народов нельзя рассматривать отдельно от социально-исторического контекста развития отдельного народа, в том числе и в ситуации межэтнического взаимодействия. Традиции шаманизма так или иначе проявляются у народов Сибири и Дальнего Востока. Современные ученые по-разному оценивают особенности функционирования шаманизма в существующих этнокультурах малых народов. Среди таких особенностей отмечают, в том числе и туристическую привлекательность для представителей других этнических групп. Шаманские принадлежности и обряды приобретают в некоторой степени коммерческую значимость. В частности, об этом свидетельствует созданный недалеко от села Первомайское Амурской области туристический комплекс «Эвенкийская деревня», где посетители могут познакомиться с этнокультурными и религиозными традициями данного этноса, в том числе и с шаманскими практиками.

Кроме того, А. Д. Карнышев считает, что влияние шаманизма необходимо учитывать при анализе хозяйственной деятельности этнотерриториальных групп и сообществ; при изучении взаимосвязи природно-ландшафтной среды и традиционной этнокультуры коренных народов; при рассмотрении влияния шаманизма как этноконсолидирующего фактора на межэтническое взаимодействие этнических групп [Карнышев, 2010, с. 326].

Безусловно, активно развивающийся в различных сферах современный мир имеет свое влияние на существование шаманизма – данные практики, сохраняя свое традиционное культурное и религиозное содержание, приобретают новые формы и аспекты функционирования. В частности, исследователь сибирского шаманизма В. И. Харитоновна выделяет несколько новых видов шаманизма: бытовой, неошаманизм, городской, синтетический, экспериенциальный [Харитоновна, 2006, с. 146], возникновение которых было обусловлено актуальными вызовами современного мира.

Таким образом, оценка С. М. Широкогоровым перспектив существования традиционных верований и религиозных практик тунгусов в определенной части применима к современной культурно-исторической действительности. Ученый был прав в том, что современный шаманизм уже не такой, каким наблюдал его он. Новый комплекс тунгусских народов, как и предлагал Сергей Михайлович, изучается, но в уже изменившейся этнической среде. Взгляды С. М. Широкогорова, предвосхитившие выводы современных исследователей, показывают, насколько важно использовать его труды в процессе изучения традиционных верований и религиозных практик современных потомков тунгусов.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. А. П. Забияко.

Список литературы

Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – 552 с.

Харитоновна В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. – М.: Наука, 2006. – 372 с.

Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Уч. зап. историко-филол. факультета, г. Владивосток. – Владивосток, 1919. – Т. 1. Отд. 1. – С. 47 – 108.

Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры / А. П. Забияко [и др.]. – Благовещенск: АмГУ, 2012. – 384 с.

Shirokogoroff S. M. Psychomental complex of the Tungus. – L.: KeganPaul, Trench, Trubner&Co, 1935. – 469 p.

УДК 398(=512.145)

Н. Ф. Галеева

Омский государственный педагогический университет

Религиозный синкретизм в фольклоре татар севера Омской области (на примере образа шайтана)

Религиозный опыт сибирских мусульман выразился в отчетливо проявляющемся во всех отраслях жизни религиозном синкретизме – теснейшем переплетении различных религиозных и культурных традиций [Селезнев, Селезнева, 2004, с. 3]. В религиозной сфере татар севера Омской области элементы синкретизма присутствуют в свадебной, похоронной и поминальной обрядности, традиционной медицине, представлениях о различных духах.

Чаще всего домусульманские традиции включались в религиозную практику населения и рассматривались как традиции мусульманские или, по крайней мере, не противоречащие исламу [Басилов, 1998, с. 8]. Примером тому может служить образ шайтана и способы защиты от его воздействия, сочетающие как мусульманские молитвы, так и различные обереги.

Шайтан в мусульманской мифологии – одно из имен дьявола. Слово «шайтан» родственно библейскому «сатана». По представлениям мусульман, каждого человека сопровождают фериште (ангел) и шайтан, побуждающие его соответственно к добрым и нечестивым поступкам [Ислам, 1991, с. 81]. Согласно верованиям барабинских татар, шайтаны представляются некими безобразными существами с длинными пальцами, они обитают в нечистых местах, в домах их привлекает грязная посуда, открытая пища и вода, склоки и раздоры в семье [Мышегреб, 2007, с. 82].

В представлениях татар Тевризского района Омской области, шайтан – потусторонняя отрицательная сила, существующая независимо от человека и способная возникнуть в различных местах. Один из информаторов, *Агзам Сафович Гафеев* (род. в 1931 г. в д. Тайчи, татарин) сообщил: «Шайтаны могут появиться в том месте, где ночью вылили грязную воду. Позже они скапливаются под порогом, поэтому на нем нельзя сидеть или стоять».

Впрочем, шайтан может появиться и по другим причинам. Со слов *Джалиловой Мавзуфы Ибрагимовны* (род. в 1926 г. в д. Тайчи, татарка) известно: «Послед ребенка (*сонголык*) – с молитвой закапывали в подполе дома (обычно этим занималась бабушка ребенка) рядом клали гвоздь, чтобы не завелся шайтан».

Римма Фатыховна Джалилова (род. в 1964 году в д. Тайчи, татарка) рассказала: «После выноса покойника в пол, на котором он лежал, вбивают гвоздь. Воду, которой обмывали тело покойного, выливают, читая молитву, в чистое место, где не ходят люди, обычно под кустарники. В это место обязательно втыкают железный предмет (чаще всего гвозди). Если обряды не совершить, в этих местах появятся шайтаны. В то место, где человек умер, на несколько дней кладут топор».

Связь топора и перехода человека в потусторонний мир прослеживается и в фольклоре других народов. В представлениях салымских ханты при перемещении из Среднего в Нижний мир душа умершего должна была преодолеть несколько препятствий, в том числе и 2 топора [Фёдорова, 2000, с. 46].

Обряды защиты от шайтана сопровождают человека всю жизнь. Еще во время беременности на женщину возлагаются новые обязательства. Так, ей запрещается одной посещать баню, ходить в темное время суток по улице, особенно пересекать большие переулки, где, согласно представлениям, скапливается нечисть. Сама беременность становится таинством, которое пытаются скрыть от посторонних.

Большую угрозу шайтан представляет для новорожденного. *Гульдифар Арслановна Мавлютова* (1927–2012, д. Тайчи, татарка) сообщала: «Первые 40 дней ребенка нельзя оставлять одного. Шайтан может обменять его на своего младенца, который умрет, не дожив и до трех лет. Для оберега под подушку ребенка нужно класть острый металлический предмет и *догалык* (оберег, содержащий текст Корана – Н. Г.)».

Вера в охранительную силу железных предметов существовала еще у древних тюрок. По поверьям, шайтан убегает от железа (*тимер*) и стали (*корос*) (древнетюрк. *qurç* – «сильный») [Древнетюркский..., 1969, с. 467]. Примером такого же рода из этнографии русских является оставление топора как оберега под люлькой ребенка, если матери потребовалось срочно отлучиться.

Оберегом от шайтана могло послужить и имя ребенка, поэтому его подбирали с особой тщательностью. Известны случаи, когда имя меняли, желая запутать шайтана. *Шайхлислам Хусаинович Юмин* (род. в 1931 г. в д. Куксы, татарин) рассказал следующее: «В семье Чалимовых из д. Ташетканы в младенчестве умерли трое детей. Желая уберечь новорожденного сына, дали ему имя Тимергали (*тимер* – татар. «железо») – Н. Г.). Ребенок остался жив. Подобное произошло в семье Мурзафаровых из д. Тайчи. Их сын Рушан часто болел, и бывалые люди посоветовали родителям дать ребенку другое имя, чтобы обмануть шайтана. Так в пять лет Рушан стал Батыргалием (*батыр* – татар. «богатырь»). – Н. Г.)».

Шайтаны, по народным поверьям, свободно проникают в дома и могут поселиться там. Со слов информатора из аула Бергуль Куйбышевского района Новосибирской области: «Если возвращаешься поздно домой, то, закрывая дверь, нужно сказать: «Бисмилай, Рахман, Рахим» (начало мусульманской молитвы). Иначе шайтан с тобой зайдет. Сядет на плечо и зайдет. Потом на тебя всю ночь давить будет, и кошмары станут сниться» [Мышегреб, 2007, с. 82]. Эти сведения подтверждает и *Жамиля Муллагалеевна Жалилова* (род. в 1921 г. в д. Тайчи, Тевризского района Омской области, татарка): «Двери дома нужно запирают с молитвой, чтобы шайтан не зашел. Иначе ночью он сядет на грудь спящего и будет давить. Ни кричать, ни даже пошевелиться шайтан не позволит. Нужно не переставая читать молитву, и он отойдет. Чтобы подобное не повторилось надо положить под подушку нож. Я еще с вечера кладу на подоконники ножницы и ножи, а под трубу топор».

В литературе отмечалось, что, по представлениям аборигенов Западной Сибири, вход в дом – это космическая «дыра», и поэтому он требовал магической защиты от проникновения злонамеренных сил. Топор и должен был выполнять эту функцию после каждого открытия «дыры», которые неминуемо происходили при погребении, медвежьем празднике, сватовстве, манипуляциях с шаманскими бубнами и т.д. [Яковлев, Боброва, 2004, с. 154].

Впрочем, вред человеку шайтан может нанести и вне дома. *Кашифа Абуталиповна Аширбаева* (род. в 1937 г. в д. Тайчи, татарка) утверждает: «Если вечером берешь у соседей молоко, то сразу нужно положить в него уголек или кусочек хлеба, чтобы обезо-

пасить до прихода домой; чистую воду нужно заносить, закрыв крышкой, чтобы шайтан не успел испачкать».

Таким образом, образ шайтана, известного в Коране, отличается от народных представлений о нем, а способы защиты сочетают исламские молитвы и элементы традиций коренных народов Сибири.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е. М. Данченко.

Список литературы

Басилов В. Н. Народная культура в исламе и задачи ее исследования // Ислам и народная культура. – М.: Изд-во АН СССР, 1998. – С. 7 – 17.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Ислам: энцикл. словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.

Мышегреб А. М. Образ шайтана у барабинских татар по современным этнографическим материалам // Археология и этнография Приобья: материалы исследования: сб. науч. тр. каф. археологии и этнологии. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. – Вып. 1. – С. 81 – 85.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 72 с.

Фёдорова Е. Г. Похоронная обрядность // Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2000. – 230 с.

Яковлев Я. А., Боброва А. И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. – 363 с.

УДК 902.67,,17/18”

А. В. Герих

Иркутский государственный университет

Значение палеоантропологических исследований для изучения уровня здравоохранительной базы в Иркутске в XVIII – начале XIX в.

Изучение культуры сибирских первопоселенцев становится все более актуальным. Однако научная литература не изобилует работами, которые затрагивают уровень медицины и фармации того времени, с последующей интерпретацией этих данных в археологическом контексте. Накопление данных по антропологии городского населения и возрастающий интерес к изучению городов междисциплинарными методами обеспечивают увеличение сравнительной антропологической базы и востребованность изучаемого материала. Эти данные являются существенным источником дополнительных сведений об образе жизни, уровне развития изучаемого населения.

Цель данной работы – систематизировать письменные источники о медицине Иркутска в XVII–XIX вв. и соотнести их с результатами антропологических исследований населения этого времени, прежде всего в области патологий.

В Иркутске «домашние врачи» появились только в XVIII в. в губернаторских домах. Здоровьем населения занимались, в лучшем случае, «народные целители» [История ме-

дицины, 1981, с. 107; Словцов, 2006, с. 242]. В 1725 г. появились первые лекари, да и то в составе воинских частей [Словцов, 2006, с. 242]. Лекарь гражданский Иоганн Ваксман был командирован в Иркутск только через 12 лет, в соответствии с указом 1737 г. «о введении должностей городовых лекарей» [Гольдфарб, 1992, с. 201].

Оспа была одной из наиболее распространенных болезней в XVII–XVIII вв. в Сибири. Ежегодно от нее умирали десятки тысяч человек. Для «предохранения от болезни» врачи стали применять вариоляцию (прививание). В 1771 г. городской лекарь Кратче провел первое в Восточной Сибири и Иркутске оспопрививание. В то же время было открыто первое медицинское учреждение – «оспенный дом», в соответствии с указом Екатерины II от 1771 г. [Полное..., 1830, с. 409; Малоземова, 1961, с. 17 – 18].

Помимо оспы в Сибири бушевали и другие эпидемии: тифа, проказы, лихорадки и сифилиса [Словцов, 2006, с. 241]. В связи с этим в 1797 г. в губернских городах были учреждены врачебные управы, в их подчинение поступали врачи, больницы и аптеки [Полное..., 1830, с. 506]. Всего через год врачебная управа открылась и в Иркутске.

Первая гражданская больница в Иркутске была построена в 1807 г. на средства купца Чупалова. Не хватало врачей и в 1814 г. их стали направлять в Сибирь из центральной части России.

Начиная с 1861 г. и вплоть до XX в. на средства иркутских купцов и меценатов было открыто множество медицинских учреждений и аптек. Была создана санитарная служба и учреждено общество врачей.

В 1888 г. члены этого общества, обеспеченные всем необходимым, были командированы в уезды Иркутской губернии. Их задачей была ликвидация эпидемии оспы. Спустя два года они же боролись с эпидемией брюшного тифа в воинских частях. Надвигалась холера, и общество врачей, проверенное уже двумя эпидемиями, организовало курсы по уходу за больными. Населению читали лекции по профилактике болезни, а также издавали брошюры о мерах борьбы с этим заболеванием. Подобная работа была проведена и во время пандемии инфлюэнцы. Брошюры о профилактике гриппа рассылались учителям и священникам, так как и те и другие умели читать и, следовательно, могли информировать неграмотное население [Гольдфарб, 1992, с. 201].

Во время археологических работ 2007–2012 гг. собраны антропологические материалы с трех городских некрополей XVIII – нач. XIX в. Иркутска (Спасского, Владимирского и Крестовоздвиженского) [Лица..., 2011; Бердников, 2012]. Их изучение, в том числе и выявление патологий, проведено антропологами Института этнологии и антропологии РАН (Москва) Н. В. Харламовой, Р. М. Галеевым, Н. А. Лейбовой (Суворовой) [Комплексное археолого-антропологическое..., 2011; Харламова, Галеев, 2013].

Дополнительно был отобран остеологический материал со следами деформаций согласно методическим рекомендациям, изложенным в работах А. П. Бужилова [Бужилова, 1995; 1998], для исследований при помощи метода рентгенодиагностики. Полученные данные помогли установить причины краевых костных разрастаний и новообразований костной ткани в телах позвонков, а также позволили отделить аномалии развития от посттравматических изменений.

Полученные в ходе антропологических исследований и рентгенодиагностического анализа данные в какой-то мере отражают уровень здравоохранительной базы Иркутска XVIII – начале XIX в. Они позволяют нам судить об уровне травматизма, степени адаптации, а также о состоянии здоровья населения.

Уровень травматизма в целом был невысоким. В основном, травмы имели бытовое происхождение. Характер большинства заживших переломов предполагает механическую фиксацию без вправления сломанных костей. Характер поражения лобных костей

и суставов позволяет в некоторых случаях предположить сифилис. Иногда характерная деформация костей подходит под описание туберкулеза.

Стоит отметить высокий уровень детской смертности вплоть до начала XIX в. Подтверждением этому может послужить многочисленность детских погребений на территории Спасского некрополя. Отсутствие явных отклонений в морфологии скелета детей до года наводит на мысль о нефиксируемой на костных останках инфекции как основной причине смерти. Если же говорить о фиксируемых изменениях, то чаще всего встречается следующие: остеомиелит, периостит конечностей, вызванный, скорее всего, переохлаждением, возрастные изменения костей, изменения, отражающие физические нагрузки.

Результаты антропологических исследований, рентгенодиагностического анализа подтвердили данные письменных источников [Малоземова, 1961; Словцов, 2006] о невысоком уровне медицины в Иркутске вплоть до XIX в. Невправленные переломы, большое количество детских погребений, следы инфекционных заболеваний свидетельствуют, что, несмотря на наличие в России в XVIII в. государственной медицины, в Сибири клиническая медицина в это время еще не сформировалась. Ее оформление началось лишь во второй половине XIX в., что существенно снизило уровень заболеваний населения.

Научные консультанты:

*Бердникова Н. Е. – ст. науч. сотр. НИЦ «Байкальский регион», г. Иркутск;
Куприянов А. В. – врач-рентгенолог, г. Иркутск.*

Список литературы

Бердников И. М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2012. – 23 с.

Лица первых иркутян: альбом графических реконструкций / Н. Е. Бердникова [и др.]. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2011. – 84 с.

Комплексное археолого-антропологическое исследование населения Иркутска XVII–XVIII вв. по материалам раскопок у Спасской церкви / Н. Е. Бердникова и др. // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.). – Петрозаводск, 2011. – С. 542 – 543.

Бужилова А. П. Древнее население. Палеопатологические аспекты исследования. – М.: ИА РАН, 1995. – 167 с.

Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – М.: Старый сад, 1998. – С. 87 – 146.

Гольдфарб С. И. Весь Иркутск: Рассказы из истории города. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 299 с.

История медицины / П. Е. Заблудовский [и др.]. – М.: Медицина, 1981. – 352 с.

Малоземова А. И. Из истории здравоохранения в Иркутской области. – Иркутск: Кн. изд-во, 1961. – 180 с.

Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Собр. II. – Т. III. – 1100 с.

Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. – М.: Вече, 2006. – 524 с.

Харламова Н. В., Галеев Р. М. Население Иркутска XVIII–XIX вв. по данным краниологии // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 230–243.

Краниологическая характеристика палеоантропологической серии каменной культуры из могильника Верх-Сузун-5

Памятники каменной культуры распространены на территории Западной Сибири и Алтая. Датируются сер. VI–I вв. до н. э. [Рыкун, 2002, с. 141]. Ведущую роль в хозяйстве населения каменной культуры при наличии охоты и земледелия играло скотоводство.

Данная работа посвящена введению в научный оборот ранее не изученных антропологических материалов каменной культуры из могильника Верх-Сузун-5.

Могильник открыт В. И. Молодиным в 1980-е гг. Он находится в Сузунском районе Новосибирской области, недалеко от села Верх-Сузун.

Суммарная серия из этого могильника составляет 25 черепов. Измерения удалось получить для 11 черепов, из них 7 мужских, 4 женских.

Обследование черепов выполнялось по стандартной краниометрической методике Р. Мартина, в модификации В. П. Алексеева и Г. Ф. Дебеца [Алексеев, Дебеч, 1964].

Для всех мужских черепов из исследуемого могильника характерны небольшие величины диаметров мозговой коробки. По черепному указателю серия долихомезокрана, при этом мезокранные варианты по величине указателя находятся на границе с долихокранными (75,4). Встречаются и крайне долихокранные черепа, как например, череп из погребения 20 кургана 4. При рассмотрении формы черепов в вертикальной норме преобладают овоидные варианты. Сосцевидные отростки развиты слабо, рельеф надбровья выражен средне, затылочно-теменной индекс 92,4. Горизонтальный фацио-церебральный указатель 96,2. Лобная кость очень широкая, характеризуется средним наклоном.

Лицо широкое, особенно на уровне орбит, средняя величина назомаллярного угла составляет 149,2. Зиго-максиллярный угол и угол выступания носовых костей измерить не удалось. Орбиты в серии отличаются средней шириной и малой высотой, подквадратной формой.

Нижний край грушевидного отверстия имеет острую форму. Нижние челюсти массивные. Особенно здесь выделяется череп из погребения 6, кургана 1. Его нижняя челюсть имеет очень большую мышечковую ширину, переднюю и угловую. Восходящая ветвь нижней челюсти средневысокая и узкая у всех погребенных.

Женские черепа имели мезокранную форму на границе с брахикранной (средняя арифметическая черепного указателя 79,6). Они характеризуются сочетанием среднего продольного диаметра, среднего поперечного и малого высотного диаметров. Лобные бугры выражены очень слабо, рельеф надбровья развит слабо, глабелла не имеет сильно выраженного перегиба в области офриона. Лобная кость прямая, со средним наклоном, наименьшая ширина лба – средняя.

Лицо мезогнатное (общий лицевой угол 81), узкое, очень низкое. Орбиты низкие, среднеширокие. Носовое отверстие высокое, среднеширокое, с острой формой нижнего края. Носовые косточки выступают слабо, угол выступания носа составляет в среднем 19,5. Переносье на уровне дакрионов среднеширокое, высокое. Величина назомаллярного угла средняя (143,8). Зиго-максиллярный угол средний (131,2).

Население, оставившее могильник Верх-Сузун-5, имело смешанный антропологический тип. В мужской группе сочетаются европеоидные значения затылочно-теменного индекса (92,4), горизонтального фацио-церебрального указателя (96,2) и монголоидные

значения вертикального фацио-церебрального указателя, величины назомаллярного угла (149,2).

В женской группе также сочетается европеоидное значение горизонтального фацио-церебрального указателя (85,7) с монголоидными значениями вертикального фацио-церебрального указателя, назомаллярного угла (143,8). В нижний предел категории размеров, характерной для монголоидных групп, попадает размер зигмаксиллярного угла (131). Размеры некоторых признаков попадают в категории значений, характерных для смешанных групп. Затылочно-теменной индекс у женских черепов равен 97,4 и, значит, не является ни типично европеоидным (<95), ни типично монголоидным (>100).

В целом антропологическая смешанность характерна для населения каменной культуры. Об этом свидетельствуют материалы из могильников Новотроицкое-1, Камень-2 и Масляха 1,2, изученные М. П. Рыкун.

Научный руководитель – канд. ист. наук А. В. Зубова.

Список литературы

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 127 с.

Рыкун М. П. Краниологические материалы из могильника каменной культуры Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2002. – № 4. – С. 141 – 148.

УДК 681.81(=1.51)

А. А. Коновалова

Северо-Восточный государственный университет

Музыкальные инструменты народов Камчатки

Музыкальное искусство зафиксировано у всех народов на Земле (Музыкальные инструменты..., URL: <http://www.u-medved.ru/world-music.html>). Музыка всегда была и будет величайшим искусством, достойным восхищения и преклонения, она является одним из самых сильных средств воздействия на человека. Практически у всех народов существовали свои самобытные музыкальные инструменты. Имели место музыкальные инструменты и у народов п-ова Камчатка – коряков, ительменов, эвенов, чукчей, камчадалов.

По данным Ю. И. Шейкина, который исследовал вопросы истории народов Сибири, изучение музыкальной культуры народов Камчатки начинается еще в XVII в. (Д. И. Гмелин, С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер), опубликовавших нотные записи мелодий народов Сибири [Шейкин, 2002].

Наш поиск и анализ информации о музыкальном искусстве и музыкальных инструментах народов полуострова Камчатки показал, что в этнографических источниках имеется информация о танцевальном, песенном искусстве народов, но данных об их музыкальных инструментах крайне мало. Если обратиться к данным известных этнографов, работавших на Камчатке, то можно отметить описания В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона,

Я. И. Линденау, Е. П. Орловой и др. В их работах рассматривается быт, традиции, обряды народов п-ова Камчатка, в том числе музыкальный фольклор.

Музыкальные инструменты народов Камчатки и их копии находятся в краеведческих музеях полуострова. Так, для исследования мы использовали коллекции фондов двух музеев. Это Быстринский районный этнографический музей (БРЭМ) и Корякский окружной краеведческий музей п. Палана (КОКМ). В БРЭМ находится коллекция копий музыкальных инструментов коренных народов Камчатки, изготовленная по результатам исследований этнографа Камчатского областного краеведческого музея Владимира Малюковича и подаренная им музею в 1980-е гг. Информантами по корякским музыкальным инструментам у В. Малюковича были коряки – жители корякских сел Карагинского, Олюторского, Тигильского и Пенжинского районов КАО. По данным В. Малюковича, к концу XIX столетия у береговых коряков – нымылан и оленных – чавчувенов были все виды музыкальных инструментов: самозвучащие – идиофоны, духовые – аэрофоны, струнные – хордофоны, мембранные – бубны [Малюкович, 1985]. Выставочный стенд музея насчитывает 23 копии музыкальных инструментов.

Проведя анализ имеющихся источников и опубликованных данных, мы выяснили, что музыкальная культура народов Камчатки оригинальна, поражает самобытностью, пронизывает все сферы жизни населения, в том числе быт и религиозную практику.

Народы Камчатки использовали самозвучащие инструменты (идиофоны). Это металлические ударные конконы на кольце, конконы на продольной скобе с деревянной ручкой, конконы на деревянной ручке, колокольчики, бубенцы на цепочке, гонг корякский (четыре пары металлических пластин на деревянной палке с колокольчиком на конце), кольца на треугольной подвеске, маракасы, варган.

Главными мембранными музыкальными инструментами являлись бубны, мембраны которых изготавливались из кожи оленя, нерпы, пленки внутренних органов сивуча, китообразных. Бубны применялись не только в ритуальных целях, но и на праздниках и обрядах. Около тридцати видов бубнов отмечено во время полевых исследований В. Малюковичем в селах и оленных стойбищах Корякского автономного округа.

Струнные инструменты также бытовали у коряков, ительменов, чукчей. В БРЭМ в основной экспозиции представлены хордофоны: кыкчерены, айгенга, эйгенг. У чукчей были распространены лютни.

В духовых инструментах (аэрофонах) источником звука является воздух, проходящий через звукогенерирующие приспособления (мундштук, трость, вибрирующая пленка сухого трубчатого растения и др.). Корякские аэрофоны восходят к глубокой древности. Они были у древних приморских и континентальных коряков и изготавливались из сухих трубчатых растений: кооны, свистки и свирели из ивы (продольные флейты), из коры ивы, ольхи, березы, рябины – дудки, рожки. Из древесины изготавливались деревянные рожки. Ительмены изготавливали дудки из стеблей камчатского вязовика или «шаламеи» [Стеллер, 1999, с. 192]. В музыкальном инструментарии ительменов и коряков был широко представлен вихревой аэрофон, наигрыш на котором символизировал ветер. Игра на этих инструментах имела магическое значение, «влияла на появление ветра», с помощью аэрофонов «ворожили погоду», но наигрыши на них потеряли свою первоначальную ритуальную функцию, и инструменты стали использоваться как детские игрушки.

Использовались музыкальные инструменты для сопровождения религиозных и обыденных песен и танцев, исполнения музыкальных произведений, для игр у детей и взрослых, они были призваны обеспечить успех в охотничьем промысле и носили художественно-эстетические функции.

Ительмены национальных инструментов к началу XX в. не сохранили, хотя музыку любили и готовы были слушать ее «без конца». С приходом русских они начали осваивать гармонию, скрипку, балалайку. Балалайки и скрипки делали из осины. Дерево стругали рубанками, клеили рыбьим клеем, который варили из рыбьей кожи [Орлова, 1999, с. 86].

Большинство корякских музыкальных инструментов были распространены локально, возможно, в связи с этим развивались они медленно. В дооктябрьский период так и не завершилось становление корякских музыкальных инструментов: они остались на уровне фольклорных, а многие из них были навсегда утрачены. Главной причиной их исчезновения было малое внимание к развитию традиционных культур народностей Сибири и Камчатки со стороны администрации, но, несмотря на это у народностей Камчатки появляются русские балалайки, гитары, скрипка, свирели, дудки-жалейки, колокольчики, бубенчики, изготовленные из новых материалов: железа, латуни, бронзы. Вместо струн из крапивной пряжи и волоса появляются медные, стальные, серебряные, а также из воловьих жил.

Традиционное музыкальное искусство чукчей развивается ныне на основе взаимовлияния и взаимообогащения культур. Сохраняя свои лучшие традиции, музыкальное искусство чукчей значительно обогатилось как по форме, так и по содержанию.

Материалами для изготовления инструментов служило органическое сырье растительного (дерево, трава) и животного происхождения (кожа зверей, перья птиц, китовый ус и др.).

На основании представленных данных была составлена классификация музыкальных инструментов коренных народов Камчатки, из которой видно, что все без исключения народы Камчатского полуострова использовали бубен. Следующее место по степени распространенности занимал варган (хомус). У всех народов имели место струнные инструменты. Духовые инструменты известны только у ительменов и коряков.

К сожалению, игра на традиционных музыкальных инструментах в XX в. не получила распространение, кроме бубна, который являлся и является наиболее распространенным инструментом у всех народов полуострова Камчатка. Он использовался при религиозных обрядах, сезонных праздниках и в современной практике занимает ведущее место в выступлениях коллективов художественной самодеятельности народов Камчатки. Другим часто используемым сегодня инструментом является губной варган. Игрой на этих инструментах сопровождаются события семейного и промыслового быта, ритуалы современных шаманских камланий («домашнее шаманство»), массовые этнические праздники и танцы.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. И. Ю. Понкратова.

Список литературы

Малюкович В. Н. Корякские народные инструменты // Рукопись. Фонды Быстринского районного этнографического музея, п. Эссо, п-ов Камчатка. 1985. – 15 с.

Музыкальные инструменты и песни народов мира [Электронный ресурс] // Фольклорно-музыкальный кукольный театр «Ученый медведь». URL: <http://www.u-medved.ru/world-music.html> (дата обращения: 23.01.2014).

Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. – СПб.: Наука, 1999. – 199 с.

Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатский печатный двор», 1999. – 286 с.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири. Сравнительно-историческое исследование. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 718 с.

Этнические стереотипы в современном мире

В настоящее время на территории России проживает более 180 народов. По данным переписи 2010 г. русское население составляет из них около 78 %, оставшиеся 22 % – представители других национальностей либо лица, не указавшие свою национальную принадлежность (Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010, приложение 5; URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm). В условиях такого разнообразия межэтнические отношения могут выстраиваться по-разному: от дружеского взаимодействия до скрытого (или же открытого) противостояния.

Одним из важных оснований для выстраивания межгрупповых отношений являются социальные стереотипы. Считается, что своим происхождением этот термин обязан американскому журналисту У. Липпману. В его книге «Общественное мнение» рассматриваются варианты отношения различных групп людей к событиям и процессам современной для них жизни, дается представление о социальных стереотипах, «играющих существенную роль в построении ментального мира, к которому должен приспособиться формирующийся ум и на который он должен реагировать» [Липпман, 2004, с. 106]. Согласно концепции автора «стереотипы являются ядром нашей личной традиции, способом защиты своего положения в обществе» [Липпман, 2004, с. 108].

Многие исследователи акцентируют внимание на роли стереотипов в формировании линии поведения человека. Так, В. А. Маслова утверждает, что «в основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы – культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя их элементом» [Маслова, 2004, с. 59].

Когда дело касается межэтнических отношений, то ведущая роль отводится так называемым этническим стереотипам – виду «социальных стереотипов, которые описывают членов этнических групп, приписываются им или ассоциируются с ними» [Стефаненко, 2007, с. 155]. Обычно выделяются два вида этнических стереотипов: автостереотипы – представления о собственном этносе и гетеростереотипы – о других этносах. В этнических автостереотипах, как правило, содержатся, положительные или нейтральные оценки. Гетеростереотипы во многом зависят от опыта взаимодействия с представителями описываемого народа, поэтому содержащиеся характеристики могут быть как положительными, так и крайне негативными. Этнические стереотипы являются базисом для формирования этнического образа. По сути своей, этнический образ является своеобразным набором наиболее значимых или типичных характеристик этноса, выделяемых при его описании. Однако, существующие этнические образы одного и того же народа могут существенно отличаться. Это зависит от того, что лежит в основе: авто- или гетеростереотипы.

Ярче всего этнические стереотипы отражаются в фольклоре. В современных условиях фольклор постоянно изменяется: одни жанры уходят, другие появляются. В качестве одного из «молодых» жанров фольклора принято считать анекдот. Некоторые же исследователи (Каган, URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/anecdote_01.html) считают анекдот «единственно возможным в наше время видом фольклора». Анекдот бытует сре-

ди широких слоев населения, независимо от их социально-экономического положения, поэтому в нем находят свое отражение мировоззренческие установки и этнические стереотипы, свойственные представителям той или иной лингвокультурной среды.

С одной стороны, у каждого общества есть свой повод для смеха, но с другой, «есть свойства, универсальные для анекдотов на разных языках. Осмеянию подвергаются этностереотипы» [Ермаханова, 2004, с. 28]. Анализ, а соответственно, и высмеивание этностереотипов наиболее ярко фиксируется в этнических анекдотах – коротких юмористических текстах об иностранцах, иммигрантах, больших и малых этнических группах. Традиция анекдотов широко распространена в большинстве цивилизованных языковых обществ.

Одним из самых популярных жанров анекдота является так называемый «межнациональный анекдот». В основе этого анекдота всегда лежит шаблонный сюжет: представители разных наций, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее в соответствии с теми чертами их национального характера, которые им приписывают на родине рассказчика анекдота. В связи с большим количеством анекдотов подобного жанра, можно сделать вывод, что межнациональные анекдоты являются наиболее популярным источником распространения стереотипов о национальном характере.

Так как в создании межнационального анекдота участвуют одновременно авто- и гетеростереотипы, то можно выделить одну из его характерных особенностей: открытая гиперболизация положительных характеристик представителя своего этноса и отрицательных (или хотя бы не положительных) черт, свойственных другим этносам. К примеру, в русскоязычных анекдотах практически нет негативных оценок действий русского персонажа, но «промахи» представителей других этносов достаточно жестко высмеиваются. Над русским, который друзьям на свадьбу подарил не «чайный сервиз на 12 персон», но «ситечко для чая на 88 человек» добродушно посмеиваются, выставляя это как показатель смекалки и бережливости. Но еврей, воспринимающий просьбу клиента о «скидке в 3% как грабеж», жестко высмеивается, так как это воспринимается не как экономия и бережливость, а как жадность.

Этнические стереотипы динамичны, поскольку на них влияют: условия и особенности социализации человека, уровень его образования и интеллектуального развития (чем выше уровень, тем меньше национальных предрассудков), личный опыт контактов с представителями различных народов (чем больше опыт, тем меньше стереотипов), аффекты и эмоции [Жигунова, Коптяева, 2013, с. 37]. Морально-нравственные качества отдельных этносов, отражающиеся в этностереотипах, подвержены изменчивости и обычно обусловлены также меняющейся ситуацией в межнациональных, межгосударственных и межличностных отношениях.

В целом, обобщая вышесказанное, можно утверждать, что этнические стереотипы лежат в основе межэтнических отношений, оказывая существенное влияние на отношение к представителям как собственного, так и других этносов.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. М. А. Жигунова.

Список литературы

Ермаханова Г. Б. О специфике жанра анекдота // Язык – Культура – Человек: материалы науч.-практ. конф. – Алматы: Каз УМО и МЯ им. Аблай хана, 2004. – 410 с.

Жигунова М. А., Коптяева Е. А. Этнические стереотипы и образы в современном фольклоре // Народная культура Сибири: Материалы XXII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. – С. 37 – 43.

Каган М. С. Вступительный доклад «Анекдот как феномен культуры» [Электронный ресурс] // Философская антропология [Официальный сайт]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/anecdote_01.html (дата обращения: 10.01.2014).

Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 27.12.2013).

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – М.: Тетра система, 2004. – 266 с.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.

УДК 392.4(=512.216)

Е. М. Лаврищук

Северо-Восточный государственный университет

Семейно-брачные отношения омонских эвенов

В жизнедеятельности любого этноса семейно-брачные обряды и отношения имеют особо важное социально-сакральное значение. Исследование семейно-брачных отношений как одной из форм общественных отношений представляет большой научный интерес. Изучение этой проблемы дает возможность рассмотреть особенности исторического развития народа [Алексеева, 2006, с. 102].

Данная статья написана на основе научных публикаций по теме исследования и полевых материалов автора. Полевые этнографические материалы собраны в 2012–2013 гг. у эвенов с. Омолон Билибинского района Чукотского автономного округа. Они получены в результате устного опроса и аудиофиксации на эвенском языке у информаторов старшего поколения: М. Г. Слепцова – 75 лет, Г. С. Кергитагин – 72 года, П. К. Кергитагина – 72 года, Т. И. Егошина – 56 лет. На русский язык материалы переведены автором с помощью М. Г. Слепцовой.

У разных локальных групп эвенов свадебный обряд имел свои отличительные особенности. В целом у эвенов существовали две формы заключения брака: браки по сватовству и тайные браки, или браки «убегом».

У омонских эвенов зафиксирована общепринятая форма брака по сватовству и более ранняя форма брака «обменный брак».

Традиционно у эвенов вопросы семьи и брака являлись прерогативой родителей или близких родственников. Родители мальчика и девочки могли договориться между собой о будущей судьбе детей сразу после их рождения. По достижении ими брачного возраста, независимо от того, нравятся они друг другу или нет, их женили [Кривошапкин, 1997, с. 25]. В этом случае жених не должен был искать себе другую невесту, а невеста – другого жениха.

У эвенов также отмечался обряд сватовства [Кривошапкин, 1997, с. 25]. Брак по сватовству характеризовался сложностью и многообразием обрядов. К досвадебным обрядам и церемониям относились предварительный сговор, сватовство, обряд вручения калыма, которые отмечались в основном у эвенов Якутии, а также определение срока

свадьбы. Начальным актом при бракосочетании по сватовству был сговор – соглашение между родителями обеих сторон о вступлении в родственные отношения [Алексеева, 2004, с. 4].

У омонских эвенов, по данным информаторов, раньше заключали браки в возрасте 12–13 лет. Когда в семью девушки приходили свататься, то обязательно спрашивали, какую из девушек хотят выдать замуж, и отец обязательно должен был сообщить, какая из дочерей свободна, а какая помолвлена. Если юноши и девушки не были сосватаны в детстве, то родители или родственники узнавали, кого можно сосватать. В роли свата выступал сосед, который не был связан кровными узами с предполагаемыми женихом и невестой и зарекомендовавший себя среди сородичей с положительной стороны. В основном у омонских эвенов сватались юноши. Отец юноши договаривался с одним из соседей, чтобы тот поехал сватать. Когда сват приезжал в дом, где есть невеста, он сразу не заходил, а стоял у входа в ярангу (*уркэ*). Родители девушки сразу понимали, зачем прибыл к ним гость. Если просили пройти в жилище, значит, были согласны выдать дочь, а если молчали, то это означало отказ. В том случае, когда родители ответа не давали, сват стоял еще некоторое время, а затем уходил, понимая, что ответа не дождется. Как правило, сватающий приходил три раза. Когда приходил в последний раз и родители девушки не соглашались, то свадьба не могла состояться, и не имело смысла больше приходить в эту семью. Если родители были согласны, то просили гостя зайти. Сват обязан был у них спросить, есть ли свободные дочери и сколько их. Если, например, девушек было две, то выдавали замуж старшую дочь. Затем сват возвращался обратно и объявлял, что родители девушки согласились. После визита свата, мог приехать отец с юношей или один отец, чтобы договориться о том, когда состоится бракосочетание. Стойбища жениха и невесты не должны были находиться близко друг от друга. В том случае, когда они располагались недалеко друг от друга, одной из семей необходимо было откочевать подальше. Жениху нельзя было видеть лица невесты до тех пор, пока они не поженятся.

Когда девушки и юноши были готовы к браку, в семье начинали шить свадебную одежду. Если сохранилась свадебная одежда родителей, на свадьбу могли надеть её. То есть существовала специальная свадебная (праздничная) одежда, которая сохранялась. Если в семье было много дочерей или сыновей, то начинали шить им новую праздничную одежду, а одежда родителей доставалась тому, кто первым женился или выходил замуж.

В день, когда проводился свадебный обряд, кто-нибудь из семьи жениха должен был съездить за невестой. Отец невесты ловил для нее в стаде трех оленей: из них один был верховой, остальные два оленя были приданным невесты. В основном старались давать важенок, чтобы количество оленей невесты росло из года в год.

Специально готовили верхового оленя невесте: его украшали замшевой красной бахромой, на него крепили небольшое женское седло, украшенное бисером [Кривошапкин, 1997, с. 26].

Девушку усаживали верхом на оленя, а её лицо закрывали накидкой, изготовленной из ровдуги. После этого проводили невесту на верховом олене вокруг яранги и стреляли два раза в небо холостыми патронами, тем самым семья провожала девушку из прежней жизни в новую жизнь. Не удалось выяснить, как проводился этот обряд до появления огнестрельного оружия. Когда заканчивался круг и собирались ехать дальше, то стреляли третий раз: это означало, что девушка принадлежит уже другой семье. Вероятно, символично, что этот элемент обряда повторялся три раза. Когда подъезжали к стойбищу жениха, там уже всё было готово для совершения бракосочетания: свадьба являлась долгожданным веселым праздником. Так же, как и в доме родителей невесты, делали один круг по направлению движения солнца, с востока на запад. Девушке помогали сойти с оленя, а двух других оленей, приведенных с собой, отпускали в стадо жениха.

В каждом празднике, в том числе свадебном, а также в погребальной обрядности у омонских эвенов присутствовал обряд кормления костра. В день свадьбы забивали несколько оленей. Место, где забивали оленей, обмазывали кровью. Из свежего мяса приготавливали разные национальные блюда. Часть пищи перед этим мелко нарезали и клали в отдельную посуду, чтобы затем использовать для кормления костра.

В яранге для жениха готовили закрытое место (полог), где он сидел и ждал невесту. При входе в жилище расстилали сырую шкуру забитого оленя шерстью вниз. Родственница невесты провожала ее в помещение и вела ее по сырой шкуре к пологу жениха. После встречи жениха и невесты накидку с лица невесты снимали, и она должна была сильно плакать, потому что видела юношу впервые. После этого родственники и все приглашенные начинали кушать и пить чай. Жениха и невесту же кормили только после всех. Возможно, здесь проявилось влияние русской традиции.

С принятием христианства во время свадебного обряда жених и невеста вставали на колени, крестились на иконы, прикладывались к ним и принимали благословение от родителей невесты. Затем молодых благословляли родители жениха [Кривошапкин, 1997, с. 27].

Через три года после свадьбы муж и жена обязательно должны были съездить в гости к родителям невесты. Обратного в дом родителей девушка вернуться не могла, даже если супруги жили плохо. Если она всё же возвращалась, то её не принимали, а отправляли к мужу. Были случаи, когда девушку принимали обратно, но тогда над ней начинали издеваться, рукоприкладствовать, для того чтобы она поняла, что лучше остаться с мужем. Вернуться к мужу она уже не могла и снова выйти замуж тоже.

Будучи в браке, женщины становились «чумработницами» (работали по хозяйству, шили одежду), также в их обязанности входило собирательство и заготовка пищи на зиму. Мужчины занимались оленеводством, охотой и рыболовством.

Таким образом, свадебный обряд у многих групп эвенов отличался. Это зависело от места их расселения и взаимодействия с другими народностями. В настоящее время некоторые группы эвенов сохранили свадебный обряд в прежнем виде, за исключением омонских эвенов. Последний традиционный свадебный обряд был проведен в 1997 г., причем две семьи в один день выдавали своих дочерей за двух юношей. Современная эвенская молодежь не придерживается этнических традиций, и, к сожалению, современный свадебный обряд утратил свой прежний облик. Каждое обрядовое действие свадьбы носило ритуальный характер, поскольку оно придавало сакральное значение процессу создания семьи, важнейшему событию в жизни человека. Семейно-брачные отношения и обряды омонских эвенов всё еще изучены недостаточно и необходимо продолжение исследований.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А. А. Орехов.

Список литературы

Алексеева С. А. Семья и брак у эвенов: конец XIX – начало XX в.: дисс. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] // Dissercat – электронная библиотека диссертаций [официальный сайт]. URL: <http://www.dissercat.com/content/verkhovnyi-panteon-tunguso-manchzhurskikh-narodov-sibiri-i-dalnego-vostoka-xix-xx-vv-tipolog> (дата обращения: 20.01. 2014).

Алексеева С. А. Традиционная семейная культура народов Севера в изменяющейся России (на материале эвенского и эвенкийского этносов) // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: сб. науч. тр. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. – Вып. 1. – С. 102 – 111.

Кривошапкин А. В. Эвены. – СПб.: Просвещение, 1997. – 79 с.

Семантика орнамента колымских эвенов

Самоидентификация, осмысление окружающего мира и определение характера и форм взаимодействия с ним человека происходит в процессе социализации, в которой усвоение исторического опыта и системы ценностей предков играет важнейшую роль.

В юношеском возрасте интерес к внутреннему миру и взаимодействию с внешним миром особенно актуален. Для молодёжи важны вопросы смысла жизни, самоидентификации, самоопределения и самореализации. И здесь молодежи помогает мудрость предков, их накопленный опыт. Во многих культурах исторический опыт запечатлен в системе ценностей, модели мира и находит своё отражение в различной форме в языке, искусстве, науке и религии [Кушнарева, 2008, с. 1].

В традиционном обществе орнамент играет роль идентификации этнической, социальной, имущественной. Он имеет не только и не столько декоративное, сколько сакральное значение. Отсюда важнейшая и сложнейшая задача этнологических исследований: реконструкция семантики орнамента, символического языка, важнейшей характеристики этноса. Орнамент эвенской одежды – составная часть традиционного костюма. По нему можно определить, кем изготовлена вещь, в нём проявляются художественные способности каждой мастерицы. При выполнении орнамента, как правило, используют аппликацию, тиснение, меховую мозаику, вышивку белым и крашеным оленьим подшейным волосом, цветным мулине, бисером, реже стеклярусом.

У эвенов традиционно считается, что вещами можно пользоваться лишь тогда, когда они декорированы [Гурвич, 1960, с. 194].

Цветовая гамма орнаментов довольно устойчива, но не неизменна. Традиционные цвета эвенского шитья бисером – белый, голубой, черный, в небольшом количестве красный. Поле, на котором обычно размещается рисунок, обычно голубое или черное, реже белое. Линии, образующие орнамент, черные или белые. Красный бисер чаще всего используется только для вставок в центре отдельных элементов. В сравнении с эвенкийским орнаментом цветовая гамма орнамента эвенов менее красочна. В цветовой палитре эвенков наиболее часто встречаются жёлтый, золотистый, красный, коричневый, синий, зелёный, белый, чёрный и голубой [Иванов, 1963, с. 245].

Полосовой орнамент распространен очень широко. Он исполняется различным способом, но чаще всего наносится краской, вышивается оленьим волосом или состоит из накладного цветного бисера. Эвены отдают предпочтение узким полоскам, располагая их зонально. Несмотря на простоту и однообразие узоров, зональный орнамент благодаря исключительному разнообразию фактуры и тонкому подбору цветов выглядит очень богато.

Столь же распространенным является орнамент из кругов, занимающий в искусстве эвенов весьма заметное место. Они состоят из трех, четырех и большего числа бисерных колец и имеют в диаметре 2–4 см. Одиночные круги значительно крупнее (до 10 см в диаметре). Круг с точкой чаще всего ассоциируется с глазом. Это обстоятельство не противоречит предположению о значении кружковых узоров как об изображении неба и небесных светил, так как «глаз» и «солнце» иногда семантически связаны между собой. У эвенков такой рисунок обозначает не только солнце, но и звезды или планеты [Василевич, 1958, с. 122].

В ходе беседы с *эвенской мастерицей* Марией Петровной Железновой стало известно, что цвет орнамента отражал природную палитру – землю, небо, солнце и снег, характеризующую тесную связь человека с природой. Соответственно, преобладающим в вышивке были голубой, белый и черный цвета. *Голубой* цвет обозначал небо, был знаком расцвета жизни, *белый* – цвет снега – связан с окружающей средой и является символом жизни, счастья, всего светлого и хорошего, а *черный* – цвет земли, олицетворял мать-Землю.

По итогам проведенного исследования было выяснено, что разницу в количестве нанесенного орнамента на женскую и мужскую одежду определяло понимание образа мужчины и женщины у эвенов. Женщина изначально считается более красивой, нежели мужчина. Женщина у эвенов – хранительница очага, продолжательница рода, рукодельница. Поэтому одежду женщин орнаментировали больше, используя различные цвета, чтобы подчеркнуть ее красоту. Для нанесения такого орнамента в большей степени использовались такие цвета, как красный, голубой, зеленый, белый. Для молодежи вышивали более яркий орнамент.

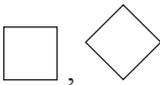
Мужской орнамент был менее красочен – в нем использовались в основном черный, белый, голубой и коричневый цвета. Они характеризовали мужчину как охотника, так как коричневый и черный цвета обозначали землю, белый – снег, шерсть оленя, голубой – небо.

Размер орнамента зависел от возраста человека – чем старше, тем шире полоса рисунка.

Говоря о семантике определенных фигур, вышиваемых на эвенской одежде, можно выделить следующие из них:

 – (круг). Данный рисунок очень часто встречается на одежде мужчин-кочевников. Он обозначает строительство юрты, ночевку в лесу. В составе женского орнамента он обозначает природную красоту женщины.

 – (крест). Этот рисунок использовался в основном для начинающих мастериц, чтобы им проще было ориентироваться в правильности нанесения орнамента. В сочетании же с другими элементами он мог обозначать деревья или разложенные детали юрты, а также рога оленей.

 – (квадрат). Данный рисунок наносился в орнаменте только одним цветом и обозначал жилище (в советский период, когда некоторые эвены жили в палатках), шкуры зверей.

 – (треугольник). Этот рисунок в большинстве случаев обозначал юрту (жилище). Также такой орнамент может обозначать сопки.

Перспективы сохранения эвенов как этнической системы достаточно оптимистичны. Главное для них в современных условиях – поиск новых критериев самоидентификации. Их современная культура представляет собой причудливое переплетение традиций и инноваций. В этих условиях эвенкам еще предстоит найти оптимальную модель своего будущего.

Дальнейшая этническая судьба колымских эвенов, как и всех народов северо-востока России, будет зависеть от степени сохранения и развития традиционных отраслей и культурных традиций.

Список литературы

Кушнарева С. А. Модель мира в орнаменте эвенков [Электронный ресурс] // Волшебники – семейная школа [Офиц. сайт]. URL: http://www.volshebники.org/2008/11/blog-post_9522.html (дата обращения: 20.01.2014).

Василевич Г. М. Тунгусский кафтан // Сб. МАЭ РАН. – 1958. – Т. XVIII. – 122 с.

Гурвич И. С. Эвены Камчатской области // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. – М.: ИЭ АН СССР, 1960. – Т. 56. – С. 63 – 91.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 498 с.

УДК 392.5(=161.2)(571.150)

Н. В. Люля

Алтайская государственная педагогическая академия

Свадьба украинского населения Егорьевского района Алтайского края конца 1940 – начала 1950-х гг. как результат межэтнического взаимодействия¹

В последние годы исследователями активно ведется сбор материала о культуре украинского населения Алтайского края. Среди опубликованных работ значительное место занимают описания локальных вариантов украинской свадьбы. Полевые исследования Центра устной истории и этнографии АлтГПА 2008–2013 гг. показали, что множество сформировавшихся вариантов украинской свадьбы в селах края обусловлено нередко различным этническим составом населения. Примером могут служить села Егорьевского района, обследованные в 2013 г. участниками историко-этнографической экспедиции АлтГПА. Расположенный в юго-западной части Алтайского края вдоль ленточного бора Егорьевский район является многонациональным с преобладанием русского и украинского населения. В связи с этим интерес представляет сравнительный анализ свадьбы украинцев Егорьевского района с традиционной украинской и русской свадебной обрядностью.

Источниками для работы послужили материалы интервьюирования, проведенного автором с потомков украинских и русских переселенцев конца XIX – начала XX в. в селах Титовка, Новоегорьевское, Лебяжье, пос. Перешечный Егорьевского района. Для сравнительного анализа использованы результаты исследования традиционной свадьбы «российских» переселенцев Алтая В. А. Липинской [Липинская, 1996] и украинского свадебного обряда В. К. Борисенко [Борисенко, 2000].

Свадьба украинцев в селах Егорьевского района в рассматриваемый период состояла из ряда этапов: сватовства, «запоая», «банного» обряда, выкупа невесты, регистрации, встречи молодых в доме родителей жениха, демонстрации честности невесты, «сора» и др.

Свадьба начиналась с обряда сватовства. Сватать невесту в обследованных селах отправлялся сам жених со своими близкими родственниками – родителями, сестрами, бра-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в.», № 13-31-01008 а1.

тнями, дядьками, которых называли сватами. Они брали с собой «хлебину» (булку хлеба) и бутылку самогона [Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1 – (далее 1)]. В рассматриваемый период браки в среде украинского, как и русского населения, заключались по выбору молодых и по предварительной договоренности сторон, поэтому обряд сватовства носил большей частью формальный характер. Зайдя в дом невесты, сваты располагались на кухне. После разыгранной сцены сватовства и получения согласия невесты на брак, ее родители накрывали на стол, резали «хлебину» и ставили самогон, принесенный сватами.

Через несколько дней после сватовства молодые и их родители собирались на «запой» для определения сроков проведения свадьбы [1]. Гуляли свадьбы в этот период через две-четыре недели после сватовства. Информанты вспоминают, что, как и ранее, это время требовалось сторонам для подготовки к свадебному пиру: «как самогона нагонют, так и свадьбу делали» [1].

Вечером накануне свадьбы подружки водили невесту в баню – «парили» березовым веником, украшенным красными лентами, который они приносили от жениха [1]. Этот обряд отличался от традиционного русского «банного» обряда с плачем и причитаниями своей шуточной формой. В частности, подружки подпирали дверь бани, пели веселые песни. Семантической нагрузки «банного» обряда в ходе интервьюирования выявлено не было.

Собственно свадьба начиналась согласно украинской традиции в воскресенье и длилась три-четыре дня. В первый день к обеду жених снаряжал тройку лошадей, украшенных колокольчиками, лентами и бумажными цветами. Летом за невестой ехали, как правило, на бричке, зимой на кошеве, которую брали в колхозе на время свадьбы. Информанты рассказывали, что «на кошевке зимой ездили, они тогда только у бригадиров были» [1].

Далее следовал выкуп невесты, в ходе которого подружки невесты не запускали жениха во двор, требуя выкуп деньгами. Жениху полагалось и «углы откупить» – положить деньги на углы стола, за которым сидела невеста [1]. После выкупа молодые отправлялись на регистрацию в сельский совет. В рассматриваемый период венчания в церкви не было.

В первый день свадьбу гуляли все гости вместе в доме у жениха, что отличалось от украинской традиции. Молодых встречали родители жениха с иконой, караваем и солью [1]. При входе в дом жених и невеста становились на колени на расстеленную шубу, что, по мнению информантов, сулило богатство новой семье. За столом молодых сажали в передний угол под иконы [1]. В первый день крестный и крестная молодых собирали подарки, подавая гостям блин и стопочку. В селах Егорьевского района, как и в некоторых других украинских и русских переселенческих населенных пунктах Алтайского края, существовала традиция «ходить свадьбу глядеть», когда не приглашенные жители села – молодежь и старики – приходили к дому, где была свадьба, и смотрели, как «молодые милуются да целуются» [1].

Во второй день гости собирались в доме родителей невесты в назначенное время. В этот день особенно много шутили и веселились, что соответствует украинскому традиционному обряду. Так, опоздавших гостей не пускали за столы, заставляли пить «штрафную» рюмку самогонки или, шутя «парили» березовым веником [1]. Также во второй день гости катали родителей молодых летом на корыте, зимой – на санях, устраивая шуточное представление и требуя выкуп за них самогоном.

Значимым обрядом второго дня, как показал опрос информантов, в этот период оставалась демонстрация честности невесты. Зафиксированный в ходе исследования способ в других районах расселения украинцев Алтайского края выявлен не был. Жених разбивал глиняный горшок, наполненный монетами и повязанный красным платком. Если

девушка была честной, платок повязывали ее матери. После чего на пол бросали солому и молодые «сор мели». С. В. Бесчеремный рассказывал: «горшок разобьют, кума веником разметет, а молодые собирают эту мелочь» [1].

Третий день праздновали в доме жениха. Украинский обряд «курятина» в свадьбе украинцев Егорьевского района в 40–50-е гг. XX в. совершался редко и к настоящему времени практически забыт информантами. Только в с. Титовка А. М. Адонина вспоминала: «Курей воровали. Головы им пооткрутят. Мама ругаться выходила с имя» [1]. Вероятно обряд «курятина» был утрачен именно в этот период времени в силу экономических причин. «Каких курей воровали?! Да их тогда и не было! Что это за традиция курей воровать?!» [1].

Четвертый день свадьбы являлся заключительным. В этот день гостей приглашали в дом родителей невесты «заслонки подметать» [1].

Таким образом, активное взаимодействие южнорусских и украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. и их потомков в селах Егорьевского района нашло отражение в свадебной обрядности. Свадьба украинского населения к 40–50-м гг. XX в. включала элементы и украинской, и русской традиционной свадебной обрядности, а также новации, обусловленные развитием общества. Так, устойчивый характер имели украинские традиции сватовства (состав сватов, роль хлеба и др.), веселый характер обрядности, катания родителей, испытания для опоздавших гостей во второй день, способ украшения конской упряжи, название заключительного дня свадебного пира («заслонки подметать»). Из русской обрядности были заимствованы «банный» обряд, название «запой». Способ демонстрация честности невесты соотносится в большей степени с русской традицией разбивания горшка. Новацией для изучаемого периода можно считать «воровство» невесты и ее туфли.

Научный руководитель – канд. ист. наук Н. С. Грибанова.

Список литературы и источников

Архив ЛИК АлтГПА. – Ф. 1. – Материалы ИЭЭ 2013 г. Егорьевский р-он (Адасик М. И. 1924 г. р., Адонина (Калинович) А. М. 1938 г. р., Бесчеремный С. В. 1926 г. р., Говорушко В. П. 1933 г. р., Зоткина (Белоус) М. Е. 1935 г. р., Косьяненко Е. П. 1925 г. р., Литвиненко А. С. 1935 г. р., Солощенко Л. В. 1928 г. р., Смородский Ю. Л. 1935 г. р.).

Борисенко В. К. Свадебные обычаи и обряды // Украинцы. – М.: Наука, 2000. – С. 291 – 307.

Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – С. 218 – 225.

УДК 2-44(=512.156)

Я. С. Михайлова

Сибирский федеральный университет

Современные религиозные воззрения усинских тувинцев

Первые упоминания о тувинцах, проживающих на территории Усинской котловины (территория юга Красноярского края) относятся к XVII в. [Потапов, 1969, с. 17, 18, 50], но, несмотря на длительное проживание, и наличие своеобразных культур-

ных особенностей, данная этнотерриториальная группа никогда не становилась объектом изучения этнографов. Именно поэтому летом 2013 г. была организована этнографическая экспедиция на территорию Верхнеусинского сельсовета Ермаковского района (юг Красноярского края), который граничит с республикой Тыва. Интересно, что территория сильно изолирована от остальной части региона в силу географических условий. Основная задача экспедиции заключалась в проведении этносоциологического опроса с целью выявления современных этнических процессов у усинских тувинцев. В результате было опрошено 279 человек (информация о детях получена со слов родителей). Опросный лист состоял из 36 вопросов, среди которых были вопросы, касающиеся материальной культуры, языковых процессов и религиозных воззрений.

Опрос выявил следующие основные отличия рассматриваемой этнической группы от тувинцев основной этнической территории (Тывы) на современном этапе:

- длительное проживание в иноэтничной среде (тувинское население на данной территории составляет лишь около 20 % от общего числа);
- высокий процент национально-смешанных браков (преимущественно с русскими);
- неоднородный состав – часть тувинцев является коренными жителями территории, а многие приехали из различных хошуунов Тывы;
- у тувинцев Тывы самый низкий процент знания русского языка среди других народов Сибири, а у усинских тувинцев владение русским языком 100%-ное (примерно 60 % назвали его родным наряду с тувинским).

Респондентам было предложено назвать свою религиозную принадлежность при этом разрешалось указывать и несколько вариантов. На вопрос о религии ответили 190 респондентов, поскольку предлагалось отвечать только лицам старше 16 лет (соответственно дети исключались). Кроме того, некоторые респонденты отказывались отвечать на данный вопрос.

В результате выявились следующие основные варианты ответов: атеизм, буддизм, православие, шаманизм, несколько человек причислили себя к евангельским христианам. Интересно, что была установлена дуалистическая религиозная самоидентификация: «буддизм–шаманизм», «православие–буддизм», «православие–шаманизм». Также в качестве религии были выбраны сразу три варианта – «буддизм–православие–шаманизм».

Итак, обратимся к конкретным цифрам. Большинство усинских тувинцев (36,3 %) относят себя к атеистам. Причем наибольший процент атеистов выявлен в возрастной группе 20–29 лет. Можно предположить, что такая ситуация складывается в силу того, что в поселках отсутствуют учреждения отправления религиозного культа: нет ни православных храмов (перестал действовать), ни буддистских. И естественно, что веяния современной культуры, светский характер государства также способствуют неверию в Бога, особенно у молодежи.

Четвертая часть опрошенных (25,2 %) отнесла себя к буддистам. Наибольшее число последователей буддизма оказалось в возрастной группе 40–49 лет, причем люди старшего поколения (с 50 до 79 лет) этот вариант ответа не выбрали вообще. По свидетельству руководителя Дома культуры Верхнеусинского сельсовета, в поселке с 2010 г. ежегодно и массово отмечается буддийский Новый год – Шаага. Вообще же буддизм на сегодняшний день является официальной религией тувинского этноса. В форме ламаизма буддизм начал утверждаться в Тыве еще в конце XVIII в., а знакомство с ним произошло еще раньше, в XIII–XIV вв. Массовое распространение буддизма началось после того, как Тыва попала в зависимость от Цинского Китая:

возводятся буддийские храмы, формируется духовенство, население начинает придерживаться буддийской обрядности [Потапов, 1969, с. 346]. Однако и по сей день силен традиционный для тувинцев шаманизм. В качестве своих религиозных верований его выбрали 4,2 % респондентов. Многие исследователи отмечают, что тувинцам присуще сочетание в мировоззрении элементов двух религиозных систем [Вайнштейн, 1990, с. 171]. Синтез традиционных верований и монотеистической религии тувинцев наглядно демонстрирует и опрос. 13,6 % респондентов в качестве своей религии выбрали сочетание «буддизм–шаманизм». Наибольшее количество приверженцев данных религиозных воззрений отмечено в возрастных группах 30–39 лет и 50–59 лет. При опросе информаторов была выявлена интересная информация, касающаяся местного поминально-погребального обряда. Многие усинские тувинцы устраивают погребальный костер, что, несомненно, является шаманским ритуалом, но при этом справляют поминки на 7-й и 49-й день после смерти человека, что связано уже с буддизмом.

9,7 % усинских тувинцев исповедуют православие. Также опрос выявил существование в поселке секты евангелистов. 3,6 % усинских тувинцев назвали себя евангельскими христианами. У некоторых респондентов имеются евангелистские Библии, переведенные на тувинский язык (в частности, экспедиции был подарен один экземпляр). По свидетельству информаторов, евангелистов в поселке много и последователями их секты являются и русские, и тувинцы, и представители других национальностей. По 1,5 % набрали варианты «православие–буддизм», «православие–шаманизм». Влияние православия может быть объяснено длительным проживанием усинских тувинцев с русскими. Отдельно стоит выделить ответ респондентов на вопрос об исповедуемой религии – «придерживаюсь буддизма–православия–шаманизма». Последователями таких верований назвали себя 9,4 % опрошенных.

Таким образом, проанализировав результаты опроса можно сделать ряд ключевых выводов, касающихся религиозных верований изученной группы тувинцев:

- группа усинских тувинцев имеет многоконтурные религиозные установки (поликонфессиональную идентичность);
- выявлено широкое влияние православия, не являющегося традиционной исповедуемой конфессией для тувинского этноса;
- выявлено появление у усинских тувинцев приверженцев учения евангельских христиан;
- высокий процент респондентов не относит себя ни к одной из конфессий и вообще не верует в Бога (атеисты).

И в заключение хотелось бы отметить, что изучение религиозных верований отдельных групп этносов, проживающих в условиях преобладания иноэтнического населения, имеет большое научно-практическое значение: позволяет выявить новые формы религиозной и этнической идентичности и провести анализ различного рода межэтнических и межрелигиозных взаимодействий.

*Научный руководитель – д-р ист. наук, проф.
В. П. Кривоногов.*

Список литературы

Вайнштейн С. И. Очерк тувинского шаманства // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. – М., 1990. – С. 159–195.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. – М.: АН СССР; Наука, 1969. – 401 с.

Религиозная символика костюма современных бурятских шаманов

Шаманской одежде всегда уделялось большое внимание, ведь костюм шамана не только выделял его среди остальных представителей рода, облегчал процесс совершения обрядовых действий, но и отражал его опыт и силу. Костюм и утварь помогали шаману настроиться на совершение обряда, а во время обряда – в осуществлении религиозных функций. К отбору этих предметов шаман относился очень внимательно, так как данные вещи становились со временем самостоятельной частью обрядового действия, напоминая шаману о его удачных путешествиях или исцелениях. В своей статье мы хотели бы представить символическое значение современного шаманского костюма бурят, анализируя костюмы шаманов РОШ «Тэнгэри» и МРОШ «Мунхэ Тэнгэри».

Одеяние бурятских шаманов, как правило, двух видов и зависит от выполняемой шаманом «работы». Если не требуется путешествия в Верхний или Нижний миры, то шаман облачается в традиционную для его народа одежду (шелковый синий халат с пуговицами на правой стороне). Обычно такое одеяние одевают поверх повседневного костюма и он, с одной стороны, выделяет шамана среди других представителей рода, а с другой – говорит об уважении шаманом традиций.

Если во время работы шамана предполагается путешествие, то в качестве специальной одежды используют сшитый из звериных шкур халат, либо накидку из куска кожи с прорезью для головы (закрепляется тесемками с обеих сторон). Шаманская одежда (по поверьям бурят) имеет своего духа-эжина и служит онгоном для шаманских духов-помощников.

Говоря о символике шаманского костюма, следует выделить группы элементов: «1) космическая – с изображениями миров Вселенной и духами её населяющими; 2) анатомическая – с изображением фигуры предка шамана, либо частей скелета; 3) природная – с изображением мирового древа жизни или мировой реки, мировой горы, а также животных, маркирующих небо, сушу, воду, нижний мир и духов-помощников шамана; 4) защитная – с изображением предметов вооружения, магической защиты, средств передвижения» [Шаманский костюм, с. 12 – 13].

Первая группа элементов – космическая – представляет костюм бурятского шамана как своеобразную модель Вселенной. Важным атрибутом костюма шамана являлся пояс. Проводя границу между Верхним и Нижним мирами (головным убором и обувью шамана, как символами этих сфер мироздания), он олицетворяет дорогу, по которой шаман путешествует между мирами. Чаще всего пояс украшен подвесками из резцов и костей лося, птичьих костей и зубов бобра, т. е. животных, олицетворяющих духов Верхнего и Нижнего миров [Герасименко, 2000, с. 76 – 78].

Анатомические элементы шаманского костюма можно рассмотреть на примере костюма председателя правления религиозной организации шаманов «Тэнгэри» Б. Ж. Цырендоржиева. Важной составной частью костюма является железный скелет, одевающийся поверх мехового халата. Этот скелет символизирует скелет самого шамана и напоминает ему о моменте избрания духами в шаманы. Так, по представлениям бурятских шаманистов, духи способны «убить» избранника и, сварив его тело, пересчитывают кости, ставят на место и скрепляют железом.

Широко представлена в шаманских костюмах бурят и природная тематика. Нередко платье украшено изображениями Мирового Древа, солнца, луны или звезд, изображениями или шкурками различных животных (у бурят это были кролик, соболь, белка, горностай, ласка). Также украшением костюма могут быть символы шаманского полета (перья, длинная бахрома на рукавах, связки круглых кисточек-змеек), символизирующие птичьи крылья и отражающие способность шамана перемещаться между мирами. К костюму прикрепляются и бряцающие круговые клинья, колокольчики, бубенцы. Девяносто девять колокольчиков, расположенных на шаманском костюме, символизируют девяносто девять небесных тэнгриев. Данные предметы издают своеобразный шум при движении шамана, создающий условия для его вхождения в особое состояние сознания, необходимое для призывания духов.

На костюме могут присутствовать и изображения духов-предков шамана и духов-помощников, а также оружия (миниатюрные луки и стрелы, ножи), предметы, олицетворяющие могущество шамана. Нередко в совершении обряда шаманы прибегают к помощи оружия. Оружие, используемое шаманом, могло быть изготовлено как в натуральную величину, так и в виде миниатюры. В качестве наиболее распространенного оружия можно выделить лук и стрелы, ножи, копья, секиры. Размер оружия для шамана не имел значения, так как при путешествии шамана в другие миры оружие трансформировалось, охраняя его при этом от враждебных духов и помогая шаману в борьбе с ними. Последние из перечисленных предметов отражают защитную функцию элементов шаманского костюма. Сюда же можно отнести и накидку – архали, которая также защищает шамана во время путешествия в Верхний и Нижний миры.

Стоит уделить внимание и шаманскому головному убору. Шаманы всегда покрывают голову при призывании духов. Вид головного убора зависит от сложности предстоящего обрядового действия, а также от силы и мастерства шамана. Первый вариант – традиционной формы головной убор, но украшенный более пышно, когда поля подбивали мехом, украшали клиньями или колокольчиками и лисьими хвостами. Второй вариант – головной убор в виде повязки с длинной бахромой из шелковых нитей или лент, закрывающей лицо, его шаманы надевают только при общении с духами, тем самым отрешаясь от реального мира и полностью сосредотачиваясь на предстоящем сакральном действе.

У бурятского народа шаман, достигший седьмой степени посвящения, получает в качестве дополнительного головного убора шаманский венец. Данный головной убор представляет собой металлический обод с железными рогами, к которым иногда привязывают синие либо белые ленты. Исследователь шаманизма Т. М. Михайлов отмечал, что «корона освящалась с помощью специального обряда, передавалась по наследству, использовалась во время камлания» [Михайлов, 1987, с. 109].

Таким образом, по костюму шамана и его головному убору можно сделать вывод, насколько силен тот или иной шаман и какие действия намерен он предпринять. Нередко после успешно совершенных обрядовых действий шаман прикрепляет к своему костюму все новые украшения, символизирующие его опыт и растущую силу. Шаманская одежда помогает ему проникнуть в другие миры и связаться с духами, расширяет его возможности. Даже сам процесс одевания обрядовой одежды превращается для шамана в определенный ритуал, подготавливающий его сознание к предстоящим путешествиям. Шаманский костюм является отличительным знаком шамана среди его сородичей, отражает степень посвящения шамана, его силу и опыт. Отдельные элементы костюма помогают шаману в совершении религиозных обрядов, придавая ему дополнительную силу и энергию и оберегая от враждебных духов, а также в излечении больных. Шаманский костюм позволяет шаману отгородиться от реального мира, облегчает процесс вхождения в иступленное сознание и общения с духами.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. И. И. Разгильдеева.

Список литературы

Герасименко А. А. Пояс как элемент шаманского костюма: этноархеологический аспект // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т. 2. – С. 76 – 78.

Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1987. – 287 с.

Шаманский костюм: альбом-каталог / авт.-сост. О. А. Чернявская. – Иркутск: ООО «Артиздат», 2004. – 79 с.

УДК 316.663.3(=512.1)

М. О. Павлёнок

Кемеровский государственный университет

Статус шорской женщины в современном и традиционном обществе

Изменение социального статуса женщин, перемены в представлениях самих женщин об их роли в жизни семьи и общества, оказывают непосредственное влияние на процессы общественной и культурной трансформации. В Кемеровской области на протяжении XX в. эти процессы протекали особенно активно в связи с включением традиционного общества в состав индустриального. Изучение эволюции социальной роли женщины у аборигенных народов в конце XIX – начале XXI в. является одной из актуальных проблем исторической и этнографической науки. Актуальность темы определяется также отсутствием в этнографической литературе специальных исследований, посвященных положению шорской женщины в обществе, за исключением общих работ. Но по причине ограниченности объёма данных тезисов автор не останавливается на рассмотрении историографии вопроса.

Традиционное социальное положение шорской женщины определяется её функциями в семье, обществе, правами и обязанностями по отношению к другим участникам социального взаимодействия.

В середине XIX в. единицей общества, которое представляли предки современных шорцев, была большая семья. Н. П. Дыренкова отмечала, что у традиционной семьи были распространены две формы индивидуального брака – моногамия и полигамия [Дыренкова, 1940, с. 46]. Полигамия, хоть и имела не столь широкое распространение, но всё же прослеживалась в виде пережитков. Например, у шорцев существовал обычай, по которому невестка не должна называть по имени родного мужа и обязана была избегать разговоров и вообще всякого общения с мужской родней мужа старше её по возрасту [Потапов, 1936, с. 145]. Общераспространённым был в Шории запрет, который назывался «обнаженная голова», не позволявший невестке появляться с обнаженной головой в присутствии старшей родни мужа. Невестка не могла входить в юрту старшего брата мужа. Этот запрет иногда нарушался в силу необходимости. Так, например, если в юрте старшего брата есть ручная мельница, а у младшего нет, то тогда невестка может входить туда. Однако этот запрет снимается своеобразной церемонией. После свадьбы невестка вместе с

мужем шла к его старшему брату в юрту и несла ему в подарок выкуренное вино. В ответ на это старший брат мужа дарил ей что-нибудь в подарок: чашку, ложку, и после этого невестка могла заходить в юрту старшего брата мужа [Вербицкий, 1893, с. 56 – 98].

Положение шорки в семье зависело, как отмечалось, от её семейного статуса. Стереотип полоролевого поведения женщины в семье формировался в раннем детстве.

До 6–8 лет в семье четкой половой идентификации у ребенка не прослеживалось. С процессом взросления и приобщения ребенка к трудовой деятельности появлялись свои обязанности, которые распределялись по половому признаку. В основном на девочку смотрели как на дополнительную рабочую силу, необходимую в хозяйстве, и как на существо, способное рожать и воспитывать детей. Недаром у шорцев есть обычай при рождении девочки подвешивать к колыбели маленькую берестяную колыбель, веретено, ножницы [Дыренкова, 1928, с. 134 – 139].

Окончательное распределение социальных ролей у детей происходило в период полового созревания. Девочка переходила в новый статус – девушки. В семье положение девушки-дочери было очень высоко. Это объяснялось чисто экономическими соображениями. Девушка могла помогать по хозяйству, её можно было удачно выдать замуж и т.д. Шорская девушка не была затворницей, в какой-то степени она пользовалась большей свободой, чем невестка. Невестой она становилась в разном возрасте в силу существовавших разнообразных форм заключения брака у шорцев.

Подходящим возрастом для вступления в брак считался 14–17 лет. В отдаленных улусах встречались браки между 6–10-летними мальчиками-сиротами и 20–30-летними женщинами. В последнем случае до совершеннолетия мальчика женщина была «жениху» матерью, и только потом становилась женой, все это время она несла заботы по хозяйству. Большой удачей считалось взять в жены молодую крепкую здоровьем вдову с ребенком. В будущем это было гарантией от возможного бесплодия, а значит, продолжения рода и будущего богатства семьи [Дыренкова, 1926, с. 264].

Из этого следует, что статус шорской женщины в традиционном обществе менялся на каждом этапе ее жизни. В зависимости от ее способности рожать здоровых детей и помогать по дому шорская женщина могла переходить от низкого к более высокому статусу и наоборот.

В советском обществе статус шорской женщины повысился в период коренной перестройки социалистического хозяйства Горно-Шорского национального района, в связи с заинтересованностью государства в женском труде, являющемся источником дополнительной рабочей силы. Отдельные представительницы шорского народа смогли получить образование в Кузнецке (Новокузнецке), но их общественная деятельность ограничивалась в основном культурно-просветительской работой. В отличие от мужчин они не занимали высокие посты в обществе. В самый благоприятный для шорцев период существования Горно-Шорского национального района ни одна из женщин не занимала должность председателя сельсовета, а тем более должности районного значения. После репрессий 1930-х гг. и военных лет шорское общество понесло невосполнимые потери и постепенно деградировало. Только с середины 1980-х г. в связи с политикой государства по возрождению малочисленных коренных народов Сибири некоторые образованные представительницы шорского этноса из городов активизировали свою деятельность и значительно повысили свой общественный статус. Однако все их современные представления о шорской этничности основываются на инструменталистских позициях, т. е. вся их

деятельность преследует какие-либо интересы: получение материальных благ для себя и своих близких и удовлетворение собственных потребностей под лозунгом «возрождение шорского народа». В то же время их общественно-политическая и культурно-образовательная деятельность (съезды, фольклорные фестивали, национальные праздники, кружки по изучению шорского языка, разработка и издание учебников, фольклорных произведений, поэтических сборников) оказывают положительную роль в формировании современного шорского неотрадиционализма.

*Научный руководитель – д-р ист. наук, проф.
В. М. Кимеев.*

Список литературы

- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. – М., 1893. – 214 с.
Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с.
Дыренкова Н. П. Родство и психические запреты у шорцев. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. – Л.: Красные газеты, 1926. – 261 с.
Дыренкова Н. П. Умай в культуре турецких племен // Культура и письменность Востока. – Баку: Издание ВЦК НТА, 1928. – Кн. II. – С. 134 – 139.
Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.

УДК 27-789(571.53)

А. А. Пантелеева

Иркутский государственный университет

Старообрядческие общины города Иркутска

В последние два десятилетия происходит восстановление старообрядческих общин и храмов. В разных регионах страны восстанавливается большое количество общин, например в Центральной России, на Русском Севере, Урале, а также в Забайкалье и на Алтае. Это связано с тем, что эти регионы были традиционными местами расселения старообрядцев. Несомненно, центрами старообрядческой активности как до революции, так и после неё были и крупные сибирские города, находящиеся на Транссибирской железнодорожной магистрали. Поэтому в современной России процесс восстановления не только сельских, но и городских общин стал обычным делом. Наряду с подобным восстановлением иногда происходит создание новых общин. Так, в Приморье была создана община старообрядцев, реэмигрировавших в Россию из Латинской Америки [Теплоухова, 2013, с. 258].

Иркутск не стал исключением, как в вопросе восстановления старообрядческой общины, так и открытия новой. На сегодняшний день в городе официально зарегистрированы две старообрядческие общины: белокрыницкая и беглопоповская.

Старообрядчество имеет множество течений, согласий и толков, которые часто серьёзно отличаются друг от друга. Основными течениями являются поповство и беспоповство. Из них выделяются разные согласия. Например, из беспоповства выделяются такие согласия, как поморское, федосеевское, даниловское, филипповское и др. Из по-

повства выделяются такие согласия как белокриницкое, новозыбковское («беглопоповское») и др.

Беспоповство возникло в XVII в., когда умерли все священники старого рукоположения, поэтому часть старообрядцев пришла к отрицанию священства, сформировав беспоповский толк. Они официально именуется как «древлеправославные христиане иже священства не приемлющие». Со временем в этом движении возникли новые подразделения и согласия. На сегодняшний день Древлеправославная Поморская церковь является крупнейшим объединением беспоповства.

Поповство возникло в результате раскола и закрепилось в последнем десятилетии XVII в.. Оно признает необходимость священников при обрядах и богослужениях. Изначально поповцы были вынуждены принимать священников, которые по различным причинам «перебегали» из Русской православной церкви (РПЦ), за что и получили название «беглопоповцы». Позже, в середине XIX в., возникла белокриницкая иерархия, которая имела массу последователей в предпринимательской среде дореволюционной России. В настоящее время поповцы представлены двумя основными направлениями: Русская древлеправославная церковь и Русская православная старообрядческая церковь. Стоит отметить, что существует и так называемое «единоверие». Оно находится под юрисдикцией РПЦ, но сохраняет всю дореформенную обрядность.

До 1905 г. старообрядчество в Российской империи подвергалось гонениям. После реформы 1905–1906 гг. старообрядцы получили ряд прав, после чего стали регистрировать свои общины. Община могла владеть движимым и недвижимым имуществом и иметь храмы. Также декларировалось право староверов свободно исповедовать свою веру и совершать религиозные обряды. Для создания общины достаточно было собрать всего 50 подписей (URL: <http://azbook.net/book/277-starobryadcy-v-zabajkale-uchebnyematerialy/10-amp-2-izmenenie-politiki-gosudarstva-po-otnosheniyu-k-starobryadchestvu-zapadnogo-zabajkalya-v-70-80-g-xix-v-1917-g.html>).

В Иркутске после этой реформы было зарегистрировано две общины: Поморское согласие, не приемлющее священства, и Покровская, приемлющая белокриницкую иерархию [Костров, 2007, с. 146]. Обе общины прекратили своё существование в 1930-е гг.

Поморская беспоповская община в Иркутске так и не была восстановлена. Видимо, это связано с тем, что беспоповство восстанавливается не очень активно, и потомки последователей разных беспоповских согласий идут в поповские общины и церкви или в церкви РПЦ.

В 1994 г. усилиями отца Валерия Секерина и предпринимателя А. Поротова была восстановлена Покровская община белокриницкого согласия (Русской Православной Старообрядческой Церкви). Отец Валерий после свершения Священных чинопоследований принятия иерея от Великокороссийской Церкви епископом Силуяном Новосибирским митрополией Московской и всея Руси Русской Православной старообрядческой Церкви был назначен настоятелем вновь возрожденной Иркутской православной старообрядческой общины (Отец Валерий, URL: <http://whoiswho.irkutsk.ru/12/5.html>).

Она имеет домовую церковь, в которой в настоящее время иногда проводятся праздничные богослужения приезжими священниками (например, отцом Карпом из Улан-Удэ), так как своего священника община не имеет. Количество активных членов общины, по-видимому, не превышает нескольких десятков человек.

Очень интересной тенденцией последнего времени является то, что в Иркутске нарождается беглопоповская община. Напомним, что до революции в городе подобной общины зарегистрировано не было (в том числе из-за нежелания местных бегло-

поповцев официально оформлять свои отношения с властями). Новая беглопоповская община была зарегистрирована в Иркутске в 2009 г. Вероятнее всего, это связано с тем, что в советский и постсоветский период в область и город приехало много потомков старообрядцев-семейских из Забайкалья. Среди них беглопоповство было традиционно самым распространённым согласием, поэтому во время ренессанса религиозной традиции последнего времени эти люди стали организовываться.

В официальных документах эта община значится как «Местная Древлеправославная религиозная организация Приход в честь Преподобного Феодосия Печерского г. Иркутска Русской Древлеправославной Церкви».

«Русская Древлеправославная Церковь ведёт свое духовное преемство от дораскольничьей Русской Церкви, считая, что нынешняя РПЦ МП по сути находится под своими несправедливыми клятвами против христиан древлего благочестия, произнесенными на Соборах 1666–67 гг. С другой ветвью поповства, т. н. белокриницкой иерархией (нынешней РПСЦ), наша Церковь не имеет никакого молитвенного общения, в связи с тем, что РПСЦ имеет сомнительную иерархию, а за время разделения образовались и другие канонические и даже догматические различия между нами»¹.

Приход в честь Преподобного Феодосия Печерского был официально зарегистрирован в 2008 г. по адресу: г. Иркутск, микрорайон Юбилейный. Службы ведутся на квартире у одного из прихожан. На сегодняшний день приход уже насчитывает около 150 человек, не все постоянно ходят на службы, но костяк из 15–20 человек уже сложился.

Приход не ставит перед собой цели вести общественную или миссионерскую деятельность. «Наши к нам придут», – говорит Алексей. Но вместе с тем сам он всегда открыт к общению и сотрудничеству.

В современном обществе, для которого характерен упадок культуры, всё чаще можно наблюдать стремление людей к восстановлению исконных начал национальной и конфессиональной культуры. Вот и Иркутск не стал исключением. На ярких примерах двух старообрядческих общин разных согласий мы можем проследить процесс и говорить о сохранении конфессиональной культуры, которая оказалась, как свидетельствует история, очень живучей.

*Научный руководитель – д-р ист. наук, проф.
А. В. Костров.*

Список литературы

Костров А. В. Покровская община г. Иркутска в начале XX в.: социально-экономический аспект развития городских старообрядческих сообществ. // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 146–150.

Отец Валерий // Кто есть кто в Иркутске. URL: <http://whoiswho.irkutsk.ru/12/5.html> (дата обращения: 12.01.2014).

Старообрядцы в Забайкалье [Электронный ресурс] // Азбук. нет. [официальный сайт]. URL: <http://azbook.net/book/277-starobryadcy-v-zabajkale-uchebnye-materialy/10-amp-2-izmenenie-politiki-gosudarstva-po-otnosheniyu-k-starobryadchestvu-zapadnogo-zabajkalya-v-70-80-g-xix-v-1917-g.html> (дата обращения: 13.01.2014).

Теплоухова М. В. Восстановление беспоповской Старообрядческой общины Приморья: предварительные итоги // Политология. Религиоведение. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – Вып. № 2 (11), Ч. 2. – С. 258 – 269.

¹ Из устного сообщения А. В. Калинина.

**Маркирование сакрального пространства
в духовной культуре старообрядцев:
на примере почитаемых мест белокриницких староверов
Западной Сибири в конце XX – начале XXI века¹**

Освоение пространства человеческими группами представляет собой комплексную научную проблему для таких гуманитарных наук, как этнография, этнология, социальная и культурная антропология. «Как сделать пространство своим?» – вопрос не столько практический, сколько онтологический. Не случайно современное человечество, пытаясь решить проблему рационального природопользования, обращается и к помощи высоких технологий, и своим истокам, т. е., к принципам природопользования и освоения территорий, выработанным в традиционных культурах.

Одним из универсальных способов освоения пространства является его разделение на сакральное и профанное – феномен, глубоко изученный М. Элиаде и представленный им в работе «Священное и мирское». Неосвящённое пространство характеризуется им как аморфное, не имеющее структуры, в отличие от священного, которое выступает в качестве абсолютной «точки отчёта» сотворения мира, позволяющей человеку ориентироваться в нём [Элиаде, 1994, с. 22 – 23]. Такой принцип различения сакрального и профанного пространства небесспорен, поскольку последнее также может обладать некой структурой (например, выделение «своей» и «чужой» территории). Тем не менее, весьма значимо заключение М. Элиаде о способе структурирования пространства через выявление в нём сакральных точек. Появление таковых как раз и свидетельствует о том, что пространство становится «своим».

Цель исследования заключается в том, чтобы выделить принципы маркирования сакрального пространства в духовной культуре белокриницких староверов на примере почитаемых мест западносибирской группы.

Объектом исследования являются почитаемые места современных белокриницких староверов. Предметом – духовная культура старообрядчества.

Хронологические рамки исследования ограничены концом XX – началом XXI в. В этот период, пожалуй, впервые за всю историю старообрядчество перестало быть дискриминируемой группой населения, в результате чего сложилась уникальная ситуация, способствующая активному воспроизводству и развитию старообрядческих традиций.

Территориальные рамки исследования охватывают те районы Западной Сибири, в которых проживают старообрядцы белокриницкого согласия. Именно на территории Западной Сибири сложились наиболее крупные, по сравнению с другими сибирскими регионами, общины белокриницких староверов.

Методы исследования основываются на принципе историзма, системном и региональном подходах, в том смысле, что святые места староверов рассматриваются как органичная часть культуры согласия в рамках отдельного региона. Для сбора полевых материалов автором применялись методы включённого наблюдения, полуструктурированного интервью с путеводителем и беседы.

Основу источников составляют полевые материалы автора. Сборы проводились в 2010–2013 гг. в рамках работы Сибирского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН (на-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-01-00199.

чальник отряда доктор исторических наук А. Ю. Майничева). Использовались также материалы епархиального журнала «Сибирский старообрядец».

Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводятся новые полевые материалы. Поскольку белокриницкое согласие в таком аспекте ранее не изучалось, новизна заключается также в постановке проблемы и разработке специальных подходов к изучению современной старообрядческой культуры, которые применимы по отношению к старообрядческим общинам других согласий.

Самым распространённым принципом маркирования святого места белокриницких староверов является строительство церкви. Весьма примечательно, что для современных белокриницких староверов церковь становится, пожалуй, единственным средством консолидации общины в условиях дисперсного проживания их семей как в городе, так и в сельской местности. Строительство церкви позволяет старообрядческой общине обозначить для себя «освящённое» пространство, понимаемое как «своё» в пределах пространства «чужого», «внешнего», «мирского». Только церковь может быть тем местом, где присутствуют лишь единоверцы, а «еретики» отсутствуют.

Сакральное пространство может маркироваться поклонными крестами. Поклонные кресты, как правило, становятся объектами паломничества. В настоящее время среди староверов приобрели популярность 2 объекта, расположенные в томской тайге, неподалёку от п. Гарь. Со второй половины XIX в. до 1930-х гг. на этих местах стояли белокриницкие скиты, представлявшие собой мощные духовные центры согласия, впоследствии, разрушенные советской властью. В 2004 г. здесь были установлены поклонные кресты, и с тех пор ежегодно проводится крестный ход (полевые материалы автора). Схожие объекты находятся в Енисейске, где пребывал в заточении более 3 лет протопоп Аввакум [Сафронников, 2009, с. 5], также в с. Таскино Каратузского района Красноярского края [Скачков, 2010, с. 11] и в районе несуществующего сейчас старообрядческого с. Ново-Глушенское Залесовского района Алтайского края (полевые материалы автора). Примечательно, что практически все (кроме енисейского) указанные поклонные кресты были установлены на месте разрушенных белокриницких храмов.

Святость места может определяться наличием погребений единоверцев. Есть сведения о том, что на территории расположения упомянутых томских скитов хоронили монахов (полевые материалы автора). Томский храм был построен рядом со старообрядческим кладбищем, на современной прихрамовой территории осталось несколько могил. В Красноярском крае возле Енисейска известно Монастырское озеро, куда сбрасывали расстрелянных белокриницких монахов и священников. Это место стало элементом паломничества к кресту, посвящённому Аввакуму [Сафронников, 2009, с. 5].

Что касается природных объектов, то к ним относится родник, расположенный на границе сёл Залесово и Шмаково Алтайского края, который почитался староверами в XVIII в. в связи с явлениями иконы Богородицы в его водах, но был затем осквернён другим народом, поселившимся здесь. Поэтому явления иконы прекратились. В Кемеровской области в районе станции Тенеш находится источник, чьи «воды вытекают из могил белокриницких монахов» (полевые материалы автора). Однако статус этого объекта неоднозначен, поскольку старообрядцам точно не известно, действительно ли там имеются могилы их монахов. Здесь расстреливали заключённых ГУЛАГа, и это место сейчас активно почитается в РПЦ.

Исходя из отмеченного следует, что маркирование сакрального пространства в духовной культуре белокриницких староверов Западной Сибири обладает спецификой. Святость места определяется не наличием каких-либо изначальных, природных характеристик, а целенаправленной деятельностью людей по его созиданию. Не случайно в

качестве объекта, обозначающего святое место, выступают именно рукотворные строения – церковь или поклонный крест. Белокриницкие староверы также руководствуются представлениями об истинности и единственности своей церкви, в связи с чем почитаемое место должно быть исторически с ней связано и предназначаться только для единоверцев.

Научный руководитель – д-р ист. наук А. Ю. Майничева.

Список литературы

Сафронников А. Крестный ход в Енисейске // Сибирский старообрядец. – 2009. – № 1 (50). – С. 5 – 6.

Скачков И. Л. Таскино // Сибирский старообрядец. – 2010. – № 5 (53). – С. 11.

Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.

УДК 391.8(=1.51)

А. К. Сокольская

Северо-Восточный государственный университет

Маски народов Севера Дальнего Востока России

Представления древнего человека о природе, религиозные идеи отражены в изобразительном искусстве, в том числе и масках. Маски использовали в различных обрядах: религиозных, праздничных, в играх. При охоте человек надевал на себя шкуру животного, прикреплял к головному убору голову животного или птицы [Авдеев, 1959, с. 41, 43].

Проведенное нами исследование показало, что маски бытовали у народов Севера Дальнего Востока России (далее СДВР).

Изучены маски народов Севера неравномерно. В 1957 г. А. Д. Авдеев представил полную классификацию масок мира [Авдеев, 1957, 1959], а непосредственно маски народов Сибири были описаны С.В. Ивановым в 1975 г. [Иванов, 1975].

Коллекции масок народов СДВР хранятся в различных музеях России. Так, коллекция Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН содержит около тысячи экспонатов со всего мира, есть в ней маски коряков, эскимосов, чукчей. Несколько экземпляров корякских масок находятся в фондах Государственного исторического музея (г. Москва) и в Корякском окружном краеведческом музее п. Палана (п-ов Камчатка). Экспонаты эскимосских масок представлены в зарубежных государственных и частных коллекциях. Всё это делает возможным тщательное изучение имеющихся источников для восстановления особенностей изготовления и использования масок у народов СДВР.

По результатам анализа этнографических источников, исторической и справочной литературы по теме исследования, нами была предпринята попытка систематизировать данные и определить место и роль масок в культуре народов СДВР, проследить их дальнейший путь в судьбе исследуемых народов.

На основе изучения источников мы можем заключить, что изготовление и применение масок было зафиксировано в культурах коряков, эскимосов, чукчей, но особенно преуспели в изготовлении масок коряки.

Корякские маски представляли собой личины и головные уборы (капюшоны), а типовая маска коряков изготавливалась максимально реалистично и изображала собой человеческое лицо. Изготавливались мужские и женские маски. Носить их могли как мужчины, так и женщины, иногда – дети, в редких случаях их надевали на животных (кит). Материалом для масок служили древесина (ольха, кедровый стланик), трава, кожа. Особенность материала обусловила плохую сохранность масок, чем объясняется их отсутствие в археологических материалах. Характерной особенностью корякских масок является маркирование растительности на лице красками и сажей. Использовали маски коряки во время праздничных и религиозных обрядов.

Большое количество масок эскимосов было обнаружено при археологических раскопках на Чукотском полуострове. Возможно, это обусловлено особенностями религиозных культов, связанных с обрядом захоронения масок в могилах умерших, где в условиях вечной мерзлоты они отлично сохраняются. Эти факторы, а также этнографические данные способствовали обеспечению значительного объема сохранившихся артефактов, которые позволяют реконструировать особенности изготовления и использования масок у эскимосов. Анализ этих источников показал, что эскимосские маски представлены личинами, маскоидами, в том числе очками. Эскимосские маски были как антропоморфные, так и зооморфные, изображавшие животных и птиц (медведь, ворона, гусь и пр.). Изготавливались маски из дерева, клыка моржа, оленьего рога, китового уса; украшались мехом, декорировались красками в основном черного и красного цвета. Надевали свои маски эскимосы во время охоты (очки), ритуальных обрядов и праздников. Особую категорию масок составляют пальцевые маски, не имеющие аналогов у других народов Севера.

Очень малочисленную группу артефактов представляют чукотские маски. Это можно объяснить плохой сохранностью органических материалов, из которых изготавливались маски, в условиях традиции наземного захоронения чукчей. В конце XIX в. чукотские маски практически вышли из употребления. Изготавливались маски из кожи, дерева, декорировались мехом, пуговицами, кожей; использовались в обрядовых целях – на празднике кита, в охранительных целях – для защиты от злых духов, на охоте с целью маскировки, в качестве «помощников» в работе. Как и у эскимосов особую роль у чукчей играли снеговые очки для защиты от солнца.

В целом же необходимо заметить, что для всех народов СДВР маски имели как ритуальный, так и практический смысл. Их надевали во время шаманских камланий, праздников, промысловых обрядов и пр. Маски защищали человека от злых духов, ослепляющего весной солнца, являлись средством маскировки при охоте.

Проведенный нами опрос представителей национальностей народов Севера показал, что в связи с изменением культуры народов СДВР маски перестали использоваться. Сегодня их можно увидеть в музеях, иногда в реквизите национальных ансамблей.

*Научный руководитель – канд. ист. наук, доц.
И. Ю. Понкратова.*

Список литературы

Авдеев А. Д. Маска. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам // Сборник МАЭ. – М.–Л.: Наука, 1957. – Т. 17. – С. 232 – 244.

Авдеев А. Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытном строе. – М.–Л.: Искусство, 1959. – 271 с.

Иванов С. В. Маски народов Сибири [Электронный ресурс] // URL: <http://squadette.ru/maski/index0.html> (дата обращения 23.01.2014).

**Маркеры социального статуса русского сибиряка
в конце XVI – середине XVIII в.
по материалам археологических исследований
Западной Сибири¹**

Человек, оторванный от привычной культурной среды, всегда пытается приспособиться к новым условиям, наладить свой быт. Русский человек, оказавшись в Сибири, постарался опереться на свою традиционную культуру, но вдали от покинутой родины жить по старинке было уже невозможно. Переселенцы были неоднородны как по социальному положению, так и по этническому составу (украинцы, белорусы, русские поморы и пр.) и испытывали сильное воздействие иноэтничной среды: аборигенного населения и «литвы», в состав которой в XVII в. входили литовцы, поляки и даже уроженцы отдаленных земель Западной Европы.

Влияние различных групп населения друг на друга было велико. Например, иноземцы западного происхождения в силу своей обученности и грамотности находились в высших слоях общества, являясь законодателями моды [Люцидарская, 1998, с. 199]. Довольно разносторонний обмен традициями установился между переселенческим и коренным населением Сибири, что было обусловлено необходимостью сосуществования и выживания в суровых условиях. Имело место влияние и восточной культуры, которое проявлялось не так явно, но тем не менее ощутимо: среднеазиатские и китайские товары охотно раскупались, были заимствованы чаепитие и опосредовано табакокурение.

Совокупность вышеперечисленных культурных факторов формировала социальный статус русского сибиряка. В обществе он транслировался тремя основными способами: через одежду, устройство жилища и привычки.

Одежда во все времена была важнейшим адаптивным элементом, помогавшим осваиваться в новых условиях. В силу специфики сибирской природы, климата, истории, контактов групп переселенцев между собой и с местным населением здесь сложились непростые костюмные комплексы. В Сибирь ввозились ткани западноевропейского, российского и восточного производства. Ткани и готовые изделия из них поступали на сибирский рынок и внедрялись затем в быт, внося новые элементы в формирование моды того времени [Вилков, 1990, с. 173]. Часто за образец принималась одежда, которую использовало коренное население Сибири. На зиму одежду подбивали мехами, что прослеживается, например, по археологическому материалу. На памятнике Ананьино-I обнаружено большое количество заячьих костей. Мех этого зверька, возможно, использовался для пошива шуб, которые носили служилые люди и их жёны [Явшева, Некрасов, Татаурова, 2008, с. 363]. Изделия из меха, учитывая их возрастающую стоимость, становились принадлежностью представителей высших социальных слоёв или вывозились в метрополию [Люцидарская, 1998, с. 198].

Статусное разделение тканей и мехов помогает нам интерпретировать обнаруженные на археологических памятниках фрагменты тканей применительно к социальному облику жителей исследуемого комплекса. Например, при анализе тканей могильника Изюк-I из 30 рассмотренных фрагментов один оказался шёлковым. Это говорит о том,

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» Проект «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI – XVIII века».

что похороненная женщина могла быть женой или дочерью казака или даже относилась к сословию «детей боярских» и обладала более высоким статусом.

Вторым маркером в определении социального статуса может быть оформление жилища. Археологические материалы русских памятников Изюк-I и Ананьино-I дают возможность оценить дома, которые по планировке можно разделить на три типа: изба, трехчастная изба-связь и пятистенки с прирубом. Избы-связи были размером 40 (большее помещение 20) кв. м.; 66,2 (большее помещение 30) м²; 70 (большее помещение 34,22) м² соответственно. Пятистенки с прирубом представлял собой жилище, площадью 78,55 м², площадь избы 30,4 м² [Татаурова, Татауров, 2012, с. 4]. Из этого можно заключить, что площадь жилищ была достаточно большой, что демонстрирует достаток и социальное положение их владельцев. Кроме того, оконные проемы закрывались оконницами со слюдой в отличие от Европейской России, где и в XVIII в. для этого использовали бычий пузырь. Многочисленные фрагменты слюдяных окон были обнаружены как в городах (Тара, Берёзов, Старотуруханск, Тобольск и др.), так и на сельских памятниках (Изюк-I, Ананьино-I, Бергамак-I).

Третьим маркером социального статуса могут служить привычки. Некоторые из них, кроме того, что приносили удовольствие, являлись отражением моды, показателем статуса человека внутри его социального слоя. По археологическому материалу можно судить о таких привычках, как чаепитие, винопитие и табакокурение.

Привычным напитком в сибирских городах к концу XVII в. становится чай. В 1638 г. томские дипломаты впервые познакомились с этим напитком, и в скором времени в Тобольск ежегодно стало ввозиться большое количество чая [Люцидарская, 1992, с. 151]. Увлечение чаепитием быстро распространилось в Сибири в конце XVII в. и, несмотря на дороговизну чая, использовалось для демонстрации социального статуса. Купец Конюхов вспоминал: «От родителей своих я слышал, что прежде в г. Кузнецке чай только имели в двух лучших домах у чиновников... да и те чаи употребляли не всегда, а всегда употребляли траву, называемую белоголовником» [Гончаров, 2004, с. 68].

Чай был тесно связан с фарфоровой посудой, из которой его преимущественно пили. На памятниках Омского Прииртышья – в Таре, а также Бергамаке, Изюке и Ананьино, как и в Мангазее, Берёзовском городище, был найден китайский фарфор, распространяемый на ярмарках, причём цена его могла достигать до двух рублей за предмет [Вилков, 1990, с. 56 – 58]. Китайская фарфоровая посуда имела хождение по сибирским рынкам в период с 1604 по 1796 г. Скорее всего, её использовали в особых случаях, и один и тот же предмет мог служить долгое время.

Показателем статуса в XVII–XVIII вв. было привозное бутылочное вино. Следует отметить, что в XVII в. вино с государевых винокурен было дорогим, употреблять его мог не каждый, но его наличие всегда старались обеспечить и для собственных нужд, и для утверждения своего социального статуса. В октябре 1661 г. на Урале за ведро вина цена доходила до 5 рублей, а в Сибири она была еще выше, особенно в городах Томского разряда, куда вино привозили из Верхотурья [Прыжов, 2009, с. 105 – 107]. В материалах археологических коллекций русских памятников Западной Сибири середины XVII – середины XVIII в. присутствуют фрагменты стеклянных штофов, встречаются и целые образцы.

Самой специфичной статусной вещью в облике русского сибиряка является табак. В XVII в. табак нелегально поступал из Китая, его курение было чрезвычайно модным, особенно в среде служилого населения, несмотря на строгий запрет со стороны государственной власти и церкви. Свидетельством курения табака стали головки курительных трубок, обнаруженные на русских памятниках Западной Сибири. Трубки были заим-

ствованы у народов Западной Сибири, но подверглись при этом некоторым изменениям [Шаповалов, 2000, с. 118].

Можно сказать, что к концу первой трети XVII в. русский человек в Западной Сибири наконец почувствовал относительную безопасность. Внешние враги были устранены, голод больше не грозил. Пришла пора мирного обустройства, причём жить по-старинке в новой культурной среде было уже невозможно. К началу XVIII в. складывается новая этническая общность русских сибиряков. Это способствовало тому, что каждый с помощью статусных вещей стремился идентифицировать себя в новом обществе, продемонстрировать свои возможности окружающему миру, подчеркнуть социальный статус.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Л. В. Татаурова.

Список литературы

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб. отд-ние, 1990. – 308 с.

Гончаров Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 132 с.

Люцидарская А. А. Новации в быту горожан Сибири XVII в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998. – С. 198 – 204.

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1992. – 195 с.

Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб.: Авалонь, 2009. – 292 с.

Татаурова Л. В., Татауров, Ф. С. О благосостоянии жителей Сибирской деревни XVII–XVIII вв. (по археологическим материалам русских памятников Омского Прииртышья) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск: Издат. дом «Наука», 2012. – Ч. II. – С. 5 – 9.

Шаповалов А. В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. – Новосибирск, 2000. – С. 107 – 121.

Явшева Д. А., Некрасов, А. Е., Татаурова, Л. В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. – С. 356–367.

УДК 358.11.,15/16’

Т. Н. Фаистов

Омский государственный университет

Русская артиллерия в Сибири в конце XVI – первой половине XVII в.

Процесс присоединения Сибири к России за те 400 с лишним лет, что прошли с того момента, исследован достаточно подробно, однако некоторым аспектам уделено недостаточное внимание, например военной стороне этого вопроса. С помощью археологических исследований учеными был выявлен ряд свидетельств применения артиллерии в Сибири. Это раскопки Тарского кремля и Красноярского острога [Николаева, 1963,

с. 115], в ходе которых были обнаружены пушечные ядра, а также Тобольского кремля [Матвеев, Аношко, Селиверстова, 2011, с. 8], где работы 2008 – 2009 гг. позволили выявить помост, являвшийся, по мнению исследователей, местом ведения стрельбы из пушек. Такой же помост обнаружен археологами и в более позднем Саянском остроге.

Сведения относительно огнестрельного оружия и артиллерии в летописных источниках фрагментарны и спорны. Например, в Строгановской летописи сообщается об орудиях Ермака [Летописи..., 1991, с. 124], но автор не называет их числа. Такое описание характерно для каждой летописи. Важно отметить, что из всех авторов про орудия у противника упоминается только у Кунгурского летописца. Он говорит, что на стороне татар были две чугунные пушки, присланные из Казани [Там же, с. 263]. Не сообщают такого рода источники и о том, какой калибр был у этих орудий, из какого материала они были сделаны, каким способом осуществлялась их транспортировка. Скучны в летописях сведения относительно боев с применением пушек, что ставит под вопрос значимость артиллерии.

Военное дело русских изучено слабо. Если огнестрельному оружию посвящен ряд исследований, то артиллерия пока не рассмотрена столь тщательно. Из немногих исследователей русской артиллерии особо стоит выделить Н. Е. Бранденбурга. Он один из первых, кто произвел систематизацию орудий и того, что было собрано по истории русской артиллерии. Что касается изучения пушек в Сибири, то тут необходимо отметить А. О. Кауфман, чьи работы позволили выявить не только количество орудий и боезапас к ним в Кузнецке, но и уточнить время начала их производства в этом городе. Помимо этого, сюда можно отнести работу Ю. С. Худякова, но он не рассматривает в ней способы применения пушек в боевых условиях и их транспортировку.

Ряд исследователей отдают именно огнестрельному оружию и артиллерии решающее значение в процессе завоевания Сибири. Так ли это можно показать на отдельных примерах их применения в этот период. При сборах в поход отряда Ермака Строгановы снабдили казаков оружием и боеприпасами, а также тремя пушками [Миллер, 1999, с. 212]. Откуда эти пушки появились у Строгановых? Осуществлять поступление пушек из центра долго по времени, и Строгановы испросили у царя разрешение основать литейный двор в г. Орле (Приуралье), где искусные мастера стали лить пушки и ковать стволы для пищалей [Скрынников, 2008, с. 70]. Первый раз орудия применили в бою с татарами на Иртыше, тогда они заряжались пыжами. Это и подвело татар. Но в другом бою русские зарядили пушки боевыми зарядами [Зиннер, 1968, с. 19]. Этот пример показывает, насколько хорошо русские знали тактику ведения боя. Артиллерия применялась и в 1582 г. в бою на Чувашском мысу. Как пишет Скрынников, казачьи пушечки палили беспрестанно. Но они скорее пугали, чем побивали неприятеля [Скрынников, 2008, с. 94]. Это еще раз подтверждает, что значимость артиллерии на поле боя не так важна, как кажется на первый взгляд. Ко всему прочему выводить орудия на позиции в поле русским было незачем, ведь им проще было вести огонь со стругов, а дать подойти стругам ближе к берегу означало предоставить противнику возможность атаковать их. Отсюда вытекает то, что пальба вреда врагу не приносила.

В 1585 г. в походе И. Мансурова были задействованы орудия. На только что поставленный острог было совершено нападение остяками. Воевода «велел навести на шайтана пушку, и когда он был разбит на мелкие куски, этого было достаточно, чтобы рассеять толпы остяков, которые теперь ни на кого уже больше не могли надеяться» [Миллер, 1999, с. 261 – 262]. Одного выстрела оказалось достаточно для того, чтобы внести хаос в отряд врага и обратить его в бегство. В данном случае непонятна тактика русских: почему был произведен выстрел не в противника, а лишь по деревянному идолу? Такой пример иллюстрирует либо небольшое количество

боезапаса, что маловероятно, либо то, что выстрел был произведен как акт устрашения. Отряд Мансурова был собран в Москве, откуда, возможно, по повелению царя Федора и были предоставлены эти несколько орудий. В тот период пушки отливать мог Московский пушечный двор, который являлся центром пушечно-литейного производства в России в XVI–XVII вв.

В начале XVII в. русские продолжали использовать артиллерию. В походе Я. Тухачевского на Чингисов городок (1631 г.) отряд передвигался на лыжах и тянул на себе небольшие пушки, закрепленные на нартах. Кроме такого способа передвижения использовался еще один – при помощи конной тяги. Он проиллюстрирован в «Истории Сибирской» (поход Кольцова – Масальского, 1591 г.).

Как видно из представленных боестолкновений, не всегда количество орудий перерастало в значимость их в бою. К оценке роли артиллерии стоит подходить осторожно. Существовал ряд причин, по которым артиллерия не могла раскрыть свои возможности полностью. Например, тактико-технические характеристики были не высоки, имелись проблемы с эксплуатацией и ремонтом орудий, защитой от погодных условий орудийных припасов, что ставило ведение огня под вопрос. Могли возникнуть и проблемы с пушкарями, заменить которых не представлялось возможным. К этому можно добавить и то, что вряд ли татары пугались пушек и другого огнестрельного оружия, ведь они сами знали огнестрельное оружие и артиллерию, полученные разными способами [Матвеев, Татауров, 2012, с. 180], и не боялись вступать в бой. К сожалению, при описании событий в записках воевод часто отсутствует точная информация о применяемых в походах орудиях и их использовании. Только к середине XVII в. эти данные становятся куда более обширны. Воеводы составляют описи военного имущества, ведут учет боезапаса и информируют о наличии и квалификации пушкарей.

Вопрос об использовании русскими служилыми артиллерии и организации ее обслуживания требует изучения с привлечением еще значительного количества археологического, документального, иллюстративного материала. В дальнейшем нами будет продолжено изучение русской артиллерии XVI–XVII в. Особое внимание хотелось бы уделить пушкам городов и острогов Сибирского края, поставке и изготовлению военных припасов и мастерским по ремонту орудий.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. Ф. Татауров.

Список литературы

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 247 с.

Летописи сибирские / сост. и общая редакция Е. И. Дергачевой-Скоп. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. – 271 с.

Матвеев А. В., Аношко О. М., Селиверстова, Т. В. Основные итоги археологического изучения верхнего посада Тобольска в 2007 – 2009 гг. // Вестн. ТюмГУ. – 2011. – № 2. – С. 6 – 11.

Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. – 260 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. – М.: Вост. лит-ра, 1999. – Т. I. – 662 с.

Николаева И. Б. Раскопки на территории Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. – С. 113 – 123.

Скрынников Р. Г. Ермак. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 154 с.

Влияние аграрных переселений XX века на русское население Западной Сибири

Проблема формирования русского населения Сибири в XX в. является ключевой для понимания современных демографических и культурных процессов Западной Сибири. Представители локальных групп русских, являющиеся носителями уникальных культурных установок, сформировавшихся как раз в период переселения и адаптации, по-разному воспринимают окружающую действительность, отличаются поведенческими моделями. Реконструкция миграционных потоков и характеристика переселенцев позволяют охарактеризовать современную этногрупповую структуру русских сибиряков и восстановить пути складывания социокультурных групп русского населения Сибири.

Традиционно миграционное движение значительно влияло на прирост населения Сибири в целом и Западной Сибири в частности. Целиком сформированное из переселенцев русское население Сибири вбирало в себя особенности культуры разных регионов европейской части страны, которые вливались в общерегиональную культуру вместе с переселенцами. Советский период истории Сибири не стал исключением в вопросах миграций: переселение в Сибирь продолжалось едва ли не с большей активностью, чем за всю историю освоения региона.

Однако социально-политическая история страны влияла и на миграционные потоки: процесс переселений был неоднородным по своей активности, менялись регионы выхода, роль государства, территория расселения. Проанализировав процесс аграрных переселений XX века в Западной Сибири, мы можем выделить следующие его этапы:

1. Переселения 1916–1923 гг., состоящие из двух потоков – затухающих плановых, организованных ещё в царский период, и самовольных переселений беженцев, ищущих убежище от социально-политических бедствий европейской части России. В этот период отношения между старожилами и переселенцами носят мирный характер [КУОО «ИАОО». Ф. 362. Оп. 1. Д. 123. Л. 4]. Роль государства сводится к минимуму, а численность самостоятельных переселенцев практически уравнивается с численностью плановых.

2. С 1923 г. начинается поток обратных переселений беженцев, доходивший до 20 % от общего количества прибывших. С этого времени государство вновь возвращает себе монополию на организацию переселений. В связи с оживлением в экономике начинается обострение отношений между переселенцами и старожилами, возникают земельные споры [КУОО «ИАОО». Ф. Р214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1–2]. В данный период начинается расселение деревень, возникает множество хуторов и выселок.

3. С 1930 г. начинается новый этап переселений – «кулацкая ссылка». Принудительные миграции, организованные государством, становятся основными источниками притока русского населения в Сибирь. Спецпереселенцы осваивают незаселённые территории севера региона. Контакты со старожилами фактически сведены к нулю. Заканчивается этот этап в 1933 г.

4. С 1935 г. восстанавливается добровольное переселение в Западную Сибирь, государство начинает разрабатывать комплекс мер поддержки аграрных переселенцев, наделяя их различными льготами. Местами вселений становятся старожильческие районы, что приводит к росту напряжённости во взаимоотношениях. Продлившиеся до 1942 г.

плановые переселения были прерваны Великой Отечественной войной, а их организационный аппарат занялся эвакуацией.

5. Последним этапом переселений рассматриваемого периода стала эвакуация населения районов, затронутых военными действиями. Государство логично играло ведущую (и единственную) роль в организации этих переселений, однако из-за большого оттока в первые послевоенные годы эти переселения незначительно сказались на русском населении Западной Сибири.

6. В 1944–1954 гг. начинается возвращение демобилизованных красноармейцев в Сибирь, а из нее выезжают эвакуированные жители европейской части страны, частично – реабилитированные спецпереселенцы.

7. В 1954–1964 гг. велось освоение целинных и залежных земель на юге Западной Сибири, сопровождающееся волной переселенцев-целинников, часть которых составляли жители европейских регионов страны, а часть – внутрирегиональные переселенцы из северных районов, потянувшиеся за более высоким уровнем дохода.

8. Начиная с середины 1960-х гг. наблюдается упадок процесса, сопровождающийся высоким уровнем миграции сельских жителей в города. Подавляющая доля всех переселений приходится на внутрисибирские.

Стоит отметить, что заметную роль в этом движении играют внутрирегиональные миграции, доля которых в отдельные периоды достигает до 80 % [Шиловский, 2009, с. 39]. Радикально не меняя структуру населения региона, они всё же перестраивают картину расселения групп русских на микроуровне.

Процесс адаптации переселенцев в разное время имеет свои особенности. В периоды экономического подъёма (1925–1929, 1933–1939, 1960-е гг.) устанавливается негативное отношение старожилов к переселенцам, т.к. они претендуют на часть земельного фонда, тесно соприкасаются в местах вселения со старожилами и являются носителями иных культурных традиций. В период кампании по раскулачиванию контакты спецпереселенцев со старожилами были сведены к минимуму, что и стало основой нейтрального отношения к переселенцам, наряду с тем что осваиваемые ими районы не входили в интересы старожильского населения. Схожая ситуация наблюдалась и в период освоения целины: в местах, где осваивалась новая территория, конфликтов не возникало, а там, где целинников вселяли в уже устоявшиеся совхозы, отношение к ним было неприязненным.

Государственный аппарат во время переселений играл важную роль, хотя в сложные для страны периоды его влияние ослабевало. Так, в период гражданской войны аграрные переселенцы, беженцы и другие группы мигрантов были оставлены без внимания. Новый этап организованного переселения начинался с того, что государственные органы проводили учёт всех тех, кто самовольно переселился, и организовывали земельный фонд под будущие переселения. Помощь государства просматривается на всём протяжении периода – переселенцам дают ссуды, беспроцентные займы, обеспечивают инвентарем, отводят земли, организуют социально-культурную сферу. Эта забота государства распространяется и на спецпереселенцев, для которых, казалось бы, переселение становится наказанием. Всё это указывает на то, что государство высоко оценивает роль миграции в освоении региона и всячески старается взять этот процесс под свой контроль.

Основными местами выхода переселенцев изучаемого периода становятся Самарская, Тульская, Орловская, Пензенская, Воронежская, Смоленская, Витебская, Брянская, Тамбовская, Калужская, Черниговская, Ульяновская, Саратовская, Московская, Ленинградская области и Краснодарский край [Бережнова, 2008, с. 11]. Таким образом, основная масса переселенцев советского периода является представителями южнорусской группы русских (с незначительным среднерусским компонентом). Это во многом определяет особенности культуры русских сибиряков.

Постоянный приток новых групп переселенцев приводил к тому, что роль «старожилов» последовательно играют разные группы русских переселенцев, позиционируя себя так относительно более поздних миграционных потоков. В результате притока новых переселенцев уже сформированные старожильческие группы менялись, вбирали в себя новые элементы. Также менялись они и под влиянием внутривнутрирегиональных миграций рассматриваемого периода.

В целом аграрные переселения советского периода оказали значимое влияние на культуру сельского населения Западной Сибири, во многом сформировав современный облик русских сибиряков.

*Научный руководитель – канд. ист. наук, доц.
М. Л. Бережнова.*

Список литературы и источников

Бережнова М. Л. Государственная программа переселений в восточные районы СССР 1932 – 1942 годов // Изв. АГУ. – 2008. – № 4. – С. 7 – 16.

Обращение отдела землеустройства Калачинского уезда в губернский отдел землеустройства и мелиорации // КУОО «ИАОО». Ф. 362. Оп. 1. Д. 123. Л. 4.

«О состоянии работы по переселению и колонизации в округе». Доклад Земельного управления исполкома Омского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // КУОО «ИАОО». Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1–2.

Шиловский М. В. Основные потоки внешней миграции в истории Сибири XX века // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI века: сб. науч. тр. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 32 – 43.

УДК 903.53,,653”

А. В. Южакова
Сибирский федеральный университет

Новые краниологические материалы позднесредневекового населения Среднего Прииртышья (могильник Чеплярово 27)

История изучения краниологических материалов населения Среднего Прииртышья была начата в 1988 г. [Багашев, 1988]. К настоящему времени накопленный материал представлен краниологическими сериями из могильников лесостепной зоны Среднего Прииртышья рубежа I–II тыс. н. э. (Такмык, Мурлинка, Евгацино, Алексеевка, Инберень X) и середины II тыс. н. э. (Окунево III, Окунево IV, Старологиново, Краснозерки и Мурлинское городище) [Багашев, 1988, с. 22]. Из южно-таежного Прииртышья это могильники Малая Бича, Малая Тебендя, Кип, относящиеся к усть-ишимской культуре (IX–XII вв. н. э.) [Там же; Пошихонова, 2011а, с. 152], а также могильник Красноярского археологического комплекса, материалы которого охватывают широкий хронологический период (IX–XVIII вв. н. э.) [Пошихонова, 2011б, с. 152].

Антропология современного населения представлена сериями с могильников Токсай I, Юртобор, Летний Коурдак, Токсай II, Тюльчаково Островной, датирующиеся

XVIII – началом XX в. [Багашев, 1993, 1998]. Данные материалы в достаточной мере изучены и дают возможность в общих чертах рассмотреть состав и генезис населения Среднего Прииртышья с эпохи раннего Средневековья до начала XX в.

Малоизученными остаются антропологические материалы населения Среднего Прииртышья в эпоху позднего Средневековья с курганно-грунтовых могильников в низовьях р. Тара. Это могильники Черталы 1, Бергамак 2, Окунево 7 и Чеплярово 27, датирующиеся XVII–XVIII вв. [Корусенко, Полеводов, 2008, с. 119]. В данной работе приводится описание и анализ краниологической серии позднесредневекового могильника Чеплярово 27.

Погребальный памятник находится в Муромцевском районе Омской области, был открыт М. А. Корусенко в 1999 г., исследован в 2005–2007 гг. [Корусенко, Полеводов, 2008, с. 119].

В ходе археологических работ на могильнике был получен палеоантропологический материал, хранящийся в настоящее время в кабинете антропологии Томского государственного университета. Антропологическая коллекция состоит из останков 103 индивидов, из них 26 мужского пола, 15 – женского, 62 принадлежат детской части населения (материалы обработаны М. П. Рыкун [Корусенко, Рыкун, 2013, с. 19, с. 21]). Краниологические материалы с могильника, по мнению исследователя, принадлежат, вероятно, территориальным (локальным) группам в рамках подгруппы аялу тарских татар и их возможным предкам [Корусенко, Рыкун, 2013, с. 21].

Краниологическая серия могильника представлена 41 черепом хорошей сохранности. Данное обстоятельство позволило провести краниометрические исследования всех найденных черепов. Анализ серии проводился по стандартной методике [Алексеев, Дебеч, 1964].

Мужской серии могильника в среднем свойственны следующие характеристики: мозговая коробка короткая, средней ширины и малой высоты, по высотно-продольному указателю характеризуется как ортокранная, по высотно-поперечному – тапейнокранная, по форме суббрахикранная; лоб по ширине на границе малых и средних величин, наклонный, надпереносье развито слабо; лицевой отдел средней высоты и ширины, мезопрозопный, по верхнему лицевому указателю – мезен, по общему лицевому углу – ортогнатное, умеренно уплощенное в горизонтальной плоскости на обоих уровнях; орбиты широкие и средневысокие, по пропорциям – мезоконхные; нос средней высоты и ширины, на границе лепторинного и мезоринного, угол выступания носа малой величины ($20,8^\circ$); носовые кости среднеширокие, на границе средних и больших размеров, симотический указатель средний; передненосовая ось развита средне; клыковая ямка малой глубины; неба широкие, попадают в категорию малых размеров.

Женская серия могильника в среднем характеризуется следующими чертами: невысокая мозговая коробка средней длины и ширины, ортокранная по высотно-продольному указателю и тапейнокранная по высотно-поперечному, по форме суббрахикранная; наклонный лоб по ширине на границе малых и средних величин, надпереносье развито крайне слабо; лицо средней высоты и ширины (однако, стоит заметить, что показатель верхней ширины лица попадает в категорию очень больших значений), мезопрозопное, по верхнему лицевому указателю – мезен; ортогнатное, в горизонтальной плоскости характеризуется средней уплощенностью; орбиты средней ширины и высоты, мезоконхные; мезоринный нос средней высоты и ширины, с малым углом выступания ($18,7^\circ$); носовые кости среднеширокие, на границе средних и больших размеров, симотический указатель средний; передненосовая ось развита средне; клыковая ямка малой глубины; неба широкие, также попадают в категорию малых размеров.

Можно предположить, что по совокупности морфологических признаков краниологический материал из могильника Чеплярово 27 относится к одной из локальных групп тоболо-иртышских татар. Известно, что тоболо-иртышские татары занимают промежу-

Таблица 1. Краниологические материалы из могильника Челярово 27 в сравнении с опубликованными данными по некоторым группам средневекового населения Западной и Южной Сибири¹

Признаки, их номера по Мартину	Лесостепное Прииртышье, рубеж I–II тыс. [Бараба..., 1998]		Среднее Приобье, VII–X вв. н. э. [Розов, Дремов, 1966]		Предгорный Алтай, VII–X вв. н. э. [Дебеч, 1948; Алексеев, 1958]		Кузнецкая котловина (Ур-Бедари), VII–X вв. н. э. [Алексеев, 1974]		Челярово 27 XVII–XVIII вв. н. э.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
1. Продольный диаметр	185,0 (9)	169,3 (3)	179,3 (11)	168,4 (11)	185,6 (24)	173,8 (9)	181,3 (40)	176,2 (24)	175,2 (26)	169,6 (15)
8. Поперечный диаметр	148,0 (9)	148,3 (3)	145,6 (10)	137,8 (9)	144,1 (25)	135,9 (9)	148,1 (45)	140,7 (24)	143,7 (26)	139,5 (15)
17. Высотный диаметр (ba – b)	138,2 (8)	137,0 (2)	132,8 (9)	127,9 (7)	136,9 (20)	133,3 (7)	135,9 (34)	131,7 (18)	129,5 (26)	124,3 (15)
5. Длина основания черепа	105,0 (8)	95,5 (2)	101,0 (15)	94,9 (7)	104,5 (20)	97,9 (7)	102,9 (34)	98,3 (18)	101,5 (26)	96,7 (15)
9. Наименьшая ширина лба	94,0 (10)	93,0 (3)	96,4 (22)	92,8 (13)	96,5 (25)	94,6 (9)	97,3 (48)	92,9 (29)	93,7 (26)	90,7 (15)
32. Угол профиля лба от n	81,9 (8)	87,0 (2)	81,5 (7)	83,9 (7)	83,8 (22)	83,9 (8)	84,7 (34)	88,1 (20)	80,9 (26)	81,4 (15)
40. Длина основания лица	104,4 (8)	94,0 (1)	100,8 (12)	92,3 (6)	99,7 (17)	93,7 (6)	98,8 (31)	95,6 (18)	99,3 (25)	94,7 (15)
45. Скуловой диаметр	139,9 (8)	133,0 (2)	140,2 (12)	129,3 (7)	140,4 (23)	130,8 (8)	141,1 (43)	130,2 (22)	136,9 (26)	129,4 (15)
48. Верхняя высота лица	75,6 (8)	71,0 (2)	70,5 (16)	64,7 (11)	72,6 (22)	69,1 (8)	73,7 (45)	69,5 (27)	72,5 (26)	67,1 (15)
72. Общий лицевой угол	87,2 (8)	88,0 (2)	82,9 (12)	85,2 (8)	87,0 (21)	86,4 (8)	87,5 (35)	86,4 (20)	86,0 (24)	86,1 (14)
77. Назо-малярный угол	147,7 (10)	151,1 (3)	143,8 (19)	145,9 (14)	144,2 (21)	144,0 (7)	146,5 (46)	145,3 (29)	142,7 (26)	142,3 (15)
$\angle m'$. Зигмаксиллярный угол	134,8 (7)	131,1 (2)	133,3 (15)	132,2 (9)	135,6 (19)	134,3 (7)	135,4 (42)	133,8 (22)	134,6 (25)	135,8 (14)
51. Ширина орбиты от mf	44,4 (8)	42,5 (2)	43,9 (17)	40,9 (13)	42,7 (24)	41,3 (9)	44,1 (21)	42,1 (28)	42,5 (26)	40,7 (15)
52. Высота орбиты	33,4 (8)	34,5 (2)	33,8 (17)	33,0 (10)	33,4 (24)	33,3 (8)	34,4 (45)	33,4 (28)	34,3 (26)	33,5 (15)
55. Высота носа	54,1 (8)	51,5 (2)	51,7 (18)	47,7 (11)	52,9 (24)	50,6 (8)	54,1 (45)	50,6 (28)	53,4 (26)	50,0 (15)
54. Ширина носа	26,3 (8)	22,5 (2)	25,5 (17)	24,6 (10)	25,6 (24)	24,6 (8)	26,3 (47)	24,8 (26)	25,1 (25)	24,8 (15)
75(1). Угол выступания носа	23,2 (8)	26,0 (1)	20,5 (12)	16,2 (8)	25,1 (21)	21,4 (7)	24,8 (41)	21,6 (26)	20,8 (22)	18,7 (15)
SC. Симметрическая ширина	7,8 (10)	4,9 (1)	7,8 (19)	7,7 (15)	7,4 (21)	7,3 (7)	7,1 (44)	7,3 (27)	7,2 (25)	9,0 (14)
SS. Симметрическая высота	3,2 (10)	2,3 (1)	3,9 (19)	2,8 (14)	3,2 (21)	3,0 (7)	3,4 (44)	3,1 (27)	3,4 (25)	3,4 (14)
DC. Дакриальная ширина	21,1 (9)	20,2 (1)	21,8 (13)	19,8 (12)	22,4 (20)	18,8 (6)	20,7 (42)	19,5 (27)	23,0 (25)	23,6 (15)
DS. Дакриальная высота	10,9 (9)	10,1(1)	10,6 (13)	9,1 (12)	12,9 (20)	10,4 (6)	11,0 (42)	10,0 (27)	9,7 (25)	10,0 (15)

¹ Сводные характеристики краниологических серий населения из Прииртышья, среднего Приобья, предгорного Алтая и Кузнецкой котловины приведены по А. Н. Багашеву [Багашев, 1988, с. 46].

точное положение между европеоидами и монголоидами. Доли европеоидного и монголоидного компонентов в их локальных выборках варьируют [Багашев, 1993, с. 93].

Сравнивая морфологические особенности краниологической серии изучаемого памятника с более поздними могильниками конца XVIII – начала XIX в., находим явное сходство между татарами с могильника Чеплярово 27 и группой аялыньских татар (Токсай I и II), которые в свою очередь в достаточной мере схожи с уграми и томско-чулымскими тюрками [Багашев, 1998].

Сопоставление краниометрических характеристик изучаемой серии с сериями более ранних могильников (табл. 1), показало, что состав населения лесостепного Прииртышья на рубеже I и II тыс. н. э. и XVII в. между собой различается. Судя по средним значениям, видимо, происходит метисация населения: черепная коробка становится уже и ниже, общий лицевой угол уменьшается, лицо становится ниже, угол выступления носа становится заметно меньше, нос ниже и шире. Скорее всего, это связано с проникновением на территорию лесостепного Прииртышья населения, характеризующегося преимущественно монголоидными особенностями.

Дальнейший межгрупповой анализ исследуемой серии и синхронных ей групп позволит более точно указать на расогенетические связи в среде позднесредневекового населения Среднего Прииртышья.

*Научный консультант – канд. ист. наук, доц. П. В. Мандрюка.
Научный руководитель – канд. ист. наук М. П. Рыкун.*

Список литературы

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 127 с.

Багашев А. Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – 208 с.

Багашев А. Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993. – 152 с.

Багашев А. Н. Тоболо-иртышские татары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 94 – 110.

Корусенко М. А., Полеводов А. В. Планиграфия курганно-грунтовых могильников в низовьях р. Тара (предварительные итоги исследования) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: АграфПресс, 2008. – С. 119 – 125.

Корусенко М. А., Рыкун М. П. Позднесредневековый могильник Чеплярово 27: планиграфия и антропологическая характеристика // Вестник ТГУ. История. – 2013. – № 4 (24). – С. 19 – 22.

Пошехонова О. Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н. э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011а. – № 4 (48). – С. 142 – 155.

Пошехонова О. Е. К средневековой палеоантропологии южно-таежного Прииртышья (по материалам могильника IX–XVIII вв. на территории Красноярского археологического комплекса) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011б. – № 2 (15). – С. 152 – 166.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 902.01

А. В. Глухов

Дальневосточный федеральный университет

Некоторые результаты работ Центра археологических исследований «Бохай» в 2013 г.

В июле 2013 г. комплексным отрядом археологической экспедиции ДВФУ и Центра археологических исследований «Бохай» (руководители А. А. Крупянко и Д. Г. Кудряшов) были продолжены работы на левом берегу реки Уссури в Кировском районе Приморского края.

В ходе работ на речной террасе Уссури на южной оконечности геоморфологического комплекса «Красная Сопка» был обнаружен каменный материал: два скола, обсидиановый отщеп, орудие на унифасе, предположительно режуще-скоблящий инструмент. Рассматриваемый материал оригинален для данного местонахождения и предварительно рассматривается нами как верхнепалеолитический.

В это же время производились плановые разведочные работы вблизи памятника «Красная Сопка-II» [Крупянко, Кудряшов, 2009, с. 20]. В результате зачистки обнажения карьера в северной части местонахождения выявлена кладка из дикого камня, которая интерпретируется нами как остатки забутовки вала. Здесь был собран археологический материал: 13 металлических наконечников стрел и керамический материал, характерный для времени существования государства Бохай (698–926 гг. н. э.).

Исследования участка в юго-восточной части геоморфологического комплекса «Красная Сопка» позволили выявить следующую стратиграфическую ситуацию: дерново-гумусный горизонт; коричневая супесь; тяжелая супесь серо-коричневого цвета; темно-серая супесь; серо-коричневый суглинок; серо-коричневая супесь; материк представлен продуктами разложения коры выветривания.

В ходе работ были найдены фрагменты керамических сосудов. Стоит отметить наличие фрагмента придонной части сосуда, покрытого с внутренней стороны глазурью. Данный фрагмент может являться датирующим маркером комплекса. В целом керамический комплекс представлен фрагментами станковой посуды с цветом черепка от черного до серого, темно-коричневого и кирпичного цветов. Мотивы орнаментации: ряды прочерченных горизонтальных линий; прочерченные диагональные линии; перекрещивающиеся косые полосы, которые образуют сетку с ромбовидными ячейками; зубчатый ромбовидный штамп. Найдены фрагменты ленточных ручек, донных частей с отверстиями (пароварки).

В различных слоях раскопа обнаружены кости животных. В нижних слоях зафиксированы угольки и фрагменты обгоревшей древесины. Здесь же обнаружено несколько

каменных отщепов. На основе анализа комплекса керамического материала местонахождение предварительно отнесено нами ко времени существования на территории российского Приморья государства Бохай и получило индексацию «Красная Сопка-III».

На основе полученных данных считаем актуальным дальнейшее изучение памятника «Красная Сопка-III», а также исследование террасы, на которой обнаружен докерамический материал. Возможно объединение памятников «Красная Сопка-II», «Красная Сопка-III» и места закладки разведывательного шурфа на речной террасе в георхеологический комплекс памятников «Красная Сопка».

Научный руководитель – канд. ист. наук, проф. А. А. Крупяно.

Список литературы

Крупяно А. А., Кудряшов Д. Г. Некоторые результаты работы Центра археологических исследований «Бохай» в 2007–08 гг. // Материалы международной конференции «Бохай», этнические корейцы и Приморье». – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. – С. 20 – 24.

УДК 903.2(235.222)

М. Е. Голубев

Кемеровский государственный университет

Памятники историко-культурного и природного наследия Горной Шории

Горная Шория известна не только своими горнолыжными курортами. В одном только Таштагольском районе находится большое количество природных памятников и заповедных мест [Кимеев, Ширин, 2011, с. 17]. В первую очередь к таковым относится гора Мустаг (в другом прочтении – Пустар), являющаяся особо почитаемой горой у шорских шаманов. Это подтверждается традиционными представлениями шорцев о том, что гора Мустаг стоит в центре *орты чер* («средней земли») [Дыренкова, 2012, с. 173].

Вторым известным уникальным объектом природы для Горной Шории является Сагинский водопад, расположенный в небольшом узком каньоне в 200 м вглубь левого берега реки Мрассу. Ручей падает с высоты 15 м и успокаивается в заливе [Кимеев, Ширин, 2011, с. 234]. Наверху каньона расположена усадьба начала XX в., в который обосновался художник из Новосибирска и создал частный музей.

В 3 км от устья реки Малая Суета расположена удивительно живописная скала – Царские ворота *Утюнг-Кая* [Кимеев, Ширин, 2011, с. 40]. Такое название она получила не за свои размеры (всего 100 м), а за огромное отверстие на вершине, которое схоже с элементом православного иконостаса – царскими вратами.

В 10 км от п. Спасск находятся так называемые Спасские дворцы, представляющие собой группу живописных гранитных скал-останцев. Поражают их размеры, формы, а их неприступность – хорошая школа для начинающих альпинистов.

Кроме вышеперечисленных объектов на территории Горной Шории расположено еще более двух десятков известных памятников природы.

Горная Шория до сих пор хранит много неизведанного и загадочного. Так, в 2013 г. геологической экспедицией была обнаружена каменная «стена» из нагроможденных друг

на друга прямоугольных блоков. Мнения расходятся – одни полагают, что это строение, возведенное древней цивилизацией, другие считают, что это результат геологических процессов, связанные с выветриванием. Так или иначе, «русский Стоунхендж», как прозвали найденную «стену» журналисты, – очередной уникальный памятник Горной Шории, однако какого он – культурного или природного – наследия, ученым предстоит ещё выяснить.

Из археологических памятников за 30 предыдущих лет по долинам Мрассу и Кондомы открыто более 50 объектов различных эпох.

Одним из таких археологических памятников стало открытое и исследованное в 1990–1995 гг. поселение Усть-Анзас, расположенное непосредственно на территории экомuzeя «Тазгол» в среднем течении реки Мрассу. Материалы датируются от ранней бронзы до этнографической современности. В 1995 г. местными жителями был случайно обнаружен археологический комплекс погребального, ритуального и хозяйственного назначения [Васютин, 1997, с. 168]. Скопления железных предметов, найденные на горе Кайчак, характерны для культуры енисейских кыргызов второй половины IX – начала XI в. Это первая находка подобного рода в Горной Шории, свидетельствующая о вхождении её в состав сильного средневекового государства кыргызов.

С археологической точки зрения уникальное место представляют собой близкорасположенные друг к другу поселения Печергол-1 и Печергол-2, открытые в 1989 г. археологом В. М. Любченко и исследованные в 1992 – 1994 гг. экспедицией профессора В. В. Боброва. Раскопки показали, что материалы отражают два периода: неолит и средневековье (кон. I тыс. н. э.). Средневековые материалы единичны и связываются исследователями с носителями лачиновской культуры, основной район распространения которой – Среднее Притомье (современный Крапивинский район) [Бобров, 1994, с. 164 – 176].

Самым последним стало открытие в 2008 г. археологом Ю. В. Шириним поселения Усть-Пызас II. В ходе раскопок 2009 г. кроме поселенческого комплекса от эпохи неолита до Средневековья был обнаружен грунтовый могильник с погребениями позднего бронзового века и Средневековья. По результатам исследования был предложен архитектурный проект музеефикации данного памятника, но вместо этого администрация Таштагольского района ограничилась установкой на раскопанной террасе двух деревянных скульптур, названных «принцессой и принцем» и «исполняющих желания туристов».

Другой попыткой мифологизации истории Горной Шории можно считать сконструированную опять же администрацией и журналистами легенду о «снежном человеке», который обитает в Азасской пещере у пос. Усть-Кабырза. Для достоверности мифа были подобраны «шорские охотники-очевидцы» и проведена экспедиция гоминологов с представительством «мировых авторитетов» и легендарного спортсмена Николая Валугева, а затем в городе Таштаголе прошла Международная научная конференция гоминологов. Несмотря на это, никаких достоверных фактов так и не было собрано, и все ограничилось установкой в разных местах Таштагольского района серии деревянных скульптур сомнительной художественной ценности и проведением ежегодного праздника «день йети», предложенного губернатором Кемеровской области.

Горная Шория является уникальным регионом в Кемеровской области, на территории которого расположены ценные в научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы и археологические памятники. Приоритетной задачей является их сохранение путем музеефикации. Так, по своим находкам интересными для дальнейших раскопок, реконструкции и музеефикации являются поселения Усть-Анзас, Печергол, Комус-Иштэ, Усть-Пызас и ряд других археологических памятников.

Список литературы

Бобров В. В. Этапы освоения Горной Шории в древности (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово: КемГУ, 1994. – Вып. I. – С. 164 – 176.

Васютин А. С. Древние торговые пути Горной Шории // Шорский сборник: Этноэкология и туризм Горной Шории. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 168 – 172.

Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.

Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Тайны Кабырзинской принцессы. – Кемерово: ООО «Примула», 2011. – 272 с.

УДК 903.4.,637”

А. О. Даньшина

Алтайский государственный университет

Поселение бронзового века Березовая Лука: подходы к сохранению и музеефикации

Сохранение исторического наследия – одна из актуальнейших на данный момент для России сфер. Она содержит определенные проблемы. Дело в том, что историческое наследие невосполнимо, но при этом оно крайне важно для культуры, образования и, наконец, духовности нашего народа. Это важный экономический ресурс мировой значимости, что уже предполагает необходимость мер для его сохранения и использования.

Актуальность исследования состоит в том, что физическое состояние более половины находящихся под охраной государства памятников истории и культуры России продолжает ухудшаться и характеризуется в наше время как неудовлетворительное, так же обстоит дело и с памятниками археологии. Музеефикация – направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности [Булатов, 1975, с. 98].

Особенность археологических памятников заключается в том, что, во-первых, их потенциал скрыт в недрах, во-вторых, связь с природным окружением является неотъемлемой чертой. Как показывает мировой опыт, музеефицированные археологические памятники тесно связаны с социально-экономическим развитием общества и, в частности, с отраслью туризма. Таким образом, это не только научный источник, но и экономический ресурс развития территории.

Цель работы – обозначить комплекс мер по сохранению памятника истории и культуры и состояние поселения Березовая Лука как объекта экскурсионного показа. В связи с этим выдвинуты следующие задачи: изучить инновационные методы охраны памятников истории и культуры и использования данного памятника в туристической отрасли; дать системную характеристику поселения Березовая Лука как объекта экскурсионного показа и определить перспективы развития; выявить историко-культурный потенциал проектируемого музейного комплекса на базе уникального историко-культурного памятника – поселения Березовая Лука.

Данный объект является одним из уникальных памятников бронзового века на юге Западной Сибири, он исследовался Алейской археологической экспедицией в 1997 – 2008 гг. [Березо-

вая Лука . . ., 2004, с. 288]. Памятник находится в 4 км к северо-востоку от центра с. Безголосово. Культурный слой поселения располагается на глубине от 2,5 до 3,25 м от уровня современной поверхности поймы р. Алей. За полевой период исследования памятника было вскрыто более 1700 кв. м площади культурного слоя (раскопы № 1–3). На поселении открыты и исследованы более 1000 столбовых и хозяйственных ям, более десятка зольников, несколько очагов, пять жилищных комплексов и несколько хозяйственных построек. Многочисленный археологический материал представлен около 100 тыс. единиц. Условия залегания культурного слоя, его культурно-хронологическая однородность позволили рассматривать его как базовый, эталонный памятник елунинской культуры XXII – XX вв. до н. э. на юге Западной Сибири [Грушин, 2013, с. 21]. Имеющиеся археологические источники дали возможность осуществить реконструкцию системы жизнедеятельности насельников Березовой Луки. Особенностью памятника стало обнаружение неглубоких могил со скелетами младенцев. 4 погребения найдены у стен жилища № 1. Археологический материал с поселения Березовая Лука свидетельствует о комплексном характере хозяйства населения, оставившего памятник.

Создание проекта музеефикации данного объекта возможно, так как в полном объёме дана детальная характеристика материальной культуры древних жителей посёлка, проведены палеогеографические реконструкции и определён характер хозяйственной деятельности древнего человека, приводится технико-типологический анализ инвентаря, а также антропологические и палеогенетические данные [Грушин, 2008, с. 22 – 35].

При планировании проекта, прежде всего, было необходимо определение статуса и организационной формы создаваемого археологического комплекса. Сохранение памятников в условиях естественного ландшафта требует соблюдения некоторых условий, а это: длительность безаварийного существования памятника и его управляемость. В отношении поселения Березовая Лука осуществить эти условия весьма проблематично. Памятник активно размывается примыкающей к нему р. Алей. Особенно это сказывается в период весеннего половодья, когда уровень воды превышает уровень залегания культурных отложений [Кирюшин, Грушин, 2006, с. 345 – 349].

Наиболее оптимальной формой музеефикации памятника в данном случае является локальный археологический музей. Главная задача данных музеев – показать временной срез небольшой территории в определенном промежутке времени (существования памятника либо отдельной археологической культуры). Локальные музеи выстраивают эволюционную цепочку на небольшой территории, что является их неоспоримым преимуществом. В связи со степенью изученности памятника разработку проекта возможно осуществить через комплекс организационно-технических мероприятий, включающий в себя полное археологическое исследование культурного слоя поселения, организацию музейной экспозиции в районном центре на основе создания макетов утраченных объектов, баннеров с информацией и найденных артефактов.

Таким образом, алгоритм проектирования музеефикации поселения Березовая Лука может включать следующие этапы: проведение аварийных археологических работ на памятнике; создание предметной экспозиции в с. Безголосово; выставка находок, найденных во время раскопок; создание базы работы экспедиции и хранения экспонатов; использование макетов вне экспозиции; пропаганда самого памятника, археологических и исторических знаний. К экспонированию необходимо представить археологические материалы, зольники, макет части разреза раскопа (раскрытие одной из стенок для показа геологического профиля). Это должно позволить воссоздать довольно цельную картину поселения. Прежде всего, объект должен не только экспонировать находки с места раскопок, но и активно интерпретировать нематериальное наследие. Речь идет о реконструкции старинных видов ремесел, промыслов, технологических приемов, способах добычи ресурсов, традиционных праздниках, ритуалах. Обращение к ним способствует

освоению и использованию исторически важных элементов культуры. Объект в силу своей уникальности интересен как источник по истории бронзового века.

В заключение отметим, что поселение Березовая Лука является одним из основных источников по изучению культуры бронзового века, сохранившимся до современности в хорошем состоянии. Активные природные процессы, а именно течение р. Алей, ставит под угрозу сохранность культурного слоя памятника. Динамика и активность р. Алей сводят на нет все попытки физического сохранения памятника, поэтому единственным вариантом его сохранения являются аварийные раскопки всей площади и создание музейного центра в ближайшем населенном пункте (с. Безголосово).

Археологические памятники, интегрированные и не включенные в инфраструктуру туризма, требуют к себе бережного отношения. Интеграция археологического наследия в сферу туризма является одним из основных условий сохранения и популяризации древности родного края. На примере зарубежного опыта можно говорить о том, что результатом подобного подхода является связь между археологами и общественностью. Когда широкие слои населения информированы о результатах работ археологов и о потребностях научного сообщества, в обществе есть понимание проблем, стоящих перед археологами. В этом случае на качественно ином уровне решаются вопросы охраны объектов археологического наследия.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. П. Грушин.

Список литературы

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Т. I. – 288 с.

Булатов Н. М. Принципы организации археологических музеев-заповедников // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. III: Труды НИИ культуры. – М., 1975. – Вып. 28. – С. 75–105.

Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н. э.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2013. – 54 с.

Грушин С. П. Поселение эпохи бронзы Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 22–35.

Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Раскопки памятника Березовая Лука в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 345–349.

УДК 502.4(571.51)

А. А. Дорохина, Е. И. Ануфриева, Т. А. Пахомова
*Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева*

Проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница»

Шалаболинская писаница находится на территории Красноярского края в Курагинском районе, недалеко от п. Шалаболино на правом берегу р. Тубы. Скальный массив

начинается в полутора километрах от д. Ильинка и тянется на 5 км вверх по реке, до впадения в нее р. Шушь. Шалаболинские петроглифы известны еще с середины XIX в., но долгое время не исследовались (первое упоминание о них принадлежит Н. А. Кострову, который и назвал их Шалаболинскими [Спаский, 1857, с. 153]). В конце XIX – начале XX вв. наскальные рисунки изучались финской экспедицией под руководством И. Р. Аспелина, сибирскими исследователями А. В. Адриановым, Л. Ф. Титовым, И. Т. Савенковым, позже – Э. Р. Рыгдылоном, Р. В. Николаевым, археологами А. А. Формозовым, Я. А. Шером и др. [Дроздов, Заика, 2005]. В конце XX в. петроглифы были обследованы и скопированы участниками экспедиции Кемеровского государственного университета практически на всем протяжении писаницы [Пяткин, Мартынов, 1985]. С 2001 г. изучением Шалаболинской писаницы занимается археологический отряд КГПУ им. В. П. Астафьева [Заика, 2010].

Памятник уникальный: помимо масштабов поражает насыщенность, разнообразие сюжетов и технических приемов нанесения рисунков, их широкий хронологический диапазон (неолит – этнографическая современность). Более того, Шалаболинская писаница входит в представительный комплекс археологических памятников (писаницы, погребения, поселения, стоянки).

Но, к сожалению, существуют серьезные проблемы с её сохранностью: под воздействием естественных эрозийных процессов плоскости растрескиваются и осыпаются, вследствие паводков нижние ярусы скалы перекрываются наносным грунтом, поверх древних композиций появляются современные надписи, что неизгладимо вредит петроглифам. Соответственно требуются неотложные меры по сохранению и музеефикации масштабного памятника древнего наскального творчества. В противном случае мы рискуем потерять для потомков уникальный объект древнего историко-культурного наследия.

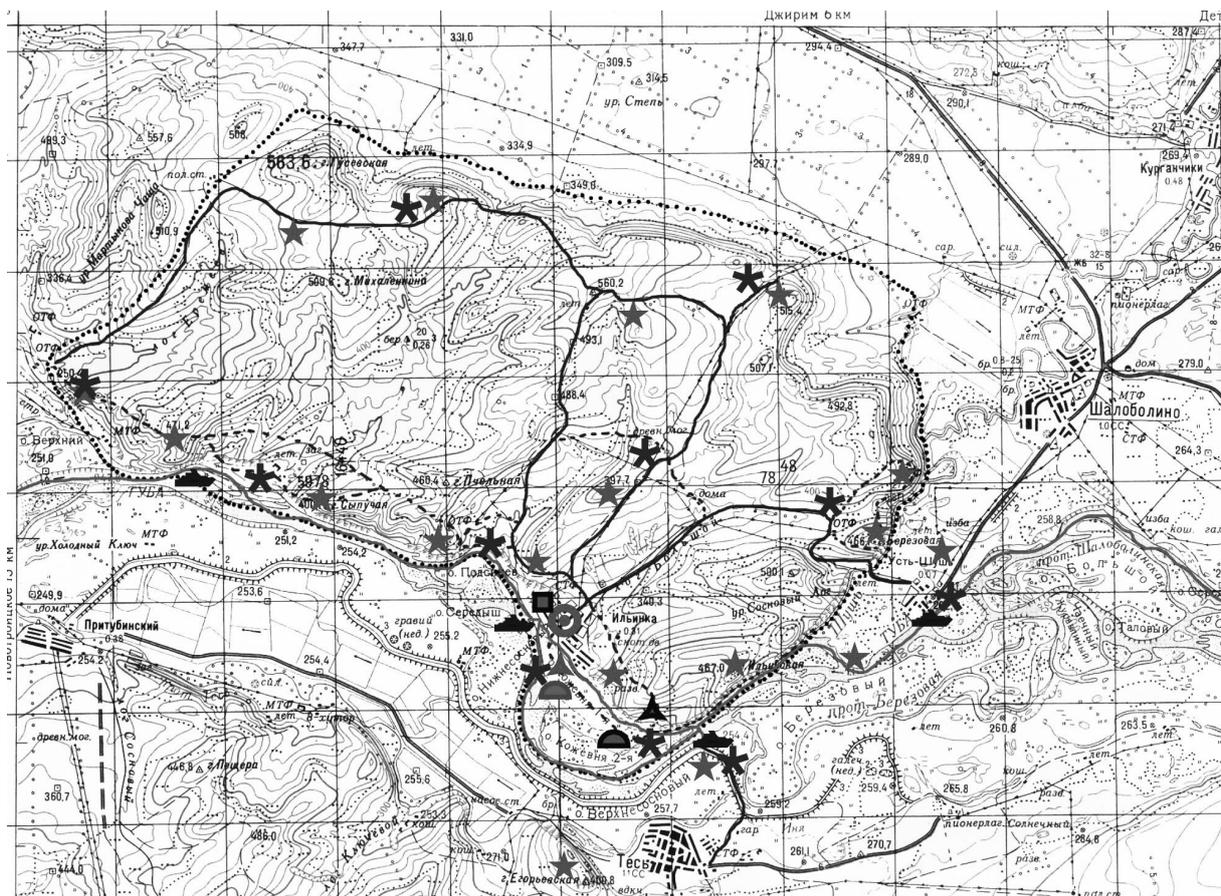
Чтобы избежать плачевных последствий, нами был создан проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница». Его целью является организация историко-культурного заповедника и создание при нем учреждения культуры – археолого-этнографического музея «Шалаболинская писаница».

Во время натурных обследований окружающей местности разработчиками проекта в 2013 г. была определена территория будущего музея-заповедника. Она охватывает правобережный участок реки Тубы, прилегающий к д. Ильинка (10×16 км), и включает следующие объекты древнего историко-культурного наследия: писаницы (5), стоянки и поселения (24), курганные и грунтовые могильники, одиночные курганы (15), городище.

Территория проектируемого музея-заповедника предполагает наличие зон свободного доступа, особо охраняемых зон, территорий с ограниченным доступом посетителей, рекреационных территорий. Также в нее входит так называемая буферная зона, где определены места смотровых площадок, намечены объекты инфраструктуры за пределами музея-заповедника (см. рисунок).

Основным объектом экскурсий будет являться Шалаболинская писаница. Какое-либо нарушение окружающего ландшафта исключается. Доступ к объекту будет возможен сухопутными и водными маршрутами, используя традиционные виды передвижения (см. рисунок).

В д. Ильинка предполагается создание визит-центра, который бы включал офис музея-заповедника, экспозиционную площадь, научно-исследовательский и учебный комплексы. Важным направлением работы визит-центра будет обеспечение на высоком уровне научно-исследовательских работ, связанных с изучением, консервацией и реставрацией памятников наскального искусства и сохранением природной и историко-культурной территории специалистами различных областей. Более того, для посетите-

- автомаршруты;
 – пешеходные/конные маршруты;
 – водные маршруты;

- визит-центр;
 – этностойбище;
 – юртовый жилой комплекс;

- палаточный туристический лагерь;
 – полевой экспедиционный лагерь;

- места для отдыха, временные пункты питания;
 – речные причалы;

- живописные места, точки обзора окружающей местности;

- этнокомплекс «Сибирская деревня»

Рис. Территория проектируемого музея-заповедника «Шалаболинская писаница». Туристические маршруты и инфраструктура

лей предлагаемый визит-центр, в отличие от традиционных природных и заповедных территорий, будет представлять собой и социальный институт – место встреч и общения, проведения семинаров, научных конференций, реализации обучающих программ, практических занятий для студентов вузов, организации досуга.

Успешное решение вопросов по организации историко-культурного заповедника и археолого-этнографического музея «Шалаболинская писаница» позволит решить задачи

научного, образовательного, воспитательного, просветительского характера. Более того, активное вовлечение в работу музея местного населения поможет решить актуальные задачи социального характера: возрождение российской «глубинки», сибирской деревни, рост занятости населения, возвращение молодежи в село.

Создание музея-заповедника «Шалаболинская писаница», несомненно, поднимет престиж региона не только на общероссийском, но и на международном уровне, сформирует необходимые условия для решения ряда задач социального, экономического и культурного его развития.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. Л. Заика.

Список литературы

Дроздов Н. И., Заика А. Л. История исследования Шалаболинской писаницы // Мир наскального искусства. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 72 – 74.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница (общая характеристика, современное состояние изученности, перспективы музеефикации памятника) // The Journal of Korean Petroglyph. – 2010. – Vol. 13. – P. 65 – 84 (на рус. и кор. яз.).

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

Спаский Г. И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей. – СПб.: ЗВОРАО, 1857. – Кн. XIII. – 153 с.

УДК 069(1-21)

А. С. Кокарева

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева*

Музеи на местах археологических раскопок в городской среде

С начала 90-х гг. XX в. в мире наметилась тенденция создания музеев на местах археологических раскопок. Быстрый темп, который набрало данное музейное направление в эти годы, обуславливается возросшим уровнем интереса общественности к археологии [Хачлили, 1998, с. 4 – 5]. Подобные меры дают возможность не только сохранять памятники древности, но и интегрировать археологию в общество.

Археологические стоянки относятся к категории недвижимых памятников истории, культуры, и музеефикация – единственный возможный вариант их использования. Можно выделить ряд подходов к их музеефицированию: сохранение части памятника в первозданном виде, реконструкция на основе сохранившихся частей, консервация недвижимых объектов в сочетании с экспонированием найденных здесь же артефактов и пр. [Каулен, 2012, с. 65 – 66].

Наиболее проблемными объектами являются археологические объекты, расположенные в городской черте. Часто «непреодолимые социально-экономические условия» требуют, чтобы культурные ценности были «перемещены, заброшены или уничтожены» [Рыбак, 2005, с. 177]. С развитием экономики и массового строительства увеличивается число построек для разнообразных нужд населения и нередко в

процессе строительства обнажаются культурные слои. Процедура перенесения материалов с раскопа в музей и дальнейшее их экспонирование (или просто хранение) является стандартной. Но с момента идейных перемен в музейной среде возникают музеи иного типа, которые вписывают в концепцию здания или постройки, независимо от её назначения.

Ванфудзиньская палеолитическая стоянка (24 – 25 тыс. лет до н. э.) была открыта в декабре 1996 г. в процессе возведения «Oriental Plaza» в Пекине. Согласно информации, предоставленной в музее, спасение стоянки началось немедленно. Было обнаружено около двух тысяч каменных изделий, костяных орудий, обгоревших предметов, останки животных и пр. На месте стоянки был организован музей, состоящий из одного выставочного зала с витринами, информационными стендами и муляжа раскопа. Музей находится непосредственно на цокольном этаже, и при выходе из метро любой желающий может посетить его.

Подобный музей был организован в Греции. В начале 90-х гг. правительство Греции активно вело подготовку к Олимпийским играм в Афинах. Во время строительства метрополитена было обнаружено множество ценных археологических находок. Археологи и инженеры не только сохранили культурно-историческое наследие, но и предоставили возможность по-новому взглянуть на археологию. Под стекло поместили не только артефакты, но и почвенные разрезы с культурными слоями, а также захоронения (станции Монастираки, Синтагма и др.). Прочие находки передали в университетский городок Зографу, где устроили выставку под открытым небом (Кикоть Д., URL: <http://www.greek.ru/news/exclusive/36890/>).

Примеры организации музеев нового типа наводят на мысль о постановке задачи музеефикации археологического памятника Афонтова гора. В 2005 г. на конференции «Музей в XXI веке» Н. П. Макаров, сотрудник Красноярского музея, выдвинул идею создания археологического музея Афонтовой горы. В докладе была выдвинута не только идея о создании музея, но и его концепция [Макаров, 2005, с. 3 – 5].

В связи с тем, что «историко-культурный центр города превратился в транзитный коридор» (Социально-экономическое обоснование строительства 4-го моста в Красноярске, URL: <http://krudog.ru/content/4-y-most>), на месте расположения археологического памятника будет построен четвёртый автодорожный мост через р. Енисей. Таким образом, строительство отдельного здания на месте археологической стоянки не представляется возможным, что наводит на мысли об альтернативных решениях.

Изначально была поставлена цель: выяснить, нуждается ли город в музее подобной тематики. Для этого в одной из популярных социальных сетей был проведён опрос среди жителей г. Красноярска. Им предлагалось ответить на вопрос «Как стоит поступить со стоянкой Афонтова гора?» путём выбора одного из пяти вариантов ответа (URL: http://vk.com/sashakokareva?w=wall86060293_22134%2Fall). Всего откликнулось 434 человека, и вот результаты:

1. На месте стоянки должен быть музей – 35,5 %.
2. Первый раз слышу о стоянке, но голосую за музей – 32 %.
3. Артефакты следует передать в КККМ, место стоянки застроить – 14,5 %.
4. Первый раз слышу о стоянке и музей меня не интересуют – 13,6 %.
5. На месте стоянки должен быть мост – 4,4 %.

Кроме того, данная тема была предложена для дискуссии, где горожане могли выразить своё персональное мнение на этот счёт (URL: http://vk.com/sashakokareva?w=wall86060293_22134%2Fall). Мы отобрали некоторые из них:

1. Мы можем гордиться Универсиадой 2019, но не тем, что у нас есть всемирно известный сибирский палеолит.

2. Всё, что ещё можно найти и что уже найдено, передать в краеведческий, построить мост, а рядом с мостом поставить памятник или мемориальную доску...

3. Если за десятки лет место раскопок не стало музеем или охраняемым историческим объектом, значит, ничего сверхграндиозного там нет.

4. Интересный и необычный музей нужен. На обычные витрины с экспонатами я посмотрю в краеведческом.

5. Ещё один музей – это лишнее.

6. Эстетики хочется, а не досок, стел и прочих не относящихся к предметам вещей.

Таким образом, можно сделать вывод: большинство горожан считает, что городу необходим музей нового типа, который смог бы выделяться на фоне самых известных музеев города. Стоит заметить, что небольшое количество красноярцев, заходивших в эту сеть и откликнувшихся на опрос, говорит о том, что тема для большинства из них не актуальна. Возможно, это связано с тем, что археология недостаточно популярна. Это лишь дополнительное подтверждение тому, что городу необходим тематический музей археологии.

Накануне широкомасштабных археологических исследований на стоянке Афонтова гора, проведение которых планируется в 2014 г., вопрос о создании музея на месте всемирно известного памятника находится под вопросом. Но начало охранных раскопок на памятнике затягивается из-за проволочек с выбором подрядчика.

В октябре 2013 г. в интервью журналу «Русская история» директор Института археологии РАН, академик Николай Николаевич Макаров, дал интервью, где обозначил важность введения археологии в культуру путём создания археологических заповедников [Цыганов, 2013, с. 14 – 15]. Пока у человека существует интерес к своему прошлому, к истории своей страны, существует и археология. Поэтому необходимо интегрировать историю и общественность с помощью музеев, поскольку это наиболее доступный и наглядный способ.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. С. Вдовин.

Список литературы

Как вы считаете, как стоит поступить со стоянкой Афонтова гора? [электронный ресурс] // Alexandra Kokareva. В контакте. URL: http://vk.com/sashakokareva?w=wall86060293_22134%2Fall (дата обращения: 21.01.2014).

Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, 2012. – 432 с.: ил.

Кикоть Д. Археологические находки в Афинском метро [электронный ресурс] / Проект «Греция от Greek.ru» [офиц. сайт]. URL: <http://www.greek.ru/news/exclusive/36890/> (дата обращения: 21.01.2014).

Макаров Н. П. К вопросу об археологическом музее Афонтовой горы в Красноярске // Музей в XXI веке: материалы междунар. науч.-прак. конференции. – Кызыл: Тип. КЦО «Аныяк», 2005. – Часть II – С. 3 – 5.

Рыбак К. Е. Музейное право: международно-правовые аспекты. – М.: Юристъ, 2005. – 288 с.

Социально-экономическое обоснование строительства 4-го моста в Красноярске [Электронный ресурс] // КРУДОП [офиц. сайт]. URL: <http://krudor.ru/content/4-y-most> (дата обращения: 21.01.2014).

Хачлилы Р. Вопрос интерпретации // Museum. – 1998. – № 4. – С. 4 – 5.

Цыганов А. Археология в России: день сегодняшний // Русская история. – 2013. – № 4. – С. 10 – 15.

Современное состояние и проблемы музеефикации писаницы «Ленкова гора»

Наскальные рисунки являются важным источником информации о материальной и духовной сторонах древней и традиционной культуры. Но из-за своей открытости они постоянно подвержены разрушительному воздействию внешней среды. Эта доступность делает петроглифы беззащитными перед негативным воздействием природной среды, а то, что не успела разрушить природа, быстрее разрушается людьми.

Проблемы музеефикации памятников археологии в своих работах касались многие исследователи. Например, согласно концепции А. Н. Медведь «формированию отношения к памятникам археологии как к части культурного наследия в России ... способствовали не только внешние факторы, влияющие на сохранность привычной среды обитания, но и постепенное внутреннее осознание необходимости сохранения этих памятников» [Медведь, 2004, с. 24].

Сложившаяся ситуация в нашем регионе полностью опровергает данную идею, так как сегодня в Красноярском крае не музеефицирован и не имеет необходимой охраны ни один из археологических памятников, и серьезным разрушениям подвержены многие писаницы.

Интерес представляет писаница «Ленкова гора», которая имеет удобное расположение в туристическом плане. Она находится на правом берегу реки Ои, вблизи автомобильной трассы Красноярск – Абакан – Кызыл, неподалеку от Шушенского.

Весной 1988 г. наскальные рисунки здесь обнаружил краевед В. А. Носов. Изображения были описаны и исследованы в течение 1989 – 1990 гг. А. Л. Заикой и В. Ф. Капелько [Заика, 1989, с. 73].

Исследователи выделили 250 изображений, выполненных охрой, которые располагаются на протяжении 700 м вдоль тропы. Центральное место на писанице занимает грот, по обе стороны от которого прослеживается наибольшая концентрация рисунков. Большая часть писаницы представлена антропоморфными изображениями. Присутствие решеткообразных изображений является особенностью писаницы, как и способ нанесения всех рисунков [Заика, 1989, с. 74].

Исследователи предполагают, что основной пласт рисунков Ленковой горы соответствует позднекарасукскому – раннетагарскому времени и датируется началом I тыс. н. э. [Заика, 1989, с. 74].

Летом 2013 г. студентами и преподавателями кафедры музееведения КГПУ им. В. П. Астафьева была совершена экспедиция к писанице «Ленкова гора» с целью изучения и фиксации современного состояния памятника.

В ходе разведочных работ были выявлены плоскости с рисунками, выполненными охрой, которые прослеживаются вдоль тропы. Эти плоскости, как правило, небольшие, угловатые, расположены относительно тропы на высоте от 0 до 2,5 м и подвержены разным видам разрушений.

В результате на данном объекте были выявлены биологические и физические факторы разрушения. Сказывается деятельность грибов, лишайников, мхов, кустарников и насекомых, которые устраивают гнезда в скале. Видами физического разрушения писаницы являются корковые отслоения, шелушение, трещины, эрозийное воздействие.

Конечно, главную роль сыграл антропогенный фактор. Туристы, проезжающие и отдыхающие, стремятся оставить свои «автографы» на древних рисунках. С этим связана и трудность изучения писаницы, ведь многие петроглифы перекрыты современными надписями, а часть уже уничтожена вследствие разрушения скальных пород. Поэтому требуются срочные меры по сохранению памятника наскального искусства «Ленкова гора».

Археологи и музейные работники на протяжении многих лет обращают внимание на необходимость сохранения и экспонирования археологических памятников, особое беспокойство вызывают писаницы, но в Красноярском крае работа в этом направлении идет медленно. Так, уже много лет А. Л. Заика добивается музеефикации памятника «Шалаболинская писаница» [Заика, 2012, с. 201].

Справедливо отмечает А. И. Мартынов: «Для того чтобы петроглифический памятник сохранился, а это наша задача, его нужно музеефицировать. Реставрация ничейных и не музеефицированных не имеет никакого смысла. Они также, может даже еще больше, будут разрушаться людьми» [Мартынов, 2006, с. 133].

По результатам исследований лета 2013 г., с учетом исторической значимости, сохранности, информативности, доступности и современного значения, был подготовлен проект по сохранению и музеефикации памятника, главной целью которого является необходимость создания археологического музея-заповедника «Ленкова гора».

Музеефикация памятника заключается в его преобразовании в объект музейного показа с целью максимального сохранения и выявления его историко-культурной, научной, художественной ценности [Словарь актуальных..., 2009, с. 55].

В данном случае для музеефикации писаницы «Ленкова гора» необходимо решить несколько главных задач: развитие инфраструктуры, информационная обеспеченность и популяризация объекта, разработка туристических маршрутов, экскурсионных программ, а также инвестиционных проектов, направленных на развитие музея [Аланд, 2012, с. 194].

Для сохранения писаницы «Ленкова гора» самое главное – это музеефикация памятника, проведение реставрационных и консервационных работ. Важно провести отвод дождевых и талых вод, закрепить отдельные скальные блоки, очистить писаницу от современных надписей; это поможет исследователям в изучении данного объекта и будет способствовать эстетическому восприятию посетителями древних рисунков, которые сегодня скрыты под многочисленными красками вследствие неконтролируемого туризма на данном объекте. Проведение данных мер представляется возможным лишь после реального установления охранной зоны, организации регламентированной экскурсионной деятельности, ограничивающих разрушительные действия посетителей на памятнике историко-культурного значения.

*Научные руководители: канд. ист. наук, доц. А. С. Вдовин;
канд. ист. наук, доц. А. Л. Заика.*

Список литературы

Аланд Е. Ю. Опыт музеефикации археологических объектов в Республике Хакасия // Мартыановские краеведческие чтения (2010–2011 гг.). – Абакан: ООО Кооператив «Журналист», 2012. – Вып. VII. – С. 193 – 195.

Заика А. Л., Капелько В. Ф. Писаницы Ленковой горы (предварительное сообщение) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1989. – Ч. 2. – С. 73 – 76.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница: вопросы музеефикации // Мартыановские краеведческие чтения (2010–2011 гг.). – Абакан: ООО Кооператив «Журналист», 2012. – Вып. VII. – С. 201 – 204.

Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каулен [и др.] // Музей. – М.: Эксмо, 2009. – 68 с.

Мартынов А. И. Археология начала века // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр., посвященный 30-летию кафедры археологии КемГУ. – Кемерово: Летопись, 2006. – Вып. 24. – С. 131 – 138.

Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – М.: ГНОМ и Д, 2004. – 80 с.

УДК 069(1-21)

В. В. Маркс

Новосибирский государственный педагогический университет

Помосты сибирских острогов

Активное археологическое изучение русских острогов в Сибири в последние десятилетия прошлого и начале нового веков [Бородовский, Горохов, 2009] позволило существенно расширить базу источников по фортификационным сооружениям раннего Нового времени. Современный комплекс археологических данных по этим конструкциям позволяет уже не только обсуждать целый ряд проблем, но и приступить к натурным реконструкциям с высокой степенью достоверности.

Одной из таких проблем является особенность археологизации как естественного сохранения следов и деталей деревянных оборонительных конструкций, составляющих основу тыновой стены, как наиболее типичного фортификационного элемента острога. Следует заметить, что в отличие от деревянных башен стены острогов, как правило, не сохраняются до нашего времени, пройдя практически полный цикл археологизации со значительной утратой всех своих первоначальных внешних конструктивных особенностей. Для Западной Сибири в этой связи наиболее показателен Казымский (Юильский) острог, у которого в более – менее полном виде сохранились угловые деревянные башни.

В исторической литературе сохранились упоминания о нескольких вариантах острожных стен – «стоячих», «косых» и тарасных, для которых необходимо рассмотреть их реальные археологические признаки. «Стоячая» тыновая стена острога сооружалась путем установки в канаву ряда вертикальных тыновин. «Косая» острожная стена состояла из наклонных тыновин, соответствующим образом заглубленных в землю. Тарасные стены представляли собой последовательно сооруженные деревянные срубы-клетки, часто установленные непосредственно на грунтовой поверхности. Кроме того, следует упомянуть еще и об острожной стене заплотного типа, когда между вертикально врытыми в землю деревянными бревнами-опорами горизонтально в пазы крепились ряды бревен.

В целом можно говорить о значительном разнообразии конструкций тыновых стен, каждая из которых обладает как своими особенностями, так и сходством на археологическом «уровне». Например, любой вариант тыновой стены («стоячий» или «косой») имеет основную непрерывную конструктивную «линию», представленную тыновой канавкой. Фиксация в этом сооружении в грунте системы отверстий, тына или самого ряда тыновин позволяет идентифицировать ее как острожную стену. В сравнении с этой конструкцией заплотная стена острога будет представлена на уровне грунта разреженной замкнутой линией столбовых ям. Основание тарасной стены, часто не имеющее под

собой никаких грунтовых углублений, в лучшем случае будет представлено подсыпкой или каменными опорами, аналогичными деревянным острожным башням. Такой археологический контекст указанных фортификационных сооружений затрудняет решение одной из наиболее важных задач при исследовании русских острогов в Сибири – локализацию мест их расположения. Например, тарасная конструкция стен Чаусского острога существенно осложнила выявление реального места его существования [Бородовский, 2013а].

Тем не менее если широкие и объемные тарасные стены для своего функционального использования не нуждались в дополнительных сооружениях, то тыновые и заплотные стены острогов нуждаются в помостах. Эта конструкция пристраивается к острожной стене, что позволяет не только передвигаться по ней еще на одном высотном уровне, но и обеспечивать дополнительную жесткость деревянного фортификационного сооружения. Археологические признаки этих дополнительных пристроек к острожным стенам могут быть различными. В частности, при археологическом изучении Умревинского острога вдоль тыновой канавки с внутренней стороны острожной стены выявлен ряд столбовых ям и несколько железных скоб, вполне вероятно принадлежащих к конструкции помоста [Бородовский, 2007; Бородовский, Горохов, 2008].

Однако следует отметить, что стратиграфически проследить одновременность сооружения острожной стены и помоста достаточно проблематично. Хотя следует заметить, что для Умревинского острога последовательность сооружения тыновых стен и башен, отраженная в письменных и картографических источниках XVIII столетия, прослежена археологически.

На Саянском остроге [Скобелев, 2001; 2002] вдоль углублений от опор заплотной стены был зафиксированы истлевшие бревна, уложенные в виде чередующихся треугольников с внутренней стороны острожных стен. Такие конструкции позволяли подниматься на стены, размещать там личный состав острога и вооружения, а также выполняли роль контрфорсов, обеспечивая дополнительную прочность деревянному фортификационному сооружению. В непосредственной близости от этих сооружений были зафиксированы железные скобы и гвозди.

Результаты таких археологических исследований особых конструкций стен острогов крайне важны для их достоверной музеефикации как археологических памятников [Медведь, 2004]. В настоящее время среди различных методик, включая реставрацию и консервацию, наиболее адекватным подходом является натурное восстановление острогов и их оборонительных сооружений (башен, тына и помоста) на участках (раскопах) их исторического расположения [Бородовский, 2013б]. Следует подчеркнуть, что далеко не во всех случаях восстанавливаются помосты острогов. Например, около условно-частичной музеефикации тыновой стены Саянского острога его помост не был восстановлен. Для Умревинского острога так же первоначально десять лет тому назад не рассматривалась возможность восстановления такого элемента [Маркс, Бородовский, 2013]. Аналогичным образом до сих пор выглядят и музеефицированные Казымский (Юильский) и Илимский остроги в рамках музеев под открытым небом. Тем не менее для полноты и достоверности натуральных реконструкций русских острогов в Сибири восстановление помостов на основании результатов их археологических исследований являются очевидной необходимостью. Они представляют один из достаточно сложных в археологическом отношении конструктивных и функциональных элементов фортификационных сооружений острогов, обладающих целым рядом признаков в зависимости от их типа.

Список литературы

Бородовский А. П. Исследования оборонительных сооружений Умревинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XVIII вв. Историко-археологические исследования. – Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2007. – Т. 3, Ч. 1. – С. 248 – 268.

Бородовский А. П. Археологическое наследие в окрестностях Чаусского острога // Освоение и развитие Западной Сибири в XVII–XX вв. – Новосибирск: Агентство «СИБСПРИНТ», 2013а. – С. 12 – 16.

Бородовский А. П. Музеефикация Умревинского острога – первого пункта российской государственности на территории Новосибирской области // «Тобольск научный – 2013». X Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – Тобольск: Тобольская типография, 2013б. – С. 365 – 367.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Оборонительные сооружения Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4 (36). – С. 70 – 82.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.

Маркс А. В., Бородовский А. П. Опыт натурной реконструкции деревянных оборонительных сооружений сибирского острога в Мошковском районе (по материалам археологических и экспериментальных исследований Умревинского острога) // Народное творчество Новосибирской области. – 2013. – № 2. – С. 48 – 51.

Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии в России. – М.: Изд-во «ГНОМ и Д», 2004. – С. 48 – 60.

Скобелев С. Г. Результаты и проблемы реконструкции внешнего вида Саянского острога // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик: ОМГПУ, 2001. – С. 116 – 121.

Скобелев С. Г. Проблемы реконструкции внешнего вида Саянского острога // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово-Городок: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 243 – 249.

УДК 902.2

А. А. Первухина

Курганский государственный университет

Охранные археологические исследования культурного слоя города Курган на территории усадьбы Шишкиных-Смолиных

В июне 2013 г. силами археологического отряда Курганского государственного университета были проведены экстренные раскопки на пересечении улиц Куйбышева и Пролетарской г. Курган. В результате работ было выявлено 4 строительных горизонта.

По результатам раскопок было выявлено, что ранние постройки на данном участке датируются первой половиной XIX в. В течение последующих полутора веков исследуемый участок активно использовался – старые постройки сносились, горели, возводились новые и, конечно же, менялись владельцы. Фонды Государственного архива Курганской области (ГАКО) позволяют, насколько возможно, проследить историю интересующей

нас усадьбы на углу улицы Троицкой улицы и Шишкинского переулка (а именно такие названия они имели на протяжении прошлых веков). Таким образом, данное исследование представляет собой синтез данных, полученных в ходе археологических раскопок, и работы, проведенной в архиве, что является редким опытом для г. Курган.

Первым известным владельцем данного участка был купец третьей гильдии Игнатий Михайлович Данилов. После его смерти наследники продали усадьбу семье Шишкиных в 1847 г. В руках этой семьи усадьба будет находиться последующие полтора века. Площадь участка составляла 23×30 сажень, и к 1850-м гг. на участке имелись следующие постройки: одноэтажный деревянный дом на каменном фундаменте, деревянный флигель, 4 амбара, 2 завозни, конюшня, погреб, каменная баня и палисад [Васильева, 2010. с. 281]. По всей видимости, данные сооружения можно отнести к первому строительному горизонту, на котором фиксировались остатки деревянного сооружения. Был обнаружен истлевший деревянный пол, с большим количеством органики, что может характеризовать это сооружение как конюшню или сарай. Деревянные доски лежали прямо на земле, без лаг и опорных столбов, что обуславливает их плохую сохранность. В процессе разбора данного горизонта были зафиксированы многочисленные фрагменты неорнаментированной керамики, в том числе развалами. Керамика в данном случае могла быть оставлена умышленно, как дренаж.

Исходя из последующего использования участка к данному горизонту можно также отнести постройки, выявленные в ходе проведения вскрышных работ. К югу от места раскопа был зафиксирован каменный фундамент, размером 6×5 м. К фундаменту Г-образно с севера и востока примыкает деревянное сооружение шириной 2,5–3 м, в восточной части которого был зафиксирован забутованный погреб.

Ф. В. Шишкин был известным человеком в городе, избирался городским головой, был попечителем Владимирской богадельни и директором Общественного банка Василия Багашева [ГАКО. Ф. Р-2380. Оп. 7. Д. 31. Л. 19]. Со своим зятем Дмитрием Ивановичем Смолиным он успешно занимался винокуренным делом. К тому же они имели мельницу и торговые лавки. Семья Шишкиных-Смолиных сделала значительный вклад в развитие города.

После смерти Шишкина усадьба переходит во владение зятя Д. И. Смолина. Известно, что к 1890-м гг. на участке, помимо дома, во дворе был водочный завод, деревянный магазин в трех отделениях, флигель на улице и оптовый каменный склад [Васильева, 2010, с. 148]. Стоит отметить, что в 1866 и 1886 гг. и в начале XX в. семьей были куплены соседние участки, так как усадьба оказалась мала для развития производства. Бытование этого периода можно связать с 3-м и 4-м строительными горизонтами.

Ко 2-му строительному горизонту была отнесена кирпичная стена, прорезающая пол 1-го строительного горизонта.

Третий строительный горизонт фиксируется как остатки деревянного сооружения. Сооружение характеризуется полом из толстых досок удовлетворительной сохранности, лежащих на поперечных лагах, под которые были заведены столбы, зарытые комлевой частью бревна.

При исследовании 3-го строительного горизонта и разборе пола были обнаружены многочисленные фрагменты стеклянных бутылок и керамических сосудов [Новиков, 2013, с. 23]. По всей видимости, сооружение представляло собой склад продукции. Перекрывал сооружение слой угля, хотя сведений о пожарах на территории усадьбы в архиве найдено не было. Позднее 3-й строительный горизонт был прорезан кирпичными стенами капитальных каменных сооружений 4-го строительного горизонта, внутри которых все вышеперечисленные слои были уничтожены.

Четвертый строительный горизонт представлен двумя кирпичными стенами в южной и западной части. Остовы кирпичных сооружений хорошо фиксировались на современной поверхности, сами здания сохранялись до недавнего времени. Одно здание представляло собой Г-образное кирпичное сооружение, примыкающее к брандмауэрной стене, второе находилось в центре участка. Скорее всего, это стены водочного завода, который в советское время использовался как обувная фабрика.

Таким образом, был исследован участок культурного слоя г. Курган первой половины XIX–XX вв. Комплексы находок были привязаны к строительным горизонтам и при дальнейшей работе могут быть соотнесены с более подробными архивными данными.

*Научные руководители: И. К. Новиков,
канд. ист. наук, доц. Д. Н. Маслюженко.*

Список литературы

Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX века): в 2 т. – Шу-миха: ОГУП «ШМРТ», 2010. – Т. 2. – 384 с.

Новиков И. К. Предварительные итоги исследования культурного слоя г. Курган в 2013 г. // XI Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 5–6 дек. 2013 г.). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2013. – С. 23 – 24.

УДК 502.4(571.53)

А. С. Савинова, М. В. Михайлова
Иркутский государственный университет

Проблема разрушения памятников культурного наследия острова Ольхон

Более 130 лет на о. Ольхон проводятся работы по обнаружению, изучению и сохранению объектов ИКН. На территории острова зафиксировано свыше 167 археологических объектов, самый ранний относится к эпохе верхнего палеолита.

Целью данного исследования является освещение проблемы разрушения археологических памятников на о. Ольхон.

Остров Ольхон – единственный крупный остров на Байкале. Его площадь – 730 кв. км. Он расположен в средней части озера у западного берега. От материка отделен проливами Малое море и Ольхонские ворота. Остров представляет собой отрог Приморского хребта, вытянувшийся в северо-восточном направлении.

Северо-западное побережье и побережье пролива Ольхонские ворота изобилует мелководными бухтами, берега которых обладают подходящими условиями для проживания человека. В этих районах были обнаружены основные скопления археологических объектов. Скалистые берега на юго-восточной стороне о. Ольхон почти не посещались древним человеком, там зафиксированы лишь временные стоянки промыслового значения.

Изучение древних памятников о. Ольхон началось с открытия И. Д. Черским каменных стен (городищ) позднего железного века на мысах Шибэтэ и Харгой в 1879 г. В даль-

нейшем крупные исследования проводились П. П. Хороших. Им были найдены стоянки древнего человека, культовые сооружения и захоронения бурят (XVII–XIX вв.), а также наскальный рисунок на мысе Бурхан [Горюнова, 1995, с. 8].

В 1950–1960 гг. поиском археологических памятников занимался учитель-краевед Н. М. Ревякин. Всего он обследовал 29 древних памятников. Найденные Н. М. Ревякиным артефакты стали основой экспозиции Хужирского краеведческого музея.

С 1968 г. в Ольхонском районе археологические исследования проводились экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. На протяжении нескольких лет на острове были обследованы разновременный могильник (V–II тыс. до н. э.), стоянка (V тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) на мысе Бурхан. Среди материалов из погребений А. П. Окладниковым были найдены орудия серовского, китойского и глазковского периодов. Разведками также обнаружено еще одно неолитическое поселение в Листвиничной губе, материалы которого позволили уточнить хронологию древних культур Приольхонья [Окладников, Асеев, Конопацкий, 1976, с. 268].

Впоследствии на о. Ольхон проводились раскопки отрядами ИГУ под руководством В. В. Свирина, О. И. Горюновой, А. В. Харинского и др.

В настоящее время археологические работы связаны в большей степени с выделением земельных участков на острове. В 2005–2007 гг. велись спасательные работы на объектах, попадающих в зону строительства дорог и ЛЭП. Согласно отчетам ОГАУ ЦСН за период с 1986 по 2008 г. выявлено 24 новых археологических памятника, находящихся ныне под охраной государства. Для некоторых населенных пунктов (Хужир, Харанцы, Халгай, Песчаная) были определены границы территорий с особыми условиями их использования. Кроме того, были разработаны методы охраны зон с объектами археологического наследия.

Однако таких мер недостаточно для сохранения историко-культурного наследия о. Ольхон.

По данным Института географии им. Сочавы, рельеф острова меняется под воздействием антропогенных факторов, которые с каждым годом усиливаются из-за наплыва туристов, а участки степи разрушаются в связи с выпасом скота [Экологически..., 2004, с. 123]. По данным Прибайкальского национального парка в июле – августе на острове одновременно находится от 15 до 20 тыс. человек (Туризм и его воздействие на природу в Прибайкальском национальном парке, URL: <http://refoteka.ru/r-96516.html>).

К изменениям стоит отнести нарушение целостности почвы квадроциклами, автомобилями и большим количеством пеших и конных туристов. Антропогенные нарушения отмечены вдоль всего северо-западного побережья острова, собственно, в тех районах, где обнаружены большие скопления объектов. Отдыхающим не воспрещается самостоятельно передвигаться по острову, их деятельность на территории острова не регламентируется. Излюбленными местами туристов становятся памятники археологии и этнографии, о которых рассказывают гиды или местные жители. Вывозится подъемный материал в качестве сувениров, процветает кладоискательство.

На острове распространен «черный туризм». Отдыхающие разбивают палаточные лагеря по берегам острова. Популярен живописный и теплый залив Загли, в окрестностях которого расположено 15 археологических памятников (погребально-ритуальные комплексы, могильники). В число объектов, представляющих научный интерес в этом районе, входит ритуальный комплекс «шатровые могильники». Комплекс представляет собой 150 шатровидных сооружений (V–X вв. н. э.).

Несмотря на то, что о. Ольхон является частью Прибайкальского национального парка, существует лишь три официально организованных туристических маршрута. Летом ежедневно на экскурсии по каждому маршруту выезжают около 300 человек.

Мыс Харгой, Шибэтский мыс, с расположенными на них остатками каменных стен – «городищ», – наиболее посещаемые туристами места. Организованный маршрут Хужир – мыс Хобой пролегает через мыс Саган-Хушун с искусственным рвом и земляным валом V–X вв. и местность Узур, в которой располагается палеолитическая стоянка. Часто посещаемой является падь Тэшкинэ, с расположенными там многослойными поселениями. Привлекает туристов мыс Бурхан – одна из девяти святынь Азии, священное место бурят. Бурхан представляет собой две скалы, сложенные из серого кристаллического известняка. В ближайшей к матерiku скале находится сквозная Шаманская пещера. Ее использовали ламы под буддийское святилище, затем служители православной церкви. Раскопками КАЭ ИГУ в 1989 г. здесь были обнаружены неолитические орудия. Недалеко от входа в пещеру П. П. Хороших в 1953 г. обнаружил наскальный рисунок. На перешейке мыса Бурхан находятся разновременные могильник и стоянка [Горюнова, 1995, с. 88 – 94].

Мыс Бурхан является местом паломничества различных сект, духовных организаций, местом проведения различных театрализованных мероприятий. Памятник находится в километре от п. Хужир (самый крупный поселок на острове), поэтому здесьлюдно, даже ночью.

Рельеф острова подвержен природному разрушению. На Восточном побережье зафиксированы перманентные обвалы пород. В районе населенных пунктов Хужир, Малый Хужир, Песчаная и вдоль северо-западного побережья острова отмечено перемещение песчаных масс. Не стоит забывать и о постоянном размывании берегов озера [Экологически ориентированное планирование. . ., 2004, с. 125].

Проводимых мер по защите памятников не хватает. Желательно упорядочить доступ туристов и местного населения к объектам ИКН посредством шадящего землепользования, консервации, музеефикации объектов, а также определения территорий с особыми условиями использования не только для крупных населенных пунктов, но и для всего северо-западного побережья острова. Оградить памятники от природного воздействия зачастую является невозможным. Единственное решение проблемы – проведение археологических работ на территории объектов.

*Научный руководитель – канд. ист. наук, доц.
Н. А. Савельев.*

Список литературы

Горюнова О. И., Свинин В. В. Ольхонский район: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1995. – Ч. I: Остров Ольхон. – 142 с.

Окладников А. П., Асеев И. В., Конопацкий А. К. Раскопки на о-ве Ольхон и мысу Бурхан // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 267 – 268.

Туризм и его воздействие на природу в Прибайкальском национальном парке [электронный ресурс] // Рефотека.ру [офиц. сайт]. URL: <http://refoteka.ru/r-96516.html> (дата обращения: 08.03.2013).

Экологически ориентированное планирование землепользования в Байкальском регионе. Ольхонский район / Ю. М. Семенов, А. Н. Антипов, В. В. Буфал и др. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 147 с.

Особенности и перспективы городской археологии

История городов, как правило, много старше их самих. Территория Барнаула была обжита задолго до возникновения здесь русского поселка. В настоящее время известны десятки археологических памятников, охватывающих громадный отрезок времени от конца древнекаменного века – палеолита (примерно 10 – 20 тыс. лет тому назад) – до позднего средневековья, вплоть до прихода на Алтай русских. Для всего этого огромного периода археологические находки, по существу, являются единственными источниками по истории [Археологические памятники на территории..., 1983, с. 7].

Концентрация археологических памятников объясняется ключевым расположением территории, позднее занятой Барнаулом. Эта местность является стыком нескольких природных зон: ленточные боры на правом и левом берегах, лесостепь Приобского плато, пойменная зона Оби. Еще одним фактором заселения этой местности является богатство биоресурсами. Здесь в изобилии – древесная растительность, лекарственные растения, съедобные растения, достаточное количество млекопитающих, птиц и рыб. Природные условия и расположение территории, на которой находится Барнаул, издревле привлекали древнего человека – в начале охотников и рыболовов каменного века, затем скотоводов и кочевников [Археологические памятники города..., 2006, с. 5].

Археологические раскопки на территории г. Барнаула проводили многие исследователи (В. Б. Бородаев, Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров, А. Б. Шамшин, А. Т. Сингаевский). Наиболее полный обобщающий материал был опубликован в 2006 г. в монографии А. Л. Кунгурова, А. Т. Сингаевского «Археологические памятники города Барнаула». Однако особо актуальным в последние годы представляется изучение археологических объектов в зонах исторической застройки городов, которые активно включены в современную инфраструктуру. Традиция раскопок в городах с дальнейшей частичной музеефикацией или организацией открытого показа раскопок берет свое начало еще в раннее Новое время в Европе. Ее формирование было связано с изучением Помпей и Геркуланума [Кривченко, 1985, с. 6].

Некоторые традиции городской археологии имеются и в отечественной практике. Так, например археологические раскопки в Тобольске носили аварийно-спасательный характер. В большинстве случаев они предвещали строительство новых объектов. В частности, такого рода исследования велись на месте возведения здания Иконной лавки, внутри Софийско-Успенского собора, нового жилого квартала по адресу Октябрьская 19 и др. В ряде случаев, раскопки предпринимались на стадии подготовки памятников архитектуры к реставрации. Для получения информации о конструктивных особенностях фундаментов, степени сохранности, глубине их заложения по периметру здания закладывалась серия раскопов или шурфов. Таким образом, исследовались здания Губернской судебной управы, Спасской церкви [Балюнов, 2009, с. 32]. Определенный опыт в данной области имеется и в г. Барнауле. В июле 2005 г. в связи с планировавшимся строительством технического комплекса «Автолидер» по адресу ул. Ползунова, 44 а, силами специалистов НПЦ «Наследие» были проведены аварийные раскопки данного участка.

Улица Ползунова (бывшая Петропавловская линия) – старейшая в городе Барнауле. Участок, на котором производились раскопки, застраивался с первой половины XVIII в. При этом, учитывая его сильную заболоченность, деревянные здания стояли здесь не

более 20–30 лет. Находившиеся в месте современной застройки здания принадлежали заводским чиновникам, кабинетским служащим, амбулатории Управления Алтайского округа и др. Последнее здание, выстроенное на этом месте в 1850 г., в 1960-х гг. было разобрано.

В ходе проведения аварийных работ были выявлены остатки каменных фундаментов и построек различной степени сохранности, остатки деревянного сруба, располагавшиеся на 0,5 м ниже основания кирпичной кладки. Сруб был построен «в лапу» без остатка, концы бревен обтесаны «сарайным» способом. В центральной и северо-западной частях он был нарушен современным перекопом. Внутри сруба находилось 6 балок, уложенных в венцы сруба в шпунты или на «череп». Промежутки между балками заполнены остатками крупных веток, брусков и досок. Сами балки уложены на слой фашичника и листы бересты.

Во время работ на исследуемой территории было обнаружено множество предметов бытового назначения от монет и столовых приборов до деревянной утвари и изделий из стекла и керамики, в большинстве своем относящихся (по предварительному определению) к XIX столетию (Историко-археологические исследования в зоне исторической застройки г. Барнаула, URL: <http://www.nasledie-altai.ru/pamyatniki-archeologii/425-2012-02-17-03-58-59>).

Археологические раскопки в самом центре Барнаула, на которые власти региона выделили около 400 тыс. рублей, доверили старшему научному сотруднику научно-исследовательского сектора Алтайского госуниверситета, археологу Владимиру Семибратову, а также студентам АГУ и академии культуры. Главной целью исследования был поиск объектов для дальнейшей музеефикации. Археологи обнаружили фундамент и часть стен деревянного здания конца XVIII в. Предположительно, это не жилое, а техническое помещение: амбар или хозяйственная постройка. Стоит сказать, что за весь период раскопок было найдено около 3 000 предметов старины. Уникальной находкой является керамическая посуда, относящаяся к первой половине XVIII в. Она сделана вручную и плохо обработана. Много найдено изделий из кости: зубные и вещевые щетки, наличие которых говорит о высоком уровне культуры быта населения. Найденные в углах здания монеты датированы от 1730 г., они закладывались при строительстве в качестве оберега. Наличие культурного слоя позволяет проследить развитие территории от начала ее освоения и до сегодняшних дней. После обработки находки будут переданы в Алтайский государственный краеведческий музей. Сейчас решается вопрос о консервации и сохранении раскопа для того, чтобы потом включить его в экспозицию музея, но на это потребуются дополнительные средства (Смирнова А., URL: <http://sky24.ru/analitics/arheologicheskie-raskopki-v-centre-barnaula-vospolnili-probely-v-istorii-goroda>).

Проведение археологических исследований в зоне городской исторической застройки имеет большое значение для расширения знаний в области истории развития города, его архитектурной планировки, особенностей быта горожан в разные исторические периоды. Также такие исследования будут способствовать повышению туристско-экскурсионного потенциала г. Барнаула.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Т. Г. Гребенникова.

Список литературы

Археологические памятники города Барнаула / А. Л. Кунгуров, А. Т. Сингаевский. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2006. – 200 с.

Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула / под ред. А. П. Бородавкина. – Барнаул, 1983. – С. 7 – 15.

Балюнов И. В. Некоторые итоги развития Тобольской городской археологии // Исторический сборник. – Тобольск: Изд-во ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2009. – С. 31 – 33.

Историко-археологические исследования в зоне исторической застройки г. Барнаула [Электронный ресурс] // НПЦ Наследие [Официальный сайт]. URL: <http://www.nasledie-altai.ru/ramyatniki-arheologii/425-2012-02-17-03-58-59> (дата обращения: 11.01.2014).

Кривченко В. И. Помпеи. Геркуланум. Стабии. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1985. – 224 с.

Смирнова А. Археологические раскопки в центре Барнаула восполнили пробелы в истории города [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое агентство «SKY24» [Официальный сайт]. URL: <http://sky24.ru/analytics/arheologicheskie-raskopki-v-centre-barnaula-vozpohnili-probely-v-istorii-goroda> (дата обращения: 11.01.2014).

УДК 343.59

А. В. Усов

*Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института МВД России*

К вопросу о юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры Российской Федерации

Памятники истории и культуры составляют стержень отечественного культурного наследия, значение которого уникально и многогранно. Основными угрозами целостности памятников истории и культуры являются: хозяйственная (прежде всего строительная) деятельность; бездействие собственников и иных законных владельцев объектов культурного наследия; активность черных копателей.

Актуальная проблема сохранности культурного наследия не может быть успешно решена без применения административно-правовых и уголовно-правовых мер [Клебанов, 2012, с. 7, 9, 173].

В рамках данной работы мы проанализируем:

1) усиление ответственности за нарушение правил обращения с объектами культурного наследия (ОКН) в соответствии с Федеральным законом от 07.05.2013 № 96-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

2) ужесточение ответственности за уничтожение и повреждение ОКН согласно Федеральному закону от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии».

7 августа 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 07.05.2013 № 96-ФЗ, в соответствии с которым существенно возросла административная ответственность за нарушение законодательства в сфере охраны ОКН.

Увеличены штрафы за нарушение законодательства об охране ОКН. В предыдущей редакции ст. ст. 7.13 – 7.15 КоАП РФ максимальные штрафы для юридических лиц были от 30 до 100 тыс. руб.; согласно новой редакции этих статей, а также новых пунктов (ст. ст. 7.14.1 и 7.14.2 КоАП РФ) указанные штрафы составляют от 1 до 60 млн рублей.

Вне зависимости от привлечения к административной или уголовной ответственности лиц, причинивших вред ОКН, на них возлагается обязанность возместить стоимость восстановительных работ (ст. 61 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

Закон № 96-ФЗ дополнил КоАП РФ новыми составами административных правонарушений в области охраны ОКН, а также расширил сферу применения ранее установленных.

Предусмотрена ответственность за нарушение требований к сохранению, использованию и государственной охране любых ОКН народов Российской Федерации, а не только объектов федерального значения, за нарушение режима использования земель в границах территорий ОКН и за несоблюдение ограничений, установленных в зонах их охраны.

В качестве самостоятельного состава правонарушений выделяются уничтожение или повреждение ОКН (ст. 7.14.1 КоАП РФ). Ответственность за совершение данного деяния предусмотрена только для юридических лиц. Существенно усилена ответственность за нарушение правил обращения с объектами культурного наследия (URL: <http://www.pulsar-t.ru/index.php?id=556>).

24 августа 2013 г. вступил в силу Федеральный закон № 245-ФЗ, согласно которому ужесточена ответственность за уничтожение или повреждение ОКН, установлена уголовная ответственность за уничтожение или повреждение таких объектов в результате нарушения требований к их сохранению или использованию.

Многokратно увеличен размер уголовного штрафа за уничтожение или повреждение ОКН, а также установлена ответственность за уничтожение или повреждение ОКН, включенных в единый государственный реестр таких объектов и выявленных ОКН.

Уточнение формулировки имеет значение для возбуждения дел по ст. 243 УК РФ при наличии признаков уничтожения или повреждения выявленных ОКН. Максимальный срок лишения свободы за совершение данного преступления при отсутствии квалифицирующего признака увеличен с двух до трех лет, преступление относится к категории небольшой тяжести, сроки давности привлечения – два года с момента совершения (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ). Помимо лишения свободы предусмотрены альтернативные наказания в виде штрафа, обязательных или принудительных работ. Максимальный штраф установлен в размере до 3 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет.

Изменились квалифицирующие признаки и повышенная ответственность предусмотрена за уничтожение: 1) особо ценных ОКН; 2) ОКН, включенных в Список всемирного наследия; 3) историко-культурных заповедников или музеев-заповедников; 4) объектов археологического наследия, включенных в Реестр; 5) выявленных объектов археологического наследия. Объект археологического наследия считается выявленным со дня обнаружения (п. 6 ст. 18 Федерального закона № 73-ФЗ). Исполнители земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ обязаны немедленно приостановить работы в случае обнаружения объекта, имеющего признаки ОКН, и уведомить о нем региональный орган исполнительной власти, уполномоченный в области охраны ОКН (п. 1 ст. 37 Федерального закона № 73-ФЗ). Если этого не произойдет, исполнителя могут привлечь по ч. 2 ст. 243 УК РФ, с максимальным сроком лишения свободы пять лет. Такие преступления – средней тяжести, срок привлечения шесть лет с момента совершения (п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ).

В отношении данных преступлений нет запрета назначения наказания в виде лишения свободы при отсутствииотягчающих обстоятельств. Однако лицо, впервые совер-

шившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от наказания в связи с деятельным раскаянием, для чего ему необходимо явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления и возместить причиненный ущерб или иным образом загладить вред (ст. 75 УК РФ). Предусмотрены и альтернативные наказания в виде штрафа, обязательных или принудительных работ.

В Уголовный кодекс РФ Закон № 245-ФЗ ввел ст. 243.1, в которой установлена уголовная ответственность за нарушение требований к сохранению или использованию ОКН, включенных в Реестр, либо выявленных.

Преступлением считается такое нарушение, которое по неосторожности повлекло уничтожение или повреждение ОКН в крупном размере, когда стоимость восстановительных работ или мероприятий для сохранения объекта археологического наследия превышает 500 тыс. руб.

Если повреждение объекта не может быть квалифицировано как повреждение в крупном размере, виновное лицо нельзя будет привлечь к уголовной ответственности, однако возможно его привлечение к административной (ст. 7.13 КоАП РФ).

Таким образом, уголовная ответственность теперь предусмотрена не только за умышленное, но также и за неосторожное причинение вреда ОКН.

За совершение данного преступления предусматривается несколько альтернативных наказаний: штраф до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, а также лишение свободы на срок до двух лет.

Привлечение виновных физических лиц к уголовной ответственности не освобождает организации от ответственности за совершение административного правонарушения. Ужесточается ответственность за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия (URL: <http://www.pulsar-t.ru/index.php?id=568>).

Долгожданные изменения, внесенные в КоАП РФ, касающиеся нарушения правил обращения с объектами культурного наследия и УК РФ, затрагивающие ответственность за уничтожение и повреждение ОКН, должны существенно помочь в деле сохранения культурного наследия Российской Федерации.

Список литературы

Клебанов Л. Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана – М.: Норма, 2012. – 176 с.

Существенно усилена ответственность за нарушение правил обращения с объектами культурного наследия [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [Офиц. сайт]. – URL: <http://www.pulsar-t.ru/index.php?id=556> (дата обращения: 05.01.2014).

Ужесточается ответственность за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [Офиц. сайт]. – URL: <http://www.pulsar-t.ru/index.php?id=568> (дата обращения: 05.01.2014).

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

УДК 7.031.1(571.513)

Е. И. Ануфриева, Т. А. Пахомова, А. А. Дорохина
*Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева*

Результаты исследования петроглифов на озере Тус

Летом 2013 г. во время проведения студенческой музейно-экскурсионной полевой практики были обследованы объекты историко-культурного наследия на территории Хакасии и юга Красноярского края. В спектр внимания попали археологические объекты в виде стоянок, могильников, наскальных рисунков. На памятниках отработывалась методика их фиксации в полевых условиях в контексте решения задач охраны и музеефикации. Одним из объектов исследования стали петроглифы на озере Тус.

Наскальные рисунки на озере Тус были случайно обнаружены студентами КСХИ в 1968 г., в 1968–69 гг. на писанице работали сотрудники Абаканского и Красноярского краеведческих музеев А. Н. Липский и Н. В. Нащокин [Архив КККМ. Оп. 05. Д. 159. Л. 23 – 26]. Исследователи обнаружили 9 камней с рисунками (7 – в 1968 г.; 2 – в 1969 г.), фрагменты разрушающихся плоскостей были переданы в фонды Красноярского и Абаканского краеведческих музеев (рис. 2 – 5). Позже – в 1975 г. – писаница была обследована сотрудником Минусинского краеведческого музея Н. В. Леонтьевым [Вадецкая, 1986, с. 160 – 161; Ковалева, 2011, с. 86], им были сняты копии с шести плоскостей (рис. 2 – 4). В 2002 г. рисунки на озере Тус выборочно копировались петроглифическим отрядом Тувинской экспедиции Государственного Эрмитажа [Панкова, Архипов, 2003, с. 26]. В 2012 г. с целью паспортизации памятник обследовался отрядом Хакасского отделения ВООПИК под руководством А. И. Поселянина. В 2012 г. Н. В. Нащокин повторно изучал петроглифы оз. Тус и сообщил, что рисунки интенсивно разрушаются. Это послужило одной из причин обследования данного местонахождения, определения его современного состояния.

В 2013 г. была проведена топосъемка, фотофиксация местонахождения, выявлены и скопированы наскальные рисунки. Копировка производилась контактным способом на прозрачную самоклеющуюся пленку «ORACAL», полиэтилен, микалентную и папиросную бумагу. Также были выполнены фронтальные прорисовки плоскостей с фиксацией масштабов естественных разрушений.

Петроглифы расположены на верхнем ярусе скальных обнажений горы, на юго-западной оконечности озера Тус, в окрестностях с. Соленоозерное (Ширинский район, Республика Хакасия). Рисунки выполнены путем гравировки, реже – выбивки, протирки, встречаются на протяжении 500 м. Зафиксированы на 10 плоскостях, экспонированных на юго-восток, восток и юго-запад. Представлены сцены охоты с участием

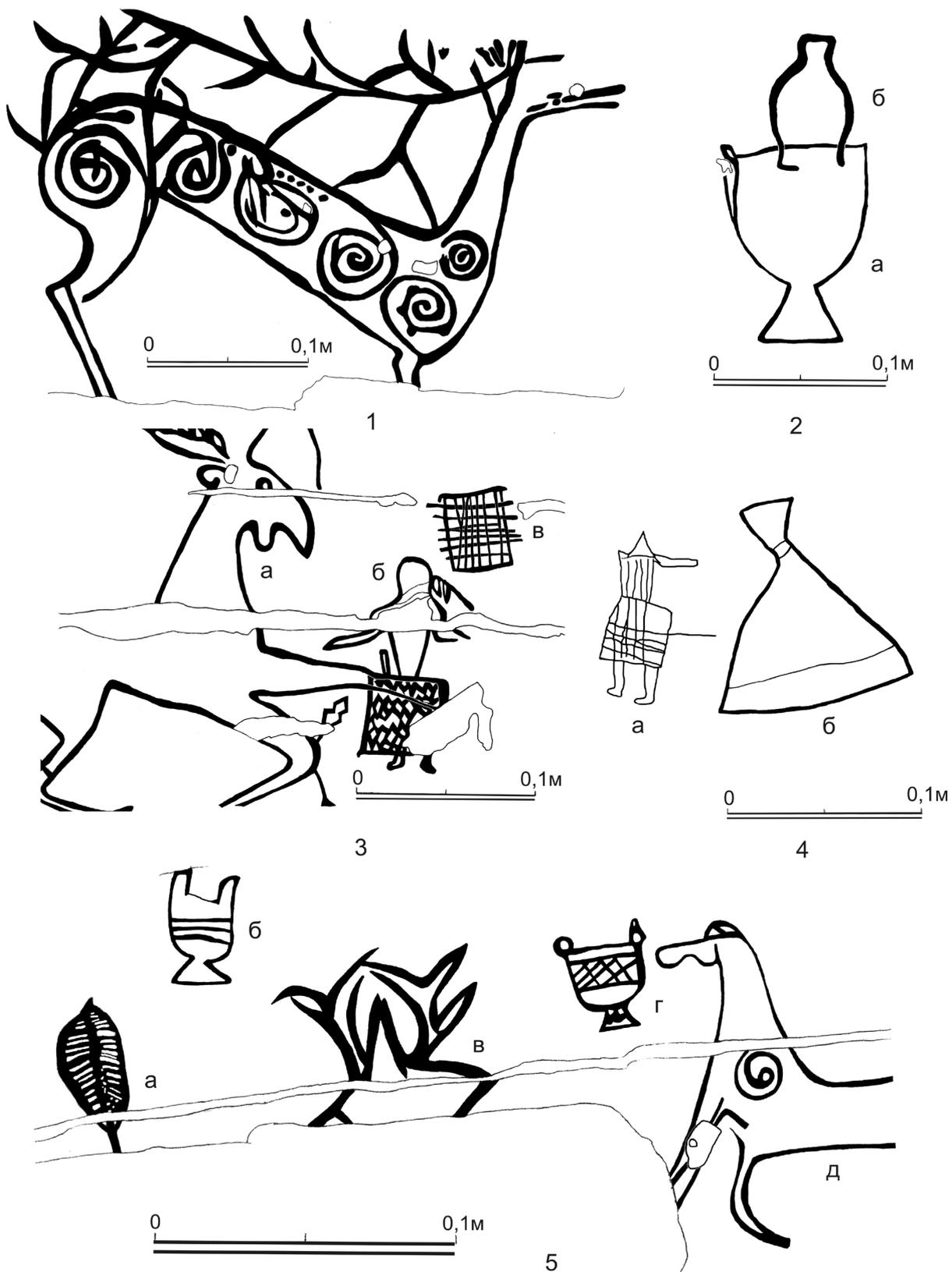
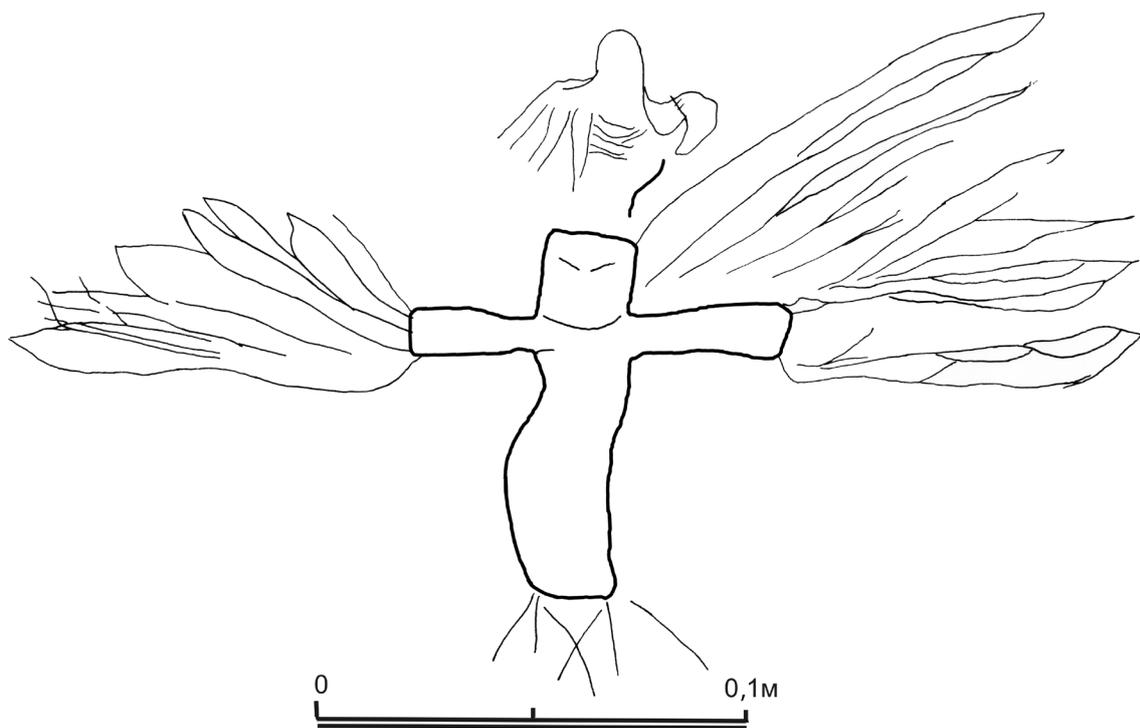
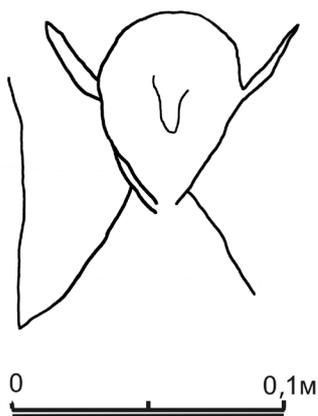

Рис. 1. Петроглифы на озере Тус (фрагменты композиций):
 1 – плоскость 3; 2 – плоскость 3; 3 – плоскость 5; 4 – плоскость 5; 5 – плоскость 8

1

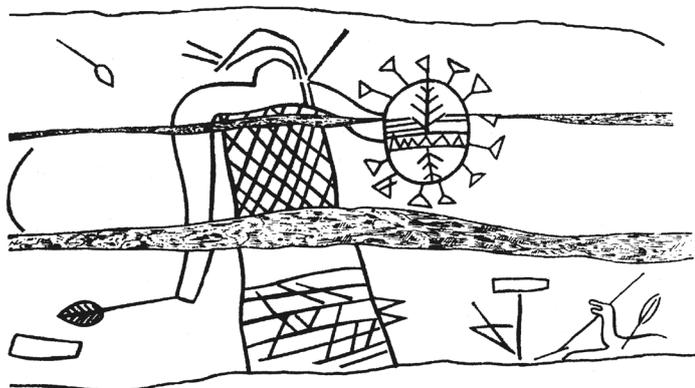
2

4

3

5

Рис. 2. Петроглифы на озере Тус:

1 – плоскость 6; 2 – плоскость 4; 3 – плоскость 8; 4 – плоскость 6 (по Н. В. Леонтьеву)
[по: Ковалева, 2011]; 5 – фрагмент плоскости 4 (по Н. В. Нацкину) [по: Кызласов, 1989]

всадников и копытных животных (лоси, олени, косули). Выявлены также отдельные фигуры животных, пеших людей в широких орнаментированных одеяниях. Особенностью писаницы являются многочисленные изображения котлов на поддоне, выполненные как глубокой широкой резной линией, так и тонкой гравировкой. Встречаются также схожие перевернутые изображения, которые можно трактовать как сосуды и как жилища (рис. 1 – 2б, 4б).

С учетом стилистических особенностей, иконографии рисунков, техники исполнения петроглифов, степени скального загара и результатов анализа палимпсестов, а также археологических параллелей и датированных аналогий в петроглифах можно сделать следующие выводы по поводу культурно-хронологической принадлежности наскальных рисунков.

Основная масса петроглифов соотносится с таштыкской культурой (сцены конной охоты и др.) (рис. 1 – 3а, 5а, в). К тагарской культуре могут относиться изображения оленей, выполненные в скифо-сибирском «зверином» стиле. «Клювовидная морда» одного из них свидетельствует о ранних традициях, но своеобразная трактовка ветвистых рогов и богатая спиралевидная орнаментация туловища в большей степени характерна для тесинского времени (рис. 1 – 1). К тагаро-таштыкскому времени может относиться изящная гравировка лошади (рис. 1 – 5д).

Изображения котлов встречаются как самостоятельно, так и в многофигурных композициях, могут датироваться как тагарским (рис. 1 – 2а), так и таштыкским временем (рис. 1 – 5б, г). Данный вопрос требует отдельного рассмотрения. Своеобразны фронтальные антропоморфные фигуры (рис. 1 – 3б, 4а), которые соседствуют с таштыкскими рисунками, но по стилю и иконографии отличаются от них. Уникальна фигура шамана (рис. 2 – 5).

Более свежей гравировкой выполнены портретные изображения человека с длинными «ушами», антропоморфная крестовидная фигура с перьевым оформлением рук (рис. 2 – 1–3) и ряд графических знаков (этнографическая современность?).

Проблематична датировка композиции с участием животных и двух круглых знаков над ними (глаза личины, соляные символы, тамги?), выполненных путем выбивки (плоскость 9) (рис. 2 – 4). О. В. Ковалева относит их к эпохе поздней бронзы [Ковалева, 2011, с. 86], но подобные статичные фигуры животных с сегментовидным туловищем встречаются и среди более поздних петроглифов, например, на Шалаболинской писанице [Результаты исследований..., 2008, с. 46]. Таким образом, следует полагать, что петроглифы на озере Тус выполнены в широком интервале времени от эпохи поздней бронзы до этнографической современности.

В итоге работ 2013 г. было установлено современное состояние писаницы (две плоскости разрушены полностью, три плоскости сохранились фрагментарно, две – густо покрыты современными гравировками, пять – лишайниками); расширены границы памятника, выявлены новые петроглифы, уточнены сведения об известных рисунках, определены перспективы дальнейших исследований.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. Л. Заика.

Список литературы и источников

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 178 с.

Результаты исследований Шалаболинской писаницы в 2007 г. / А. Л. Заика [и др.] // Мартыановские краеведческие чтения. – Вып. V. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 46 – 51.

Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 160 с.

Кызласов Л. Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении): пособие для учителей истории. – Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1989. – 58 с.

Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1969 г. // Архив КККМ. Оп. 05. Д. 159. 47 л.

Панкова С. В., Архипов В. Н. Работы петроглифического отряда Тувинской экспедиции // Отчетная Археологическая сессия за 2002 г. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – С. 25 – 28.

УДК 7.031.1(571.51)

И. В. Баженова

Кемеровский государственный университет

Научные исследования горы Курмантал в Кош-Агачском районе

Гора Курмантал находится в центральной части Кош-Агачского района Республики Алтай, к югу от Чуйского тракта.

В 1970–1980-е гг. экспедицией Горно-Алтайского университета (пединститута) под руководством канд. ист. наук В. Н. Елина были сняты копии наскальных изображений на горе Курмантал (см. рисунок). В научной литературе нет упоминаний об этом памятнике. Сделанные в прошлом веке копии в 2012 г. были переданы доцентом В. Н. Елиным в лабораторию практической археологии при кафедре археологии Кемеровского государственного университета. Всего была передана 51 копия изображений с горы Курмантал. Некоторые из них не подлежали реставрации по причине разрушенности бумаги, стертости нанесенного шариковой ручкой изображения на целлофан и утери.

Летом 2013 г. группой студентов факультета истории и международных отношений КемГУ в составе И. Баженовой, Ю. Савицкой, Л. Хамуд, Д. Андрейчиковой, Д. Военкова, Т. Михалевой, Ю. Неупокоевой, А. Шухова и под руководством проф. А. И. Мартынова, проходивших археологическую практику в Республике Алтай, были продолжены работы по изучению памятника, копированию и фотофиксации наскальных изображений на горе Курмантал. В состав группы также входил шофер А. Сартаков. Отрядом под руководством студентки И. В. Баженовой сначала была проведена работа по определению памятника. Сложность состояла в том, что эта гора малоизвестна и еще не изучена, в распоряжении были лишь весьма общие сведения В. Н. Елина о её расположении. С помощью местных жителей, казахов Кош-Агачского района из с. Жана-Аул, гора с неизвестными науке древними рисунками была определена.

В 2013 г. в ходе полевых исследований отрядом дополнительно был собран большой научный материал в виде копий рисунков, снятых с 50 камней, фотографий и полевых описаний памятника. Одновременно было выявлено происхождение названия – Курмантал. По сведениям проживающих там казахов, гора и местность под ней связана с историей и называется Курмантал, потому что здесь в середине прошлого века находилась ферма, которая принадлежала Курманталу и его семье. От фермы сохранились только

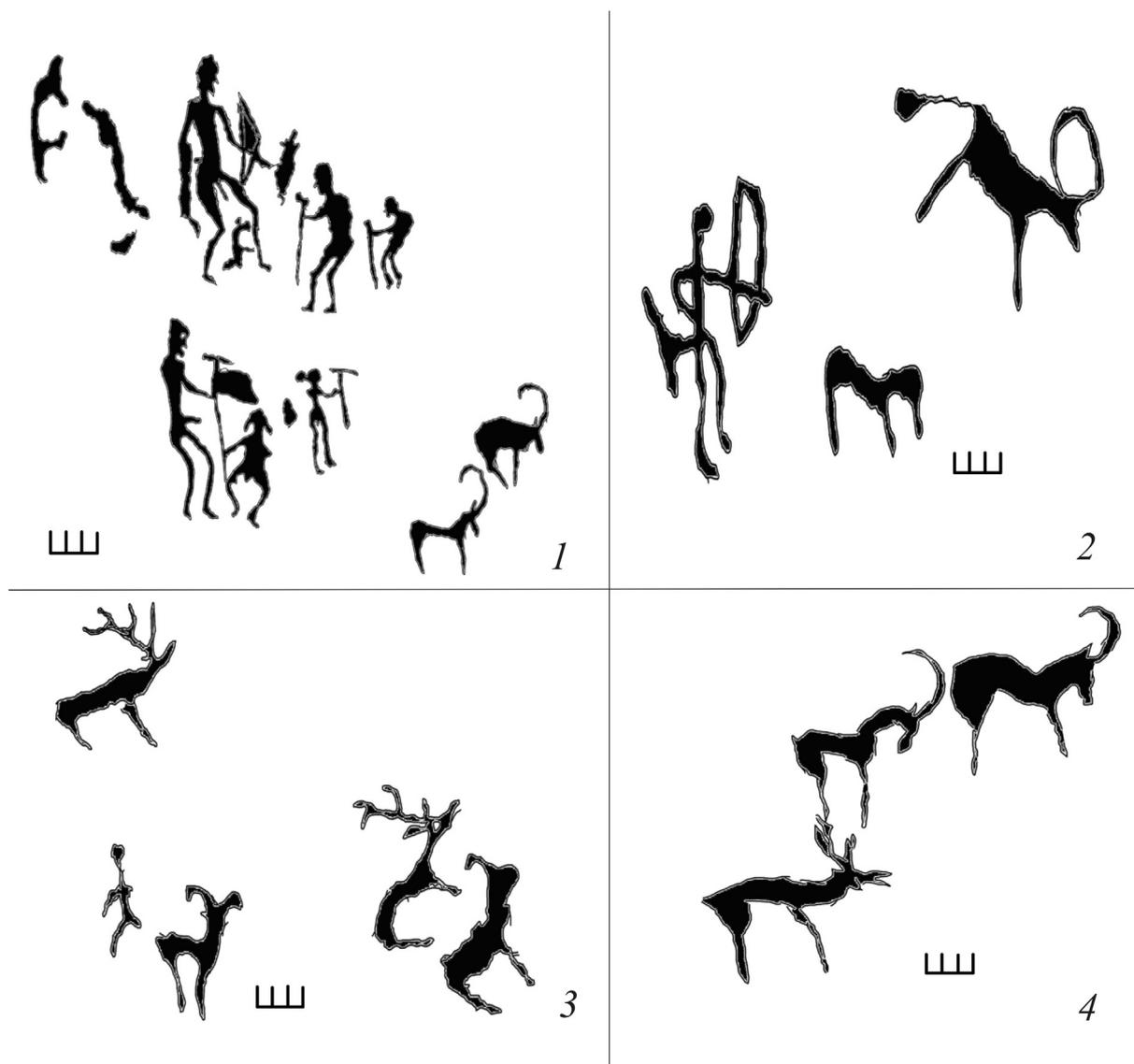

Рис. Изображения раннего железного века на горе Курмантал:

1 – плодородие, культовая сцена; 2 – священная охота;

3–4 – олени и горные бараны, тагарская культура (архивные материалы В. Н. Елина)

следы, её давно нет, сам Курмантал умер, где его родственники, не ясно, а местность сохранила это название.

Памятник Курмантал связан с горами, расположенными к югу от Чуйского тракта и окружающими с юга Кош-Агачское высокогорное плато. В районе Жана-Аул, на расстоянии 6–10 км от тракта, горы расположены полукругом, образуя долину Шубар-Вута, примыкающую с юга к плато. Цепочка горных выходов закрывает долину с юго-востока и юго-запада. Горы сглаженные, образуют уступчатые заросшие травой склоны, на вершинах – большие выходы камня. Самая высокая точка горы – 1957 м. Гора Курмантал последняя в северо-восточной части этой горной гряды. С юга она соединена с цепочкой гор, а с северо-востока резко отрывается в сторону Кош-Агачского плато.

Изображения расположены на вершине, на обращенных к югу плоскостях камней, на восточных и западных склонах горы. Вдоль горы, огибая её, проходит полевая дорога, под горой – следы от кашир.

В ходе наших работ на горе Курмантал были обследованы все выходы камня, на 50 камнях выявлены новые наскальные изображения разных периодов, от эпохи брон-

зы и до Средневековья. Некоторое количество рисунков относится к тюркскому периоду. Рисунки расположены по южным склонам горы. Найденный памятник – гора, наскальные изображения, площадки на склонах горы – свидетельствуют о том, что это место являлось священным для людей в прошлом.

Исследования горы Курмантал и сбор петроглифического материала продолжится в ближайшие годы с целью подготовки коллективной монографии по этому ранее неизвестному памятнику наскального искусства, как это уже было сделано студентами и аспирантами КемГУ по другим памятникам Горного Алтая.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А. И. Мартынов.

УДК 903.08(571.513)

И. А. Батаргина

Новосибирский государственный университет

Орнаментированные плитки Торгажакской изобразительной традиции¹

При раскопках Д. Г. Савиновым поселения Торгажак на территории Хакасии в среднем течении р. Енисей в начале 1990-х гг. была обнаружена коллекция декорированных галек с различного рода гравировками [Савинов, 1996]. Данная коллекция явила исследователям уникальный и малоизученный вид изобразительной деятельности древнего населения Сибири и дала основание для выделения торгожакской изобразительной традиции [Кирюшин, Кирюшин, 2008].

Гравированные гальки, аналогичные торгожакским, были найдены на различных памятниках Сибири, но по количеству и представительности эти находки в значительной степени уступают торгожакскому комплексу. Таким образом, коллекция Торгажака является своего рода эталонной, представляющей собой торгожакскую изобразительную традицию в ее расцвете. Поселение Торгажак относится к карасукской культуре и датируется X–IX вв. [Савинов, 2003, с. 50].

Более ранние находки торгожакской изобразительной традиции были обнаружены в результате раскопок на поселениях Тыткескень-2, Тыткескень-6 и Корначак-2. На поселении Корначак-2 по скоплению древесного угля из очага была получена радиоуглеродная дата 7340 ± 175 лет (5390 ± 175 лет до н. э.), позволяющая датировать этот памятник эпохой неолита [Кунгуров, 1997, с. 40]. Обнаруженные там орнаментированные плитки схожи формой и основными элементами декора с гравированными гальками Торгажака. Это позволяет предполагать, что традиция орнаментирования, сходная с торгожакской, появляется с эпохи неолита, формируясь на территории Горного Алтая.

Подтверждением этому служит находка сланцевой плитки с прорезанным орнаментом, обнаруженной в материалах комплекса 5А поселения Тыткескень-2. Это самый ранний образец среди галек и плиток с антропоморфным изображением, относимых к торгожакской традиции. Орнамент на интересующей нас плитке, по данным трасологи-

¹ Работа выполняется при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00070.

ческого исследования, прорезан металлическим ножом, что в совокупности со стратиграфическими данными позволяет отнести ее к энеолитическому времени [Кирюшин, Волков, Кирюшин, 2006, с. 86]. Наблюдается практически полное сходство композиционного построения, изобразительных элементов. Сама форма плитки очень близка к торгажакским галькам. Различия же наблюдаются только в материале, на который нанесены изображения.

На поселении Тыткескень-6, в слоях неолитического и окуневско-каракольского времени, были встречены как сланцевые плитки с геометрическим орнаментом, так и довольно большая коллекция гравированных галек [Кирюшин, Кирюшин, 2008]. Заметно усложнение композиционных элементов. Более поздние орнаментированные плитки обнаружены в Туве на поселении Тоора-Даш [Семенов, 1992, с. 103].

Вероятно, начало торгажакской традиции следует искать в способах орнаментации плиток, известных в материалах эпохи неолита на территории Горного Алтая. Затем, постепенно усложняясь и развиваясь, данная традиция распространяется на территорию Минусинской котловины и Тувы, где и достигает своего развития.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова.

Список литературы

Кирюшин Ю. Ф., Волков П. В., Кирюшин К. Ю. Плитка с антропоморфным изображением с поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 86 – 89.

Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988 – 1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 336 с.

Кунгуров А. Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 1997. – Вып. VIII. – С. 45 – 53.

Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1996. – 112 с.

Савинов Д. Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 48 – 70.

Семенов В. А. Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – 135 с.

УДК 73.027.1(470.51/54)

К. А. Евлюхина

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

Скульптурные изображения медведя на памятниках Среднего Зауралья

На памятниках Среднего Зауралья скульптурные изображения медведя занимают второе место после скульптур лося. Древними мастерами фигуры воплощены в широком спектре материалов. Находки представлены деревянными, каменными, глиняными, костяными изделиями. Доля скульптурных изображений медведя составляет около 11 % от общего числа произведений первобытного искусства Среднего Зауралья [Сериков,

2012, с. 399]. Следует отметить, что обобщающей работы по скульптурным изображениям животных, в том числе медведя, до сих пор нет.

Медведь пользовался особым почитанием у народов Урала и Сибири. Они боялись произносить его имя, но устраивали в честь него большие праздники. Зверя связывали с корнями мирового дерева, видели мужем Солнца и Луны, наделяли огромной силой и способностью понимать человеческую речь. Люди хранили у себя части тела медведя, считая, что они отгоняют злых духов и приносят удачу в охоте. В мифах медведь происходит из Нижнего мира, где охраняет вход и помогает шаману в его путешествиях. Об этом свидетельствует наличие «медвежьих признаков» в шаманских костюмах. Образ медведя многогранен и полисемантичен, имеет множество ипостасей. Именно поэтому интересно изучение распространения его скульптурных изображений на территории Среднего Зауралья [Косарев, 2003, с. 40–56].

Изображения медведя во все периоды каменного века представлены единичными экземплярами. Самое раннее скульптурное изображение медведя найдено на палеолитической стоянке Гари I. Оно выполнено из межпозвоночного диска мамонта (диаметр около 10 см), имеет правильную сердцевидную форму. В центре диска пробито два отверстия на расстоянии 3 см друг от друга. Диск походит на морду медведя в фас: нижний зауженный конец диска представляет нос, глазами являются пробитые отверстия, а симметричные выступы в верхней части диска изображают уши [Сериков, 2002, с. 127].

Две скульптуры медведя происходят из мезолитических комплексов. Одна из них, найденная на мезолитическом поселении Уральские Зори V (р. Тура, Свердловская обл.), является самой крупной кремневой скульптурой Урала. Она изготовлена из отщеп алевротуфа длиной 17,5 см. Нос фигуры выделен крутой ретушью, резкие переходы от носа ко лбу и от черепа к шее оформлены краевой ретушью. Крупный вылом снизу обозначил подчелюстную выемку. Возможно, скульптура была боковой или торцевой вставкой шаманского посоха [Сериков, 2006, с. 51].

Вторая скульптура зафиксирована на вкладышевом кинжале из коллекции Шигирского торфяника. Его рукоять заканчивается навершием в виде стилизованного изображения головы медведя [Савченко, 2005, с. 213].

К эпохе неолита относится скульптура с поселения Чащиха I (Горбуновский торфяник). Автор раскопок В. М. Раушенбах данную находку интерпретировала как скребок-резчик, очень напоминающий фигурные кремни волосовской культуры [Раушенбах, 1966, с. 26].

Основная часть скульптурных изображений медведя датируется эпохой энеолита. В коллекции присутствуют изделия из камня, глины и дерева. Кремневые скульптурные изображения медвежьих голов найдены на целом ряде памятников: Палатки I; III Береговая стоянка Горбуновского торфяника; Макинский торфяник; Шайтанское озеро I. Обычно ретушью выделяются вздернутый нос, крутой переход от носа ко лбу, стоящее или прижатое ухо и подчелюстная выемка животного. Все скульптуры обработаны краевой односторонней или двусторонней ретушью [Сериков, 2009, с. 398 – 399]. Интересна скульптура с Шайтанского озера в виде головы медведя, изготовленная на отщепе без ретуши. Присутствует выступающий залом, по форме напоминающий ухо, а также сквозное отверстие, расположенное как раз на месте глаза.

Из глины выполнена голова медведя с поселения Шувакиш I (окрестности г. Екатеринбург). Она имеет небольшие размеры: 3×2×1,3 см. Голова изображена очень схематично: нос и уши показаны небольшими выступами, а глаза – мелкими штрихами [Чаиркина, 1998, с. 87].

На Шайтанском озере (окрестности г. Невьянска) найдена рукоятка керамического ковшика в виде головы медведя. У головы размером 2,5×2,1×2,5 см рельефно выде-

лены короткие округлые уши, глаза обозначены круглыми глубокими наколами, такими же глубокими линиями показан разрез пасти. Нижняя часть головы украшена отпечатками гребенчатого штампа. На этом же памятнике найден фрагмент венчика энеолитического сосуда, по краю которого наклеплены обращенные наружу головы двух медведей. Высота наклепленных голов – 1,4–1,5 см. Нос и уши у них показаны высоким рельефом. Поверхность сосуда и голов украшена гребенчатым орнаментом. Судя по диаметру сосуда на венчике могло быть восемь наклепов с мордами медведей [Сериков, 2007, с. 22].

Особым набором представлена деревянная скульптура. Это ручка сосуда в виде головы медведя, найденная на Шигирском торфянике. Она тщательно обработана, ее поверхность заглажена, выполнена в виде крошечных площадок и напоминает шерсть. Там же найдено весло с головой медведя на рукояти [Мошинская, 1976, с. 77–78].

Следует констатировать, что очень часто конкретный археологический контекст находки скульптуры остается без внимания исследователя: не указывается ее сохранность, положение в слое, наличие сопутствующих или окружающих скульптуру предметов, соседство с другими объектами, местоположение фигурки, соотношенное с особенностями рельефа памятника (на склоне берега, у воды, в центральной части мыса, в его напольной части и т. п.). Не обладая всесторонней информацией, специалистам приходится ограничиваться стандартными, общепринятыми предположениями.

Тем не менее проведенный анализ археологических материалов еще раз подтверждает важность образа медведя в жизни древних народов Среднего Зауралья. А сохранившиеся традиции доказывают прежнее особое отношение к этому священному животному [Народы Сибири..., 2000].

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю. Б. Сериков.

Список литературы

Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с.

Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 133 с.

Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – 104 с.

Раушенбах В. М. Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье // Труды ГИМ. – 1966. – Вып. 40. – С. 15 – 28.

Савченко С. Н. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М.: Academia, 2005. – С. 213 – 237.

Сериков Ю. Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – Вып. 24. – С. 127 – 150.

Сериков Ю. Б. Уральские Зори V – новый мезолитический памятник на реке Туре // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. – 2006. – С. 47 – 60.

Сериков Ю. Б. Глиняная пластика Урала в эпохи неолита – бронзы // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. – 2007. – С. 18 – 37.

Сериков Ю. Б. Кремневая скульптура Урала (проблемы происхождения, хронологии и семантики) // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Материалы 9-го – 11-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2009. – С. 391 – 410.

Сериков Ю. Б. Образы мифических животных в произведениях первобытного искусства // Урал – Алтай: через века – в будущее: материалы V Всерос. тюркологической конференции, посвященной 80-летию Ин-та истории, языка и литературы Уфим. научного центра РАН. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 398 – 401.

Чаиркина Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 81 – 104.

УДК 7.031.1(571.51)

И. В. Елтышева

Кемеровский государственный университет

Расчистка петроглифов комплекса Улазы от лишайников (предварительные результаты)

В последние годы в литературе все чаще описываются примеры выявления новых петроглифов в результате расчистки скальных поверхностей с рисунками от лишайников [Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 141; Дэвлет, Миклашевич, Мухарева, 2012, с. 205–209, рис. 1–3; и др.]. Известны также публикации, в которых анализируются положительные и отрицательные моменты, связанные с удалением биообразателей с плоскостей с рисунками [Дэвлет, 2002, с. 115–119; Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 233–246].

Следует отметить, что такая методика не нова. Еще А. В. Адрианов, чтобы иметь возможность лучше увидеть изображения или сделать эстампажи, прибегал к этому методу [Дэвлет, 2004, с. 41]. Однако на первых этапах для борьбы с лишайниками применялись едкий натр, соляная кислота, металлические щётки [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 239]. К настоящему времени специалистами выработаны более безопасные для рисунков способы удаления лишайников. К одному из них относится предложенная сотрудниками ГосНИИ реставрации (г. Москва) предварительная обработка скальных поверхностей раствором перекиси водорода и аммиака в пропорциях 10:1, после чего при помощи щетки с капроновой щетиной и воды лишайник с камня счищается механически [Агеева, Ребрикова, Кочанович, 2004, с. 119]. В Казахстане на петроглифах Тамгалы «лишайники удалялись пленкообразующим составом (КМЦ со щелочными добавками), на отдельных участках проводилась биоцидная обработка раствором катапола в этиловом спирте» [Консервация петроглифов ..., 2004, с. 129]. Американские учёные предлагают использовать ферменты хитиназу, целлюлазу и протеазу [Ребрикова, 2004, с. 126]; этот метод считается перспективным, но довольно дорогостоящим. Норвежские исследователи предлагают обрабатывать лишайники этиловым спиртом (70 – 90 %), сделав предварительно надрезы талломов (слоевищ), после чего скальная поверхность на длительное время закрывается черной пленкой [Хиген, 2011, с. 150]. Известны случаи, когда лишайники удаляли со скальных плоскостей с петроглифами с помощью капроновых щеток и большого количества воды без применения каких-либо реактивов [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 234, 244].

Среди специалистов существуют не только сторонники расчистки петроглифов от лишайников, но и противники этого метода (обзор различных точек зрения на данную

проблему см. [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 241–242]. Тем не менее не приходится оспаривать эффективность данной методики при выявлении как новых рисунков и композиций, так и значимых элементов отдельных изображений.

В 2013 г. метод расчистки наскальных изображений от лишайников был опробован нами на памятнике Улазы. Этот крупный петроглифический комплекс расположен на севере Минусинской котловины, на правом берегу Красноярского водохранилища, в 4 км ниже паромной переправы, напротив районного села Новосёлово. Впервые этот памятник наиболее полно был изучен Н. В. Леонтьевым в 1962 и 1982 гг. [Леонтьев, Миклашевич, Мухарева, 2005]. В начале 2000-х гг. на Улазах работали экспедиции археологов из Красноярска [Заика, Дроздов, Макулов, 2005] и Кемерова [Мухарева, 2012, и др.].

Помимо уникальных и своеобразных композиций, расположенных на скальных плоскостях, памятник примечателен еще и тем, что в 2012 г. на Улазах были выявлены петроглифы, выполненные на различной величины горизонтальных плитах, обнаруженных на склонах многочисленных гор, входящих в состав комплекса.

Необходимо отметить, что подобные случаи не типичны для Минусинской котловины, хотя отдельные плиты с древними изображениями, лежащие на склонах гор, известны [Пяткин, 1979, с. 127; Шер, 1980, с. 152, рис. 83, 84; Есин, 2013, с. 66 – 79]. Не исключено, что зачастую рисунки на горизонтальных плитах просто не фиксировались исследователями в силу того, что они значительно сильнее вертикальных зарастают лишайниками и мхами и почти не видны среди высокой травы.

В 2013 г. целенаправленный поиск в данном направлении позволил обнаружить более двух десятков плит с изображениями. Однако эти рисунки настолько сильно были покрыты лишайниками, что выявить их удавалось с большим трудом, а понять, что изображено, без предварительной расчистки было совершенно невозможно. Для расчистки петроглифов на плитах был использован 5 %-й раствор перекиси водорода, которым обильно смачивалась скальная поверхность. Затем при помощи капроновых щеток, деревянных палочек и большого количества воды механически удалялся лишайник.

Всего было расчищено более десятка плит с петроглифами. Выявлены как большие композиции, так и одиночные изображения. В основном это фигуры животных, антропоморфные персонажи, древовидные изображения. После расчистки рисунки были сфотографированы при наиболее благоприятном освещении, скопированы, сделаны их описания. Все полученные материалы в настоящее время обрабатываются.

Под лишайниками сохранились только изображения, выполненные в технике выбивки, хотя не исключено, что первоначально могли быть и гравированные. Лучшая сохранность выбитых рисунков объясняется более рельефной техникой нанесения. Но даже выбитые рисунки зачастую бывают настолько сильно сглажены, что порой сложно различить их контуры. Происходит это вследствие того, что поверхность скалы в результате жизнедеятельности биообразователей буквально «съедается» лишайниками так, что верхний слой камня превращается в труху.

Таким образом, в результате проделанной работы был выявлен целый пласт новых рисунков, выполненных на горизонтальных скальных поверхностях. Несомненно, что дальнейшее обследование комплекса с целью выявления изображений будет не менее эффективным и наряду с расчисткой позволит значительно пополнить на данном памятнике уже известную серию изображений новыми петроглифами.

Список литературы

Агеева Э. Н., Ребрикова Н. Л., Кочанович А. В. Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: ЮНЕСКО, НИПИ ПМК, 2004. – С. 116 – 122.

Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М.: Науч. мир, 2002. – 239 с.

Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии: тр. САИПИ. – Вып. IX. – М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 203 – 283.

Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 68 с.

Есин Ю. Н. Петроглифы «Шаман-камня» // Научное обозрение Саяно-Алтая. Сер. Археология. – 2013. – № 1 (5). – С. 66 – 81.

Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Новоселовские писаницы (итоги археологических исследований 2004 г.) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 159 – 161.

Ковтун И. В., Русакова И. Д., Мухарева А. Н. Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Т. 1. – С. 140 – 148.

Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр., посвященный 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 120 – 132.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова: тр. САИПИ. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Вып. VII. – С. 233 – 246.

Мухарева А. Н. Петроглифы местонахождения Улазы III // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Со-сниха: тр. САИПИ. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – Вып. X. – С. 49 – 63.

Пяткин Б. Н. К проблеме хронологического определения петроглифов предскифского времени на Среднем Енисее // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. – С. 126 – 129.

Ребрикова Н. Л. Проблемы контроля биоповреждений петроглифов // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: ЮНЕСКО, НИПИ ПМК, 2004. – С. 123 – 127.

Хиген А. С. Этические принципы документирования наскального искусства: методы, контексты и последствия // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Т. 2. – С. 144 – 152.

Консервация петроглифов в Казахстане / Л. Ф. Чарлина [и др.] // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: ЮНЕСКО, НИПИ ПМК, 2004. – С. 128 – 133.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 325 с.

Антропоморфные и зооморфные изображения на сосудах среднего Дзёмона (о. Хонсю)

Для территории Японского архипелага в эпоху неолита были характерны сосуды с веревочным оттиском. В переводе с японского «дзёмон» означает «веревочный орнамент». Поскольку, как уже говорилось, такой декор был наиболее распространен, то вначале керамика, а позже и весь период получили одинаковое название – Дзёмон.

Культура Дзёмон – это археологическая культура, выражающаяся в единстве территории, преемственности развития материальной составляющей, а также в едином экономическом, социальном и обрядовом устройстве. Данный период представляет собой исходный исторический пласт для японской культуры, поскольку в это время начинают складываться не только основы японского искусства и религиозные представления, но также восприятие окружающего пространства и социального единства.

На сегодняшний день культуру Дзёмон принято датировать периодом, примерно с 13 800 л. н. и по 2 400–2 200 л. н. и выделять шесть этапов развития (изначальный, начальный, ранний, средний, поздний, финальный). Территория распространения занимает весь Японский архипелаг с севера на юг (о. Хоккайдо, о. Хонсю, о. Сикоку и о. Кюсю). Наибольший интерес представляет территория о. Хонсю, поскольку на ней лучше всего прослеживается преемственность всех периодов развития данной культуры.

Культура Дзёмон является одной из наиболее ярких и крупных неолитических общностей в Восточной Азии. Каждый этап развития маркируется определенными признаками орудийного комплекса, хозяйства, предметов быта. Основным маркером эволюции культурных традиций считают керамическую посуду, коллекции которой на дзёмонских памятниках чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Сегодня в рамках культуры японские исследователи выделяют около 70 различных стилей керамики, каждый из которых имеет свои хронологические и территориальные рамки.

Основу любого стиля составляет единообразная система художественных форм. Наиболее важным элементом в формировании образной системы стиля является орнамент.

Под ним следует понимать систему символов, основанную на повторении и чередовании составляющих его элементов, нанесенных мастером на поверхность сосуда.

Со стилистической точки зрения орнамент культуры Дзёмон можно разделить на три структурных уровня: элемент, мотив и композиция.

В качестве простейшей части орнамента – элемента – принято рассматривать один отпечаток или одну проведенную линию. Примером в культуре Дзёмон мог служить оттиск простой одноуровневой веревки получившей свое распространение в период изначального Дзёмона (первый этап развития культуры Дзёмон, 13 800–10 000 л. н.).

Из элементов, в свою очередь, формируется мотив. Под мотивом понимается система организации элементов. Для культуры Дзёмон, с точки зрения функциональности, можно выделить основной и заполняющий мотив. Так, например, для орнаментации сосудов стиля Кацусака (средний Дзёмон, район Канто) в качестве основного орнамента используется антропоморфный или зооморфный мотив, а в качестве заполняющего мотива – всевозможные оттиски веревок, узор из панелей (параллельно прочерченных линий), елочный орнамент и пр.

Система организации мотивов на поверхности сосуда дает композицию. Композиция есть сочетание различных частей орнамента в единое целое в соответствии с идеей мастера.

Средний дзёмон (5–4 тыс. л. н.) считается временем наивысшего расцвета керамической традиции данной культуры. Это время, когда постепенное развитие орнамента от простейших веревочных оттисков привело к формированию пышных лепных узоров. Это время, когда сосуды утратили свое единообразие, разделившись на десятки непохожих друг на друга групп.

Из множества локальных стилей, относящихся к среднему Дзёмону, а их на сегодняшний день насчитывается около 24, наиболее характерной с точки зрения стилистических особенностей является керамика таких археологических комплексов, как Кацусака, Каен, Арамаки – Якимачи, Касори Е и Сори, Киташиракава С, распространенных в районах Канто, Чюбу, Кинки и Чюгоку.

Среди большого разнообразия орнаментальных мотивов особого внимания заслуживает так называемый повествовательный мотив, получивший широкое распространение в период среднего Дзёмона на территории о. Хонсю.

В повествовательном мотиве принято выделять несколько стилистических групп [Коно, 2008, с. 1178 – 1184]:

1) *антропоморфные изображения* – многообразные человеческие личины, а также варианты схематического изображения человека («Танцующий человек» – стиль Кацусака). Данные узоры использовались для орнаментации мощных наклепных конструкций, представляющих собой ручки, и крепились в районе венчика. Человеческое лицо часто изображалось довольно схематично, например, дугообразной линией, изображающей глаза и нос. Однако есть сосуды, на которых изображено лицо с ярко выраженными бровями, раскосыми глазами, носом и ртом (преф. Нагано, памятники Готэнбо, Накамичи, Маэоне). Кроме того, есть несколько сосудов, тулово которых украшено антропоморфными созданиями, однако такие варианты довольно редки (преф. Канагава, памятник Хаясиодзи, преф. Яманаси, памятник Дзюробара);

2) *зооморфные изображения*. Широкое распространение получили изображения кабанов, змей, птиц, двустворчатых моллюсков Хамагури, а также лягушек. Подобные узоры часто выступают как дополнительный орнамент и используются вместе с антропоморфными личинами. Также распространены отдельные изображения данных животных (преф. Нагано, памятник Анаба – изображения кабана; преф. Яманаси, памятник Китабара – изображения змей; преф. Нагано, памятник Накагодзи – изображения лягушки и пр.);

3) *абстрактные узоры*. Среди японских ученых на сегодняшний день пока не найдено общей интерпретации данного узора. Некоторые из них считают, что аморфный орнамент изображает древнее мифическое существо Мидзучи, или водяного дракона. Другие склонны полагать, что данные изображения больше похожи на дельфинов, крокодилов или же подводных змей.

Чаще всего подобными изображениями украшали тулово сосудов, иногда данные изображения соседствуют с зооморфным орнаментом (преф. Чиба, памятник Маруяма Минами и пр.).

Как уже упоминалось, для данного периода характерно распространение объемных, наклепных конструкций и ручек, которые являлись частью венчика. Порой такие наклеи по своей высоте достигали размеров, равных половине тулова. Среди основных мотивов также можно выделить антропоморфные изображения (человеческие личины), зооморфные изображения (лисы морды, узор в виде «глаз стрекозы», наклеи в форме петушиного гребня и пр.) [Дайку, 2008, с. 1194 – 1196; Комацу, 2008, с. 1197 – 1200].

Наиболее ранние примеры повествовательного орнамента относятся к стилю Кацусака (примерно 4660 ±40 л. н. – 4370 ±40 л. н., район Канто). Именно этот стиль стал началом подобного орнамента. В это время постепенно развиваются как антропоморфный орнамент, так и зооморфный и аморфный. Для последующих стилистических групп характерно повторение орнаментальных мотивов, созданных мастерами стиля Кацусака.

Кроме сосудов с подобным декором широкое распространение в данный период получила мелкая глиняная пластика Догу, а также разнообразные фигурки животных. Сравнение, сопоставление и анализ фигурок и орнамента имеет особое значение для понимания такого феномена, как культура Дзёмон.

Научный руководитель – д-р ист. наук, доц. А. В. Табарев.

Список литературы

Дайку Х. Ручки и налпы в виде животных // Справочник по керамике культуры Дзёмон. – Токио, 2008. – С. 1194 – 1196 (на яп. яз.).

Комацу Г. Ручки и налпы в форме человеческого лица // Справочник по керамике культуры Дзёмон. – Токио, 2008. – С. 1197 – 1200 (на яп. яз.).

Коно М. Повествовательный орнамент – как основной мотив керамики среднего Дзёмона // Справочник по керамике культуры Дзёмон. – Токио, 2008. – С. 1178 – 1184 (на яп. яз.).

УДК 903.27,638”(292.49)

М. С. Коренюк

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

Изображения пресмыкающихся в материалах Гляденовского кострища

Самым известным культовым, жертвенным местом, на котором совершали различные обряды, отвечающие идеологическим представлениям населения Прикамья, является Гляденовское костыще, расположенное близ южной окраины города Перми, на левом берегу реки Нижней Мулянки. Материалы, собранные здесь, до сих пор привлекают внимание многих исследователей, изучающих мировоззрение и культуру первобытных народов.

Целью работы является подробное описание изображений пресмыкающихся (рептилий), найденных на Гляденовском костыще, которые занимали видное место среди культовых изображений. Сюда входит классификация изображений и выяснение их символики.

В Пермской крае встречаются шесть видов рептилий, которые делятся на два подвида – змеи и ящерицы [Животные Прикамья..., 2001, с. 56]. На эти же подвиды делятся и фигурки пресмыкающихся, найденные на Гляденовском костыще.

Часть фигурок была описана А. А. Спицыным, Н. Н. Новокрещенных и А. Н. Лепихиным в их работах по Гляденовскому костыщу. Однако первые две работы были написаны в дореволюционный период, а последняя рассматривает лишь фигурки, найденные до середины 90-х гг. XX в. К тому же эти работы носят общий характер, а конкретно данная категория находок с костыща не исследовалась.

Всего изображений змеи было найдено 93 экз., в том числе 27 экз. полученных из раскопок в 2000-х гг. и не опубликованных ранее.

Большинство фигурок литые из бронзы, две литые фигурки припаяны к бронзовым круглым бляшкам, одно изображение выгравировано на бронзовой бляшке, 17 экз. выкованы из железа.

Змеи чаще всего изображены ползущими или извивающимися – 47 экз. Таких змей можно разделить на сильно и плавно извивающихся. Кроме того, у фигурок есть свои особенности: например, некоторые змеи изображены с открытым ртом, другие – с поднятой головой.

Из новых находок наиболее интересна фигурка трехголовой извивающейся змеи, которая является прообразом трехголовых драконов.

На втором месте по количеству – изображения змей, свернувшихся в кольцо или спираль (36 экз.). Четыре змеи изображены со свернутым в кольцо хвостом и поднятой головой, как бы приготовившиеся к прыжку. Два экземпляра встречены с прямым туловищем и поднятой головой, свернувшимися в петлю и в узел. Некоторые змеи, изображенные спиралью, имеют ушко для пришивки [Новокрещенных, 1914, с. 80].

Встречены также композиции, изображающие различных животных со змеями. В одном случае изображена птица с двумя вылитыми на груди и крыле змеями, в другом – голова медведя между лап, а с левой стороны припаяна извивающаяся змейка. В третьем случае змея выгравирована на круглой бляхе над изображением травоядного животного.

Кроме того, встречены два антропоморфных композиционных изображения человека со змеями в левой руке. В одном случае змея показана извивающейся, а во втором – свернувшейся в спираль. Помимо этого, нужно упомянуть круглую литую бляху со свернувшейся змеей в центре, где по бокам выгравированы две антропоморфные фигурки [Коренюк, 2011, с. 130].

Изображение человека со змеей в руке, по всей видимости, отражает представления древнегляденовского населения о пути шамана во время ритуала камлания, когда он совершает путешествие по реке или по дереву с целью встречи с душой новорожденного, проводов души умершего или поисков души заболевшего. Нижний мир здесь представлен зооморфными существами, в данном случае – змеей [Коренюк, 2012, с. 117 – 118].

Интересно также полиморфное изображение всадницы с трехпалыми руками и напаянной на груди спиралью (змеей), стоящей на волке [Коренюк, 2013, с. 94]. Возможно, что это уникальное изображение иллюстрирует процесс похищения солнечного божества в нижний мир.

Изображения змей можно связать как с небом (с громом, молнией, с солнцем), так и с нижним миром мертвых. Змея, как никакое другое животное, имела двойственную природу, символизируя собой одновременно доброе и злое начало.

В первую очередь змеи были связаны с хтоническими силами. Змея имела доступ к высшим силам, всеведению и магии мертвых, и считалась хозяйкой недр. В такой ипостаси она враждебна всем солнечным и духовным силам, символизируя темные силы в человеке. Причем позитивное и негативное начала находятся в конфликте. Это посредник между небом и землей, между землей и подземным миром [Купер, 1996, с. 106 – 107].

В Калевале из змей и ящериц сделана ограда потустороннего мира – Похь-ёлы. По представлениям селькупов, змея провожает и охраняет душу-тень по дороге в мир мертвых и вообще символизирует дорогу [Косарев, 1981, с. 256]. Очень ярко выражена связь змеи с водной стихией. В то же время змея, как водное существо, считалась посредником между высшими силами, обитающими в верховьях и низовьях реки [Коренюк, 2006, с. 41 – 47].

Змею, изображенную в виде зигзага (зигзаг как вода), можно причислить к водным существам, символизирующим божество земли и земных вод. С ней связывались представления о «небесной влаге» и дожде. Змее приписывалась способность вызывать грозу, бурю, подниматься в небо и спускаться на землю (в воду). Удмурты верили в существование Вожа – огненного змея, ходящего стрелой по небу [Богаевский, 1890, с. 99]. Различные народы древности утверждали, что в образе радуги воплощалась змея. Поэтому зигзаги обозначали также молнию. Бог земли (нижнего мира), символом которого была змея, мог находиться в небе и в виде луны. В одной из удмуртских сказок говорится, что у змея во лбу – луна, а на языке – звезда [Верещагин, 1889, с. 188].

Свернувшаяся кольцами змея отождествляется с круговоротом явлений: жизнью и смертью, светом и тьмой, добром и злом. Змея в виде спирали также могла служить символом молнии [Смирнов, 1952, с. 264].

Таким образом, змея почиталась не в силу каких-либо ее реальных свойств, а как олицетворение божества. И отсюда проистекают приписываемые ей свойства – мудрость, бессмертие, целительная сила и т.д.

Помимо этого, змея, как и ящерица, считалась охранителем и обладателем кладов и сокровищ.

Ящериц на Гляденовском костыше встречено всего 5 экз. Все они литые из меди, изображены с короткими, расставленными в стороны лапами [Спицын, 1902, с. 248]. Интересно, что гляденовские фигурки ящериц находят почти полные аналогии на мансийских святилищах, но там они изготовлены из свинца [Лепихин, 2007, с. 94, 96 – 97].

В поверьях коми ящерицы предстают как противники Солнца и, следовательно, существо хтонического мира. Существовало поверье, что то место тела, по которому пробежит ящерица, должно сгнить.

Нечистым существом предстает ящерица и в воззрениях манси. Они верили, что в нечистых животных иногда входит менкв (лесное чудовище), который через них может попасть в человека. Когда у ящерицы отваливается хвост, то это значит, что менкв ее оставляет [Плесовский, 1992, с. 9 – 10].

К середине I тыс. н. э. изображения змей и ящериц исчезают на территории Прикамья, трансформируясь, как и изображения других представителей нижнего мира, в сложный, синкретический образ ящера (дракона).

Научный руководитель – С. Н. Коренюк.

Список литературы

Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнограф. обозрение. – М.: Тип. А. А. Левенсона, 1890. – Кн. 5. – № 2. – С. 77 – 109.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. // Записки русского географического общества. – СПб., 1889. – Т. 14. – Вып. 3. – 197 с.

Животные Прикамья: учеб. пособие. – Пермь: Кн. мир, 2001. – Кн. II. – 168 с.

Коренюк С. Н. Образ змеи в искусстве и идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // Обороинские чтения: материалы VI–VII регион. археол. конф. (19 мая 2004 г., 24 мая 2005 г.) – Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 2006. – Вып. 4. – С. 41 – 47.

Коренюк М. С. Антропоморфные медно-бронзовые изображения гляденовского костыща // XLIII междунар. Урало-Поволжская археол. студ. конф., 1–3 февр. 2011 г.: материалы и тез. докл. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – 236 с.

Коренюк М. С. Символика антропоморфных изображений Гляденовского костыща // XLIV междунар. Урало-Поволжская студ. конф., 5–9 февраля 2012 г.: тез. докл. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 212 с.

Коренюк М. С. Полиморфные образы в искусстве раннего железного века Западного Приуралья // XLV Урало-Поволжская археол. конф. студентов и молодых ученых, 1–3 февраля 2013 г.: тез. докл. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 252 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Купер Дж. Энциклопедия символов. – М.: Ассоциация духов. единения «Золотой Век», 1996. – С. 106 – 107.

Лепихин А. Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Пермь: Изд. дом «Тип. купца Тарасова», 2007. – 224 с.

Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме, Пермского уезда // Тр. Перм. учеб. арх. комиссии. – Пермь, 1914. – Вып. XI. – С. 19 – 97.

Плесовский Ф. В. Драконы в волшебных сказках и пермском зверином стиле // Жанр сказки в фольклоре народа коми. – Сыктывкар: Изд-во «Коми-науч. центр» УрО РАН, 1992. – Вып. 53. – С. 6 – 14.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – 1952. – № 28. – 276 с.

Спицын А. А. Гляденовское костище // Записки Русского археологического общества. – СПб., 1902. – Т. 12. Вып. 1–2. – С. 228 – 269.

УДК 7.031.1

А. С. Куликова

Кемеровский государственный университет

Изображения водных транспортных средств в петроглифах Евразии как исторический источник

Транспортные средства на протяжении всей истории человечества играют важную роль в осуществлении хозяйственных и культурных связей, расселении людей и освоении новых территорий, развитии системы жизнеобеспечения. Средства передвижения нашли свое отражение в идеологических представлениях многих народов мира и были воплощены в наскальном искусстве. Проведенная нами фиксация памятников наскального искусства с изображениями водных транспортных средств показала, что рисунки лодок (кораблей) в петроглифах Евразии являются одним из устойчивых сюжетов наряду с другими образами: оленей, медведей, водоплавающих птиц. В то же время эти изображения связаны с определенными прибрежными территориями морей, озер и частично рек в Евразии.

Изучение транспортных средств, отраженных в петроглифоведении, – одна из важных проблем в наскальном искусстве. Известно большое количество работ, посвященных колесницам и повозкам, а также публикаций, связанных с изображениями лыж или саней, следов животных и птиц [Шер, 1980; Кубарев, Маточкин, 1992 и др.]. Исследователи давно обращают внимание на изображения водного транспорта в петроглифах Евразии [Равдоникас, 1936, 1938; Линевский, 1939; Савватеев, 1967; Окладников, 1959, 1966; Диков, 1971; Мазин 1986; Дэвлет, 2003; Дэвлет, Дэвлет, 2005; Джафарзаде, 1973; Кочмар, 1994; Kivikas, 1997; Заика, 2003; Лобанова, 2005].

Изобретение лодки, как и колеса, сыграло огромную роль в развитии хозяйства в разных природных зонах, мореплавания и эволюции мышления человека. С этим об-

разом связаны не только прогрессивные изменения в хозяйственной жизни, но и крупнейшие миграционные процессы, которые порождали различные мифы и ритуалы (например, использование ладьи в погребальной практике у скандинавов, славян, коренных народов Сибири).

Проводя параллели и анализируя археологический материал, мы можем выявить, что при создании образа лодки древние мастера ориентировались на ее реальный прототип. Поэтому во многих случаях эти изображения могут служить источником для анализа технических и конструктивных особенностей лодок как транспортного средства, а также для установки датировки изображений их на скалах. Лодки имели большое значение как объекты почитания, с ними были связаны представления о «соляной лодке» или «лодке мертвых» [Ерофеева, 1987].

Обращает на себя внимание тот факт, что в основе широкого распространения изображений лодок и кораблей на наскальных поверхностях могут лежать разные причины: геосреда, идеология, хозяйственная деятельность, особенности водных пространств. Можно предположить, что образу лодки принадлежит особое место в силу того, что сам объект олицетворял передовое для своего времени техническое достижение.

В процессе изучения водных транспортных средств в петроглифах Евразии мы можем получить представление о судостроительстве и кораблестроении в различные эпохи и в разных регионах, рассмотреть стадиальную эволюцию от простейших плотов до кораблей с парусами, проследить, как усложнялись их конструкции в связи с необходимостью наращивания скорости, мореходности и грузоподъемности.

Изобретение водного транспортного средства получило отражение в наскальном искусстве, что воссоздавало общую мировоззренческо-мифологическую специфику распространения древних обитателей регионов. По этой причине рисунки с образом лодок известны на костяных и металлических предметах (шаманские бляхи из Сибири, бронзовые бритвы с соляными ладьями), изображения на погребальных плитах и камнях церкви Санда (Готланд), Хеггебю (Упланд), камне из Спарлеза, каменных печатях (о. Крит), стелах Хакасско-Минусинского региона, поминальных вендельских плитах [Формозов, 1969].

Известны устные и письменные источники, упоминания историографического плана; мифологические и эпические памятники народов Сибири, Дальнего Востока, Скандинавии, Полинезии и других территорий, где известны сюжеты с лодкой.

Использование водного транспорта в различных обрядах находит широкое распространение у тех народов, чья жизнь и благополучие были связаны с водой. Это подтверждается тем, что нет аналогов этого образа в контексте культурно-исторического ландшафта в горно-долинных и степных районах Евразии, где преобладала верховая езда. Вследствие этого наскальные изображения средств передвижения являлись своего рода знаковым образом эпохи неолита и бронзы на огромном пространстве двух территорий: Северная Европа (Норвегия, Швеция, Финляндия, Белое море, Онежское озеро, Канозеро) и Северная Азия (Енисей, Лена, Амур и др.).

Специфика каждого из районов предопределяет локальное распространения на их территории наскальных изображений – лодок.

Таким образом, на Евразийском пространстве существуют две основные глобальные зоны петроглифов – с колесницами и с лодками. В неолите с помощью лодок активно осваивали новые территории, и этот факт нашел отражение в наскальном искусстве. А в эпоху палеометалла на юге Евразии аналогичное значение имели колесницы и повозки, которые использовали как в хозяйственной деятельности, так и в кочевой жизни.

Изобразительные памятники от эпохи неолита до этнографического времени ценны не только в эстетическом отношении, они являются важным историческим источником

по истории и культуре, особенно дописьменного периода. Использование наскальных изображений Северной Европы и Северной Азии с образом водных транспортных средств в качестве источника для реконструкции наиболее важнейших культурно-исторических процессов, которые происходили на территории Евразии, позволит путем анализа и интерпретации раскрыть их смысловое содержание, выявить общие закономерности развития систем духовно-мировоззренческих ценностей населения обозначенного региона в древности.

Схожесть образов и сюжетов на двух естественно-исторических территориях – Северной Азии и Северной Европы – дает нам возможность выявить общую мировоззренческую основу на весьма обширной территории Северной Евразии, которая была зоной интенсивных контактов, перемещений больших масс людей и активной культурно-исторической интеграцией.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А. И. Мартынов.

Список литературы

- Kivikas P. Vorhistorische Felsmalerei in Finnland. –Berlin, Atena, 1997. – 64 p.
- Джафарзаде И. М. Гобустан. Наскальные изображения. – Баку: Изд-во Элм, 1973. – 347 с.
- Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (Петроглифы Пегтымеля). – М.: Наука, 1971. – 134 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет, М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейа, 2005. – 472 с.
- Дэвлет М. А. Средства передвижения сибирских аборигенов в древности (по материалам петроглифов) // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 42 – 64.
- Ерофеева Н. Н. Мифы народов мира. Энциклопедия: Ладья. – М.: Наука, 1987. – 134 с.
- Заика А. Л. Лодки в страну предков (анализ сюжета в петроглифах Нижней Ангары) // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 21 – 31.
- Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1994. – 262 с.
- Кубарев В. Д., Маточкин, Е. П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992.
- Линевский А. М. Петроглифы Карелии. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. – Ч. 1. – 194 с.
- Лобанова Н. В. Тайны петроглифов Карелии: в 2 ч. – Петрозаводск: Изд-во «Острова», 2005. – 32 с.
- Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 260 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. – М.–Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Памятники Древней культуры Прибайкалья. – Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. – 212 с.
- Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и белого моря: в 2 ч. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936 – 1938. – Ч. 1. Наскальные изображения Онежского озера. 1936. – 213 с.
- Савватеев Ю. А. Рисунки на скалах. – Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. – 108 с.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. – М.: Наука, 1969. – 253 с.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

О новом изображении «роженицы» с горы Тепсей

Сюжет с изображением женщины в определённой эротизированной позе с согнутыми в коленях и разведёнными в стороны ногами был широко распространён в эпоху бронзы в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии [Вадецкая, 1970, с. 261–264; Шер, 1997, с. 28–35; Кубарев, 2011, с. 49 и др.]. Имеющиеся в эпоху бронзы на территории Минусинской котловины изображения подобных женских фигур, т. н. «рожениц», уже не раз становились объектом изучения, а наделение некоторых из них зооморфными чертами указывает на мифологический характер персонажа и подтверждает его отнесение к категории «богинь-матерей» [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 129; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 78 и др.].

На сегодняшний день известно по меньшей мере 9 подобных изображений на территории Минусинской котловины. Все они достаточно хорошо освещены в научной литературе [Есин, 2007, 2010; Леонтьев, 1978 и др.]. Большинство исследователей считают, что эти рисунки были приурочены к обряду облегчения родов [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 129, 130 и др.]. Однако Ю. Н. Есин указывает, что наскальные изображения «богинь-матери» создавались не для облегчения родов женщин, а были приурочены к определённому календарному обряду, связанному с темой плодородия [Есин, 2010, с. 119, 120]. Таким образом, несмотря на имеющийся богатый научный материал по культурно-хронологической атрибуции и интерпретации таких изображений, их изучение остаётся по-прежнему актуальным.

В 2013 г. в ходе нового обследования местонахождения петроглифов горы Тепсей (Тепсей II, или Волчий лог) нами была найдена большая заросшая лишайником плоскость с плохо различимыми фигурами. После ее расчистки мы увидели очень интересные изображения, выполненные в технике выбивки, по цвету не отличающиеся от скальной поверхности. В правой верхней части плоскости находилось изображение быка, ориентированного головой вверх, с передней рудиментарной ногой, как бы подогнутой под живот, и обычного размера задней. В левой верхней части – рисунок какой-то неопределённой фигуры, напоминающей или некое существо со множеством ног (?), или перевёрнутую лодку с «гребцами». Вся левая часть плоскости сильно разрушена, отслоившаяся корка частично повредила и изображение женщины в позе роженицы. Фигура представлена анфас. Очень выразительно прорисованы длинные ноги, согнутые в коленях (см. рисунок). На овальном туловище намечены небольшие груди (?). В области головы – ёлкообразная фигура, которую можно трактовать по-разному: как уложенные волосы и ниже укороченные руки, поднятые вверх, или же все линии следует рассматривать именно как волосы, собранные в причёску, либо как особый головной убор (?). Именно эта деталь делает данное изображение уникальным. Среди известных изображений рожениц Южной Сибири и Центральной Азии подобные персонажи в схожих «головных уборах» и с похожими «причёсками» не встречаются. В основном роженицы показаны либо со всклокоченными волосами, часто выполненными гравированными линиями (Верхний Аскиз, Лебяжье, Сыда V) либо вообще без них (Тепсей, Черновая VIII, Большой Табатский курган, Шалаболинская писаница). У фигуры с памятника Черновая VIII на голове обозначено украшение, подобное окуневским височными кольцам или

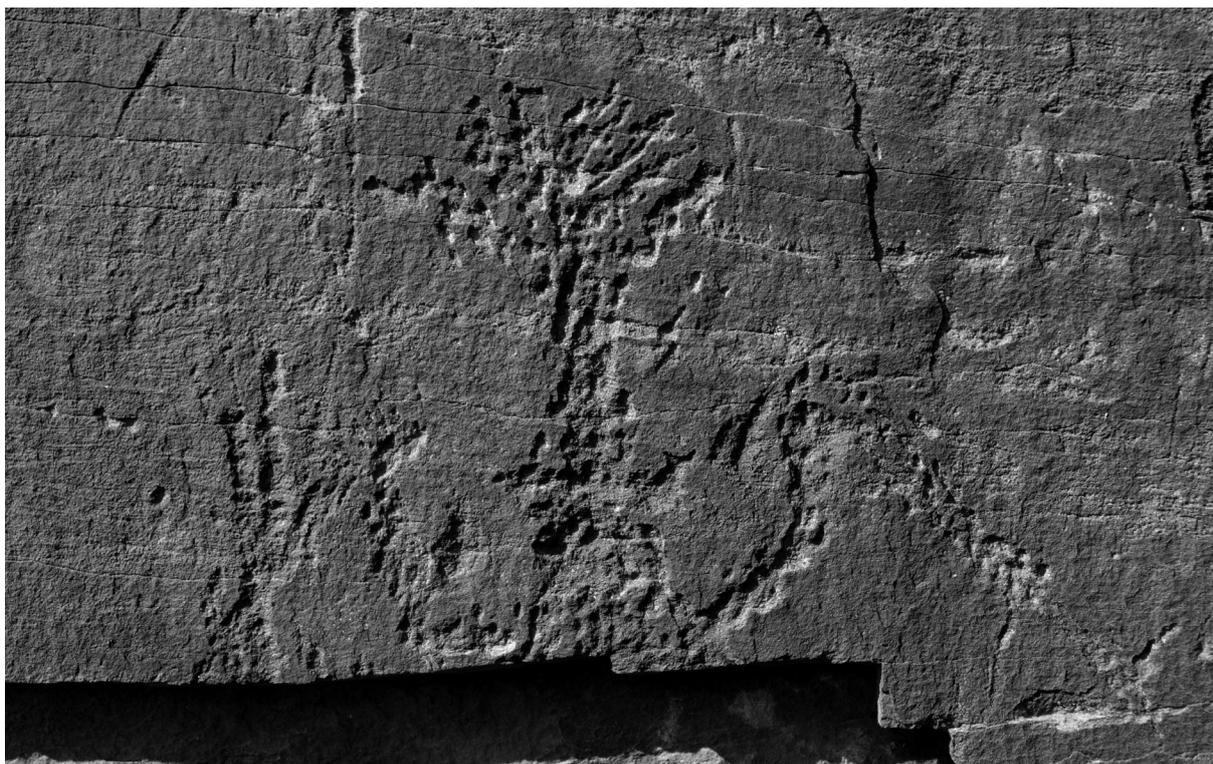

Рис. Изображение роженицы. Тенсей II, гряда 1, ярус 3, № 11

серьгам [Есин, 2010, рис. 1]. В этнографической литературе имеются сведения о родильных обрядах, во время которых, если роды были тяжёлые, женщины тянули роженицу за волосы вверх [Кучукова, 2012, с. 170, 171]. Наскальные сцены уже с эпохи энеолита, а потом на протяжении всей эпохи бронзы демонстрируют активное вовлечение женщин в ритуальную сферу. При этом использовались различные элементы одежды, в том числе и головные уборы, следовательно, можно предположить, что данное изображение демонстрирует некую обрядовую сцену, связанную с родами. «Головной убор» мог наделяться магическими свойствами, которые должны были благоприятно влиять на этот процесс, а также защищать и охранять потомство.

Если удастся доказать композиционное единство всех фигур на этой плоскости и то, что непонятная фигура является именно перевёрнутой лодкой, то эту сцену можно будет трактовать как демонстрацию круговорота в природе, сочетания жизни и смерти (перевёрнутость одной фигуры – «лодки», направление головой вверх другой – быка).

Таким образом, образ роженицы в наскальном искусстве и сюжеты, связанные с ним, остаются по-прежнему актуальными для более глубокого осмысления роли подобных изображений в ритуально-культовой практике древних коллективов.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. О. С. Советова.

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности: материалы по истории Сибири. – Новосибирск, 1970. – Вып. 3: Древняя Сибирь. – С. 261 – 264.

Есин Ю. Н. Феномен окуневского искусства в Хакасии // Хакасия и Россия: 300 лет. – Абакан: ХНИИЯЛИ, 2007. – С. 22 – 28.

Есин Ю. Н. Изображение «богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины // Вестн. НГУ. – Сер. История, филология. – Т. 9. Вып. 3: Археология и этнография, 2010. – С. 111 – 122.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск, Улан-Батор; Юджин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кучукова Д. А. Об алтайских родильных обрядах: традиция и современность // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Новосибирск: НГУ, 2012. – С. 170 – 171.

Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: неолит и эпоха металла. – Новосибирск, 1978. – Т. 6. – С. 88 – 118.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: КГУ, 1985. – 192 с.

Шер Я. А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 28 – 35.

УДК 738.84

Е.И. Ланцева

Забайкальский государственный университет

Толбагинская скульптура головы медведя как отражение натурального макета

Культ медведя предполагает особое к нему отношение, проявляющееся в почитании, сопряженном с различными обрядами. Данный культ широко распространен. Он существует начиная с эпохи нижнего палеолита и по наши дни. В эпоху палеолита пещерный и бурый медведь были важными объектами охоты первобытного человека. Свидетельствами культа этих животных являются находки костных останков с явными признаками неутилитарного отношения, а также памятники искусства, в которых находит отражение образ медведя.

Организация костных останков (как особое отношение к медведю) проявилась в эпоху ашеля, она выражалась в символическом использовании отдельных частей туши или в демонстративном выставлении или сокрытии костей. В раннем и среднем ашеле для экспонирования использовалась значительная часть туши, а в позднем – только какая-либо символическая часть (голова, конечности).

В эпоху мустье получает распространение как демонстративное выставление, так и сокрытие натуральных символов в виде особых хранилищ. Ярким примером может служить находка в пещере Драхенлох (Швейцарские Альпы) конструкции из камней в форме своеобразного ящика с уложенными в него костями и черепами пещерных медведей. У черепов лежали верхние позвонки; это означает, что головы были отсечены от тел недавно убитых животных. Существует целый ряд таких пещер, названных медвежьими. Это свидетельствует о том, что «медвежьи» пещеры являются, скорее всего, святили-

щами медвежьего культа, связанными с магией возрождения. Труднодоступность этих пещер, отсутствие доказательств того, что древние люди обитали в них постоянно или что хранилища медвежьих черепов и костей имели какое-либо утилитарное назначение, – все это заставляет вспомнить труднодоступные, необитаемые постоянно пещеры-святилища позднего палеолита [Кабо, 2002, с. 65].

Переходным этапом от «натурального творчества» собственно к искусству верхнего палеолита послужил натуральный макет, т. е. использование какой-либо объемной основы, передающей образ зверя, дополненной шкурой и головой данного животного. Макет медведя – один из самых распространенных видов натурального макета. От естественной основы в виде сталагмита в пещере Базауа эпохи мустье макет медведя «эволюционировал» в глиняную болванку пещеры Монтеспан начала верхнего палеолита. Макет использовался в процессе имитации охоты, в него «стреляли» глиняными шарами, которые символически заменяли реальное оружие; также в пещерах были найдены следы ног детей; скорее всего, в пещерах проходил обряд инициации. Охотничий ритуал с макетом служил для посвящения.

Натуральный макет явился переходным звеном к собственно творчеству. Пластический изобразительный труд создавал в единстве технические и, главное, интеллектуальные предпосылки «естественного натурализма». Именно поэтому развивались способности к образному и сюжетному обобщению и абстрагированию в качестве новой исторической нормы общественного сознания [Столяр, 1985, с. 210]. Вслед за натуральным макетом появилась полнообъемная скульптура, после которой возникает глиняный барельеф, а с течением времени и собственно детализированный контурный рисунок. Параллельно развивалось и творчество малых форм.

В эпоху верхнего палеолита образ медведя был не самым распространенным, он уступал первенство таким животным, как бизон и мамонт. Медведь встречается в форме изображения в скульптуре, гравюре и росписи в пещерах. Известно также много гравюр и рисунков, где он изображен чаще всего в движении или в профиль: это пещеры Комбарелль, Тейжа, Ляско [Абрамова, 1962, с. 61]. Фигурки животного были найдены на стоянках Дольни Вестонице, Павлов, Истюриц, Фогельгерд. На территории России наиболее известен ряд скульптурных изображений животных, в том числе медведя, найденных на стоянке Костенки-1.

Культ медведя в палеолите был распространен везде, где встречался этот грозный хищник. Не обошел он и территорию Забайкалья. Свидетельством существования медвежьего культа на данной территории является находка в 1979 г. скульптурного изображения медведя на позднепалеолитическом поселении Толбага. Само поселение располагалось на высоте 35–50 м над уровнем р. Хилок, в амфитеатре между сопками, состояло из наземных жилищ округлой или овальной формы в виде чумов или шалашей, основания которых сохранились в непо потревоженном состоянии вместе с очагами и хозяйственными ямами. В одном из жилищ близ очага, расположенного в центре жилища, и была найдена интересующая нас скульптура. Поделка лежала «мордой» вниз и была прикрыта обломком кости [Древнейшая скульптура Сибири, 1983, с. 78]. Изготовлена она была из зубовидного отростка второго шейного позвонка шерстистого носорога. Размер 7,9×6×4 см. Очевидно, в основу изображения было положено внешнее сходство зубовидного отростка с головой медведя, которое было усилено человеком, выполнившим искусную подправку кости. Древний мастер, удаляя часть костной массы, создал реалистичное изображение медведя. Орудием мог служить любой осколок камня, имеющий острое и подходящий для скобления. При помощи данного орудия методами резания и скобления был сглажен гребень, подходящий на затылочную часть головы медведя, смоделированы нос и характерная

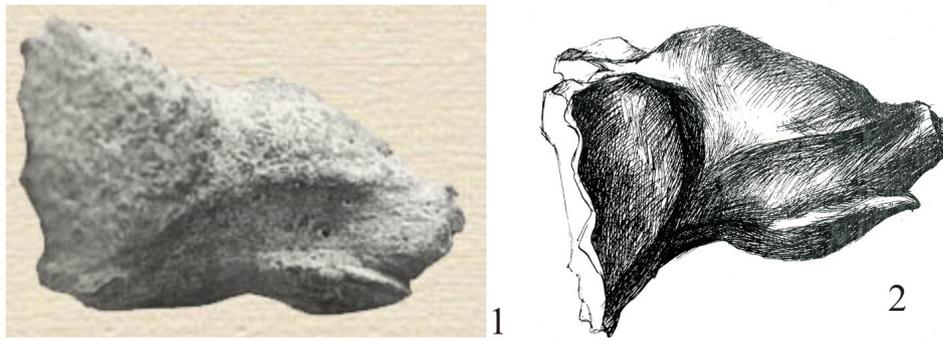

Рис. Поселение Толбага. Скульптура головы медведя: 1 – фото; 2 – эскиз

для медведя оттопыренная нижняя губа. Приподнятый кончик носа придает скульптуре особую живость, а нижняя губа изображена поразительно точно. Свойственные медведю маленькие глаза едва угадываются на скульптуре, но тем не менее создан законченный образ со всеми присущими ему особенностями и пропорциями [Скульптуре медведя из Забайкалья 30 тысяч лет, 1981, с. 119].

Возраст поселения Толбага определяется с ориентировкой на дату 34 860 лет назад. Это значит, что найденная здесь скульптура относится к числу древнейших в Азии (см. рисунок – 1, 2). Близких аналогий скульптура не имеет, но из отдаленных можно назвать головку медведя из Истюриц и скульптурные изображения из мергеля, найденные в Костенках. Особенностью некоторых костенковских изображений медведя является также использование естественных и искусственных случайных форм, в чем-то ассоциирующихся с образом зверя [Древнейшая скульптура Сибири, 1983, с. 80].

Возможно, данная скульптура была изображением натурального макета, что зачастую встречается в палеолитическом искусстве Европы. Формы изображения натурального макета были разные: «двучастные» изображения зверей, у которых линией обозначено отделение головы от туловища; изображение на фигурах второй «наброшенной» на них шкуры и, что подходит для данного случая, самостоятельные изображения головы и туловища животного. Такие «неполные» изображения нередко встречаются в пещерах Франко-Кантабрии. Они фиксируются уже среди контуров раннеориньякского типа и доживают до апогея палеолитического искусства в мадлене. Малые же формы показывают территориальную широту своего распространения; это объемные и плоскостные головы, туловища и даже конечности животных. Вполне вероятно, что жителей поселения Толбага не обошло явление натурального макета, который не был редок для того времени. Ведь вряд ли оправданно считать, что «неполные» изображения были внезапным изобретением.

Жители поселения были охотниками на шерстистых носорогов, мамонтов, лошадей, северных и благородных оленей, бизонов, куланов и сайгаков, кости которых найдены в культурном слое поселения. Но костных останков медведя в культурном слое не было обнаружено; открытые ландшафты, окружавшие поселение, по всей видимости, мало привлекали медведя. Тем не менее древние люди явно сталкивались с этим зверем. Такие встречи, наверное, производили неизгладимое впечатление на человека того времени, когда у него складывались взгляды на мир, формировались зачатки религиозных чувств. Образ медведя, очевидно, вошел в представления человека о мире и потому получил отражение в изобразительном искусстве.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. М. В. Константинов.

Список литературы

Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР (Свод археологических источников А 4 – 3). – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 84 с.

Кабо В. С. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Вост. литература, 2007. – 328 с.

Скульптуре медведя из Забайкалья 30 тысяч лет / М. В. Константинов [и др.] // Природа. – 1981. – № 11. – С. 119.

Древнейшая скульптура Сибири / М. В. Константинов [и др.]. – М.: Наука, 1983. – № 173. – С. 78 – 81.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Изд-во «Искусство», 1985. – 298 с.

УДК 7.031:902.6

Р. К. Мальцев

Кемеровский государственный университет

Проблема датировки изображения всадника с Тепсей III (к продолжению дискуссии)

В данной работе рассматривается проблема датировки изображения всадника, выбитого на плите, найденной в таштыкском склепе № 2 в пункте Тепсей III [Боковенко, 1987, рис. 2 – 3] (рисунок – II – I). Выбор темы обусловлен тем, что кемеровскими археологами, исследовавшими петроглифы горы Тепсей, накоплена интересная серия изображений коней, датировка которых остается проблематичной [Советова, Аболонкова, 2013, рис. V].

Для петроглифов Тепсей, как и в целом для наскального искусства Минусинской котловины, мотив коня является одним из наиболее популярных. Исследователи уже неоднократно обращались к анализу тех или иных серий изображений коней. По поводу одной из таких серий развернулась целая дискуссия. В книге «Петроглифы Средней и Центральной Азии» (1980 г.) Я. А. Шер анализирует три изображения всадников: два с Усть-Тубы III (рисунок – II – I, 2), одно – с Суханихи (рисунок – I – 3). Первое (рисунок – I – I) из усть-тубинских он датирует тагарским временем, два других – усть-тубинское и суханинское – тюркским (рисунок – I – 2, 3), аргументируя это тем, что «всадник сидит уже не на холке, а на спине и опирается на стремяна, хотя самих их нет» [Шер, 1980, с. 38] (рисунок – I – 2, 3). Ему возразил Н. А. Боковенко, предложивший датировать изображение Усть-Тубы [Шер, 1980, рис. – 3] (рисунок – I – 2) скифо-тагарским временем по наличию таких элементов, как остроконечная шапка, характерная для скифов, и горит за спиной всадника [Боковенко, 1987, с. 75]. О. С. Советова в работе «Петроглифы тагарской эпохи на Енисее» (2005 г.) отметила, что рассуждения Н. А. Боковенко представляются ей правильными, однако построенными на недостаточно убедительных примерах. Проанализировав ряд изображений тагарского времени, она сделала вывод о том, что тагарские всадники далеко не всегда сидят на холке, в отличие от таштыкских и средневековых, которые всегда показаны строго на спине [Советова, 2005, с. 78]. Позже Е. А. Миклашевич подчеркнула, что манера изображать лук в горите за спиной хоть и имеет определенные временные рамки, но не ограничивается лишь скифским временем [Миклашевич, 2012, с. 48].

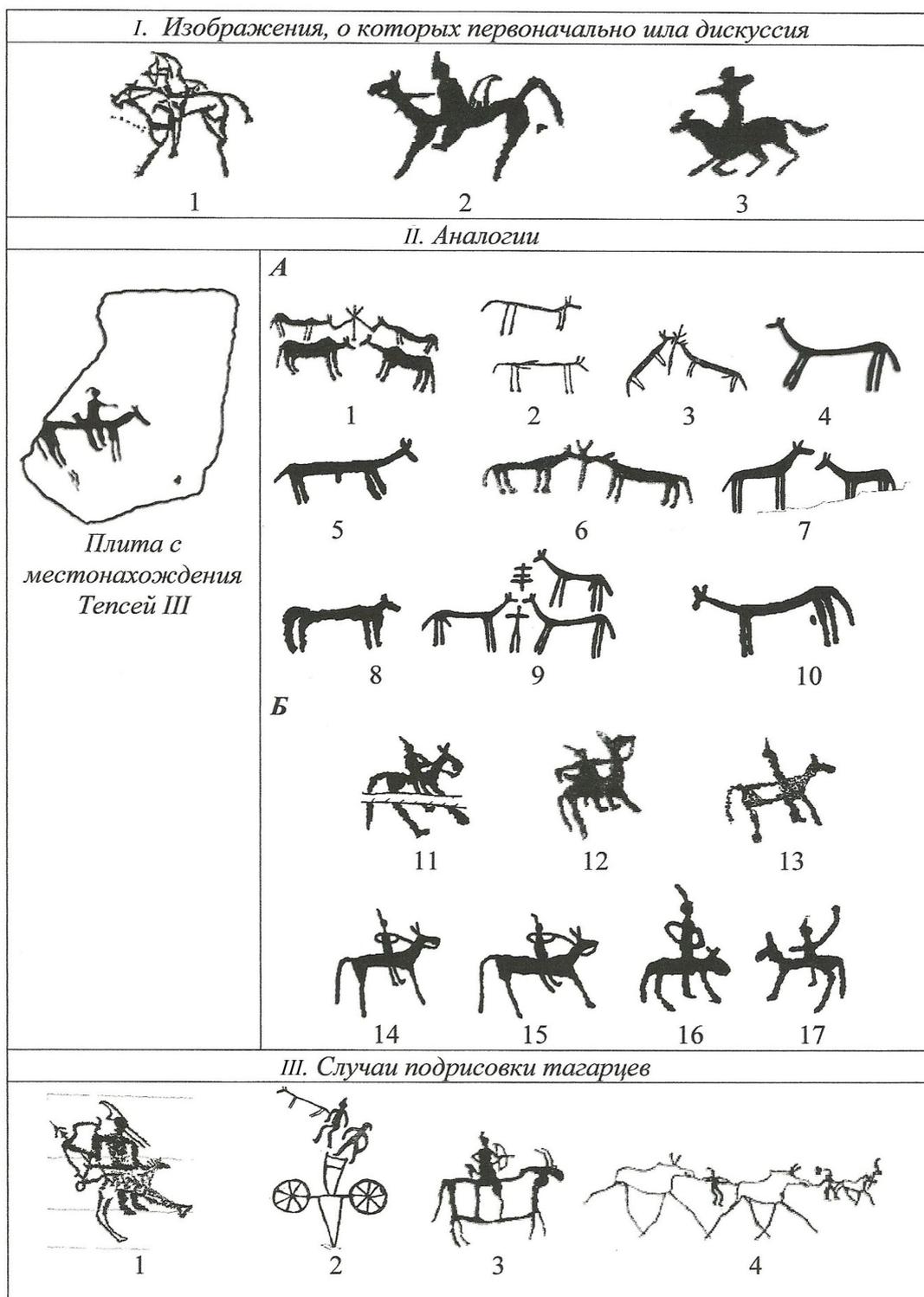

Рис. Изображения енисейских коней и всадников:

I. Изображения, о которых первоначально шла дискуссия: 1, 2 – Усть-Туба; 3 – Суханиха [по: Шер, 1980];

II. Аналогии: А (коня): 1, 6 – Тепсей [по: Шер, 1980]; 2, 3 – Варча I [по: Леонтьев, 1980]; 4 – [по: Ковалева, 2011]; 5, 10 – Тепсей IV [по: Vlednova et al., 1995]; 7 – гора Полосатая [по: Ковалева, 2011]; 8 – Хара-Хая [по: Филиппова, 1990]; 9 – Седловина III [по: Ковалева, 2011];

Б (Всадник): 11, 13, 17 – Тепсей V [по: Советова, 2005]; 12 – Потрошиловская писаница [по: Советова, 2005]; 14, 15 – Тепсей II [по: Советова, Аболонкова, 2013]; 16 – Тепсей V [по: Шер, 1980];

III. Случаи подрисовки тагарцев: 1 – Суханиха [по: Миклашевич, 2011]; 2 – Варча I [по: Леонтьев, 1980]; 3 – Усть-Туба [по: Советова, 2005]; 4 – Суханиха [по: Советова, 2005].

В подтверждение своего вывода Н. А. Боковенко привел изображение всадника с местонахождения Тепсей III [Боковенко, 1987, рис. 2 – 3]: ноги его свисают, как бы упираясь в стремя, за спиной изображен горит или колчан, на голове «султан», рука вытянута вперед (конь в позе «внезапной остановки», характерной для тагарской эпохи). Автор аргументирует свою точку зрения тем, что данная плита с изображением использовалась в качестве строительного материала, поэтому относится либо к таштыкскому, либо к более раннему времени. Датировку изображения тесинской эпохой он исключил [Там же, с. 76]. Однако Е. А. Миклашевич возразила, что в последние время были сделаны новые открытия, позволяющие говорить, что данное изображение нельзя ограничить лишь тагарской эпохой, возможно, оно относится к более позднему времени – тесинскому или раннеташтыкскому [Миклашевич, 2012, с. 48–49].

Анализ ряда изображений, относящихся к скифскому времени, показал, что изображение коня с плиты Тепсея III, скорее всего, не тагарское, так как для данного периода было характерно изображать животных не с четырьмя ногами, а с двумя [Советова, 2005, с. 116, 126–128]. Можно сделать предположение, что манера, в которой выполнен конь, относится к более ранней эпохе, карасукской, поскольку именно для данного времени характерно изображение коней с четырьмя ногами и утолщенной шеей [Шер, 1980, рис. 72, 74 – 2; Ковалева, 2011, с. 31]. Проведенные аналогии с петроглифами того же Тепсея показали, что в большей степени этот конь похож на знаменитых «коней у мирового дерева», относимых к «дотагарскому времени» [Шер, 1980, рис. 24, с. 266] и серии коней, датируемых карасукской эпохой (рисунок – II – 2 – 11). Поэтому полагаю, что всадника подрисовали уже позднее, к более раннему изображению коня, в тагарскую эпоху, превратив в понятный для создателей образ. Случаи, когда тагарцев подрисовывали к более ранним изображениям, не единичны [Советова, 2005, с. 31, 77] (рисунок – III – 1 – 4).

Поскольку плита со всадником была найдена в закрытом комплексе, такая датировка позволяет отнести целую серию аналогичных изображений тепсейских всадников (рисунок – II – 12 – 18) к доташтыкскому времени.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. О. С. Советова.

Список литературы

Siberie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie) / N. Blednova, H.P. Francfort, N. Legtchilo, D. Sacchi, J. A. Sher, D. Smirnov, F. Soleihavoup, P. Vidal // *Reper-taire des petroglyphs D'Asie Centrale*. – Paris: De Vocard, 1995. – Vol. 2. № 2. – 151 p., 93 pl.

Боковенко Н. А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1987. – С. 75 – 80.

Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи бронзы минусинской котловины. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2011. – 160 с.

Леонтьев Н. В. Колесной транспорт эпохи бронзы на Енисее // *Вопросы археологии Хакасии*. – Абакан: ХНИИЯЛИ, 1980. – С. 65 – 84.

Миклашевич Е. А. Лънищенская писаница // *Тр. САИПИ: Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лънищенская. Улазы III. Сосниха*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. X. – С. 28 – 56.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (Сюжеты и образы). – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005. – 140 с.

Советова О. С., Аболонкова И. В. Загадки Тепсейского фриза (Тепсей II) // *Археология Южной Сибири*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2013. – Вып. 28. – С. 113 – 124.

Филиппова Е. Е. Погребальная колесница карасукского времени // Проблемы изучения наскальных изображений СССР. – М.: Изд-во ИА АН СССР, 1990. – С. 166 – 168.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

УДК 7.031.1(571.51)

О. М. Сазонова

Музей археологии им Е. С. Аннинского

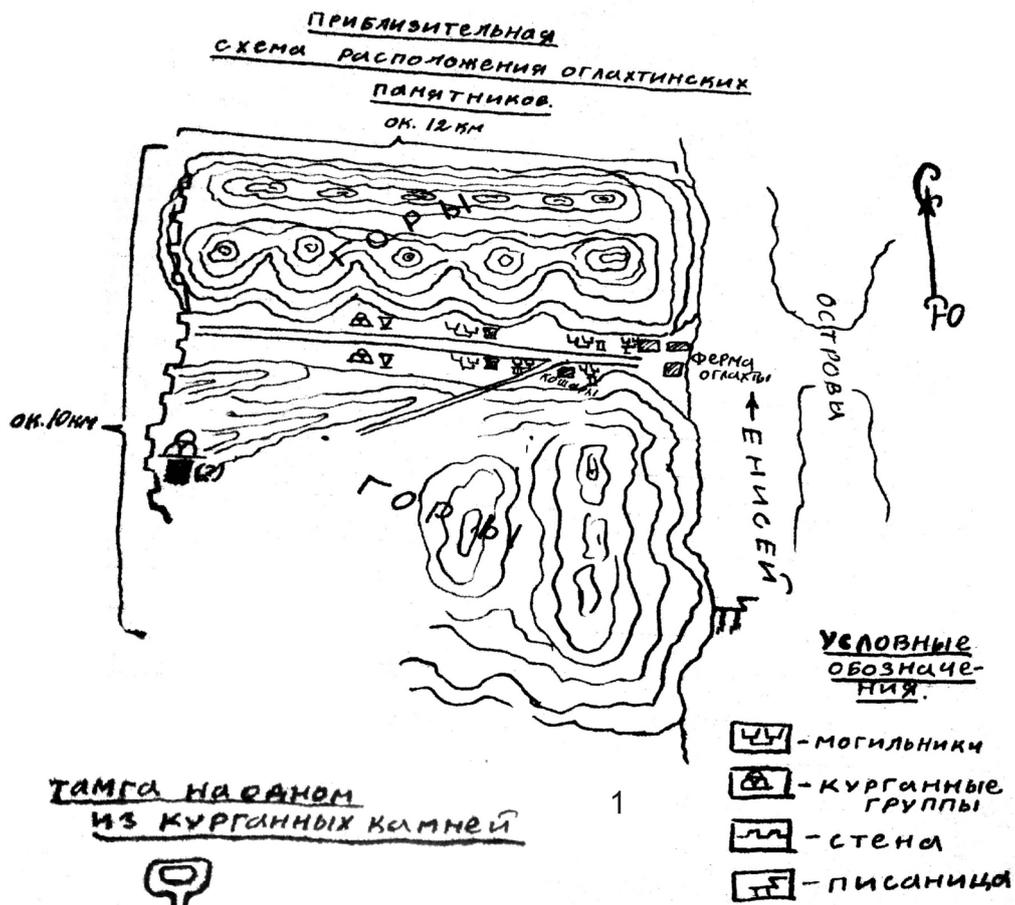
Исследование петроглифов Среднего Енисея Р. В. Николаевым в 1955 году

Роман Викторович Николаев – известный археолог, этнограф, внесший весомый вклад в исследование древней и традиционной культуры народов Среднего Енисея. После окончания Московского университета в 1955 г. Р. В. Николаев приезжает в г. Красноярск, где становится сотрудником Красноярского краеведческого музея, одновременно работает в педагогическом институте [Баташев, Вдовин, Макаров, 2001, с. 164].

Ранее автор обращалась к исследованиям наскальных изображений Средне-Енисейского региона Р. В. Николаевым [Сазонова, 2008; Сазонова, 2009]. Данная работа посвящена первому знакомству Р. В. Николаева с петроглифами Среднего Енисея. Осенью 1955 г. он приступает к археологическому исследованию Хакасии. В задачи археологического отряда, организованного Р. В. Николаевым, входили: разведывательные работы и учет памятников, расположенных в зоне затопления будущего Красноярского водохранилища, раскопки могильников карасукской и тагарской эпохи в Оглахтинской долине, а также участие в раскопках Салбыкского кургана под руководством С. В. Киселева [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 1].

Попутно с исследованием могильников Р. В. Николаев занимается изучением петроглифов на писаницах и курганных камнях. Всего за период работ, проведенных в полевой сезон 1955 г., им были исследованы петроглифы в следующих пунктах: с. Мохово, с. Копены, Боярская и Оглахтинская писаница [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5]. В районе с. Мохово при изучении погребений карасукско-тагарского времени на курганных камнях исследователем были зафиксированы зоо- (рисунок – 3) и антропоморфные изображения (рисунок – 5). Р. В. Николаевым было отмечено, что число зооморфных изображений значительно больше антропоморфных. Так, из 21 изображения, зафиксированного на курганных камнях, было только 3 антропоморфных. Р. В. Николаев приводит средние размеры рисунков. Так, размеры зооморфных изображений в среднем 6×7 см, а средние размеры антропоморфных от 8 до 18 см. Р. В. Николаев приводит наблюдения относительно датировки рисунков, отмечая преобладание изображений карасукского времени, к которому исследователь относит все зооморфные изображения. Антропоморфные были отнесены им к тагарской эпохе. При исследовании могильника позднеатагарской эпохи в районе с. Копены на одном из курганных камней Р. В. Николаевым были зафиксированы антропоморфная фигура и фрагмент изображения копытного животного [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 2] (рисунок – 4).

После с. Копены экспедиция под руководством Р. В. Николаева перемещается в район Боярской писаницы. При осмотре наскальных рисунков памятника особое внимание было уделено изображениям жилищ. Одно из жилищ подробно описано в отчете исследова-

ТАМГА НАВАНОМ
ИЗ КУРГАННЫХ КАМНЕЙ

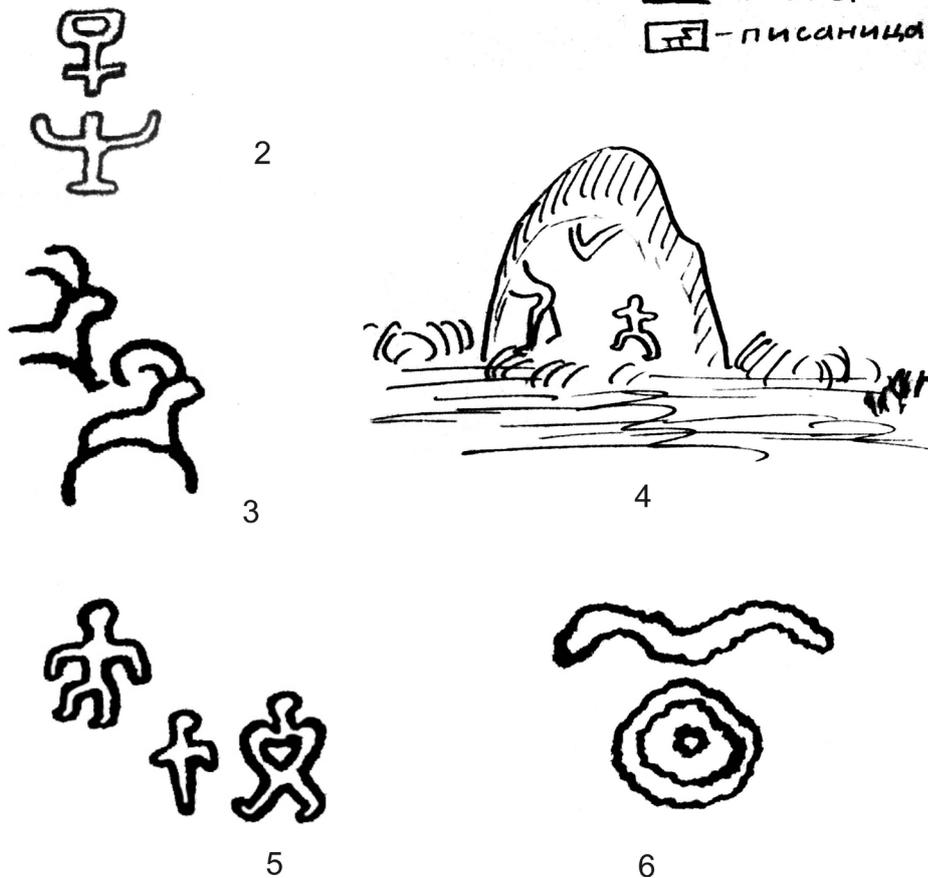

Рис. Петроглифы Среднего Енисея, обследованные Р. В. Николаевым [ККМ. Д. 63. Оп. 5]:
1 – карта-схема расположения археологических памятников у горы Оглахты; 2–5 – изображения на курганных камнях; 6 – изображения тамги в петроглифах Боярской писаницы

дователя. Р. В. Николаев выдвигает предположения, что это бревенчатая юрта [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 3].

Свои наблюдения Р. В. Николаев сравнивает с описаниями, выполненными А. В. Адриановым еще в 1904 г. [Адрианов, 1906]. Сравнивая рассмотренные им изображения с данными А. В. Адрианова, Р. В. Николаев отмечает различия в описании рисунка. «При ряде сходных черт этот рисунок значительно отличается от изображений жилищ на Боярах, описанных впервые Адриановым, а в 1932 г. Киселевым» [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 3]. Помимо изображений жилищ, Р. В. Николаев дает описание сцен охоты и изображениям тамг (рисунок – б), делая предположения относительно смысловой нагрузки данных рисунков [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 4–5].

Следующий пункт экспедиции под руководством Р. В. Николаева – Оглахтинская долина, где на курганных могильниках были зафиксированы рисунки, тамги (рисунок – 2) и тюркские надписи [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5, Л. 7]. Следует отметить, что изображениям тамг Р. В. Николаев уделяет большое внимание, он отмечает сходство тамг хакасов с более ранними изображениями тамг, выполненными на писаницах и могильных камнях, относящихся к тагарской эпохе. Попутно с изучением курганов Р. В. Николаев совершает осмотр Оглахтинской писаницы. Им было отмечено превосходство зооморфных изображений писаницы, особенно популярный сюжет – рисунок «самки сохатого». Все наскальные изображения были датированы от неолита до кыргызского времени. [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 9]. По итогам работ, проведенных в Оглахтинской долине, Р. В. Николаев выполняет зарисовки наскальных рисунков, а также составляет карту-схему расположения памятников в районе Оглахтинского горного узла [Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 11] (рисунок – 1).

Итак, в 1955 г. Р. В. Николаевым были осмотрены и изучены петроглифы, расположенные на писаницах и курганных камнях. Исследователем были выполнены работы по визуальной фиксации петроглифов (зарисовка изображений), наблюдения по поводу датировки рисунков. Р. В. Николаев приводит сравнение полученных им данных с работами других исследователей. Выдвигает предположения относительно смысловой нагрузки, которую выполняют петроглифы, проводит аналогии изображений прошлого с данными этнографии.

В целом проведенная экспедиция положила начало не только первой работе по исследованию петроглифов, проведенной ученым, но и положила начало всей его дальнейшей деятельности по изучению археологических памятников Южной Сибири.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А. Л. Заика.

Список литературы

Адрианов А. В. Писаница Боярская // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – 1906. – № 6. – С. 53 – 59.

Баташев М. С., Вдовин А. С., Макаров Н. П. Николаев Роман Викторович – исследователь истории и культуры народов Приенисейского края // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: материалы науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 1–2 декабря 2000 г.). – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 164 – 172.

Николаев Р. В. Отчет о полевой работе, проведенной в Хакасии в сентябре – октябре 1955 г. // Архив ККМ. Д. 63. Оп. 5. Л. 17 л.

Сазонова О. М. Р. В. Николаев – исследователь Шалаболинской писаницы // VII Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: Изд-во ОГУ, 2008. – С. 71–72.

Сазонова О. М. Р. В. Николаев – исследователь петроглифов // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): материалы XLIX Регион. археол.-этнограф. студ. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 225 – 226.

**Об одной плоскости горы Тепсей
(стилистическая и хронологическая интерпретация изображений)**

Первые исследования петроглифов горы Тепсей в 1960–1970-х гг. проводил Каменский отряд Красноярской АЭ [Шер, 1980, с. 146–148]. В 1980-х гг. работы велись петроглифическим отрядом КемГУ [Советова, 1995, с. 33–54]. В это же время (и позднее) здесь вели изыскания Н. А. Боковенко и Н. В. Леонтьев [Боковенко, Леонтьев, 1985, с. 192], А. Л. Заика [Cave art..., 2007, р. 118–155], С. В. Панкова [Панкова, 2004, с. 52–60] и др. В 1990-х гг. по специальной программе здесь работал отряд кемеровских археологов совместно с коллегами из Франции [Francfor, Sacchi, 1993, р. 29–34]. В 2012 г. свои исследования возобновили археологи КемГУ [Советова, Мухарева, Аболонкова, 2012, с. 77–90; Советова, Аболонкова, 2012, с. 91–102].

Объектом нашего внимания является плоскость с изображениями на первой гряде п. Тепсей II. Рисунки расположены на массивном скальном вертикальном выходе девонского песчаника (2×1,5 м), обращенном на юго-восток, состоящим из двух блоков. Верхняя часть выступает над нижней, образуя козырек. Рисунки выполнены в технике выбивки.

Датируя рисунки, исследователи оперируют целым рядом методов, в том числе опираются на наличие палимпсестов и стилистический анализ изображений. Именно поэтому плоскости с разновременными рисунками вызывают большой исследовательский интерес. Анализ рисунков рассматриваемой плоскости был проведен французскими исследователями [Francfor, Sacchi, 1993, р. 30–33], однако хронологическая интерпретация в их публикации отражена не полностью, а некоторые выводы вызывают сомнения. В своей работе мы пользуемся их прорисовкой (рисунок), а для уточнений деталей фигур – сделанными нами фотографиями и полевыми записями.

Самым ранним, очевидно, является изображение лося (фигура 3), расположенного в верхней части плоскости и перекрытое фигурами быков (фигуры 4, 5) (рисунок – а). Многочисленные аналогии с подобными рисунками соседних писаниц и наличие палимпсеста указывают на его раннюю дату [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 1; 2]. Быки, перекрывающие эту фигуру (и фигуру 1), очевидно выполнены позднее, хотя, возможно, сами и не синхронны во времени. Вопрос датировки подобных изображений по-прежнему остается дискуссионным [Кубарев, 2011, с. 25]. Датировка фигур 13, 15 эпохой бронзы, как это делают французские исследователи, вызывает сомнения. Среди рисунков Тепсея нами встречены фигуры быков, ориентированные головами вверх (такие случаи известны и по другим писаницам), как фигура 13, и если мы можем допустить ее принадлежность к эпохе бронзы, то с фигурой 15 дело обстоит сложнее. Это изображение обладает признаками как лося, так и быка. Аналогичный рисунок имеется на южном склоне Тепсея. По мнению Ю. Н. Есина, подобные животные демонстрируют влияние ритуально-мифологических представлений пришлых скотоводов на мировоззрение и изобразительную традицию местных охотников и рыболовов [Есин, 2010, с. 83]. Однако грузный вид и некоторое отсутствие мастерства в выполнении этой фигуры наводит на мысль о том, что перед нами более поздняя реплика.

Фигура 15 перекрывается хвостом коня под всадником (фигура 14), по нашему мнению соотносимого с тесинской эпохой («вырождение скифо-сибирского звериного стиля», по Я. А. Шеру [Шер, 1980, с. 251]). Данное предположение не соответствует датировке французских коллег, относящих фигуру к железному веку (как и фигуру 8) и допускающих их создание в таштыкское время. Полагаем, что и фигура 7 – спираль – также относится

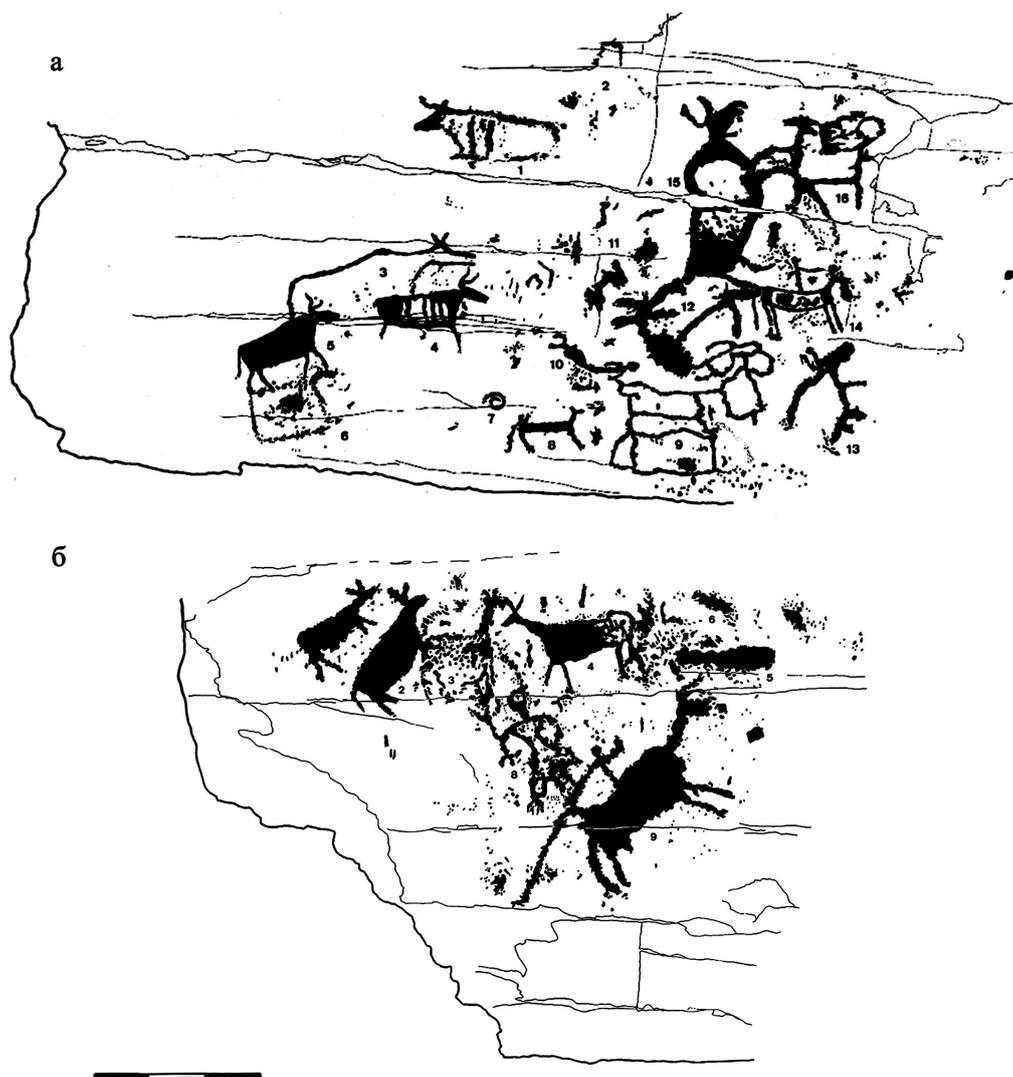

Рис. Тенсей, пункт Тенсей II, плоскость 18 [по: Francfor, Sacchi, 1993]

к тесинской эпохе. Благодаря открытию Д. Г. Савиновым каменных плиток с подобными изображениями, стало возможным целую серию рисунков относить к этой эпохе [Савинов, 2009, с. 89 – 90]. К тесинскому же времени предположительно относится и фигура 9.

В датировках изображений, расположенных на нижнем блоке (рисунок – б), исследователи расходятся во мнениях: их датируют как поздней бронзой [Ковалева, 2011, табл. 51], так и таштыкским временем [Francfor, Sacchi, 1993, р. 33]. По нашему мнению, фигуры 1, 2, 4 относятся к одному хронологическому пласту. Фигура 3 выполнена в характерном для таштыкского времени стиле и перекрывает фигуру быка, что свидетельствует о его более ранней дате. Подтверждают это и патинизация фигур 1, 2, и различие техник. Фигуры 1, 2 и 4 выполнены мелкой точечной выбивкой, корпуса животных тщательно проработаны, фигура 3 – более грубо, как и антропоморфное изображение в центральной части плоскости (фигура 8). Многочисленные аналогии позволяют отнести ее также к таштыкской эпохе [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 6]. Перекрывающее эту фигуру изображение всадника – еще позднее (очевидно, этнографического времени).

Таким образом, стилистический анализ рисунков позволил соотнести их с разными хронологическими отрезками времени, по меньшей мере – от эпохи бронзы до таштыкского времени. Разновременность рисунков и наличие палимпсестов на плоскости свидетельствуют о ее привлекательности для обитателей данной местности в разные исторические эпохи. На-

нося новые фигуры, с одной стороны, древние люди производили своеобразное «отрицание отрицания», с другой – обогащали сюжет, приспособлявая его к своему мироощущению.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. О. С. Советова.

Список литературы

Cave art of the Middle Enisey. – Zelenogorsk: Nonprofit institution «Fond «In remembrance of Reshetnev», 2007. – 224 p.

Francfort H. P., Sacchi D. Archeologie et histoire de l'art: Questions de chronologie, de style et d'interprétation // Arts Asiatiques. Annales du musée national des Arts asiatiques – Guimet et du musée Cernuschi. – Т. XLVIII. – Extrait. – 1993. – P. 29 – 34.

Боковенко Н. А., Леонтьев Н. В. Обследование петроглифов на юге Красноярского края // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 192.

Есин Ю. Н. Тайна богов древней степи. – Абакан: ХНИИЯЛИ, 2010. – 184 с.

Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 160 с.

Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2011. – 444 с.

Панкова С. В. Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики им. С. С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 52 – 60.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 226 с.

Советова О. С. Аболонкова И. В. Загадки тепсейского фриза (Тепсей II) // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 91 – 102.

Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 33 – 54.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. – С. 47 – 74.

Советова О. С., Мухарева А. Н., Аболонкова И. В. Местонахождение Тепсей I: история изучения и современное состояние // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 77 – 90.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

УДК 903.27(470.5)

Д. А. Широких

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Новые данные о пещерной живописи Урала

Самыми известными пещерами с древними росписями являются Капова и Игнatieвская пещеры. Первые палеолитические рисунки в Каповой пещере были зафиксированы в 1959 г. зоологом А. В. Рюминым. Позднее исследования проводили О. Н. Бадер,

В. Е. Щелинский, В. Г. Котов. Если первые исследования привели к открытию 50 изображений [Бадер, 1965, с. 16], то в настоящее время их известно около 200 [Ляхницкий, Солодейников, 2004, с. 56]. Все рисунки выполнены охрой различных тонов: от алой до темно-красной и темно-коричневой, почти черной. Вместе с охрой использовался и древесный уголь. Анализ состава красок показал, что изображения создавались в разное время и в длительном промежутке времени. Это важное дополнение, которое противоречит предыдущим наблюдениям. Исследования последних лет позволили обнаружить новые рисунки (в зале Хаоса найден рисунок руки, выполненный черной краской), а также палитры с охрой, светильники.

Рисунки в Игнatieвской пещере (более 50) были открыты В. Т. Петриным в 1980 г. Рисунки более схематичны и менее выразительны, чем в Каповой пещере. Выполнены краской двух цветов: красной и черной. Сохранность рисунков плохая, нельзя с точностью определить вид животного. На них изображены животные, знаки, люди и неопределенные мотивы [Петрин, 1992, с. 38–73]. Долгое время считалось, что рисунки выполнены в палеолитическую эпоху. Однако в 2003 г. группой сотрудников из Техасского А&М университета были опубликованы прямые датировки рисунков. Посредством плазмохимического метода получены новые радиоуглеродные даты: 7370 ± 50 , 7920 ± 60 , 6030 ± 100 лет назад [Игнатъевская пещера..., 2003, с. 69–71]. Таким образом, на основе этих исследований изображения в Игнатъевской пещере должны датироваться эпохой мезолита. Данная ситуация требует дальнейшего осмысления, тем более что ранее А. А. Формозов убедительно обосновал свои сомнения в палеолитическом возрасте росписей Игнатъевской пещеры [Формозов, 2000, с. 215–217].

Также к палеолиту относят рисунки во 2-й Серпиевской пещере, которая находится на р. Сим, в 10–12 км от Игнатъевской пещеры. Сохранность рисунков очень плохая: можно рассмотреть лишь какие-то геометрические фигуры, овальные пятна, группы линий. Рисунки выполнены охрой красного цвета. Никаких изделий древнего человека в пещере не найдено. При раскопках лишь изредка встречались древесные угольки, кости крупных и мелких млекопитающих [Петрин, Чаиркин, Широков, 1990, с. 7–20]. Определённой даты, к которой могли бы относиться рисунки, нет. Основным источником для установления возраста служат древесные угольки из культурного слоя, и они определяют возраст использования пещеры: верхний палеолит. Новые исследования позволили обнаружить в пещере зооморфный кальцитовый натек, покрытый гравированными линиями.

Возможно, к палеолиту относятся и недавно обнаруженные единичные рисунки красного цвета в пещере Киселевская, которая находится в Челябинской обл. и также на р. Сим. Рисунки представляют собой пятна и полосы красной охры. Один из рисунков после компьютерной обработки интерпретирован как антропоморф [Котов, 2009, с. 52].

В 1985 г. в гроте Большой Глухой на р. Чусовой (Средний Урал) на глубине свыше метра были обнаружены два пятна краски: красной и желтой. Культурный слой был окрашен охрой и содержал костяные орудия и оригинальные костяные украшения. По мнению Павлова, эти находки вместе с рисунками представляют собой святилищный комплекс. Первоначально слой и рисунки были отнесены к позднему палеолиту [Гуслицер, Павлов, 1987, с. 12], но радиоуглеродный анализ показал дату 10607 ± 158 лет назад [Павлов, 1996, с. 58–61].

Мурадымовская пещера (Башкортостан) впервые была исследована О. Н. Бадером в 1960 г., но рисунки – 11 человекообразных изображений, выполненных красной краской, – обнаружили только в 1983 г. [Широков, 1995, с. 44–47]. Возраст рисунков не установлен, но некоторые ученые предположительно относят их к палеолиту. В

2009 г. В. Г. Котов вблизи рисунков выявил культурный слой с каменными изделиями, костями животных, кусочками охры и угля. По углю получена калиброванная дата 6443–5213 до н. э. Следовательно, рисунки с большой долей вероятности можно отнести к финалу мезолита [Комплексные исследования..., 2010, с. 221–228].

Кульметовская писаница расположена на р. Ай, у деревни Кульметово (Башкортостан). Рядом с рисунками находится небольшой грот (3,6×3,5 м). Его раскопки привели к интересным находкам. Расчистка одной из ниш открыла запечатанный глыбой вход в пещеру. На глыбе были обнаружены три красные прямые линии шириной 4–5 см. Узкий вход в пещеру постепенно расширился и привел исследователей в просторный зал размером примерно 30×15×8 м. Рисунков в зале не обнаружено. Но недалеко от входа зафиксированы остатки разрушенного погребения. В самом гроте также найдены кости взрослого человека и новорожденного. Вещевой комплекс позволяет датировать погребения в гроте эпохой энеолита. Возраст погребения за глыбовым завалом (и соответственно трех линий) может оказаться древнее [Кокшаров, Широков, 1990, с. 61–69]. К большому сожалению, детальных исследований в гроте не проводилось.

Таким образом, приведенные данные показывают, как много нерешенных проблем стоит перед исследователями пещерной живописи Урала. Несмотря на большую изученность пещер Урала, в них постоянно открываются новые рисунки. Применение новых методов позволяет уточнять их возраст. Большие возможности для реконструкции пещерных ритуалов открывает анализ состава красящих материалов. Изучение акустических качеств Каповой пещеры и их сопоставление с размещением рисунков привели к очень интересным открытиям, которые еще долго придется осмысливать археологам [Резников, 2010, с. 85–90].

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю. Б. Сериков.

Список литературы

- Бадер О. Н. Каповая пещера. – М.: Наука, 1965. – 48 с.
- Гуслицер Б. И., Павлов П. Ю. О первоначальном заселении северо-востока Европы: препринт. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987. – 24 с.
- Игнатъевская пещера – первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков / В. Н. Широков [и др.] // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. – С. 67 – 72.
- Кокшаров С. Ф., Широков В. Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: препринт. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – 78 с.
- Комплексные исследования пещер природного парка «Мурадымовское ущелье» в 2009 г. // В. Г. Котов [и др.] // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 221 – 228.
- Котов В. Г. Палеолит // История башкирского народа. – М.: Наука, 2009. – Т. I. – С. 23 – 53.
- Ляхницкий Ю. С., Солодейников А. К. Результаты исследования рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) группой ВСЕГЕИ в 2001–2004 гг. // Уф. археол. вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 56 – 64.
- Павлов П. Ю. Палеолитические памятники северо-востока Европейской части России. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН., 1996. – 212 с.
- Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 207 с.

Петрин В. Т., Чаиркин С. Е., Широков В. Н. Древнее святилище во 2-й Серпиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. – С. 7 – 20.

Резников Е. Д. Звуковой размер пещеры Шульган-Таш (Каповой) в связи с палеолитической живописью // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 85 – 90.

Формозов А. А. О датировке росписей в Игнatieвской пещере на Урале // РА. – 2000. – № 1. – С. 215 – 217.

Широков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. – 72 с.

УДК 7.031.1(571.51)

О. О. Шишкина, И. В. Аболонкова

Кемеровский государственный университет

Петроглифы на курганных камнях под горой Тепсей

В 2013 г. Тепсейский отряд КемГУ (рук. О. С. Советова), в составе которого работали авторы настоящей статьи, обследовал береговую террасу у горы Тепсей. Этот район насыщен археологическими памятниками, в том числе и изобразительными. Объектом настоящего исследования являются рисунки на камнях тагарских курганов у горы Тепсей.

Интерес к подобного рода рисункам ведет свою историю с начала XVIII в., когда Д. Г. Мессершмидтом и Ф. С. Страленбергом впервые были отмечены рисунки на курганных камнях Минусинской котловины [Миклашевич, 2011, с. 214]. С тех пор исследовательский интерес к этому виду древнего искусства не угасает [Савинов, 1976, с. 57 – 72; Николаева, 1983; Кузьмин, 1995, с. 55 – 57; Миклашевич, 2011, с. 214 – 232], хотя публикаций до сих пор мало.

Тепсейским отрядом задокументировано 43 камня с рисунками на могильных камнях под горой Тепсей, выполненными разными техническими приемами (выбивкой, гравировкой, выбивкой в сочетании с шлифовкой). Стилистический анализ выявил многообразие образов: преимущественно антропоморфные фигуры (иногда в перевернутом положении), зооморфные, тамги; многофигурные композиции. Многочисленны и чрезвычайно сложны рисунки, выполненные в технике гравировки.

Проведена предварительная хронологическая атрибуция изображений:

1. К наиболее ранним, очевидно, относится фигура перевернутого животного, выполненная в характерном для карасукского времени стиле, в нижней части камня тесинского склепа (ТХVI) (рисунок – 1). Поскольку этот пункт являлся северной окраиной карасукского могильника [Грязнов, 1979, с. 19], полагаем, что при сооружении склепа строительным материалом послужил камень из этого могильника. Практика переиспользования камней с рисунками более ранних эпох характерна для Минусинской котловины [Кузьмин, 1995, с. 56].

2. Изображения тагарского времени. Рисунки выделяются по стилю и технике исполнения. Представлены в основном антропоморфными изображениями, иногда – в сочета-

1

2

3

4

Рис. Изображения на курганных камнях у г. Тепсей (масштабы разные)

нии с животными. Интересна выполненная достаточно реалистично сцена с фигуркой человека. Левая рука у него находится на талии и присогнута в локте, правая поднимает какой-то предмет. Ниже находится изящная фигурка неопределенного животного в позе внезапной остановки (техника исполнения фигур разная) (рисунок – 3).

3. Одна из самых многочисленных – группа изображений тесинского времени (рисунок – 2). Если Т. В. Николаева, изучавшая рисунки на тагарских камнях в конце 1970-х – начале 1980-х гг., отмечала, что «пока изображения, которые можно было бы отнести ко II – I вв. до н. э., нами не зафиксированы» [Николаева, 1983, с. 17], то мы можем констатировать, что в настоящее время выявлена значительная серия тесинских рисунков и сложились представления об изобразительных традициях этой эпохи [Шер, 1980, с. 251; Савинов, 1995, с. 6 – 10].

Несомненной удачей было обнаружение на нескольких камнях тепсейских курганов изображений животных, выполненных реалистично изящной выбивкой. Одна из фигур неопределенного животного показана с массивным корпусом, поднятой головой и с подогнутыми под живот рудиментарными ногами, выполненными рассеянной точечной выбивкой. Аналогии – среди петроглифов соседней горы Суханихи. Имеются изображения, которые можно отнести к другой группе тесинских петроглифов, выделенной Д. Г. Савиновым [Савинов, 1995]: лабиринты, «путаницы», зигзаги и др. Кроме того, исследован один из уникальных камней в пункте TVIII, на трех гранях которого изящной

выбивкой силуэтно нанесены изображения всадников с небольшими по размеру чеканам, луком, непонятными предметами в руках [Миклашевич, 2013, рис. 2 – 2]. На нем присутствуют также антропоморфные фигуры, одна из которых показана в перевернутом положении, другая – в какой-то противоестественной позе с укороченными ногами. Животные (кони, олени) мастерски выполнены в технике выбивки с шлифовкой. Анализ этой сцены заслуживает отдельного рассмотрения.

4. Таштыкские изображения немногочисленны. Предварительно к данной эпохе мы отнесли изображение лося, стилистически напоминающее изображения на знаменитых тепсейских плакетках, которое удастся увидеть лишь при определенном освещении. Большое количество гравировок, обнаруженных на тепсейских курганных камнях, возможно, позволит выявить здесь и другие таштыкские изображения.

5. Довольно многочисленны этнографические рисунки; большинство из них – тамги, а также выполненные относительно грубо некоторые антропо- и зооморфные изображения, часто перекрывающие более ранние, в том числе гравировки (рисунок – 4).

Не вызывает сомнения перспектива дальнейшего изучения изображений на курганных камнях Тепсея. Береговая линия памятника с недавнего времени оказалась в частных владениях, где в скором времени планируется строительство зоны отдыха. Соответственно, учет, изучение и сохранение археологических памятников на данной территории имеет особую актуальность.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. О. С. Советова.

Список литературы

Грязнов М. П. Пункты раскопок // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – С. 7 – 20.

Кузьмин Н. Ю. Изображения на плитах оград тагарских курганов у села Верхний Аскиз в Хакасии // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 55 – 57.

Миклашевич Е. А. Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. – Тр. САИПИ. – Вып. VII. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 214 – 233.

Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012 – 2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2013 год. – Т. XIX. – Новосибирск: ИНЭТ СО РАН, 2013. – С. 255 – 259.

Николаева Т. В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 20 с.

Савинов Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1976. – С. 57 – 72.

Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 6 – 10.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 903.5:004.352

Ф. С. Малков

*Национальный исследовательский
Иркутский государственный технический университет*

Использование 3D-сканеров для фиксации погребальных комплексов на примере могильника Окошки 1 в юго-восточном Забайкалье

В настоящее время большинство исследователей фиксирует археологические объекты и их детали на разных этапах изучения с помощью фотоаппаратуры и графических изображений. Данные методы распространены повсеместно, но новые технологии, в том числе и использование 3D-сканеров, открывают более широкий спектр возможностей для фиксации археологического материала и конструкций археологических памятников.

Последние годы 3D-сканеры все чаще используются для археологических исследований. Например, в 2010 г. компания «Триметари» осуществляла 3D-сканирование на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге (URL: <http://trimetari.com/ru/projects/4>). В 2012 г. ее сотрудники проводили 3D-сканирование Денисовой пещеры на Алтае (URL: <http://trimetari.com/ru/projects/74>). В 2012 г. компания Artec Group по заказу Института археологии РАН проводила 3D-сканирование захоронений на Бородинском поле (URL: <http://goo.gl/AkzLo3>). Помимо этого, множество проектов по 3D-сканированию осуществляется за рубежом (Австралия: начато 3D-сканирование культурного наследия аборигенов, URL: <http://goo.gl/Q7pe4G>; Åhfeldt, 3D-scanning at the Archaeological ...).

В 2013 г. 3D-сканеры были использованы сотрудниками лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского государственного технического университета во время полевых работ на могильнике Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье. Приборы применялись во время раскопок трех археологических комплексов – поминальника (№ 12), захоронения (№ 23) бронзового века и могилы (№ 17) монгольского времени. В процессе работы использовались следующие 3D-сканеры:

1. NextEngine 3D Scanner – для сканирования объектов простой формы, не требующих высокой точности. Данный сканер, благодаря своим размерам, является достаточно мобильным;

2. Faro Laser Scanner Focus 3D – для сканирования объектов больших размеров, например, писаниц, помещений, интерьеров, сооружений, раскопок.

NextEngine 3D Scanner использовался только для фиксации скелета в захоронении № 23. Сканирование выполнялось после расчистки костяка. Сохранность костей была плохой, поэтому существовала опасность их разрушения во время извлечения из земли. Вви-

ду особенностей сканера и большой площади сканирования работа выполнялась в тёмное время суток. В процессе сканирования 3D-сканер, установленный на фотоштативе, был размещён над скелетом. Во время работы прибор перемещался над скелетом, выполняя копирование отдельных деталей захоронения. При сканировании черепа сканер был снят с фотоштатива и установлен прямо на землю. Общее время сканирования составило около 2,5 часа. Недостатком данного сканера при использовании в полевых условиях является отсутствие аккумуляторного блока, поэтому для его работы требуется переносной генератор энергии. Помимо этого, данный сканер чувствителен к солнечному свету, в связи с чем выполнять с его помощью сканирование в полевых условиях возможно либо в тёмное время суток, либо при создании для него искусственного затемнения.

С использованием сканера NextEngine 3D на территории лагеря был проведён эксперимент по копированию отдельных предметов. Для этого с помощью куска материи над прибором было устроено затемнение. Объект перемещался вручную. Подобное сканирование в полевых условиях является оправданным в случае высокой вероятности повреждения артефакта при транспортировке либо при необходимости в кратчайшие сроки переслать объемную копию находки другим исследователям.

Faro Laser Scanner Focus 3D использовался на всех трёх комплексах для копирования каменных конструкций. Методика сканирования была следующей. После зачистки археологического объекта и его зарисовки работы на раскопе прекращались. По сканируемому объекту расставлялось от трёх до четырёх маркеров (белые шары диаметром около 15 см), которые необходимы для объединения результатов сканирования, полученных с разных точек, в единый файл.

Дальше, в зависимости от размера сканируемого объекта, выбиралось несколько точек сканирования (от двух до четырёх). В данные точки устанавливался прибор, и запускался процесс сканирования. До момента запуска сканирования с использованием Faro Laser Scanner Focus 3D все оставшиеся на объекте люди отходили на безопасное расстояние, указанное в параметрах сканирования. Данная предосторожность вызвана тем, что прибор использует при сканировании невидимый луч лазера. Его попадание в глаза может привести к их повреждению. Процесс сканирования с одной точки занимал около семи минут.

Преимуществом данного сканера является наличие встроенной аккумуляторной батареи, рассчитанной на пять часов работы. Это позволяет сделать несколько сканов с разных точек и, соединив их вместе, создать качественную модель археологического объекта. Кроме того, при помощи Faro Laser Scanner Focus 3D можно снять текстуру археологического объекта. Но, как показывает практика, наиболее качественные текстуры получаются при съёмке их фотоаппаратом.

Из недостатков Faro Laser Scanner Focus 3D можно выделить то, что данный сканер не может работать во время дождя. Для продолжения работ в дождливую погоду над прибором необходимо устанавливать навес. В степи при большой площади вскрытия археологического объекта данная задача становится трудновыполнимой. Сканер не может работать и при сильном ветре или его резких порывах. При попытке сканирования археологических объектов до расчистки их площади от травы результат работ получался неудовлетворительным.

По результатам работ в полевых условиях было получено множество файлов с результатами 3D-сканирования. Первоначальная обработка материалов осуществлялась с помощью программного обеспечения самих сканеров. В дальнейшем для работы со сканами использовались программы Geomagic Studio и Rapidform XOR.

Результаты трёхмерного сканирования могут быть использованы как в демонстрационных целях, так и с целью уточнения данных, полученных в ходе археологических

работ. Стоит также отметить, что трёхмерное сканирующее оборудование появляется у всё большего количества археологических организаций. В качестве последнего примера реализации подобных работ на территории России можно привести исследования томских учёных по сканированию погребений на могильнике Зелёный Яр Ямало-Ненецкого автономного округа. Применявшийся для этих целей ручной 3D-сканер ZScanner 700сх удобен при сканировании небольших объектов, например, артефактов или человеческих останков, но он малоэффективен при сканировании крупных объектов, например, надмогильных кладок. Для этих целей целесообразней использовать Faro Laser Scanner Focus 3D.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А. В. Харинский.

Список литературы

Австралия: начато 3D-сканирование культурного наследия аборигенов [Электронный ресурс] // Веб-сайт Полит.ру. URL: <http://goo.gl/Q7pe4G> (дата обращения: 05.01.2014).

Археологическое исследование поля Бородинского сражения [Электронный ресурс] // Artex Group [офиц. сайт]. URL: <http://goo.gl/AkzLo3> (дата обращения: 05.01.2014).

Наука в 3D. В Томске создают трехмерные модели археологических объектов [Электронный ресурс] // Томский обзор [офиц. сайт]. URL: <http://goo.gl/yK6gKZ> (дата обращения: 08.01.2014).

Охранно-спасательные археологические исследования на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Триметари [офиц. сайт]. URL: <http://trimetari.com/ru/projects/4> (дата обращения: 05.01.2014).

Создание виртуальной 3D-модели Денисовой пещеры на Алтае [Электронный ресурс] // Триметари [офиц. сайт]. URL: <http://trimetari.com/ru/projects/74> (дата обращения: 05.01.2014).

Åhfeldt L. K. 3D-scanning at the Archaeological Research Laboratory 2006–2009. 2010 [электронный ресурс] // Institutionen för arkeologi och antikens kultur. URL: http://www.archaeology.su.se/polopoly_fs/1.36076.1320940185!/afl_rapport_13_3Dscan_Arch_Research_Lab.pdf (дата обращения: 05.01.2014).

УДК 903.2.„637”(292.511)

А. В. Никулина

Новосибирский государственный университет

Пространственный анализ памятников эпохи бронзы центральной части Барабинской лесостепи (с помощью ГИС-технологий)¹

Методы геоинформационных систем (ГИС) в настоящее время широко используются в практике археологических исследований. На территории Западно-Сибирской равнины до недавнего времени (2008–2011) специального анализа пространственного положения памятников практически не проводилось. С 2012 г. в рамках проекта РФФИ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-00045.

ведутся исследования адаптации древнего человека к природным условиям на основе ГИС-технологий.

Объектом настоящего исследования являются памятники эпохи бронзы центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский, Чановский, Куйбышевский, Барабинский и Здвинский районы Новосибирской области) (см. рисунок).

Фактическим материалом для данной территории стали своды памятников [Молодин, Новиков, Софеев, 2000; Археологические памятники..., 2011], список объектов культурного наследия Новосибирской области (по состоянию на 16.08.2012), а также база геоданных Венгеровского района, сформированная исследовательским коллективом. Для анализа использовались только объекты с хронологической привязкой. В результате было отобрано 62 памятника эпохи бронзы, для которых в ходе полевых работ были определены их географические координаты. Составленная база геоданных была использована для пространственного анализа и компьютерной картографии в программном пакете ArcMap. Цифровая модель рельефа SRTM была предоставлена сотрудниками ИГМ СО РАН и использовалась для построения геоморфологической картосхемы.

Бронзовый век исследуемой территории включает в себя разнообразные типы памятников. Абсолютное большинство (73 %) составляют поселения и стоянки. Курганные могильники составляют 17 %, наименьшее число памятников представлено грунтовыми могильниками (6 %) и городищами (4 %).

Одной из важнейших характеристик археологического памятника является его геоморфологическое положение. Основная часть памятников (46 %) приурочена к зоне контакта долинного и водораздельного типов рельефа (вблизи бровки водораздельной поверхности), в том числе на коренном берегу рек, близ крутого склона к руслу или пойме реки (см. рисунок). К этой группе относятся такие памятники, как Венгерово-3, Сопка-2, Бровка-2 и др. Около 32 % от общего количества составляют памятники, расположенные на уплощенной водораздельной поверхности (Шубинское Озеро-1, Казатово-1, Венгерово-8 и др.). Около 17 % объектов исследования (Старый Сад, Ембакуль-2, Погорелка-2 и др.) расположены на гривах. Меньше всего памятников (5 %) обнаружено в пределах долинного типа рельефа (Старый Тартас-1, Преображенка-2).

Необходимо отметить, что наибольшая концентрация объектов в пределах центральной части Барабинской лесостепи отмечается в пределах озеровидного расширения р. Оми («Урочище Таи»). Кроме того, в среднем течении рек Каргата и Чулыма можно также отметить повышенную концентрацию памятников эпохи бронзы (рисунок).

Вышеприведенные данные по типам памятников, их геоморфологическому положению и степени концентрации, по-видимому, связаны с особенностями древней экономики. Как известно, важнейшими отраслями деятельности людей в эпоху бронзы были охота, рыболовство и собирательство. Одновременно с этими присваивающими видами хозяйства постепенно начинает распространяться и производящая экономика. Скотоводство к этапу поздней бронзы становится одним из главных видов деятельности человека. В эпоху бронзы население активно осваивало наиболее низменные (приречные) территории [Анализ пространственного распределения..., 2013]. В это время важным фактором заселения территорий становится степень близости водных ресурсов, которые могли использоваться в качестве рыболовных угодий, а также удовлетворять нужды, возникающие при занятии скотоводством. Этим можно объяснить наибольшую концентрацию памятников в пределах Урочища Таи и в среднем течении рек Каргата и Чулыма.

Как известно, повышенная производительность биомассы возникает на стыках различных экосистем. Отмеченная выше высокая концентрация памятников в зоне контакта долинного и водораздельного типов рельефа может быть связана с тем, что такая

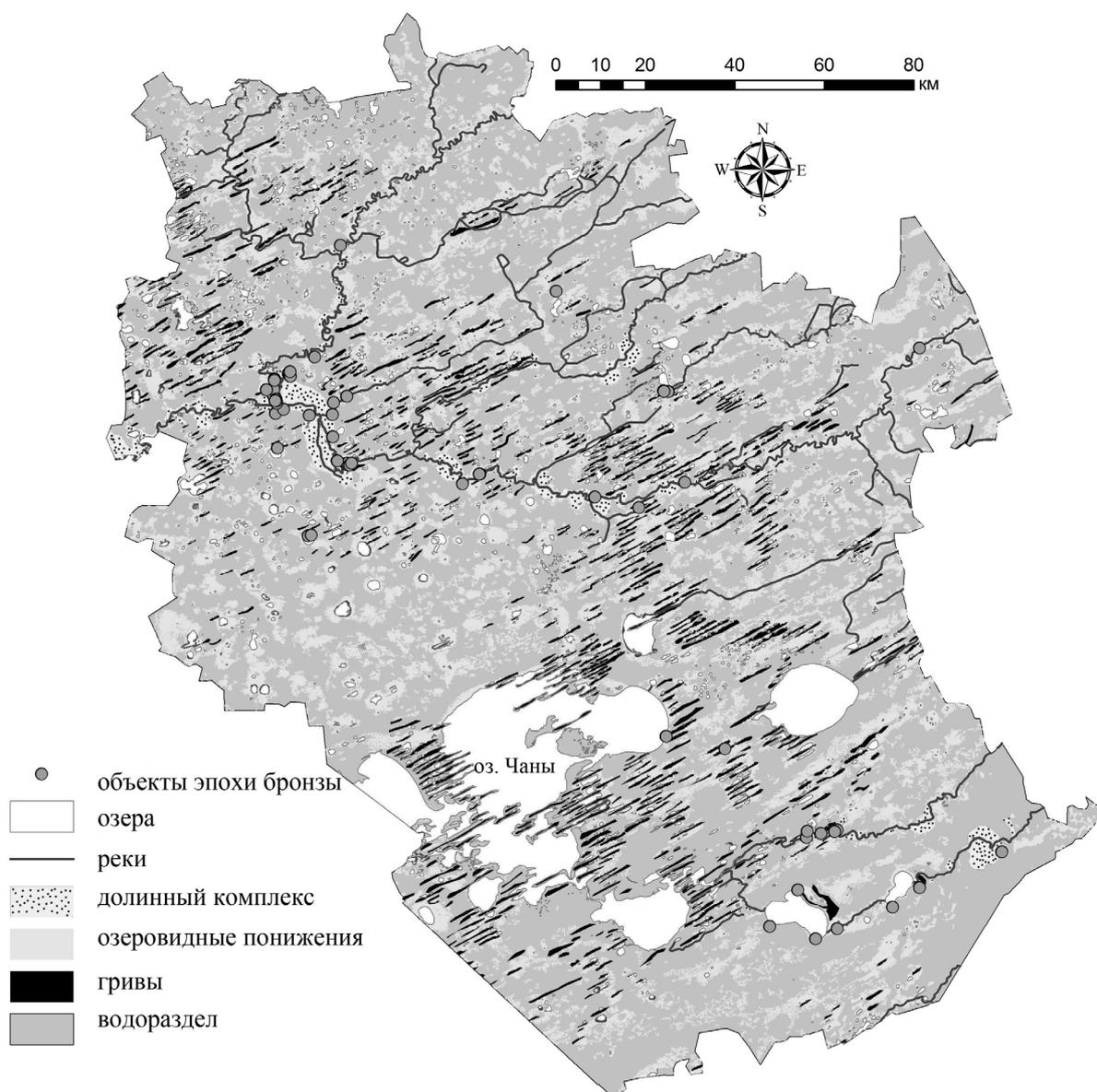

Рис. Археологические памятники эпохи бронзы центральной части Барабинской лесостепи

«пограничная» территория позволяла вести комплексную деятельность, включавшую не только охоту либо рыболовство, а также другие способы ведения хозяйства.

Проведенный анализ может способствовать определению закономерностей пространственного расположения не только памятников эпохи бронзы, но и других археологических эпох.

*Научные руководители: канд. ист. наук, доц. О. И. Новикова;
д-р геогр. наук Я. В. Кузьмин.*

Список литературы

Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. / В. И. Молодин [и др.]. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия; ИАЭТ СО РАН, 2011.

Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на

основе ГИС-технологий / Я. В. Кузьмин [и др.] // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12. Вып. 7. – С. 87 – 96.

Молодин В. И., Новиков А. В., Софейков О. В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 2000. – 223 с.

УДК 902.6:004.9

П. С. Пастухов

Алтайский государственный университет

Применение программного обеспечения Surfer на городище Елбанка

Геоинформационная система *Golden Software Surfer 8* в настоящее время является отраслевым стандартом построения графических изображений функций двух переменных. Особенно часто с помощью Surfer создаются карты в изолиниях (контурные карты). Непревзойдённым достоинством программы являются заложенные в ней алгоритмы интерполяции, которые позволяют с высочайшим качеством создавать цифровые модели поверхности по неравномерно распределённым в пространстве данным [Силкин, 2008, с. 5].

Применение пакета Surfer в археологии видится автору перспективным, так как это позволяет выявить некоторые объекты на памятнике археологии, лишь смоделировав палеорельеф, без сплошного вскрытия памятника. Тем самым облегчаются земляные работы, экономится время и средства, так как исследования можно проводить по уже готовому плану памятника. Наибольшую актуальность применение Surfer имеет при обследовании памятников археологии, находящихся в аварийном состоянии (можно выделить первоочередные участки для исследования, на которых разрушение идет наиболее сильно и быстро, а затем исследовать остальные участки такого памятника).

Стоит отметить, что данное программное обеспечение было с успехом использовано, например, для моделирования палеорельефа Новгородского Кремля [Петров, Трояновский, 1997], реконструкции древней поверхности в районе Ком Туман в Египте [Помогаев, 2003, с. 33] и в других исследованиях.

В данной работе приводятся результаты геофизических исследований с использованием обозначенного выше программного продукта на одном из интереснейших памятников фортификационного назначения – городища Елбанка. Памятник был открыт в 1903 г. Н. С. Гуляевым [Демин, 1989, с. 72]. В 1968, 1970 и 1971 гг. раскопки на нем проводила Э. М. Медникова, в 1987 г. – В. А. Могильников [Абдулганеев, 2001, с. 80].

Памятник находится в 2 км к востоку от с. Елбанка Усть-Пристанского района Алтайского края и в 4 км к юго-западу от выхода в пойму р. Оби ее левого притока – р. Чарыш, на останце левого берега последнего. Высота останца от поймы составляет 20–25 м, края его крутые, только с юго-западной стороны имеется пологий спуск. Восточная и юго-восточная кромки останца ранее размывались и интенсивно осыпались. Небольшие осыпи сохранились и до настоящего времени. В пологой части останец пересекается рвом шириной в верхней части 6–7 м и глубиной 1,0–1,2 м. Внутри укрепленной части и за ее пределами первоначально насчитывалось 36 неглубоких западин диаметром 4–6 м; часть из них была раскопана [Абдулганеев, 2001, с. 80].

Всего на городище Елбанка было вскрыто более 900 кв. м. В ходе раскопок выявлено шесть жилищ, хозяйственные и производственные ямы, остатки укреплений. Все жилища имели подпрямоугольную форму, неглубокие котлованы, выходы коридорного типа, каркасно-столбовую конструкцию стен и один-два очага. Четыре из них площадью от 23 до 38 кв. м располагались в ряд, вдоль северо-западной кромки останца, и были зафиксированы в северной части основного раскопа № 1. Раскоп № 2 был заложен в юго-западной напольной части городища. Была исследована площадь 16 кв. м. Третий раскоп перерезал ров, зафиксировав наличие системы укреплений (ров, вал, частокол) и использование её в течение двух хронологических периодов [Абдулганеев, 2001, с. 80].

Первым этапом работ на памятнике явился его осмотр с целью определения примерной площади проведения съемки местности. В ходе осмотра визуально были выделены такие объекты, как ров и вал, а также старый раскоп, который перерезал ров практически под прямым углом по линии северо-восток – юго-запад.

Затем был определен условный ноль с таким расчетом, чтобы первая линия координатной сетки перекрыла наибольшую площадь рва в его северной части, а вторая, третья и четвертая – южную и юго-восточную части. После этого построена координатная сетка прямоугольной формы размером 16 м в длину и 4 м в ширину, сориентированная по линии север–юг (для первой линии), 12 м в длину и 8 м в ширину – для второй и третьей линий, 12 м в длину и 4 м в ширину для четвертой. Сторона квадратов сетки составила 1 м ввиду достаточно большой площади обследуемого объекта и ограниченности исследования по времени. При большем шаге сетки окончательная карта рва памятника оказалась бы менее точной и не отражала бы его особенностей.

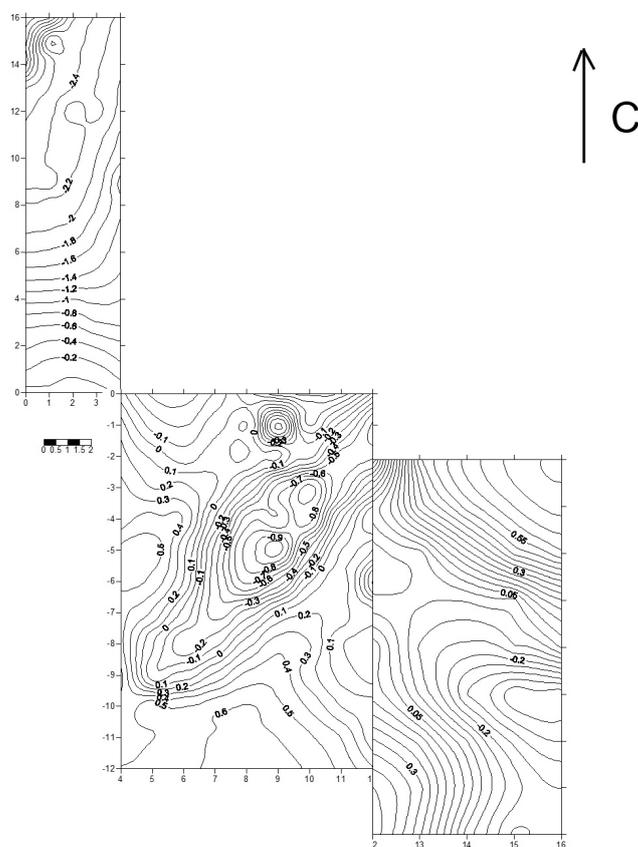

Рис. 1. Городище Елбанка. Контурная карта обследованной поверхности памятника

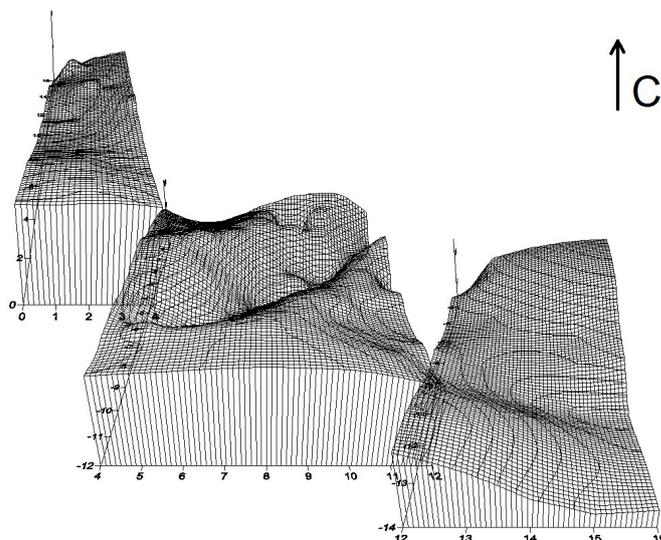

Рис. 2. Городище Елбанка. Объемная модель рельефа памятника

После проведения предварительных работ оптическим нивелиром Setl at20 была проведена нивелировка местности с последующим переводом абсолютных показаний в относительные. Затем показания были внесены в таблицу формата .xls в соответствии со стандартами Surfer.

В первой колонке таблицы указаны координаты всех точек относительно нуля по оси абсцисс, во второй – по оси ординат, а в третьей – по оси аппликат. Затем таблица была преобразована в сетку формата .grid в среде Surfer, после чего была создана контурная карта обследованной части памятника (рис. 1), а также карта поверхности и объемная модель рельефа (рис. 2).

На получившихся изображениях четко прослеживаются собственно ров, пересекающий его старый раскоп и часть вала. Применение Surfer позволило выявить эти элементы без проведения каких-либо земляных работ, что, на взгляд автора, может существенно упростить полевые археологические исследования, так как если произвести съемку на всей поверхности памятника, будут выявлены другие особенности микрорельефа, которые позволят провести точечные раскопки наиболее перспективных мест. Это весьма актуально, так как памятник является аварийным.

Стоит отметить, что данный опыт применения Surfer на памятнике был осуществлен впервые, поэтому в процессе работ не удалось избежать некоторых ошибок. Так, нужно было более грамотно спланировать работы по разметке, чтобы избежать получившегося на готовой карте «разрыва» между первой и остальными линиями, в который попала небольшая часть рва. На этапе нивелировки стоило вначале проанализировать всю размеченную площадь с тем, чтобы избежать искажений в измерениях от более поздних объектов (кротовины, корни, муравейники). В перспективе планируется продолжить работы по съемке памятника с учетом выявленных рекомендаций методического характера.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. С. П. Грушин.

Список литературы

Абдулганеев М. Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии: межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 2001. – № 6. – С. 80 – 88.

Демин М. А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1989. – 120 с.

Петров М. И., Трояновский С. В. Моделирование палеорельефа исторической территории на примере Новгородского Кремля // *Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики*: тр. IV конф. АИК. – М., 1997. – С. 108 – 113.

Помогаев О. Н. Применение GPS-аппаратуры Trimble для археологических исследований // *Геопрофи.* – 2003. – № 1. – С. 31 – 38.

Силкин К. Ю. Геоинформационная система Golden Software Surfer 8: учеб.-метод. пособие для вузов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – 66 с.

УДК 902.674

М. О. Сидорова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Первые дендрохронологические исследования на материалах памятника Сузунский завод (по данным раскопок 2012 г.)

Сузунский медеплавильный завод был основан по именному указу Екатерины II от 7 ноября 1763 г. в связи с необходимостью начать чеканку монет на территории Сибири. Сузунский медеплавильный завод – это памятник промышленного и горнозаводского этапа освоения Сибири XVIII–XIX вв. Он был построен в 1764 г., работал до 1914 г.

В ходе строительства завода была сооружена плотина на реке Нижний Сузун, из-за которой образовался пруд, позволивший функционировать гидротехническим сооружениям завода. В число этих сооружений входили: плотина, водоспуск, сливной мост, ларевой порез и ряжи, большой и малый лари, канал для стока отработанной воды. Значительная часть гидротехнических сооружений завода и фрагменты водораспределительных механизмов сохранились до настоящего времени. При раскопках на территории завода, проведенных Новосибирским государственным краеведческим музеем в 2010–2012 гг., были найдены фрагменты капитального ларя – основной части деревянного водораспределительного механизма. По нему на территорию медеплавильного завода поступала вода из пруда, а также фрагменты разводящего ларя – 14-метрового участка деревянного желоба для воды [*Памятники истории, архитектуры...*, 2012, с. 29].

На территории памятника располагаются остатки сооружения, построенного во второй половине XIX в. – «толчей». Здание предназначалось для производственных целей – измельчения известкового камня. Это единственная уцелевшая постройка из сооружений Сузунского медеплавильного завода [*Памятники истории, архитектуры...*, 2012, с. 273].

Благодаря археологическим раскопкам появилась возможность соотнести исторические данные о времени сооружения объектов Сузунского завода с данными археологических исследований посредством метода дендрохронологии.

Сузунский завод прошел несколько стадий перестройки. Его строительство началось в мае 1764 г. К ноябрю уже были сооружены плотина, плавильное отделение и т. д. Однако в 1765 г. случился пожар, из-за которого сгорели почти все постройки. Строительство началось заново и в 1766 г. завершилось. В последующие годы завод достраивали, так как требовались новые печи для увеличения выплавки меди, плавки на серебро,

ремонтровалась плотина и здания. В 1786–1787 гг. плавильную фабрику перестроили из деревянной в кирпичную. В 1818 г. были проведены большие работы по реконструкции оборудования монетного двора. Большинство фабрик были деревянные, поэтому пожар часто вредил производству. Следующий пожар произошел в 1828 г., тогда сгорела цилиндрическая машина монетного двора, но ее вновь отстроили к 1829 г. Самый крупный пожар случился 25 ноября 1847 г. Монетный двор полностью сгорел, и его было решено закрыть. После пожара остался работать только медеплавильный завод, он утилизировал отходы всех алтайских заводов и был закрыт последним в начале XX в. [Масленниковский, 2006, с. 28].

Источником для выполнения дендрохронологического анализа послужили образцы древесины из раскопок Сузунского завода, проведенных в 2012 г. Выборка составила двадцать образцов. Мы выделили шесть групп образцов, которые определялись их местонахождением. Это спилы от бревен капитального ларя, ларя у толчельни, забора, сваи водоотводного канала, а также образцы, найденные в раскопе № 6 и дренажной канаве.

В ходе измерений мы установили, что возраст семи образцов не превышает 50 лет, что затруднило проведение перекрестного анализа. Во-первых, в первые десятилетия рост годовых колец молодых деревьев отличается большей нестабильностью. Во-вторых, для коротких относительных хронологий сложнее проводить перекрестное датирование из-за более высокой неопределенности результатов. Тем не менее нам удалось провести корреляцию между образцами № 1–3 (ларь у толчельни), 7 (дренажная канава), 11 и 13 (капитальный ларь). Возраст образцов варьирует от 30 до 126 лет. При перекрестном датировании показатель корреляции *gleichlaufigkeit* (процент сходства изменчивости) составил 61,2–81,8 %. В результате по данной серии образцов построена относительная шкала в 137 лет.

При сравнении остальных индивидуальных древесно-кольцевых рядов зафиксировано сходство только в отдельных случаях. Для некоторых образцов древесины не удалось обнаружить сходства.

Особо стоит отметить пять спилов из раскопок Сузунского завода, которые отличаются наибольшей длительностью древесно-кольцевых рядов – от 120 до 304 лет. Три из них найдены при раскопках дренажной канавы, два другие – это фрагменты ларя у толчельни и сваи водоотводного канала. Перекрестное датирование данных образцов между собой не дало определенных результатов.

Для абсолютного датирования были отобраны пять наиболее длительных рядов, насчитывающих от 120 до 304 лет, и взят обобщенный ряд в 137 лет. Перекрестное датирование рядов из Сузунского завода проводилось по дендрохронологическим шкалам Бурлинского и Касмалинского ленточных боров, которые относятся к группе Алтайских боров на юге Западно-сибирской равнины. Бурлинская лента является самой северной, располагается между р. Обью и р. Бурла, южнее проходит Касмалинская лента, которая начинается в пойме р. Оби [Малышева, Быков, 2011, с. 36].

В результате перекрестного датирования на данном этапе не удалось получить однозначные абсолютные даты из-за слабого сходства древесно-кольцевых хронологий. В настоящий момент можно говорить о предварительных данных лишь по одному образцу № 19 (ларь у толчельни). Он дал дату последнего кольца 1914 г., при этом средняя корреляция со шкалой из Касмалинского бора составила 0,26, а с хронологиями из северо-западных предгорий Алтая – 0,35¹.

¹ Автор выражает благодарность Наталье Викторовне Рыгаловой (Малышевой), АлтГУ, за предоставленные данные по Алтайским ленточным борам.

Таким образом, для получения абсолютных дат, скорее всего, необходима дендрохронологическая шкала, построенная по древесине из Сузунского района, так как с высокой степенью вероятности можно предположить, что деревья для нужд завода происходили именно с близкой территории. Дальнейшие исследования помогут ответить на поставленные вопросы.

Научный руководитель – канд. ист. наук И. Ю. Слюсаренко.

Список литературы

Малышева Н. В., Быков Н. И. Дендрохронологические исследования ленточных боров юга Западной Сибири. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – 125 с.

Маслениковский С. И. Сузунский монетный двор. – Барнаул, 2006. – 68 с.

Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: в 2 кн. Кн. 2. Районы и города Новосибирской области / А. В. Кошелев [и др.]. – Новосибирск, 2012. – 334 с.

Список использованных сокращений

- АИК – Ассоциация «История и компьютер».
- АГУ – Алтайский государственный университет.
- АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия.
- АмГУ – Амурский государственный университет.
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.
- АО – Археологические открытия.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- АЭ – Археологическая экспедиция.
- БГУ – Бурятский государственный университет.
- БГУЭП – Байкальский государственный университет экономики и права
- ВАУ – Вопросы археологии Урала.
- ВДИ – Вестник древней истории.
- ВИНИТИ РАН – Всесоюзный институт научной и технической информации РАН.
- ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
- ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт.
- ВЦК НТА – Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита.
- ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАКО – Государственный архив Кемеровской области.
- ГИДУВ – Государственный институт для усовершенствования врачей.
- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ГОУ – Государственное образовательное учреждение.
- ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук.
- ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет.
- ЗабГУ – Забайкальский государственный университет.
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
- ИГиМ СО РАН – Институт геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук.
- ИГУ – Иркутский государственный университет.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры.
- ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.
- ИКН – Историко-культурное наследие.
- ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
- ИЭ АН СССР – Институт этнографии Академии наук СССР.
- ИЭЧ СО РАН – Институт экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук.

КазУМОиМЯ – Казахский университет международных отношений и мировых языков.

КАЭ ИГУ – Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета.

КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет

КГУ – Красноярский государственный университет.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.

КОРГО – Красноярский отдел Русского географического общества.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСХИ – Красноярский сельскохозяйственный институт.

КУОО «ИАОО» – Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области».

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

МАР – Материалы по археологии России.

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук.

МГУ – Московский государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция.

НПЦ – научно-производственный центр.

НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

ОАН – объект археологического наследия.

ОГАУ ЦСН – Областное государственное автономное учреждение «Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области».

ОГУ – Омский государственный университет.

ОДП ГАГУ – Отдел делопроизводства Горно-Алтайского государственного университета.

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет.

ПГУ – Пермский государственный университет.

ПИК – Производственно-издательский комбинат.

РА – Российская археология.

РАН – Российская академия наук.

РИО КГПУ – Редакционно-издательский отдел Красноярского государственного педагогического университета.

РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия.

СА – Советская археология.

СAAЭ – Северо-Ангарская археологическая экспедиция.

САИ – Свод археологических источников.

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.

СахГУ – Сахалинский государственный университет.

СГПУ – Самарский государственный педагогический университет.

СООКН – Служба охраны объектов культурного наследия

СПБГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

СФУ – Сибирский федеральный университет.

ТГУ – Томский государственный университет.

ТИНРО – Тихоокеанский научно-исследовательский рыбохозяйственный центр.
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
ТФГИ по СФО – Территориальный фонд геологической информации по Сибирскому
федеральному округу.
ТюмГУ – Тюменский государственный университет.
УрГУ – Уральский государственный университет.
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.
ХАО – Хакасская автономная область
ХККМ – Хабаровский краевой краеведческий музей.
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ.
ХНИИЯЛИ – Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и
истории
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет.
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
История, теория и методология археологии	6
<i>Барышев И. С.</i> Корпоративная культура археологических экспедиций	6
<i>Бодрова А. А.</i> Археология и «историческая семантика»	9
<i>Василевская А. В.</i> Иннокентий Васильевич Тюшняков – неизвестный исследователь Енисейского края	11
<i>Глушкова А. В.</i> К вопросу о методике морфологического описания крестов-тельников	13
<i>Гурулев Д. А.</i> Подходы к изучению смешанных комплексов неолита – бронзового века в археологии Северного Приангарья	17
<i>Гусельникова М. В.</i> Сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея Т. А. Полухин	19
<i>Зотов И. А.</i> О некоторых вопросах изучения археологических микрорайонов	21
<i>Исмайылова Э. Р.</i> Архивные материалы о становлении и развитии кафедры археологии КемГУ в 1970 - 1980 гг.	23
<i>Караченцев И. С., Струков Д. В.</i> Сведения о памятниках древней металлургии Чуйско-Курайского металлургического района по данным геологов	26
<i>Киссер Т. С.</i> Систематика народов в трудах И. Г. Георги	28
<i>Малицкая А. А.</i> Первое описание археологической коллекции Красноярского музея	31
<i>Никулин Д. О.</i> Взгляды Дж. Марингера на развитие каменного века Внутренней и Внешней Монголии	33
<i>Побегуц К. В.</i> История открытия и исследования археологического района Тыткескень (левобережье нижнего течения р. Катунь)	35
<i>Спиненко О. В.</i> Хозяйственное освоение окрестностей озера Колыванского в древности	38
<i>Тишкина К. А.</i> Использование материалов М. В. Швецовой в трудах современных исследователей	40
<i>Чеха А. Н.</i> Комплексы эпохи неолита – бронзы Усть-Кутарейского археологического микрорайона: к постановке проблемы	42
<i>Ялин Д. О., Кузнецова О. С.</i> Инструктивно-обучающий семинар в полевом лагере археологической экспедиции	45
Археология каменного века	48
<i>Балыбердина П. А.</i> Неолитический комплекс керамики поселения Красное Плотбище	48
<i>Барков А. В.</i> Нуклеусы палеолитической стоянки Малая Сья	50
<i>Блинов А. С., Филатов Е. А.</i> Новый этап исследований на многослойном поселении Усть-Менза-5	52

<i>Вдовенкова М. В.</i>	
Клад неолитических предметов из поселения Проспихинская Шивера-IV.....	54
<i>Веселовская В. А.</i>	
«Атипичные» орудия палеолитического комплекса Малая Сыя (Хакасия)	57
<i>Викулова Н. О.</i>	
Древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая)	59
<i>Горбунова В. А.</i>	
Использование талька древним населением Среднего Зауралья	61
<i>Гынми Ким</i>	
Некоторые особенности погребальной обрядности юга корейского полуострова в эпоху неолита	64
<i>Козликин М. Б., Меркурьева А. А.</i>	
Особенности каменного сырья верхнего течения реки Ануй на Алтае (по данным экспериментального расщепления)	66
<i>Кравцова А. С.</i>	
Палеоиндейский период тропической Америки: основные характеристики и палеоклиматические реконструкции	68
<i>Кузнецов А. М.</i>	
Рыболовный инвентарь из раннеголоценовых отложений на многослойном памятнике Остров Лиственничный в Северном Приангарье	71
<i>Медведева Н. А.</i>	
Экспериментально-трасологическое исследование каменного сырья Енисейского края	73
<i>Мешкова А. Е.</i>	
Изделия неутилитарного характера с отверстиями крупного диаметра.....	75
<i>Павленок Г. Д.</i>	
К вопросу о периодизационной атрибуции стоянки Усть-Кяхта-3 (слой 2).....	78
<i>Пушаева Л. А.</i>	
Каменные изображения рыб с поселения Скородумный Бык на Ангаре	80
<i>Смычагина Д. В.</i>	
Возможности и проблемы применения планиграфического анализа при работе с малоинформативными источниками (на примере материалов стоянки Малая Сыя).....	83
<i>Тупахин Д. С.</i>	
Технологический анализ каменного инвентаря поселения Горный Самотнел-I	86
<i>Уланов И. В.</i>	
Новые аспекты формовочной техники шнуровой керамики посольского типа.....	89
<i>Шалагина А. В.</i>	
Технологический анализ тронкированно-фасетированных изделий грота Оби-Рахмат (Узбекистан)	91
<i>Шнайдер С. В.</i>	
Технологический анализ мезолитических комплексов памятника Туткаул (Таджикистан).....	93
Археология бронзового и раннего железного века	97
<i>Бутакова А. Ю.</i>	
Мегалиты северо-востока Китая	97
<i>Вальков И. А.</i>	
Костяные орудия скорняжного производства елунинской археологической культуры (по материалам поселения Березовая Лука).....	98
<i>Веретенников А. В.</i>	
Комплекс раннего железного века с поселения Автодром 2.....	100
<i>Вершинина З. А.</i>	
К вопросу о реконструкции процесса прядения по материалам памятников позднебронзового века Урала и Казахстана	103
<i>Вильданова Е. В.</i>	
К вопросу о существовании катафрактариев у ранних кочевников Южного Урала	106

<i>Гильмитдинова А. Х.</i>	
Женские погребения ранних кочевников Южного Урала (вторая половина VI – II в. до н. э.)	108
<i>Головченко Н. Н.</i>	
Гривны в материальной культуре населения скифского времени Верхнего Приобья	110
<i>Данилова О. С.</i>	
Роль коня в повседневной жизни номадов степной Евразии I тыс. до н. э. (в сообщениях античных авторов и по археологическим данным)	113
<i>Залётова Е. Н.</i>	
Строительные жертвы в культурах неолита и палеометалла Приморья	115
<i>Иванова Д. П.</i>	
Общая пропорциональность сосудов андроновской (федоровской) культуры (на примере памятников Старый Тартас-4 и Тартас-1)	118
<i>Комина О. С.</i>	
Проблемы изучения раннего этапа тагарской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи (по материалам новых исследований Большепичугинского могильника)	120
<i>Корчуганова Д. К.</i>	
Традиции домостроительства в бронзовом веке Западной Сибири	123
<i>Кудряшов Д. Г.</i>	
Предварительные результаты исследования керамического материала эпохи железного века памятника Красная Сопка II	125
<i>Леонтьева Д. С.</i>	
Особенности орнаментации андроновской поселенческой керамики лесостепного и степного Алтая	127
<i>Медведева П. С.</i>	
Отпечатки ткани на сосудах бронзового века Южного Зауралья	130
<i>Пак Кюджин</i>	
Культура раннего железного века фэнлинь на северо-востоке Китая и племена уцзи	132
<i>Петров М. С.</i>	
Новые андроновские памятники в Южном Зауралье	134
<i>Плац И. А.</i>	
К проблеме так называемых глиняных шаров	137
<i>Саттаров Р. Р.</i>	
Современные проблемы в изучении пьяноборской культуры на территории Западного Приуралья в раннем железном веке	140
<i>Селин Д. В.</i>	
Керамика восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-I: статистическое исследование	142
<i>Трусова Е. В.</i>	
Керамические комплексы поселения Устье Кожуха-1 (предварительный анализ)	145
<i>Фёдоров С. В., Дударёк С. П., Лохов Д. Н.</i>	
Погребение со стоянки имени Генералова на реке Чуне	147
Археология Средневековья	150
<i>Абакумова О. С.</i>	
К вопросу миграции приуральского населения в Нижнее Приобье в средние века	150
<i>Андреев О. В.</i>	
Согнутое рубящее оружие в погребальных памятниках енисейских кыргызов	152
<i>Бычков Д. А.</i>	
Экспериментальные исследования конструкции сигнальных кострищ городища Усть-Черная Шилкинской системы городищ	155
<i>Веренская А. В.</i>	
«Престижные вещи» в прибайкальских погребениях конца I тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э.	157

<i>Веселовская В. А., Кишкурно М. С.</i>	
Охранные раскопки городища Ивановское-5 в 2013 г. и проблема его культурной принадлежности.....	160
<i>Гультияева К. Я.</i>	
Погребения дарасунской культуры могильника Балаганная-1.....	162
<i>Иващенко А. В.</i>	
Подвески в виде протом животных в погребальных памятниках енисейских кыргызов.....	164
<i>Коксегенова А. Б.</i>	
Караханидские монеты на территории Синьцзяна.....	167
<i>Ларионова Е. И.</i>	
Типология золотоордынских зеркал с территории юга Западной Сибири.....	168
<i>Лисина Е. А.</i>	
Браслеты средневекового населения Северного Приангарья.....	171
<i>Макарова О. А.</i>	
Ритуальное захоронение XII – XIV вв. из Восточного Забайкалья.....	173
<i>Макиевский Е. В.</i>	
Исследования средневекового могильника Усть-Терсюк-3 в Нижнем Приисетье.....	175
<i>Маркс А. В.</i>	
Исследование каменных оборонительных сооружений Центрального Алтая.....	178
<i>Морозова О. В.</i>	
Роговые изделия из пещеры Туристов (р. Чусовая).....	181
<i>Моряхина К. В.</i>	
Браслеты усьвинской группы памятников юго-восточного варианта ломовато-родановской общности.....	183
<i>Номоконов А. А.</i>	
Каменоломни монгольского времени в пади Могойтуй (юго-восточное Забайкалье).....	186
<i>Носова Л. И.</i>	
Захоронение ребенка из средневекового могильника Петищи-I.....	188
<i>Пашенцев П. А.</i>	
Археологические источники, относящиеся к культуре тобинитай в южной части острова Уруп: итоги предварительного изучения.....	190
<i>Стоякин М. А.</i>	
О характере оборонительных валов в Яньбяне.....	192
<i>Ухинов З. Ч.</i>	
Погребения XII – XIV вв. могильников Улан-Хада – I и III в Восточном Забайкалье.....	194
<i>Щербакова А. В.</i>	
Проблема культурной принадлежности средневековых памятников Кузнецкой котловины на рубеже IX–X вв. в концепциях исследователей.....	196
Антропология, этнология и этноархеология.....	199
<i>Алексеев Г. Г.</i>	
Памятники корейской этноархеологии на территории полуострова Краббе (Хасанский район, Приморский край).....	199
<i>Вишнякова А. А.</i>	
Сибирский шаманизм и экстатические состояния: к историографии вопроса.....	201
<i>Гаврилов С. С.</i>	
Перспективы существования традиционных верований и религиозных практик тунгусов в трактовке С. М. Широкогорова.....	203
<i>Галева Н. Ф.</i>	
Религиозный синкретизм в фольклоре татар севера Омской области (на примере образа шайтана).....	206

<i>Герих А. В.</i>	
Значение палеоантропологических исследований для изучения уровня здравоохранительной базы в Иркутске в XVIII – начале XIX в.	208
<i>Кишкурно М. С.</i>	
Краниологическая характеристика палеоантропологической серии каменной культуры из могильника Верх-Сузун-5	211
<i>Коновалова А. А.</i>	
Музыкальные инструменты народов Камчатки	212
<i>Коптяева Е. А.</i>	
Этнические стереотипы в современном мире	215
<i>Лаврищук Е. М.</i>	
Семейно-брачные отношения оомолонских эвенов	217
<i>Лопалева А. А.</i>	
Семантика орнамента колымских эвенов	220
<i>Люля Н. В.</i>	
Свадьба украинского населения Егорьевского района Алтайского края конца 1940 – начала 1950-х годов как результат межэтнического взаимодействия	222
<i>Михайлова Я. С.</i>	
Современные религиозные воззрения усинских тувинцев	224
<i>Налетова Е. В.</i>	
Религиозная символика костюма современных бурятских шаманов	227
<i>Павлёнок М. О.</i>	
Статус шорской женщины в современном и традиционном обществе	229
<i>Пантелеева А. А.</i>	
Старообрядческие общины города Иркутска	231
<i>Рыговский Д. С.</i>	
Маркирование сакрального пространства в духовной культуре старообрядцев: на примере почитаемых мест белокриничских староверов Западной Сибири в конце XX – начале XXI века	234
<i>Сокольская А. К.</i>	
Маски народов Севера Дальнего Востока России	236
<i>Татауров Ф. С.</i>	
Маркеры социального статуса русского сибиряка в конце XVI – середине XVIII в. по материалам археологических исследований Западной Сибири	238
<i>Фаистов Т. Н.</i>	
Русская артиллерия в Сибири в конце XVI – первой половине XVII в.	240
<i>Шинкевич П. П.</i>	
Влияние аграрных переселений XX века на русское население Западной Сибири	243
<i>Южакова А. В.</i>	
Новые краниологические материалы позднесредневекового населения Среднего Прииртышья (могильник Чеплярово 27)	245
Музееведение и охрана культурного наследия	249
<i>Глухов А. В.</i>	
Некоторые результаты работ Центра археологических исследований «Бохай» в 2013 г.	249
<i>Голубев М. Е.</i>	
Памятники историко-культурного и природного наследия Горной Шории	250
<i>Даньшина А. О.</i>	
Поселение бронзового века Березовая Лука: подходы к сохранению и музеефикации	252
<i>Дорохина А. А., Ануфриева Е. И., Пахомова Т. А.</i>	
Проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница»	254
<i>Кокарева А. С.</i>	
Музеи на местах археологических раскопок в городской среде	257

<i>Кочкина Е. И.</i>	
Современное состояние и проблемы музеефикации писаницы «Ленкова гора».....	260
<i>Маркс В. В.</i>	
Помосты сибирских острогов.....	262
<i>Первухина А. А.</i>	
Охранные археологические исследования культурного слоя города Курган на территории усадьбы Шишкиных-Смолиных	264
<i>Савинова А. С., Михайлова М. В.</i>	
Проблема разрушения памятников культурного наследия острова Ольхон	266
<i>Сайберт В. О.</i>	
Особенности и перспективы городской археологии.....	269
<i>Усов А. В.</i>	
К вопросу о юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры Российской Федерации	271
Первобытное искусство	274
<i>Ануфриева Е. И., Пахомова Т. А., Дорохина А. А.</i>	
Результаты исследования петроглифов на озере Тус.....	274
<i>Баженова И. В.</i>	
Научные исследования горы Курмантал в Кош-Агачском районе	278
<i>Батаргина И. А.</i>	
Орнаментированные плитки Торгажакской изобразительной традиции	280
<i>Евлюхина К. А.</i>	
Скульптурные изображения медведя на памятниках Среднего Зауралья	281
<i>Елтышева И. В.</i>	
Расчистка петроглифов комплекса Улазы от лишайников (предварительные результаты)	284
<i>Иванова Д. А.</i>	
Антропоморфные и зооморфные изображения на сосудах среднего Дзёмона (о. Хонсю).....	287
<i>Коренюк М. С.</i>	
Изображения пресмыкающихся в материалах Гляденовского кострища	289
<i>Куликова А. С.</i>	
Изображения водных транспортных средств в петроглифах Евразии как исторический источник.....	292
<i>Ладыгина Ю. М.</i>	
О новом изображении «роженицы» с горы Тепсей	295
<i>Ланцева Е. И.</i>	
Толбагинская скульптура головы медведя как отражение натурального макета.....	297
<i>Мальцев Р. К.</i>	
Проблема датировки изображения всадника с Тепсей III (к продолжению дискуссии)	300
<i>Сазонова О. М.</i>	
Исследование петроглифов Среднего Енисея Р. В. Николаевым в 1955 году.....	303
<i>Талягина М. А., Аболонкова И. В.</i>	
Об одной плоскости горы Тепсей (стилистическая и хронологическая интерпретация изображений)	306
<i>Широких Д. А.</i>	
Новые данные о пещерной живописи Урала.....	308
<i>Шишкина О. О., Аболонкова И. В.</i>	
Петроглифы на курганных камнях под горой Тепсей	311
Междисциплинарные исследования	314
<i>Малков Ф. С.</i>	
Использование 3D-сканеров для фиксации погребальных комплексов на примере могильника Окошки 1 в юго-восточном Забайкалье.....	314

<i>Никулина А. В.</i>	
Пространственный анализ памятников эпохи бронзы центральной части Барабинской лесостепи (с помощью ГИС-технологий).....	316
<i>Пастухов П. С.</i>	
Применение программного обеспечения Surfer на городище Елбанка	319
<i>Сидорова М. О.</i>	
Первые дендрохронологические исследования на материалах памятника Сузунский завод (по данным раскопок 2012 г.).....	322
Список использованных сокращений.....	325

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР
НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

LIV Региональная
(X Всероссийская с международным участием)
археолого-этнографическая конференция студентов, аспирантов
и молодых ученых, посвященная 130-летию открытия Афонтовой горы
и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры

(Красноярск, 25–28 марта 2014 года)

Подготовлено к публикации Издательским центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета

Подписано в печать 04.02.2014. Формат 60×84/8.
Печать плоская. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 42,0. Тираж 100 экз. Заказ № 2725

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел./факс (391) 206-21-49, e-mail: rio@lan.krasu.ru

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел./факс (391) 206-26-67, 206-26-49
E-mail: print_sfu@mail.ru; <http://lib.sfu-kras.ru>